М.И. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

К ЛУЧШЕМУ БУДУЩЕМУ

серия "НАУЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ"

М.И.ТУГАН-
БАРАНОВСКИЙ

К ЛУЧШЕМУ БУДУЩЕМУ

серия "НАУЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ"

МОСКВА
РОССПЭН
1996

Издание
осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 96-03-16220

Серия "Научная философия"

Редакционная коллегия
А.А.Воронин, А.П.Огурцов, В.А.Смирнов

Составление, подготовка текста, вступительная статья и примечания
К.В.Сорвин

Составление библиографии
В.Д.Сорвин

М.И.Туган-Барановский
К лучшему будущему. Сборник социально-философских произведений. – М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 1996. – 528 с.

В сборник включены социально-философские произведения известного русского экономиста конца XIX-начала XX вв. профессора М.И.Туган-Барановского: фрагменты популярной в дооктябрьской России книги "Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма"; публицистические статьи, объединенные М.И.Туган-Барановским в сборнике "Клучшему будущему", и его последний фундаментальный труд "Социализм как положительное учение".

Глубина и логичность анализа, простота изложения, яркий и образный язык, свойственные работам ученого, делают их доступными и полезными не только специалистам, но и самому широкому кругу читателей, интересующихся философией, социологией, прошлым и будущим России.

ISBN 5-86004-042-3

© "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН),1996.
© Сорвин К.В. Составление, подготовка текста, вступительная статья, примечания
© Сорвин В.Д. Составление библиографии

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди выдающихся экономистов прошлого найдется немало имен, чье творчество невозможно представить себе, ограничившись исключительно областью экономической науки. Среди них по праву занимает свое место всемирно известный экономист рубежа XIX-XX вв., наш замечательный соотечественник М.И.Туган-Барановский. Экономическая теория, философия и политическая публицистика переплелись в творчестве ученого с первых шагов его научной деятельности, никогда не носившей всецело академического характера, но всегда обостренно-личностно направленной в гущу социально-политической жизни России.

М.И.Туган-Барановский вступил в общественно-политическую и научную жизнь страны в 90-е гг. XIX в. — один из наиболее насыщенных, ярких и противоречивых периодов нашей истории. Он был потомственным дворянином, ведшим свой род от татарских ханов (Туган) и польских шляхтичей (Барановских), но, как и большинство российских интеллигентов той эпохи, жил мечтой о новой, свободной России. Уроженец харьковской губернии (родился 8 января 1865 г.), Михаил Иванович получил классическое образование и первоначально сферой своей деятельности избрал естественные науки, поступив на физико-математический факультет университета. Однако, постепенно интерес М.И. Туган-Барановского все более смещался в сторону социальных наук, и в итоге, почти одновременно с завершением своей физико-математической специализации, он сдает экстерном экзамены по курсу юридического факультета, в рамках которого в то время преподавались экономические науки. Лавры на новом поприще пришли к Михаилу Ивановичу практически сразу — мировую славу экономиста снискала ему уже первая крупная работа — защищенная в качестве магистерской диссертации книга

«Промышленные кризисы»[1], всего через несколько лет после выхода в свет переизданная на немецком, а затем и французском языках. Прошло всего четыре года. а свет увидел уже новый фундаментальный труд «Русская фабрика в прошлом и настоящем»[2], заставивший заговорить об авторе как об одном из наиболее крупных представителей антинароднического направления в русской общественной мысли тех лет.

Казалось бы, фортуна благоволила к совсем еще молодому экономисту, открывая перед ним двери блестящей карьеры на поприще чистой науки, преподавательской деятельности, государственной службы. Однако судьба распорядилась иначе. За участие в студенческих волнениях приват-доцент Петербургского университета был выслан из столицы, лишен места на университетской кафедре, отправлен под полицейский надзор. Вернуться в эпицентр политической жизни России ему удалось лишь после поражения революции 1905 г. В этот период, работы Туган-Барановского, не теряя своей фундаментальности, начинают приобретать все более острый, политический характер, и все чаще начинает в них звучать столь нехарактерная для экономистов философская проблематика.

Само по себе обращение ученого к философии было далеко не редким явлением для России тех лет, как будто специально подтверждавшей гегелевский афоризм о «сове Минервы, которая вылетает только в сумерках». Однако философская позиция Туган-Барановокого стоит во многом особняком среди мировоззренческих идей, занимавших отечественную интеллигенцию на рубеже XIX — XX столетий. Популярные в те годы различные направления мистицизма, которым отдал дань даже такой титан мысли, как Вл.Соловьев, оставили Туган-Барановского абсолютно к себе равнодушными не нашло отклика в душе и повальное увлечение петербургской и московской «богемой» различными направлениями фрейдизма, символизма, иррационализма... Не в большей степени его влекли весьма распространенные среди ученых тех лет идеи субъективно-

[1] «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшие влияния на народную жизнь». СПб., 1894 (об остальных изданиях см. библиографию).

[2] Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. Т.I: Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. СПб., 1898.

идеалистической философии Маха и Авенариуса, а также различные варианты естественно-научного материализма. И даже такой кумир Европы начала века, как Ф.Ницше, был для Михаила Ивановича не более, чем лишь одним из видных представителей философского волюнтаризма. Подобное отношение Туган-Барановского к господствующим идейным течениям своего времени явилось отнюдь не случайным — его интерес к философии не был, как для большинства российских интеллигентов, связан с радикальной утратой духовых ценностей и ориентиров — напротив, в его лице мы видим перед собой уникально цельную и устойчивую натуру с гуманистическим мировоззрением, основные принципы которого на протяжении всей жизни ни разу не были поставлены им под сомнение. И если он обращался к серьезным размышлениям над классической философской проблематикой, то лишь в силу того, что невероятно обостренно чувствовал имманентную ограниченность экономической науки и научного подхода вообще, прекрасно понимая, что познание необходимости не может быть, да и не должно являться единственным основанием свободы. Вдумайтесь, уважаемый читатель, много ли вы сумеете вспомнить ученых, добившихся мирового признания в своих областях, но при этом не просто устоявших перед соблазном абсолютизировать достижения собственной науки, но напротив, открыто заявивших бы о ее имманентных границах?

Как критик абсолютистских притязаний научной рациональности, Туган-Барановский всего ближе был, естественно, к Канту — философу, на протяжении всей жизни вызывавшему в душе русского экономиста неподдельный восторг. Тем не менее, кантианской в строгом смысле слова его позицию назвать нельзя — как в отличие от современного ему европейского неокантианства (баденская и марбургская школы), так и от немногих представителей этого направления в России (А.И. Введенский, И.И. Лапшин), Михаил Иванович никогда не разделял общий для них гносеологический скептицизм — известное учение о непознаваемой «вещи в себе». Как ученый-практик, он не мог позволить себе роскоши сомневаться в объективности результатов науки, но тем интереснее только становится его приверженность кантовскому этическому учению, всецело выросшему из абсолютной противопоставленности в трансцендентальном идеализме внутреннего мира челове-

ческого «Я» внешнему чувственному миру.

Фундаментальную гносеологическую проблему Туган-Барановский видел отнюдь не в том, что наука в принципе не способна дать человеку объективные и при этом теоретически строгие знания о мире, а в том, что такое знание никогда не может быть абсолютно полным и, следовательно, исключающим человеческую деятельность, основанную на свободном, ничем не детерминированном целеполагании. Поясняя свою точку зрения, он любил приводить в пример движущегося темной ночью путника, которому необходим фонарь, освещающий дорогу, и звезда, указывающая путь. Любая наука, будучи учением о сущем, подобна фонарю — она освещает человеку окружающий его мир, показывая возможные пути для достижения его целей; однако сами цели находятся вне компетенции науки, ибо последние, подобно путеводной звезде, показывают человеку не то, где он есть, а то, где ему должно быть.

Туган-Барановский считал кантовское учение об этическом идеале непревзойденным шедевром общественной мысли Нового времени. Однако и в отношении к своему любимому философу его пытливая натура не позволяла ему довольствоваться ролью ортодоксального последователя и ученика. «...Только стройная, строгая, неумолимо последовательная и логичная теория Канта дает прочное, как гранит, обоснование требования равенства... Правда, сам Кант, давший незыблемое теоретическое обоснование социализма, отнюдь не был социалистом. В своей «Метафизике нравов» он защищает право частной собственности на землю и другие средства производства. Но если есть какое-либо положение, твердо установленное социалистической критикой, то это то, что право частной собственности на средства производства, по неумолимым законам хозяйства, неизбежно превращается в право эксплуатации одними людьми других, неизбежно ограничивает свободу личности трудящегося человека, обращает в пустую юридическую фикцию прирожденное равенство всех. Иными словами, частная собственность на средства производства несовместима с правом человека на свободу и равенство»[3].

Социализм как этическое учение является одной из центральных тем философского творчества Туган-Барановского. Одна из интереснейших и самобытных его идей —

[3] См. настоящее издание, С. 272-273.

представление о социализме как «надысторическом идеале человечества», содержание которого менялось из века в век, но в котором во все времена концентрировались предельно всеобщие представления той или иной эпохи о разумном и справедливом. В рамках такого подхода русский экономист получил возможность ввести проблематику социализма в контекст фундаментального философского поиска, со времен Платона и вплоть до Канта и Гегеля одним из эпицентров которого был вопрос об объективном содержании человеческих идеалов — содержании, источником которого не может быть окружающий мир, ибо идеалы не выводятся из действительности, а предписываются ей. Перед Михаилом Ивановичем эта проблема встала в виде вопроса о позитивном содержании социализма как учения об определенном, реально осуществимом, государственном устройстве, органически сочетающем в себе высочайшую экономическую эффективность с реализацией абсолютных нравственных ценностей человечества, императивный характер которых был гениально обоснован Кантом. Отсюда вытекал его совершенно особый интерес к истории социалистических учений, в области которой Туган-Барановский считался ведущим специалистом своего времени — достаточно сказать, что разработанная им классификация систем социализма и коммунизма была взята за основу при подготовке структуры известного в начале века фундаментального библиографического справочного издания Н.И.Рубакина «Среди книг»[4].

Наиболее неожиданным для современного читателя окажется, вероятно, связанное с таким подходом отношение Туган-Барановского к деятелям утопического социализма и их учениям — отношение, не имеющее ничего общего с привычной для нас высокомерной характеристикой их как беспочвенных мечтателей-фантазеров, не обладавших якобы научным методом для изучения социальной действительности. С последним утверждением русский экономист был в корне несогласен, чрезвычайно высоко оценивая вклад утопистов в развитие социальной науки, однако величайшую их заслугу он усматривал в создании

---

[4] *Рубакин Н.А.* Среди книг. Опыт обзора книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-политических идей. Справочник для самообразования и для систематизации и комплектования библиотек, а также книжных магазинов. Т. I, II. М., 1913.

нового социального идеала, разработку которого Туган-Барановский считал самым выдающимся достижением общественной мысли XIX столетия. Конечно, наука выросла на противопоставлении себя мечте, однако именно в мечте человека, в вечной устремленности рода людского к высшим идеалам усматривал русский ученый основания самой возможности человеческой *свободы*. В своих работах об утопистах, Михаил Иванович предстает перед нами не только как строгий критик, беспристрастно оценивающий объективный вклад предшественников в развитие своей науки, но и как блестящий писатель-публицист, писатель-биограф, с мастерством настоящего художника раскрывающий перед читателем все богатство талантов этих великих людей. Думается, что читатель получит истинное наслаждение, познакомившись в настоящем сборнике с одной из наиболее ярких работ Туган-Барановского по этой проблеме — с очерками «Утопический социализм», не потерявшими, на наш взгляд, своей актуальности и сегодня.

Совершенно иначе сложились отношения известного экономиста с наиболее влиятельным в те годы социалистическим течением — научным социализмом, к каковому себя относили последователи Маркса. Человек, известный впоследствии у себя на родине как «легальный марксист», Михаил Иванович не раз отнюдь недвусмысленно определял свое отношение к автору «Капитала»: «...Мое отношение и Марксу, — писал он, — остается прежним: отношением отнюдь не противника, но и не ученика, а самостоятельного исследователя. В своем научном мировоззрении я много взял у Маркса, но многое и отвергнул, не считая себя обязанным идти чужими путями, но отыскивая свой собственный»[5].

Что касается вклада Маркса в экономическую науку, то его Михаил Иванович оценивал чрезвычайно высоко, особенно выделяя учение о товарном фетишизме, о концентрации и централизации капитала, а также теорию воспроизводства, изложенную во втором томе «Капитала». Однако из анализа последней русский экономист делал вывод, прямо противоположный выводам классического марксизма: причина кризисов, периодически потрясающих капиталистическую экономику и в наиболее наглядной форме

[5] Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 1989. С.44.

возвещающих об имманентной ограниченности этого способа производства, коренится вовсе не в абсолютном недопотреблении народных масс, а в диспропорциональном развитии базовых отраслей хозяйственной системы. Критика взглядов Ф.Энгельса на эту проблему и, особенно, полемика с К.Каутским и Р.Люксембург были на редкость острыми и бескомпромиссными, ибо ошибки в решении данного вопроса влекли за собой, по мнению Туган-Барановского, совершенно неадекватные представления о фундаментальных движущих силах перехода от капитализма в социализм. Позиция «имманентного недопотребления» вела, прежде всего, к совершенно неприемлемому для русского мыслителя выводу об абсолютной экономической предопределенности гибели капитализма — гибели, предвидимой в силу этого, с сугубо научной строгостью и достоверностью.

Если вдуматься, то сомнения русского экономиста покажутся весьма правомерными: возможно ли, чтобы социализм, будучи царством свободы, всецело возник по законам жесткой необходимости? «Капиталистическое хозяйство, — писал по этому поводу Туган-Барановский, — не заключает в себе моментов, которые могли бы сделать его дальнейшее существование невозможным... Я не допускаю возможности наступления такого экономического положения, при котором капиталистическая организация хозяйства стала бы экономически невозможной, и из капиталистического пепла возродился бы, как Феникс, новый общественный строй... Капитализм никогда не умрет естественной смертью — ему может быть нанесен смертельный удар лишь мыслью и волей человека»[6]. И все же, гибель капитализма не только возможна, но и неизбежна — правда, не в силу абсолютных границ его экономического роста, а в силу неизбежности развития при его господстве идеалов человеческой свободы, распространения правовых и этических воззрений, признающих всякую человеческую личность, без различия, высочайшей ценностью мироздания. Буржуазное общество, объективно низводя человека до простого хозяйственного средства, превращая его в простой придаток самовозрастания капитала, вступает, тем самым, в чудовищное противоречие со своим собственным этическим мировоззрением, что и предопреде-

[6] *М.И. Туган-Барановский* «Теоретические основы марксизма». СПб., 1905. С.194

ляет его неотвратимую гибель. Как ни парадоксально, но эта гибель, хотя и неизбежна, однако не может быть предвидима с сугубо научной строгостью и всецело научным путем — там, где речь заходит о *свободе*, наука, знающая лишь *необходимость*, оказывается бессильной. Поэтому обоснование неизбежности социализма по своему внутреннему, логико-метафизическому существу, оказывается в концепции Туган-Барановского весьма близким знаменитому кантовскому моральному доказательству Божьего бытия[7], изначально утверждающему свой вненаучный статус, но, при этом, претендующему на строгую обоснованность своего утверждения. Думается, что поклонники творчества великого кенигсбержца найдут немало пищи для размышлений, сопоставив эти два, на первый взгляд относящиеся к совершенно разным предметам, доказательства.

Всецело научная ориентация марксизма, отказ последнего от сознательного использования в своих программах ценностного подхода рассматривались Туган-Барановским как наиболее слабые черты этого учения — черты, не позволившие сформироваться в рамках этой школы самостоятельной позитивной («положительной») концепции социалистического строя будущего. Отсюда вытекал и беспощадный вывод русского экономиста. «Насколько творчество выше критики, настолько утописты выше своих продолжателей — критиков капиталистического строя — Прудона, Родбертуса и Маркса. И если Маркс заставил надолго забыть своих более великих (!) предшественников и учителей, то это лишь потому, что условия исторической жизни выдвинули в наше время на первый план классовую политическую борьбу, значения которой не понимали утописты»[8]. Читатель настоящего сборника имеет возможность познакомиться с интереснейшими и во многом неожиданными оценками Туган-Барановским жизни и учений этих трех мыслителей в очерках, объединенных под общим названием «Критический социализм».

Особенно непривычной для отечественного читателя окажется, вероятно, характеристика самой личности Маркса — характеристика, имеющая весьма мало общего с известными у нас воспоминаниями Либкнехта, Бебеля, Меринга о «простоте и человечности» автора «Капитала».

---

[7]См. Кант И. Критика практического разума. М., 1995. С.227-233.
[8] См. настоящее издание, С.163.

«Каким глубоким контрастом является душевный облик Маркса сравнительно с обликом великих утопистов! Непобедимая любовь к людям Оуэна, рыцарское благородство Сен-Симона, вдохновенные мечты Фурье о прекрасном гармоническом строе будущего — все эти движущие силы идеалистического мировоззрения утопистов были чужды Марксу... Чувство любви к людям ему было мало доступно. Но зато он был чрезвычайно способен к вражде — и вражда к угнетателям заменяла в его душе любовь к угнетенным»[9].

Несмотря на столь беспощадную характеристику личных качеств родоначальника научного социализма, специально посвященный ему очерк «Маркс» содержит в себе один из лучших в мировой литературе вариантов целостного и при этом краткого критического изложения его учения. Единственное, на что здесь следует обратить внимание читателя — Туган-Барановский, как и его современники, не имел возможности быть знакомым со всеми философскими произведениями Маркса, из которых важнейшие философские труды увидели свет лишь в середине 20 в. В итоге, в работе русского экономиста нередко можно встретиться с практически полным отождествлением философских позиций Энгельса и Маркса — отождествлением, ставшим далеко не бесспорным после публикации рукописного наследия автора «Капитала».

Весьма скептическое отношение Туган-Барановского к перспективам применения науки для раскрытия образа будущего общества привело, вполне естественно, к тому, что симпатии русского экономиста оказались на стороне противостоящего марксизму течения — так называемого «этического социализма» К.Форлендера и Э.Бернштейна, развивавшего идеи Канта о взаимодополнительности научного и этически-ценностного подходов применительно к социально-созидающей деятельности человека. Именно на базе данного учения сформировалось набиравшее в те годы силу ревизионистское крыло в социал-демократии, и как раз в качестве приверженца этого течения общественной мысли Туган-Барановский рассматривался, обычно, в марксистских кругах — Карл Каутский, отдавая должное таланту этого ученого, назвал его как-то раз даже «умней-

---

[9] См. настоящее издание С.203.

шей головой ревизионизма[10]. Но достаточно обратиться к собственным размышлениям Михаила Ивановича, особенно ярко представленным в его небольшой статье «Кант и Маркс», чтобы увидеть, насколько сам он был далек от приятия главных положений этого направления и, прежде всего — весьма популярной в начале века идеи непосредственного дополнения научной теории Маркса этическим идеализмом Канта[11]. И, думается, не будет преувеличением сказать, что все творчество Туган-Барановского в области теории социализма было направлено на разрешение этого противоречия, на новый, органический синтез социальной науки и социального идеала, который он бесстрашно осуществлял, невзирая на неизбежно возникающие в ходе этого парадоксы.

Своеобразным итогом поисков Михаила Ивановича в этой области стала одна из его последних работ — книга «Социализм как положительное учение», написанная весной-летом 1917 г. и вышедшая в свет уже в послеоктябрьский период. Историческая обстановка создания придает этой книге особый пафос: негативный, нацеленный всецело на критику буржуазного общества период в развитии российского социализма, по мнению Туган-Барановского, завершался, выдвигая на первый план задачу позитивного социального творчества. «Все теперь говорят о социализме, — читаем мы на первых страницах книги, — но многие ли соединяют с этим словом вполне определенные представления? Задача этой небольшой книги — охарактеризовать сущность социализма как определенного учения о новой форме общественного строя»[12]. Михаил Иванович, будучи искренним социалистом всю жизнь, усматривал, тем не менее, величайшую опасность в том, что за строительство будущего общества брались люди, не имевшие о нем сколько-нибудь целостных представлений. Пройдет семь десятилетий, и вожди нового строя во всеуслышание заявят всему миру, что мы не знаем общества, в котором живем, и россиянам останется лишь в очередной раз вспомнить старую библейскую истину о пророках, которых нет в своем отечестве, тем более что позитивная программа со-

---

[10] *Каутский К.* Обнищание и крушение. Новейшая фаза ревизионизма (по поводу Книги М.И.Туган-Барановского «Современный социализм»). СПб.6 1908, с.12.

[11] См. настоящее издание С.78-79.

[12] См. настоящее издание С.257.

циализма Туган-Барановского и по сей день не может не поражать своей детальной продуманностью и реализмом.

Оценивая наиболее популярную в то время модель социализма — государственный социализм, он, наряду с ее позитивными чертами, отмечал и принципиальные трудности, неизбежно возникающие при его осуществлении — прежде всего, отсутствие в рамках такого хозяйства регулирующей функции рынка, что предъявляет особые требования к научному управлению и планированию экономики. То, что для большинства социалистов оставалось лишь благим пожеланием, адресуемым к руководителям будущего общества, превратилось для русского экономиста в фундаментальную научную проблему, которую он стремился решить, предприняв одну из первых в истории попыток объединения трудовой теории стоимости и теории предельной полезности. Другой серьезнейший вопрос — неизбежное ограничение при государственном планировании творческой самодеятельности людей, избежать которого, с точки зрения Туган-Бараноаского, можно будет лишь через развитие различных форм кооперации — в области последней, кстати говоря, он был всемирно признанным специалистом своего времени, и на протяжении всей жизни рассматривал ее в качестве самой перспективной формы хозяйственной реализации творческой свободы человека. Не остались без внимания Михаила Ивановича и такие, вставшие впоследствии со всей остротой проблемы, как сущность денег при социализме, принципы его правовой системы, отношение нового общества к духовным ценностям мировой культуры и многое другое.

Особый блок работ Туган-Барановского посвящен России, которая на протяжении всей жизни была одной из главных тем как его экономического, так и социально-философского творчества. Хотя уже в своих ранних работах Михаил Иванович заявил себя в качестве бесспорного сторонника прозападнического направления в русской мысли, проблема уникальности России и специфики ее пути всегда рассматривалась им в ряду наиболее фундаментальных вопросов того времени. Подобно большинству своих современников, одну из интереснейших отличительных черт России он усматривал в особой, ни с какой другой страной не сопоставимой ролью интеллигенции в ее жизни, явившейся, в силу парадоксального стечения обстоятельств, основным носителем социалистических

идеалов на русской почве. Как экономист, причем навсегда сохранивший в своем подходе следы историко-материалистической школы Маркса, Туган-Барановский искал причины принципиального отличия отечественной интеллигенции от ее западного аналога в особенностях хозяйственного развития России. В качестве главной отличительной черты последнего он выделял практически полное отсутствие в истории российской промышленности стадии цеховой организации городского ремесленного производства — стадии, породившей в Европе могучий слой мелкой буржуазии. Именно этот класс, по мнению Туган-Барановского, в течение нескольких столетий формировал духовный облик западного общества, в силу чего интеллектуальное сословие в развитых европейских странах изначально имело четкую классовую ориентацию. Интеллигенция России имела совершенно другие корни, однозначно не связывавшие ее с какими-либо определенными классами, и кроме того, мощнейшая тоталитарная власть практически не оставлявшая места самостоятельной политической жизни, делала излишней идеологическую защиту классовых интересов. Именно этими особенностями и было обусловлено надклассовое, идеалистически-гуманистическое мировоззрение русской интеллигенции, закономерно, по мнению Туган-Барановского, порождавшее в ее среде симпатии к социализму.

Как экономист, трезво оценивающий объективные возможности окружавшей его действительности, он прекрасно понимал всю оторванность этого мировоззрения от реальных потенций России, неоднократно предупреждая об опасностях, таящихся в преждевременных социалистических преобразованиях. «В неподготовленной социальной среде, — писал, словно заглядывая в будущее, Туган-Барановский, — социализм, вместо того, чтобы стать царством свободы и всеобщего богатства, должен стать царством рабства и всеобщей нищеты»[13]. Но как философ, на протяжении всей жизни размышлявший о фундаментальной позитивной роли социальных идеалов в развитии общества, он, естественно, не мог разделить прозвучавшего со страниц сборника «Вехи» призыва к тотальному покаянию якобы погнавшейся за социальными химерами интеллигенции — в бескорыстной устремленности соотечественников к вы-

[13] См.наст.изд. С.426.

сшим духовным идеалам он усматривал прообраз завтрашнего дня интеллектуального сословия Европы. Конечно, придирчивый читатель без труда сумеет отыскать в такой позиции следы кантовского дуализма, но насколько рельефнее, многоплановей, проблематичнее оказывается в итоге этого дуализм многочисленных монистических концепций (от веховцев до большевиков), которыми была столь богата дореволюционная Россия!

Сам Михаил Иванович был настоящим русским интеллигентом, и все сказанное им о лучших представителях отечественной культуры с полным правом может быть отнесено к нему самому. Несмотря на свои фундаментальные научные труды, он, как мы видели, не превращался никогда в холодного мыслителя, отстраненно и бесстрастно взирающего на естественный ход вещей. Многие его ученики не раз говорили в своих воспоминаниях о, казалось бы, взаимоисключающем сочетании в характере Туган-Барановского рациональной научной строгости и доходящего порой до детской наивности самого искреннего идеализма. Именно поэтому идеализм Оуэна и Фурье, Канта и даже Платона находил у русского экономиста не только *понимание*, но и самый живой *душевный* отклик. По своей натуре Михаил Иванович был, бесспорно, религиозным человеком, однако при этом вряд ли можно говорить или даже вести спор (как в случае с Вл. Соловьевым), о его принадлежности к какой-либо определенной конфессии. «Религиозность М.И., — вспоминал впоследствии о своем учителе известнейший русский экономист Н.Д.Кондратьев, — носила в высшей степени индивидуальный, возвышенный и эстетический характер. Во всяком случае, М.И. как человек интуитивного уклада, мало склонный к созданию целостной и негибкой системы «сакральных» догматов был чужд фанатизма и обладал исключительной веротерпимостью»[14].

Но при всем этом Туган-Барановский сумел избежать соблазна, которому поддалось немалое число его современников, разочаровавшихся в традиционных вероисповеданиях и объявивших социализм новой религией. «...Никогда не получит гармоничного примирения основное про-

---

[14] Кондратьев Н.Д. Михаил Иванович Туган-Барановский. /Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. М.,1990, С.279.

тиворечие человеческой жизни, — писал он, — между беспрерывностью стремлений нашего духа и ограниченностью наших сил и нашего личного существования. ...В этом вечная основа религии. Вот почему социализм не может и не должен стать новой религией... Как религия социализм жалок и беспомощен — разве он может преодолеть беспредельность пространства и времени? Разве социализм может преодолеть смерть?»[15]. Но является ли подобное противопоставление единственно возможным итогом философских поисков Туган-Барановского, в особенности, если вспомнить, что для него религия и социализм в конечном счете имели единый корень — этическое чувство? Думается, что и эта проблема, далеко не утратившая своей актуальности сегодня, даст немало пищи для размышлений нашим современникам, не желающим отворачиваться от фундаментальных вопросов человеческого бытия.

М.И.Туган-Барановский умер в 1919 г. в поезде по дороге в Париж, между Киевом и Одессой, от приступа грудной жабы — умер, когда ему было всего 54 года. В многочисленных некрологах потрясенные этой неожиданной и нелепой смертью современники прочили бессмертную жизнь произведениям ученого как в России, так и во всем мире. О том, насколько они оказались правы в отношении западных стран, думается, красноречивее всякого комментария свидетельствует приводимая в конце настоящего сборника полная библиография трудов М.И.Туган-Барановского. И сколь же горько видеть в этом списке нам, его соотечественникам, что последняя работа, изданная у него на родине в доперестроечный период, датируется 1938 годом! Сегодня нам остается надеяться, что выход в свет настоящего сборника явится далеко не последним шагом в обретении россиянами своей собственной истории, а, вместе с ней, и полноправной надежды на *лучшее будущее!*

---

[15] См. наст.изд. С.436

ЭТИКА И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

ТРИ ВЕЛИКИХ ЭТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМЫ

(нравственное мировоззрение Достоевского).

Из всех русских писателей Достоевский* всего более писатель будущего. При жизни он почти не был понят; в нем видели талантливого романиста, ценили его защиту «униженных и оскорбленных», но совершенно не подозревали гениального мыслителя. Для многих он до конца жизни был только «жестоким талантом» и публицистом славянофильско-реакционного направления. Первые произведения Достоевского, в которых его мировоззрение только складывалось и которые нам кажутся теперь совершенно ничтожными сравнительно с тем, что он дал впоследствии, имели шумный успех, за которым последовало быстрое охлаждение к писателю как со стороны публики, так и со стороны таких руководителей общественного мнения, как Белинский** и его кружок. Затем его популярность как романиста стала расти при полном, однако, игнорировании более глубокого содержания его грандиозных романов. В «Преступлении и наказании» заметили только «гуманную мысль» — что преступник не всегда бывает злодеем; «Идиот» быль совершенно не понят и почти незамечен, а «Бесы» вызвали негодование, как пасквиль на либералов и революционеров. И только к самому концу жизни Достоевского русская интеллигенция как бы против воли и бессознательно начинает все более и более подчиняться очарованию великого писателя, как показал единственный в своем роде и беспримерный в России успех его пушкинской речи, внезапно выросшей в целое событие: гений, хотя и на мгновение, но покорил-таки толпу, даже такую косную толпу, как та, с которой он имел дело.

В наше время Достоевский все более и более приковывает к себе внимание. Но его всемирно-историческое значение еще мало сознается; у нас его едва начинают пони-

мать, а на Западе он более возбуждает любопытства, чем действительного и глубокого интереса. А между тем, если за последние полвека был писатель, в равной степени необходимый и важный для всякого современного человека, какой бы национальности он ни был, то это именно творец «Братьев Карамазовых». Несмотря на свою необычайно тесную связь с Россией, Достоевский так же мало принадлежит только России, как Шекспир Англии или Гете Германии. В этом смысле он еще весь в будущем; и, быть может, еще пройдет много десятилетий ранее, чем цивилизованный мир откроет Достоевского, узнает, поймет и полюбит его.

Достоевского много раз сопоставляли с Ницше. И действительно, многие страницы его предвосхищают излюбленные мысли немецкого философа; но в общем и целом стройное и законченное миросозерцание нашего писателя имеет лишь некоторые пункты соприкосновения с причудливым и парадоксальным фейерверком мыслей Ницше*. Для Достоевского идеи Ницше были только одним из превзойденных этапов его умственного развития, точнее, одним из уголков его собственного философского царства. И если уж сопоставлять Достоевского с кем-либо из философов Запада, то скорее всего с величайшим из философов нового времени — Кантом**.

Трудно допустить прямое влияние Канта на автора «Карамазовых» — слишком уж они различны по всему своему духовному складу. Уравновешенный, спокойный, весь без остатка погруженный в свои умственные интересы, проводивший с правильностью хорошей машины свою до последней степени размеренную и заключенную в неизменные внешние рамки жизнь, «аккуратнейший немецкий профессор не имел ничего общего со страстной и мятущейся натурой Достоевского, всегда и во всем «переходившего черту». Кант был величайшим философским выразителем того миросозерцания, характерного для всей новой истории со времен Возрождения, которое признало верховной святыней жизни человеческую личность; то же миросозерцание выразил в небывалых во всемирной литературе по своей силе и яркости художественных образах и Достоевский. Миросозерцание одного было миросозерцанием и другого, и было каждому из них в равной мере внушено духом всей нашей исторической эпохи. И вот

почему самые поразительные образы Достоевского составляют как бы художественный комментарий к нравственной философии Канта; комментарий — и вместе развитие и углубление.

Центральной идеей нравственной философии Канта является идея бесконечной ценности человеческой личности; как естественный вывод отсюда получается идея равноценности человеческой личности, ибо бесконечность равна бесконечности. Но сформулировав эту идею с полной ясностью, Кант не дал ей окончательного развития и не показал разрешения с ее точки зрения чрезвычайно трудных проблем практической жизни. Именно это исполнил Достоевский и в этом его непреходящая заслуга, как морального философа.

Прежде всего, идея верховной ценности человеческой личности требует обоснования: нужно показать, почему мы ценим человеческую личность так необычайно высоко. Обоснование это непосредственно приводит к проблеме Бога. Затем, идея эта должна быть истолкована, как основа нравственного закона — она приводит к проблеме человечества. И, наконец, с ее точки зрения должно быть дано объяснение нарушению нравственного закона, иначе говоря — требует разрешения проблема мирового зла. Эти три великие проблемы поглощали все внимание Достоевского и им посвящено его лучшее творчество.

«Меня Бог всю жизнь мучил»,— говорит в «Бесах» Кириллов. В лице Кириллова мы имеем перед собой человека огромной душевной силы и с неутомимой жаждой абсолюта. Подавляющему большинству людей так называемые высшие интересы, не связанные непосредственно с поддержанием существования и чувственными удовольствиями разного рода, только изредка и слабо напоминают о себе. Но бывают люди, душевная организация которых такова, что интересы этого порядка способны вытеснять в их душе все остальные. Таким человеком и является Кириллов.

Без веры в абсолютную ценность жить он не может. Но в Бога он не верит; если же нет Бога, рассуждает он, то нет и абсолютного нравственного закона, ибо какое другое основание, кроме абсолютного добра, может иметь этот закон? Где же найти, однако, абсолютную ценность, если Бог и добро не являются таковой? Единственной ценностью, и, значит, уже абсолютной ценностью, после

упразднения других, остается человеческая личность. И вот Кириллов приходит к выводу, что человек должен стать для себя абсолютной ценностью, иначе говоря, «стать для себя богом». «Сознать, что нет Бога и не сознать, что сам богом стал, есть нелепость», — думает он.

Но стать для себя богом не значит не признавать других ценностей, кроме своих интересов. Интересы человека относительны, достижение их ограничено законами природы и, в конце концов, смертью, предстоящей каждому. Кириллов же жаждет абсолютной ценности, которая ничем не может быть ограничена, и хочет превратить в нее единственную ценность, которая у него осталась — человеческую личность. Чтобы стать абсолютной ценностью, человеческая личность должна стать безгранично могущественной и свободной. А для этого нужно, чтобы воля человека не была ничем стеснена, чтобы человек ничего не боялся, не боялся того, что всего больше страшит его — смерти.

«Будет новый человек, счастливый, гордый. Кому будет все равно жить или не жить, тот будет новый человек. Кто победит боль и страх, тот сам бог будет... Тогда новая жизнь, тогда новый человек, тогда все новое... Тогда историю будут делить на две части: от гориллы до уничтожения Бога и от уничтожения Бога до перемены земли и человека физически. Будет богом человек и переменится физически».

Атрибутом этого нового человека — человека-бога — будет «своеволие» — безграничная дерзость воли, полное и абсолютное бесстрашие. Но как может человек доказывать, что его воля лишена всякого страха? Только одним — добровольным самоубийством. Именно этот акт является верховным и единственным доказательством того, что все границы для воли человека бесповоротно и окончательно пали. «Я три года искал атрибут божества моего. Этот атрибут — своеволие. Это все, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу свою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы доказать непокорность и новую страшную свободу свою».

Самоубийство есть высшее доступное человеку проявление его своеволия. Низшим проявлением того же было бы убийство другого человека. Убивая другого, человек доказывает, что для его воли не существует преград нравственного закона, что Бога для него нет; но он сам еще не

становится поэтому богом — для его воли могут остаться преграды страха боли и смерти. И только убивая себя, человек разрушает все преграды для своей воли, становится богом.

Конечно, самоубийц были миллионы, но все они убивали себя от жизненных неудач, из страха, а «не для того, чтобы страх убить. Кто убьет себя только для того, чтобы страх убить, тот тотчас богом станет».

И Кириллов себя убивает, убивает в отвратительной обстановке, служа низким целям человека, которого презирает и ненавидит, — Петра Верховенского, представляющего собою моральный антипод ему самому. Но как бы ни был гадок Верховенский и как бы ни была бессмысленна по своим практическим последствиям прикрывающая чужие преступления смерть Кириллова, Кириллов не может и не должен, со своей точки зрения, отказаться от своего намерения. Ибо если бы для чего бы то ни было на свете он мог отказаться от самоубийства, то где же было бы его безграничное своеволие, которое он считает себя призванным заявить? Потрясающая картина смерти Кириллова и вся предшествующая сцена, в которой во весь рост обрисовываются оба действующих персонажа драмы, — Верховенский, с совершенным цинизмом и бездушием требующий добровольной смерти ненавидящего его человека для сокрытия следов сделанного им подлого убийства, и высокий и чистый духом Кириллов, приносящий эту поразительную жертву, — нужна для того, чтобы величина «своеволия» самоубийцы обнаружилась во всех своих фантастических размерах. Большие размеров «своеволия» мы, действительно, и представить себе не можем.

Какой же смысл этого удивительного художественного образа, созданного Достоевским? Кириллов, как сказано, прежде всего, глубоко религиозная натура; он не может жить без Бога, но в Бога он не верит. Вместе с тем это не мистик и не аскет, не понимающий и чуждый жизни. Напротив, он страстно любит жизнь во всех ее проявлениях; он во всем чувствует радость жизни. «Когда мне было десять лет,— говорит он Ставрогину,— я зимой закрывал глаза нарочно и представлял себе лист зеленый, яркий, с жилками, и солнце блестит. Я открывал глаза и не верил, потому что очень хорошо, и опять закрывал... Человек несчастлив потому что не знает, что он счастлив; только по-

тому. Это все, все! Кто узнает, тотчас станет счастлив, сию минуту... Я всему молюсь. Видите, паук ползет по стене, я смотрю и благодарен ему за то, что он ползет». По своей любви к жизни, по своей способности понимать красоту и прелесть мира, Кириллов брат по духу святых Достоевского — князя Мышкина и старца Зосимы; и для него, как и для них, «жизнь есть рай». И, однако, он добровольно бросает этот рай и отдает свою жизнь в распоряжение злодея для его честолюбивых целей. Почему такой ужасный контраст между душевным обликом и практическим делом?

Ответ ясен. Потому, что Кириллову не хватало самого главного для практического дела — веры в Бога. Он сам этим объясняет в предсмертном разговоре с Верховенским свою трагическую судьбу. «Бог необходим и потому должен быть. Но я знаю, что Его нет и не может быть. Неужели ты не понимаешь, что человеку с двумя такими мыслями нельзя оставаться в живых? Неужели ты не понимаешь, что из-за этого только одного можно застрелить себя? Ты не понимаешь, что может быть такой человек, один человек из тысячи ваших миллионов, один, который не захочет и не перенесет?» Утративши Бога, Кириллов попытался заменить его человеческой личностью. Но оказалось, что идея верховной ценности человеческой личности, вне идеи Бога, не только не пригодна для построения жизни, а, наоборот, ведет прямым путем к отказу от жизни и самоубийству. Фигурой Кириллова Достоевский говорит, что идея самоценности человеческой личности неизбежно предполагает, как свое скрытое основание, идею абсолютного добра, иначе говоря, идею Бога. Вне этой последней идеи, личность перестает быть верховной ценностью, а жажда превратить ее в таковую приводит к собственному уничтожению личности. Идея самоцельной личности вне абсолютного добра есть иными словами, внутренне противоречивая идея.

Итак, личность человека становится абсолютной ценностью лишь постольку, поскольку мы предполагаем существование абсолютного добра. Вне Бога и человек утрачивает свою бесконечную ценность — таков ответ Достоевского на вопрос об обосновании идеи самоценности личности. Нравственный закон самым фактом своего существования требует признания Бога.

Таким образом разрешается Достоевским проблема Бога

— в полном соответствии с философией Канта, постулирующего Бога, как единственно возможную основу нравственного закона. Человек обладает бесконечной ценностью потому, что обладает нравственным сознанием; в его нравственном сознании отражается Божественный разум, на человеке почиет отблеск Божества, сообщающий свою бесконечную ценность и носителю нравственного сознания — человеку.

Но все ли люди обладают в равной мере нравственным сознанием? Конечно, нет. Если же так, то не следует ли заключить, что ценность человеческой личности должна быть, по необходимости, различна? Чем ниже нравственное сознание человека, тем меньшую ценность представляет его личность, переставая быть верховной целью в себе и превращаясь в средство для более высоких личностей. Люди неравноценны и более высокие из них имеют нравственное право превращать в средство для своих высоких целей личности людей, стоящих ниже их по своему нравственному сознанию. Неравенство — не только закон существующего человеческого общества, но, по-видимому, и неизменный закон морали.

Таким образом, возникает новая этическая проблема — как примирить бесконечную ценность человеческой личности и вытекающую отсюда их равноценность с реальным неравенством людей, логически приводящим, по-видимому, к признанию их неравноценности. Эта вторая проблема — проблема человеческого общежития, проблема человечества — непосредственно вытекает из первой проблемы, проблемы Бога, как основы нравственного закона. Разрешение этой второй проблемы Достоевский дал в целом ряде художественных образов.

Убеждение в неравноценности людей есть основное убеждение Раскольникова в «Преступлении и наказании». Для него весь род человеческий делится на две неравные части: большинство, толпу обыкновенных людей, являющихся сырым материалом истории, и немногочисленную кучку людей высшего духа, делающих историю и ведущих за собою человечество. «Огромная масса людей, материал, для того только и существует на свете, чтобы, наконец, через какое-то усилие, каким-то таинственным до сих пор процессом, посредством какого-нибудь перекрещивания родов и пород, понатужиться и породить, наконец, на свет,

ну хоть из тысячи одного, хотя сколько-нибудь самостоятельного человека. Еще с более широкой самостоятельностью рождается, может быть, из десяти тысяч один... Еще с более широкой — из ста тысяч один... Гениальные люди — из миллионов, а великие гении, завершающие человечество, — может быть, по истечении многих тысяч миллионов людей на земле».

Гений, великие люди — цель человечества, обыкновенные люди, толпа — средство к этой цели. Естественно, что и образ действия тех и других должен быть совершенно различен; то, что обязательно для человека толпы, не может связывать воли великого человека. «Необыкновенный человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует... Если бы Кеплеровы* и Ньютоновы** открытия, вследствие некоторых комбинаций, никоим образом не могли бы стать известными людям иначе, как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию, то Ньютон имел бы право и даже обязан бы был ...устранить этих десять или сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству».

Все это очень логично. И вот Раскольникову, озлобленному нуждой, угнетавшей не только его, но и его мать и сестру, «осужденную таскаться в гувернантках», приходит мысль, как бы поступил на его месте великий человек, Наполеон, если бы для его карьеры требовалось совершить убийство какой-нибудь ничтожной старухи. На этом вопросе он мучился страшно долго, так что ему «ужасно стыдно стало», когда он «вдруг догадался», что Наполеон не только не испугался бы убийства, «но ему даже в голову бы не пришло, что это не монументально ...и даже не понял бы он совсем: чего тут коробиться? И если бы только не было ему другой дороги, то задушил бы так, что и пикнуть бы не дал, без всякой задумчивости». И «по примеру авторитета» Раскольников совершает убийство.

Убивши старуху, он не только не испытывает раскаяния, но больше, чем когда-либо верит в свою теорию. Даже в последнюю минуту, идя в участок, чтобы выдать себя, он не хочет признать, что ему есть в чем раскаиваться. «Пре-

ступление? Какое преступление,— кричит он своей сестре,— то, что я убил гадкую, зловредную вошь, старушенку-процентщицу, никому ненужную, которую убить сорок грехов простят, которая из бедных сок высасывала, и это-то преступление? («Ты кровь пролил» — говорит ему сестра). «Которую все проливают,— подхватывает он в исступлении,— которая льется, как водопад, которую льют, как шампанское и за которую венчают в Капитолии и называют потом благодетелем человечества. Да ты взгляни пристальнее и разгляди! Я сам хотел добра людям и сделал бы сотни, тысячи добрых дел вместо одной этой глупости, даже не глупости, а просто неловкости, так как вся эта мысль была вовсе не так глупа, как теперь она кажется (при неудаче все кажется глупо)... Никогда, никогда яснее я не сознавал этого, как теперь, и более чем когда- либо не понимаю моего преступления! Никогда, никогда не был я сильнее и убежденнее, чем теперь!»

И несмотря на убеждение в своей правоте, он идет и доносит на себя, принимает наказание за преступление, которого, по его мнению, не совершал. Что-то высшее, чем доводы рассудка, побеждает его волю. Эта борьба бессознательной воли протестующей против пролитой крови, и разума, оправдывающего кровь, и составляет душевную драму Раскольникова после преступления. Даже когда воля — слепой и непонятный нравственный инстинкт — окончательно побеждает, когда Раскольников уже томится на каторге, разум все не сдается и все отказывается признать свою неправоту. «И хотя бы судьба послала ему раскаяние — жгучее раскаяние, разбивающее сердце, отгоняющее сон, такое раскаяние, от ужасных мук которого мерещится петля и омут! О, он обрадовался бы ему! Муки и слезы — ведь это тоже жизнь. Но он не раскаивался в своем преступлении. Вот в чем одном признавал он свое преступление: только в том, что не вынес его и сделал явку с повинной».

Эта явка с повинной доказывала в его глазах не то, что его теория не верна, а то, что он сам не принадлежит к числу великих людей, которые могут преступать нравственные законы. «Если бы только я зарезал из-за того, что голоден был, то я бы теперь счастлив был»,— говорит он Соне Мармеладовой. «Мне надо было узнать тогда, и поскорее узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я преступить или не смогу? Осмелюсь ли нагнуться и взять

или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею?.. И неужели ты думаешь, что я не знал, например, хоть того, что уж если я начал себя спрашивать и допрашивать: имею ли я право власть иметь? — то, стало быть, не имею права власть иметь. И что если задаю вопрос: вошь ли человек? — то стало быть уж не вошь человек для меня, а вошь для того, кому этого и в голову не заходит, кто прямо без вопросов идет. Ведь если я столько дней промучился, пошел ли бы Наполеон или нет? Так ведь уж ясно чувствовал, что я не Наполеон».

Вот это-то и терзает Раскольникова — он оказался обыкновенным человеком, подвластным нравственному закону. Он хотел иметь «свободу и власть, а, главное, власть! Над всей дрожащей тварью, над всем муравейником!» И эту власть он должен был получить освобождением себя от нравственного закона. Но нравственный закон оказался сильнее его и он пал...

И только после нескольких лет каторги в душе Раскольникова совершается переворот: он признает свое преступление и этим возрождается к новой жизни. Нравственное сознание победило.

Такова трагедия Раскольникова. Бессознательный инстинкт оказался сильнее теории, несмотря на ее логическую неуязвимость.

И, действительно, в чем ошибочность этой теории? С точки зрения утилитарной морали против нее совершенно нечего возразить. С этой точки зрения нравственность или безнравственность известного образа действий определяется балансом пользы или вреда для общества от этих действий. Если в результате получается плюс на стороне пользы, то данный образ действий является нравственным. Великое научное открытие могло принести пользу миллионам людей; разве не требует нравственный долг пожертвовать для него, если это необходимо, жизнью нескольких десятков людей? Или, если взять пример самого Раскольникова, разве общество проиграло от того, что убита «гадкая вошь» — старуха-ростовщица и что ее деньги перешли человеку, который даст им, несомненно, гораздо лучшее употребление? На это можно возразить, что если в отдельном частном случае общество и может выиграть от убийства, то распространение в обществе равнодушия к человеческой жизни, несомненно, опасно и невыгодно для

общества; поэтому общество заинтересовано в том, чтобы убийство внушало страх человеку совершенно независимо от того, каковы будут последствия убийства. Это так, но ни малейшим образом не колеблет теории Раскольникова: ведь и он согласен, что масса должна быть подвластна слепому инстинкту страха крови. Он требует только свободы от этого инстинкта, как и вообще от всего бессознательного, не находящего себе объяснения в разуме, для немногих избранников человечества, которые могут вместить всякую правду — а ведь правда-то заключается с точки зрения утилитарной морали в том, что убийство человека, если оно увеличивает сумму счастий в обществе, нравственно.

Именно неотразимая логика этого рассуждения и губит Раскольникова; он не боится правды, не хочет подчиняться слепым инстинктам — и гибнет. Какая-то ошибка в его рассуждении, следовательно, была.

Да, была, была в том, что он хотел логически обосновать, рационализировать нечто по самому своему существу не допускающее такого логического обоснования, рационализирования. Он хотел вполне рациональной морали и логическим путем пришел к ее полному отрицанию. Он искал логических доказательств нравственного закона — и не понимая, что нравственный закон не требует доказательств, не должен, не может быть доказан — ибо он получает свою верховную санкцию не извне, а из самого себя. Почему личность всякого человека представляет собой святыню? Никакого логического основания для этого привести нельзя, как нельзя привести логического основания для всего того, что существует собственной своей силой, независимо от нашей воли. Факт тот, что наше нравственное сознание непобедимо утверждает нам святость человеческой личности; таков нравственный закон. Каково бы ни было происхождение этого закона, он столь же реально существует в нашей душе и не допускает своего нарушения, как любой закон природы. Раскольников попробовал его нарушить — и пал. И так должен пасть каждый, кто, обладая нравственным сознанием, нарушит нравственный закон.

Конечно, у кого нравственное сознание спит, тот может совершенно спокойно проливать кровь, не вызывая никаких трагедий в своей душе. Верховенский совершает убийство без всякой особой надобности и не чувствует от

этого ни малейших угрызений совести. У кого совести нет, тому не приходится ее бояться. Но таким людям и не приходится спрашивать себя, имеют ли они право убить другого — они не нуждаются в моральном оправдании своих действий. Раскольников же обладает совестью и она мстит ему за попрание нравственного закона.

Этот нравственный закон провозглашает, что всякая человеческая личность есть верховная святыня совершенно независимо от того, каковы моральный достоинства этого человека. Самый низкий и самый преступный человек такая же бесконечная ценность, как и самый высокий: никто не может быть средством в руках другого, а каждый составляет цель в себе. Или, как говорит Кант, «в природе все, что угодно, над чем мы имеем власть, может служить нам средством, и только человек, и с ним всякое разумное существо есть цель в себе... Человек и вообще всякое разумное существо существует, как цель в себе, не как средство для той или другой воли, но всегда должен рассматриваться во всех своих действиях, направленных как на него самого, так и на другие разумные существа, как цель».

В этом смысле все люди равны между собой, как бы они ни были различны и неравны в других отношениях. Раскольников отверг начало равноценности человеческой личности и тем самым отверг нравственный закон. Если вообще личность человека может быть святыней, то личность всякого человека без различия. Ибо от святого до злодея существует бесчисленное множество незаметных переходов: на какой же из этих ступеней личность человека становится священной? Или все личности священны, или никакая из них.

Интересно сравнить Раскольникова с Кирилловым. Трагедия того и другого существенно различны. Кириллова мучит Бог; он стремится к свободе, хочет сделать человека богом и для этого убивает себя. Раскольников не думает о Боге, он стремится к власти, хочет подчинить себе «дрожащую тварь» и для этого убивает другого человека. Кириллов ничего не хочет для себя — он верит в бесконечную ценность, значит, равноценность человеческой личности; Раскольников всего хочет для себя, он отрицает равенство людей. Кириллов осуществляет собой высшую ступень человеческого своеволия, Раскольников — низшую.

В лице Кириллова Достоевский казнит отрицание Бога

и показывает, что человеческая личность, сама по себе, не может быть Богом. В лице Раскольникова Достоевский казнит отрицание святости человеческой личности и показывает, что всякая человеческая личность обладает этой святостью и что в этом отношении все люди равны.

Еще глубже та же проблема самоцельности и равноценности человеческой личности разработана Достоевским в его последнем великом романе — в «Братьях Карамазовых». В «Великом инквизиторе» Достоевский сопоставляет два социальных идеала, которые делят между собою человечество. В чем идеал человеческой жизни — в наибольшем счастья или в наибольшей нравственной высоте личности? — таков вопрос, который ставит Христу в своей иступленной речи Великий инквизитор. Этот старик еще гораздо глубже Раскольникова убежден в коренном неравенстве людей; но в отличие от Раскольникова, он не убивает, а сам себя приносит в жертву. Он презирает людей и любит их любовью, основанной на жгучем сострадании к их жалкой беспомощности и к их ничтожеству — любит, как любят слабых, порочных детей. Правда, с этой любовью соединяется такая жажда власти и такая гордыня, которых Раскольникову и не снилось. Раскольников хочет победить людей силой — хочет, чтобы перед ним «трепетала дрожащая тварь»; честолюбие великого инквизитора гораздо больше — он хочет окончательно покорить себе волю людей, всю без остатка, кочет стать для людей высшим, непререкаемым авторитетом, богом, перед которым добровольно преклонялись, на которого молились бы эти жалкие существа. .

Христос отверг искушения «страшного и умного духа, духа небытия». Христос не захотел прельстить людей земными благами, не захотел подчинить Себе их духа чудом и основать на этом всемирное, земное царство. «Ты не захотел,— говорит Ему великий инквизитор,— лишить человека свободы и отверг предложение, ибо какая свобода, рассудил Ты, если послушание куплено хлебами? Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли Ты, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на Тебя дух земли и сразится с Тобою и победит Тебя, и все пойдут за ним, восклицая» «Кто подобен зверю сему, он дал нам огонь с небеси?». Вместо твердого, древнего закона — свободным сердцем должен был человек решать впредь сам,

что добро и зло, имея лишь в руководство образ Твой пред собою, — но неужели Ты не подумал, что он отвергнет же, наконец, и оспорит даже и образ Твой и Твою правду, если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора?.. Они воскликнут, наконец, что правда не в Тебе, ибо невозможно было оставить их в смятении и мучении более, чем сделал Ты, оставив им столько забот и неразрешимых задач. Таким образом, сам Ты и положил основание к разрушению Своего же царства и не вини в этом никого более... Ты не сошел с креста, когда кричали Тебе, издеваясь и дразня Тебя: «Сойди с креста и уверуем, что это Ты». «Ты не сошел потому, что опять-таки, не захотел поработить человека чудом, и жаждал свободной веры, а не чудесной. Жаждал свободной любви, а не рабских восторгов невольника перед могуществом, раз навсегда его ужаснувшим. Но и тут Ты судил о людях слишком высоко, ибо, конечно, они невольники, хотя и созданы бунтовщиками».

Христос принес человеку свободу, но с ней и страдания, неразрывно связанные со свободой. Великий инквизитор хочет «исправить подвиг Христа» — отнять у человека свободу, которая для него непереносима, и подчинить его твердой и неизменной власти авторитета, дать людям «тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы». «О, мы убедим людей — восклицает он в диком восторге — не гордиться, ибо Ты вознес их, и тем научил гордиться; докажем им, что они слабосильны, что они только жалкие дети, но что детское счастье слаще всякого. Они станут робки и станут смотреть на нас и прижиматься к нам в страхе, как птенцы к наседке. Они будут дивиться и ужасаться на нас и гордиться тем, что мы так могучи и так умны, что могли усмирить такое буйное тысячемиллионное стадо. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас как дети, за то, что мы позволим грешить».

И люди превратятся в тихих, довольных детей. «Тихо умрут они, тихо угаснут и за гробом обрящут лишь смерть — ибо если бы и было что на том свете, то уж, конечно. не для таких, как они».

Но те, кто будут пасти это стадо и создавать счастье миллионов существ, сами не будут счастливы: как могут они быть счастливы, когда на их плечах будет лежать все страшное бремя свободы и когда все царство их будет ос-

новано на лжи, когда они во имя Христа лишат людей того самого дара, который Христос принес людям свободы? «Будут тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла».

Перед нами поразительная картина человечества, в котором огромное большинство до такой степени унижено, до такой степени утратило человеческую личность, что даже лишилось высшего дара человека — бессмертной души, — но зато приобрело счастье, а меньшинство получило безграничную власть над остальными миллионами, но заплатило за эту власть страшной ценой неутолимой душевной муки.

Где же правда? Христос любил людей, но принес им страдание свободы; великий инквизитор также любит людей — и он был в пустыне, и он истязал себя, и он пожертвовал собой для человечества — и принес людям счастье, лишив их свободы. С точки зрения утилитаризма вся правда на стороне инквизитора: ведь люди счастливы в его царстве. Что с того, что они перестали быть людьми и утратили бессмертную душу? Людям нужно только счастье и его они получили.

Но для кого человеческая личность, во всей своей сложности, со своей свободой совести, со своим свободным нравственным сознанием есть высочайшая ценность, тот никогда не согласится пожертвовать человеческой свободой ни для чего в мире — даже и для счастья человечества. Лучше пусть люди страдают от познания добра и зла, чем будут счастливы, отказавшись от этой свободы. Человечество существует не для счастья, а для бесконечного совершенствования личности человека; счастье же ценно потому, что оно идет рядом с этой более высокой целью и содействует ее достижению. И потому вся правда на стороне Христа. Мечта же великого инквизитора есть ложь, внушенная ему непониманием величия человеческой личности. В своей гордыне он думает, что другие люди не обладают такой личностью, как он сам; но люди не так ничтожны, как ему кажется, и, главное, не должны быть так ничтожны и не всегда будут так ничтожны. Слабый человек может стать сильнее — и к этому-то и нужно стремиться, твердо веруя в возможность возвышения человека; как ни низко стоит человечество, но в своем историческом раз-

витии оно идет не вниз, а вверх, и никто не может сказать, как далеко оно зайдет в этом движении. Именно в этом движении и заключается жизнь, а то, что проповедует инквизитор, есть отказ от жизни, духовная и физическая смерть.

Весь секрет великого инквизитора,— как говорит Алеша Карамазов,— в том, что он не верует в Бога. Не веруя в Бога, он не верить и в человека, в самоцельность человеческой личности. Этим последним он отличается от Кириллова — и именно потому может жить: нельзя верить в человека и не верить в Бога, если же нет веры ни в Бога, ни в человека, то жизнь возможна, но жизнь вне нравственного закона — даже при возвышенном духе и любви к людям. Мрачная и фантастическая мечта великого инквизитора равносильна уничтожению человечества — ибо если одни люди утратили человеческую личность и превратились в покорных животных, а другие отдались духу лжи и только этим сохранили свою личность, то какую ценность имеет такое человечество и не представляет ли оно просто «диаволов водевиль»? И не лучше ли смерть и окончательное уничтожение такого человечества, чем то подобие жизни, которое сохраняет ему инквизитор?..

Великий инквизитор родственен по духу Раскольникову, но несравненно сильнее и выше его. Раскольников просто крепкий волей и умом, властный человек, великий же инквизитор — исполин, титан, способный перевернуть мир. Раскольников убивает другого человека и все-таки не получает власти над людьми, великий же инквизитор сам приносит себя в жертву и этим достигает безграничной власти над человечеством. Раскольников, в конце концов, раскаивается и отказывается от своей мечты — великий инквизитор пребывает тверд до конца и не боится вызвать на суд самого Бога.

Интересно, что фантастичная мечта Достоевского имела свое осуществление — и даже в тех самых формах, которые рисовались Достоевскому. Разве не царством великого инквизитора было парагвайское государство* иезуитов, граждане которого, действительно, превратились в подобие счастливых младенцев, а над ними безгранично царило несколько иезуитов. Разве не дух великого инквизитора веял над этим удивительным царством, просуществовавшим более 150 лет и павшим лишь вследствие внешнего

насилия — царством, относительно которого трудно сказать, было ли оно осуществлением социализма или же выражением самого полного порабощения человеческой личности, которое только знает история.

В том же романе Достоевский с необычайной силой ставит и третью великую проблему, которая его мучила — проблему мирового зла. Проблема эта непосредственно вытекает из двух первых. Если Бог существует и если человек самоцель, то человек может страдать только за свои вины, за то злое, что он совершил; страдание непосредственно вытекает в этом случае из факта свободного самоопределения преступника и представляет собой единственное средство для восстановления попранного нравственного закона. Ибо если зло не будет искуплено, то где же справедливость? Но как объяснить и оправдать безвинное страдание? А ведь безвинное страдание не только существует в мире, но его ужасно, безмерно много. За что страдают, например, дети, в которых никакого зла быть не может уже потому, что они не обладают еще полным нравственным сознанием? «Если все должны страдать,— говорит Иван Карамазов своему брату Алеше,— чтобы страданием купить вечную гармонию, то причем тут дети, скажи мне пожалуйста? Совсем непонятно, для чего должны страдать и они, и зачем им покупать страданиями гармонию? Для чего они-то тоже попали в материал и унавозили собой для кого-то будущую гармонию? Солидарность в грехе между людьми я понимаю, понимаю солидарность и в возмездии, но не с детками же солидарность в грехе, и если правда в самом деле в том, что и они солидарны с отцами их во всех злодействах отцов, то уж, конечно, правда эта не от мира сего и мне непонятна».

Безвинное страдание ничем не может быть оправдано. И если оно в мире существует, значит мир не может быть оправдан нашим нравственным чувством. «Представь,— спрашивает Иван Алешу,— что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им, наконец, мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы всего замучить лишь одно только крохотное созданьице, вот того самого ребеночка, бившего себя кулаченком в грудь, и на неотмщенных слезах его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги?

— Нет, не согласился бы,— тихо проговорил Алеша.

— И можешь ли ты допустить идею, что люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленького замученного, а приняв, остались бы навеки счастливыми?

— Нет, не могу допустить».

И, конечно, ничего другого ответить Алеша не может. Если каждый человек есть абсолютная цель, то никакая гармония, как бы грандиозна и высока она ни была, не может быть куплена ценой безвинной жертвы хотя бы одного человека. Значит, если я верю в Бога и абсолютное добро, я должен отвергнуть мир, как несогласный с его волей. Какая бы ни была гармония впереди, она «не стоит слезинки хотя бы одного того замученного ребенка, который бил себя кулаченком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к «Боженьке». Не стоит потому, что слезки остались неискупленными. И потому Иван отвергает гармонию. «Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу. Я хочу лучше оставаться со страданиями неотмщенными. Лучше уж я останусь при неотмщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, *хотя я был бы и не прав*. Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно И если только я честный человек, то обязан возвратить его как можно заранее. Это я и делаю. Не Бога я не принимаю, я только билет Ему почтительнейше возвращаю».

Итак, мир не от Бога, ибо в мире зло, а Бог абсолютное добро. Но если не от Бога, то от кого? И мыслима ли идея Бога, стоящего вне мира и не подчиняющего себе мир? Конечно, нет. И потому Иван Карамазов совершенно напрасно говорит, что он принимает Бога, а только отвергает его мир: отвергнувши мир, он отверг и Бога.

Проблема мирового зла есть самая трудная проблема религиозного сознания — точнее говоря, неразрешимая проблема для нашего «евклидова» ума. Ясно только одно, что мы не можем представить себе мира вне безвинного страдания, ибо без такого мир лишится всякого нравственного смысла. Действительно, представьте себе, что в мире нет безвинного страдания, иначе говоря, что всякий страдает по заслугам, а, значит, и награждается по заслугам.

Разве это не уничтожило бы в корне, окончательно и без остатка, смысл нравственного подвига? Ведь в том именно и заключается величие человеческого духа, что человек на свой собственный страх осуществляет нравственный закон, не смущаясь господством зла в окружающем его мире. Если добродетель награждается в этом мире, а порок наказывается, то исполнение нравственного закона превращается в дело простого расчета — иначе говоря, нравственность исчезает. Без борьбы нет победы — зло есть необходимое искушение, чтобы добро показало свою силу. И чем больше в мире безвинного страдания, иначе говоря, чем больше зла, тем лучезарнее и ярче выступает непобедимая сила добра. Мир без зла был бы раем, но рай не есть жизнь и в раю нет заслуг. Жизнь может кончаться раем, но заключаться в нем не может.

Мировое зло преодолевается у Достоевского мистической идеей вины каждого за всех. Неотмщенное безвинное страдание заставляет Ивана отвергнуть мир во имя оскорбленного нравственного чувства, требующего мести; но есть нечто более высокое, чем месть — это прощение и любовь. Чем сильнее любовь, тем меньше места остается для негодования и мести. Иван не любит людей и вовсе не во имя любви к людям он отвергает мир: он потому и останавливается на страданиях детей, что детей он любит, а людей нет. Для гордого человека детей любить гораздо легче, чем людей: с детьми не приходится ничего делить, дети ничем не могут оскорбить, детям не в чем завидовать. И детей Иван любит и жалеет жгучей жалостью. Взрослых же людей Иван не только не любит, а прямо и не обинуясь заявляет, что «они отвратительны и любви не заслуживают». Для тех же, кто любит людей не только, когда они еще безвинны и не знают добра и зла, но и грешных, слабых и порочных, какими они становятся впоследствии, проблема мирового зла является в другом освещении.

Князь Мышкин в «Идиоте», старец Зосима и Алеша в «Карамазовых» — вот типы истых человеколюбцев у Достоевского. У Ивана благородная, но гордая, злобная и завистливая душа; он живет высокими интересами, но весь живет в себе. Он умеет ценить любовь — но именно потому, что сам совершенно ее лишен (к равным себе, к взрослым). «Отвлеченно еще можно любить ближнего,— думает он,— и даже иногда издали, но вблизи почти никогда...

Положим, я, например, глубоко могу страдать, но другой никогда, ведь, не может узнать, до какой степени я страдаю, потому что он другой, а не я, и, сверх того, редко человек согласится признать другого за страдальца (точно будет это чинить). Почему не согласится? Потому, например, что от меня дурно пахнет, что у меня глупое лицо, потому, что я раз когда-то отдавил у него ногу».

Но бывают люди, хотя их и мало, которые обладают этим чудным даром любви: их не пугает и дурной запах другого человека и его неприятное лицо. Они любят не только хороших (которых любить легко и которых всякий полюбит), но и дурных и даже иногда именно на дурных и останавливают, по преимуществу, свое любовное внимание из особого сострадания к ним. Такие люди, когда встречают зло, то по душевной организации своей больше волнуются состраданием и жалостью к обиженному, чем злобой и негодованием против обидчика, ибо вообще в их душе любовь сильнее злобы. Любовь дает им великое счастье и радость и потому, сколько бы зла они ни видели вокруг, они органически не могут проклясть мир, как это делает Иван. Они для этого слишком любят этот мир и, если видят зло вокруг себя, то по любящей натуре своей скорее склонны усматривать причину этого зла не в других, а в самих себе. «Знайте, милые,— поучает старец Зосима,— что каждый единый из нас виновен за всех и за все на земле несомненно, не только по общей мировой вине, а единолично каждый за всех людей, за всякого человека на сей земле».

Великая любовь к людям приводит таких человеколюбцев к тому, что их собственная личность как бы растворяется и сливается с человечеством, не только, однако, не теряя своей индивидуальности, но именно утверждая ее; полные любовью, они благословляют жизнь и мир. «Мама,—говорит умирающий брат Зосимы,— не плачь, жизнь есть рай, все мы в раю, да не хотим знать того, а если бы захотели узнать, завтра же и стал бы на всем свете рай».

Если жизнь есть рай, то где же проблема мирового зла? Ее уже нет, потому что нет и самого зла прощенного, побежденного любовью.

Мир полон тайн и подчиняется своим собственным жестоким и неумолимым законам, смысла и цели которых человеческому уму постигнуть невозможно. Но бывают

иногда мистические моменты, когда грубая ткань мира начинает как бы сквозить и просвечивать потусторонним светом. Такой момент пережил и любимый герой Достоевского — Алеша Карамазов — после смерти своего друга и учителя. «Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих, сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился неясный еще Млечный путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы соприкасалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, и вдруг, как подкошенный, повергся на землю. Он не знал, для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и исступленно клялся любить ее, любить во веки веков. «Облей землю слезами радости твоей и люби сии слезы твои»... прозвенело в душе его. О чем плакал он? О, он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны «и не стыдился исступления сего». Как будто нити от всех этих бесчисленных миров Божьих сошлись разом в душе его и она вся трепетала «соприкасаясь мирам иным». Простить хотелось ему всех и за все, и просить прощения, о! не себе, а за всех, за все и за вся, а «за меня и другие просят»,— прозвенело опять в душе его. Но с каждым мгновением он чувствовал как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и это уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом, и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты. «Кто-то посетил мою душу в тот час,— говорил он потом,— с твердой верою в слова свои...»

ПОЧЕМУ ПАЛО КРЕПОСТНОЕ ПРАВО

Одной из характерных особенностей нашей прошлой истории является необычайная сила и устойчивость в нашем общественном строе института принудительного труда. Крепостное право не представляло собой ничего специфически русского: западная Европа была хорошо знакома с этим институтом, и было время, когда на Западе закрепощенное крестьянство охватывало до 4/5 всего населения. Но уже в 13 - 14 веках на Западе начинается раскрепощение населения — медленный, но неуклонно развивавшийся процесс, растянувшийся на несколько столетий. Падение крепостного права в странах Запада не может быть приурочено в какой-либо определенной исторической дате и только остатки крепостного права были уничтожены во Франции в знаменитую ночь 4 августа 1789 г., а в германских государствах значительно позже. Ничего похожего на день 19 февраля Запад не знал.

Напротив, наше крепостное право не только не отмирало путем длительного стихийного процесса, но развивалось в обратную сторону. В 14 и 15 веках оно еще не сложилось в определенный юридический институт. В 16 и 17 веках закрепощение крестьянина принимает уже законченные формы, но крепостной крестьянин все же остается крепостным своего помещика, а не его рабом — он все же еще не вполне бесправное существо. Российское государство развивает дальше и дальше свое политическое могущество, превращается в колоссальную империю — и все ниже и ниже падает крестьянин.

При Екатерине* крестьянин становится в полном смысле слова собственностью помещика, который распоряжается им, как вещью. В то время как на Западе крепостной крестьянин постепенно приобретает новые и новые права, у нас крепостной крестьянин утрачивает последние жалкие остатки свободы; только по имени наш крепостной в конце 18 века не был рабом. Как прекрасно сознавали современники, наше крепостное право позднейшего времени в сущ-

ности было чистейшим рабством. В начале царствования Николая I*, Сперанский** составлял по его поручению записку, в которой устанавливал различие между прежним крепостным правом , которое было крепостью земле (Servage) и новым крепостным правом , которое является крепостью личности, иначе говоря, рабством (Esclavage). Этот новый вид крепостного права Сперанский признал продуктом позднейшего злоупотребления помещичьей властью.

Исчезновение крепостного права на Западе совершилось путем превращения личных трудовых повинностей крепостных крестьян в определенные денежные оброки. У нас точно также были барщинные и оброчные крестьяне, но не только не наблюдалось общей тенденции к переводу барщинных крестьян на оброк , но во многих районах замечалось обратное. Когда накануне освобождения Лебедянское общество сельского хозяйства поставило на обсуждение вопрос о сравнительной выгодности ведения хозяйства при помощи барщинных и оброчных крестьян , то местные помещики высказывались в пользу барщины. По расчетам помещиков костромской губернии, барщинное тягло в имениях с земледельческим хозяйством давало в среднем 150 р. денежного дохода, а оброчное тягло лишь 50 - 60 р. дохода.

Конечно, все подобные расчеты были очень произвольны, но факты говорят, что в земледельческих губерниях в первую половину прошлого века не только не наблюдалось ослабления барщины, а, наоборот , барщина росла насчет оброка. Другое замечалось в промышленных губерниях , в которых процент оброчных крестьян за время от конца 18 века до кануна освобождения, увеличился очень значительно. Так , в московской губернии процент оброчных крестьян (в общей сумме крепостных крестьян) возрос с 36 до 68, во владимирской — с 50 до 70, ярославской — с 78 до 89, костромской — с 85 до 88, псковской — с 21 до 23. Почти во всех губерниях нечерноземной полосы наблюдалось повышение процента оброчных крестьян.

Напротив, в губерниях черноземной полосы, где земледелие было господствующим занятием населения, процент барщинных крестьян увеличивался. Так, в воронежской губернии процент барщинных крестьян возрос с 36 до 55, орловской с 66 до 72, пензенской с 48 до 75. В Малороссии накануне освобождения почти все крепостные крестьяне были на барщине.

Итак, в губерниях чисто земледельческих барщина ро-

сла насчет оброка. Объяснялось это тем, что в первой половине прошлого века в России быстро развивалось помещичье предпринимательское хозяйство. Следствием этого явилось расширение запашки помещичьих земель и, следовательно, рост потребности в рабочих руках для нужд помещичьего земледельческого хозяйства. При крайней примитивности этого хозяйства в техническом отношении, самой выгодной формой эксплуатации крестьянского труда в имении помещика была барщина. Отсюда и тенденция к замене оброка барщиной.

Рост барщины насчет оброка с полной очевидностью доказывает, что ничего похожего на постепенное отмирание крепостного права в России не наблюдалось. Если в промышленных губерниях крепостное право принимало более мягкие формы, то в земледельческих оно все теснее сплеталось с помещичьим предпринимательским хозяйством. Только благодаря даровому труду крепостных наше помещичье хозяйство первой половины прошлого века могло достигнуть значительного развития.

Почему же крепостное право все же пало и у нас? Под влиянием очень сложных причин, действие которых перекрещивалось с другими факторами, поддерживавшими крепостное право, и даже толковавшими его в сторону рабства.

На первом плане среди причин падения крепостного права следует указать на отношение к своему закрепощению самих крестьян. Крестьяне не признавали себя рабами и упорно стремились к свободе. По справедливому замечанию И. И. Игнатович, «крепостные далеко не были безгласным «быдлом», над которым дворянство и правительство безнаказанно могли производить эксперименты в экономической, правовой и других областях. Крепостная масса определенно и энергично протестовала против крепостных отношений как в целом так и против частных проявлений крепостного права». Хотя волнения крепостных крестьян в 19 веке и не принимали характера народных восстаний, угрожавших государству, но протест крепостных против рабства никогда не прекращался и даже усиливался с течением времени. За время царствования Николая I известно не менее 674 случаев крестьянских волнений. Но имеющиеся сведения далеко не отличаются полнотой; в действительности волнений было, несомненно, гораздо более. Число этих волнений по пятилетиям изменялось следующим образом:

1826 - 29 г. — 85.
1830 - 34 г. — 60.
1835 - 39 г. — 78.
1840 - 44 г. — 138.
1845 - 49 г. — 207.

За исключением первого пятилетия, когда на рост числа волнений повлиял первый год царствования Николая, число их с каждым пятилетием возрастает. Волнения происходили особенно часто в губерниях с преобладанием барщинных крестьян. Наиболее частой причиной волнений было стремление крестьян, на основании ли слухов о воле или по каким-либо другим основаниям, — к освобождению. В конце царствования Николая I и в начале царствования Александра II волнения стали принимать массовый характер. К таким волнениям относится витебское движение 1847 г., движение крестьян в разных губерниях в 1854 и 1855 гг. по поводу морского и государственного ополчения и движение многих тысяч крестьян на юге России «в Таврию за волей» в 1856 г.

Витебское движение возникло в связи с постройкой Николаевской ж. д. и слухами о том, что работающие при ее постройке рабочие получают волю. Эти слухи вызвали массовый уход крестьян со своих родных мест в поисках воли, причем толпы крестьян вступали в столкновение с воинскими частями и даже избили одну небольшую воинскую команду. В усмирении волновавшихся крестьян, число которых достигало до 10 тысяч, принимала участие значительная воинская сила — свыше тысячи человек. Движение по поводу морского и государственного ополчения времен Крымской кампании охватило, по официальным сведениям, 10 губерний и выразилось в уходе крестьян из своих деревень в города для записи в ополчение, что, по мнению крестьян, должно было дать им свободу. При усмирении этих волнений в Киевской губернии участвовало 16 эскадронов кавалерии и значительные силы пехоты и было убито и ранено до сотни крестьян.

Движение 1856 г. охватило харьковскую, екатеринославскую и херсонскую губ. Целые деревни уходили в «Таврию», в которой, по слухам, можно было получить волю. При усмирении движения в екатеринославской и херсонской губ. произошли 6 кровавых столкновений, причем несколько десятков крестьян было убито и ранено.

Эта готовность крестьянских масс откликаться на самые нелепые слухи, если с ними была связана надежда на

волю, ясно говорит, как сильна была в массах закрепощенных крестьян потребность в воле. Но правительство и общество не могли, конечно, забыть и двух великих крестьянских восстаний 17 и 18 веков*, которые до самого основания поколебали русское государство. «Призрак пугачевщины,-- говорит В.И. Семевский,— вечно стоял в глазах нашего дворянства и, как грозное memento mori напоминал о необходимости покончить с крепостным правом в интересах самих помещиков». На опасность крестьянского восстания неоднократно указывали и Екатерина и Николай. В знаменитой речи московскому дворянству Александр II повторил старую мысль, сказав, что лучше, чтобы «.освобождение произошло сверху, нежели снизу». Это соображение было всегда самым неотразимым аргументом в пользу освобождения.

Затем, далеко не все помещики были одинаково заинтересованы в сохранении крепостного права. Жизненно заинтересованы были только помещики, пользовавшиеся барщинным трудом. Это были, главным образом, средние и мелкие помещики. В Новороссии и отчасти в Юго-Западном крае уже до освобождения в помещичьем хозяйстве был распространен вольнонаемный труд; помещики этих районов должны были даже выиграть от освобождения, так как оно должно было понизить заработную плату, увеличив предложение рабочих рук. По материалам редакционных комиссий, в степную полосу ежегодно прибывало из центра России и Малороссии до 300 тысяч рабочих, но и этих рабочих не хватало для нужд широко развитого предпринимательского помещичьего хозяйства в этих губерниях. «Когда крестьяне всей Империи,— заявляли в редакционных комиссиях степные помещики,— получат право переходить с барщины на оброк и даже совершенно выходить из общества, то целая масса рабочих будет свободно двигаться к Югу, оплодотворяя эти степи вольным трудом, возвышая ценность земель и обогащая их владельцев».

Наиболее богатые помещики имели своих крестьян большей частью на оброке, так как вести хозяйство барщинными крестьянами при крупных размерах имения, а, тем более, во многих имениях, разбросанных в разных губерниях, было очень нелегко. Поэтому придворная знать, окружавшая царя, легко склонялась к мысли о ликвидации крепостного права на выгодных для себя условиях.

Но среди имущих классов были и решительные противники крепостного права. К таковым не могло не принадле-

жать все купечество, не имевшее крепостных. Фабриканты испытывали очень значительные стеснения в приискании свободных рабочих для своих фабрик. В то же время фабричная работа при помощи несвободных рабочих была решительно невыгодна, что доказывалось упадком посессионных фабрик*. В 18 веке право пользования принудительным трудом было основным условием самого существования крупной промышленности, и фабриканты из купеческого класса не могли не держаться за право пользования трудом посессионных рабочих. В 19 веке положение настолько изменилось, в силу введения в фабричное производство машин и общего изменения условий промышленности, что фабриканты, имевшие посессионных рабочих, сами стали просить правительство об избавлении их от этих рабочих. По ходатайствам посессионных фабрикантов правительство издало в 1840 г. закон, разрешавший увольнение в свободное состояние посессионных фабричных крестьян, и, хотя такое увольнение требовало в большинстве случаев известных денежных затрат со стороны фабриканта на переселение увольняющихся крестьян, около половины посессионных фабричных крестьян было уволено в свободное состояние самими фабрикантами.

Отсюда ясно, что в фабричной промышленности в 40-е годы 19 столетия принудительный труд был уже пережитком прошлого времени. Если крупное предпринимательское земледелие могло пользоваться принудительным трудом несмотря на его малую производительность, то фабрика требовала более производительного труда, каковым мог быть труд только свободного рабочего. К тому же сами фабриканты и торговцы в это время нередко выходили из крепостных крестьян и даже некоторые из них, давая работу сотням рабочих, оставались сами крепостными своих помещиков, не желавших отпускать их на волю. В селе Иванове, принадлежавшем графам Шереметевым, было немало таких крупных фабрикантов, которые, несмотря на все свои капиталы, сами были крепостными. Так как владение крепостными было привилегией дворянства, то естественно, что рост промышленной и торговой буржуазии подрывал социальный институт принудительного труда.

В этом отношении существует известная аналогия между освобождением крестьян в России и освобождением негров в Северной Америке. И у нас и в Америке рабство оказалось чрезвычайно живучим экономическим учреждением, легшим в основу предпринимательского земледелия. И здесь и там не наблюдалось ничего похожего на

постепеннее отмирание этого института и на готовность землевладельческого класса от него отказаться. И потому и в России, как и в Америке, рабство прекратилось в результате определенного законодательного акта, осуществленного лишь после упорного сопротивления класса, пользовавшегося принудительным трудом.

Таким образом, на стороне сохранения крепостного права были средние и мелкие помещики, ведшие барщинное хозяйство. Противником крепостного права была буржуазия. Крупное дворянство склонялось к ликвидации крепостного права на выгодных для себя условиях. Наконец, чиновничество, хотя и состоявшее в своих высших слоях преимущественно из земельного дворянства, но, благодаря службе, не ведшее барщинного хозяйства, занимало по отношению к крепостному праву то же положение, что и крупнее дворянство, с тем существенным добавлением, что к классовому помещичьему интересу в среде бюрократии присоединялись и важные профессиональные интересы, сближавшие ее с противниками крепостного права. Эти профессиональные интересы заключались, прежде всего, в сознававшейся нашими правительственными кругами опасности крепостного права для спокойствия государства. С государственной точки зрения следует стремиться к уничтожению крепостного права, постоянно угрожавшего народным восстанием, — и это прекрасно сознавалось правящими кругами России.

Затем, крепостное право тормозило экономическое развитие России и, в частности, развитие промышленности. Правительство со времени Петра усиленно заботилось о развитии промышленности, правильно полагая, что без роста производительных сил страны невозможно и увеличение ее политического могущества, — а это последнее было всегда главной целью нашей политики. Поэтому наша бюрократия не могла не сознавать необходимости упразднения крепостного права, сохранение которого было вопиющим противоречием с постоянными заботами правительства о развитии промышленности. Это последнее соображение не могло не быть очень сильным доводом в пользу освобождения: интересы государственного могущества не могли не иметь веса в глазах правительства. «Крепостное право причиной того, что у нас нет торговли и промышленности»,— говорил Николай I депутатам от смоленского дворянства.

Мы видим, что в России половины прошлого века были могущественные интересы на стороне как сохранения, так

и уничтожения крепостного права, — и вот почему вопрос об его уничтожении стоял на очереди в течение более полувека, но все не получал окончательного решения. Но чем дальше подвигалось наше общественное развитие, тем сильнее становилось течение, враждебное рабству. После декабрьского восстания и образования у нас политической оппозиции приобретает значение и чисто идейное, внеклассовое движение, направленное против крепостного права. Вся лучшая часть русского общества, без различия направлений, славянофилы не менее, чем западники, стремилась к освобождению России от позорного клейма рабства. И это внеклассовое движение, вдохновлявшееся отвращением к крайней социальной несправедливости и к крайнему угнетению человеческой личности не могло не нарастать по мере культурного роста России.

Таким образом, время мало-помалу подрывало устои крепостного права. Но, опираясь на могущественные классовые интересы, на интересы среднего помещика, жившего в своей деревне и не могшего себе представить хозяйства без барщинного труда, оно продолжало держаться, пока, наконец, не пало после разгрома, испытанного Россией в эпоху Крымской войны. Война самым убедительным и бесспорным образом доказала необходимость обновления нашего общественного строя, приведшего к политическому ослаблению государства. Оказалось, что и помимо угрозы народным восстанием, старый строй, краеугольным камнем которого было крепостное право, опасен государству уже тем, что он разрушает основы политической силы государства.

Этот аргумент был всего понятнее правящим сферам и он явился тем последним ударом, который привел к крушению институт принудительного труда. Но и без этого удара крепостное право должно было пасть. Поражение в Крымской кампании дало лишь последний толчок к историческому событию 19 февраля, которое было вызвано невозможностью дальнейшего культурного и экономического роста государства при сохранении института рабства.

ГЕРЦЕН И ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Сближение этих двух имен невольно напрашивается для всякого, знакомого с историей нашей общественной мысли. Герцен* и Чернышевский** являются создателями и самыми выдающимися представителями русского социализма в специфическом значении этого слова. Оба они были любимыми учителями и вождями нашей интеллигенции и оба тяжело поплатились за верность своим общественным идеалам, оба доказали всей своей жизнью одушевлявший их моральный пафос и способность к героическому самопожертвованию. И их общее мировоззрение обнаруживает так много общих черт, что, при недостаточном углублении в тонкие особенности воззрений того и другого, можно совсем не заметить характерных для них различий и рассматривать Герцена и Чернышевского как выразителей одного и того же общественного типа.

Действительно, общественные программы Герцена и Чернышевского сходны по самым существенным пунктам. И Герцен и Чернышевский в равной мере возлагали надежды на русскую общину и видели в ней ячейку социалистического строя. Русский крестьянин был центром их общественных надежд; будучи убежденными западниками, они в то же время видели сильные стороны и в славянофильстве. Придавая первенствующее значение социальным реформам, они понимали, что без коренного преобразования русского политического строя и достижения политической свободы невозможно никакое прочное улучшение экономического положения русского мужика.

Наконец, что касается самых глубоких основ их мировоззрения, оба они были убежденными индивидуалистами. Верховной ценностью мира они признавали человеческую личность; возможно полная свобода развития человеческой индивидуальности была, в их глазах, конечной целью общественного союза; если они были социалистами, то именно потому, что только социализм мог в их глазах обеспечить человечеству эту свободу.

И, однако, несмотря на эту близость в стольких существенных пунктах, друг в друге они не видели близких людей. Чернышевский приезжал в Лондон со специальной целью личного свиданья с Герценом. Необходимость в этом свидании была вызвана полемикой Герцена с «Современником»*. В № 44 «Колокола»** появилась статья Герцена, в которой Герцен очень резко нападал на кружок Чернышевского. «Журналы, сделавшие себе пьедестал из благородных негодований,— писал он,— и чуть не ремесло из мрачных сочувствий со страждущими, катаются со смеху над обличительной литературой и над неудачными опытами гласности... Не лучше ли, господа, вместо освистывания неловких опытов вывести на торную дорогу, самим на деле помочь и показать, как надо пользоваться гласностью... мало ли на что вам есть точить желчь... Истощая свой смех на обличительную литературу, милые паяцы наши забывают, что на этой скользкой дороге можно досвистаться не только до Булгарина*** — и Греча****, но и (чего Боже сохрани) до Станислава на шею».

Личное свидание не только не привело к сближению Герцена с Чернышевским, но окончательно разъединило их. Они почувствовали, что они люди совершенно различного душевного склада. Сын священника Чернышевский увидел в знаменитом эмигранте человека, несомненно, очень умного, но «отсталого» «московского барина». А Герцен охарактеризовал Чернышевского, как «желчевика», одного из тех людей, которые напоминают, «монахов, из любви к ближним доходящих до ненависти ко всему человеческому и проклинающих все на свете из желания что-нибудь благословить».

Такая неспособность к взаимному пониманию не могла не указывать на наличность глубоких различий взглядов. И, действительно, оба великих социалиста представляли собой крайние противоположности индивидуалистического мировоззрения. И тот и другой были индивидуалистами, но индивидуалистами совершенно различного типа. Есть индивидуализм и индивидуализм. Индивидуалистическое мировоззрение признает верховной ценностью человеческую личность. Но что такое человеческая личность? Под человеческой личностью можно понимать, во-первых, индивидуального человека во всем его конкретном своеобразии. Каждый человек есть единственный в своем роде и замкнутый в себе бесконечно сложный мир, микрокосм, однажды возникший во времени по непонятным для нас законам вселенной и никогда не имеющий повториться. Этот микрокосм, носителем которого является каждый

человек, имеет сам по себе бесконечную ценность, по той простой причине, что он есть нечто единственное в своем роде во всей вселенной и ничем не может быть заменен. С этой точки зрения, личность одного человека имеет такую же бесконечную ценность как и личности многих людей, а так как бесконечность, умноженная на любое число, остается той же бесконечностью, то ценность одного человека не меньше, чем всего человечества. Каждый человек должен иметь возможность развивать все особенности своей личности во всем их своеобразии и многогранности, ибо сглаживание, уменьшение этой многогранности равносильно оскудению личности. Верховной целью человеческого общежития является достижение не наибольшего счастья большинства, но наибольшей высоты человеческой личности, наибольшего внутреннего богатства духовного содержания человека. Если счастье большинства покупается насчет сокращения индивидуальных особенностей людей, насчет обезличения человека, то оно не получает санкции индивидуалистического идеала, требующего, чтобы человеческая личность беспрепятственно развивала все бесконечное богатство своих индивидуальных черт.

Индивидуализм этого типа отстаивает права меньшинства от посягательств большинства, права каждой человеческой личности против массы, права отдельного индивида против толпы, поэтому этот вид индивидуализма, который может быть назван *конкретным* индивидуализмом, может принимать аристократический характер, как например у Ницше*, который во имя свободы развития личности немногих избранников выражал полное презрение к интересам остального большинства, человеческой толпы. Но, по существу, этот индивидуализм вовсе не должен с необходимостью приводить к аристократическому мировоззрению, так как можно считать допустимым достижение свободы отдельных личностей без всякого ущерба для интересов большинства. Поэтому на почве такого индивидуализма может стоять, как убежденный социалист, так и не менее убежденный враг социализма. Герцен и был чрезвычайно ярким выразителем индивидуализма этого типа. Он был безусловным социалистом, но, в то же время, его всего более страшило господство толпы, всеобщей посредственности, подавление индивидуальности, таланта ради благополучия большинства. Это господство толпы он выражал термином «мещанство», и торжество мещанства ему казалось величайшей опасностью для человеческой культуры. Он предвидел возможность мещанского социализма, но социализм, по его представлению, мог получить осу-

ществление и в другой форме, совершенно чуждой обезличения человека, и за такой социализм он всеми силами боролся.

Но есть индивидуализм и иного типа. Этот второй тип индивидуализма равнодушен к особенностям каждого человека и видит в человеческой личности просто общественный атом, единственную реальность человеческого общества. Человеческое общество состоит из отдельных личностей и каждый отдельный человек в этом отношении равен другому. Своеобразие отдельных людей не представляет, само по себе, какой-либо самостоятельной ценности и поэтому, если интересы большинства требуют пожертвования этим своеобразием, то общество должно смело решаться на это. Счастье большинства — вот верховный критерий, которым должна измеряться ценность всякого общественного строя. Ценность морали, равно как и всей высшей культуры, определяется этим же критерием, и страх перед господством толпы указывает лишь на равнодушие к интересам большинства, на аристократическое презрение к среднему человеку, характерное для представителей господствующих классов современного общества, привыкших к эксплуатации рабочей массы в своих интересах.

Этот второй вид индивидуализма, который может быть назван *абстрактным* индивидуализмом, так как он ценит человеческую личность лишь как общественный атом, как нечто общее всем людям, отвлекаясь от их индивидуальных особенностей, имеет всегда демократический характер и легко приводит к социалистическому мировоззрению. На почве этого абстрактного индивидуализма стоял Чернышевский, составляя в этом отношении резкую противоположность Герцену. Люди таких разных мировоззрений не могли понимать друг друга. Каждый видел в другом лишь его слабые стороны, принимавшие особенно резкий характер на фоне противоположного мировоззрения. Герцен казался Чернышевскому, прежде всего, барином, аристократом. И, действительно, известный аристократизм был присущ Герцену, но это был аристократизм духа, аристократизм человека огромного таланта, утонченной духовной культуры, не мирящейся с ее отрицанием. Чернышевский же казался Герцену представителем мещанского социализма, враждебного всякой сложности и всякому разнообразию жизни, исполненного демократической зависти ко всякому таланту, ко всякому превосходству.

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СОЦИАЛИЗМ

(по поводу сборника «Вехи»)

Социалистические симпатии русской интеллигенции составляют одну из ее наиболее характерных отличительных черт. Можно быть различного мнения относительно глубины и серьезности этих симпатий, но не подлежит сомнению, что в среднем русском интеллигенте не заметно ничего похожего на враждебное отношение к социализму, которое так часто приходится встречать в представителях образованных классов Запада. Русский интеллигент, если он вообще не чужд общественных интересов, обычно более или менее сочувствует, а иногда и фанатически привержен социализму . Это настолько бросается в глаза, что почти не требует доказательств.

Причины полубессознательного тяготения нашей интеллигенции к социализму коренятся очень глубоко в условиях нашего общественного развития. У нас много спорили и спорят об особенностях исторического развития России сравнительно с Западом. Но среди этих особенностей есть, однако, одна, которой нельзя не заметить. Бюхер* схематизировал хозяйственную историю Запада, как последовательную смену трех ступеней хозяйства — замкнутого хозяйства. городского и народного. Под городским хозяйством он понимал хозяйство средневекового города с типичной для него цеховой организацией мелкого промышленного производства — ремесла. Средневековый город, цеховое ремесло были почвой, из которой выросла вся цивилизация Запада, весь этот в высшей степени своеобразный общественный уклад, который поднял человечество на небывалую культурную высоту. Город создал новый общественный класс, которому суждено было занять первенствующее место в общественной жизни Запада — буржуазию. Достигнув экономического преобладания буржуа-

зия стала и политически господствующей силой и вместе носительницей культуры и знания.

Все это достаточно известно. Не менее известно и то, что историческое развитие России шло совершенно иным путем. Россия не проходила стадии городского хозяйства, не знала цеховой организации промышленности — и в этом заключается самое принципиальное, самое глубокое отличие ее от Запада, отличие, из которого проистекли, как естественное последствие, все остальные. Не зная городского хозяйственного строя, Россия не знала и той своеобразной промышленной культуры, которая явилась отправной точкой дальнейшей хозяйственной истории Запада; благодаря этому в России не могла получить значительного развития и та общественная группа, которая на Западе явилась главным фактором хозяйственного прогресса, — буржуазия.

Конечно, у нас был свой старинный капиталистический класс в виде торговцев. Но это было нечто совершенно особое и отнюдь не похожее на промышленную буржуазию Запада. Наш торговый капитал уже по самой своей природе не мог создать новой социально-экономической организации, подобной средневековому цеху, и вообще не принес с собой никакой новой культуры. И потому несмотря на прочное место, которое в строе нашего общественного хозяйства занял торговый капитал, у нас не было капиталистической культуры и не было буржуазии в западноевропейском смысле слова.

Особое значение имело отсутствие у нас мелкой буржуазии. В западноевропейском хозяйственном укладе именно мелкая буржуазия в течение целого ряда веков играла руководящую роль. Мелкие промышленники и торговцы составляли главную массу городского населения. Именно из их среды и выходили, по преимуществу, люди либеральных профессий и вообще представители умственного труда. Мелкая буржуазия играла промежуточную роль между высшими классами и народными массами и соединяла все слои населения в одно целое национальной культуры. Крупная буржуазия приобретает существенное значение в хозяйственном строе Запада только с возникновением фабричного производства и до настоящего времени не может вполне оттеснить на задний план мелкую буржуазию. Именно мелкая буржуазия, ее культурный идеал, ее исторически

сложившиеся духовные черты, вкусы и привычки по преимуществу определяет собой духовную физиономию образованного человека Запада и в наше время.

Но если у нас не было буржуазии вообще, то в особенности не было мелкой буржуазии. Мелкая буржуазия была всецело созданием городского цехового строя, которого Россия даже в каких-либо зачатках совершенно не знала. Крупный торговый капитал у нас имелся налицо — но не было ничего похожего на мелкокапиталистическую промышленную культуру Запада. И потому культурный тип русского образованного человека должен был приобрести существенно иные черты, чем культурный тип образованного человека Запада.

«Пора прийти к покойному и смиренному сознанию,— писал 60 лет тому назад Герцен*, — что мещанство — окончательная форма западной цивилизации, ее совершеннолетие. С одной стороны, мещане-собственники, упорно отказывающиеся поступиться своими монополиями, с другой — неимущие мещане, которые хотят вырвать их достояние, но не имеют силы на это».

Строки эти в высшей степени характерны. Присмотревшись к духовному облику западноевропейца, типичный русский интеллигент Герцен нашел, что всем классам западноевропейского общества, несмотря на огромные различия между ними, обще то, что можно назвать «мещанством» — иначе говоря, психические черты мелкого буржуа. Как известно, каждому наблюдателю всего более бросаются в глаза в наблюдаемой им новой среде именно те ее особенности, которыми она наиболее отличается от особенностей привычной среды данного наблюдателя. И если русскому интеллигенту западноевропейское общество кажется прежде всего «мещанским», то это доказывает, что его собственная среда этими признаками не обладает.

И, действительно, общественная среда, создавшая русского интеллигента, не имела ничего общего с мелкой буржуазией Запада. Одним из первых русских интеллигентов был Петр, сознавший необходимость усвоения западноевропейского просвещения. Чтобы быть могущественным, государство должно иметь в своем распоряжении образованных людей. Допетровская Русь таковыми не располагала. Отсюда возникает чрезвычайно важная задача для государственной власти — создать кадры образованных людей,

которые могли бы нести государеву службу. Служба эта была естественной повинностью служилого сословия — дворянства. И вот дворянство, под непосредственным давлением правительства, мало-помалу начинает усваивать науку Запада.

Наша интеллигенция первой половины XIX века еще всецело дворянская и чиновничья интеллигенция. Образованные классы русского общества в это время почти совпадают с офицерством и чиновничеством, которыми держалось русское государство. Плата за обучение в средних и высших учебных заведениях была очень невелика; в то же время всякий ,получивший образование, легко приобретал доступ к сравнительно хорошо оплачиваемой государственной службе и, достигая посредством чинов дворянства, приобщался к господствующему сословию.

При таком положении дела масса образованного общества должна была сливаться с чиновничеством, и только среди богатого дворянства могли встречаться образованные люди, не несшие государственной службы.

Эта дворянская и чиновничья интеллигенция, жившая или службой государству, или получавшая доходы от труда своих крепостных, не могла не сложиться в совершенно иной культурный тип, чем образованные люди Запада, вышедшие из буржуазных классов и тесно связанные с ними всеми своими интересами. С декабристов начинается сознательная борьба русского общества с русским самодержавием и все растущее оппозиционно-революционное движение. Его средой было вначале преимущественно богатое дворянство, в котором сосредоточивался к этому времени цвет нашей интеллигенции. Движение декабристов было не совсем чуждо классовой дворянской окраски, но осознанные мотивы его не имели ничего общего с классовыми интересами дворянства. В лице Пестеля* оно выставило требование не только политического преобразования русского государства и отмены крепостного права, но и широкой аграрной реформы на началах права каждого на землю. Трудно сказать, являлась ли земельная реформа Пестеля продуктом его собственного творчества или была заимствована им у современных ему французских и английских социалистов. Во всяком случае, в лице самого выдающегося из декабристов мы впервые видим русского интеллигента с социальными идеалами, приближавшими-

ся к социализму.

Несколько позже социализм уже в своем подлинном виде пускает ростки на русской почве. Кружок Герцена — Огарева* жадно усваивает учение французского социализма, и социализм начинает в России свою историю, ограничивая сферу своего влияния вплоть до самого новейшего времени почти исключительно интеллигенцией. Широкие народные массы не имеют ничего общего с социалистическими увлечениями небольшой кучки интеллигентов; но зато в этой немногочисленной общественной среде гонимое учение приобретает верных адептов, жертвующих всем на алтаре своей социальной веры.

Почему же социализм нашел себе благодарную почву именно среди русской интеллигенции? Русский интеллигент был и остается, как указывал еще Герцен, удивительно свободным в культурном отношении существом. На Западе существовала и существует могучая историческая национальная культура, носительницей которой была в новейшее время по преимуществу буржуазия; образованные классы Запада еще недавно тесно примыкали по всем своим интересам к буржуазии. Напротив, русский интеллигент стоял вне влияния буржуазной культуры уже по одному тому, что таковой у нас не было. Что же касается до русской исторической культуры, выразившейся преимущественно в создании огромного деспотического государства, то вражда к этой культуре есть одна из характернейших черт русского интеллигента, восставшего на русское историческое государство, и в течение уже многих поколений ведущего с ним борьбу. Борьба эта, требующая огромного напряжения духовных сил, требует и энтузиазма, и таковой дается только верой в определенный социальный идеал. Что же могло явиться таким идеалом для русского интеллигента? Идеал либерализма уже давно потерял свою действенную силу и ни в ком энтузиазма не вызывает; уже давно никто не верит, что политическая и гражданская свобода, как бы широка она ни была, могла, сама по себе, привести к удачному разрешению социальных вопросов нашего времени и общему благополучию. Идеал мощного национального государства не мог находить ни малейшего отклика в душе интеллигента, ведущего с этим самым государством упорную борьбу. Таким образом, только для идеала социализма душа русского интеллигента была от-

крыта.

Будучи культурно совершенно свободен, русский интеллигент, в лице своих руководящих представителей естественно прилепился духом к тому социальному идеалу, который обещает всего более в смысле улучшения условий общественной жизни. Западноевропейцу не приходилось выбирать для себя мировоззрение и социальный идеал; он получил их в готовом виде из окружающей его социальной среды. Напротив, русский интеллигент оторван от своей исторической почвы и потому выбрал себе тот социальный идеал, который казался всего более обоснованным с рационалистической точки зрения. Таким космополитическим, сверхнациональным и сверхисторическим идеалом является социалистический идеал.

На Западе линия общественного развития направляется сознательной борьбой классов за свои классовые интересы. Все классы населения принимают участие в политической жизни и стремятся подчинить своим интересам государственную власть. На почве этой борьбы возникает внутри каждого класса сильное чувство классовой солидарности, побуждающее каждого отдельного представителя класса не только за страх, но и за совесть отстаивать интересы своего класса. Каждый класс имеет своих убежденных, искренних идеологов, бескорыстно увлеченных красотой того культурного типа, выразителем которого является данный класс. И это увлечение вполне понятно, так как всякая мощная историческая культура имеет свою особую, специфическую, незаменимую прелесть и красоту, свой собственный аромат.

Вполне понятна психология потомка крестоносцев, погибавшего во Франции в эпоху террора за монархию и католическую веру. Точно также огромные культурные заслуги буржуазии объясняют идейную преданность буржуазным идеалам среднего западноевропейца. Культурные традиции каждого класса настолько могущественны, что только исключительные личности находят в себе силы их порвать.

Совсем иное мы видим в России. Масса общества совсем не жила политической жизнью; господствующие классы не нуждались в борьбе за свои интересы, так как эти интересы достаточно охранялись правительственной властью. Отсюда слабость классовой солидарности. А об-

щий низкий уровень культуры препятствовал идеализации классового типа. Благодаря этому люди господствующих классов русского общества были гораздо менее связаны культурными традициями и интересами своих классов, чем на Западе. На Западе социализм уже давно стал реальной и очень серьезной угрозой интересам господствующих классов. С социализмом ведет борьбу не только западноевропейское государство, но прежде всего само общество в лице руководящих классов. Напротив, в России вплоть до новейшего времени, имущие классы не имели ровно никакого основания опасаться какого-либо реального ущерба своим интересам от социализма, не переходившего за пределы интеллигентской идеологии; не привыкнув к идеологической защите своих интересов, не имея классовой организации и не нуждаясь в ней, они не могли дать никакого духовного отпора идеям социализма, овладевшим умами отдельных представителей дворянской интеллигенции. И потому мы наблюдали в России странное, с западноевропейской точки зрения, зрелище революционного социализма, распространившегося в среде интеллигенции господствующего дворянского класса. Декабристы были первыми такими революционерами из дворянства и даже, по преимуществу, высшего, богатого дворянства. Но они еще были чужды в своей массе социалистических идей. Затем, со времени Герцена и Белинского*, социализм становится излюбленным мировоззрением нашей оппозиционной интеллигенции, сохранявшей, вплоть до 60-х годов, дворянско-чиновничий характер.

Однако, пока классовый состав нашей интеллигенции не испытал существенного изменения, социалистическим увлечениям была доступна лишь ничтожная часть наших образованных людей. Мало-помалу, состав нашей интеллигенции изменяется — в 60-е годы в нее вливается широкой волной «разночинец». «Разночинец», вышедший из среды «народа», испытавший на себе весь гнет нужды и не обладавший никакими наследственными имениями и капиталами, становился социалистом без всякой внутренней борьбы с самим собой. И вот, начиная с 60-х годов, социализм становится в России мировоззрением широких групп интеллигенции.

Рецепция социализма интеллигентом-разночинцем произошла с большой легкостью в силу целого ряда благопри-

ятствовавших этому условий. Разночинец вышел из «народа», не терял с ним связи, и потому «народолюбие» являлось такой же его естественной чертой, как «буржуазный дух» западноевропейца. Будучи народолюбив, разночинец в то же время, как человек книжный и не занимающийся хозяйственной деятельностью (учитель, врач, земский служащий, журналист и т. д.), был непрактичен и прямолинеен. Главное же, он был проникнут революционным духом и относился с величайшим отвращением к историческим формам русской жизни, среди которых он чувствовал себя решительным отщепенцем. Так сложился тип русского интеллигента-отщепенца, которого С. Л. Франк* в «Вехах» остроумно определяет, как «воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия».

«Кучка чуждых миру и презирающих мир монахов,— говорит тот же автор о русских интеллигентах, — объявляет миру войну, чтобы насильственно облагодетельствовать его и удовлетворить его земные, материальные нужды. Все одушевление этой монашеской армии направлено на земные, материальные интересы и нужды, на создание земного рая сытости и обеспеченности; все трансцендентное, потустороннее и подлинно религиозное, всякая вера в абсолютные ценности есть для нее прямой и ненавистный враг».

В этом есть несомненная доля истины: конечно, русский интеллигент-социалист борется за земные, здешние, а не потусторонние блага; конечно, его религиозное воодушевление питается не трансцендентными мотивами. Напрасно только С. Л. Франк говорит о «насильственном» облагодетельствовании мира — огромное большинство человечества отнюдь не считает удовлетворение «земных, материальных нужд» такой ничтожной и пустой вещью, как наш идеалистический философ. Поэтому, стремясь сделать людей сытыми, социалисты-интеллигенты находятся в полном согласии с пожеланиями большинства и, значит, в насилии над ним не нуждаются.

Когда-то П. Б. Струве** объявил русскую интеллигенцию в социологическом смысле «quantité, negligeable». Теперь авторы «Вех» видят в интеллигенции огромную и притом гибельную для России силу. «Худо ли это или хорошо, — говорит С. Н. Булгаков***, — но судьбы Петровой России находятся в руках интеллигенции»; если интеллиген-

ция не изменит своего духовного облика, то «в союзе с татарщиной, которой еще так много в нашей государственности и общественности, погубит Россию». В чем будет заключаться «гибель России» — ни С. Н. Булгаков, ни другие авторы «Вех» не поясняют. По-видимому, эту гибель они усматривают в распадении русского государства как естественном результате торжества революции, которую они признают всецело созданием интеллигенции.

Однако положение является не совсем безнадежным, и авторы «Вех» призывают интеллигенцию к покаянию и исправлению. Основная ошибка интеллигенции, как поясняется в предисловии* к «Вехам», заключается в непризнании того, что «внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства. С этой точки зрения, идеология русской интеллигенции, всецело покоящаяся на противоположном принципе — на признании безусловного примата общественных форм — представляется внутренне ошибочной и практически бесплодной». Исходя из этого убеждения, авторы «Вех» рассчитывают на возможность возрождения интеллигенции к новой жизни: интеллигенции,— говорит П. Б. Струве,— необходимо пересмотреть все свое миросозерцание и в том числе подвергнуть коренному пересмотру его главный устой — социалистическое отрицание личной ответственности... С вынутием этого камня — а он должен быть вынут — рушится все здание этого миросозерцания. При этом самое положение «политики» в идейном кругозоре интеллигенции должно измениться. С одной стороны, она перестанет быть той изолированной и независимой от всей прочей духовной жизни областью, которой она была до сих пор. Ибо в основу и политики ляжет идея не внешнего устроения общественной жизни, а внутреннего совершенствования человека. А, с другой стороны, господство над всей прочей духовной жизнью независимой от нее политики должно кончиться».

Итак, коренная ошибка интеллигентского миросозерцания найдена, и интеллигенция должна усвоить новую, неизвестную ей истину, открытую авторами «Вех» и являющуюся «их общей платформой» — «признание теоретического и практического первенства духовной жизни над

внешними формами жизни». Но, Боже мой! до какой степени эта «истина» не нова, до какой степени избит этот аргумент, неизменно выдвигавшийся во все времена противниками общественных реформ. Можно было думать, что мы уже переросли старый спор на тему о том, что важнее — улучшение внешних форм общественного устройства людей или духовное развитие самого человека, иначе говоря, общественные реформы или самосовершенствование человеческой личности. Ничего не может быть бесплоднее и бессодержательнее этого спора, основанного на разрывании и противопоставлении друг другу вещей, в действительности неразрывно связанных между собой и взаимно обусловливающих друг друга. В этом споре предполагается, что общественные формы и человеческая личность представляют собою две совершенно независимые друг от друга социологические категории, причем сторонники примата общественных форм утверждают, что личность создается общественными формами, сторонники же противоположного взгляда — что общественные формы создаются личностью. Обе стороны одинаково правы и неправы — «личность» и «общественные формы» обусловливают и определяют друг друга. Уровень развития личности обусловливает собой строй общежития — так например, совершенно невозможно представить себе каких-нибудь бушменов или австралийских дикарей живущими политической жизнью англичан — имеющими парламент, колониальную империю и пр. Но, с другой стороны, совершенно ясно и то, что общественные формы определяют собой уровень развития личности; совестно и доказывать подобные труизмы. Неужели авторы «Вех» серьезно думают, что, например, уровень просвещения нисколько не влияет на высоту развития личности? А разве распространение просвещения в данном обществе не находится в связи с «внешними формами жизни» и т. д. По мнению П. Б. Струве, в основу политики должна лечь «идея не внешнего устроения общественной жизни, а внутреннего совершенствования человека». Итак, политика не должна, прежде всего, стремиться к «внешнему устроению общественной жизни!» Но разве это будет политика, а не ее упразднение?

Впрочем, относятся ли сами авторы «Вех» серьезно к тому, что они объявляют своей «общей платформой»? По

отношению к П. Б. Струве это подвержено большому сомнению. По его мнению, русской интеллигенции предстоит уничтожение, она должна «перестать существовать, как некая особая культурная категория». А это произойдет потому, что «в процессе экономического развития интеллигенция «обуржуазится», т. е. в силу процесса социального приспособления примирится с государством и органически-стихийно втянется в существующий общественный уклад, распределившись по разным классам общества. Это, собственно, не будет духовным переворотом, а именно лишь приспособлением духовной физиономии к данному социальному укладу. Быстрота этого процесса будет зависеть от быстроты экономического развития России и от быстроты переработки всего ее государственного строя в конституционном духе».

Итак, с одной стороны, «первенство духовной жизни над внешними формами жизни», с другой же — «приспособление духовной физиономии к данному социальному укладу». С одной сторон». политики должна отказаться от «идеи внешнего устроения жизни», с другой же стороны, это самое «внешнее устроение жизни» должно изменить духовный облик интеллигенции в желательном смысле! Может ли внутреннее противоречие и непоследовательность своим собственным отправным посылкам идти дальше?

Итак, П. Б. Струве не совсем забыл свои марксистские увлечения и по-прежнему возлагает свои главные надежды на «экономическое развитие России». Примат же «духовной жизни над общественными формами» играет роль некоторого инородного тела в системе воззрений нашего автора — и мы вряд ли будем к нему несправедливы, если придадим гораздо больше значения его призыву к буржуазному перерождению русской интеллигенции, чем к ее внутреннему духовному очищению. На последнее бывший редактор «Освобождения»*, прошедший реалистическую школу Маркса, вряд ли может возлагать такие надежды, как г. Гершензон, для которого русская интеллигенция есть только «кучка искалеченных душ», «сонмище больных. изолированных в родной стране». П. Б. Струве теперь прекрасно знает, что русская интеллигенция представляет собой огромную общественную силу, созданную условиями исторического развития России, и что изменение духовного

облика интеллигента возможно лишь, как результат изменения общественных форм русской жизни.

Более полувека тому назад гениальный русский интеллигент, ознакомившись со строем жизни западноевропейца, был поражен «мещанством» всего его жизненного уклада. «Мещанство» было наиболее ненавистно Герцену как выражение смерти духа при внешней сытости и довольстве. В отсутствии «мещанства» Герцен видел самую существенную отличительную черту и самое существенное преимущество русского интеллигента перед образованным человеком Запада. П. Б. Струве готов признать, что русскому интеллигенту чуждо мещанство, но в этом он и видит все несчастие, возлагая надежды именно на усвоение интеллигентом мещанства. В самом деле, не должно ли развитие капитализма привести к тому, что и русский интеллигент «обуржуазится», проникнется мещанским духом и, таким образом, утратит свои черты воинствующего монаха, столь антипатичные авторам «Вех»?

И это, действительно, центральный вопрос будущности нашей интеллигенции. Если духовный облик русского интеллигента испытает глубокое внутреннее перерождение, то только в силу изменения социального уклада России, а отнюдь не под влиянием самопроизвольного внутреннего творчества человеческой личности. И многое, по-видимому, говорит в пользу прогноза Струве. Среди самой интеллигенции, в особенности среди марксистов, убеждение в неизбежности предстоящего буржуазного перерождения интеллигенции очень распространено. При этом обыкновенно ссылаются на пример Запада. На Западе образованные классы, по обычному мнению, тесно примыкают к буржуазии и составляют ее нераздельную часть; по мере усвоения Россией западноевропейских общественных форм следует того же ожидать и относительно России.

Вопрос этот, как я сказал, имеет огромную важность для всего нашего будущего. И мне кажется, упрощенное марксистское решение его, которое усваивает безо всякой критики и Струве, малообоснованным.

Прежде всего, действительно ли на Западе нет ничего аналогичного нашей интеллигенции? Правда, большинство представителей образованных классов западноевропейского общества сравнительно с нашими интеллигентами кажутся проникнутыми буржуазным духом. Вопрос однако

заключается в том, в каком направлении изменяются духовные черты образованных классов Запада под влиянием хода исторического развития.

Как известно, слово «интеллигенция» вошло в особенно широкое употребление именно в России. П.Д. Боборыкин* приписывает себе введение его в обиход нашего языка, причем для нашего словоупотребления характерно, что термин «интеллигенция» обычно употребляется у нас для обозначения не столько определенной социально-экономической, сколько социально-этической категории. Под интеллигенцией у нас обычно понимают не вообще представителей умственного труда («мыслящий пролетариат», как определял разночинную интеллигенцию Писарев**), а преимущественно людей определенного социального мировоззрения, определенного морального облика. Интеллигент — его «критически мыслящая личность» в смысле Лаврова*** — человек, восставший на предрассудки и культурные традиции современного общества, ведущий с ними борьбу во имя идеала всеобщего равенства и счастья. Интеллигент — отщепенец и революционер, враг рутины и застоя, искатель новой правды. И если такое социально-этическое понимание данного термина незаметно сливается в общественном сознании с совершенно иным социально-экономическим его пониманием (интеллигенция, как группа представителей умственного труда), то это указывает, что в России «мыслящий пролетариат» или хотя бы руководящие, наиболее влиятельные его представители, в большей или меньшей степени, характеризуются вышеуказанными моральными чертами.

Напротив, неупотребительность или малая употребительность термина «интеллигенция» на Западе указывала на то, что обычный тип представителей умственного труда в западноевропейском обществе не выделялся особыми чертами от других общественных групп. Но в высшей степени характерно, что за последние годы положение изменилось. Во Франции все чаще и чаще говорят об «intellectuels», как особой своеобразной общественной группе, в Германии рассуждения об «Intelligenz» стали занимать видное место в социал-демократической литературе. В руководящем органе немецкого марксизма «Die Neue Zeit» появляется за последние 15 лет ряд статей, посвященных вопросу об интеллигенции, причем вопрос этот обсуждается и на парт-

ийных съездах.

«Интеллигенция как особый класс,— говорит Каутский* в своей статье «Die Intelligenz und die Socialdemokratie», — есть сравнительно новое явление, созданное развитием капиталистического хозяйства. Чем больше развивается капиталистическое хозяйство, тем больше увеличивается и спрос на высший, квалифицированный умственный труд, исполняемый по найму, как и всякий другой труд. Таким образом создается особая общественная группа интеллигенции, в лице которой «формируется новое и беспрерывно увеличивается среднее сословие, рост которого при известных условиях может покрывать убыль среднего сословия от упадка мелкого производства». Этот новый класс отличается от всяких других классов «своим более широким духовным горизонтом, своей более развитой способностью к отвлеченному мышлению и отсутствием общих классовых интересов. Она есть тот класс населения, который легче всего может подняться над классовой и сословной обреченностью, чувствовать себя идеалистически чуждым интересам минуты или классового эгоизма, имея в виду и представляя одни лишь длящиеся интересы всего общества в его целом».

Значительная часть этого класса по своим условиям жизни и интересам приближается к пролетариату. Вообще же интеллигенция, в силу отсутствия своих собственных классовых интересов, склонна к выдвиганию на первый план мотивов морального характера. «Интеллигенция есть мать катедер-социализма и социал-реформизма, принимающего в зависимости от различных политических социальных моментов самые различные формы — государственного социализма, культа рабочих союзов и кооперативного движения, национализации земли и этизирования классовой борьбы и т. д.».

Те же мысли относительно этого «нового среднего сословия» — интеллигенции — Каутский повторяет и во многих других своих статьях, указывая как на новое и характерное явление на все усиливающееся тяготение образованных классов западноевропейского общества, даже в тех слоях его, которые не имеют ничего общего с пролетариатом, к социализму. «В среде буржуазной интеллигенции,— пишет он, например, в брошюре «Социальная революция»,— заметно усиливаются симпатии к пролетариату

и социализму... Не имея никаких определенных классовых интересов и будучи по своей профессии всего более способны воспринимать теоретические воззрения, интеллигенты всего скорее могут склониться на сторону определенных партий под влиянием научных соображений. Для них должны сделаться ясными теоретическое банкротство буржуазной экономии и теоретическое превосходство перед нею социализма. При этом они все более и более начинают чувствовать, что другие общественные классы стремятся все более и более принижать искусство и науку».

Точно также и другие немецкие авторы указывают на растущее тяготение образованных классов немецкого общества к социализму. «В настоящее время,— пишет, например, Мауренбрехер, — уже гораздо больше социалистически мыслящих юристов, (а еще больше вполне сочувствующих рабочему движению), врачей и т. д., нежели двадцать пять — тридцать лет тому назад... Вся интеллигенция придет к пролетариату, как только обнаружится, что на всяком ином пути обесцениваются выводы наших наук и мощные силы культуры».

И во Франции наблюдается усиленный прилив людей умственного труда в социалистическую партию, что вызывает сочувствие одних и недовольство других, так как интеллигенты вносят нечто новое в деятельность партии. Ревизионист Жорес* констатирует, например, с большим удовлетворением, что «буржуазная интеллигенция, оскорбленная обществом, основанным на грубых меркантильных интересах, и разочарованная в буржуазном господстве, присоединяется к социализму». Иначе к этому относится ортодоксальный марксист Лафарг. «Французский социализм, — пишет он, — только что пережил кризис, который, что бы там ни говорили, вызвал боль не столько общим ростом нашей партии, сколько наплывом в ее ряды несметного числа буржуазной интеллигенции... Благодаря Жоресу, питомцы Нормальной Школы наводнили социалистическую партию».

Итак, на Западе не только не наблюдается, что образованные классы все резче отделяются от пролетариата и глубже проникаются буржуазным духом, а заметно совершенно обратное. Социалистические партии не только Германии и Франции, но и всего остального мира, в усиленной степени притягивают к себе интеллигенцию, что вы-

зывает тревогу представителей ортодоксального марксизма (Каутский не меньше Лафарга* усматривает в приливе интеллигенции известную опасность для социал-демократии). Но каковы бы ни были последствия для западноевропейского социалистического движения формирования в среде западноевропейского общества особой общественной группы — интеллигенции — и вовлечения ее в сферу социализма, самый факт такого формирования не может подлежать сомнению.

Ходячее представление о западноевропейском социализме как опирающемся исключительно на пролетариат, слишком упрощает действительное положение дела и не соответствует фактам. На самом деле, в состав социалистических партий любой западноевропейской страны входят представители различных общественных классов, а главными руководителями партии являются преимущественно интеллигенты, вышедшие из рядов средней и мелкой буржуазии. Наиболее чистый классовой характер имеет германская социал-демократия, но и относительно Германии считают, что не менее трети германского промышленного пролетариата голосует за кандидатов буржуазных партий, и не меньше полумиллиона голосов из числа подаваемых за социалдемократических избирателей принадлежит избирателям не рабочего класса. Во Франции и особенно Италии в состав социалистических избирателей входит гораздо большая доля непролетарских голосов. Что касается до Англии, то такая видная социалистическая организация, как «Фабианское общество»**, почти целиком состоит из представителей интеллигенции.

Вообще рост рабочего и социалистического движения силой естественного процесса вовлекает в ряды социализма все те слои населения, интересы которых не прямо противоположны интересам пролетариата. Что касается до группы людей умственного труда, то уже помимо высших, моральных и интеллектуальных интересов, даже узкие экономические интересы толкают значительную часть их на сближение с рабочим классом. Рост рабочего движения в его различных формах создает огромный запрос на интеллигентный труд. Взять хотя бы быстро растущую во всех странах западной Европы рабочую прессу, расходящуюся в миллионах экземпляров. Лет сорок тому назад социалистические литераторы должны были поневоле писать в бур-

жуазных органах — так как никаких других не было. Теперь имеются сотни и тысячи органов, посвященных интересам рабочих классов, — и значит многие тысячи писателей и журналистов, работающих в этих органах.

А рост профессионального и кооперативного движения! Какое огромное число интеллигентов требуется для исполнения разнообразных функций, создаваемых этими мощными экономическими организациями, объединяющими миллионы представителей трудящихся классов. Успехи политических партий социализма требуют своих интеллигентных работников. Точно также и расширение муниципального хозяйства — развитие так называемого муниципального социализма — приводит к тому, что все большая доля людей умственного труда применяет свой труд на службе общественным учреждениям, принципиально имеющим в виду не капиталистическую выгоду, а интересы населения. Все это достаточно объясняет наблюдающееся за последнее время на Западе тяготение людей умственного труда к трудящимся массам. Таков необходимый результат повсеместной демократизации общественной жизни, растущего влияния интересов народных масс во всех сферах жизни.

«Мещанство» западноевропейца, поразившее Герцена, и глубоко укоренившееся в мелкобуржуазном укладе социального строя западноевропейского общества, уступает место напору новых социальных отношений. С одной стороны, растет крупное капиталистическое хозяйство, пролетаризующее мелкого производителя и подрывающее прежние источники благополучия представителей либеральных профессий, выходивших из рядов средней и мелкой буржуазии, с другой, растут новые формы жизни, отрицающие капиталистический строй, ведущий с ним принципиальную борьбу. И духовный облик западноевропейца меняется.

Таким образом, и на Западе под влиянием естественного хода развития социальных отношений появляется «интеллигенция» в нашем русском смысле слова, напоминающая многими своими чертами нашу русскую интеллигенцию, интеллигенция, не только не примыкающая по своим интересам к буржуазному классу, но ведущая с ним борьбу. Правда, Струве находит, что «для духовного развития Запада нет в настоящее время процесса более знамена-

тельного и чреватого последствиями, чем кризис и разложение социализма». Но в чем усматривает Струве это разложение, я решительно недоумеваю. Несомненно, марксизм переживает кризис — но марксизм не может быть отождествляем с социализмом — социализм существовал до Маркса и остается после того, как марксизм будет изжит и превзойден. Кризис марксизма, в моих глазах, является показателем не упадка, а дальнейшего роста социализма. Разложение социализма Струве усматривает в развитии социальной политики. Этой точки зрения я тоже не в силах понять. Социально-политические меры охраны интересов рабочего класса принимаются под влиянием давления рабочего класса; и если мы являемся в настоящее время свидетелями социально-политических мер такого огромного принципиального значения, как пенсия для престарелых в Англии, государственное страхование от безработицы, 8 часовой рабочий день для горнорабочих и, наконец, минимальная заработная плата для углекопов, — социальная реформа, величайшая по своим последствиям среди всех, до сих пор бывших, то это является, в моих глазах, доказательством не «разложения социализма», а огромной силы и практического влияния социалистических идей. О том же свидетельствует и английский «социалистический» бюджет, вызвавший такое энергичное сопротивление со стороны высшей аристократии и буржуазии. Чего стоит, хотя бы, обложение налогом «незаслуженного прироста» ценности земли! Профессиональное и кооперативное движение продолжают развиваться и вовлекать в сферу своего влияния все новые слои населения. Точно также растет и число социалистических избирателей, как показывает хотя бы огромный рост социал-демократических голосов на последних выборах в германский рейхстаг. В Англии только за последние годы возникла в парламенте влиятельная рабочая партия. Все это, по-видимому, отнюдь не свидетельствует о разложении и упадке западноевропейского социализма.

Вернемся, однако, к России. Можно ли ожидать, что русская интеллигенция, как «особая культурная категория», благодаря ее буржуазному перерождению перестанет существовать? Нельзя отрицать, что некоторые из условий, выработавших своеобразный моральный облик русского интеллигента, должны перестать действовать под влияни-

ем изменения условий русской общественной жизни. Наибольшее значение имеет в этом отношении привлечение русского общества к участию в политической жизни страны. Необходимым следствием этого должно явиться более сознательное отношение к своим классовым интересам со стороны всех классов общества, более резкая классовая дифференцированность русского общества. Пока политика делалась в России где-то в высших сферах, помимо всякого участия общества, последнее не чувствовало потребности в сознательной защите своих классовых интересов. Поэтому господствующие классы духовно мало поддерживали правительственную политику, служившую их собственным интересам, и обнаруживали большую терпимость к идейным течениям, направленным против их интересов. Этому положению должен придти конец — господствующие классы должны начать собственными силами защищать свои интересы, и прежний добродушный индифферентизм должен смениться сознательным отпором с их стороны всем тем общественным элементам, которые идут вразрез с их интересами.

Спрос на идеологическую защиту интересов господствующих классов должен вызвать и соответствующее предложение — следует ожидать, что известная часть русской интеллигенции возьмет на себя эту защиту — «обуржуазится». как надеется Струве. Все это весьма возможно, даже почти несомненно, и спора возбуждать не может. Самое появление группы «Вех» является иллюстрацией этого процесса. Но вопрос заключается в размерах, глубине указанного процесса. Прекратит ли существование русская интеллигенция, как группа с идеалистическими, неклассовыми интересами, или же от нее отколется некоторая часть, которая сознательно станет защищать интересы господствующих классов, а остальная масса интеллигенции сохранит свой прежний идеалистический облик?

Ход исторического развития привел на Западе к тому, что от буржуазии откололась группа представителей умственного труда и стала заметно сближаться с народными массами. Процесс этот был вызван изменившимися условиями общественной жизни и, прежде всего, экономическим и духовным ростом рабочего класса и его социального влияния. Можно ли ожидать, что в России историческое развитие пойдет в обратном направлении и что в то самое

время, как на Западе наблюдается освобождение людей умственного труда от подчинения буржуазии, формирование интеллигенции в нашем русском смысле, у нас интеллигенция без остатка «обуржуазится» и перестанет существовать, «как некая особая культурная категория?»

Для авторов «Вех», которые верят в «первенство духовной жизни над внешними формами жизни» и в то же время, непонятным образом, именно в мещанстве, буржуазности, усматривают торжество «духовной жизни», буржуазное перерождение интеллигенции одновременно с ростом сознательности и активности народных масс может казаться вполне вероятным. Но для тех, кто стоит на почве исторического реализма, нечто подобное является крайне неправдоподобным. Русская интеллигенция, с ее своеобразным моральным обликом, есть результат всего нашего исторического развития после Петра. наиболее характерный продукт нашей новейшей истории. Культурные образования, слагавшиеся веками, обладают большой живучестью. Если даже новые условия общественной жизни для них неблагоприятны, они могут жить по традиции долгое время после того, как исчезли силы, их создавшие. Изменение культурных привычек, установившихся симпатий, вкусов, мировоззрения обширной общественной группы не может совершиться в несколько лет.

В данном же случае новые социальные формы жизни отнюдь не требуют уничтожения внеклассовой интеллигенции. Пусть наша общественная жизнь приближается к западноевропейской; но ведь на Западе именно и замечается за последние годы формирование общественной группы, многими своими чертами напоминающей нашу интеллигенцию. Если экономическое и политическое обновление России в некоторых отношениях неблагоприятно внеклассовой идеологии интеллигенции, то, с другой стороны, это самое обновление создает новую почву для приложения интеллигентных сил к работе на пользу народных масс. Обновление России невозможно без поднятия народных масс. Одним из главных кадров нашей демократической интеллигенции является так называемый «третий элемент» — земские служащие; развитие общественной жизни должно создать усиленный спрос на земских работников, число которых должно значительно увеличиться. Вместе с тем в демократическом земстве будущего (а без такого де-

мократического земства нечего и думать о водворении в нашей жизни политической свободы) интересы народных масс будут гораздо влиятельнее и сильнее, чем в сословно-дворянском земстве последних десятилетий. Почему же земские работники должны «обуржуазиться», перестать служить народным интересам?

Экономический рост России должен выразиться, между прочим, в росте кооперативного движения, что опять создает новый спрос на интеллигентные силы. Затем, рабочее движение, которое не может не приобрести широких размеров при малейшем ослаблении препон и задержек, сдавливающих теперь его со всех сторон, явится новым притягательным центром для разночинной интеллигенции. Словом, чем большую роль в общем строе нашей социальной жизни будут играть интересы народных масс, тем сильнее будет вовлекаться и интеллигенция в сферу этих интересов.

Правда, для всего этого необходимо, чтобы Россия усвоила основы действительной политической свободы; только в этом случае возможно демократическое земство, широкое рабочее движение и пр. Но ведь если наша жизнь по-прежнему будет сдавливаться в железных тисках, и мы будем иметь то подобие конституционализма, которое имеем теперь, то будут действовать и прежние условия, создавшие тип интеллигента-отщепенца.

Таким образом. русскую интеллигенцию хоронить не приходится. Конечно; ее миросозерцание не есть нечто, не подлежащее изменению и развитию; новые условия жизни должны внести и новые черты в ее духовный облик. Но утверждать, что эти новые черты должны выразиться в усвоении «буржуазного духа», нет решительно никаких оснований. Переживаемый нами теперь упадок духа и всеобщий распад имеют вполне временный и преходящий характер и усматривать в них какое-либо коренное изменение духовного облика нашего интеллигента так же неосновательно, как было неосновательно в восьмидесятых годах заключать о невозможности нового общественного подъема.

МАРКСИЗМ И НАРОДНИЧЕСТВО

Борьба народничества и марксизма была в свое время одной из ярких и необходимых страниц нашей общественной истории. Оба направления глубоко различались друг от друга по стольким существенным пунктам, что никакое примирение между ними не было возможно. Возникшая отсюда ожесточенная полемика была вполне естественна и не могла не привлечь общественного внимания, так как дело шло о смене одного широко распространенного мировоззрения другим.

Со времени этих споров прошло около двух десятилетий, но марксизм и народничество по-прежнему делят между собой нашу радикальную интеллигенцию и занимают на словах, если не на деле, ту же непримиримую позицию по отношению друг к другу. Но что было правильно и неизбежно прежде, то все более и более становится в наше время, не имеющим под собой почвы, пережитком прошлого.

На самом деле в наше время уже не существует ни марксизма, каков он был десять лет тому назад, ни, тем более, народничества. Пережитое Россией последнее десятилетие было слишком знаменательно, слишком полно событий огромного значения, чтобы какое бы то ни было широкое общественное течение могло не подвергнуться их влиянию. В частности, и марксизм и народничество испытали такие глубокие превращения, что под прежними партийными флагами оказалось совершенно новое идейное содержание.

Что касается народничества, то в семидесятых годах, когда оно достигло своего полного развития и апогея общественного влияния, оно было стройной и законченной доктриной, в основе которой лежала идеализация условий крестьянского натурального хозяйства. Конечно, народничество, в лице своих лучших представителей, было всего менее склонно идеализировать те конкретные условия, в

которых велось хозяйство русского мужика. Огромной заслугой народничества было именно вытеснение всего мрака, нищеты, всяческого насилия и бесправия, среди которых приходилось жить русскому мужику. Но народники думали, что выход из всего этого указывается народным идеалом свободного и самостоятельного крестьянского хозяйства на своей земле. Капиталистическая система хозяйства рассматривалась народниками под углом зрения крестьянских интересов как опасный враг, борьба с которым вполне возможна, хотя и не легка. Не только в сфере сельского хозяйства, но и в промышленности крестьянин может отстоять свою хозяйственную самостоятельность и с успехом бороться с капиталистом, если только ему придет на помощь «общество»,-- иначе говоря, социалистическая интеллигенция.

Напротив, марксисты девяностых годов относились с безусловным отрицанием к крестьянскому хозяйству во всех его сферах и усматривали в нем самый решительный тормоз экономическому прогрессу России. В сельском хозяйстве крупное капиталистическое производство должно вытеснить мелкое крестьянское, подобно тому, как это наблюдается в сфере промышленности. Классовая борьба пролетариата за свои интересы должна явиться движущей силой нашего общественного прогресса, которая сдвинет с места консервативную косность крестьянской массы.

Таковы были взаимоисключающие общественные позиции народничества и марксизма прежде. Что же осталось от них теперь?

Поскольку дело идет о крестьянском хозяйстве в сфере земледелия, народничество существенно не изменилось. И теперь, как и раньше, народничество защищает крестьянское земледелие и верит в его жизнеспособность. Но отношение народничества к капитализму вообще изменилось очень глубоко. Теперь уже никто из народников не верит в возможность для русской промышленности сложиться в систему артелей и, таким образом, избежать капиталистической фабрики. Тот самый В. П. Воронцов*, который в 1882 г. полагал, что «есть надежда повернуть весь процесс развития народного труда на народный путь, на путь артелей», признал в 1907 г., что «предсказание Маркса» осуществилось: Россия подчинилась «неумолимым законам» экономической эволюции и в ней водворяется форма хозяйственного быта, известная под именем капиталисти-

ческой». Молодые народники не отрицают, что развитие фабрики является процессом прогрессивным и что натуральное крестьянское хозяйство неизбежно разлагается современным хозяйственным строем. Они настаивают лишь на том, что наряду с фабриками остается место и кустарному производству, что и в пределах капиталистической системы крестьянское хозяйство не отмирает и что в земледелии и промышленности экономическая эволюция имеет не только различный, но даже противоположный характер: в то время как в промышленности неудержимо растет крупное производство, фабрика, в земледелии крестьянское хозяйство сильнее крупного капиталистического и постепенно вытесняет последнее.

Что касается марксизма, то он испытал не менее глубокое превращение. Крестьянство представляет собой безусловно господствующий, по численности, класс русского населения. Поэтому, никакая партия, опирающаяся на народные массы, не может идти вразрез с крестьянскими интересами. Марксистам пришлось в этом убедиться при первом же соприкосновении с практической жизнью. Чтобы стать политически влиятельной партией, они должны были согласовать свою общественную программу с интересами крестьянства. В результате получилось, что аграрные программы марксистов стали все больше приближаться к аграрным программам народников, пока, наконец, между ними не исчезли какие бы то ни было принципиальные различия. И те, и другие почти с одинаковой энергией требовали перехода земли в руки крестьянства.

Марксисты прежнего времени, твердо стоявшие на почве классовой борьбы, относились равнодушно или даже враждебно к кооперации. Напротив, марксисты нашего времени нисколько не менее народников сочувствуют кооперации и принимают, в лице своих представителей, деятельное участие в кооперативном движении. Наши наиболее видные кооператоры выходят даже теперь, по преимуществу, из среды марксистов.

При таком положении дела старые споры и разногласия решительно утрачивают свой смысл. Жизнь, своей властной рукой, вынула из-под них почву.

КАНТ И МАРКС*

(по поводу русского перевода сборника статьей Форлендера** о Канте и Марксе).

Один из самых видных представителей современного марксизма, вернее, самый видный из них — Карл Каутский — неоднократно выражал на страницах редактируемого им научного органа германской социал-демократии жалобы на равнодушие современных социалистов к теории. В своей книге об аграрном вопросе***, он сделал в этом отношении исключение только для России; действительно, в то время, когда Каутский писал свою книгу — в конце 90-х годов закончившегося века — русские марксисты выделялись среди всех других своим живым и, прибавлю, действенным, плодотворным интересом к теории. Теперь это время прошло, и вряд ли Каутский имел бы основание отдавать предпочтение по интересу к теории русским марксистам перед марксистами других стран. И у нас, как и на Западе, марксистская мысль как бы замерла и не обнаруживает серьезного интереса к вопросам, подымающимся над уровнем практических нужд переживаемого момента.

Между тем, исчезновение этого интереса — очень знаменательный и характерный признак. Оно доказывает, что данное умственное течение исчерпало себя и уже перестало будить и волновать умы. Если среди марксистов действительно замечается, по компетентному свидетельству Каутского, исчезновение интереса к теории, то это совершенно неверно относительно социалистов вообще. Напротив, именно за последнее время теория социализма разрабатывается в различных направлениях особенно энергично, но уже, увы!.. не под флагом марксизма. Мы переживаем теперь переходное время, когда старая теория перестала удовлетворять более живые умы, и совершается

энергичное творчество новой теории, имеющей заменить марксизм старого типа.

Одним из различий новой теории социализма сравнительно со старой является новое философское обоснование ее. Марксизм частью не интересовался философией, частью довольствовался самой слабой из философских систем — материализмом. Новая теория социализма примыкает в философском отношении к Канту. Статьи Форлендера содействовали в Германии, быть может более всех других литературных произведений того же направления, выяснению истинного отношения философии Канта к теории социализма. Форлендер неопровержимо доказал, что единственно возможным этическим обоснованием социализма является кантовская идея самоцельности человеческой личности. Весь этический пафос социализма вытекает из этой идеи, которая сознательно или бессознательно предполагается каждым социалистом. С другой стороны, логическое развитие ее неизбежно приводит к социализму. А так как социализм не есть чисто теоретическое построение, но относится к практике общественной жизни и, следовательно, лежит в сфере этики, то названная идея должна быть признана центральной идеей социализма.

Отрицать это можно лишь отрицая необходимость этического обоснования социализма. А это последнее отрицание предполагает, в свою очередь, отрицание этики вообще — ибо социалист, признающий этику, не может не нуждаться в этическом обосновании своего общественного идеала. Итак, что-либо из двух — либо этика подлежит упразднению, как изжитый человечеством предрассудок, либо, если согласиться, что никакое человеческое общежитие невозможно без той или иной системы морали, следует безусловно признать, что общественный идеал неизбежно требует этической санкции.

Марксизм отвергал необходимость этического оправдания социализма и, конечно, не без достаточных оснований. Дело в том, что вся система общественной философии марксизма проникнута принципиальным отрицанием этики. Внеклассовую этику марксизм признает предрассудком, а классовая этика есть внутренняя невозможность. И потому марксизм вполне последовательно ставит на место морали классовой интерес. Получается очень стройное

социологическое построение, в котором для этики в собственном смысле слова места нет. И если на практике марксизм не в силах удержаться на этом принципиальном аморализме, то в теории он твердо стоит на этой позиции.

Я вполне согласен с Форлендером, что «вне этики нет социалиста и не может быть речи о социализме». Но, в противность ему, я никак не могу считать аморализм марксизма настолько несущественным элементом марксистской теории, что теория эта может быть просто *дополнена* этической точкой зрения и не изменит своей внутренней природы. «Маркс и Кант, — говорит Форлендер, — отнюдь не противоположности: они должны дополнять друг друга, подобно тому, как историко-эволюционная точка зрения должна быть дополнена точкой зрения, в основании которой лежит понятие цели или ценности. Вполне правильно, — продолжает он, — формулировал эту мысль... Штаудингер. Поскольку марксизм имеет своей целью сознательное и планомерное преобразование существующего, он в последовательном развитии своего собственного принципа приходит к Канту».

Я думаю, наоборот, что ни о каком *дополнении* Маркса Кантом не может быть и речи. И марксизм и кантианство являются чрезвычайно стройными и законченными логическими системами. Что касается марксизма, то даже враги его признают тесную связь между всеми составными частями его теоретической конструкции, представляющей собой органическое целое, в котором каждая отдельная часть предполагает остальные и вытекает из них. В частности, признание внеклассовой морали несовместимо с материалистическим пониманием истории и с классовой точкой зрения — ибо, если этика для всех общественных классов одна, значит, есть нечто высшее, чем классовой интерес, значит, классовый интерес не играет такой преобладающей роли в общественной жизни, как это думали творцы материалистического понимания истории.

Вообще Форлендер обнаруживает некоторую робость в критике марксизма и чрезмерное стремление сделать свою точку зрения, коренным образом расходящуюся с марксистской, приемлемой и для ортодоксального марксизма. Стремление это практического успеха иметь не может, так как марксисты прекрасно понимают, что дополнить мате-

риалистическое понимание истории этикой Канта значит в корне разрушить стройность марксисткой теории. И потому они предпочитают постоянное нарушение этой теории на практике малейшему изменению ее логической конструкции — чтобы не остаться без всякой теории, чего они с полным основанием боятся более всего. Итак, этическое обоснование социализма знаменует собой не дополнение марксизма, а коренное преобразование, точнее разрушение его. Но разрушивши марксизм, необходимо использовать драгоценный научный материал, который содержится в нем. Новая теория социализма должна быть построена в огромной части из элементов марксизма, и лишь общая связь их и общее освещение должны стать совершенно иными. Этическая точка зрения Канта не может быть примирена с аморализмом Маркса. Новая теория должна по этому пункту решительно отвергнуть Маркса и пойти с Кантом; но уже одно то, что кантовские этические идеи становятся обоснованием *социализма*, в то время как Кант выводил из них необходимость *частной собственности*, показывает, как глубоко расходится новая теория с историческим кантианством. И потому Форлендер прав, отвергая лозунг «назад к Канту». Но и его собственный лозунг «вперед с Марксом и Кантом» неправильно характеризует задачи нашего времени. Лозунгом современных социалистов должно стать «вперед, к созданию новой теории социализма!», — и Кант и Маркс должны остаться позади, как превзойденные этапы общественной мысли.

КНИГА ЗОМБАРТА О СОЦИАЛИЗМЕ

О социализме существует необозримая литература; одно перечисление важнейших литературных источников социализма занимает в известном библиографическом сборнике Штаммгамера два толстых тома — и однако этот сборник включает в себя только небольшую часть социалистической литературы. При таком положении дела книги обобщающего характера по теории и истории социализма приобретают особое значение.

В числе таких книг одно из первых мест занимает книга Зомбарта «Социализм и социальное движение». Нельзя сказать, чтобы она открывала новые горизонты в области понимания учений социализма или исторического объяснения социалистического движения нашего времени. Достоинства ее иные. В блестящей художественной форме, на которую Зомбарт такой мастер, она дает сжатую, отчетливую и прозрачно-ясную характеристику социализма как общественного движения. Всякий, кто интересуется социализмом, — а кто может им не интересоваться, когда весь мир полон этим именем, — всякий, повторяю, должен познакомиться с этой небольшой, но чрезвычайно содержательной книгой. В особенности полезна, прямо неоценима она как пособие для самообразования; именно с нее я советовал бы каждому начинать свое знакомство с социализмом.

Но, при своих крупных достоинствах, книга Зомбарта имеет и свои недостатки, на которые я считаю нужным обратить особое внимание читателя, чтобы хотя несколько ослабить их влияние на умы. Дело в том, что, несмотря на свое критическое отношение к марксизму, Зомбарт вполне усвоил у марксизма именно то, что является, в некоторых отношениях, наиболее слабой стороной этого замечатель-

ного учения: скептическое, отрицательное отношение к творческой роли сознательной воли и мысли человека в деле создания новых общественных форм. Зомбарт, как и Маркс, склонен рассматривать исторический процесс только, как процесс стихийный, слепой, развивающийся по своим внутренним законам, независимо от наших желаний и представлений о нем. Отсюда вытекает отрицание важности положительных построений социализма, отрицание того, что обычно называют утопическим элементом социализма.

По прочтении книги Зомбарта читатель не узнает, что же такое социализм как положительное учение, как представление об определенном общественном идеале?

Наш автор нисколько не интересуется, какова конечная цель социализма, какова положительная ценность различных попыток дать построение будущего социалистического общества, в какой мере осуществим идеал анархизма, насколько возможно распределение продуктов в социалистическом обществе на основе обеспечения каждому рабочему полной выручки его труда; насколько возможно, при господстве социализма, приведение ценностей продуктов в соответствие с их относительными трудовыми стоимостями и т. д. и т. д. — всех этих проблем для Зомбарта прямо-таки не существует. Для него это не проблемы, а пустые и внутренне бессодержательные умствования относительно того порядка вещей, которого пока нет, и подробностей которого мы пока предвидеть не можем.

Но так ли это? Действительно ли мы ничего не можем предвидеть относительно строя будущего? Утописты были другого мнения; а кто же создал социалистический идеал, как не они? И если бы не этот идеал, общий и современному социализму, то что давало бы могучему пролетарскому движению нашего времени право на наименование себя социалистическим? Правда, марксисты, в теории, не интересуются планами будущего строя. Но только в теории; на самом же деле у каждого из них есть то или иное представление об этом будущем строе. Вспомните, какая буря негодования со стороны ортодоксальнейших марксистов, и, прежде всего, со стороны того, кого называют «великим инквизитором марксизма», — Карла Каутского, обруши-

лась на голову Бернштейна за его дерзновенные слова: «конечная цель движения, как ее обыкновенно понимают, для меня ничто, а само движение — все». Но что же значили эти слова, как не отрицание важности положительного идеала социализма, т. е. то именно, что с такой настойчивостью провозглашают марксисты? Если, действительно, планами будущего могут заниматься лишь утописты, то зачем марксистам метать гром и молнию на человека, осмелившегося сделать неизбежный логический вывод из их собственных теоретических построений?

На самом деле марксисты такие же мечтатели, такие же идеалисты, они также страстно ищут прекрасного, светлого царства будущего, как и их предшественники — утописты. Своей фразой, хотя она была в полном согласии с марксистской теорией, Бернштейн показал, что он не социалист; марксисты же своим негодованием, с которым они отнеслись к этой фразе, показали, что они истинные социалисты; показали, что им дорог идеал социализма, а следовательно — что и они имеют об этом идеале определенное представление, ибо нельзя любить то, о чем ничего не знаешь.

По отношению к так называемому утопическому социализму (который, на мой взгляд, в некоторых отношениях может с большим основанием претендовать на именование научным, чем так называемый научный, иначе говоря марксистский социализм), Зомбарт стоит вполне на марксистской точке зрения. И потому читатель, по прочтении его книги, остается в недоумении, к чему, собственно, стремится социализм и в какой мере его цели осуществимы. И это я считаю основным недостатком данной книги.

УТОПИЧЕСКИЙ И КРИТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Со времени появления знаменитой полемической книги Энгельса о Дюринге* в социалистической литературе утвердилась мысль, что социализм прошел в своем развитии два фазиса: до Маркса он представлял собой утопию, после Маркса стал наукой. И так как, по мнению того же Энгельса, утопия есть нечто, исключающее науку, то Маркс оказывается истинным творцом современного научного социализма. Эта точка зрения может считаться в настоящее время более или менее общепринятой, что не мешает ей заключать в себе, если не глубокую ошибку, то по меньшей мере, значительную дозу преувеличения.

На самом деле, утопический социализм гораздо научнее, чем допускал Энгельс, а в так называемом научном социализме гораздо больше утопии, чем думал автор «Капитала». Противопоставление науки утопии несостоятельно в том отношении, что наука и утопия отнюдь не являются противоречащими понятиями. Утопия не есть вздор или нелепость. Утопия — это идеал. Всякий идеал содержит в себе нечто неосуществимое, бесконечно далекое и недоступное, мечту, некоторое присущее нашей духовной природе стремление выйти из пределов возможного, подняться над миром явлений. Осуществленный, или, что то же, *осуществимый*, идеал потерял бы всю свою красоту, всю свою особую и чарующую притягательную силу. Идеал недостижим, ибо в противном случае это не был бы идеал, а простое эмпирическое понятие. Идеал принадлежит к числу таких идей нашего разума, как идеи бесконечности, свободы, долга, которые выходят за пределы опытного познания или ближайшей пользы и назначение которых заключается в указании направления, пути, следуя которым наш разум достигает своих высших целей — приведения к верховному единству нашего опытного познания и практического дела. Идеал играет роль звезды, по которой

в ночную пору заблудившийся путник выбирает дорогу; сколько бы ни шел путник, он никогда не приблизится к едва мерцающему, удаленному на неизмеримые расстояния светилу. Но далекая, прекрасная звезда верно указывает путь, и ее не заменит прозаический и вполне доступный фонарь под руками.

Если идеал можно сравнить со звездой, то наука играет роль фонаря. С одним фонарем, не зная куда идти, не выйдешь на истинную дорогу; но и без фонаря ночью рискуешь сломать себе шею. И идеал и наука в равной мере необходимы для жизни. Идеал дает нам верховные цели нашей деятельности; наука указывает средства для осуществления этих целей и снабжает нас верным критерием для определения, что в наших целях и в какой мере, в какое время осуществимо.

В виду этого, мы никак не можем согласиться с противопоставлением утопического социализма научному. Великие утописты — Оуэн, Сен-Симон и Фурье — далеко не были только утопистами. Что касается до Оуэна, то этот утопист оказался, перед судом истории, величайшим практиком. Он явился инициатором и творцом самого трезвого, самого рассудочного, самого практического — слишком практического — рабочего движения наших дней, так называемого кооперативного движения. Современные продолжатели дела Оуэна упрекают в утопизме именно марксистов, противопоставляя свои ограниченные, близкие и успешно достигаемые цели мечтательным задачам социал-демократов. А Сен-Симон и Фурье были величайшими исследователями социальных явлений, каких мы только знаем.

Таким образом, существуют серьезные основания, чтобы совсем отказаться от обычного деления социализма на утопический и научный. И если мы, тем не менее, объединяем трех названных социальных мыслителей общим названием утопистов, то это лишь потому, что и Оуэну, и Сен-Симону, и Фурье свойственна одна чрезвычайно характерная черта: вера во всемогущество человеческой мысли, в силу идеи. Первые социалисты закончившегося века еще не вполне порвали связь с рационалистическим мировоззрением XVIII столетия. Этот рационализм чувствуется даже в Сен-Симоне, хотя именно Сен-Симон, более чем кто-либо другой, поработал для построения противоположного, исторического мировоззрения. Все три великих утопис-

та, при своей гениальности и глубине понимания человеческой природы и современного им общества, были проникнуты прямо трогательным по своей наивности доверием к разуму человека. Сен-Симон был одним из творцов философии истории. Это не помешало ему, как и Оуэну и Фурье, верить, что его собственные литературные произведения представляют собой более могущественную историческую силу, чем все сложившиеся веками и тысячелетиями общественные формы, чувства, привычки, симпатии и антипатии, верования, нравы и убеждения людей. И Оуэн, и Сен-Симон, и Фурье придумывали, *изобретали* новый общественный строй, как механик изобретает новую машину. Они верили в превосходство своих изобретений перед всякими другими, и для применения этих изобретений на практике — для перестройки всего человечества на новых началах — оставался только сущий пустяк: растолковать неумным и невежественным людям, как хорошо им будет житься при новых условиях. Отсюда вытекал и специфический метод осуществления нового социального порядка, характерный для всех утопистов: метод мирной пропаганды путем печати новых взглядов, без всякого посредства политической борьбы. Политические формы, с точки зрения утопистов, имели столь же мало значения по отношению к осуществимости нового строя, как и вообще исторические отношения общежития. Пока истина скрывалась от взоров человечества, люди могли коснеть в невежестве и угнетать друг друга. Но теперь истина показалась во всем блеске — новый, блаженный общественный порядок придуман, и люди, если только они не совершенные безумцы, должны поспешить устроить свою жизнь на новых началах.

Это мировоззрение было более или менее обще трем названным социальным мыслителям, и оно дает нам право называть их утопистами. При этом нужно, однако, оговориться, что наша характеристика утопизма требует значительных ограничений по отношению к Сен-Симону, который был наиболее научен из трех. В числе утопистов Оуэну принадлежит первое место по практическому влиянию его идей на рабочее движение.

Оуэн

История — большая фантазерка. Она любит неожиданные, причудливые комбинации, которых не придумаешь по заказу. Мы уже видели малообразованного биржевого игрока в роли замечательнейшего теоретика политической экономии*. Теперь перед нами богатый фабрикант, проповедующий общность имущества, восстающий против зла наемной работы; человек с поразительными способностями к практическому делу, с совершенно исключительной коммерческой сметкой в роли самого смелого, фантастического утописта. Роберт Оуэн был очень плодовитым автором и написал на своем веку огромное множество книг, брошюр, памфлетов, адресов, статей по самым различным поводам и вопросам. Но, без сомнения, самое интересное, поучительное и глубокое его произведение — это его собственная жизнь. Писатель совершенно исчезает в Оуэне перед борцом и социальным реформатором. В его личности, поразительной по своей деятельной мощи и трогательной доброте и любви к людям, лежит ключ к пониманию его единственной в своем роде исторической роли.

Одной из своих статей Оуэн дал характерное название, которое можно было бы поставить эпиграфом ко всей его литературной деятельности, даже более — ко всей его жизни: «Попытка превратить этот сумасшедший дом в разумный мир». На склоне лет Оуэн не мог не прийти к убеждению, что эта попытка безнадежна; но весь его чрезвычайно богатый жизненный опыт только подтверждал его невысокое мнение о человеческом роде. Его ошибка заключалась, главным образом, в том, что он постоянно забывал, с кем имеет дело, и говорил с безумцами, как с людьми, вполне владеющими умственными способностями.

Первые шаги Оуэна на жизненном пути (род. в 1771 г., умер в 1858 г) тесно связаны с ростом фабричной промышленности. Сын бедного ремесленника в маленьком уэльском городке, он был всем обязан самому себе. Его успехи на поприще обогащения были столь же быстры и блистательны, как и успехи другого знаменитого деятеля в области общественной мысли — Рикардо. Но в то время, как Рикардо, банкир и биржевой делец, был далек от серой народной массы, которая своим потом и трудом создает богатство, Оуэн сам вышел из этой массы и до конца жиз-

ни не терял тесного соприкосновения с ней. В 10 лет он поступил в суконную лавку, затем сделался приказчиком. Ему было только 18 лет. когда он решился начать самостоятельное дело и устроил в одном из тесных переулков Манчестера маленькую бумагопрядильную фабрику с несколькими незадолго перед тем изобретенными прядильными (мюльными) машинами. Его дело пошло отлично, но, будучи человеком смелой инициативы, Оуэн скоро бросил свое крохотное предприятие, для того, чтобы поступить управляющим на настоящую большую бумагопрядильную фабрику с несколькими сотнями рабочих. В это время ему еще не было 30 лет; затем его жизненная карьера идет быстрыми скачками. Вскоре он покупает, во главе компании капиталистов, одну из старейших в Шотландии огромную бумагопрядильную фабрику в Нью-Ланарке и становится полновластным распорядителем ее. С этого времени начинается и реформаторская деятельность Оуэна, сначала стяжавшая ему общее уважение и почет, сделавшая его одной из наиболее влиятельных авторитетных личностей в Англии, а затем приведшая к совершенному разрыву неисправимого утописта с современным ему образованным обществом и потере им всякого авторитета.

Первый и самый блестящий период деятельности Оуэна связан с Нью-Ланарком. Он стал во главе обширного фабричного населения в 2-3 тысячи человек, населения, представлявшего собой наиболее деградированную группу людей, какую только можно себе представить. Все ужасы нерегулируемой фабричной системы имелись в концентрированном виде в Нью-Ланарке. Почти четверть рабочих были детьми пауперов, купленными у приходов; это были в полном смысле слова белые рабы, с которыми обращались, как с рабочим скотом, и которых только такое обращение могло побудить к работе. В числе этих детей, работавших по 12 и более часов в день, были семи, шести и даже пятилетнего возраста Взрослые рабочие состояли из всевозможного общественного отброса, так как при начале фабричной промышленности сколько-нибудь порядочный рабочий не шел на фабрику, представлявшуюся ему чем-то вроде кромешного ада, где губили и тело и душу людей. Преступники, бродяги, пьяницы, пауперы — вот из кого слагалось население Нью-Ланарка. Эта разношерстная, грубая, дикая и своевольная толпа сдерживалась сколько-нибудь в порядке только железной дисциплиной и суровы-

ми наказаниями и штрафами. Положение Оуэна затруднялось еще тем, что рабочие-шотландцы видели в нем, как англичанине, иностранца и относились к нему с сугубым недоверием.

И несмотря на все это, через несколько лет управления фабрикой Оуэну удалось достигнуть поразительных, прямо феерических результатов. Как будто он обладал волшебной силой для искоренения дурных свойств людей и их нравственного возрождения! Два года, по словам Оуэна, длилась горячая битва между ним и подвластным ему фабричным населением Нью-Ланарка. Рабочие видели в нем своего злейшего врага; он решил держать себя с ними как искренний друг. Его неизменного доброжелательства не могло победить никакое проявление ненависти рабочих. Оуэн сократил рабочий день, повысил заработную плату, уменьшил детскую работу, организовал целую сеть учреждений воспитательного характера, общественные кухни, столовые и жилища, лавки для снабжения рабочих за дешевую цену провизией лучшего качества, позаботился о пенсиях для престарелых, кассах взаимопомощи, медицинской помощи для больных и т. д. и т. д. В результате получилось полное пересоздание рабочего населения. Нью-Ланарк стал единственной в мире фабрикой по своему образцовому устройству, по благосостоянию, довольству и образованности своих рабочих, по высокому уровню их умственного и нравственного развития. Можно было бы усомниться в действительности достигнутых Оуэном успехов, если бы не свидетельства многих частных лиц и нескольких правительственных и общественных комиссий, осматривавших учреждение Нью-Ланарка и воздававших самый восторженные хвалы его руководителю и патрону. Слава Нью-Ланарка гремела во всем свете, и ежегодно около 2000 лиц, в числе которых были и царственные особы, посещали эту удивительную фабрику, на которой производились в огромных размерах любопытнейшие социальные эксперименты, какие когда-либо видел мир.

И что всего поразительнее, — эти эксперименты не только не вредили коммерческому успеху дела, не только не шли в ущерб барышам фабриканта, но приводили к еще более быстрому росту богатства последнего. Нью-Ланаркская фабрика была куплена Оуэном в 1798 г. за 60 тысяч ф. с.; в 1812 г. она ценилась уже в 200 тысяч ф. с. (т. е. около двух миллионов рублей), причем доход с нее достигал 12%

этой последней суммы.

Все это время Оуэн еще не выступал в литературе. Он был в полном смысле слова самоучкой, и его образование оставалось до конца жизни скудным. Его деятельность в Нью-Ланарке не вытекала ни из какой теории; но теория естественно вытекала из нее. Эту теорию Оуэн и изложил в своем первом литературном произведении — «Новый взгляд на общество или опыт о принципах образования человеческого характера», вышедшем в 1813-1816 гг. и содержащем, несмотря на свою краткость, все существенное в его основных теоретических воззрениях, которым он оставался верен в течение всей своей жизни.

Отправным пунктом Оуэна в его рассуждениях является постоянно повторяемое им положение, что человек не создает и не может сам создать своего характера. Характер человека слагается под влиянием условий его жизни и воспитания, причем сам человек играет вполне пассивную роль. Тезис этот, который отнюдь не может считаться оригинальной мыслью Оуэна и был внушен ему господствовавшей в то время утилитарной философией Бентама*, приводит нашего автора к выводу, что человек не может считаться ответственным за свои достоинства или недостатки, ответственность за которые всецело падает на общество. Все люди могут быть сделаны добродетельными, если только они будут поставлены в обстановку, благоприятствующую развитию их хороших свойств. «С помощью надлежащих мер, — говорит Оуэн, — можно приучить человека жить в какой угодно стране без нищеты, без преступлений и без наказаний, потому что все эти несчастья проистекают из ложных систем воспитания, основанных на грубом незнании человеческой природы... В человеке можно воспитать какие угодно чувства, свойства и какой угодно характер... Причина всех зол — невежество, происходящее от заблуждений, переданных нашему поколению предшествующими, и главным образом, от величайшего из заблуждений — от того взгляда, будто личности сами образуют свой характер».

Оуэн дает яркую картину бедствий рабочего населения Англии под влиянием фабричной системы. «С тех пор, как на британских фабриках были повсеместно введены машины, — с негодованием говорит он, — на человека стали смотреть, как на машину второстепенную и низшую. Стали обращать гораздо больше внимания на усовершенство-

вание дерева, металла и сырых материалов, чем на человеческое тело и душу».

Вопрос об уничтожении бедности связался для Оуэна с более широким вопросом о нравственном перевоспитании человечества.

Кто же должен выступить в роли спасителей человечества из глубины бедствий и порока, в которую оно впало? Те самые, кто теперь получает выгоды от этого порядка вещей. «Стоит только обнаружить страдания миллионов, — надеется Оуэн, — чтобы вынудить у лиц, управляющих миром, восклицание: «может ли существовать подобное положение вещей и могли ли мы не знать о нем?..» При существовании верных средств для предупреждения преступлений можно ли предполагать, чтобы британские законодатели отказались приводить эти меры в действие, как скоро узнают их? Нет, я уверен, что ни государь, ни министры, ни парламент, ни одна из религиозных и политических партий не захочет обнаружить такой наклонности к вопиющей несправедливости». Далее наш наивный утопист обращается к фабрикантам и капиталистам с тем же, с чем он обращается и к правительству. По его мнению, возможно искоренить нищету и нравственно воскресить рабочее население без всякого ущерба для кого бы то ни было. Доказательством этого является, в глазах Оуэна, его опыт в Нью-Ланарке. Его богатство не потерпело никакого ущерба от его социальных опытов. Почему же невозможно повторить такой же опыт в больших размерах для всей страны? «Привилегированные классы докажут свою мудрость, если будут искренне содействовать лицам, не желающим тронуть ни йоты из их теперешних мнимых выгод, напротив, старающимся доставить возможное счастье как этим привилегированным классам, так и всему обществу».

В этом своеобразном сплетении верных и глубоких мыслей с самым детским незнанием людей обнаруживается весь Оуэн, с его ясным пониманием общественных недугов и человеческих слабостей и непоколебимой, простодушной верой в хорошие свойства человеческой природы. Обращаться к парламенту и фабрикантам с предложением выступить на защиту рабочих было так же остроумно, как увещевать волков позаботиться об овцах. Непонимание социальных антагонизмов и глубоких причин классовой борьбы в современном капиталистическом обществе было

коренным недостатком миросозерцания не только Оуэна, но и всего утопического социализма. И Оуэн никогда не мог избавиться от этого недостатка, несмотря на горькие разочарования, которые ему пришлось перенести впоследствии.

В 1818 г. он обратился с двумя адресами к государям, собравшимся на Ахенский конгресс, в которых увещевал их принять меры к прекращению бедствий рабочего класса. Само собою разумеется, что адресы эти остались без всякого ответа со стороны государей; но ответ Оуэн все-таки получил. На одном обеде, данном в его честь во Франкфурте, Оуэн указал на нищету и невежество рабочих классов и на необходимость помочь рабочим; один из участников обеда, официальное лицо, секретарь германского сейма Гейнц тонко и насмешливо заметил на это: «Правительствам хорошо известно все то, о чем вы говорите. Но зачем им искоренять невежество и бедность? Разве это поможет им управлять народом?»

Блестящий успех Нью-Ланарка являлся, в глазах Оуэна, доказательством осуществимости в самых широких размерах предлагаемых им социальных преобразований. Но наш утопист упускал из виду одно коренное различие: во главе Нью-Ланарка стоял человек такой огромной духовной мощи, направленной на благо людей, как он сам. И понятно, если бы все фабриканты, или хотя многие из них, походили на Оуэна, то в планах его не было бы ничего утопического. К сожалению, таких фабрикантов, как хозяин Нью-Ланарка, мы знаем не очень много — точнее говоря, не знаем никого, кроме него самого.

В период управления Нью-Ланарком Оуэн был лучшим и благороднейшим типом гуманного фабриканта-филантропа, но не более. Его еще нельзя было назвать социалистом; все его планы улучшения участи рабочего класса покоились на существующих отношениях труда и капитала. Он выступил инициатором некоторых важных социальных реформ; так, ему принадлежит великая заслуга проведения фабричного закона 1819 г., регулировавшего труд детей на фабриках. С этого закона начинается фабричное законодательство Англии (более ранние законы не имели никакого практического значения), завершившееся, после нескольких десятилетий упорной борьбы, великой и славной победой рабочего класса — биллем 1847 г. о десятичасовом рабочем дне. Но все это было социальной реформой, а не

социализмом. Решительный шаг в сторону социализма Оуэн сделал лишь в 1817 г., докладом комитету, исследовавшему меры помощи нуждающемуся населению Англии.

Образование этого комитета было вызвано тяжелым промышленным кризисом, повлекшим за собой безработицу и обострение нужды рабочих классов. Массы голодных рабочих волновались во всех крупных промышленных центрах страны. Разрушения и поджоги фабрик, столкновения рабочих с полицией и войсками, демонстрации, оканчивавшиеся побоищами и выстрелами, были обычными явлениями. Оуэн попал в число членов комитета, образованного из известнейших лиц Англии, для выработки средств борьбы с нищетой, рост которой пугал общественное мнение, и выступил с грандиозным планом переустройства всего хозяйственного строя страны на новых началах. Вместо того, чтобы тратить совершенно непроизводительно огромные суммы на содержание нищих, не занимающихся никаким полезным трудом, ничего не производящих и развращающихся морально, государство должно, по мнению Оуэна, приступить к систематической организации труда нищих. Для этой цели государство должно заняться устройством общин одновременно земледельческого и промышленного характера. Население каждой общины не должно превышать 1.500 человек. Все жители общины должны жить в одном здании и обрабатывать собственными силами общинную землю в размере 300-400 десят. на каждую общину. Хозяйственные работы должны производиться сообща за счет общины, причем изготовляемые продукты поступают в распоряжение общины. Каждая семья имеет свою особую квартиру в общинном доме, но дети с трехлетнего возраста воспитываются сообща. Обед должен получаться из общественной кухни. Община всецело берет на себя содержание каждого своего члена, требуя от него соответствующей его силам и способностям работы. Так как все производство и потребление будут организованы в крупных размерах, то последует огромная экономия в расходах и огромный выигрыш в производительности труда. Благодаря этому общины, при первоначальной поддержке со стороны государства, получат возможность сами себя содержать, доставляя своему населению такие удобства и такое благосостояние, которые совершенно недоступны рабочему классу при современных условиях производства. Преимущества общинной работы

должны быть так велики, что Оуэн надеется на постепенное вытеснение этим новым типом хозяйственных организаций господствующей системы наемного труда. Таким образом, мало-помалу, без всякого принуждения и без ущерба кому бы то ни было, наемная работа прекратится, и кооперативные общины (как Оуэн называет их), станут единственными формами хозяйственных предприятий. Планомерная организация труда заменит существующую свободу конкуренции, сводящуюся к борьбе всех со всеми. Незанятые капиталы, не находящие работы рабочие, пустующие земельные участки найдут выгодное применение. Пауперизм исчезнет благодаря тому, что производительные силы общества, которые теперь остаются без надлежащего использования вследствие неорганизованности общественного хозяйства, будут утилизироваться по определенному плану в общих интересах.

Этот проект знаменовал собой решительный поворот в деятельности Оуэна. Перед нами уже не гуманный фабрикант, рассчитывающий на поднятие благосостояния рабочего класса путем частичных улучшений условий труда. Новые задачи открываются перед великим утопистом; дело идет о создании нового мира общественных отношений, в котором не должно быть ни хозяев, ни рабочих, ни господ, ни слуг, ни богатых, ни бедных. Историческое здание нерегулируемого обществом частного хозяйства должно пойти на слом, как не удовлетворяющее своему назначению — обеспечения наибольшего богатства и благосостояния всем членам общества. На смену существующего хозяйственного строя должен быть создан новый, в основу которого будет положена разумная планомерная организация общественного хозяйства в интересах всех...

С этого времени кипучая общественная деятельность все более и более захватывает Оуэна. Он превращается в самого неутомимого агитатора, какого только можно себе представить. Из-под его пера выходят массы памфлетов, статей, записок, проектов, он устраивает по всей стране митинги, где произносит длинные речи и ведет дебаты со своими противниками, он участвует, через посредство друзей, в парламентской деятельности, стремясь воздействовать на правительство, организовывает всевозможные общества для распространения и практического осуществления своих идей. Мало-помалу отношение господствующего общества к Оуэну изменяется; честность его намерений,

бескорыстие его побуждений еще не заподозриваются (впоследствии ему пришлось пережить и это), но его авторитет как богатого фабриканта и удачного общественного реформатора исчезает, в виду нового характера его деятельности. В этом апостоле новой веры видят уже не благоразумного и заслуживающего доверия практического человека, а вредного и опасного безумца и мечтателя. Восторженные похвалы, к которым так привык Оуэн в начале своей карьеры, сменяются все более резкими порицаниями, которые постепенно переходят в ожесточенную брань и клевету. Пропасть между смелым реформатором и образованным обществом быстро растет: от его былой популярности среди влиятельных и богатых людей, лордов, архиепископов и даже принцев крови, не остается и следа. Он теряет своих прежних друзей, многие из которых делаются его непримиримыми врагами.

Но одиночество не грозит Оуэну! Если богатые от него отворачиваются, то тем более горячие симпатии несутся к нему от бедняков. Идеи, с которыми благородный мечтатель обращался к королям и фабрикантам, находят себе в другой среде благодарную почву и дают богатые ростки. Тысячи английских рабочих проникаются взглядами Оуэна и становятся его одушевленными учениками и последователями. Английский рабочий делается энтузиастом нового евангелия, проповедуемого богатым фабрикантом, отрекшимся от своего класса, принявшим в свои руки дело слабых и угнетенных. И чем полнее отчужденность Оуэна от людей науки и капитала, тем сильнее, интимнее и неразрывнее его связь с обширным жалким и страдающим миром бедных и невежественных, жадно ищущих и не находящих выхода из окружающего их мрака.

Для характеристики взглядов Оуэна, а вместе и всего утопического социализма, весьма поучительно его отношение к политическим реформам. Двадцатые годы были временем чрезвычайно энергичного политического движения в Англии, имевшего целью парламентскую реформу — расширение числа избирателей в парламенте. Оуэн всегда выступал против этого движения, равно как и против позднейшего политического движения 30-х и 40-х годов — чартизма*. С точки зрения Оуэна, форма правления не имела никакого значения по отношению к экономическому положению народной массы и к осуществлению проектируемых им социальных реформ. На конгрессе своих пос-

ледователей в 1832 г. он даже заявил, что «деспотические правительства нередко оказываются лучшими, чем так называемые демократические... по отношению к кооперативной системе не имеет ровно никакого значения, деспотично ли правительство или нет».

Вместе с тем Оуэн до конца жизни остался чужд идеи классовой борьбы. Он неизменно настаивал на том, что его планы отнюдь не враждебны богатым. При господстве кооперативной системы все выигрывают, всем станет лучше. Рабочие выиграют, разумеется, гораздо больше, чем хозяева, так как положение тех и других сравняется. Но и хозяева не проиграют: жизнь в новом мире, исполненном свободы, братской любви и общего благополучия, при огромном росте народного богатства, благодаря соединению труда и производству в крупных размерах, благодаря разумному и планомерному использованию сил природы, применению машин, усовершенствованию самого человека путем рационального воспитания и обучения, будет настолько счастливее, богаче наслаждением и прекраснее, чище и выше во всех отношениях жалкой жизни в современном обществе, страдающем от бедности, преступлений, пороков и угнетений всякого рода, которые не могут не отравлять существования даже и богатого человека, что и богатые имеют все основания пламенно желать этого нового мира. «Те, кто проводит новые принципы общества, — сказал Оуэн в заседании одного кооперативного конгресса, — не желают причинять зла кому бы то ни было и не желают что бы то ни было отнимать у богатых, ибо они имеют возможность создать больше нового богатства, чем кто-либо в состоянии потребить». По словам Голайока*, ученика Оуэна и автора «The History of the Cooperation in England», «Оуэн всегда оставался верен той идее, что кооперация не засовывает руки ни в чей карман и не посягает ни на чью личность».

Никакие разочарования, никакие горькие уроки, которые ему в таком изобилии преподносила жизнь, не могли разрушить в этом удивительном человеке его прирожденной веры в людей. По своей натуре он не мог проповедовать вражды; со словом любви он обращался ко всем, — и если богатые оставались глухи к его проповеди, то это вызывало в великом социалисте только жалость к этим неразумным людям, не понимающим своих собственных интересов.

Поэтому вполне естественно, что Оуэн не сочувствовал всяким проявлениям классовой борьбы. Он не был другом стачек и хотя сам принимал энергичное участие в рабочих союзах и даже стоял во главе многих из них, но видел задачу их не в борьбе с хозяевами, а во взаимопомощи рабочих и накоплении денежных средств для устройства кооперативных предприятии. С этой целью Оуэн образовал в 1833 г. огромную федерацию рабочих союзов, число членов которой считалось около полумиллиона. Федерация эта, называвшаяся «General Union of the Productive Classes», просуществовала недолго и через несколько лет распалась. Но несмотря за эту неудачу, влияние Оуэна на рабочие союзы было очень глубоко и в общем благотворно, так как социалист Оуэн внес в английское рабочее движение дух энтузиазма, которого оно раньше было чуждо. Что же касается до ошибок Оуэна, то они не были восприняты рабочим классом.

В 1823 г. наш социальный реформатор выпустил очень интересный памфлет «An Explanation of the Causes of the present Distress»*, в котором он, между прочим, с полной ясностью формулирует центральный факт промышленной революции. Этим центральным фактом является, по мнению Оуэна, разрушение прежнего мелкого производства, при котором производитель был собственником орудий производства и продукта своего труда. Новый промышленный строй основывается на соединении в одном предприятии обширных групп рабочих, причем никто из них в отдельности не может сказать, что в окончательном продукте их совместной работы принадлежит ему и что другим Таким образом, коллективное владение является естественным дополнением коллективного производства, и Оуэн предлагает закончить дело промышленной революции передачей в общее пользование земли и капитала.

К двадцатым годам относятся и практические попытки нашего социалиста создать ячейку будущего социального строя — кооперативную общину. Самая крупная из таких попыток была сделана в Америке. Старая Европа оказалась малопригодной почвой для восприятия нового учения. И вот, Оуэн в несокрушимой уверенности в осуществимости своих социальных утопий покидает родину и едет в новый мир — в Америку. Здесь, в штате Индиана, в глухой, малонаселенной местности, он приобретает 10.000 дес. земли, принадлежавшей раньше одной религиозной

общине. Поселок носил символическое имя «Гармони» (Гармония). Оуэн переименовывает его в Нью-Гармони и приступает к устройству своей общины. Принципы, положенные в ее основу, были формулированы одним из его участников следующим образом:

1. «Цель ассоциации состоит не в том, чтобы богатых подвести под уровень бедных, а в том, чтобы всем обеспечить наибольшую сумму истинного богатства, физического и духовного».

2. «Кооперативная община должна быть устроена на началах самой неограниченной свободы. Никто не может быть принуждаем вступать в нее или оставаться в ней».

3. «Все труды будут добровольны; вместе с тем будут приняты все меры к тому, чтобы сделать по возможности привлекательными занятия в общине; будут употребляться все механические средства для исполнения необходимых работ неприятных, нездоровых или слишком тяжелых».

4. «Будет кооперативная общность в изготовлении продуктов физического или умственного труда; всякий будет работать в соответствии со своими влечениями и в согласии с интересами всех».

5. «Будет общность собственности относительно всех земель, домов и всякого другого недвижимого имущества, равно как всех инструментов, сырых материалов, предназначенных для производства, и всяких других предметов, известных под именем капитала в самом обширном значении слова, т. е. всего того, что не предназначается для непосредственного потребления».

6. «Предметы, предназначаемые для непосредственного потребления, будут получаться из общественных магазинов и могут сделаться собственностью только в момент потребления. Что касается до предметов, которые потребляются не сразу. как например жилые покои или мебель, то они могут принадлежать отдельному лицу только на время потребления их».

7. «Община будет сама управлять своими делами или непосредственно или посредством во всякое время сменяемых уполномоченных. Права и обязанности всех взрослых членов совершенно равны; права женщин вполне равны правам мужчин».

8. «Несогласия между членами общины будут оканчиваться в недрах общества посредством дружеского соглашения, без потребления каких бы то ли было мер строгос-

ти, кроме удаления из общины».

9. «Воспитание детей будет общее с того времени, когда для них не будут нужны заботы матерей; но при этом родители не лишаются возможности наблюдать за детьми и оказывать им ласки».

Таков был выработанный Оуэном план коммунистической общины, в которой общность имущества должна была соединяться с общностью труда, без всякого определенного принципа распределения продуктов между членами общины, кроме потребностей каждого. Неудивительно, что опыт Нью-Гармони, в конце концов, окончился полным фиаско; удивительнее, что такое фантастическое предприятие могло осуществиться и хотя несколько лет держаться не без некоторого блеска. Около 1.000 человек — энтузиастов, бедняков и просто проходимцев и искателей приключений — откликнулось на зов Оуэна. Община вскоре распалась на несколько меньших, некоторые из которых, на первых порах, оправдывали самые горячие надежды искателей новой правды. Вот, например, в каких привлекательных красках описывает жизнь в одной из таких общин, образовавшейся преимущественно из более интеллигентных людей, один из ее участников в 1862 г.

«После трудов мы почти каждый вечер устраиваем балы, концерты или общие беседы. У нас есть прекрасный оркестр, равно как и другие утонченности общественной жизни. Наши ученые и литературные собрания хотя немногочисленны, но согласием и гармонией превосходят собрания в больших городах. Забава служит вознаграждением труду, и деятельность находит в отдыхе вознаграждение, неизвестное ленивым. Наши молодые женщины, встав из-за фортепиано, идут доить коров или стряпать на кухне, что весьма забавляло герцога Саксен-Веймарского, который прожил у нас с неделю. Его секретарь танцевал на всех наших балах в костюме общины; этот костюм состоит из изящной греческой туники и широких панталон для мужчин. Женский костюм также походит на этот. Тот и другой сделаны так, чтобы нисколько не стеснять движений человека.

...Может быть, на всем земном шаре нет столь большого числа людей, соединенных в одном месте, свободных от предрассудков и столь далеких от всех старых ошибок, политических и религиозных... Мы имеем от пяти до шести тысяч томов лучших сочинений и довольно времени для

того, чтобы просвещать себя чтением и разговорами. Из будущих поколений мы надеемся образовать человеческую расу, более совершенную, чем те, которые существовали до сих пор, и на развалинах старого общества создать новое, устройство которого будет согласно с природой и потребностями человека».

В 1827 г. в разных пунктах Соединенных Штатов существовало уже до 20 кооперативных общин сходного характера. Но все они, как и следовало ожидать, благополучно распались через несколько лет. Неудача попыток такого рода — создать на началах братской любви маленький новый мир, как цветущий и благоуханный оазис среди беспредельной и мрачной пустыни старого мира, — не представляет собой ничего удивительного. Жители Нью-Гармони воспитались и выросли в совершенно иной социальной обстановке, чем та, которую они стремились создать в своей кооперативной общине. Их нравы, привычки, характеры, симпатии, потребности развились на почве борьбы за существование и закона конкуренции, верховных владык капиталистического мира. Как же они могли годиться для создания нового общества, основной закон которого требовал бескорыстного служения общим интересам? Порыва энтузиазма могло хватить на несколько лет, но огонь воодушевления не принадлежит к числу прочных и устойчивых строительных материалов. Новый социальный строй требует и нового человека, который не может явиться по первому зову благородного мечтателя.

Итак, американский опыт окончился полным крушением. Столь же неудачны были попытки устройства кооперативных общин и в Англии. Но все это нисколько не поколебало непобедимой веры Оуэна в свое дело. Каждая новая неудача только пришпоривала его почти нечеловеческую энергию; его пропаганда развертывалась все шире и шире, захватывала все новые и новые слои общества. О кипучей деятельности этого замечательного человека можно составить себе представление по следующему расчету, приводимому Ребо, автором книги «Etudes sur les Reformateurs». По словам Ребо, Оуэн за время 1826-1837 гг. произнес около 1.000 публичных речей, издал около 500 адресов разным классам общества, написал около 2.000 газетных и журнальных статей и сделал от 200 до 300 путешествий. В 30-х годах число последователей Оуэна в Англии считалось уже сотнями тысяч; идеи великого социалиста глубоко вко-

ренились в умах английской рабочей массы, смотревшей на него, как на нового Моисея, обещающего вывести свой народ из капиталистического пленения.

Около этого времени Оуэн занялся новым предприятием, на которое он, по своему обыкновению, возлагал великие надежды — устройством «рабочей биржи». Под этим названием он разумел весьма своеобразное учреждение, идея которого возникла у него под влиянием тяжелых промышленных кризисов, причинявших такие страдания английскому рабочему населению. Непосредственной причиной или, во всяком случае, наиболее очевидным симптомом этих кризисов было переполнение рынка товарами и невозможность сбыта последних, несмотря на то, что общественная потребность в этих товарах была далека от удовлетворения. В кризисах особенно выпукло обнаруживается своеобразный парадокс капиталистического хозяйства — парадокс бедности, вызываемой богатством. Так называемое перепроизводство товаров отнюдь не означает собой, что товаров имеется больше, чем общество может потребить их; у огромного большинства населения остается масса неудовлетворенных потребностей. Товары не находят сбыта только потому, что у тех лиц, которые испытывают нужду в них, не хватает средств для покупки этих товаров. С другой стороны, отсутствие сбыта товаров расстраивает промышленность, ведет к сокращению производства, безработице и еще большей бедности.

Отсюда легко прийти к мысли, что возможно уничтожить кризисы увеличением покупательных средств в руках населения. Но откуда взять эти средства? Оуэн решил, что эти средства могут быть созданы, если только отказаться от употребления, как менового посредника, денег. Вместо денег меновым посредником должны стать просто бумажные знаки, на которых обозначено, какое количество среднего человеческого труда заключено в данном товаре. Естественное мерило ценности есть труд. Однако, при существующих способах обмена, ценности товаров сравниваются лишь при посредстве денег. Кто не имеет денег, тот не может ничего купить, хотя бы он и располагал трудовой ценностью, заключенной в товаре. Чтобы избавить производителей от гибельной власти денег, достаточно создать учреждения, в которых трудовая ценность товаров выражалась бы не деньгами, а ничего не стоящими бумажными знаками, причем обмен товаров совершался бы при пос-

редстве этих бумажных знаков. Таким учреждением и должна была стать «рабочая биржа» Оуэна.

Каждый клиент этой биржи имел право доставить в нее любой товар для сбыта. Сведущие лица устанавливали, какое количество труда было потрачено на производство этого товара, и выдавали собственнику товара квитанцию, на которой было обозначено это количество труда. Эта квитанция могла быть обмениваема на любой другой товар равной трудовой ценности, имевшийся в распоряжении биржи. Таким образом, обмен совершался без всякого посредства денег, и ценность товаров измерялась только трудом. «Рабочая биржа» должна была, по мнению Оуэна, произвести полный переворот в условиях товарного сбыта, прекратить кризисы, уничтожить зависимость производителя от денежного капитала и обеспечить каждому рабочему пользование продуктами его труда.

Теперь для нас вполне ясна ошибочность основной идеи «рабочей биржи». Невозможность сбыта товаров зависит не от недостатка денег, а от непропорционального распределения общественного производства. Оуэн рассчитывал организовать обмен, оставляя неорганизованным общественное производство. Но именно в неорганизованности общественного производства и лежит корень зла, основная причина промышленных кризисов. Если производитель изготовляет не те товары, которые требуются потребителем, то товары эти должны остаться непроданными, какова бы ни была организация обмена. Затруднение сбыта указывает на непропорциональность распределения общественного производства; гарантировать сбыт всех товаров, независимо от того, соответствуют ли они спросу или нет, значило бы уничтожить тот естественный механизм, которым в настоящее время восстанавливается пропорциональность общественного производства. Если бы каждый мог рассчитывать продать свой товар, все равно, нужен этот товар или не нужен потребителю, то предложение товаров перестало бы приспособляться к спросу, производитель перестал бы руководствоваться вкусами и нуждами потребителя, и всякая пропорциональность должна была бы исчезнуть в народном хозяйстве.

Поэтому, все подобные попытки организации обмена без посредства денег, при неорганизованности общественного производства, неизменно кончались неудачей. «Рабочая биржа» стояла перед альтернативой: или принимать

только такие товары, на которые имелся спрос, и по той цене, по которой покупатели соглашались эти товары приобретать, но в таком случае биржа не удовлетворяла своему назначению — обеспечить сбыт всех товаров по их трудовой ценности, или же биржа, оставаясь верной своей задаче, должна была без разбора принимать всякие товары по их трудовой ценности, не имея никакой возможности сбыть эти товары, за отсутствием на них спроса.

«Рабочая биржа» была новой неудачей Оуэна. Она продержалась около двух лет благодаря денежной поддержке со стороны, но, в конце концов, должна была ликвидировать свои дела с большим убытком.

Последующая деятельность Оуэна тесно связана со всеми движениями английских рабочих 30-х и 40-х годов. Он близко стоял к агитации в пользу 10-часового рабочего дня; с чартизмом Оуэн боролся, хотя из рядов его последователей вышли некоторые вожди чартистов. Главным литературным произведением Оуэна этой эпохи может считаться его работа «A book of the new moral world»*. «Новый нравственный мир», картину которого рисует наш уже убеленный сединами мечтатель, не имеет ничего общего со старым миром. Каждый гражданин нового общества будет занят в возрасте от 12-25 лет каким-либо полезным производством; затем деятельность его найдет себе применение в других сферах — в области общественного управления, художественного и научного творчества и т. д. Современные большие города должны исчезнуть. Их заменят общины, рассеянные по всей стране, с населением в 500-3.000 человек, в руках которого земледелие будет соединяться с обрабатывающей промышленностью. Обмен будет происходить только между отдельными общинами, но вообще его область сократится. Обитатели «нового нравственного мира» будут жить вместе, в обширных роскошных домах, частная собственность совершенно исчезнет, женщины будут пользоваться полной равноправностью с мужчинами, воспитание детей будет лежать на общине. Брак станет вполне свободным, и люди будут сходиться и расходиться только по взаимному влечению. Само собою разумеется, что тюрьмы, наказания, полиция, войско и вообще все средства насилия старого мира не найдут себе места в мире будущего.

Эти социальные фантазии, значение которых заключалось в новом социальном идеале, показываемом Оуэном

человечеству, не мешали великому утописту деятельно работать над практическим улучшением нашего старого мира. Мы подходим теперь к главному практическому делу Оуэна, блестящий успех которого покрывает все неудачи, которыми судьба так щедро усеяла жизненный путь бедного мечтателя, наивно поверившего в возможность сокрушить силою любви древнего могучего дракона, столько тысячелетий терзающего человечество — бедность.

Мы видели, как далеко заносился Оуэн в своих социальных фантазиях. Но в натуре этого поразительного человека было единственное в своем роде соединение необузданного полета воображения с самым трезвым пониманием практического дела. Утопист Нью-Гармони был в то же время расчетливым хозяином Нью Ланарка. Эта драгоценная черта, составлявшая главную силу Оуэна, спасла дело его жизни. Среди общего крушения начатых им предприятий мало-помалу упрочилось и окрепло могучее и практическое *кооперативное* движение, которое представляет в настоящее время, наряду с тред-юнионизмом, одну из главных форм самопомощи рабочих во всем мире и которое в огромных размерах содействовало несомненному подъему за последнее время экономического благосостояния и социальной мощи рабочего класса Запада.

Неутомимая пропаганда Оуэна повела к тому, что сотни тысяч трезвых и практических английских людей поверили в проповедуемое им новое евангелие. Но усвоив новую веру, они не перестали быть практическими людьми. Они верили в будущее наступление «нового нравственного мира». Что же дремать, однако, теперь, пока мир еще не изменился? Ждать они не могли и искали немедленного дела. И такое ближайшее практическое дело нашлось. Оуэн объяснил им, в какой огромной мере возрастают экономические силы вследствие их соединения; разрозненные бедняки, соединившись вместе, могут достигнуть благосостояния. Задача заключалась в том, чтобы дать возможность мелким производителям и потребителям воспользоваться выгодами крупного производства и потребления в таких заманчивых красках рисуемыми Оуэном. Но для крупного производства требуется и крупный капитал, — откуда же его взять? Ощупью и шаг за шагом практическая мысль англичанина искала решения этой трудной задачи. Наконец, мало-помалу, путь к достижению цели стал выясняться. Если рабочий не располагает ни шиллингом капитала, то

все же он представляет собой некоторую экономическую силу в качестве потребителя. Лавочник, продавший рабочему провизию, живет барышами, получаемыми со многих подобных бедняков. В своей совокупности, бедняки эти достаточно богаты, чтобы поддерживать лавочника и давать ему высокие барыши. Почему же потребители, соединившись вместе, не могут заменить лавочника и сохранить все эти барыши в своих карманах? Таким образом может возникнуть фонд, который постепенно, после ряда лет, может превратиться в крупный капитал, необходимый для организации производства на кооперативных началах.

Итак, первым шагом к кооперативному производству является кооперация потребителей. Потребители соединяют свои средства, заводят кооперативную лавочку, из которой берут товары и сберегают в свою пользу прибыль лавочника. Вот основная идея так называемых кооперативных потребительных обществ, получивших в настоящее время повсюду такое развитие.

Когда идея этой организации достаточно выяснилась, во всей Англии стали возникать потребительные товарищества среди рабочих. В 1832 г. таких товариществ насчитывалось уже около 500. Большинство из них были очень мелкими и плохо организованы. Все они были проникнуты идеями Оуэна и рассматривали кооперацию потребления только как первый шаг к кооперативной организации производства; поэтому, они стремились накапливать свои дивиденды для образования фонда будущей производительной ассоциации,

В несколько лет Англия покрылась целой сетью потребительных товариществ. Связью между ними являлись различного рода общества, непрерывно возникавшие по инициативе Оуэна и также быстро распадавшиеся; кооперативное движение имело несколько своих газет, тщательно следивших за всеми успехами кооперативного дела и стремившихся улучшить его организацию,

Однако, первые успехи оказались весьма эфемерными. Огромное большинство первоначальных потребительных ассоциаций не продержалось и нескольких лет и быстро распалось, вследствие ли неумелости руководителей, неподготовленности рабочих, необеспеченности имущества ассоциаций в юридическом отношении, неудовлетворительности внутренней организации или других причин.

Но семя, брошенное Оуэном, не заглохло. Прошел де-

сяток лет, и кооперативное движение возобновилось с новой силой. Колыбелью этого нового движения был маленький ланкаширский городок Рочдэль, где в 1844 г. 28 рабочих основали крошечное потребительное общество с несколькими фунтами капитала. Из этого слабого ростка выросло современное могущественное кооперативное движение Англии, с его миллионами членов, многими десятками миллионов фунтов ежегодного оборота и миллионами фунтов ежегодной прибыли.

Мы не будем останавливаться на этой поучительной и славной странице новейшей социальной истории Англии. Нам достаточно констатировать, что, по общему мнению, современное кооперативное движение всецело вытекло из пропаганды Оуэна. Правда, оно далеко не осуществило возвышенного идеала отца английского социализма. Оно не послужило переходной ступенью к «новому нравственному миру». То, что великий утопист считал только первым шагом к цели, — кооперация потребителей, — является для современных продолжателей его дела конечной целью. Вообще, юношеский энтузиазм, отличавший первые робкие шаги кооперативного движения, совершенно чужд последнему в настоящее время. Но все же это нисколько не колеблет знаменательного факта, что миллионы рабочих Англии и всего мира, извлекающие ныне вполне реальные экономическая выгоды из кооперативного движения, обязаны благодарностью не кому иному, как наивному мечтателю Оуэну, вызывавшему в свое время столько издевательств со стороны людей так называемого здравого смысла, отлично понимающих свои ближайшая выгоды, но совершенно лишенных способности проникать взором в грядущее. Как евангельский сеятель, наш утопист рассеял много семян, большинство которых упало на каменистую почву, заглохло и не дало ростков. Но одному семени посчастливилось: оно укоренилось и мало-помалу выросло в роскошное и могучее дерево, укрывшее своею сенью миллионы тружеников, для которых работал Оуэн. Этим семенем было кооперативное движение. И таким образом, мечта облеклась в плоть и кровь, превратилась в действительность и стала трезвой правдой, которая теперь у всех на глазах и всем кажется такой простой и будничной вещью. А далеко ли то время, когда эта обыденная действительность была несбыточной мечтой?

Сен-Симон и сен-симонисты

Политическая экономия долгое время была по преимуществу английской наукой — не вследствие какой-либо прирожденной склонности британцев к изучению хозяйственных явлений, а благодаря особенностям социального строя Англии. Англия была и остается авангардом человечества в области социального прогресса. Политическая экономия — специфический продукт капиталистического строя. В Англии раньше, чем в других странах, этот строй достиг преобладания — неудивительно, что и политическая экономия нашла себе самую благодарную почву в Англии. Но по мере того, как капитализм охватывал все новые и новые территории Старого и Нового света, стало распространяться и изучение политической экономии. В XVIII веке и в первой половине XIX века капиталистическое хозяйство было наиболее развито среди стран европейского континента, во Франции. Франция шла в этом отношении непосредственно вслед за Англией. Для Франции политическая экономия не была чуждой наукой, привозным товаром английского происхождения. В лице физиократов*, особенно Кенэ** и Тюрго***, Франция имела в XVIII веке экономистов, превосходивших Ад. Смита**** силой теоретической мысли, хотя и далеко уступавших этому последнему по пониманию практических задач своего времени и по отзывчивости к социальным течениям эпохи. Физиократы были слишком теоретичны — они были не только теоретиками, но и доктринерами, говорившими языком, непонятным для толпы, и создавшими теории, непригодные для применения к практической жизни. Система Смита, отчасти опиравшаяся на теории физиократов, была несравненно выше физиократических учений, как система практической политики; и потому Смит быстро затмил не только у себя на родине, но и во Франции, своего гениального предшественника — Кенэ. В лице Жана Батиста Сэя***** Смит нашел во Франции популяризатора, или, скорее, вульгаризатора, обладавшего даром ясного изложения при значительной неясности мысли, неспособной к абстракции и теоретическому углублению. Эта слабость Сэя, еще больше, чем его сила как выдающегося стилиста и талантливого излагателя чужих мыслей, содействовала успеху учения Смита на континенте. Расплывчатое, многословное, несистематичное, местами глубокое и

почти гениальное, а в общем цельное, могучее и объединенное господствующей мыслью великое творение Смита было превращено Сэем в распланированный, с обычным французским мастерством, упрощенный и обесцвеченный «курс» политической экономии, доступный всякому, даже самому ограниченному пониманию. Одним из секретов успеха Сэя было также и то, что в его обработке учение Смита утратило столь характерную для великого шотландца струю горячей симпатии к рабочим классам. Смит был переработан в интересах буржуазии, и буржуазия европейского континента, принявшая этого обезвреженного Смита из рук Сэя, провозгласила автора «Богатства народов» своим умственным Аллахом, а его вульгаризатора Сэя — пророком новой религии свободной конкуренции и наибольшего барыша.

Но та же Франция выдвинула и людей иного духа. Если классическая политическая экономия была преимущественно творением англичан, в котором на долю французов выпала второстепенная роль, то утопический социализм может считаться духовным чадом Франции. Правда, англичане имели своего великого утописта Оуэна; но сила и значение Оуэна были не в теории, а в практике. Его прочным памятником остается развернувшееся ныне во весь свой могучий рост кооперативное движение; как теоретик Оуэн стоит гораздо ниже представителей французских утопистов — Фурье и, особенно, Сен-Симона.

Мы не знаем в истории человеческой мысли более ослепительной и блещущей всеми красками фигуры, чем граф Генрих де-Рувруа Сен-Симон (1760-1825), потомок Карла Великого* и внучатый племянник герцога Сен-Симона, автора знаменитых мемуаров о французском дворе. В Сен-Симоне есть что-то чуждое нашей эпохе, что-то слишком яркое и вдохновенное, как бы отголосок давно минувшего времени. Историческое имя, связывающее Сен-Симона с величавой личностью Карла Великого, так пристало гениальному утописту. В Сен-Симоне воскресает перед нами средневековый рыцарь, с его гордостью, бесстрашием, чувством чести, верностью своей даме, любовью к славе, блеску и шуму боя. Правда, он не мечом завоевал свою славу; героическая борьба, которую он вел, не сопровождалась пролитием крови; и если у него была дама, которой он служил всю свою жизнь как верный до гроба любовник, то эта дама не требовала человеческих жертв. Ибо Сен-Си-

мон был рыцарем Святого Духа и Истина была его дамой. Пророк и рыцарь — в этих двух словах вся характеристика этого истинного героя мысли.

Он родился в знатной семье и получил блестящее воспитание. В числе учителей, приходивших давать ему уроки, были такие люди, как Д'Аламбер*. Когда Сен-Симону не было и 13 лет, он внезапно объявил отцу, что изменил свои религиозные убеждения и не желает причащаться. Суровый отец заключил его в тюрьму. Смелый юноша бежал оттуда, после удара ножом тюремщику.

Любовь к славе и сознание своего высокого призвания очень рано пробудились в Сен-Симоне. Говорят, лакей обязан был будить молодого графа следующими словами: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела». Действительно, великие дела предстояли Сен-Симону, но время для них наступило не скоро. Судьба готовила гордому графу трудную жизнь, исполненную всевозможных лишений; и только на закате, когда косые лучи вечернего солнца едва пробивались сквозь тучи, закрывшие небосклон, и весь долгий жизненный путь стал представляться бедному искателю новой правды длинной цепью неудач, унижений и разочарований, он вышел на дорогу, приведшую его в храм славы.

Едва юношей, Сен-Симон отплыл в Америку офицером французского корпуса, отправленного для помощи восставшим английским колониям. В течение пяти лет он храбро дрался с англичанами и, наконец, попался в плен. По заключении мира, двадцатитрехлетний воин вернулся на родину с чином полковника королевских войск, французским орденом св. Людовика и американским орденом Цинцината. Перед ним открывалась блестящая военная карьера. Его назначают комендантом такой важной крепости, как Мец. Но Сен-Симон быстро пресыщается служебными успехами. Его честолюбие больше — он не ищет славы на военном поле. Он еще сам не знает, где его истинный путь, но чувствует постоянную неудовлетворенность, ломает свою жизнь, теряет колею и начинает лихорадочно переходить от одного дела к другому. Он бросает Францию, путешествует по Европе и, наконец, попадает в Испанию, где обращается к королю с фантастическим предложением: взять на себя прорытие канала, долженствующего соединить Мадрид с морем, причем работы должны исполняться иностранцами, которых Сен-Симон обязуется завербовать на военную службу королю.

Между тем, во Франции разражается революция. Наш искатель приключений возвращается в свое родовое имение, отклоняет свой выбор в общинные мэры, на том основании, что для народа опасно вручать власть прежнему дворянству, и отказывается от графского титула. Революция лишила Сен-Симона его родового состояния, но дала ему возможность заняться некоторыми спекуляциями, которые должны были бы доставить разорившемуся потомку Карла Великого огромное богатство, если бы не его чрезмерное доверие к своему компаньону Редерну. Дело кончилось тем, что Редерн получил несколько миллионов, а Сен-Симон должен был удовольствоваться сравнительно скромной суммой в 150.000 франков, что для такого важного барина, привыкшего к роскошной жизни и не считавшего денег, было сущим пустяком. Но Сен-Симона нисколько не смутила потеря состояния; он увидел в этом доказательство различия между такими людьми, как он, и такими, как Редерн. «Дороги, которыми мы следовали, — писал он по этому поводу позднее, — были совершенно различны: он (Редерн) направился в грязные трясины, где богатство построило свой храм, в то время как я поднимался на сухую и скалистую гору, на вершине которой находится алтарь славы».

Около этого времени Сен-Симон приходит к убеждению, что у него есть высшее призвание — преобразовать науку, объединить в одно гармоничное целое разрозненные знания человечества, и принимается за изучение точных наук, но довольно необыкновенным способом: приглашает к себе профессоров политехнической и медицинской школы, дает им роскошные обеды, угощает тонкими винами и в промежутке между двумя блюдами разговаривает с учеными о всемирном тяготении, законах неорганических и органических тел и пр. Конечно, изучение такого рода не могло сообщить Сен-Симону никаких серьезных знаний; но ни к какому ученичеству наш философ и не был способен по самой своей натуре. Он мог жить только в своем особом мире, созданном его фантазией, и его единственным учителем был его собственный гений.

После такого своеобразного курса точных наук Сен-Симон приходит к убеждению, что ему нужно расширить свой жизненный опыт, познать все страсти людей, изучить их слабости. Ему нужно широко открыть двери своего салона для самого разнообразного общества — светских лю-

дей, художников, артистов, игроков, красивых женщин и пр. и пр. Но он не женат — его салон лишен хозяйки. И вот Сен-Симон, ради успеха своих наблюдений над ярмаркой человеческого тщеславия, женится на красивой и привлекательной даме. Намеченная программа выполняется блестящим образом: достаточно было одного года, чтобы остатки состояния Сен-Симона были поглощены роскошной жизнью и дорогими приемами. Он остается нищим и расходится со своей женой.

С этого времени, когда Сен-Симону было уже более 40 лет, для него начинается трудный и тернистый путь лишений и нужды. Судьба позаботилась о том, чтобы доставить этому оригинальному экспериментатору искомые им познания выбранным им самим методом: заставив его испытать в своей личной жизни все разнообразные положения, в которые только может попасть человек. Вторая половина жизни Сен-Симона представляет собой такой глубокий контраст с первой, какой только можно себе представить.

Перед нами уже не богатый знатный барин, покровительственно принимавший ученых, не занимавшийся никаким определенным делом и слегка интересовавшийся всем. Он даже больше не граф, так как официально отказался от этого титула, он не имеет никакого состояния и в то же время совершенно лишен способности зарабатывать деньги скромным трудом. В его голове постоянно возникают планы научных работ, один другого грандиознее, и он с неутомимым жаром работает над развитием своих идей. Но, увы! Счастье от него отвернулось. Одна неудача следует за другой. Его попытки обратить на себя внимание ученого мира кончаются унизительными фиаско. Его восторженность вызывает веселый смех, а научные доводы — улыбку сожаления. Жизнь начинает производить над нашим философом свои жестокие опыты, как бы в отместку за его опыты над своей собственной жизнью.

Последняя попытка Сен-Симона к самостоятельному экспериментированию над жизнью стоит того, чтобы о ней рассказать. В это время во всем мире гремела слава г-жи Сталь*, как умнейшей и образованнейшей женщины Европы. И вот, Сен-Симон, расставшись со своей женой, едет в Женеву к г-же Сталь, которая вряд ли когда-либо слышала его имя, и обращается к ней с речью, приблизительно в таком роде: «Вы — замечательнейшая женщина своего времени, я замечательнейший мужчина. Почему бы нам не стать мужем и женой?» Сталь имела настолько ума,

чтобы только рассмеяться над этим удивительным предложением, которое можно было принять за поступок сумасшедшего.

В Женеве Сен-Симон издает свой первый литературный труд — «Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains»* — маленькую брошюру из трех писем, неясную, вдохновенную и почти безумную, в которой мысль великого социалиста еще только расправляет свои крылья для могучего полета впоследствии. Первое письмо так коротко, что мы приведем его почти целиком.

«Я не молод, — начинает Сен-Симон свое обращение к современникам, — я много наблюдал и думал в течение всей своей жизни, и целью моих работ было ваше благо: я придумал план, который мне кажется полезным для вас, и я изложу вам его».

«Откройте подписку над могилой Ньютона: подписывайтесь все, сколько хотите!»

«Пусть каждый назовет трех математиков, трех физиков, трех химиков, трех физиологов, трех писателей, трех живописцев, трех музыкантов».

«Каждый год возобновляйте подписку и указывайте имена, но пусть каждый будет свободен называть хотя бы тех же самых лиц».

«Разделите сумму, собранную по подписке, между тремя математиками, тремя физиками и т. д., получившими наибольшее число голосов».

«Попросите президента Лондонского Королевского Общества принять вносимые деньги».

«В следующие годы возложите эту почетную обязанность на лицо, внесшее наибольшую сумму по подписке».

«Потребуйте от тех, кого вы выберете, чтобы они не получали ни должностей, ни почестей, ни денег от кого бы то ни было, и оставьте их безграничными господами своих сил...»

«Этой мерой вы возрастите вождей для тех, кто работает над прогрессом человеческого знания, вы облечете этих вождей величайшим авторитетом и передадите в их распоряжение огромную денежную силу».

Во втором письме Сен-Симон говорит, что он имел видение. Ночью он услышал голос, который ему возвестил:

«Рим перестанет быть главой моей церкви. Папа, кардиналы, епископы и священники перестанут говорить от моего имени... Я запретил Адаму различать добро от зла —

дей, художников, артистов, игроков, красивых женщин и пр. и пр. Но он не женат — его салон лишен хозяйки. И вот Сен-Симон, ради успеха своих наблюдений над ярмаркой человеческого тщеславия, женится на красивой и привлекательной даме. Намеченная программа выполняется блестящим образом: достаточно было одного года, чтобы остатки состояния Сен-Симона были поглощены роскошной жизнью и дорогими приемами. Он остается нищим и расходится со своей женой.

С этого времени, когда Сен-Симону было уже более 40 лет, для него начинается трудный и тернистый путь лишений и нужды. Судьба позаботилась о том, чтобы доставить этому оригинальному экспериментатору искомые им познания выбранным им самим методом: заставив его испытать в своей личной жизни все разнообразные положения, в которые только может попасть человек. Вторая половина жизни Сен-Симона представляет собой такой глубокий контраст с первой, какой только можно себе представить.

Перед нами уже не богатый знатный барин, покровительственно принимавший ученых, не занимавшийся никаким определенным делом и слегка интересовавшийся всем. Он даже больше не граф, так как официально отказался от этого титула, он не имеет никакого состояния и в то же время совершенно лишен способности зарабатывать деньги скромным трудом. В его голове постоянно возникают планы научных работ, один другого грандиознее, и он с неутомимым жаром работает над развитием своих идей. Но, увы! Счастье от него отвернулось. Одна неудача следует за другой. Его попытки обратить на себя внимание ученого мира кончаются унизительными фиаско. Его восторженность вызывает веселый смех, а научные доводы — улыбку сожаления. Жизнь начинает производить над нашим философом свои жестокие опыты, как бы в отместку за его опыты над своей собственной жизнью.

Последняя попытка Сен-Симона к самостоятельному экспериментированию над жизнью стоит того, чтобы о ней рассказать. В это время во всем мире гремела слава г-жи Сталь*, как умнейшей и образованнейшей женщины Европы. И вот, Сен-Симон, расставшись со своей женой, едет в Женеву к г-же Сталь, которая вряд ли когда-либо слышала его имя, и обращается к ней с речью, приблизительно в таком роде: «Вы — замечательнейшая женщина своего времени, я замечательнейший мужчина. Почему бы нам не стать мужем и женой?» Сталь имела настолько ума,

чтобы только рассмеяться над этим удивительным предложением, которое можно было принять за поступок сумасшедшего.

В Женеве Сен-Симон издает свой первый литературный труд — «Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains»* — маленькую брошюру из трех писем, неясную, вдохновенную и почти безумную, в которой мысль великого социалиста еще только расправляет свои крылья для могучего полета впоследствии. Первое письмо так коротко, что мы приведем его почти целиком.

«Я не молод, — начинает Сен-Симон свое обращение к современникам, — я много наблюдал и думал в течение всей своей жизни, и целью моих работ было ваше благо: я придумал план, который мне кажется полезным для вас, и я изложу вам его».

«Откройте подписку над могилой Ньютона: подписывайтесь все, сколько хотите!»

«Пусть каждый назовет трех математиков, трех физиков, трех химиков, трех физиологов, трех писателей, трех живописцев, трех музыкантов».

«Каждый год возобновляйте подписку и указывайте имена, но пусть каждый будет свободен называть хотя бы тех же самых лиц».

«Разделите сумму, собранную по подписке, между тремя математиками, тремя физиками и т. д., получившими наибольшее число голосов».

«Попросите президента Лондонского Королевского Общества принять вносимые деньги».

«В следующие годы возложите эту почетную обязанность на лицо, внесшее наибольшую сумму по подписке».

«Потребуйте от тех, кого вы выберете, чтобы они не получали ни должностей, ни почестей, ни денег от кого бы то ни было, и оставьте их безграничными господами своих сил...»

«Этой мерой вы возрастите вождей для тех, кто работает над прогрессом человеческого знания, вы облечете этих вождей величайшим авторитетом и передадите в их распоряжение огромную денежную силу».

Во втором письме Сен-Симон говорит, что он имел видение. Ночью он услышал голос, который ему возвестил:

«Рим перестанет быть главой моей церкви. Папа, кардиналы, епископы и священники перестанут говорить от моего имени... Я запретил Адаму различать добро от зла —

он не послушался меня. Я его изгнал из рая, но я оставил потомству Адама средство утолить мой гнев: пусть люди работают над усовершенствованием познания добра и зла, и я улучшу их участь. Наступит день, когда земля будет раем...»

«Узнай что я поместил Ньютона рядом с собой, доверил ему управление светом и поручил ему владычество над людьми всех планет».

«Собрание 21 избранника человечества получит название совета Ньютона. Совет Ньютона будет представлять меня на земле; он разделит человечество на 4 части, которые будут называться: английской, французской, германской и итальянской. Каждая из этих частей будет иметь совет, образованный так же, как и верховный совет. Всякий, где бы он ни жил, выберет себе одну из этих частей и будет избирать верховный совет, а также совет своей части».

«Женщины также будут избирать и будут избираемы».

Эти выдержки дают представление об общем тоне этого странного литературного произведения. Можно думать, что Сен-Симон его написал в состоянии крайнего, почти болезненного экстаза. Но, как увидим ниже, несмотря на свою экзальтированную и бессвязную форму, первая работа Сен-Симона уже содержит в зародыше некоторые глубокие, даже прямо гениальные идеи, более полно развитые им впоследствии.

Нечего и говорить, что эта брошюра не дала Сен-Симону ни славы ни денег... А деньги ему были нужны для жизни. С большим трудом ему удалось приискать себе место переписчика в ломбарде, с жалованьем в 1.000 франков в год за 9-часовую ежедневную работу. Для научной работы нашему философу оставались только ночи. К счастью, судьба вскоре свела его с его бывшим слугою Диаром, который сжалился над бедственным положением своего прежнего господина и предложил ему даровую квартиру и содержание. И вот, Сен-Симон поселяется у Диара.

Ему нисколько не кажется унизительным жить милостыней своего прежнего слуги. Он весь поглощен задуманными им великими трудами: на средства Диара он печатает несколько научно-философских работ, не обративших ничьего внимания. Вскоре судьба наносит бедному искателю истины новый удар: Диар умирает. Обнищавшему философу не на что печатать свои произведения, и он возвраща-

ется к первобытному способу распространения человеческого слова: собственноручно переписывает свои сочинения в нескольких десятках экземпляров и рассылает их выдающимся ученым, сопровождая посылку письмами такого содержания:

«Милостивый государь! Будьте моим спасителем. Я умираю с голоду. Мое положение отнимает у меня возможность изложить мои идеи достойным образом; но значение моего открытия не зависит от способа изложения. Достиг ли я того, чтобы проложить новую философскую дорогу? Вот вопрос. Если вы возьмете на себя труд прочитать мое сочинение, я спасен. Преданный в продолжение многих лет отысканию нового пути в области мысли, я по необходимости должен был удалиться от школы и от общества... Я сделал открытие чрезвычайной важности... Занятый единственно общим интересом, я пренебрегал своими собственными делами и через это дошел до следующего положения: мне нечего есть, я работаю без огня. Я продал даже свою одежду для того, чтобы иметь возможность переписать свое сочинение. Стремление к науке и общественному благу, желание найти средства для мирного окончания страшного кризиса, в котором находится европейское общество, привели меня в столь несчастное положение, и потому я не краснея признаю свою бедность и прошу помощи для того, чтобы продолжать своей работу».

Итак, гордый потомок Карла Великого открыто просил милостыни у незнакомых людей. Но этого мало: он просил милостыни и не получал ее. И еще более: он не только не получал милостыни, но и его научные труды, сопровождаемые такими унизительными посланиями, оставались непрочитанными. Казалось, все соединилось для того, чтобы сокрушить самоуверенность Сен-Симона. Но тут и проявилось во всей своей силе величие его духа; ничто на свете, ни крайняя нищета, ни общее равнодушие и невнимание к его работам, ни полное одиночество, ни надвигавшаяся старость, при неизвестности будущего, не могли в этот самый тяжелый период жизни Сен-Симона заставить его склонить свою гордую голову. Обращаясь с просьбами о помощи и рассказывая о своих бедствиях, он держит себя со спокойным достоинством избранника неба и прирожденного повелителя людей.

В посвящении своему племяннику Виктору, приложенном к одному его сочинению, изданному в это время, Сен-Симон говорит в вдохновенном тоне о «великих обязатель-

ствах», возлагаемых на их семью их высоким происхождением. «Я бросил меч, чтобы взяться за перо, — говорит он, — так как чувствовал, что природа влекла меня к великим целям на научном поприще». История показывает, что все великие дела были исполнены людьми знатной породы. Сен-Симоны должны быть гордыми «до надменности», ибо судьба низвела их с высоты престола до самих низших рядов подданных. Однажды, в эпоху террора, когда Сен-Симон сидел в тюрьме, ему явился ночью Карл Великий и сказал: «С тех пор, как существует мир, ни одной семье не выпало чести создать и героя и философа первого разряда; моему дому досталась эта честь. Сын мой, твои успехи, как философа, сравнятся с теми, каких я достиг как воин и политик».

В письме к тому же Виктору наш философ высказывает следующее: «Безумие, мой дорогой Виктор, не что иное, как высшая экзальтация, и эта высшая экзальтация необходима для совершения великих дел... В храм славы входят только клиенты домов сумасшедших, но не все клиенты сумасшедшего дома попадают в храм славы... На миллион одному удается войти — остальные свертывают себе шею».

Одной из самых поражающих черт характера этого удивительного человека была прямо беспредельная наивность, с которой он относился к людям. Редерн обобрал его и лишил состояния. Сен-Симон поссорился с Редерном, отзываясь о нем крайне резко, как о человеке самом ничтожном и заслуживающем полного презрения. И вот, очутившись в крайности, бедный философ составляет проект привлечь к изданью своих научных работ не кого иного, как этого самого Редерна. Сен-Симон пишет своему врагу длинное послание, к котором излагает сущность своих философских воззрений и просит обеспечить ему жизнь и научную деятельность. Какое дело было Редерну до теории обобранного им неудачного спекулянта? Но наш философ детски простодушен в вопросах практической жизни; с подобными же просьбами он обращается решительно ко всем, даже к Наполеону. И характер всех этих просьб неизменно один и тот же: вдохновенные, запутанные и неясные рассуждения об общих вопросах, и в заключение трогательное по своей наивности предложение (именно скорее предложение, чем просьба) помочь умирающему от голода философу. Со всеми Сен-Симон говорит совершенно одинаково — со своим бывшим слугой Диаром так

же, как и с Наполеоном. Со всеми он говорит как высший избранник, как потомок и наследник Карла Великого, ничего не боящийся и сознающий, что ничто на свете не может его унизить.

В обращении к Наполеону Сен-Симон обещает указать средство сокрушить морское могущество Англии; этим средством оказывается отказ Наполеона от завоевательных планов. Если же Наполеон не послушает советов дружески расположенного к нему философа, то погубит себя и Францию. Неудивительно, что в ответ на это Наполеон приказал полиции следить за Сен-Симоном.

Крайняя наивность и вера в людей, непонимание их психологии и навязывание им своих собственных настроений и чувств вытекали у нашего утописта из чрезвычайного богатства его внутреннего мира. Грандиозные планы непрерывно возникали в его мозгу и поглощали все его внимание. Он был в состоянии постоянного экстаза, его умственный взор был обращен так далеко, что почти не различал близких предметов. И потому каждый раз, как гениальному мыслителю приходилось вступать в соприкосновение с практической жизнью, он оказывался детски беспомощным и смешным.

Вслед затем положение Сен-Симона несколько улучшается: благодаря тому, что его восторженная проповедь находит себе, наконец, некоторый отклик, у него появляются ученики. Правда, их немного, но зато среди них были люди такой огромной умственной силы, как философ Огюст Конт* и историк Огюстен Тьери**.Последний даже присвоил себе в печати название «приемного сына Сен-Симона». Такие ученики могли заменить недостаток внимания к идеям Сен-Симона среди мира официальной науки.

Годы шли, нищета продолжалась, наступила дряхлая старость. Уколы булавкой часто бывают более глубоких ран — жизнь подачками богатых покровителей стала невыносимой для бедного чудака философа, уже одряхлевшего и лишившегося своей прежней гордой силы: в мае 1825 г. он проделал свой последний и самый печальный жизненный опыт — выстрелил в себя из пистолета. Но он не умер, а только лишился глаза. После этого он прожил еще около двух лет и вскоре после выхода в свет своего последнего сочинения «Le nouveau christianisme»*** скончался, как истый мудрец, на руках своих учеников.

Последние слова Сен-Симона были обращены к его любимому ученику Родригу: «Яблоко зрело, — сказал он,

ствах», возлагаемых на их семью их высоким происхождением. «Я бросил меч, чтобы взяться за перо, — говорит он, — так как чувствовал, что природа влекла меня к великим целям на научном поприще». История показывает, что все великие дела были исполнены людьми знатной породы. Сен-Симоны должны быть гордыми «до надменности», ибо судьба низвела их с высоты престола до самих низших рядов подданных. Однажды, в эпоху террора, когда Сен-Симон сидел в тюрьме, ему явился ночью Карл Великий и сказал: «С тех пор, как существует мир, ни одной семье не выпало чести создать и героя и философа первого разряда; моему дому досталась эта честь. Сын мой, твои успехи, как философа, сравнятся с теми, каких я достиг как воин и политик».

В письме к тому же Виктору наш философ высказывает следующее: «Безумие, мой дорогой Виктор, не что иное, как высшая экзальтация, и эта высшая экзальтация необходима для совершения великих дел... В храм славы входят только клиенты домов сумасшедших, но не все клиенты сумасшедшего дома попадают в храм славы... На миллион одному удается войти — остальные свертывают себе шею».

Одной из самых поражающих черт характера этого удивительного человека была прямо беспредельная наивность, с которой он относился к людям. Редерн обобрал его и лишил состояния. Сен-Симон поссорился с Редерном, отзываясь о нем крайне резко, как о человеке самом ничтожном и заслуживающем полного презрения. И вот, очутившись в крайности, бедный философ составляет проект привлечь к изданью своих научных работ не кого иного, как этого самого Редерна. Сен-Симон пишет своему врагу длинное послание, к котором излагает сущность своих философских воззрений и просит обеспечить ему жизнь и научную деятельность. Какое дело было Редерну до теории обобранного им неудачного спекулянта? Но наш философ детски простодушен в вопросах практической жизни; с подобными же просьбами он обращается решительно ко всем, даже к Наполеону. И характер всех этих просьб неизменно один и тот же: вдохновенные, запутанные и неясные рассуждения об общих вопросах, и в заключение трогательное по своей наивности предложение (именно скорее предложение, чем просьба) помочь умирающему от голода философу. Со всеми Сен-Симон говорит совершенно одинаково — со своим бывшим слугой Диаром так

же, как и с Наполеоном. Со всеми он говорит как высший избранник, как потомок и наследник Карла Великого, ничего не боящийся и сознающий, что ничто на свете не может его унизить.

В обращении к Наполеону Сен-Симон обещает указать средство сокрушить морское могущество Англии; этим средством оказывается отказ Наполеона от завоевательных планов. Если же Наполеон не послушает советов дружески расположенного к нему философа, то погубит себя и Францию. Неудивительно, что в ответ на это Наполеон приказал полиции следить за Сен-Симоном.

Крайняя наивность и вера в людей, непонимание их психологии и навязывание им своих собственных настроений и чувств вытекали у нашего утописта из чрезвычайного богатства его внутреннего мира. Грандиозные планы непрерывно возникали в его мозгу и поглощали все его внимание. Он был в состоянии постоянного экстаза, его умственный взор был обращен так далеко, что почти не различал близких предметов. И потому каждый раз, как гениальному мыслителю приходилось вступать в соприкосновение с практической жизнью, он оказывался детски беспомощным и смешным.

Вслед затем положение Сен-Симона несколько улучшается: благодаря тому, что его восторженная проповедь находит себе, наконец, некоторый отклик, у него появляются ученики. Правда, их немного, но зато среди них были люди такой огромной умственной силы, как философ Огюст Конт* и историк Огюстен Тьери**.Последний даже присвоил себе в печати название «приемного сына Сен-Симона». Такие ученики могли заменить недостаток внимания к идеям Сен-Симона среди мира официальной науки.

Годы шли, нищета продолжалась, наступила дряхлая старость. Уколы булавкой часто бывают более глубоких ран — жизнь подачками богатых покровителей стала невыносимой для бедного чудака философа, уже одряхлевшего и лишившегося своей прежней гордой силы: в мае 1825 г. он проделал свой последний и самый печальный жизненный опыт — выстрелил в себя из пистолета. Но он не умер, а только лишился глаза. После этого он прожил еще около двух лет и вскоре после выхода в свет своего последнего сочинения «Le nouveau christianisme»*** скончался, как истый мудрец, на руках своих учеников.

Последние слова Сен-Симона были обращены к его любимому ученику Родригу: «Яблоко зрело, — сказал он,

— вы его сорвете. Мой последний труд «Новое христианство» не будет понят немедленно. Думали, что религия должна исчезнуть, потому что католицизм одряхлел. Это ошибка: религия не может исчезнуть из мира; она только преобразуется... Родриг, не забывайте этого! И помните, чтобы совершать великие дела, нужно быть вдохновенным... Вся моя жизнь резюмируется одной мыслью: обеспечить всем людям наиболее свободное развитие их способностей». Затем наступило короткое молчание и умирающий прибавил: «Через двое суток после нашей второй публикации партия рабочих образуется. Будущее принадлежит нам». С этими словами он положил руку на голову и умер.

В чем же заключалось духовное наследство, которое завещал своим ученикам этот необыкновенный человек? Что давало Сен-Симону эту несокрушимую уверенность в себе, эту силу переносить самые унизительные положения с гордостью короля? Какова была философия этого нового Сократа, отвергнутого современниками, но с такой бодрой верой смотревшего в будущее?

Значение Сен-Симона в истории мысли так громадно, что не может быть преувеличено. Мы считаем его гениальнейшим социальным мыслителем нового времени, глубоко заложившим верной рукой прочный . фундамент научного знания, над завершением которого предстоит трудиться еще многим поколениям. Идеи Сен-Симона оплодотворили не одну какую-либо науку, но весь цикл наук, изучающих человеческое общество. Философия истории, социология, политическая экономия, отчасти право в своих высших обобщениях и до настоящего времени непосредственно примыкают к Сен-Симону. Этот замечательный мыслитель с гораздо большим основанием, чем Маркс, должен быть признан создателем современной науки об обществе.

Уже в первой своей странной и загадочной работе «Lettres d'un habitant de Genève» Сен-Симон высказывает глубокие мысли, значение которых для нас ясно только теперь, после Маркса. В своем фантастическом воззвании к человечеству Сен-Симон обращается к трем общественным классам, на которые распадается современное человечество. Первый класс «идет под флагом прогресса человеческого разума; он слагается из ученых, художников и всех тех, кто стоит за либеральные идеи. На знамени второго класса начертано: «Никаких нововведений!». В состав

этого класса входят все собственники, не принадлежащие к первому классу. Третий класс, лозунгом, которого является равенство, охватывает собой остальную часть человечества».

Итак, Сен-Симон указывает 3 класса, из которых состоит общество нашего времени. Первый класс движет вперед человеческую мысль; второй по своему существу консервативен и является опорой порядка; третий — враждебен господствующему историческому строю, основанному на неравенстве и подчинении, и требует нового общественного устройства, в основание которого должна быть положена идея равенства.

Как мало слов в этих нескольких строках Сен-Симона и как поразительно много в них содержания! Чтобы оценить их значение, нужно знать, как редки оригинальные идеи в сокровищнице человеческого знания. Новые идеи походят на крупинки блестящего золота среди серых груд грубого песка, которого нужно промыть сотни пудов, чтобы отыскать несколько золотников благородного металла. В словах Сен-Симона содержится в зародыше одно из важнейших социологических обобщений нового времени — учение об *общественном классе*, как составном элементе современного общества и о *классовой борьбе*, как естественном результате классового сложения общества. Для взглядов Сен-Симона крайне характерно, что в основу своего деления общества на классы он кладет не один, а два различных признака: с одной стороны, экономический признак (владение имуществом — класс собственников и не собственников), с другой — интеллектуальный признак (характер занятий и взглядов — класс ученых и вообще, сторонников либеральных идей — приблизительно то, что у нас называют интеллигенцией). Эта двойственность отнюдь не случайна у нашего автора; она вытекала из всего его понимания процесса общественного развития. Как увидим ниже, Сен-Симон признавал две основные силы, движущие вперед человечество: прогресс человеческого знания и развитие хозяйства. Сен-Симон как социолог был не монистом, а дуалистом; подмечая с чрезвычайным остроумием экономические причины социальных переворотов, он в то же время считал успехи знания особой и самостоятельной причиной общественного прогресса.

В своей первой брошюре наш мыслитель высказывает и свою другую любимую идею: разделения общественной власти на духовную и светскую, причем духовная должна

принадлежать людям знания и мысли, а светская — тем, кто является руководителем хозяйственного процесса производства. Наиболее странное место брошюры — обоготворение Ньютона — тоже не лишено глубокого смысла. Здесь находит себе выражение заветная мечта Сен-Симона — уничтожить антагонизм религии и науки, засыпать пропасть между ними, привести их к гармоническому единству, создать позитивную религию, основывающуюся на науке, но не лишающую человечество высшего духовного дара — энтузиазма к добру.

Все эти мысли, едва намеченные в первой работе Сен-Симона, получили блестящее развитие в его последующих трудах, из которых наиболее важны три — «Système industriel»*, «Catèchisme des Industriels»** и «Nouveau Christianisme»***.

В «Промышленной системе» Сен-Симон дает поистине гениальный очерк философии европейской истории. Человечество, — говорит он, — неизменно проходит в своем развитии три стадии. Первая стадия характеризуется господством духовенства в области духа и военного класса в светской области. Для последней стадии характерно господство ученых и точных наук в области духовных интересов и промышленных классов — в сфере интересов материальных. Промежуточная стадия характеризуется преобладанием в сфере духовной — метафизиков, в сфере материальной — юристов и законоведов.

В средние века господствующими классами в Европе были феодальная военная аристократия и духовенство. На чем же основывалось преобладание этих классов?

На том, что именно в этих классах сосредоточивались источники национальной силы.

Аристократия была самым необходимым классом общества, ибо на ней лежала важнейшая обязанность того времени — военная оборона страны. Рыцари были не праздными людьми, а самыми важными и ценными работниками, в которых всего более нуждалось общество. Они защищали трудящиеся классы, которые без помощи рыцарского меча и копья погибли бы от вражеских нападений. Баярд был полезнейшим человеком своего времени. Что касается до духовенства, то в его руках был другой источник силы — знание. Оно сосредоточивало в себе все просвещение, все знания средних веков. Этот социальный строй держался в течение многих веков потому, что он был в полной гармонии с состоянием общественных сил.

Промышленность была во младенчестве и война — важнейшим занятием народа, то как средство обогащения, то как средство отражения нападений врагов.

Неудивительно, что при таких условиях военные преобладали в обществе, что в их руках сосредоточивалась земельная собственность, а промышленные классы играли подчиненную роль. Точно также понятно, при низком уровне умственного развития и при детском состоянии точных наук, преобладание духовенства в сфере высших духовных интересов.

Но мало-помалу промышленники, бывшие долгое время рабами феодалов, достигли сначала личной свободы, а затем и экономического благосостояния. Около этого времени рыцарству, как военному классу, был нанесен смертельный удар не на поле брани, а в лаборатории скромного монаха. Изобретение пороха покончило с рыцарством и подчинило военную силу промышленности. Деньги и вообще экономическая мощь становятся решающим фактором военного могущества. Соответственно этому значение промышленных классов растет, а феодальной аристократии падает; выражением этого процесса явилось постепенное перемещение земельной собственности из рук аристократии в руки промышленников. Мало-помалу большая часть движимой и недвижимой собственности сосредоточилась у промышленных классов. Вместе с тем и политическое влияние должно было перейти классу, экономически преобладавшему, т. е. к тем же промышленникам.

В то же время развитие точных наук привело в духовной области к утрате преобладающего положения духовенства. Ученые стали умственными вождями общества. Таким образом, и светская и духовная власть переместилась в обществе из одних классов в другие. Эта-то скрытая, но глубочайшая общественная перемена, а не действия тех или иных министров или народных вождей, и была основной причиной великой французской революции. Грандиозный политический переворот конца XVIII века был вызван не отдельными случайными политическими событиями, а тем, что политический строй, раньше соответствовавший внутреннему соотношению общественных сил, перестал соответствовать этому последнему. Политическая революция была естественным следствием общественных перемен, медленно совершавшихся на протяжении нескольких веков.

Но так как феодальная система, основанная на преоб-

ладании военной силы и духовенства, совершенно противоположна промышленной системе, то феодализм не может перейти в высшую общественную фазу без промежуточной системы. Между низшей и высшей системой должна быть некоторая переходная система — метафизическая. Политический и общественный строй, вышедший из революции,-- парламентаризм — и является такой переходной системой. Парламентаризм есть метафизическое создание юристов и философов, чуждых положительной науки. Этот образ правления не открыт из изучения общественного развития, а придуман метафизиками, поставившими себе совершенно ненаучную задачу — изобрести идеальное политическое устройство. Действительно, что такое знаменитая декларация прав человека, как не применение высшей метафизики к высшей юриспруденции?

Но европейское общество не достигнет внутреннего мира, пока революция не будет завершена. До сих пор революция только разрушала — теперь она должна созидать. Метафизический переходный период должен закончиться возникновением нового политического и общественного порядка, гармонирующего с новым состоянием общества. Этим строем будущего должна стать промышленная система.

Духовная власть должна сосредоточиться в руках ученых, а светская перейти в руки фактических руководителей производства — предпринимателей, промышленников. «Истинная конституция, — говорит Сен-Симон, — не может быть изобретена — она должна быть открыта. Истинным законодателем является не король и не законодательные собрания. Таким законодателем следует считать философа, изучающего движение цивилизации и резюмирующего свои наблюдения в общественном законе, который и становится руководящим принципом законодательства». Конституция прочна только тогда, когда она выражает собой внутреннее состояние общества. Нельзя создать новой политической силы; ее можно только признать таковой, когда она достаточно обнаружилась. Это признание или, говоря иначе, законодательная санкция господствующих в обществе сил и есть то, что называют конституцией, которая, в противном случае, является только метафизической мечтой. Так например, палата лордов в Англии есть действительная политическая сила, так как лорды выражают собой характерную черту английского социального строя — именно, концентрацию земельной собственности в ру-

ках немногих лиц. Значение палаты лордов в Англии основывается не на теориях политического равновесия и тому подобных метафизических измышлениях, а на реальном факте — на факте существования общественной силы, которая находит себе выражение в этом учреждении. Напротив, во Франции, где палата пэров была придумана по политическим соображениям, это учреждение не имеет никакого значения, потому что за ним не скрывается никакой общественной силы. Поэтому, и конституция Франции должна быть иная, чем конституция Англии. Королевская власть должна опираться во Франции на те общественные классы, которые во Франции действительно преобладают, т. е. на промышленников и ученых.

Читателю, незнакомому с состоянием исторической науки в начале XIX века, трудно достойным образом оценить значение нового освещения, в котором выступает у Сен-Симона история Европы. Как остроумно указание Сен-Симона на связь политического устройства с состоянием внутренних сил данного общественного организма. И как глубока и блестяща его критика французской конституции! Знаменитый социологический «закон» развития человеческого ума — прохождение всяким человеческим знанием трех стадий: теологической, метафизической и позитивной — этот «закон», открытием которого так гордился Огюст Конт и который был положен им в основу «позитивной философии» — был формулирован гораздо раньше вполне отчетливо не кем иным, как Сен-Симоном. Вообще, все основные идеи «позитивной философии» были заимствованы Контом у Сен-Симона, к которому Конт обнаружил впоследствии такую низкую неблагодарность.

Так называемое материалистическое понимание истории, связываемое обыкновенно с именем Маркса, также нашло себе, задолго до Маркса гениального выразителя в Сен-Симоне. Правда, автор «Нового христианства» был, в противность Марксу, не монистом, а дуалистом: он не считал эволюцию хозяйства единственным решающим моментом общественной эволюции и рядом с развитием хозяйства ставил в качестве самостоятельной движущей силы прогресса развитие человеческого знания. Но это не мешало Сен-Симону ничуть не хуже Маркса подмечать экономические причины исторических событий. Таково, например, его материалистическое объяснение причин великой революции; всем последующим историкам оставалось в этой области только дополнять и развивать идеи нашего мысли-

теля.

Значение классовой борьбы в истории также было понято Сен-Симоном. В «Catechisme des Industriels» наш философ изображает французскую историю как борьбу землевладельческой аристократии с промышленным классом. Королевская власть со времени Людовика XI примкнула к промышленникам (городским общинам); это и дало ей успех в борьбе с феодалами. Но Людовик XIV и его преемники изменили старинной политике французских королей и заключили союз с феодалами против промышленников, что и повело к революции. В новейшее время промышленники распались в свою очередь на два класса. Из их среды выделились денежные капиталисты, банкиры, составившие новую денежную аристократию, столь же враждебную остальной трудящейся массе промышленных классов, как и старая земельная аристократия. Таким образом, создался антагонизм владения и труда. Денежная аристократия вместе с юристами образуют в настоящее время средний класс общества, составляющий опору либеральной партии. Революция пошла на пользу именно этому среднему классу. Лозунгом либералов по отношению к правительству является «ôte-toi de là que je m'y mette» («освободи, мне место, чтобы я его занял»). Партия промышленников не имеет ничего общего с либералами. Ее задачи заключаются в создании нового хозяйственного и общественного строя, в котором работающие классы займут господствующее место, соответствующее их преобладающей роли в создании богатства и знания. Все существовавшие до сих пор общественные системы основывались на господстве человека над человеком, монополиях, привилегиях. Напротив, промышленная система должна уничтожить всякие общественные привилегии и доставить возможность совершенно свободного развиться человеческих способностей, труда и таланта.

Но кого же понимает Сен-Симон под названием «промышленников», в защиту которых он возвышает свой голос? Здесь господствует в воззрениях нашего философа значительная неясность, зависевшая от того, что, выступивши с совершенно новыми воззрениями на природу общественных отношений, он не довел своей мысли до конца и остановился на полдороги. Он понимал социальные антагонизмы и угадал значение классовой борьбы; но как ни глубоко проникала его мысль, глубочайшего анта-

гонизма современного общества — антагонизма труда и капитала — он не усматривал с полной ясностью. Под промышленными классами общества Сен-Симон обыкновенно разумеет не только рабочих, но и предпринимателей-капиталистов, противопоставляя и тех и других классу землевладельцев и праздных капиталистов, к которым он причисляет представителей денежного капитала. Таким образом, в корне всех рассуждений Сен-Симона об отношениях общественных классов лежала некоторая недоговоренность и спутанность, дававшая возможность делать из этих рассуждений диаметрально противоположные выводы. Смотря по тому, кого считать промышленниками — капиталистов или рабочих, можно было истолковывать его идеи в смысле благоприятном представителям труда или капитала. Но не подлежит сомнению, что сам Сен-Симон, по мере большего и большего углубления в природу современного общества, все более и более суживал понятие «промышленников» представителями умственного и физического труда.

Так в своем последнем предсмертном сочинении «Nouveau Christianisme» он следующим образом формулирует основную заповедь своей религии — преобразованного христианства: «Религия должна направлять общество к высокой цели возможно скорого улучшения участи самого бедного и самого многочисленного общественного класса». Эта заповедь должна быть положена в основу всех общественных учреждений. Недостатком существующих религиозных систем является то, что они не преследуют цели улучшения участи бедняков.

Но не только в «Nouveau Christianisme» Сен-Симон признавал важнейшей задачей общества помощь беднейшему классу. В том же смысле он высказывался и раньше. Так, в «Промышленной системе» Сен-Симон говорит, что государство должно прежде всего позаботиться об «обеспечении участи пролетариев, причем работоспособным должна быть гарантирована работа, а неспособным к работе — содержание ». Правда, средства достижения этой цели не выяснены у Сен-Симона. Может показаться странным, что, становясь на сторону пролетариев, Сен-Симон приглашает передать правление страной предпринимателям. Но странность эта вполне объясняется невыясненностью классового антагонизма предпринимателей и рабочих во Франции эпохи реставрации. В это время мелкое производство еще решительно преобладало в стране, и экономический

антагонизм труда и капитала маскировался политическим антагонизмом старинной феодальной аристократии и непривилегированных классов, с одной стороны, и труда, включая сюда как буржуазию так и рабочих, с другой*.

Свои воззрения на относительную социальную ценность различных общественных классов Сен-Симон выразил в красивом сравнении: «Часто сравнивают общество с пирамидой. Действительно, общество походит на пирамиду, построенную из различных материалов, достоинство которых тем ниже, чем дальше удален данный слой от основания и чем он ближе к вершине. Основание общественной пирамиды состоит из гранита, затем идет несколько слоев также ценного материала, но верхняя ее часть, поддерживающая прекрасный бриллиант, есть не что иное, как позолоченный гипс. Основание пирамиды образуют производительные рабочие; первые слои над ними слагаются из предпринимателей, ученых, артистов. Высшие же слои, — позолота которых не может скрыть того, что они простой гипс — это придворные, аристократия разного рода, старая и новая, праздные люди, кто бы они ни были, все участники правительства, начиная от первого министра и кончая последним чиновником. Прекрасный же бриллиант, венчающий пирамиду — это королевская власть».

Мы изложили в общих чертах учение Сен-Симона. Весьма возможно, что читатель спросит: почему же мы называем этого замечательного мыслителя утопистом и в чем заключалась его утопия? На это можно ответить, что воззрения Сен-Симона представляют собой изумительнейшую смесь самых трезвых, реалистических построений с порывами самой необузданной фантазии. Что может быть утопичнее его приглашения открыть подписку над могилой Ньютона и таким путем преобразовать мир? Или его позднейшие мечты о передаче духовной власти ученым, а светской — промышленникам? Правда, он не создал таких детальных планов будущего общественного устройства, какие мы находим у других утопистов, например, у Оуэна или Фурье. Не кто иной, как Сен-Симон, признал глубокую истину, что конституция государства должна быть не изобретена, а открыта. Но всякий, знакомый с сочинениями великого мыслителя, согласится, что сам автор не был верен своему тезису. Фантазия постоянно влекла его к мечте и утопии. Экстаз был привычным состоянием души Сен-Симона, а в состоянии экстаза легче создавать воздушные замки, чем готовить кирпичи для жилых построек.

Отвращение Сен-Симона к организованной политической борьбе и вообще к политике также сближает его с другими утопистами. Как Оуэн обращался со своими проектами к государям Европы, так и Сен-Симон упорно пытался убедить Людовика XVIII, что собственный интерес французской монархии требует отождествить ее дело с делом всего народа. Наш утопист не понимал, что политика королевской власти диктуется только реальным соотношением общественных сил, тесно связавшим во Франции дело Бурбонов с феодальной аристократией. Подобно Оуэну, Сен-Симон признавал только один путь социального преобразованная — путь мирной пропаганды новых идей. «Новое христианство» достигнет господства так же, как и старое, — силой внутренней правды и высшей красоты своего учения. «Новые христиане могут стать мучениками, во они никогда не будут палачами». Богатые классы сами придут к убеждению, что их интересы не пострадают от преобразования общества на началах новой заповеди — «улучшения участи беднейшего класса», так как при новом общественном устройстве, благодаря общему росту богатства и нравственному улучшению человечества, выиграют все классы населения.

Но, однако, в чем же заключается этот новый общественный строй, эта промышленная система, апостолом которой выступил Сен-Симон? Сам он не дал на это ясного ответа.

И если бы он не оставил после себя школы, продолжившей дело учителя, то сен-симонизм следовало бы считать скорее замечательной историко-философской теорией, чем определенной социалистической доктриной.

Умирая, Сен-Симон сказал ученикам, что вся его жизнь резюмируется одной мыслью: обеспечить всем людям возможно большее развитие их способностей, и указал способ, которым можно достигнуть этого, а именно — организацией особой партии рабочих. Завещание это было воспринято небольшой кучкой учеников, обладавших тем даром, который Сен-Симон ценил выше всего — даром энтузиазма. Во главе сен-симонистов стояло двое людей — Базар* и Анфантен**.

Первый был долгое время политическим заговорщиком и одним из вождей так называемых карбонариев. Сделавшись сен-симонистом, он не утратил своего революционного темперамента и политических интересов. Это была чрезвычайно замечательная личность и по уму и по харак-

теру. Второй был чужд политической жизни и видел в сен-симонизме преимущественно новое нравственное учение и новую религию. Анфантен был во всех отношениях ниже Базара.

До революции 1830 г. сен-симонисты почти не обращали на себя общественного внимания. Но вот трон Бурбонов опрокинут, и Франция должна выбрать себе новый государственный строй. Через несколько дней после революции парижане увидели на стенах домов манифест никому неизвестной школы или секты, подписанный именами «Базар — Анфантен, провозвестники учения Сен-Симона». В манифесте требовалось уничтожение всех привилегий рождения, в том числе и наследственной собственности, провозглашался новый принцип распределения: «от каждого по его способности и каждому до его делам» и возвещалось в пророческом тоне много другого, столь же странного и непонятного. Манифест вызвал удивление и смех, но о сен-симонистах заговорили даже в палате депутатов, где некоторые представители народа сочли весь этот эпизод достаточно серьезным, чтобы обратить внимание правительства на опасность для общественного порядка от пропаганды новой секты.

Первые годы июльской монархии* были коротким временем быстрого расцвета и столь же быстрого падения сен-симонистской школы. Восторженная речь, смелые и новые мысли, высказываемые в блестящей и образной форме, указывавшей на душевный подъем и глубокую веру, — все это не могло не заинтересовать публику. Некоторая театральность и искусственность сен-симонистского культа привлекла праздных любопытных. Не только в Париже, но и в провинциальных городах возникло несколько центров сен-симонистской пропаганды. В Тулузе, Монпелье, Дижоне, Лионе, Меце образовались церкви сен-симонистов, тесно связанные с главной церковью в Париже. Проповеди Базара и Анфантена собирали тысячи народа. Много талантливых и достаточных людей вошло в общину Сен-Симона. «Оставляя свои занятия, свои стремления к богатству, свои привязанности детства,— говорит Луи Блан** в своей известной «L'histoire de dix ans»,— инженеры, артисты, медики, адвокаты, поэты приходили сюда, чтобы соединить свои благороднейшие надежды... Это был опыт религии братства!.. Отсюда отправлялись миссионеры, чтобы сеять слово Сен-Симона по всей Франции, и эти миссио-

неры везде оставляли свои следы: в салонах, замках, отелях, хижинах. Одними они были встречаемы с энтузиазмом, другими с насмешкой или враждой. Но миссионеры были неутомимы в своей деятельности ».

Инженеры, медики, адвокаты, поэты... а рабочие? Отчего о них не упоминает Луи Блан? Исполнилось ли предсказание великого учителя?

Нет. В противоположность оуэнизму, сен-симонизм остался до конца чуждым рабочему классу. Это было чисто интеллигентское движение, объединившее в себе на некоторое время многих талантливых людей из достаточных классов. Из среды сен-симонистов вышли блестящие ученые, философы, публицисты, но никакого прямого влияния на рабочее движение сен-симонизм не оказал. Сен-симонизм был слишком аристократичен — отрицая родовую аристократию, Сен-Симон провозгласил аристократию духа — ума и таланта. Гениальный автор «Нового христианства» был чужд практической жизни, и потому из его дела не могло получиться практических результатов.

«Семейство» Сен-Симона получило характер правильно организованной религиозной общины. Анфантен и Базар получили титулы «верховных отцов». Анфантен венчал сен-симонистов, совершал религиозные обряды при погребении. В мастерских общины работало временами до 4000 человек, а ежегодный бюджет ее превышал 200.000 франков. Но все эти успехи были мимолетны. Уже в конце 1831 г. в «семействе» произошел раскол: верховные отцы, Базар и Анфантен, решительно разошлись по вопросу о положении женщины в новой церкви. Анфантен утверждал, что мужчина и женщина составляют один нераздельный социальный индивид, почему во главе церкви должна стоять пара, из мужчины и женщины. Вместе с тем он провозгласил новое нравственное учение — réabilitation de la chair (восстановление прав плоти). И тело и дух равно прекрасны — чувственность так же законна и нравственна, как и стремления нашего духа. Базар, отказавшийся принять это учение, должен был выйти из «семейства » и скоро умер.

Анфантен остался главой церкви. Пустое кресло, стоявшее рядом с ним в собраниях общины, красноречиво говорило, что церкви не хватает подруги верховного главы — женщины первосвященника. Наступает последний и самый грустный период истории сен-симонизма. Возвышенное учение вырождается в смешной фарс. Община повсюду ищет женщины, согласной и достойной занять высокое

место матери сен-симонистов. Делается все возможное, чтобы привлечь эту недосягаемую и недоступную женщину. К ней обращаются с горячими мольбами в религиозных собраниях, ее ищут на балах, устраиваемых «семейством» специально с этой целью, для ее отыскания устраиваются поездки в разные города Франции. Не мешает заметить, что тот, подругу которого так пламенно искали — Анфантен — был молодым и очень красивым мужчиной с черными глазами и выразительными чертами лица. В этих поисках расходуются значительные суммы, собранные путем пожертвований разных богатых людей, сочувствовавших сен-симонизму.

Затем следует финансовый крах, и «семейство» оказывается несостоятельным. Но история последних жалких дней сен-симонизма еще не кончена. Несколько десятков оставшихся до конца верными адептов Анфантена удаляются со своим учителем во главе в его наследственное имение Менильмонтан вблизи Парижа и устраивают последнюю сен-симонистскую общину. Не видно, чем занимались члены этой общины; как кажется, главное внимание было обращено на внешность, которой Анфантен стремился поразить воображение соседей и этим снова привлечь к себе охладевший общественный интерес. Был выдуман для членов «семейства » особый живописный костюм, было обращено особое внимание на куафюру: мужчины носили бороды, что было в то время большой редкостью, и волосы до плеч. Работали мало, но зато тщательно заботились о том, чтобы обставить работу возможно красивее, привлекательнее и эксцентричнее, во время работы пелись особые песни, совершались особые обряды. Живой дух совершенно отлетел от сен-симонизма, и идейное движение угасло среди пошлости и актерства.

Окончание пьесы вышло эффектным: в дело вмешался суд и доставил Анфантену возможность еще раз покрасоваться перед публикой.

Менильмонтанское «семейство» подверглось обвинению в безнравственности и пропагандировании вредных учений. Члены «семейства» отправились в суд, пришедшийся им как нельзя более кстати, живописной процессией со своим «отцом» Анфантеном во главе. Судебный диалог был в таком вкусе.

Председатель (обращаясь к Анфантену): «Не называете ли вы себя отцом человечества?»

Анфантен: «Да, я называю себя отцом человечества».

Председатель: «Не утверждаете ли вы, что вы живой закон?»

Анфантен: «Да, я утверждаю, что я живой закон», и т. д. и т. д.»

Анфантен пробовал силу своего взора, который он имел претензию считать неотразимым, на судьях и присяжных. Судьи сердились — Анфантен видел в этом доказательство действительности своих приемов. «Я вас покорил!» — обратился он к присяжным. Последние ответили ему присуждением главы и адептов менильмонтанского «семейства» к тюремному заключению.

Этим и закончилась история сен-симонистского «семейства». Но история сен-симонизма, как определенного круга идей, не завершилась и поныне. Мы уже говорили, что так называемое материалистическое понимание истории есть не что иное, как дальнейшее развитие некоторых мыслей Сен-Симона.

Во главе учеников Сен-Симона стоял, как мыслитель и теоретик, Базар. Он был главным автором коллективного труда школы «Exposition de la doctrine de Saint-Simon»*. Это в полном смысле замечательное произведение, стоящее на уровне лучших работ учителя.

В истории человечества, — говорит Базар, — можно подметить смену двух различных состояний общества, двух различных периодов — органического и критического. В период органический человеческое общество, в своей массе, религиозно и управляется единой верховной доктриной, господствующей в умах и руководящей деятельностью каждого отдельного человека. Общество образует собой связуемое общей верой целое. В критический период общая вера, религия утрачивается, и общество превращается в собрание отдельных личностей, преследующих разные цели и потому неминуемо приходящих к столкновению между собой. История показывает, что и органический и критический периоды уже дважды сменяли друг друга. Первый органический период продолжался в древней Греции до возникновения первых философских систем. Политеизм был господствующей религией, признаваемой как высшими, так и низшими классами населения. Политический и социальный строй был так же прочен и устойчив, как и религиозные верования. Но новые философские учения поколебали наивную веру в олимпийцев. Наступил критический период, выразившийся в упадке древней ре-

лигии и распадении прежнего общественного строя. Христианство снова вернуло человечество в органический период. Опять единая верховная религия подчинила себе ум и душу человека, и люди объединились в одном общем чувстве, в одной общей вере. Средневековый строй был высшим выражением органического периода христианства. Но вот уже несколько веков, как христианство вступило в критический период, начавшийся с Лютера и реформации. Французская революция была кульминационным пунктом этого критического периода. Прежний социальный строй, основывавшийся на преобладании церкви и феодальной аристократии, окончательно рухнул. Революция превосходно исполнила свою отрицательную задачу — она нанесла смертельный удар старому режиму. Но совершила ли она что-либо положительное?

Нет и нет. Наше время характеризуется общественным разложением, расстройством и анархией во всех областях жизни. Лозунгом нашего времени является знаменитое изречение — laissez faire, laissez passer*. Экономисты вообразили, что личный интерес всегда совпадает с общим интересом. Но это неверно. Разве, например, введение машин не противоречит интересам тех рабочих, которые вытесняются машиной? На это экономисты возражают, что машины приводят к развитию промышленности и в будущем дадут новые источники заработка для населения. Но если бы даже это было верно, — чем будут существовать рабочие в переходное время? Не дождавшись лучшего времени, они умрут от голода. Руководители современного общества провозгласили «sauve qui peut!» (спасайся, кто может!), — и великая человеческая семья распалась на отдельных лиц, взявших себе девизом: «каждый — за себя, Бог — ни за кого».

Любовь отлетела от людей, и грубый эгоизм воздвигнул свой храм в современном обществе. Религиозное чувство угасло и с ним вместе исчезла преданность общим интересам. Средние века, несмотря на невежество народа, несмотря на свирепствовавшую национальную вражду, могли подвинуть народы Европы к одной общей великой цели — например, к освобождению гроба Господня. Теперь такой общей цели нет и быть не может, ибо нет общей веры. Французская революция поставила знак минуса перед всеми членами символа веры средних веков, но нового символа веры не дала.

«Историки, — продолжает Базар, — любят объяснять

великие события случайными причинами. Они любят ссылаться на появление гениального человека, случайное научное открытие. Историки не видят в этих фактах следствия общественного состояния, сделавшего данные факты необходимыми, не видят, что каждое развитие есть необходимый результат предшествовавшего развития, каждый новый шаг обусловлен предшествовавшими шагами. Французская революция, с точки зрения таких историков, была вызвана расточительностью двора, легкомыслием Калонна, расстройством финансов, причем только самые глубокие из таких историков доводят свои исследования до эпохи разделения Польши. Это-то понимание истории привело к известной пословице: «Aux grands effets — petites causes» (у великих событий — малые причины). Но история, изучаемая по нашему методу, есть нечто совсем иное, чем волнующий воображение рассказ о драматических фактах прошлого. Для нас история — таблица последовательной смены физиологических состояний человеческого рода, рассматриваемого в своем коллективном существовании. Такая история — точная наука».

Эта история учит нас, что в основе всех известных нам общественных организаций лежала и лежит эксплуатация одних общественных классов другими. На почве этой эксплуатации вырастает классовый антагонизм, проникавший во все времена общественную жизнь. Задача будущего заключается в замене эксплуатации человека эксплуатацией человеком природы, причем начало ассоциации должно заменить начало антагонизма. И эта задача предписывается самой историей, ибо если мы обратимся к истории, то увидим, что область антагонизма постоянно ограничивается, а ассоциация — расширяется. Как ни тягостно современное положение рабочего класса, прежде оно было еще хуже. Современные отношения рабочего к хозяину суть результат долгого развития, первой ступенью которого было рабство. Затем положение раба улучшилось — он превратился в крепостного. Личное освобождение рабочего и переход его к работе по найму были дальнейшим улучшением его участи и уменьшением антагонизма между господствующими и подчиненными классами. История говорит следовательно, что хотя эксплуатация человека человеком и не исчезла, но все же историческое развитие выражается не ростом, а ослаблением эксплуатации. Современному человечеству .остается сделать последний шаг — совсем и навсегда покончить с эксплуатацией. Социальные

антагонизмы должны исчезнуть и начало ассоциации должно стать единственной основой общественного устройства.

На чем же покоится эксплуатация в современном обществе? На это Базар дает категорический ответ: «На господствующей организации права собственности». Обыкновенно думают, что право собственности есть нечто незыблемое и не изменяющееся во времени. Это совсем неверно: право собственности, как и все другие общественные институты, подлежит закону развития. Государственная власть во все .времена регулировала право собственности, а также предметы, которые могут быть предметом собственности, а также определяла и самое содержание этого права. Первоначально предметом собственности мог быть человек, теперь человек изъят из области права собственности. Раньше собственность передавалась по завещанию совершенно свободно, затем было учреждено право первородства, и, наконец, французская революция установила равный раздел наследства между детьми. В современном хозяйстве право собственности, в сущности, есть не что иное, как привилегия получения дохода, не основанного на труде, — процента или ренты. Но значение такой привилегии уменьшается по мере прогресса хозяйства благодаря сопутствующему этому прогрессу падению процента на капитал.

Современному обществу предстоит осуществить последнюю и окончательную реформу права собственности, а именно совсем уничтожить право наследства. Единственным наследником всего национального имущества должно стать государство.

Современный хозяйственный строй покоится на принципе свободы конкуренции. Но свободная конкуренция есть не что иное, как новая форма беспощадной войны всех со всеми. Неограниченное господство свободной конкуренции приводит к подавлению слабых сильными, перепроизводству товаров и промышленным кризисам, от которых всего больше страдают рабочие. Государство должно положить конец этому порядку вещей и заменить господствующую анархию производства планомерной организацией производительных сил общества в интересах многочисленнейшего и беднейшего класса общества — рабочих. Задача эта будет осуществлена, когда в руках государства как единственного наследника, сосредоточатся все средства производства страны. Тогда государство получит воз-

можность распределять эти средства производства между отдельными группами производителей соответственно способностям и потребностям каждой группы. Верховным принципом распределения будет правило: «от каждого — по его способностям, каждой способности — по ее делам». Более способные и полезные работники должны и получать больше; им должно принадлежать и руководительство работами. Распределение средств производства между производителями могло бы совершаться при посредстве центрального национального банка, который должен находиться в тесной связи с местными банками, а через посредство их — со всеми группами производителей.

Социально-политическая программа сен-симонистов была формулирована ими, в сжатой форме, в одной из статей их органа «Le Globe» следующим образом:

«Мы стремимся к уничтожению всех наследственных привилегий, без исключения; мы стремимся к освобождению рабочих и прекращению праздного существования на счет рабочих; мы стремимся к тому, чтобы почет, уважение, благосостояние доставались в удел лишь тем, кто питает общество, просвещает, возвышает его своим вдохновением — иными словами, производителям, ученым, артистам; мы стремимся к тому, чтобы жатва доставалась тому, кто посеял, чтобы плоды трудов рабочих классов не поглощались праздными классами, ничего не делающими, ничего не знающими, ничего не любящими, кроме самих себя; мы хотим общественного строя, всецело основанного на принципе: от каждого — по его способностям, каждой способности — по ее делам; мы хотим постепенного уничтожения всех налогов, которые труд уплачивает праздности под различными названиями — арендной платы, наемной платы, процента на капитал».

Таково было учение сен-симонистов. Все наиболее существенное, характеризующее современный социализм и в области критики капиталистического строя и в области положительных требований, было намечено школой Сен-Симона.

Фурье

Давно замечено, что гениальные люди сплошь и рядом кажутся современникам дураками. И это прискорбное недоразумение, от которого страдают обе стороны, объясняется не только тупостью и ограниченностью людей золотой середины, создающих общественное мнение. Гениальные люди нередко обладают крайне неуравновешенными натурами; их мысль не горит ясным и спокойным пламенем, как у простых талантливых людей, не владеющих высшим небесным даром вдохновения, а дрожит и трепещет, то вспыхивает ослепительным светом, то гаснет и обволакивается дымом. Отличительной чертой гения является бесстрашная смелость мысли, дерзновенье, не отступающее ни перед какими трудностями. Это дерзновение открывает гениальному уму великие тайны мира; но оно же может завести и в такие дебри нелепости, в которые никогда не попадут люди здравого смысла, не мудрствующие лукаво и идущие проторенной дорогой. Заметить эти нелепости нетрудно, — и здравый смысл хохочет над глупостью гения.

Таким гением, давшим пищу остроумцам многих поколений, и был Фурье. Высмеять его нетрудно. Он достигал предела нелепости, за которым уже начинается настоящая болезнь — безумие. Он совершенно серьезно утверждал, что через некоторое время морская вода превратится в приятный напиток вроде лимонада, что на земле появятся новые животные — антильвы и антитигры, — которые заменят людям лошадей и будут в несколько часов перевозить седоков из Парижа в Лион, антикиты, которые будут тащить на буксире корабли по морю, и т. п. Он высчитывал что в будущем социальном строе можно будет погасить весь огромный английский государственный долг половиной куриных лиц, ежегодно производимых в фаланстерах. Все работы по ассенизации и очистке от грязи помещений фаланстера Фурье возлагал на «маленькие орды» (ptites hordes) детей, которые под предводительством «маленьких ханов» будут добровольно, из любви к грязи и пачкотне, исполнять эти обязанности, представляющиеся столь мало привлекательными современному человеку.

Самым строгим объяснением всего этого было бы признание Фурье сумасшедшим. Но нет никаких оснований

предполагать у него психическую болезнь — во всяком случае, она не проявлялась у него ни в чем ином, кроме сочинительства указанного рода. Все заставляет думать, что автор всех этих небылиц был в медицинском смысле человеком вполне здоровым.

Но если так, то не был ли он просто «идиотом», каким его решительно объявляет известный Евгений Дюринг в своей «Истории национальной экономии и социализма»? Но такой приговор о писателе, могущественно повлиявшем на общественные движения своего времени, создавшем огромную школу, относившуюся к своему учителю с благоговением, писателе, остающемся и поныне, через много десятков лет после смерти, одним из самых славных социальных мыслителей всего мира — не может затронуть Фурье и свидетельствует лишь о легкомыслии или дурном вкусе самого Дюринга. Только сильный ум может подчинять себе умы других людей, — а этот «идиот» владел как никто, умами многих и многих тысяч людей, и не просто людей толпы, а лучших и талантливейших представителей человеческого рода, не только на своей родине, но и всюду, где шевелилась мысль человека, и где жизнь выдвигала те же вопросы, которые волновали и великую душу Фурье.

Нам остается одно: не смущаться странностями и нелепостями, которые мы можем найти на страницах Фурье, и твердо помнить, что писателя следует судить не потому, что он не дал, а потому, что он дал. Космогония Фурье — его рассуждения о морском лимонаде и антильвах — никуда не годится. Много слабого, а подчас и детски наивного, смешного содержится и в его социальной доктрине. Но все это не мешает последней быть, наряду с учением Сен-Симона, — одним из самых поразительных созданий человеческого гения, — какие мы только знаем. Знаменитый германский ученый Лоренц Штейн никак не может быть заподозрен в особом пристрастии к социальному утопизму. И тем не менее, Штейн дает следующую характеристику исторического значения Фурье: «Ни в одной стране, — говорит Штейн, — не появлялось сразу двух таких замечательных людей в истории общества, как Сен-Симон и Фурье. Оба они не были поняты своим временем, оба стремились с непоколебимой верой к своей цели, оба умерли без всякой другой награды за работу своей жизни, кроме внутреннего удовлетворения. Им обоим принадлежит слава стоять на пороге нового времени, сущность и противо-

речия которого они одни, среди всего своего народа, поняли вполне ясно и заявили об этом с полной определенностью. Им обоим нет места в обычной истории, но когда будет понята история общества, они займут в ней более почетное место, чем кто-либо иной».

Жизнь Фурье (1762-1873) так же скудна и лишена ярких красок, как богата красками жизнь Сен-Симона. О ней совсем нечего рассказать. Вся биография его исчерпывается несколькими анекдотами, которые всегда пристают к памяти великих людей и, по большей части, ничего не характеризуют. Мы знаем о Фурье, что он происходил из купеческой семьи, был очень беден, долгое время жил скудным заработком приказчика в лавке и не был женат. Быть может, именно вследствие бессодержательности, однообразия и серого тона его собственной скучной и неинтересной жизни, он с такой поразительной яркостью рисовал прелести будущего социального порядка, красоту фаланстера, гармоничную организацию в нем работ, сопровождаемых музыкой, пением, красивыми процессиями, не могущих никогда наскучить и дающих все новую и новую пищу уму и воображению. Читая эти описания, легко понять как мог Фурье выносить в течение многих лет монотонное существование за купеческим прилавком; его дух был далеко от этого прилавка — от ничтожного мира, в который поместила его судьба, — и он жил в созданном им самим и блещущем всей радугой цветов прекрасном мире будущего.

Первая работа Фурье «Théorie des quatre mouvements»* (1808) была посвящена, главным образом, его космогоническим мечтаниям, образчики которых мы видели. Тем не менее, уже в этой работе были намечены некоторые мысли относительно нового устройства общества на началах ассоциации, более полно развитие во втором и главном труде Фурье «Traité de l'assosiation domestique agricole» (1822). Новая доктрина получила свое завершение в вышедшей через несколько лет его последней большой книге «Nouveau monde industriel» (1829). В «Трактате о домашней земледельческой ассоциации» Фурье подробно, до мельчайших деталей изложил план организации производительно-потребительной ассоциации, ячейки будущего социального строя. Для первого приступа к устройству фаланстера (так назвал Фурье здание, в котором должна найти помещение эта ассоциация будущего), требовалась сущая безделица — миллион

франков. Наивный мечтатель напечатал приглашение богатым людям, располагающим деньгами, доставить ему этот миллион. И в течение целого ряда лет Фурье оставался в определенный час дома и ждал мифического капиталиста, долженствовавшего превратить мечты в действительность и дать деньги для постройки первого социального дворца.

Этот капиталист, увы, не явился. Но все же такая горячая вера и такой пламенный призыв не остались без отклика. Вокруг Фурье стали группироваться поклонники и ученики. Среди них нашлись люди достаточные, не располагавшие, впрочем, требуемым миллионом. Один из них имел большое имение и предложил его для устройства фаланстера. Началась постройка здания, но по недостатку средств дело не было доведено до конца. Эта неудачная попытка осуществления на опыте идей Фурье была далеко не единственной. В Америке возникло довольно много общин последователей нашего утописта, просуществовавших, впрочем, недолго, и имевших такой же конец, как знаменитая «Новая Гармония» Оуэна.

Впрочем, если до постройки фаланстера дело и не дошло, то идея устройства огромной производительной ассоциации, живущей в одном здании и сообща организующей свое потребление, не осталась без некоторого практического осуществления. В одном из северных департаментов Франции процветает уже много лет замечательное предприятие такого рода — знаменитый «фамилистер», устроенный горячим поклонником Фурье, богатым фабрикантом Годеном, владевшим крупным металлургическим заводом. Годен построил для рабочих здание, несколько напоминающее по плану фаланстер, и передал на льготных условиях завод и все постройки ассоциации рабочих. Опыт оказался до известной степени, удачным: правда, большая часть рабочих на заводе в настоящее время не принадлежит к ассоциации и работает по найму, но все же несколько сот рабочих входят в состав ассоциации (всего на заводе рабочих около двух тысяч), и завод идет в коммерческом смысле вполне хорошо, постоянно расширяя свои обороты.

Разумеется, все это бесконечно далеко от проектированных Фурье фаланстеров — еще дальше, чем современные потребительные общества от кооперативных общин Оуэна. Жизнь безжалостно урезывает и искажает утопию. Но даже и в таком искаженном виде утопия не проходит

бесследно для жизни, а возвышает и облагораживает ее.

Но сила фурьеризма, как общественного движения, заключалась не в подобных, в общем, все же неудачных опытах. Фурьеризм стал приобретать значение в политической жизни Франции в конце 30-х годов, после окончательного крушения сен-симонизма. Во главе школы, после смерти учителя, стал талантливый и энергичный Виктор Консидеран*. Его книга «Destiné Sociale»**, выдержавшая 3 издания, является бесспорно лучшим изложением социальной доктрины Фурье, освобожденной от мистического бреда и космогонических и иных нелепостей, присущих сочинениям этого последнего. В 30-х и 40-х годах фурьеристы имели несколько довольно распространенных периодических органов. Фурьеризм был самым влиятельным социалистическим направлением во Франции в эпоху февральской революции, когда, хотя и на короткое время, парижские рабочие стали господами положения. Революция доставила кратковременное торжество одному из основных правовых требований, выдвинутых школой Фурье, — так называемому праву на работу. Право на работу и организация труда вот два наиболее популярных лозунга 40-х годов. Что касается права на работу, то эта идея, без сомнения, принадлежит Фурье, причем выдающуюся роль в распространении ее в массах сыграла книга Консидерана «Théorie du droit de propriété et du droit au travail». Вторая идея — организации труда — исходила от сен-симонистов и была воспринята в 40-х годах многими писателями, в том числе и Луи Бланом, замечательным ученым, историком и общественным деятелем, любимцем парижских рабочих и одним из членов временного правительства, в руки которого перешла власть после крушения трона Луи-Филиппа.

Одним из первых актов временного правительства было торжественное провозглашение права на работу. Луи Блан в своей «Истории французской революции 1848 г.» рассказывает следующим образом об обстоятельствах, вызвавших издание знаменитого декрета:

«Во вторник, 25 февраля, мы (члены временного правительства) были заняты обсуждением организации мэрий, как вдруг ратуша наполнилась страшным шумом. С треском распахнулась дверь и перед нами появился человек, с ружьем в руках... Кто его послал? Что ему было нужно? Он заявил, что его послал народ, указал повелительным жестом на переполненную толпой площадь перед ратушей и

потребовал, — сильно стукнув прикладом ружья о пол, признания права на работу... Ламартин старался успокоить пришельца. Со сладкой миной подошел он к нему и пустил в ход все обычные ресурсы своего красноречия. Марш — так звали рабочего — посмотрел на него с явно нетерпеливым видом. Он еще раз стукнул ружьем о пол и сердито вскричал: «Довольно слов!». Я поспешил к ним, отвел Марша к окну и написал тут же, перед ним, следующий декрет, к которому Ледрю Роллен прибавил последний пункт:

«Временное правительство французской республики обязуется обеспечить рабочему существование работой.

«Оно обязуется обеспечить работу всем гражданам; оно признает, что рабочие должны образовывать ассоциации между собой для того, чтобы пользоваться плодами своих трудов».

«Временное правительство возвращает рабочим, по праву, миллион, следуемый по цивильному листу короля».

Через несколько дней этот декрет был опубликован в «Монитере». Естественным последствием его была, организация временным правительством «национальных мастерских» и разного рода общественных работ в обширных размерах, для исполнения взятого государством на себя обязательства — доставить работу безработным, число которых, под влиянием промышленного кризиса и застоя в делах, было громадно. Мы не будем останавливаться на истории национальных мастерских, которые всего менее могут считаться серьезным опытом государственной организации промышленных работ. Как известно, большинство членов временного правительства относилось к мастерским крайне враждебно и только — под влиянием страха перед парижскими рабочими признало право на работу и организовало национальные мастерские, имея при этом тайную цель доказать неудачей последних неосуществимость подобных предприятий. Около сотни тысяч парижских рабочих находили небольшой заработок в национальных мастерских, в которых не производилось никакой серьезной работы; дело свелось к тому, что парижский пролетариат просто-напросто получал содержание из средств государственного казначейства, как бы состоял на государственной пенсии. Подобное положение вещей не могло долго продолжаться, и как только правительство окрепло, оно поспешило распустить мастерские, что, в свою очередь, повело к страшным июньским дням, безнадежному и

тем более отчаянному восстанию парижских рабочих, которое было подавлено со свирепостью, исключительной даже для гражданских войн. Наступила реакция, унесшая все социальные завоевания февральской революции, в том числе и право на работу, — обязательство, принятое на себя в трудную минуту республиканским правительством, не придававшим этой вынужденной словесной уступке серьезного значения, никогда не думавшим о выполнении своего обязательства, да и не имевшим возможности его выполнить, ибо действительное осуществление права на труд потребовало бы глубочайшего преобразования всего капиталистического хозяйства, для чего время — в эпоху революции 1848 г. — еще далеко не созрело.

В кратковременную, но такую прекрасную, революционную весну 1848 г. идеи Фурье были главным ферментом социального брожения. Луи Блан проектировал даже нечто вроде фаланстеров — устройство в Париже, в рабочих кварталах, — на государственный счет 4 обширных зданий, в которых могло бы поместиться в каждом до 400 рабочих семейств. В этих зданиях, устроенных не только с комфортом, но и даже с роскошью, рабочие должны были пользоваться выгодами потребления в крупных размерах, общественной организации приготовления пищи, отопления, освещения, стирки белья и пр. Проект этот не был осуществлен.

Точно также влиянию фурьеристских идей следует приписать и энергичное движение того же времени направленное к учреждению разного рода производительных ассоциаций — организаций рабочих, предпринимающих за свой общий счет, без участия хозяина, производство на продажу или для собственного потребления тех или иных продуктов. В 1848 г. среди французских рабочих возникло более сотни подобных ассоциаций, большинство которых распалось, но некоторые сохранились и до настоящего времени и процветают, утратив, правда, свой первоначальный характер и только тем отличаясь от обыкновенных капиталистических товариществ, что большинство пайщиков их принимает личное участие в работе. Вообще, как показывает опыт, производительные ассоциации рабочих только в том случае могут, не превращаясь в капиталистические товарищества, иметь успех, если они связаны с потребительными обществами. В этом последнем случае производительное предприятие принадлежит на правах со-

бственности потребительному обществу. Рабочие работают по найму общества, являющегося их предпринимателем и хозяином. Поэтому мастерские потребительных обществ (например, бельгийские кооперативные булочные и пр.) не могут считаться в строгом смысле слова производительными ассоциациями, характерным признаков которых является отсутствие хозяина и работы по найму. Что же касается до собственно производительных ассоциаций, то в развитых капиталистических странах жизнь приводит к одному из двух: или к крушению предприятия или же к превращению его в замкнутую компанию пайщиков-хозяев, имеющих наемных рабочих и, следовательно, уже не составляющих производительной ассоциации в чистом виде.

После февральской революции фурьеризм быстро сходит со сцены. Посмотрим же, в чем заключалось это учение, обаяние которого чувствовалось далеко за пределами Франции и отзвуки которого доходили даже до нашей родины.

Мы ставим в стороне все те части доктрины Фурье, которые не имеют непосредственного отношения к социальному вопросу, например, его космогонию, а также и его хотя и менее фантастичное, но все же не представляющее в настоящее время серьезного научного интереса учение о страстях и движущих силах человеческой души. Сам автор, а также и его ближайшие ученики и последователи, редко бывает справедливым судьей своего дела. Нередко более слабое, но своеобразное и эксцентрическое, заслоняет в глазах школы сильные стороны нового учения, менее бьющие в глаза, но имеющие несравненно большую ценность перед судом исторической критики.

На надгробном памятнике Фурье его верные ученики поместили два изречения учителя, которые в их глазах резюмировали всю его жизнь и его учение:

Les Attractions sont proportionelles aux Destinées.
La Serie distribue les Harmonies.
(Влечения пропорциональны своим назначениям.
Серия распределяет гармонию).

Это кажется чем-то вроде кабалистики. Неужели, действительно фурьеризм сводится к тому, что «серия распределяет гармонию»? Конечно, нет, — не этими непонятными тезисами, содержание которых, в конце концов, дово-

льно скудно (объяснять его мы не будем, так как это завело бы нас в самые дебри психологического учения Фурье), этот странный человек вызывал в течение многих десятилетий столько энтузиазма, столько благородных чувств, столько негодования против социального зла, и столько веры в лучшее будущее человеческого рода. Нас интересует не историческая оболочка фурьеризма, не странная и крайне неуклюжая форма, в которой это учение появилось на свет — не «серия», «пивотальные и кардинальные движения», «композитные, кабалистические и мотыльковые страсти» и прочие излюбленные, но непонятные без длинных разъяснений, формулы Фурье. Для нас важно социальное ядро этого учения, и мы постараемся освободить это ядро от твердой скорлупы, в которую оно заключено самим автором.

В социальном учении Фурье одинаково замечательны как критическая, так и положительная часть. Обе части неразрывно связаны между собой и исходят из одного общего положения: человек создан для счастья, и задача общественного устройства сводится к обеспечению ему возможно большей суммы счастья. Несчастье, которое мы видим вокруг себя, зависит не от натуры человека, не от природы, а от недостатков того, что Фурье презрительно называет цивилизацией.

Мы созданы для счастья, и гармоничное удовлетворение всех наших потребностей — как ума, так и тела — должно доставить нам это счастье. Но удовлетворение потребностей невозможно без внешних средств, — иначе говоря, невозможно без богатства. Богатство дает свободу делать то, что считаешь самым важным и нужным. Оно есть не только источник чувственных наслаждений, но и необходимое условие, материальная основа для осуществления самых высоких стремлений нашего духа. Богатство — это досуг, владычество над природой. Бедность не только причиняет человеку физические страдания, но она унижает его морально — пригибает к земле, приковывает к отупляющим ум и иссушающим сердце повседневным заботам о куске хлеба, уничтожает чрезмерным физическим трудом всякую возможность упражнять наши высшие способности. Бедность — самое ужасное проклятие человечества, и пока люди не победят бедности, до тех пор они не достигнут и счастья. «Богатство есть первый источник счастья, и материальная свобода есть основа всякой иной

свободы».

Как должны мы относиться с этой точки зрения к господствующему социальному строю — цивилизации? Освободила ли цивилизация человечество от бедности? Мы знаем, что нет; огромное большинство человечества страдает ныне от бедности, которая не уменьшается, а увеличивается, по мере успехов цивилизации. Первобытный человек был свободнее и богаче современного рабочего.

Но не коренится ли причина бедности в условиях внешней природы, в недостаточности предметов потребления, которыми может располагать общество? Действительно, национальное богатство даже самых богатых стран сравнительно очень невелико. Если бы весь национальный доход разделить поровну между всеми жителями страны, на долю каждого пришелся бы доход весьма незначительный. Теперь богато лишь меньшинство, а при равном разделении дохода не будет никого богатого — наступит общее равенство бедности. Это доказывается статистикой даже самых богатых стран. Так, если равномерно распределить национальный доход Франции, то на долю каждого француза придется в день 55 сантимов (20 копеек). Это — настоящая бедность. Не следует ли отсюда, что причины бедности заключаются не в общественном устройстве, а в условиях самой природы?

Отнюдь нет. Действительно, цивилизация способна обеспечить обществу только весьма скудный национальный доход. Но это зависит лишь от недостатков общественного устройства цивилизации. Этот строй частью не утилизирует имеющихся уже общественных производительных сил, частью прямо разрушает их. Цивилизация не удовлетворяет «первому требованию; которое следует предъявить к хорошей социальной организации — требованию создания возможно большей суммы богатства. Посмотрим же, в чем заключаются «пороки цивилизации» — особенности современного устройства, приводящие к тому, что общественный продукт так ничтожно мал.

Прежде всего, при господствующей организации общества огромное количество человеческой рабочей силы или пропадает без всякой пользы обществу или же прямо направляется к разрушению богатства. Цивилизованное общество состоит в своей большей части из непроизводительных элементов. Такими паразитами являются:

1) *Домашние непроизводительные элементы* — женщины, дети и прислуга. «Три четверти городских женщин и половина деревенских должны считаться непроизводительными, так как рабочая сила их утилизируется крайне недостаточно домашним хозяйством». То же следует сказать «о трех четвертях детей, совершенно бесполезных в городах» и мало полезных в деревне», и «трех четвертях домашней прислуги, работа которой, в сущности, бесполезна».

2) *Социальные непроизводительные элементы*: а) военные всякого рода «армию держат без всякого производительного дела, пока ее не употребят на дело разрушения», б) легионы чиновников и служащих по сбору податей, в) «добрая половина промышленных рабочих, признаваемых полезными, но относительно непроизводительных, ввиду плохого качества изготовляемых ими продуктов», г) «9/10 торговцев и служащих у них», д) «2/3 участвующих в транспорте по суше и морю», е) не имеющие занятий или работы по какой бы то ни было причине, ж) «софисты и пустые болтуны», з) люди праздные, «так называемые comme il faut, проводящие жизнь в ничегонеделании, сюда же входят и лакеи таких людей и вся их прислуга», и) заключенные в тюрьмах — представляют собой класс людей вынужденной праздности, к) и, наконец, все отверженцы современного общества, находящиеся в открытой вражде к ним — мошенники, игроки, публичные женщины, нищие, воры, разбойники и другие враги общества, «число которых нисколько не уменьшается и, борьба с которыми требует содержания полиции и администрации, одинаково непроизводительных».

К числу непроизводительных общественных элементов следует отнести и рабочих «отрицательного производства», служащего не для удовлетворения естественных потребностей человека, а вызываемого несовершенством господствующей социальной организации. Таким отрицательным производством является, например, постройка стены, ограждающей сад от воров, рубка леса, необходимого для страны и уничтожаемого жадным собственником, не думающим об общих интересах, устройство нескольких конкурирующих предприятий, когда одного достаточно для удовлетворения данной общественной потребности, и пр. и пр.

Итак, большую часть населения современного государства Фурье относит к числу непроизводительных классов, нисколько не содействующих, а иногда и препятствующих

созданию общественного богатства. При этом обращает на себя внимание, что Фурье признает непроизводительными почти всех служителей торговли. Отрицательное отношение Фурье к торговле объяснялось тем, что в капиталистическом обществе торговля из подчиненного хозяйственного элемента по отношению к производству и потреблению, каковой она должна была бы быть, становится элементом господствующим. Торговец, наряду с ростовщиком, воплощает в себе самые отрицательные стороны капиталистического строя. Торговец ничего не производит, не создает никакой новой ценности, он только покупает и продает; но тем не менее, господствуя над рынком, он держит в своей власти действительного производителя. Так как торговля дает возможность легкой наживы и не требует тяжелого физического труда, необходимого для производства, то торговля притягивает к себе худшие общественные элементы, избегающие производительного труда и жаждущие денег и богатства. Поэтому, торговая армия повсеместно быстро растет на счет производительной части общества. Торговля, конечно, исполняет полезную общественную функцию, но плата, которую она требует и получает за это от общества, чрезмерно высока. Улицы всякого большого города пестрят вывесками всевозможных лавок и магазинов, центральные кварталы почти сплошь застраиваются помещениями для торговли. Но есть ли какая-нибудь выгода для общества от того, что рядом с одним магазином вырастает другой, торгующий теми же товарами и за ту же цену и разоряющий первый?

Один магазин так же хорошо удовлетворял общественной потребности, как и два, — второй был не нужен. Гипертрофия торговли есть необходимое следствие свободной конкуренции и составляет крупное общественное зло, приводя к торговым и промышленным кризисам.

Исторически, торговля выросла из грабежа и разбоя. Морской торговец древних греков был вместе с тем и пиратом. И до настоящего времени ни у одного класса населения не существует таких растяжимых понятий о чести, дозволенном и недозволенном, как у торговцев. Обман составляет и поныне почти неизбежную принадлежность торговли, показывающую, что цивилизованный коммерсант нашего времени сохранил многие черты духовного сродства со своим отдаленным предком.

Что касается до отверженцев современного общества —

преступников всякого рода, то существование этого класса, по мнению Фурье, должно быть всецело поставлено в вину господствующему общественному строю — цивилизации. «Кто решится утверждать, что эти несчастные создания вышли бы такими, каковы они теперь, если бы, они были поставлены в благоприятные условия жизни, если бы общество пребывало по отношению к ним с самого их детства нежной и предусмотрительной матерью, если бы они нашли воспитание, достаток и интересную работу? Разве над этими существами тяготеет проклятие? Разве они рождены разбойниками, негодяями, проститутками? Но если так, то в чем же их вина? А если это не так, то следует согласиться, что хорошая социальная организация могла бы сделать этих людей полезными обществу. Нужно не кричать против порока, преступления, зла — уже много тысяч лет мы слышим эти крики, и добродетель могла бы от них охрипнуть. Нужно найти корень зла, открыть общественные причины пороков, преступлений и уничтожить эти причины».

Таким образом, «первая порочная черта цивилизации — это колоссальная потеря человеческой рабочей силы... создание бесчисленных легионов непроизводительных или разрушительных общественных элементов». Этого, однако, мало: цивилизация не умеет утилизировать и тех немногих рабочих, которые заняты производительным трудом.

Всем известны выгодны производства в крупных размерах, выгоды, зависящие, главным образом, от разделения труда, более полного утилизирования рабочей силы, капитала и применения машин. Но мелкое производство все еще существует даже в самых передовых странах. Особенно страдает от этого земледелие. Во Франции большая часть территории принадлежит мелким хозяевам — крестьянам. Какую страшную растрату человеческой силы представляет собой современное крестьянское хозяйство!

Раздробленность хозяйства крайне затрудняет всякие общие предприятия, которые нередко необходимы для земледелия, как, например, ирригация, дренирование почвы, осушение болот и пр.

Если бы эти сотни мелких участков были соединены в одно крупное поместье, если бы вместо этих сотен жалких хижин было построено одно огромное здание, если бы вся земля обрабатывалась сообща по одному общему плану и

за общий счет всеми этими сотнями производителей, то можно ли сомневаться, что количество собираемых продуктов возросло бы в огромной степени, и что та же площадь земли доставила бы несравненно больше богатства своему населению?

Еще очевиднее выгоды крупного производства в промышленности; а так как и здесь мелкое производство еще далеко не исчезло; то, значит, во всех областях хозяйства мы наблюдаем неспособность цивилизации утилизировать наилучшим образом производительные силы общества.

Но раздробленность производства далеко не единственный недостаток господствующей организации хозяйства. Не меньшим злом является самый характер хозяйственной работы. Работа эта совершенно лишена привлекательности, человек соглашается исполнять ее только под влиянием необходимости, нужды, голода, и, разумеется, исполняет крайне плохо. Мы так привыкли к этому, что считаем хозяйственный труд по самому существу чем-то тягостным и неприятным. Причина нашего отвращения к труду коренится, однако, не в самом существе этого рода деятельности, а в неудовлетворительной социальной организации труда, в тяжелой обстановке хозяйственного труда при господстве цивилизации. Не видим ли мы, что люди добровольно, ради наслаждения деятельностью, берут на себя труды, далеко превосходящие затратой силы самый упорный хозяйственный труд? Охотник-любитель часто утомляет себя более, чем любой наемный рабочий; однако, он не тяготится этим трудом. Почему же? Потому, что труд соответствует его влечению, начинается и кончается по желанию человека. Всякая работа неприятна, если она исполняется по принуждению; и, наоборот, всякий труд, в том числе и хозяйственный, может доставлять наслаждение, если он не слишком продолжителен, исполняется добровольно и соответствует вкусам и способностям человека.

Непривлекательность хозяйственного труда при господстве цивилизации зависит, следовательно, от плохой организации хозяйства. Рабочий, работающий из-под палки, произведет, конечно, гораздо меньше, чем человек, наслаждающийся самим процессом труда и работающий с увлечением. Итак, вот еще один «порок цивилизации», приводящий к уменьшению общественного продукта.

Но перечень «пороков цивилизации» еще далеко не

исчерпан. Всем известно, насколько энергичнее труд собственника труда наемного рабочего. Цивилизация стоит перед альтернативой: или труд собственника и мелкое производство, не дающее возможности пользоваться завоеваниями техники, или крупное производство и плохая, небрежная работа по найму. Соединить выгоды крупного производства с преимуществами работы не по найму, а для себя, в свою пользу, цивилизация оказалась не в силах.

Затем, посмотрим на весь хозяйственный организм цивилизации в его целом. Единственною связью между отдельными . хозяйствами являются товарный обмен, в области которого царит так называемая свободная конкуренция. Никакого общего плана общественного производства не существует; каждый заботится только о себе и не заботится об остальных. В результате получается не гармония интересов, как утверждают экономисты, а ожесточенная война всех против всех, обогащение одних на счет других, разорение неудачных предпринимателей, банкротства, принимающие массовый характер во время торговых и промышленных кризисов, когда фабрики закрываются одна за другой и рабочие терпят неслыханные лишения.

Все это дает право на заключение, что «господствующая форма общественного устройства противоречит общим интересам как отдельных личностей, так и народов; она истощает и убивает общественный организм... И однако, дело не в недостатке средств для достижения лучшего: земля, капиталы, промышленность, могучая сила машин, искусств и наук, мускулистых рук и мысли человека находятся в распоряжении общества. Весь вопрос сводится к лучшей организации производства. Нужно ее найти, эту организацию, и испробовать на опыте, это великий вопрос судеб человечества, вопрос спасения или гибели, богатства или нищеты, быть может, жизни или смерти современного человечества!»

Итак, мы нашли причины ничтожности общественного богатства, даже у самых богатых народов нашего времени. Причины эти всецело коренятся в господствующей социальной организации. Она сковывает производительные силы общества, превращает большую часть населения в паразитов, а остальной, производительной части не дает возможности вполне использовать свои силы, создающие, таким образом, только ничтожную долю богатства, которое общество могло бы произвести при лучшей организации.

Неудивительно, что при таких условиях бедность должна быть, даже при самом справедливом распределении общественного дохода, неизбежным уделом человечества.

Какой же выход из этого безотрадного положения вещей? Фурье находит выход в создании новой социальной организации, план которой выработан им во всех деталях. Но прежде, чем перейти к положительному решению социального вопроса у Фурье, остановимся на философии истории этого оригинального мыслителя.

Жизнь общества, говорит Фурье, подобна жизни отдельного человека. Человечество также переживает детство, достигает зрелости, потом клонится к упадку и смерти. До сих пор человечество еще не пережило детства и далеко от зрелости. Даже период детства еще не закончен. Этот первый фазис развития человечества — фазис детства — слагается из 7-ми периодов:

1 — эденизма;
2 — дикого состояния;
3 — патриархата;
4 — варварства;
5 — цивилизации;
6 — гарантизма;
7 — простой ассоциации, зари счастья.

О первом периоде, эденизме, у всех народов сохранились воспоминания, как об утраченном золотом веке. В этом периоде земельная собственность еще не существует, природа в изобилии дает человеку свои дары, и потому в человеческом обществе господствует согласие, отсутствуют внутренние раздоры и войны. Образцом такого состояния человечества может служить жизнь таитян и других жителей Полинезии. Человек в этом периоде счастлив, но это состояние не может долго длиться. Увеличение народонаселенья мало-помалу приводит к тому, что первоначальное изобилие сменяется голодом. Гармония интересов исчезает, развиваются противообщественные страсти, и первобытная община распадается. Только то чувство, которое необходимо для продолжения человеческого рода, именно семейные привязанности, переживает общее крушение. Это-то чувство и становится узким и ограниченным основанием общества в последующие периоды.

Изобретается оружие, и человечество вступает во второй фазис — фазис дикости. Начинается война. Отдельные семьи соединяются, чтобы увеличить силу своего сопро-

тивления и нападения, и таким образом возникает племя. Промышленность в этом периоде ограничивается охотой, рыбной ловлей и изготовлением оружия. Женщина делается рабой; частной собственности на землю в этом периоде все еще нет; Все члены племени свободно добывают себе пропитание и пользуются «естественными правами», обеспечивающими им существование. Эти естественные права суть: право свободной охоты, свободной ловли рыбы, свободного собирания плодов и свободной пастьбы скота. Без них невозможна была бы жизнь человека в этом фазисе истории.

Права эти могут, поэтому, рассматриваться как естественное достояние человеческого рода. Что же сталось с этими правами теперь, в цивилизованном состоянии общества? Пользуются ли ими все члены общества? Нет! Но если так, «если социальная организация (нашего времени) лишает этих прав часть граждан, то она должна гарантировать им в обмен некоторый эквивалент, каковым является право на работу».

«Пролетарий цивилизованного общества, лишенный, без всякого вознаграждения, своих естественных прав, раздираемый своими обязанностями, присоединяющий к тягостям сегодняшнего дня заботу о завтрашнем, пожираемый беспокойством относительно своей участи и своего семейства, находится, — конечно, в гораздо худшем положении чем дикарь. Неудивительно, что цивилизация противна дикарю». Известно, что дикари не выносят скуки и монотонности цивилизованной жизни, между тем, как матросы цивилизованных наций, попавшие к островитянам Полинезии, не хотят возвращаться к себе на родину.

Переход к 3-му и 4-му периодам — патриархату и варварству — вызывается изобретением нового орудия производства — плуга. Охота перестает давать достаточно средств к жизни, возникает земледелие и вместе с тем частная собственность на землю, которой до этого времени человечество не знало. Человек прикрепляется к земле, образуется государство, земледелие и обрабатывающая промышленность делают первые успехи. Но над всем господствуют люди меча, владычество грубой силы достигает своего апогея. Более слабые находятся в рабстве у более сильных. Приобретает большое влияние класс духовенства; жрецы сосредоточивают в своих руках знания и искусства своего времени и начинают исследовать природу. Храмы являют-

ся колыбелью науки. Правда, жрецы стремятся скрыть знания от людей, но это им не удается. Развитие науки приводит к новому периоду истории человечества цивилизации.

В этом периоде мы находимся в настоящее время. Рабство сначала заменяется крепостным правом, а затем рабочий получает личную свободу; женщина выходит из гарема, и ее гражданские права все более приравниваются к правам мужчины.

«Историческая задача цивилизации — создание наук, искусств и крупной промышленности». Цивилизация преобразовала технику производства, поставив ее на научную почву. Естествознание становится, благодаря цивилизации, базисом промышленности. Но вследствие вышеуказанных коренных пороков, присущих цивилизации, как особой формы социальной организации, успехи наук и промышленности покупаются крайне тяжелой ценой — ценой счастья большинства населения.

Цивилизация — не конечный фазис истории человечества, а лишь промежуточный между варварством и ассоциацией. Можно заметить два периода в движении цивилизации — восходящий и нисходящий. Мы находимся в нисходящем периоде, в периоде отживания господствующего социального строя и нарождения нового. Признаки упадка старого и могучего роста нового видны всюду. Отличительной чертой цивилизации является господство частной собственности, единоличного предпринимательства и свободной конкуренции. Но что мы видим теперь? Везде растут ассоциации капитала, под названием акционерных компаний. Везде мелкая собственность, мелкое производство экспроприируются крупным капиталом и создаются новые монополии. Свободная конкуренция становится пустым звуком. Могущество крупных капиталов, умноженное слиянием их в акционерные компании, раздавливает, при помощи машин и приемов крупного производства, средних и мелких промышленников и торговцев. Пролетариат и пауперизм идут вперед гигантскими шагами. И так как капиталисты живут в городах, то в городах раньше всего и достигает господства промышленный феодализм и обнаруживаются раньше всего его гибельные последствия; в городах скопляются массы пролетариев, живущих изо дня в день без всякой связи с хозяином, соединявшей в былые времена сеньора и вассала. Батальоны нищеты угрожают цивилизации».

В восходящем периоде цивилизации революции имеют политический характер; в нисходящем «революция принимает характер социальный: дело идет не о форме правления, а о форме собственности и самом праве собственности. Дело идет о глубочайшей основе социального устройства».

Новый социальный строй естественно, сам собой, развивается в недрах старого. Собственность меняет свою форму: «из индивидуальной, простой и исключительной она становится акционерной, сложной и общественной». Производство становится общественным, благодаря поглощению мелкого производства крупным, которое начинается в промышленности, но затем должно распространиться и на сельское хозяйство. Цивилизованные страны идут к тому, чтобы превратиться в огромную территорию, эксплуатируемую и утилизируемую рабочими массами в интересах небольшой кучки всемогущих собственников.

«Капиталы неудержимо следуют закону взаимного притяжения. Тяготея друг к другу пропорционально своим массам, общественные богатства все более концентрируются в руках крупных собственников. Иначе и быть не может, при общей раздробленности интересов, потому что мелкая мануфактура, мелкая фабрика, не могут бороться с крупной мануфактурой, крупной фабрикой; потому что мелкое земледелие, все более и более раздробляясь, не может бороться с крупным земледелием, с его орудиями производства, капиталами, объединенным производством; потому что все открытия наук и искусств суть, фактически, монополия богатых классов и постоянно увеличивают могущество этих классов; потому что, наконец, капиталы увеличивают силу того, кто обладает ими, и раздавливают того, кто ими не обладает... Современное социальное движение экспроприирует все более и более низшие и беднейшие классы в интересах высших и богатых классов... Пролетариат и пауперизм возрастают вместе с населением и даже быстрее его, вместе с прогрессом промышленности... Конкуренция рабочих связывает пролетария по рукам и ногам и передает его во власть новых владык (капиталистов); народные массы становятся новыми крепостными». И однако, равенство перед законом остается первым параграфом конституции; все различные виды свободы — свобода личности, свобода совести, свобода печати — остаются неприкосновенными...»

Такова данная Фурье, поистине гениальная (несмотря на свои преувеличения), характеристика социального развития нашего времени. Правда, история не оправдала этих мрачных предсказаний; темные краски наложены в той замечательной картине слишком густо, и общая концепция развития слишком схематична. Жизнь частью опровергла эту схему частью усложнила ее. Но как мало осталось Марксу прибавить к схеме Фурье, чтобы создать свое знаменитое учение о законах развития капиталистического хозяйства!

Переходом к новому социальному строю является «гарантизм» — период урегулированного капиталистического хозяйства, как сказали бы мы теперь. В этом периоде, который еще не наступил, крупное капиталистическое производство окончательно разрушит мелкое, и явится возможность планомерной организации общественного производства под руководством крупных капиталистических компаний. Это вызовет огромное увеличение общественного богатства. В то же время, отношения труда и капитала приблизятся к характеру ассоциации благодаря распространению таких форм оплаты труда, как участие рабочих в прибылях. Собственность, благодаря полному господству коллективного предпринимательства, примет социальный характер, и таким образом, мало-помалу, создадутся условия для социального строя будущего — ассоциации.

Какой же социальный строй придет на смену цивилизации? Ячейкой его будет организованная община, коммуна. Коммуна и в современном обществе является самым важным социальным элементом; но она не организована, и потому общественное хозяйство идет так плохо. Коммуны — это камни, из которых строится общественное здание. Если камни не отесаны, не пригнаны друг к другу, то для их скрепления нужно много цемента; напротив, для хорошо отесанных камней не требуется большого количества скрепляющего материала — они держатся собственной тяжестью. При дурном устройстве или полном неустройстве коммуны требуется много чиновников, сильная правительственная власть, сложная администрация, для того, чтобы общественная машина могла работать; при хорошем устройстве коммуны правительству останется мало дела. Коммуна создает богатство — вот почему и главное внимание социальных реформаторов должно быть обращено на коммуну. Отсюда ясна бессодержательность политических

революций, направленных на преобразование формы правления и оставлявшие незатронутым самый важный социальный элемент — коммуну.

Важнейшей задачей всякой общественной организации является создание богатства, материальной основы прогресса. Социальный вопрос сводится к такой организации коммуны, при которой возможно было бы наибольшее производство богатства. Для этого требуется достигнуть гармонического соединения в коммуне трех факторов производства — земли, труда и капитала.

Если мы обратим внимание на организацию хозяйства в современном обществе, то увидим, что в нем имеются два различных вида хозяйства: крупное — при помощи наемного труда, и мелкое — при помощи труда собственника. И тот, и другой вид хозяйства имеют свои недостатки и достоинства. Крупное хозяйство выше в техническом отношении, но зато в нем рабочий не заинтересован в результатах труда и работает плохо. Мелкое хозяйство стоит на низком техническом уровне, но зато в нем человек трудится сам для себя.

Задача в том, чтобы воспользоваться преимуществами крупного производства и не утерять выгод мелкого. Образцовая коммуна должна удовлетворять поэтому следующим требованиям: 1) собственность не должна быть в ней раздроблена; 2) все земельные участки коммуны и все отрасли промышленности должны эксплуатироваться под руководством одной власти; 3) система наемного труда, при которой рабочий не заинтересован в продуктах своего труда, должна быть заменена системой общего участия всех в общем продукте пропорционально участию каждого в производстве.

Нужно создать ассоциацию нескольких сот семей (Фурье берет 400 семейств), которая могли бы совместно вести хозяйство. Для этого не требуется экспроприировать кого бы то ни было. Собственник не лишается своей собственности, отдавая ее такой ассоциации, так как взамен своей собственности он получает акции, доход которых, по расчетам Фурье, будет несравненно выше, чем доход с собственности при индивидуальном владении.

Такую коммуну, организованную согласно его плану, Фурье называет фалангой, а социальный дворец, который предназначен для жизни членов фаланги — фаланстером.

Хозяйство фаланги не должно иметь характера комму-

низма. Коммунизм стремится к полному равенству, отрицает права капитала и таланта и признает только права труда. Коммунизм рассчитывает достигнуть общего довольства не путем гармонического развития всех страстей человека, а путем подавления некоторых из них, притом наиболее содействующих материальному и интеллектуальному прогрессу, каковы стремление к превосходству, честолюбие, жажда богатства и пр.

Основная идея коммунизма есть не более, как половина социальной идеи, — именно, принцип коллективности, ассоциации, и притом в своей грубой, неразвитой форме, точно так же, как основная идея современного строя — принцип индивидуализма — есть другая половина социальной идеи. Гармоничное соединение этих двух несовершенных элементов в высшей и сложной комбинации должно стать основной идеей ассоциации будущего, фаланги.

Мы уже сказали, что в фаланге частная собственность отнюдь не уничтожается, но только принимает иную форму — форму права участия в общих доходах, а не права исключительного пользования тем или иным орудием производства. Последнее право естественно отпадает, так как производство в фаланге ведется сообща; предметы потребления могут быть, однако, объектом собственности. Вообще индивидуальная свобода в фаланстере не испытывает никакого ограничения. Каждый живет так, как хочет, может обедать в своем собственном углу и не принимать участия в общих обедах, если этого пожелает, хотя собственная выгода и должна побуждать его к участию в коллективной организации потребления, которая представляет такие же огромные преимущества, как и коллективная организация производства. Именно в виду выгодности производства и потребления в крупных размерах, и то, и другое будет организовано в фаланстере на коллективных началах.

Фурье подробно описывает, какие огромные сбережения получатся, если сотни отдельных маленьких кухонь будут заменены одной огромной кухней в фаланстере, если сотни прачечных, кладовых, подвалов будут соединены в одно огромное целое в будущей коммуне. Политико-экономы относятся обыкновенно с презрением к организации домашнего хозяйства: это кажется им делом мелким, тривиальным. На самом же деле трудно и оценить, какая масса капитала и труда бесполезно растрачивается, благодаря

раздроблению потребления.

Что касается до преимуществ коллективного производства, как оно будет организовано в фаланге, то выгоды его должны быть еще больше. Всем известно, что крупная промышленность вытесняет мелкую именно благодаря большей производительности труда в крупном производстве. Но фаланга будет иметь одно важное преимущество перед современным крупным предприятием: ей будет выгодно вводить такие машины, такие усовершенствованные приемы производства, которые не могут быть усвоены современной промышленностью, потому что этому препятствует низкая заработная плата (делающая ручную работу более дешевым способом производства, чем машинную) и сопротивление рабочих введению новых машин. Машина перестанет быть врагом человека, каким она является при современном несовершенном устройстве общества, и станет его помощником и слугою.

Точно так же будет преобразовано и земледелие. Соединение в фаланстере земледелия с промышленностью даст возможность избежать еще одного огромного недостатка хозяйственного устройства цивилизации, именно вынужденной праздности земледельца в зимнее время.

Наконец, в области торговли преимущества фаланги не менее очевидны. Покупки в розницу, небольшими партиями, через частые промежутки, при огромной затрате времени будут заменены правильно организованным приобретением продуктов, нужных для фаланги, и таковым же сбытом ее собственных произведений.

Все эти огромные сбережении дадут возможность достигнуть, при гармоничном устройстве общества, таких степеней богатства, о которых мы теперь и не мечтаем. На месте теперешних хижин будут воздвигнуты роскошные дворцы. Фурье с особенной любовью останавливается над описанием социального дворца будущего, фаланстера.

Это прекрасное здание, план которого Фурье дает во всех мельчайших деталях. Фаланстер окружен садами; рядом с ним помещаются промышленные мастерские, сельскохозяйственные постройки, распланированные таким образом, чтобы не портить общего вида. Сам фаланстер и все хозяйственные постройки соединены закрытой галереей — каналом, по которому циркулирует жизнь фаланги. Галерея эта широка и просторна, обставлена тропическими цветами, полна света и воздуха; в ней устраиваются общественные собрания, выставки, балы, концерты. В фаланстере помещается храм и театр.

Каждый выбирает себе в фаланстере квартиру по своему вкусу, причем предоставляется усмотрению каждого меблировать ее собственной мебелью, или получать полную обстановку за известную плату от фаланги.

Каким же образом должна быть организована работа фаланги? Вопрос этот является основным для всей системы Фурье, и в разрешении его наш автор проявляет наибольшую оригинальность. Не забудьте,что Фурье не признает вредных страстей или влечений. Человек устроен таким образом, что все его страсти естественно образуют гармоничный ряд. Наши страсти суть элемент неизменяемый и постоянный, а общественные формы — преходящий и изменчивый. Поэтому, не страсти людей должны приспособляться к общественному устройству, а социальное устройство должно быть таково, чтобы страсти человека направлялись не во вред обществу, а на пользу ему. Соответственно этому принципу — предоставления полной свободы всем страстям и стремлениям человека, — должен быть организован и труд в фаланге. В ней должна быть для всех членов фаланги полная свобода в выборе занятий. Прирожденные способности, симпатии, привычки, знания определяют, какое занятие изберет себе каждый член фаланги.

Так как все работы фаланги будут совершаться сообща, то естественно возникнут группы рабочих, занимающихся тем или иным делом. Чтобы объяснить, каким образом возникнут группы, Фурье указывает на детей. Возьмите любую гимназию или пансион. Какое зрелище представляют собой школьники в то время, когда они свободны от занятий? Они не разбредаются порознь, но среди них сами собой возникают группы. Одни заняты одной игрой, другие — другой, одни — одним делом, другие — другим. Каждый присоединяется к той группе, которая кажется ему наиболее привлекательной.

То же самое должно происходить и среди взрослых людей, если они будут предоставлены собственным влечениям, если над ними не будет висеть внешней силы, противодействующей этим влечениям. Современная организация труда, делающая невозможной такую естественную группировку рабочих, уже по одному этому должна быть признана никуда негодной. Она порождает отвращение к труду, являющееся такой характерной чертой нашей эпохи. Гармоничная община будет в этом отношении противоположностью современному строю. Каждый будет выбирать себе занятие по вкусу, присоединяться к той груп-

пе, которая ему всего более нравится.

Обыкновенно думают, что существуют известные роды труда, которые по самому своему характеру неприятны для человека. Мы уже говорили, что это неверно. Труд данаид не может быть привлекательным, но не потому, что он требует исключительных усилий, а потому, что он безрезультатен. Высшая задача социальной организации — полное и гармоничное развитие сил человека — будет разрешена только тогда, когда будет открыто средство сделать всякий труд привлекательным. А это и будет осуществлено в фаланге. Каждая группа производителей фаланстера работает сряду не более 2-х часов. Как только труд становится утомителен и теряет свою привлекательность, группа прекращает работу, ее члены входят в состав новых групп и с новой энергией принимаются за новую работу.

То, что теперь называют леностью, в сущности есть не что иное, как отвращение к однообразной, монотонной работе; это отвращение, точно так же как и честолюбие и жажда первенства, будут не ослаблять, а усиливать энергию труда в фаланстере. Те силы, которые в цивилизованном обществе действуют разрушительно, в фаланге будут служить общим интересам.

Каким же образом будет совершаться распределение продуктов в фаланге? Весь продукт будет делиться на 3 неравные части: 5/12 будет идти труду, 4/12 капиталу и 3/12 — на вознаграждение таланта. Хотя все работы будут производиться сообща, равенства вознаграждения в фаланстере не будет. Каждый будет получать соразмерно своему участию в производстве. И хотя, сравнительно с современным состоянием, доход от труда возрастет в гораздо большей степени, чем доход от капитала, тем не менее и капиталисты не потерпят никакого убытка. Доход рабочих увеличится в 6-8 раз, а капиталистов — в 3-4 раза. Сверх того во много раз увеличится вознаграждение таланта.

Мы не будем останавливаться над описаниями прелести жизни в фаланстере, которые так увлекали самого Фурье и его учеников. Наш утопист рисует эту жизнь, как постоянный светлый и радостный праздник, которого не будут омрачать никакие тени, никакое страдание, никакой диссонанс. И все это будет достигнуто, благодаря тому что организация производства и потребления в крупных размерах, вместе с увеличением энергии труда, вследствие его привлекательности, дадут человечеству столько богатства, что люди не будут испытывать ни в чем недостатка.

Как только возникнет первая фаланга, гармоничность

устройства ее подействует так завлекательно на остальное население, что, мало-помалу, без всякого насилия и принуждения, сами собою начнут возникать новые и новые фаланги. Постепенно они покроют весь мир, сделают плодородной Сахару и заселят пустыни Сибири. Настанет земной рай,-- и человек благословит свою судьбу; люди убедятся на опыте, что их удел на земле — счастье, полное, глубокое, безграничное, ибо несчастье, горе, зло коренятся не в человеческой природе, а в несовершенствах социальной организации...

Научное значение всей этой утопии заключается в том, что Фурье в яркой и выпуклой форме показал, в каких огромных размерах возможно увеличение общественного богатства при планомерной организации производительных сил общества. Фурье сделал популярной идею широкой производительной и потребительной ассоциации, охватывающей все стороны человеческой жизни. В своей утопии Фурье выше Сен-Симона и его Школы. Сен-симонисты не могли выработать определенного плана устройства нового социального мира, а план Фурье был так тщательно разработан в деталях, казался таким практичным и осуществимым, обещал так много, что общественное влияние Фурье не могло не быть более глубоким, чем влияние Сен-Симона. Первый был скорее изобретателем, второй — исследователем. Фурье влиял на массы, а Сен-Симон на избранных. Что касается до чисто критической части учения Фурье, то и она заключала в себе много глубокого и замечательного. В ней замечается много общего со взглядами Сен-Симона, хотя не подлежит сомнению, что оба великих социалиста выработали свои системы совершенно независимо друг от друга.

Несмотря на остроту своего критического взгляда, Фурье остается, в общем, утопистом. В своих социальных построениях он совершенно обходит глубочайший антагонизм нашего времени — антагонизм труда и капитала — и предается утопической надежде гармонически соединить оба эти враждебные общественные элемента в строе будущего. С точки зрения Фурье, указанный антагонизм не имеет значения, так как ассоциация будущего — фаланга — обладает такими колоссальными производительными силами, что богатства хватит на всех. Но в этом и заключалась утопия.

КРИТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Великие утописты — Оуэн, Сен-Симон, Фурье — были не только утопистами, рисовавшими в голубой дали облитый солнечным светом новый чудный мир, который должен придти на смену тяжелого и мрачного старого мира, но и глубокими критиками современного социального строя. Однако утопия стояла у них, несомненно, впереди критики. Утописты призывали не к социальной борьбе, а к социальному творчеству; они смотрели так далеко вперед, что окружавшее их взволнованное море политической жизни почти не попадало в их поле зрения. Поэтому неудивительно, что учения утопистов не вызвали никаких крупных классовых общественных движений и не стали лозунгом никакой могущественной политической партии. Характерной чертой утопического мировоззрения была непоколебимая уверенность в возможности гармонического примирения всех общественных интересов. Утописты были глубоко убежденными — не за страх, а за совесть — проповедниками *социального мира*, служащего темой стольких фальшивых мелодий в буржуазном лагере. Но в отличие от «социальных гармонистов», типа Бастиа*, утописты искали мира не в царстве капитала, а в царстве будущей свободной ассоциации.

Утописты стояли в стороне от политической классовой борьбы, отрицали неизбежность ее и видели в ней продукт человеческого невежества. Борьба, однако, продолжалась — голоса немногих мечтателей не могли изменить течение исторического потока. Это не значит, чтобы проповедь утопистов не имела практических результатов, — но сфера влияния утопистов лежала не в политике, а в положительном творчестве новых общественных форм. Мы видели, что Оуэну удалось создать великое кооперативное движение, охватывающее в настоящее время миллионы рабочих всего света. Точно также не подлежит сомнению и влияние

Фурье на образование производительных ассоциаций. Таким образом, практическое дело утопистов уже и теперь громадно. Еще неизмеримо большее значение оно должно приобрести в будущем. Создание нового социального идеала нужно считать самым крупным завоеванием общественной мысли XIX столетия.

Насколько творчество выше критики, настолько утописты выше своих продолжателей — критиков капиталистического строя — Прудона, Родбертуса, Маркса. И если Маркс заставил на долгое время забыть своих более великих предшественников и учителей, то это лишь потому, что условия исторической жизни выдвинули в наше время на первый план классовую политическую борьбу, значения которой не понимали утописты.

Правда, подобно тому, как утописты были одновременно и критиками, так и Маркс был не только критиком, но и последователем социального идеала утопистов. Однако, критические, отрицательные элементы, несомненно, берут в учении Маркса перевес над положительными, творческими. В «Капитале» утопия складывает свои крылья и опускается с неба на землю; в этом и сила и слабость Маркса. Утописты стремились угадать цель, к которой движется современное общество; Маркс сосредоточил свое внимание на изучении пути к этой цели. Путь исторического развития казался утопистам простым; мирная пропаганда новых взглядов — дальше этого не пошли утописты. Для продолжателей их дела выдвинулась на первый план иная огромная задача — открытие *закона развития* современного общества. Исходя из критических идей самих утопистов, в особенности Сен-Симона и Фурье, критическое направление пришло к выводу, что важнейшим содержанием истории является борьба различных общественных групп за свои экономические интересы. Отсюда вытекло и иное отношение к этой борьбе. Утописты обращались со своей проповедью ко всему обществу, без различия классов. Критическое направление попыталось слить в одно целое дело осуществления нового социального идеала с защитой интересов одного общественного класса, составляющего большинство населения — пролетариата. Направление это быстро стало одним из самых могущественных факторов политической жизни Западной Европы, благодаря тому, что оно сумело сделаться выразителем политических и экономических требований рабочего класса.

Полного развития рассматриваемое направление достигло в трудах Маркса; хотя в настоящее время ортодоксальный марксизм пережил апогей своего успеха и находится в периоде разложения, тем не менее и теперь марксизм остается господствующим социальным мировоззрением среди рабочих масс Германии. Как бы мы ни оценивали положительных заслуг автора «Капитала», не подлежит сомнению, что по своему влиянию на умы современников Маркс далеко оставляет за собой всех социальных мыслителей нового времени. Провозглашенная Марксом политическая борьба, как средство осуществления классовых интересов пролетариата, поглотила лучшие силы рабочего класса континента. Положительное экономическое творчество, к которому призывали утописты, не пользовалось никаким сочувствием политиков школы Маркса. И только в самое последнее время наблюдается в этом отношении реакция — кооперативное движение признается многими выдающимися немецкими последователями Маркса не менее важным делом, чем политическая организация рабочих. Таким образом, даже в главной твердыне марксизма возникает новое течение и вырабатывается новая тактика, объединяющая в себе сильные и жизнеспособные элементы утопизма и марксизма, — тактика уже давно нашедшая блестящее практическое выражение в деятельности бельгийской рабочей партии.

I. Прудон

Бывают исторические фразы, как и исторические события. Одна из таких фраз принадлежит Прудону. Его сочинения теперь почти забыты; но кто не знает, что Прудон решился дерзновенно провозгласить — «la propriété c'est le vol»*. Эти несколько слов больше содействовали знаменитости автора, чем десятки написанных им толстых томов.

Но если вообще трудно охарактеризовать парой слов содержание богатой и разнообразной жизни человека, то это в особенности верно по отношению к Прудону. Его всем известная фраза не только не дает нам ключа к пониманию мировоззрения автора, но способна внушить совершенно превратное представление о взглядах этого замечательного человек, Прудон вовсе не был крайним революционером; он не проповедовал грабежа и расхищения имущества богатых, как можно было бы подумать по его дерзкому сопоставлению собственности с кражей. Как общественный деятель Прудон всего менее мог быть обвинен в беспощадном радикализме; его упрекали, и с полным основанием, в обратном — в угодливости правительству, в склонности к компромиссу, в оппортунизме. Правда, его фраза прозвучала в свое время как звон набата. От нее пахнет кровью и дымом пожаров, она способна нарушить сон мирного буржуа и внушить его испуганному воображению картины гражданской войны и всеобщего разрушения. Но самое лучшее средство покончить с этими страхами — это познакомиться с сочинениями самого автора знаменитой фразы.

Пьер Жозеф Прудон (1809 — 1865) был сыном мелкого городского ремесленника. Он сам называл себя мужиком и когда в 1848 г. ему случилось возражать в национальном собрании одному легитимисту, хваставшему знаменитостью рода, он с гордостью заявил: «У меня 14 предков мужиков — назовите мне хоть одно семейство, имеющее больше благородных предков!» Жизнь Прудона была далеко не из легких. Судьба его не баловала. Главным бичем его жизни была постоянная нужда. В молодости он перепробовал несколько профессий — был наборщиком, затем содержал небольшую типографию, разорившись, поступил секретарем к одному богатому барину. Затем для него стал главным источником заработка литературный труд, который,

однако, не мог обеспечить ему достаточного дохода, благодаря тому, что Прудон был во вражде со всеми партиями и не имел опоры в прессе. Поэтому он очень тяготился литературным заработком и неоднократно пытался получить место в каком-нибудь торговом предприятии; так, несколько лет он управлял делами одной торговой фирмы. Ему приходилось много претерпеть от гонений правительства, хотя он был совершенно чужд принципиальной оппозиции власти. Наоборот, он постоянно носился с мыслью привлечь правительство на свою сторону и с его помощью осуществить свои проекты. Незадолго до февральской революции он выразил уверенность, что эра революций миновала навсегда и что трону Луи Филиппа* не угрожает никакая опасность. Февральская революция, в которой Прудон не принимал никакого участия, сделала нашего автора депутатом национального собрания. Но благодаря своей обычной тактике — наносить удары с одинаковым ожесточением направо и налево — радикализму и консерватизму — Прудон не преуспел на политической трибуне. Только один раз ему пришлось выступить в собрании со своим собственным проектом коренной реформы налогов. Он произнес горячую речь, и в результате голосования на стороне проекта оказалось... два голоса, включая и голос самого Прудона.

Политическая деятельность Прудона закончилась присуждением его к трехлетнему тюремному заключению за нападки на президента республики — Луи-Наполеона. С наполеоновским правительством наш автор никак не мог поладить. Он не считал себя непримиримым врагом империи, столь же мало, как и монархии Луи-Филиппа. Но империя считала его своим врагом и не останавливалась перед суровыми карами, чтобы зажать рот беспокойному публицисту. Через несколько лет после своего освобождения он опять навлекает на себя неудовольствие бонапартовской полиции и только бегством в Бельгию спасается от угрожавшего ему нового тюремного заключения.

В то же время республиканская партия обвиняла Прудона в заискивании перед империей. Действительно, в одной брошюре, вышедшей вскоре после переворота 2-го декабря, Прудон обнаружил довольно благосклонное отношение к виновнику этого позорного акта и признал возможным при известных условиях оправдать переворот. Авансы по адресу империи встречаются и в некоторых

последующих сочинениях преследуемого автора. Непримиримые враги бонапартовского режима ставили также с полным основанием в вину Прудону, что он воспользовался амнистией Наполеона и вернулся во Францию после того, как раньше публично заявлял о своем решении ни в каком случае не принимать амнистии из рук правительства, присудившего его к тюрьме.

Все это, несомненно, доказывает отсутствие политической стойкости у Прудона. Но помимо недостатка гражданского мужества, поведение его объясняется и другими соображениями, не бросающими столь неблаговидного света на личность автора знаменитого мемуара о собственности. Прудон не был вполне чужд утопического мировоззрения, типическими выразителями которого могут считаться Оуэн, Сен-Симон и Фурье. Это мировоззрение, отрицавшее значение политической борьбы, дало возможность Оуэну, чистота побуждений которого стоит выше всяких подозрений, обращаться с адресами к реакционным правительствам Священного союза, а благородному и рыцарственному Сен-Симону посвящать свои сочинения Людовику XVIII. Точно также и Прудон был равнодушен к политике и несмотря на свой собственный достаточно, казалось бы, убедительный опыт не покидал несбыточной надежды заставить правительство служить своим идеям.

В общей же сложности Прудон отнюдь не был героической натурой. Его социальные идеалы также не отличались высотой; на них ярко отразилось миросозерцание того класса, откуда вышел Прудон — мелкой буржуазии. В этом отношении весьма характерно отношение Прудона к женщине и семье. Великие утописты стремились к такой же коренной реформе семьи, как и современного общественного строя. Они требовали не только освобождения труда, но и освобождения женщины. Напротив, мнения Прудона о так называемом женском вопросе нисколько не возвышались над уровнем обычных буржуазных взглядов на брак и семью. Он сам был женат на простой работнице и нашел в ней свой идеал хорошей хозяйки и любящей матери своих дочерей, об образовании которых он совершенно не заботился. Женщина была в его глазах низшим существом; к образованным женщинам он относился с нескрываемым отвращением и заявлял, что предпочитает им куртизанок. Семья представлялась ему прочным и неразрывным хозяйственным союзом, в котором должен неограниченно ца-

рить мужчина; на долю мужчины выпадает высшая духовная деятельность, между тем как женщина должна быть только хозяйкой и матерью. Так называемая эмансипация женщины повела бы, по мнению Прудона, лишь к разврату, ибо только суровый долг и узы брака могут ввести в границы и сдержать стихийную чувственность, заложенную в женщину.

Перейдем к рассмотрению сочинений Прудона. Из них самым блестящим является его юношеская работа о собственности — «Qu'est ce que la propriété? Le mémoire»* (1840), написанная на тему, данную академией, подобно знаменитой книге Руссо** о влиянии цивилизации на нравы людей.

Прудон рассматривает в этой работе одну за другой так называемые теории собственности — юридические обоснования этого социального института. Среди юристов наиболее популярна теория первого завладения. Сущность этой теории сводится к следующему. Чтобы работать и добывать пищу, человек должен обладать орудиями труда, а также участками земли, подвергаемыми обработке. Вначале земля не принадлежала никому. Поэтому всякий мог захватить себе столько земли, сколько ему нужно было для обработки, и мало помалу земля перешла в частную собственность без нарушения чьих-либо прав и интересов. Но когда земля была таким образом поделена, положение вещей резко изменилось. Завладевать было нечем, потому что никто не имеет права пользоваться той вещью, которая уже принадлежит другому. Общество распалось на имущих собственников и пролетариев.

Но завладение, — говорит Прудон, — может давать человеку право лишь на то, что ему действительно необходимо для существования и к чему он лично приложил труд. Как же оправдать с этой точки зрения захват одним лицом огромных земельных пространств, требующих для своей обработки сотен и тысяч рук? Теория завладения, юридически обосновывая мелкую собственность, тем самым отрицает правомерность крупной собственности.

Экономисты со времен Локка*** приводят обыкновенно в защиту частной собственности доводы другого рода. Они придерживаются так называемой рабочей теории. Из этой теории исходят, например, в своей защите собственности Тьер**** и Бастиа. Право собственности, говорят они, основывается на праве рабочего бесконтрольно рас-

поряжаться продуктами своего труда. Бастиа прямо так и определяет сущность права собственности: «собственность есть право рабочего на ценность, созданную его трудом». Но если так, то вся земельная собственность должна быть признана незаконной и несправедливой. Нам говорят, что человек приобретает право собственности на землю, потому что он ее обрабатывает, прилагает к ней свой труд. Но разве продуктом его труда является земля, а не хлеб, сено, вино и пр.? Почему же право собственности простирается не только на продукты, но и на средства производства? Почему в прежнее время приложение труда к земле могло давать земледельцу право собственности на землю, а в настоящее время оно не приводит уже к этому праву? Почему в настоящее время арендатор не признается собственником земли, которую он десятки лет обрабатывал и улучшал?

Также несостоятельна так называемая «легальная» теория права собственности — обоснование этого права волей законодателя. Требуется указать высший нравственный или юридический принцип, на котором покоится институт собственности. Ссылка на закон есть признание, что такого высшего принципа не существует и что право собственности основывается просто на силе. Попытка иначе обосновать с точки зрения легальной теории право собственности возвращает нас к теории завладения или рабочей теории.

Итак, существующие теории собственности бессильны оправдать это право. В действительности, оно есть не что иное, как право получения дохода, не основанного на труде, иначе говоря — право получения без всякого возмещения продуктов, произведенных другими лицами. Собственник, в силу своего права, жнет, где не сеял, потребляет то, чего не произвел, и пользуется наслаждениями, когда другие умирают с голода. Доход, вытекающий из права собственности, принимает различные формы в зависимости от своего источника. Доход этот называется арендной платой, когда его источником является земельная собственность, наемной платой, когда он вытекает из собственности на здания, процентом, если он извлекается из денежного капитала, наконец, прибылью, если получение его основывается на пользовании торговым или промышленным капиталом. Но во всех этих случаях сущность дела остается одна и та же — извлекаемый доход не основывается на

труде.

Откуда же получается названный доход? Очевидно, какова бы ни была форма этого дохода, источник его может быть лишь один: рабочие создают больше ценностей, чем получают их в виде заработной платы, излишек поступает в пользу собственника и составляет его доход — арендную или наемную плату, прибыль или процент. Следовательно, «la ðäopriété c'est le vol»*.

Нужно, однако, иметь в виду, что несправедливость и угнетение заключаются не в том, что человек завладевает орудиями труда или земельным участком, а в том, что один человек лишает того и другого других людей. Поскольку владение одного человека не нарушает прав другого, постольку собственность является вполне правомерной формой пользования орудиями и предметами хозяйства. Но существующая историческая собственность неизменно основывалась на насилии и эсплуатации. Частная собственность была глубочайшей причиной общественного неравенства, а следовательно, и всех революций, посредством которых люди стремились восстановить равенство.

Но если собственность разрушает равенство, ведет к порабощению слабого сильным, то коммунизм привел бы к другому неравенству, еще более гибельному. В таком обществе, о котором мечтают социалисты, слабые угнетали бы сильных, ленивые и неспособные жили бы на счет трудящихся и способных. Коммунизм есть система рабства, так как общность владения требует принудительной организации труда, лишает членов общества свободы действий и превращает их всех в рабов государства.

Таково содержание знаменитой книги Прудона. В ней впервые с полной ясностью и резкостью высказана мысль, что центральным правовым институтом современного общества, институтом, на котором все основывается, из которого все исходит, и хорошее и дурное, составляющее цивилизацию, которой мы так гордимся, является институт частной собственности, и что критика современного социального строя должна быть прежде всего направлена на этот основной социальный институт, одинаково присущий всем цивилизованным народам.

Право собственности до такой степени привычно человеку нашего времени, что оно кажется не исторически развившейся, а потому и подлежащей дальнейшему развитию юридической нормой, а как бы первоначальным и неоть-

емлемым условием самого общественного существования человека. Этот институт, вкоренившийся глубочайшим образом в современную жизнь, подчинил своему влиянию все нравственное миросозерцание цивилизованного человека. На этой почве возникло условное чувство чести, более гнушающееся нарушения права собственности, чем нарушения самых естественных прав человеческой личности.

И вот является писатель, осмелившийся посягнуть на это святая святых современного общества, порвать со всеми установившимися представлениями о дурном и хорошем, честном и бесчестном! Если собственность есть кража, если почтенный бережливый рантье ничем не отличается от рыцаря большой дороги, то, значит, все рушится, все теряет смысл и значение, наступает хаос, в котором бедный буржуа чувствует себя совершенно не в силах разобраться. Немудрено, что дерзновенные слова Прудона прогремели по всему свету. Сам автор был так горд ими, что не обинуясь объявил их самым великим событием своего времени.

Однако слова эти были не так уж новы. Знаменитая фраза о собственности была впервые сказана еще в XVIII веке вождем жирондистов* Бриссо**. Но у Прудона она была выражением целого общественного мировоззрения, венцом социальной системы, чего отнюдь нельзя сказать о Бриссо. Слова Прудона заключали в себе определенную теорию происхождения нетрудового дохода. Согласно этой теории, нетрудовой доход основывается на эксплуатации рабочего, присвоении собственником доли трудовой ценности, создаваемой рабочим. Учение это естественно вытекает из трудовой теории ценности, понимаемой абсолютно и механически, т.е. не как определенное методологическое допущение, а как выражение реального свойства труда быть единственной субстанцией ценности; теория неоплаченного труда была развита уже школой Оуэна***, а свое завершение она получила у Родбертуса**** и Маркса. Что касается до Прудона, то он, несомненно, исходил из нее, хотя в его мемуаре о собственности, как и в последующих сочинениях, теория эксплуатации труда не сделала ни шага вперед сравнительно с более ранними сочинениями английских социалистов. Вообще, знаменитая книга Прудона о собственности более замечательна по блеску изложения, сильному, полному воодушевления и страсти

языку, ярким, остроумным, парадоксальным оборотам мысли, чем по новизне и глубине содержания. В теоретическом отношении наиболее ценным в разбираемой работе можно признать самую постановку вопроса, темы исследования.

Но правильно поставив задачу, Прудон мало сделал для ее разрешения. Его критика института частной собственности, в общем слаба. Действительно, в чем заключается эта критика? Главным образом, в разборе господствующих юридических теорий обоснования права собственности. Но если бы даже Прудону удалось совершенно разбить эти теории, отсюда вытекало бы не то, что институт собственности заслуживает отвержения, а лишь то, что собственность защищается учеными плохо. Вместо исследования социальных результатов права собственности, значения этого права для интересов различных классов населения и всего общества в целом, наш автор дает нам юридический анализ рассматриваемого права, и анализ, к тому же весьма неудачный... Прудон, конечно, не доказал невозможности юридического обоснования права собственности. Его критические удары направляются, главным образом, против двух теорий собственности — теории завладения и рабочей теории. Но самой сильной в научном отношении теории собственности — так называемой легальной теории — Прудон почти не затрагивает своей критикой. Согласно этой теории, право собственности имеет за себя верховную юридическую санкцию не какого-либо отвлеченного этического начала, а общественной пользы. Общество нуждается в институте частной собственности не в силу его справедливости, а в силу его социальной плодородности. Чтобы разбить этот аргумент в пользу собственности, следовало бы доказать, что общество, в целом или в лице большинства, не пострадает или даже выиграет от уничтожения частной собственности. Ничего подобного Прудон не исполнил, да и не мог исполнить, так как — и это самое главное — он отнюдь не принципиальный враг частной собственности, как это можно было бы подумать, судя по резкости его критики.

Мы видели, что, отвергая частную собственность в современной ее форме, Прудон не менее решительно высказывается против социализма. Никакого положительного решения автор не дает, и читатель остается в недоумении, что же, собственно, защищает критик. Рассеять этого не-

доумения не сумел бы и сам Прудон, так как он, как можно с уверенностью утверждать, и сам определенно не знал, каким образом можно предотвратить эксплуатацию одних членов общества другими, возникающую при господстве собственности, и в то же время избежать указываемых им бедствий коммунизма. Правда, его умственному взору представлялась некоторая туманная утопия коренной реформы права собственности при сохранении личного владения, но утопия эта облеклась в разное время в разные формы. Прудон до конца жизни не терял надежды придумать такое социальное устройство, которое одинаково обеспечивало бы личную свободу каждого и благосостояние всех. Свобода и равенство были основными политическими догматами Прудона. Он не соглашался пожертвовать ни одним из них. Во имя равенства он отвергал частную собственность в существующей форме; во имя свободы он отвергал социализм. Нужно было, следовательно, найти такое общественное устройство, в котором и свобода и равенство были бы обеспечены в равной мере.

Задача была не из легких, и немудрено, что Прудон постоянно колебался между различными решениями ее. Интересно, что под конец жизни он нашел, наконец, свой идеал не в чем ином, как... в русской общине. В своем посмертном сочинении «Théorie de là propriété»* Прудон говорит, что истинное решение проблемы собственности дано славянской расой, создавшей общинную собственность, при которой земля принадлежит всей общине, а право пользования отдельными земельными участками — каждому члену общины.

«Требованием владения такого рода, — заявляет наш автор, — я закончил свой первый мемуар о собственности, не дав этому требованию вполне ясной формулировки. Распространить славянскую форму владения было бы большим шагом вперед в цивилизации. Эта форма более пригодна для применения в жизни, чем абсолютное «dominium» римлян, которое воскресло в нашем праве собственности. Никакой разумный экономист не может желать большего. При господстве славянского права владения рабочий получает должное вознаграждение, и плоды его трудов вполне обеспечены. Этот принцип славянской цивилизации есть самый славный факт в истории этой расы».

Самым ценным в научном отношении трудом Прудона мы считаем его «Systéme des contradictions économiques ou

Philosophie de la misére»* (1846). Эта работа произвела огромное впечатление на современников; в Германии быстро появились три перевода ее, и даже ученые буржуазного лагеря, как, например, один из основателей исторической школы знаменитый Бруно Гилдебранд**, признали Прудона выдающимся экономическим мыслителем эпохи.

В «Экономических противоречиях» Прудон дает критическое исследование основных категорий современного экономического строя. Под влиянием Гегеля*** он видит задачу науки об обществе в исследовании *процесса общественного развития*. «Социальная наука, — говорит он, — есть систематическое и рациональное познание не того, чем общество *было*, и не того, чем оно *будет*, но того, что оно *есть* во всей своей жизни, т.е. в совокупности своих последовательных проявлений».

Социальная наука одинаково чужда как консерватизма, так и утопии. Она исследует самый процесс общественного движения и свои практические требования выводит из открываемых ею законов этого движения.

«Краеугольным камнем экономического здания является ценность». Со времени А.Смита экономисты различают два рода ценности — потребительную и меновую. В каком же отношении друг к другу находятся эти два вида ценности? Увеличение предложения товаров увеличивает общую сумму их полезности, их потребительной ценности, но понижает их рыночную цену. Уменьшение предложения повышает цену, хотя полезность становится меньше. Следовательно, между меновой и потребительной ценностью существует внутреннее противоречие.

Противоречие это разрешается конституированием ценности — приведением ее в соответствие с трудом, затраченным на производство каждой вещи.

Но задача конституирования ценности еще далеко не разрешена обществом. От этого зависят все отрицательные явления современного хозяйственного строя — расстройства товарного обращения, потрясения кредита, промышленные, денежные и торговые кризисы, неравенство вознаграждения рабочих, эксплуатация одних членов общества другими, бедность большинства населения. Если бы товары обменивались в соответствии с трудом, то всякий получал бы вознаграждения пропорционально своим заслугам; теперь же мы видим, что представители физического труда вознаграждаются ничтожно, между тем как те

профессии, которые составляют достояние привилегированных, достаточных классов общества, оплачиваются во много раз выше. Если бы обмен совершался на основании трудовой равноценности, то рабочий, отдавая свой труд капиталисту, получал бы от него всю созданную трудом ценность и эксплуатация труда капиталом должна была бы прекратиться. Существование в современном обществе непроизводительных классов, потребляющих, но не производящих, есть результат того, что конституирование ценности еще далеко не достигнуто.

Но, с другой стороны, весь прогресс общества заключается в борьбе за эту великую цель. «Политическая экономия есть не что иное, как история этой борьбы. Поскольку политическая экономия освящает и желает упрочить аномалию ценности и притязания эгоизма, она есть, поистине, теория несчастия и организации бедности; но поскольку она указывает средства, открытые цивилизацией, к уничтожению пауперизма (хотя эти средства монополия непрерывно стремится обратить в свою пользу), она предвещает организацию богатства».

Учение о ценности является основанием всей системы «Экономических противоречий» Прудона. Последовательно, одна за другой, рассматривает Прудон экономические категории, и так как в корне их лежит противоречивая категория ценности, то все они оказываются содержащими в себе внутренние противоречия. Подобно тому, как человеческий ум изобретает одну гипотезу за другой для разрешения трудной задачи, так и мировая мысль, — говорит наш автор, — последовательно создает новые социальные категории, все более полно разрешающие противоречия социального строя.

Социальная эволюция начинается с разделения труда. Разделение труда дает возможность человечеству осуществить идею равенства, так как только при дифференциации профессий каждый может заниматься тем, к чему он наиболее способен или к чему он чувствует наибольшее влечение. Социализация труда увеличивает в огромных размерах его производительность и открывает человечеству широкую дорогу к накоплению богатства и знания. Но, с другой стороны, разделение труда порабощает рабочего, делает его слепым орудием в руках хозяина, увеличивает нищету и невежество низших классов народа и ведет к сосредоточению всех благ цивилизации у небольшой кучки

избранных. Новое противоречие, разрешаемое новой экономической категорией — машинами.

Изобретением машин промышленный гений человека протестует против раздробления и специализации труда. Действительно, что такое машина? Это — соединение в одном целом тех инструментов, которыми раньше работало несколько рабочих. В этом смысле введение машин по своим результатам прямо противоположно действию разделения труда. Машина должна уменьшить человеческий труд, понизить цены продуктов и сделать их доступными всем классам населения. «Машина есть символ человеческой свободы, знак господства человека над природой, атрибут нашего могущества, выражение нашего права, эмблема нашей личности».

«Но тем самым, что машины уменьшают труд рабочего, они урезывают и сокращают возможность труда, благодаря чему спрос на труд все более и более падает и не достигает предложения». Вытеснение рабочего машиной есть хроническое бедствие, непрерывное и неизбежное, «нечто вроде холеры, которая появляется то под видом Гутенберга*, то Аркрайта**; здесь она называется Жаккардом***, там Джемсом Уаттом****, в другом месте маркизом Жоффруа».

«Машины, так же как и разделение труда, суть при господствующей системе социальной экономии, одновременно источник богатства и постоянная и фатальная причина нищеты». Нередко машины вводятся со специальной целью борьбы с рабочими; так, станок Шарпа и Робертса был введен в Манчестере для того, чтобы победить стачку рабочих, не соглашавшихся на понижение заработной платы. Но вытесняя рабочих машинами, фабриканты сами себе роют яму, ибо рабочие суть потребители машинных изделий, и сокращение числа рабочих равносильно сокращению рынка для сбыта изделий.

Машинная работа оказывает губительное действие на организм рабочего и вызывает в фабричных странах прямо вырождение населения. В Англии наблюдается одновременно с развитием фабричного производства такое увеличение пауперизма, что рост налогов в пользу бедных идет быстрее роста населения.

Пролетариат есть прямое порождение машин. «Крупная мастерская есть первая простейшая и самая могущественная машина». Увеличивая применение машин, мы не делаем труд рабочего легче, напротив, фабричная работа и

тяжелее и неприятнее прежнего ручного труда. Вместе с тем машина унижает рабочего, превращая его из искусного ремесленника в простого чернорабочего. «Каков бы ни был прогресс механического знания, сколько бы ни изобретали машин еще во сто раз более удивительных, чем прядильная машина «Дженни»*, паровой ткацкий станок и цилиндровый печатный станок, какие бы новые силы, еще в сотни раз могущественнее пара, ни открывали, — все же эти изобретения не только не дадут свободы человечеству, не увеличат его досуга и не улучшат потребления, но, напротив, умножат труд, усугубят рабство, удорожат жизнь и еще более углубят пропасть, разделяющую господствующий и наслаждающийся класс от класса подчиненного и страдающего».

Свободная конкуренция представляет собой следующую категорию экономического строя. Всем известны выгоды свободной конкуренции, столь восхваляемые экономистами. Но экономисты упускают из виду основную истину, что «конкуренция убивает конкуренцию». Геометрия не знает истины более несомненной. Правда, социалисты говорят нам, что во всем нужно различать правильное пользование от злоупотребления. Есть конкуренция благородная, заслуживающая высокой похвалы — это соревнование. Но есть конкуренция гибельная, безнравственная и разрушительная — это своекорыстие. Точно также экономисты требуют, чтобы мы сохранили хорошую сторону конкуренции и устранили дурную. Экономисты не отрицают, что конкуренция приводит к своей противоположности — монополии; но они видят в этом лишь злоупотребление. Однако, говорит Прудон, монополия не есть злоупотребление конкуренцией, а естественный и неустранимый принцип последней. «Монополия есть фатальное завершение конкуренции, непрерывно порождающей монополию, как свое отрицание; в этом заключается и оправдание монополии. Так как конкуренция присуща обществу, как движение присуще живым существам, то и монополия, следующая за конкуренцией, составляющая ее цель и предел, без которых конкуренция была бы неприемлема, должна быть признаваема столь же законной». В ожесточенной экономической борьбе побеждает сильнейший, становящийся монополистом. Чем сильнее конкуренция, тем неизбежнее монополия. И мы видим, что монополия захватывает все новые и новые области хозяйства. И в земледелии, и в

промышленности, и в торговле монополия становится господствующей. Благодаря этому растут производительные силы общества; коллективные рабочие, объединенные монополистом, производят больше разъединенных рабочих. Но монополия в то же время есть могущественнейшая причина общественного упадка. Latifundiae perdidere Italiam!* Монополия стремится не к созданию наибольшей суммы общественного благосостояния, а к доставлению наибольшего дохода монополисту. Ради увеличения своего дохода монополисты готовы сократить сумму производимых продуктов — иначе говоря, пожертвовать общим благосостоянием ради своего собственного. Монополия в корне противоположна равенству.

Подобным образом Прудон последовательно разбирает экономические категории — налоги, торговлю, кредит и, наконец, собственность и коммунизм. Во всем он находит внутренние противоречия, разрешение которых возможно будет лишь тогда, когда будет разрешено лежащее в основе современной хозяйственной системы противоречие ценности, когда закон трудовой ценности получит свое полное осуществление. В заключение Прудон критикует учение Мальтуса и противопоставляет его формуле — что население растет в геометрической, а средства существования в арифметической прогрессии — свою собственную, гласящую, что средства существования растут как квадраты числа рабочих. Нечего и говорить, что обе формулы — и Мальтуса и Прудона — одинаково произвольны.

Таково содержание «Экономических противоречий», далеко оставляющих за собой по глубине и зрелости мысли первое экономическое сочинение Прудона. Хотя автор совершенно произвольно распределяет свои экономические категории, которые не только не соответствуют последовательности исторического развития, но и не подчинены никакому логическому правилу и столь же успешно могли бы быть размещены в обратном или в каком-либо ином порядке, все же «Экономические противоречия» содержат в себе такую глубокую критику капиталистического строя, что большинству последующих критиков капитализма оставалось только развивать или видоизменять мысли Прудона. Не подлежит сомнению, что несмотря на крайне пристрастную критику Прудона Марксом, «Капитал» Маркса создался под непосредственным влиянием «Экономических противоречий». И это неудивительно, так как

Прудон был первым замечательным экономистом, применившим гегелевский диалектический метод к исследованию системы экономических категорий во всей их совокупности. Тому же методу следовал и Маркс.

Задача «Экономических противоречий» была чисто критическая. Правда, Прудон уже и в этом сочинении довольно ясно дал понять, в чем он видит решение социального вопроса. Конституирование ценностей всех товаров — вот в чем заключалось искомое решение. Но как это достигнуть? На это Прудон отвечает в другой книге «Résumé de la question sociale» (1849). Он поднимает свой старый вопрос — что такое собственность — и решает его в том смысле, что собственность при современных условиях хозяйства есть не что иное, как своего рода привилегия на получение сбора, пошлины с продуктов, поступающих в оборот, с циркуляции товаров.

Реформируя механизм товарного обращения, мы вместе с тем реформируем и право собственности, со всеми его гибельными последствиями.

Но какая сила руководит в настоящее время обращением товаров и деспотически управляет их движением? Эта сила — деньги. Следовательно, и решение социального вопроса должно заключаться в реформе денежного обращения. Денежный капитал должен утратить свою деспотическую власть.

Для достижения этой цели Прудон предлагает устройство менового банка, во многом напоминающего рабочую биржу Оуэна, с тем различием, что Оуэн стремился только к устранению денег в роли менового посредника, между тем как Прудон вместе с тем хотел достигнуть своим меновым банком и другой цели — дарового, беспроцентного кредита.

Мы не будем повторять сказанного выше (по поводу рабочей биржи Оуэна) о невозможности обеспечить сбыт всех товаров путем замены денег какими-либо условными знаками, путем организации безденежного обмена. Не организация сбыта, а организация общественного производства, замена анархического единоличного хозяйства планомерным общественным хозяйством — вот что требуется для того, чтобы продукты всегда находили сбыт. Меновой банк Прудона был, несомненно, утопией, хотя отнюдь не социалистической. Прудон надеялся сохранить в неприкосновенности индивидуальную свободу производителя и

в то же время избавить рабочего от власти предпринимателя путем беспроцентного кредита. Но где найти капиталы для неограниченного кредита? Прудон повторяет здесь ошибку многих буржуазных экономистов, приписывавших кредиту чудесную способность создавать богатство из ничего. Классическим и неподражаемым примером и вместе родоначальником этих утопистов кредита был кредитный Калиостро XVIII века — шотландец Джон Лоу*, заразивший своим безумием чуть не всю французскую нацию, закруживший ее в вихре неистовой биржевой игры, ослепивший ее миражом фантастических сказочных богатств, лопнувших как мыльный пузырь. Весьма характерно, что Прудон относился с большой симпатией к Лоу и даже заявил в «Экономических противоречиях», что истинные идеи Лоу еще никем не поняты надлежащим образом и что, будучи правильно поняты, они могут произвести настоящий переворот в народном хозяйстве.

Такой переворот должен был осуществить меновой, или, как впоследствии его назвал Прудон, народный банк. Со своим обычным избытком темперамента наш автор в следующих выражениях возвестил о своем новом предприятии. «Я начинаю дело, равного которому не было и не будет в мире. Я хочу изменить основание общества, повернуть ось цивилизации, сделать так, чтобы мир, который по воле Божества движется с запада на восток, начал двигаться по воле человека с востока на запад». И все эти чудеса должен был произвести скромный «народный банк» с капиталом вь 50.000 франков!

К счастью для Прудона судьба избавила его от разочарования и некоторого конфуза, который не мог не сопровождать неизбежного жалкого крушения предприятия, начатого с такими необычайными обещаниями. В дело вмешалось попечительное правительство Луи Бонапарта, позаботившееся о том, чтобы «ось цивилизации» не пострадала: как раз в самое горячее время, накануне открытия операций банка, Прудон был арестован и посажен в тюрьму. За отсутствием главного руководителя, «народный банк», акции которого парижский рабочий класс раскупал очень охотно, должен был немедленно закрыться.

В заключение отметим, что Прудон считается создателем теории анархизма, превосходящей по своей утопичности все социалистические теории, к которым наш автор относился с таким осуждением.

II. Родбертус

Классовые интересы, несомненно, оказали глубокое влияние на экономическую науку, но все же политическая экономия далеко не составляет простого идеологического отражения классовой борьбы. Интересы различны, но истина одна; интересы рабочего класса могут быть противоположны интересам капиталистов, но то, что является объективной истиной для капиталиста, должно быть объективной истиной и для рабочего. Законы логики общеобязательны, и самый сильный интерес не может не склониться перед ними. Не существует двух политических экономий — буржуазной и социалистической, а есть одна наука о народном хозяйстве, правда, еще очень несовершенная и потому распадающаяся на несколько направлений, различия между которыми хотя и велики, но не настолько, чтобы для объективной и потому единой науки не оставалось места. Теоретические построения защитника капиталистических интересов Рикардо* легли в основу так называемого научного социализма, долгое время опиравшегося на трудовую теорию ценности; в новейшее время некоторые выдающиеся теоретики социализма приняли новую теорию ценности — теорию предельной полезности, развитую учеными буржуазного лагеря. Таким образом, не взирая на различие классовых интересов, объективная и единая наука прокладывает себе путь, следуя своим собственным логическим законам развития и повинуясь одному голосу — истины.

Ученый может иметь классовые симпатии, но истина должна быть для него всего выше. Именно таким ученым, сумевшим подняться над своими классовыми симпатиями, не пожертвовавши ради них ни крупицей того, что он считал объективной истиной, был один из гениальнейших экономистов XIX века — Карл Родбертус-Ягецов (1805 — 1875 г.).

По своему происхождению, общественному положению, условиям жизни и всей жизненной обстановке этот, наряду с Марксом**, замечательнейший представитель критического социализма был совершенно чужд рабочим классам. Отец его был профессором римского права в Грейфсвальдском университете. По окончании университета Родбертус поступил на службу по министерству юстиции. Но вскоре он вышел в отставку и в 1832 г. купил в Померании

крупное дворянское имение Ягецов, где и жил с небольшими перерывами до конца жизни. Он был деятельным и успешным сельским хозяином, благодаря чему пользовался значительным престижем среди местного дворянства, неоднократно выбиравшего его на разные почетные должности. В 1847 г. Родбертус был представителем дворянства в ландтаге*. Как парламентский деятель он обращал на себя внимание главным образом своей горячей преданностью общегерманским национальным интересам. Революционные бури выдвинули нашего ученого на короткое время на первый план политической арены. Он с жаром выступил на защиту верховных прав народного представительства и национальной германской идеи. Когда образовалось умеренно-прогрессивное министерство Аурсвальда-Ганземана, Родбертус получил в нем портфель министра народного просвещения.

Но министром он пробыл всего несколько дней: реакция скоро восторжествовала, и наступил период трусливых попыток парламентских либералов бороться с прусской солдатчиной. Родбертус принимал некоторое участие в этой борьбе и издал в начал 1849 г. брошюру, в которой защищал права народного представительства и отрицал законность действий прусского правительства. В скором времени он был избран депутатом одного берлинского округа. Когда собрание представителей было распущено правительством, Родбертус высказался против участия своей партии в выборах и уже больше не играл активной роли в политической жизни страны. Он сблизился с консерваторами и разошелся с либералами; поэтому, когда в 1862 г. партия прогрессистов предложила Родбертусу кандидатуру в одном округе, он отклонил это предложение.

Вся его последующая жизнь была посвящена упорному, уединенному научному труду в деревне и отчасти практической деятельности в качестве сельского хозяина. Вначале научные работы Родбертуса не имели никакого успеха; его первая статья «Die Forderungen der arbeitenden Klassen» (1837) не была принята газетой, для которой предназначалась, и появилась в печати только почти полвека спустя в посмертном издании. «Социальные письма» к Кирхману** — работа, в полном смысле, гениальная — были напечатаны в ограниченном числе экземпляров и остались совершенно незамеченными публикой. Только в 60-х годах одинокий мыслитель начинает находить друзей и последователей. С ним завязывает сношения Лассаль***, стремив-

шийся, но безуспешно, вовлечь Родбертуса в свою агитацию, поведшую к образованию германской рабочей партии. Несмотря на все усилия, Лассалю не удалось побудить Родбертуса вступить в члены «Всеобщего германского рабочего союза». В ответ на один вопрос комитета союза Родбертус издал брошюру, в которой выразил мнение, что рабочие вполне правы в своем отрицательном отношении к Шульце-Деличу*, но что и рекомендуемые Лассалем производительные ассоциации с государственной помощью не в силах разрешить социальный вопрос. В особенности неодобрительно отнесся Родбертус к тому, что рабочие под влиянием Лассаля поставили в первую очередь своих требований всеобщее избирательное право; политические задачи, — говорил Родбертус, — не должны ни в каком случае заслонять социальных. Рабочим не следует тратить время на блуждание окольными путями политики, а нужно напрямик идти твердым шагом к своим социальным целям.

Крепкая монархическая власть отнюдь не представлялась Родбертусу помехой к достижению его социальных идеалов. Напротив, в его глазах особенностью нашего времени является близость политического консерватизма к экономическому радикализму. Поэтому Родбертус одновременно поддерживал сношения с создателем немецкой социал-демократии Лассалем и с консервативными политиками вроде Рудольфа Мейера и Вагнера. Он искренне верил в утопию социальной монархии и думал, что прусская королевская власть может взять на себя миссию осуществления требований рабочих классов.

Все это, разумеется, отнюдь не свидетельствует о проницательности Родбертуса как политика и о глубине его социально-политических воззрений. Его сила лежала в совершенно иной области, чем практическая политика — в области теоретической мысли. Классовые симпатии тесно связывали его с консервативными и даже реакционными общественными элементами, а как теоретик он был провозвестником общественного строя будущего. Этим и объясняется противоречивая общественная позиция великого экономиста.

Как теоретик, Родбертус стоит очень высоко. В особенности замечательно его учение о распределении, которое он развивает в самом строгом соответствии с трудовой теорией ценности.

Результатом производительной деятельности общества, — говорит Родбертус в своих «Социальных письмах», —

является коллективное создание общественного продукта. Часть этого общественного продукта совсем не предназначена для общественного потребления и идет на возмещение израсходованного и уничтоженного во время процесса производства общественного капитала — иначе говоря, средств производства. Другая часть распределяется между общественными классами, владеющими тремя основными производительными факторами — трудом, капиталом и землей — рабочими, капиталистами и землевладельцами. «Рабочая плата, земельная рента, прибыль на капитал суть социальные факты и понятия, — говорит Родбертус, — т.е. факты и понятия, которые существуют лишь потому, что соответствующие лица соединены узами разделения труда в одно общество. При принципиальном объяснении заработной платы, ренты и пр. можно рассматривать всю общественную заработную плату, всю ренту и пр. как целое, так что можно мыслить все общество как состоящее из одного рабочего, одного землевладельца и одного капиталиста. Ибо законы, регулирующие дальнейшее разделение заработной платы, земельной ренты и прибыли между отдельными рабочими, отдельными землевладельцами и отдельными капиталистами, суть иные законы, чем те, которые устанавливают распределение общественного продукта вообще на рабочую плату, земельную ренту и прибыль».

«Ренту образует всякий доход, получаемый без собственного труда, исключительно в силу владения имуществом. Что такой доход имеется в обществе, это не может быть никем оспариваемо, хотя некоторые и утверждают, что имущество, которым собственники владеют, есть результат собственного труда владельца. Рентой является, поэтому, как земельная рента, так и прибыль, процент на капитал».

Каким же образом возникает рента? С точки зрения Родбертуса, единственной производительной силой является труд, всякая ценность создается трудом и только трудом. Между тем рента несомненно есть ценность, но она не есть результат труда получающего ее лица. Следовательно, рента есть часть трудового продукта другого лица. Для возникновения ренты необходимы два следующих основных условия: «Во-первых, не может быть ренты, если труд не создает больше того, что требуется по крайней мере для продолжения труда рабочего, ибо если такого избытка нет, то никто не может получать доход не работая лично. Во-

вторых. не может быть ренты, если не имеется учреждений, лишающих рабочих всего или доли этого избытка и передающих его другим, лично не работающим, ибо рабочие, по самому существу дела, являются первичными обладателями своего продукта. То обстоятельство, что работа дает этот избыток, основывается на хозяйственных причинах, повышающих производительность труда. То же, что этот избыток частью или целиком отбирается у рабочих и поступает в пользу других, основывается на положительном праве, которое с самого своего возникновения покоилось на силе и поныне лишь путем принуждения лишает рабочих части созданного ими продукта».

Этой силой, создавшей нетрудовые формы дохода, первоначально было рабство. Рабочие, изготовлявшие общественный продукт, были рабами своего господина, оставлявшего рабам лишь такую долю их продукта, которая была строго необходима для поддержания их жизни и работоспособности. Но рабство возникает лишь на определенной ступени производительности труда, благодаря тому, что на более ранних ступенях труд слишком мало производителен и не мог бы создать никакого избыточного продукта. Поэтому наиболее первобытные племена не обращают своих пленников в рабство, а просто убивают их.

В настоящее время рабства не существует, но отсутствие средств производства у рабочих и принадлежность земли и капитала другим лицам оказывают на рабочих такое же принудительное действие, как и рабство. «Приказания рабовладельца заменены договором рабочих со своим хозяином, но этот договор только формально, а не материально, свободен, и голод почти вполне заменяет плеть. Что называлось раньше кормом для рабов теперь называется заработной платой».

Причиной увеличения производительности труда, сделавшей возможной ренту, было разделение труда. «В изолированном состоянии — до разделения труда — наши потребности превосходят наши силы; в общественном состоянии — при разделении труда — наши силы превосходят наши потребности». Но вместе с разделением труда возникает и эксплуатация одних членов общества другими, распадение общества на работающие и не работающие классы, причем последние присваивают себе большую или меньшую долю продукта первых. «Утверждение экономистов, что по крайней мере первоначально, земля, капитал и рабочий продукт принадлежали самим рабочим, не только

не согласуется с историей, но даже, наоборот, история показывает, что первоначально не только земля, капитал и рабочий продукт, но даже и сам рабочий принадлежали другим лицам, что первичная система эксплуатации была настолько же тяжелее современной, насколько рабство тяжелее земельной и капитальной собственности».

Получив свободу, рабочий не получил ничего, кроме свободы. Он не получил ни земли, ни капитала, требуемых для производства. И то и другое было собственностью других лиц. Такое положение вещей должно было неизбежно привести к тому, что собственники земли и капитала стали руководителями производства и собственниками трудового продукта, рабочему же было предоставлено пользование частью произведенного им продукта как своей заработной платой. «Если труд достаточно производителен и существует право собственности на землю и капитал, то неизбежно должно произойти само собой, что рабочие будут получать как свой доход только часть своего трудового продукта, а остальная часть поступит в доход землевладельцев и капиталистов».

Таким образом объясняет Родбертус происхождение ренты — нетрудового дохода вообще. Но в развитом капиталистическом хозяйстве рента, в свою очередь, распадается на два различных дохода — доход капиталистов и землевладельцев · прибыль и земельную ренту. На чем же основывается это распадение?

Если мы обратимся к хозяйственному строю, предшествовавшему капиталистическому, например, к хозяйственному строю античного мира или средних веков, то мы не найдем этого распадения ренты. Возьмем, например, хозяйство римского патриция. Патриций был собственником земли, средств производства и рабочих. Рабы не только добывали сырье, но и превращали его в окончательный продукт. Весь этот продукт, за вычетом содержания рабов и расходов по возмещению уничтожившихся в процессе работы средств производства, составлял доход патриция, очевидно не имевшего ни повода,ни возможности различать в своем доходе долю прибыли на капитал и долю земельной ренты. К тому же этот доход имел натуральную форму, благодаря чему строгая расценка его была вообще неосуществима. С точки зрения патриция, источником его дохода было имущество, в действительности же создателями этого дохода были рабы.

При таком положении вещей даже самое понятие капитала и прибыли на капитал не может достигнуть ясности. Только одна категория капитала выделяется и приобретает определенность уже в античном мире — это денежный капитал. Так как и при господстве натурального хозяйства обмен не совершенно исключен, и потребность в деньгах существует иногда даже сильная благодаря тому, что денег мало, — то и на самых ранних ступенях хозяйства мы замечаем существование ростовщического денежного капитала. Ростовщический денежный процент есть почти единственно известная в античном мире форма прибыли на капитал. Но размер этой прибыли — ростовщического процента — не находится ни в какой зависимости от дохода промышленного предприятия, так как высота процента устанавливается при этих условиях исключительно нуждой заемщика, почему и процент может достигать чудовищных размеров. Благодаря этому общественное мнение древнего мира не признавало процента правомерным, нормальным видом народного дохода и видело в нем нечто противоестественное и заслуживающее порицания.

Современное хозяйство имеет совершенно иной характер. Вместо натурального производства для собственного потребления в нем господствует и дает тон экономической жизни производство для сбыта на продажу. Отсюда вытекает необходимость строгой расценки всех предметов хозяйства. Вместе с тем первоначально неделимое производство продукта с начала до конца в одном и том же хозяйстве распадается на две основных ступени. На одной ступени изготовляется сырье, на другой — сырье превращается в фабрикат. Изготовление и обработка сырья принадлежат различным предприятиям.

Первоначально единая рента должна теперь распасться на две части, так как и производители сырья и фабриканты должны получить свою долю. Какое же начало управляет разделением ренты? Начало трудовой ценности, создаваемой на каждой ступени производства, — отвечает Родбертус. «Я исхожу из предположения, — говорит наш автор, — что меновая ценность как каждого готового продукта, так и на каждой ступени изготовления продукта, равна соответствующей трудовой затрате, так что не только готовые продукты, но и сырье и фабрикат обмениваются между собой пропорционально своим трудовым стоимостям; если например, изготовление сырья потребовало столько же труда, как и превращение его в фабрикат, то готовый фаб-

рикат будет расцениваться вдвое выше сырья». При этом условии очевидно, что рента должна распределиться между собственниками сырья и фабрикатов пропорционально трудовой затрате на каждой ступени производства, ибо рента есть доля ценности продукта, и если ценность пропорциональна труду, то и рента должна быть, при прочих равных условиях, пропорциональна труду.

Итак, если производство сырья стоило такого же труда, как и превращение сырья в фабрикат, то сумма ренты на первой ступени производства должна быть равна сумме ренты на второй ступени. Но капитал, на который начисляется рента, неизбежно должен быть больше на второй ступени, чем на первой, так как на первой ступени в расходы производства не входит сырье. а на второй ступени сырье есть необходимая составная часть этих расходов.

Отсюда следует, что процент прибыли должен бы быть выше в производстве сырья (ибо капитал, на который начисляется прибыль, меньше), чем в производстве фабрикатов.

Совместимо ли, однако, с законами капиталистической конкуренции существование в двух основных отделах национального производства двух различных процентов прибыли? Конечно, нет. Избыточная прибыль, извлекаемая из производства сырья и, в частности, из сельского хозяйства, не может достаться капиталу. Согласно закону равенства прибыли, на сельскохозяйственный капитал должен начисляться лишь такой же процент прибыли, как и на промышленный капитал. Кому же достанется избыточная прибыль в земледельческом производстве? Очевидно, *землевладельцу*, собственнику естественных сил, без помощи которых невозможно производство сырья. Эта избыточная прибыль и образует земельную ренту, доход землевладельца. И земельная рента и прибыль суть составные части ренты вообще, доли собственников в трудовом продукте, которая в предшествовавшие исторические эпохи поступала собственнику в неразделенном виде, а затем, вследствие обособления земельной и капитальной собственности, стала распределяться, согласно закону трудовой стоимости, между землевладельцами и капиталистами и получила название земельной ренты и прибыли на капитал.

Легко понять различие этой теории земельной ренты от теории Рикардо. По Рикардо, земельная рента зависит лишь от различия естественного плодородия земельных участков или от различия производительности последователь-

ных затрат земледельческого капитала. Родбертус нисколько не отрицает очевидного факта, что земельная рента должна быть тем выше, чем участок плодороднее, точно так же, как и того, что рента повышается при большей интенсивности сельского хозяйства. Такую земельную ренту, возникающую благодаря естественным *различиям* условий земледельческого производства, Родбертус называет *дифференциальной* рентой. Законы дифференциальной ренты выяснены Рикардо. Но в противность последнему, Родбертус утверждает, что, кроме дифференциальной ренты, существует и абсолютная земельная рента, совершенно не зависящая от указанных различий и неизбежно возникающая в сельском хозяйстве непосредственно в силу того, что сельское хозяйство, производя сырье, требует меньшей затраты капитала, чем обрабатывающая промышленность, в состав капитала которой входит это самое сырье. Поэтому не только более плодородные участки земли дают ренту, но и наименее плодородная земля, если только она обрабатывается, не может не приносить ренты.

Однако, несмотря на многие верные частности и замечательно глубокое социологическое освещение вопроса о происхождении землевладельческого дохода, теория земельной ренты Родбертуса в целом безусловно несостоятельна. Она построена на предположении, что цена продукта определяется не *издержками производства*, а трудовой стоимостью. Но сам Родбертус признает в других своих работах ошибочность этой точки зрения. Центром тяготения средних цен является в современном хозяйстве не трудовая стоимость издержки, а издержки производства.

Если же так, то все учение о земельной ренте Родбертуса падает. Нужно согласиться, что в земледельческом производстве отсутствуют затраты на сырье, между тем как в обрабатывающей промышленности эти затраты входят в состав издержек производства. Но что же из этого следует? Большая прибыльность земледельческого производства, как думает Родбертус? Отнюдь нет. Большая прибыльность получилась бы в том случае, если бы цены сырья и фабриката устанавливались на основе трудовых затрат. А так как этого нет и быть не может, так как цены в капиталистическом хозяйстве управляются не затратами труда, а затратами капитала, издержками производства, то сравнительно более высокие затраты капитала на производство фабрикатов приведут лишь к более высоким ценам последних. Если фабрикат имеет вдвое высшую трудовую стоимость, чем

сырье, то цена его будет более чем вдвое превышать цену сырья, благодаря тому, что издержки производства фабриката, как показал Родбертус, должны в этом случае более чем вдвое превышать издержки производства сырья. Указанное Родбертусом обстоятельство (относительно меньшая затрата капитала в производстве сырья сравнительно с производством фабрикатов) ведет не к возникновению земельной ренты, а к отклонению средних товарных цен от трудовых стоимостей.

Таким образом, желая опровергнуть теорию земельной ренты Рикардо, Родбертус опроверг трудовую теорию ценности в ее абсолютной форме. Наш автор совершенно прав, утверждая, что его теория земельной ренты есть безусловно необходимый логический вывод из признания труда единственным фактором ценности. Но это говорит лишь против этой последней теории, ибо легко показать, что теория земельной ренты Родбертуса есть экономическая нелепость. В самом деле, согласно этой теории, первые ступени производства должны давать больший доход предпринимателю сравнительно с последующими. Родбертус делит в данном случае весь процесс производства на две ступени — производство сырья и производство фабриката. Но, конечно, ступеней производства в действительности гораздо больше. Так, хлопок, раньше чем превратиться в предмет одежды, должен подвергнуться целому ряду промежуточных производств, каждое из которых может быть предметом независимого промышленного предприятия (производство хлопка, пряденье, ткачество, окраска и набивка, фабрикация предметов одежды). Из теории Родбертуса вытекает, что каждая предшествующая ступень производства должна давать избыточный доход сравнительно с последующей, ибо по мере того как продукт поднимается по ступеням производства, ценность его растет, а следовательно растут и затраты на приобретение материала для обработки. Если бы рассматриваемая теория была справедлива, то красильщик получал бы избыточный доход сравнительно с портным, ткач сравнительно с красильщиком, прядильщик сравнительно с ткачом и т.д. На каждой ступени производства, кроме последней возникала бы добавочная рента — иначе говоря, процент прибыли был бы различен, и тем выше, чем ближе эта ступень к началу производства — изготовлению сырья. Нечего и говорить, что ничего этого не бывает в действительности и быть не может, ибо признаваемый Родбертусом закон равенства

прибылей приводит цены продуктов на всех ступенях производства к соответствию с издержками производства.

Весьма своеобразную позицию занимает Родбертус по отношению к центральному вопросу в социально-политическом отношении — вопросу о правомерности дохода, вытекающего из права собственности. Мы видели, что автор «Социальных писем» отнюдь не склонен прикрывать вуалью разного рода истины, грустные или позорные для современной цивилизации, от которых стыдливо отворачиваются буржуазные писатели. Его критический нож режет смело и глубоко, вскрывая самые основы современного социального строя. Родбертус менее всего склонен замалчивать или отрицать, что доход, вытекающий из права собственности на средства производства, покоится всецело на праве силы, и что все попытки подыскать для этого дохода какое-нибудь иное основание, более согласное с этическими воззрениями нашего времени, должны остаться по необходимости безуспешными. Вместе с тем Родбертус отнюдь не считает права собственности на землю и капитал неустранимым условием хозяйственной деятельности вообще. Даже больше, наш автор выработал в одной из своих работ план организации общественного хозяйства при отсутствии частной собственности на средства производства. И в тоже время Родбертус выступал защитником классовых интересов крупных землевладельцев. Каким образом согласовать это противоречие?

Для Родбертуса тут никакого противоречия нет. Капиталистический хозяйственный строй, в глазах Родбертуса, есть историческая форма хозяйства, подлежащая дальнейшему развитию, долженствующему привести к замене существующей стихийной свободы частно-хозяйственного предпринимательства планомерной организацией всего национального производства под руководством общественной власти; но для данного исторического момента частнохозяйственное предпринимательство необходимо. «Хотя я думаю, — писал Родбертус в «Капитале»*, — что современное общество уже целиком попало в коммунистический поток, все же я отнюдь не рассчитываю на уничтожение земельной и капитальной собственности в ближайшем будущем. Противоположные экономические и правовые убеждения, могущество интересов, связанных с земельной и капитальной собственностью, умственное и нравственное состояние как господствующих классов собственников, так и подчиненных рабочих классов, делают невоз-

можным еще на много десятков лет крушение столь глубоко коренящихся социальных учреждений. Я не думаю также, чтобы «свободный труд» достаточно обеспечивал сохранение науки и искусства и большинства других высших благ цивилизации. Прекрасно было бы, если бы воспитание человеческого рода... уже закончилось, так что человек мог бы добровольно и по собственной инициативе исполнять прибавочную работу. Но с того времени, как лучшие умы признали неправомерность рабства, потребовалось тысячелетие, чтобы даже в цивилизованных странах Европы изгладились последние следы рабства. И хотя теперь история движется быстрее, зато и собственность на землю и капитал гораздо прочнее срослась с обществом».

Современный хозяйственный строй может поэтому, по мнению Родбертуса, с уверенностью рассчитывать на несколько столетий существования. Собственность *пока* необходима в высших интересах человечества. Собственники земли и капитала в качестве руководителей национального производства, исполняют в глазах автора «Социальных писем» чрезвычайно важную хозяйственную функцию. Без упорной работы ума частного предпринимателя не мог бы работать хозяйственный механизм нашего времени.

«Для того, чтобы с успехом руководить производством при господстве разделения труда, требуются не только познания, но и моральная сила и энергия. Те же свойства необходимы и для того, чтобы следить за потребностями рынка, соответственно направлять производство и быстро удовлетворять общественную потребность. Редко бывает, чтобы капиталист или землевладелец так или иначе не действовали в этом смысле. Деятельности этого рода рабочий не исполняет и не может исполнять по самому характеру своего занятия. Однако, она абсолютно необходима в национальном производстве. Поэтому, поскольку всякая общеполезная деятельность вправе ожидать оплаты, нельзя сомневаться, что капиталисты и землевладельцы, предприниматели и руководители предприятий имеют полное право требовать от общества оплаты своей вышеуказанной деятельности. Они имеют на это такое же право, как и министр торговли, если только он исполняет свои обязанности хорошо. Вместе с тем очевидно, что указанная деятельность, как и деятельность судьи, школьного учителя, врача и т.д., может быть оплачена только путем вычета из трудового продукта рабочих, — ибо нет другого источника материального богатства».

Вместе со всеми экономистами, социальное мировоззрение которых сложилось во вторую четверть закончившегося века — в период падения заработной платы и роста нищеты — Родбертус разделяет пессимистическое учение о тяготении заработной платы к минимуму средств существования.

«Распределение национального продукта, — говорит он, — подчиняющееся «естественным» законам обращения, приводит к тому, что при растущей производительности труда заработная плата составляет все меньшую долю продукта, ибо сколько бы ни произвел рабочий, жестокие законы обмена принуждают его довольствоваться одной и той же скромной суммой средств существования, безусловно необходимой для жизни. А так как при большей производительности труда то же абсолютное количество продуктов должно иметь меньшую трудовую стоимость, то, следовательно, рабочий, получая, несмотря на все успехи промышленности, одно и то же количество предметов потребления, отдает в пользу владеющих классов все большую долю своего трудового продукта»... В этом тяготении заработной платы к минимуму средств существования Родбертус находит объяснение роста нищеты, замечаемого именно в наиболее прогрессирующих странах.

Но этот же закон объясняет, по мнению нашего автора, и другую, не менее характерную черту господствующего хозяйственного строя — постоянное возвращение промышленных кризисов, от которых так жестоко страдают передовые страны. «Нищета и промышленные кризисы, — читаем во втором «Социальном письме», — вызываются одной и той же причиной; одно и то же свойство современного товарного обращения создает оба этих величайших препятствия равномерному и непрерывному общественному прогрессу».

Представим себе, что производительность труда возросла. Это значит, что одинаковое количество труда создает теперь большее количество товаров, поступающих на рынок. Если бы рабочие классы имели возможность закупить это возросшее количество товаров, то, очевидно, спрос на товары соответствовал бы предложению. Но, согласно учению, принимаемому Родбертусом, *реальная* заработная плата остается неизменной. Если количество производимых рабочими продуктов возрастает и цена продуктов соответственно падает, то законы обращения приводят к соответ-

ствующему понижению *денежной* заработной платы. При этом условии очевидно, что при каждом успехе промышленной техники рабочие классы должны предъявлять спрос все на меньшую *долю* национального продукта. Следствием этого должна явиться невозможность сбыть рабочим возросшее количество товаров — иначе говоря, должно получиться перепроизводство всех товаров, предназначенных для потребления низших классов населения; а так как главная масса товаров, обращающихся на рынке, относится именно к этой категории, то переполнение рынка товарами примет форму общего промышленного кризиса. «Покупательная сила большей части общества уменьшается по мере возрастания производительности труда, и следствием этого является производство потребительных ценностей, не имеющих рыночной цены и покупательной силы, несмотря на то, что потребности в них большинства населения не удовлетворены».

Таким образом, кризисы вызываются, по мнению Родбертуса, сокращением по мере возрастания производительности труда доли рабочих в национальном продукте. При этом важно иметь в виду, что Родбертус решительно отрицает, чтобы кризисы были в какой бы то ни было связи с абсолютным размером заработной платы. «Я утверждаю, — говорит он, — что причина промышленных кризисов заключается не в недостаточности доли рабочих в общем продукте, но в падении этой доли по мере успехов техники, и также утверждаю, что кризисы не могли бы наступить, если бы эта доля была столь же мала, как и ныне, но не изменялась бы при повышении производительности труда, и, далее, что кризисы будут происходить, как бы ни была велика эта доля, если только она будет падать при росте производительности труда».

Теория Родбертуса была бы правильна, если бы его посылки соответствовали действительности. Если бы доля рабочих классов в национальном продукте падала при каждом успехе промышленности, то перепроизводство предметов потребления рабочих масс, а следовательно, и общий промышленный кризис, были бы неизбежны. Но в том-то и дело, что эта посылка не соответствует действительности. Можно признавать или отрицать факт повышения реальной заработной платы за продолжительные исторические периоды, но одно несомненно: для небольших периодов времени денежная заработная плата гораздо устойчивее реальной. Вся теория кризисов Родбертуса пос-

троена на предположении, что сокращение доли рабочих в рациональном продукте происходит настолько быстро и внезапно, что национальное производство не успевает приспособиться к изменившемуся спросу и капиталы не успевают перейти от производства предметов потребления рабочих к производству предметов потребления господствующих общественных классов (доля которых в национальном продукте возросла). Всего этого на самом деле нет: прогресс техники идет не скачками одновременно во многих отраслях производства, а постепенно и понемногу и в разное время в различных отраслях труда. Промышленные кризисы отнюдь не вызываются промышленными изобретениями; наоборот, крупные изобретения делаются и входят в общее употребление обыкновенно *после* промышленных кризисов в периоды застоя, когда низкая прибыль побуждает фабрикантов принимать меры к понижению издержек производства. Периоды торгового и промышленного оживления, предшествующие кризисам и непосредственно вызывающие их, характеризуются не ускорением технического прогресса и удешевлением фабрикатов, а, наоборот, замедлением технического прогресса и повышением цен фабрикатов. Денежная заработная плата не понижается в периоды, предшествующие кризисам, а, наоборот, повышается.

Исходя из мысли, что главное зло существующего хозяйственного строя заключается не столько в недостаточности доли рабочих в национальном продукте, сколько в ее непрерывном падении по мере прогресса техники, Родбертус предлагает ряд мер, долженствующих предотвратить это зло. В «Письме к конгрессу рабочих при всемирной выставке в Лондоне» Родбертус советует рабочим выработать нормальный рабочий день, долженствующий выражать нормальное и среднее количество рабочих часов в сутки, соответствующее силам рабочего и его интересам как человека и члена общества. Когда этот нормальный рабочий день будет установлен, следует определить, смотря по тягостности и утомительности труда в разных занятиях, сколько часов труда в каждом из этих занятий соответствует нормальному рабочему дню; это даст норму для рабочего дня в различных родах труда. Затем, нужно выяснить средний трудовой продукт нормального рабочего дня для каждого производства в отдельности. Таким образом, определится нормальная производительность труда. Исходя из этих данных, можно выработать применительно к

господствующим условиям жизни рабочих в разных странах нормальную заработную плату (т.е. плату, пропорциональную производительности труда, но отнюдь не равняющуюся всему трудовому продукту). Дело рабочих настоять на принятии предпринимателями этих нормальных расценок труда, которые должны каждые десять лет пересматриваться и изменяться соответственно происшедшим переменам производительности труда. Таким образом, удастся достигнуть устойчивости доли рабочих классов в национальном продукте и предотвратить понижение этой доли.

В этом направлении, по мнению Родбертуса, должно работать наше время, чтобы путем компромисса уменьшить бедствия, создаваемые свободой товарного хозяйства, превращающей самого человека в такой же товар, как и предметы человеческого потребления.

В одном из позднейших сочинений Родбертуса, изданном после его смерти, во второй части «Zur Beleuchtung der socialen Frage»* содержится интересная попытка статистического освещения законов распределения народного дохода в капиталистическом обществе, по данным английской статистики подоходного налога. Родбертус пользуется работой английского статистика Бакстера, графически изобразившего социальное сложение английского общества в начале 60-х годов. Пьедестал «общественной пирамиды» образует многочисленный класс рабочих, охватывающий около 77% населения, но владеющий только 40% национального дохода; на этом пьедестале возвышается пирамида имущих классов, вершину которой образует небольшая кучка миллионеров, сосредоточивающая в своих руках около 14% национального дохода. Средние классы общества по своей численности играют совершенно ничтожную роль сравнительно с рабочими, а по общей сумме дохода далеко уступают классу богатых людей.

Но эти данные, характеризующие распределение английского национального дохода в определенный исторический момент, ничего не говорят о тенденциях исторического *развития*, об изменениях, претерпеваемых общественной пирамидой под влиянием роста капиталистического хозяйства. Для этой последней цели необходимо сравнить распределение национального дохода в одной и той же стране в различные моменты времени. Родбертус пользуется для сравнения данными Колькуна, относящимися к Британскому королевству в 1812 году.

Сравнение это приводит Родбертуса к следующему заключению: «Общество все более и более развивается в противоположных направлениях. Все возрастающая неимущая масса внизу! Все более накопляющая огромные богатства относительно сокращающаяся небольшая группа наверху! Соединяющие эти противоположности промежуточные, примиряющие классы, находятся в быстром падении и по своей численности и по своему доходу!»

И Родбертус дает свой рисунок социального сложения капиталистического общества. Внизу, на самых низах, залегает как бы придавленный тяжестью социального здания толстый пласт пауперов, нищих, бесполезных для общества и содержимых на его счет в состоянии крайней скудости и нужды. Затем, возвышается мощный фундамент, в котором сосредоточена истинная сила нации — класс рабочих, которых Родбертус изображает трудолюбивыми муравьями, питающими все остальные классы общества и воздвигающими своим трудом национальное здание. На рабочем фундаменте покоится узкая подставка — средние классы общества, — поддерживающие богатые классы — огромный денежный мешок, венчающий всю постройку...

Рисунок Родбертуса очень остроумен и изобразителен. Жаль только, что статистические данные, из которых исходит наш автор, частью мало надежны, а частью и несомненно неверны — как, например, данные Колькуна; весьма возможно, что движение национального дохода в Англии за рассматриваемое время шло в направлении, указанном Родбертусом, т.е. что общество все резче раскалывалось на богатых и бедняков, а средние классы теряли почву. Но доказать этого статистическим путем Родбертусу не удалось. И потому его статистические сопоставления следует считать лишь произвольной цифровой иллюстрацией вероятного направления общественного развития.

Родбертус был не только экономистом, но и замечательным историком. Его исследования хозяйственной истории Рима составили эпоху в изучении истории классического мира. Но исследования эти важны не только для понимания *прошлого*; одновременно с этим они подкрепляют и глубже обосновывают гениальные обобщения Родбертуса относительно *настоящего* и *будущего* нашего хозяйственного развития. В противоположность экономистам так называемой исторической школы*, совершенно не сумевшим связать в одно целое экономическую историю и экономическую теорию, воспользоваться историческими

обобщениями для установления новых теоретических посылок, Родбертус дает грандиозную картину исторического развития народного хозяйства, которая проливает новый и яркий свет на экономическую теорию вообще.

В настоящем Родбертус ищет зачаточных элементов будущего; в прошлом он видит зародыш, из которого развилось настоящее. Но так как история заключается в непрерывном творчестве новых социальных форм, то Родбертус чужд нередкой ошибки историков — конструирования социальных форм одной исторической эпохи по формам другой. Напротив, великая заслуга Родбертуса в том и заключается, что он с чрезвычайной резкостью и отчетливостью противопоставил друг другу три основных типа хозяйственного устройства — «ойкосного» хозяйства древности, современного капиталистического менового хозяйства и социалистического хозяйства будущего.

Социальный строй древнего мира покоился на натуральном хозяйстве, картину которого Родбертус воссоздает с неподражаемым искусством. Хозяйственной единицей был *ойкос* — античная семья, владевшая более или менее обширным участком земли, орудиями труда и рабами, исполнявшими хозяйственные операции. И земледелие, и обработка сырья сосредоточивалось в ойкосе. «Благоустроенный ойкос сам удовлетворял всем потребностям своей обширной домохозяйственной сферы и потому настолько обеспечивал ей самостоятельность, самообеспеченность, что владыка ойкоса, глава семьи, первоначально бывший единственным полноправным гражданином, мог всецело и бескорыстно посвящать себя служению государству». Не было никакой нужды в деньгах для того, чтобы подымать национальный продукт со ступени на ступень в процессе производства, потому что в течение всего этого процесса продукт не менял владельца. Достаточно было воли господина ойкоса, приказывавшего своим рабам-ремесленникам продолжать работу над произведениями рабов-земледельцев. В распределении национального дохода деньги принимали ничтожное участие. Рабочего класса не было на рынке, так как в ойкосном хозяйстве рабочий получал содержание натурой. Не имело места и деление ренты между земледельцем и капиталистом (так как одно и то же лицо совмещало в себе владение капиталом и землей). Деньги существовали, но играли совершенно второстепенную роль в хозяйстве ойкоса: они служили лишь для обмена избыточных продуктов, оставшихся за покрытием

потребностей ойкоса, и обращались в международной торговле, значение которой также было весьма ограничено. Рабочего вопроса общество не знало, так как не было класса свободных рабочих. Общество распадалось только на богатых и бедных, причем богатство зависело главным образом от размера землевладения. Не имевший земли был бедняком и пролетарием. Ему противостоял богатый землевладелец, владевший множеством рабов, благодаря чему античная культура достигла высокой степени материального совершенства. Рабы, среди которых были искусно и даже художественно обученные рабочие, создавали ту обстановку неслыханной роскоши, удовлетворявшую самому утонченному, изысканному вкусу, — среди которой жил, например, богатый римский патриций.

Ойкос был ячейкой античного государства. Разложение ойкоса повлекло за собой гибель и античного государства. В эпоху Римской империи разложение античного социального строя идет быстрыми шагами, и на развалинах ойкоса вырастает новая хозяйственная организация. Рабство превращается сначала в колонат — в систему прикрепления земледельческого рабочего к земле, крепостное состояние. Из колонов образовался мало-помалу класс свободных крестьян. Вместе с тем класс прежних собственников рабовладельцев дифференцируется и раскалывается на два класса — землевладельцев и капиталистов; возникает класс свободных рабочих. Денежное хозяйство приобретает все большее значение и таким образом создаются начатки социального строя нашего времени.

Все это изложено Родбертусом съ удивительным мастерством и на основании самого детального изучения первоисточников; его картина развития античного хозяйства не априорное построение дилетанта-историка, а строго фактическая, документальная история специалиста. Но в то же время — что так редко бывает в подобных работах — она вся освещена и проникнута теоретической мыслью. В центре ее лежит теория ойкоса как основной ячейки античного социального строя. Теория эта является в настоящее время почти общепринятой не только среди экономистов, но в значительной мере и историков древности. Родбертус принадлежит к числу тех истинно великих мыслителей, влияние которых на потомство гораздо сильнее влияния их на современников. При жизни он стоял в стороне от широкой дороги общественной жизни. В полити-

ческой борьбе он не мог принимать участия благодаря своей противоречивой социально-политической программе. Крупный землевладелец, защитник аграрных интересов, он не мог стать во главе рабочего движения; радикально-консервативная партия — радикальная в социальных вопросах и консервативная в политических — образования которой желал Родбертус, есть несомненная политическая нелепость. Если бы Родбертус был сколько-нибудь политиком, он быстро разочаровался бы в своих социально-политических планах. Но в том-то и дело, что уединенный мыслитель Ягецов был всего менее политиком. Он был одним из самых оригинальных и глубоких социальных философов нового времени; уже по одному этому он не мог иметь быстрого успеха. Слабость его социально-политической программы должна была еще более препятствовать влиянию его идей на умы современников.

Если сравнивать Родбертуса с Марксом, то нельзя не признать, что теория нетрудового дохода нашла у Родбертуса более точное и лирически стройное выражение, чем у Маркса. Родбертусу требуется несколько страниц для выражения того, что Маркс излагает на десятках и сотнях страниц. Несмотря на свою сжатость и краткость, на свой лапидарный стиль, теория ренты автора «Социальных писем» глубже и богаче содержанием всего того, что написал по тому же вопросу Маркс. Вообще в области отвлеченной экономической теории Родбертус оригинальнее и выше Маркса, далеко уступая последнему в более широкой сфере социологических обобщений. Что же касается до значения обоих мыслителей как политиков, то в этом отношении их нельзя, конечно, и сравнивать. Померанский помещик Родбертус совсем не понимал политической жизни и не пошел дальше совершенно несбыточной и не имеющей никакого практического значения утопии «социальной монархии»; а Маркс был и остается вдохновителем величайшего социального движения нового времени.

III. Маркс

Критический социализм насчитывает столько же великих представителей, как утопический социализм. Прудон, Родбертус и Маркс могут быть противопоставлены Оуэну, Сен-Симону и Фурье. Но среди критиков далеко не замечается того сходства общего миросозерцания, которое характерно для утопистов. Анархист Прудон, вышедший из полукрестьянской среды, сохранивший всю жизнь тяготение к мелкобуржуазным идеалам, имеет весьма мало общего по своему социальному мировоззрению с крупным землевладельцем и сторонником крепкой государственной власти Родбертусом; еще глубже отличается от них обоих величайший представитель критического социализма, вдохновитель новейшего рабочего движения — Карл Маркс.

В лице Маркса мы имеем перед собой удивительно законченную и цельную фигуру, как бы всю вылитую из бронзы. Что-то мощное, непоколебимое и безгранично самоуверенное, но в то же время угловатое, жесткое, резкое сквозит во всякой черте его характерного нравственного облика. Видно, что перед вами человек, привыкший царить над умами людей и не допускающий ни минуты сомнения в своем праве на это. Его портрет несколько напоминает изображение Юпитера Олимпийца. И действительно, таким олимпийцем, повелителем неба, держащим в своих руках громоносные стрелы, должен был казаться Маркс своим многочисленным ученикам и последователям. В своем собственном царстве он был не конституционным монархом, но самодержавным владыкой. Его умственное руководительство превращалось в железную диктатуру, которой должен был подчиняться каждый, поддерживавший с ним духовное общение.

По внешним фактам своей жизни Маркс может показаться типом самоотверженного борца за идеал. Большую часть жизни он прожил политическим эмигрантом, в бедности, нередко в тяжелой обстановке политического одиночества. Его первые шаги на жизненном пути сопровождались большими успехами, но затем наступили трудные, долгие годы изгнания, среди полного равнодушия публики к научной работе великого мыслителя и при невнимании рабочего класса к его социальной проповеди. Все это, однако, нисколько не сломило энергии Маркса, который в

минуты невзгоды оставался таким же твердым и непоколебимым, как и во время успехов. Его социальное мировоззрение сложилось очень рано — когда ему не было и 30 лет; но умирая 64 летним стариком, он ни одним словом, ни тем более делом, не изменил этому мировоззрению и оставался ему верен до конца; никаких компромиссов не было в его политической карьере. Неуклонно шел он выбранным им самим путем и мог с полным правом применить к себе гордые слова Данте*:

Segui il tuo corso, e lascia dir le genti!

(Следуй своему пути, и пусть люди говорят, что хотят!).

И все же идеализм был не свойствен натуре Маркса. Не был он и фанатиком идеи, ибо не идея владела им, но он владел своей идеей. Из всех страстей, волнующих душу людей, его холодная душа была всего доступнее одной страсти — страсти к познанию. Упорная умственная работа привела Маркса к выработке законченного мировоззрения, и вся его жизнь превратилась в борьбу за торжество этого мировоззрения. Но, несмотря на настойчивость и поразительную энергию, которую Маркс проявил в своей жизненной борьбе, борьба эта не освещалась тем высшим светом, о котором говорил своим ученикам умиравший Сен-Симон** — светом энтузиазма. В лице Маркса мы имеем перед собой не вдохновенного бойца за лучшее будущее человечества, не пророка и не проповедника новой социальной веры, но упорного и настойчивого мыслителя, непоколебимо убежденного, что им открыты законы развития человеческого общества, что завеса будущего спала перед его умственным взором, и что люди должны идти указанным им путем, ибо такова железная необходимость. Литературный талант Маркса был перворазрядным; многие страницы его произведений блещут такой сжатой энергией выражения и таким блеском и остроумием сравнений и метафор, что должны быть причислены к лучшим образчикам художественной прозы. Но как ни разнообразны и ни могущественны душевные струны Маркса, *одна* струна никогда не звучала в его душе — энтузиазма, вдохновения.

Ненависть, презрение, сарказм — вот те чувства, из которых слагался пафос Маркса. Творец «Капитала» был глубоким психологом, но нельзя не согласиться с Зомбартом, что человеческая душа была раскрыта для него лишь наполовину: все темное и злое находит в нашем мыслителе

удивительного ясновидца, но по отношению к благородным движениям человеческой души он страдал чем-то, весьма похожим на умственную слепоту. Ему было знакомо негодование против зла, — но в этом негодовании чувству симпатии к угнетенным почти не было места.

Каким глубоким контрастом является душевный облик Маркса сравнительно с обликами великих утопистов! Непобедимая любовь к людям Оуэна, рыцарское благородство Сен-Симона, вдохновенные мечты Фурье о прекрасном гармоническом строе будущего общества — все эти движущие силы идеалистического мировоззрения утопистов были чужды Марксу. И если он сошелся с утопистами в своем социальном идеале, то это, с одной стороны, потому, что научный анализ объективного хода исторического развития оправдывал в его глазах предвидение утопистов; с другой же стороны, Маркс не был лишен чувств, толкавших его в ту же сторону, куда шли и утописты. Правда, чувство любви к людям было ему мало доступно, Но зато он был чрезвычайно способен к вражде, — и вражда к угнетателям заменяла в его душе любовь к угнетенным.

К своим политическим врагам Маркс был беспощаден; а врагом его было сделаться легко — для этого было достаточно не быть его последователем. Одной из самых грустных страниц биографии великого экономиста являются его отношения к разным выдающимся людям, с которыми его сталкивала судьба и с которыми он расходился во взглядах. Все полемические столкновения Маркса отличаются чрезвычайным избытком личной злобы к противнику и производят тягостное впечатление своим недостатком морального такта. Трудно указать другого такого мастера в уничтожении противника путем выражения ему самого ядовитого презрения и трудно указать другого писателя, пускавшего это орудие в ход так часто и так охотно.

Со своими друзьями, в своей частной жизни, Маркс был совсем иным. Подобно многим сильным людям, он был мягок и добродушен с теми, кто ему покорялся и признавал его авторитет. Суровый политический боец преображался у своего домашнего очага, в интимном кругу среди своей семьи, которую он очень любил, в веселого, остроумного и приветливого хозяина и собеседника. По словам Либкнехта*, одной из трогательных черт Маркса была его любовь к детям — он чувствовал большую потребность в детском обществе и мог целыми часами играть с детьми.

Обладая крепким здоровым организмом, уравновешенным, хотя и желчным характером, Маркс любил простые непритязательные развлечения и веселье было частым гостем в его доме. Трудно сказать, внушал ли он к себе любовь; но, несомненно, многие перед ним преклонялись и были ему преданы. Со своими верноподданными он был милостивым повелителем; но ничего похожего на равенство не было в интимном кругу Маркса. Он один царил, а все прочие — были его покорными слугами и учениками. И горе было ученику, который осмелился бы ослушаться учителя!

Карл Маркс (1818 — 1883) происходил из еврейской семьи, из которой в течение ряда поколений выходили замечательные раввины. Отец его был адвокатом и вскоре после рождения Карла принял крещение вместе со всей семьей. В университете молодой Маркс специально изучал философию и право и получил степень доктора философии. Он предполагал открыть курс лекций по философии в Боннском университете, но созданные правительством затруднения для академической деятельности его друга Бруно Бауэра* (который был доцентом богословия) побудили молодого ученого отказаться от этой мысли.

Итак, Маркс получил философское образование и первоначально думал посвятить себя специальному изучению философии. Его первая работа — докторская диссертация о философии Эпикура** — была написана на философскую тему. Серьезная философская школа, которую прошел Маркс, несомненно глубоко отразилась на всей последующей литературной деятельности великого экономиста. Тем не менее философа в узком смысле слова из него не вышло. Несмотря на свою огромную умственную силу и крайне широкую область своих исследований, охватывающих всю общественную жизнь, никакой законченной системы своих философских воззрений Маркс не дал. В истории философии для нашего доктора философии почти нет места.

Философская непроизводительность нашего мыслителя зависела от его быстрого разочарования в философии как особой области познания. Будущий творец материалистической теории общественного развития вышел из идеалистической школы Гегеля. В конце 30-х годов, когда наш юный студент проходил в Берлине свой философский курс, Гегель был венчанным королем философской мысли

Германии. Метафизика праздновала свои самые пышные триумфы, и за ее победной колесницей скромно шла наука. Но молодой философ не надолго присоединился к этому торжественному шествию. В свойствах своего ума и характера он обладал талисманом, охранявшим его от метафизических увлечений. Трудно указать в истории мировой мысли другой выдающийся ум, который был бы до такой степени чужд всяких идеалистических порывов, как ум Маркса. Никакого искания вечного и абсолютного, никакого стремления за пределы опыта. никакой жажды веры, никакого чувства тайны, наполняющей мир! Прямо-таки странно, каким образом такой сильный ум мог мыслить так грубо реалистически! Быть может, Маркс был единственным в истории примером гениального мыслителя, совершенно лишенного религиозного чувства. И конечно, только философская непродуманность его миросозерцания давала ему возможность с таким высокомерным презрением относиться к верховным проблемам человеческого духа, неотступно привлекающим к себе возвышенные умы. Вообще, по своему общему миросозерцанию и душевному складу, Маркс более всего напоминает французских материалистов XVIII века, с их моралью разумного эгоизма и реалистической ограниченностью философского мышления. Но французские материалисты были людьми малого духа, между тем как Маркс был мыслителем огромной силы. И в этом глубокое различие между ними.

При таких умственных симпатиях Маркс не мог проникнуться идеалистическим духом философии Гегеля. Тем не менее, гегельянская школа не прошла для него бесследно. Отвергнув наиболее существенную идеалистическую часть системы Гегеля — все положительное содержание этой системы, наш философ усвоил диалектический метод Гегеля — представление о мировом процессе как о непрерывном развитии путем [борьбы] противоположностей. Однако, марксистская диалектика существенно отличается от гегельянской. У Гегеля процесс природы есть внешнее обнаружение процесса мысли. «Для меня же, — говорит Маркс в предисловии ко второму изданию «Капитала», — идеальное начало является, наоборот, лишь прошедшим через человеческий мозг материальным началом... Диалектика стоит у Гегеля вверх ногами. Нужно ее перевернуть, чтобы найти рациональное начало в мистической оболочке».

Подвергнувши гегелевскую диалектику этой рискованной операции, Маркс признал ее вполне пригодным методом исследования общественного развития. Диалектическое развитие предполагает постоянную смену трех фазисов — тезиса, антитезиса и синтезиса: данная ступень развития (тезис) влечет свое отрицание (антитезис), за которым следует высшая ступень, отрицающая отрицание и примиряющая противоречие двух предшествовавших ступеней в высшем единстве (синтезе), в свою очередь отрицаемом дальнейшей ступенью развития и т.д. Внутренние противоречия, присущие каждому бытию, являются движущими силами развития. Развитие не имеет конца — все находится а непрерывном движении, возникает для того, чтобы погибнуть, и погибает для того, чтобы возникнуть в новом виде, — неподвижна лишь голая абстракция от всякого движения — «бессмертная смерть».

Этот метод Маркс думал применить к изучению исторического развития общества. Но, строго говоря, автор «Капитала», как он и сам признавался, только «кокетничал гегелевской манерой выражаться». От гегелевского метода у него осталась под конец почти одна терминология.

Гораздо глубже повлиял на Маркса другой философ, также вышедший из школы Гегеля, но чуждый гегелевскому идеализму — Людвиг Фейербах*. Его книга «Сущность христианства» пришлась как нельзя более по вкусу юных гегельянцев, стремившихся освободиться от метафизического плена. Не нужно забывать, что дело происходило в начале 40-х годов, когда вся умственная атмосфера Европы была насыщена приближавшейся революционной грозой. Книга Фейербаха показалась откровением. «Нужно самому пережить освобождающее действие этой книги, чтобы составить себе представление о ее значении, — писал Энгельс. — Воодушевление было всеобщее; мы все моментально сделались фейербахианцами».

И действительно, в лице автора «Сущности христианства» Маркс нашел философа значительно более родственного себе по духу, чем Гегель. Главное, что влекло юного отрицателя к Фейербаху — это общее направление философии последнего. В области морали Фейербах был утилитаристом, в области философии — материалистом. Одному из своих сочинений Фейербах дал характерный подзаголовок: «человек есть то, что он есть». Философское значение этого оригинального мыслителя Энгельс характеризует сле-

дующим образом: «Путь развития Фейербаха идет от гегельянства — правда, далеко не правоверного — к материализму, — развития, приводящего на известной своей ступени к совершенному разрыву с идеалистической системой Гегеля. С непреодолимой силой в уме Фейербаха возникает убеждение, что принимаемое Гегелем домировое существование абсолютной идеи, вечное бытие логических категорий, есть не что иное, как остаток фантастических суеверий, что материальный, чувственно воспринимаемый мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственно реальное бытие и что наше сознание и мышление, какими бы сверхчувственными они нам ни казались, суть продукты материального, телесного органа — мозга. Не материя продукт мозга, но дух есть не что иное, как высший продукт материи».

Все эти идеи, вплоть до знаменитого тезиса «человек есть то, что он есть» (зерно материалистического понимания истории), были восприняты Марксом. Но для нашего радикального мыслителя даже Фейербах был слишком идеалистичен. Несмотря на свой материализм, автор «Сущности христианства» признавал необходимость религии — хотя бы только религии человечества. Он был не чужд энтузиазма: отвергнув поклонение высшему началу, он склонял колена перед величием любви, которая была венцом его системы, верховной силой, управляющей человеческим обществом. На этом базисе несколько сентиментальный, несмотря на свой атеизм, философ стремился обосновать свою систему морали.

Как презрительно должен был относиться к этим слабостям добродушного немецкого философа молодой Маркс! Он столь же мало верил в любовь, как и в абсолютную идею. Человеческая история, насыщенная насилием и кровью бесчисленных поколений, казалась ему лучшим опровержением религии любви. Он возлагал свои надежды не на любовь, а на силу, которая должна, наконец, избавить людей от тяготеющего над ними тысячелетнего беспощадного, безжалостного гнета.

Уже в 1842 г. (т.е. всего 24-х лет от роду) наш радикальный философ становится редактором большой оппозиционной газеты в Кёльне — «Rheinishe Zeitung»*. Газета была органом оппозиционной буржуазии и просуществовала недолго — правительство поспешило ее закрыть.

На родине Марксу делать нечего, он едет в Париж и

вместе с Арнольдом Руге* основывает орган «Deutsch-franzosische Jahrbucher»**, из которого появилась, однако, только одна книжка. Журнал прекратился частью вследствие трудности доставления его в Германию, частью вследствие принципиальных разногласий между редакторами. Разногласия состояли, по словам Энгельса, в том, что Руге оставался гегельянцем и буржуазным радикалом, между тем как Маркс под влиянием изучения французских социалистов переходит к социализму.

Около этого времени Маркс начинает упорно изучать экономические вопросы. Первый толчок к экономическим исследованиям был дан нашему мыслителю, по его собственным словам, необходимостью высказываться по экономическим вопросам в редактированной им газете «Rheinische Zeitung». Пребывание в Париже доставило молодому немецкому эмигранту случай ближе познакомиться с французскими социалистами, из которых наибольшее влияние на него оказал, вероятно, Прудон. Вместе с тем, существенное значение в выработке социального мировоззрения Маркса имела, по-видимому, и книга Лоренца Штейна «Der Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs»*** (1842 г.)

В числе сотрудников «Deutsch-franzosische Jahrbucher» был и Фридрих Энгельс****, с которым Маркс хорошо сошелся в Париже в 1844 году; между ними установилась тесная дружба, основанная на сходстве воззрений и на полном подчинении Энгельса своему несколько более старшему сверстнику. В истории трудно указать другой пример такой тесной духовной связи двух выдающихся людей. Что Энгельс сам по себе представлял крупную величину, это достаточно доказывается его работами, исполненными до сближения с Марксом. Одна из них «Die Lage der arbeitenden Klasse in England»***** представляет собой, бесспорно, замечательное произведение, оригинальное и глубокое. Но в натуре Энгельса не хватало, по-видимому, самостоятельности и энергии; после сближения с Марксом он как бы утрачивает свою индивидуальность, совершенно отходит на второй план, довольствуясь скромной ролью сотрудника своего великого друга и популяризатора его взглядов. Только после смерти Маркса Энгельс перестал играть «вторую скрипку» и занимает в руководительстве рабочим движением его место.

Первым совместным трудом обоих друзей была книга,

направленная против их прежнего товарища — Бруно Бауэра («Die heilige Familie. Gegen Bruno Bauer und Konsorten», 1845 г.), написанная в том резко полемическом тоне, который характеризует все произведения Маркса.

В Париже Маркс пробыл недолго. Прусскому правительству удалось выхлопотать у министерства Гизо* высылку молодого публициста из Франции за редактирование небольшой немецкой оппозиционной газеты «Vorwarts»**, издававшейся в Париже. Преследуемый писатель переселяется в 1845 году в Брюссель и здесь издает в 1847 г. полемическую книгу против Прудона. Маркс и Энгельс становятся членами одного тайного политического общества*** и выпускают в начале 1848 г., по поручению этого общества знаменитый «Коммунистический Манифест».

Затем следует февральская революция, арест Маркса в Брюсселе и возвращение его в Париж по приглашению одного из членов временного правительства. Вся Европа полна революционной смуты, Германия волнуется. Маркс спешит вернуться на родину и возобновляет в Кёльне издание газеты «Neue Rheinische Zeitung», просуществовавшей, однако, меньше года. Победа реакции повела к высылке молодого революционного публициста из Кёльна, а вслед затем и французское правительство запретило ему пребывание в Париже.

Тут наступает решительный поворот в жизни нашего мыслителя; на политической арене ему делать нечего, и он удаляется в обычное убежище политических эмигрантов европейского континента — в свободную Англию, в Лондон, который и делается его окончательным и постоянным местом жительства.

Революционные бури затихли. Скитания Маркса кончились и он живет несколько десятков лет, не преследуемый и не тревожимый никем в мировой столице. Но это внешнее спокойствие было тяжелым испытанием для творца «Капитала». По своей натуре он был борцом; его мощная воля требовала энергичной деятельности, а между тем политические условия Европы обрекали его в течение длинного ряда лет на полное политическое бездействие. Когда Маркс покинул континент, ему едва исполнился 31 год; несмотря на такую молодость, он был уже одним из самых видных радикальных публицистов Германии и пользовался огромным влиянием и авторитетом среди своих единомышленников. Он принимал деятельное участие в рево-

люционном движении 1848 г., когда даже самым скептическим людям могло казаться, что наступил огромный социальный переворот, за которым последует рождение мира будущего. Но революционный вихрь пронесся, — и старая Европа устояла; только обломки революционных партий свидетельствовали о неудавшейся революции.

Первые годы реакции были особенно тяжелы для политических эмигрантов, скопившихся из всех стран Европы в Лондоне. Разочарование было глубоко. После стольких блестящих успехов — такое уничтожающее поражение! После стольких светлых надежд — такая удручающая действительность! Бывшие диктаторы, главнокомандующие революционных армий, министры, члены временных правительств превратились в жалких изгнанников, искавших и не находивших заработка. Такое падение было трудным испытанием стойкости политических убеждений многих революционных деятелей. Более слабые пали и «поклонились тому, что сжигали», но и самые сильные поколебались, утратили энергию и прежнюю веру, поддались унынию, которое охватило всю европейскую демократию. Вспомним, например, какой тяжелый душевный кризис пережил в это время Герцен — человек выдающейся энергии и светлого ума. И быть может, среди всех усталых, измученных, колеблющихся или совсем изменивших своему делу ветеранов и инвалидов революции один Маркс остался таким же бодрым, каким он был в минуты наибольшего подъема революционной волны. Его социальное мировоззрение только крепнет под влиянием пережитых испытаний. В тех событиях, которые другим казались крушением движения, он видел лишь последовательные фазисы развития движения. За отливом должен последовать прилив, — и чем сильнее реакция, тем выше должна подняться грядущая революционная волна.

Политический застой 50-х годов был для Маркса периодом самой упорной, бодрой и плодотворной умственной работы. Уже в конце 40-х годов он обладал серьезной экономической эрудицией и как показывает его книга о Прудоне, был хорошо знаком с английской экономической литературой. Пребывание в Лондоне и постоянные занятия в Британском Музее доставили ему возможность расширить его экономическую эрудицию в колоссальных размерах. По всей вероятности никто до и после Маркса не знал в таком совершенстве и в такой полноте английскую

экономическую литературу. Французскую экономическую литературу он также знал хорошо, немецкую же гораздо меньше, как показывает засвидетельствованное Энгельсом его незнакомство с первыми работами Родбертуса.

В 50-х годах Маркс деятельно сотрудничал в «New-York Tribune»* и выпустил несколько брошюр, из которых особенно замечательна «Die 18 Brumaire des Louis Bonaparte» (1852 г.)** — мастерский анализ событий, поведших к диктатуре Бонапарта. Наконец, в 1859 г. он представил первый очерк своей критики капиталистического строя в работе под заглавием «Zur Kritik der Politischen Oekonomie»***. Книга эта должна была быть первым выпуском задуманного Марксом обширного экономического сочинения, но последующих выпусков не появилось, благодаря тому, что автор изменил план своей работы. Вместо продолжения «Zur Kritik der Politischen Oekonomie» он выпустил в 1867 г. первый том своего главного, в полном смысле слова гениального труда «Das Kapital». Второй том «Капитала» вышел после смерти своего великого автора в 1885 году, третий — в 1894 г.

В 60-х годах, в то время, когда Маркс работал над «Капиталом», обстоятельства позволили ему вернуться к практической общественной деятельности. В 1864 г. в Лондоне была основана «Международная ассоциация рабочих»****. Инициатива создания «Интернационала» не принадлежала Марксу, но так как Маркс был велик, а прочие члены «Интернационала» были людьми обыкновенного роста, то руководительство общества естественно перешло к нему. Задачей «Интернационала» было объединение рабочего движения в разных странах капиталистического мира и поддержка этого движения общими силами пролетариата. Со стороны Маркса требовалась большая ловкость и хитрость для того, чтобы корабль «Интернационала» не разбился с первых же шагов о подводные камни партийных раздоров среди рабочих. Но великий экономист был вместе с тем искусным дипломатом. Он умел, когда нужно, скрывать свои мысли и прибегать к туманным выражениям, чтобы заставить людей согласиться с тем, с чем они несогласны. Вступительный адрес общества и его статуты, принадлежащие перу Маркса, были составлены так ловко, что самые противоположные рабочие течения могли примкнуть к «Интернационалу».

Деятельность общества вначале выразилась главным

образом в поддержке стачек. Однако с каждым годом Маркс все более и более забирал в свои руки нити управления обществом, постепенно проникавшимся идеями автора «Капитала» и подчинявшимся его социально-политической программе. Но вместе с тем росла и оппозиция, группировавшаяся преимущественно вокруг Бакунина* и приведшая в конце концов к крушению «Интернационала». В 1872 г. на конгрессе в Гааге было постановлено под внушением Маркса, лично ненавидевшего Бакунина, исключение последнего из состава общества. Это повело к расколу «Интернационала» — целый ряд секций высказался за Бакунина, и «Международная ассоциация рабочих» фактически прекратила существование.

Падением «Интернационала» заканчивается публичная политическая деятельность Маркса; но его влияние на рабочее движение всего мира росло и росло. К концу жизни гениальный экономист был на вершине своей славы. Его мысли стали символом веры германских рабочих; его практическая программа легла в основание политической борьбы пролетариата. Все его былые соперники сошли со сцены или были забыты. И он оставался единственным общепризнанным верховным авторитетом, творцом и главою самого могущественного социального движения, какое только знает новейшая история.

Учение Маркса охватывает собой не только экономическую теорию, но и общую философию истории; в то же время из теоретических основ этого учения вытекает определенная программа политической и общественной деятельности. Поэтому марксизм может быт изучаем с разных точек зрения. Но мы не будем говорить о философии истории Маркса — так называемом материалистическом понимании истории[1], а остановимся только на его экономической теории — учении о природе и законах развития капиталистического хозяйства.

В основание всей своей экономической системы Маркс кладет учение о труде, как единственной и абсолютной субстанции ценности. «Величина ценности какой-либо полезной вещи определяется только количеством общественно необходимого труда или общественно необходимого для ее производства рабочего времени», — говорит Маркс.

---

[1] Критическая оценка исторического материализма дана в моей книге «Теоретические основы марксизма»**.

«Общественно же необходимым рабочим временем является то рабочее время, которое при существующих нормальных в данном обществе условиях производства и средней степени умелости и напряженности труда, необходимо для изготовления той или иной полезной вещи... Товары, в которых содержатся одинаковые количества труда, или которые могут быть произведены в одинаковые промежутки рабочего времени, имеют поэтому одинаковую ценность. Ценность одного товара относится к ценности другого товара как рабочее время, необходимое для производства одного относится к рабочему времени, необходимому для производства другого. Как ценности все товары суть только определенные количества застывшего рабочего времени». Итак, ценность товара — это застывшее в нем рабочее время. Человеческий труд есть не один из моментов, влияющих на высоту ценности, как учил Рикардо*; нет, труд образует самое существо, самую субстанцию ценности.

Но ведь конкретный человеческий труд так же различен, как различны и продукты труда. Труд сапожника в своей конкретной форме есть нечто иное, чем труд врача. Различные конкретные виды труда столь же несоизмеримы между собой, как и продукты труда в своей потребительной форме. Все разнообразные виды труда становятся, однако, вполне соизмеримыми друг с другом, если мы отвлекаемся от их конкретной формы и рассматриваем их как простое выражение абстрактного человеческого труда, как затрату человеческой рабочей силы вообще.

Сложный искусный труд, требующий обучения со стороны рабочего, содержит в себе как бы в сжатом виде умноженное количество простого труда. В этом смысле все виды труда соизмеримы между собой и могут быть выражены в одних и тех же единицах человеческого труда в его абстрактной форме. Именно этот абстрактный человеческий труд, освобожденный от конкретных форм своего обнаружения, и образует субстанцию ценности.

Итак, ценность — это кристаллизованный в товаре человеческий труд. Понятно, что с точки зрения Маркса ничего не могло быть нелепее вопроса о том, какое участие принимает природа в создании ценности. «Так как меновая ценность есть только определенный общественный способ выражать потраченный на какую-нибудь вещь труд, то в меновой ценности может содержаться столько же данного самой природой вещества, сколько, например, в век-

сельном курсе».

Но ценность есть не просто человеческий труд. Хозяйственный труд есть необходимая основа всякого хозяйства, независимо от исторической формы его. Ценность же есть историческая, преходящая экономическая категория, свойственная только определенной исторической форме хозяйства — товарному хозяйству.

Экономическая категория ценности предполагает два момента: 1) затрату человеческого труда на производство данного хозяйственного продукта и 2) выражение этой затраты не непосредственно в рабочем времени, а посредственно в трудовом продукте, обмениваемом на данный трудовой продукт. Представим себе, например, что общество слагается не из товаропроизводителей, обменивающихся продуктами своего или чужого труда, а образует собой социалистическую общину, владеющую сообща средствами производства и всеми предметами своего потребления. В таком обществе количество труда, заключенного в продукте, вовсе не потребовало бы для своего определения окольного пути (обмена); ежедневный опыт непосредственно указывал бы такому обществу, сколько труда заключено в продукте. Общество могло бы просто вычислить, сколько рабочих часов стоила данная паровая машина, гектолитр пшеницы, сто квадратных метров сукна. Никому не могло бы придти в голову выражать непосредственно известное количество труда, заключенное в продукте, в относительном, колеблющемся и недостаточном мериле — другом продукте, а не в естественном адекватном и абсолютном мериле труда — времени... Правда, обществу было бы необходимо знать, сколько труда требуется для производства того или иного предмета потребления. Оно должно было бы установить общий план производства, принимая в соображение полезность разных нужных предметов и потребное для их производства количество труда. Но люди могли бы достигнуть всего этого очень просто без посредства знаменитой ценности. Понятие ценности есть, таким образом, самое общее и всеобъемлющее выражение экономических условий товарного производства».

Итак, обмен продуктов труда есть необходимое условие для возникновения экономической категории ценности. Теперь нам ясно, чем отличается категория ценности от категории трудовой затраты. Трудовая затрата есть факт всеобщий, не связанный с историческими особенностями

данной формы хозяйства, ценность же есть исторический факт. Для превращения трудовой затраты в ценность требуется, чтобы устройство общества не давало возможности людям выражать трудовую затрату иначе, как окольным путем, сравнением одного трудового продукта с другим трудовым продуктом.

Возьмем, например, натуральное хозяйство, потребляющее свои собственные продукты; в этом случае всякий хозяин непосредственно знает, сколько труда он потратил на изготовление потребляемого им продукта. То же следует сказать и о социалистической общине, сообща владеющей средствами производства. Но в товарном хозяйстве производитель потребляет продукт не своего, а чужого труда, и потому не может непосредственно знать, сколько труда заключено в этом продукте. Трудовая затрата остается, однако, по-прежнему основным моментом хозяйства. Но выражается она в товарном хозяйстве не прямо — в приравнивании одного количества труда другому количеству труда, а косвенно — в приравнивании одного трудового продукта другому трудовому продукту, в объективировании труда в *ценности* товара. Поэтому, хотя субстанцию ценности образует человеческий труд, но он становится ценностью лишь тогда, когда застывает в вещной форме товара. «Человеческий труд, правда, образует ценность, но не является сам ценностью. Он становится ценностью лишь в застывшем состоянии, в вещной форме».

Отсюда вытекает та своеобразная особенность товарного хозяйства, которую Маркс называет *фетишизмом товарохозяйственного строя*. Дело в том, что основой товарного хозяйства, как и всякого иного, остается человеческий труд — взаимная работа членов общества друг на друга. Но эта взаимная работа скрывается в обществе товаровладельцев под совершенно иной категорией — обмена товаров. В товарном хозяйстве не труд, а продукт труда — товар — является связующим звеном между отдельными хозяйственными единицами.

Общественные отношения объективируются в товаре, который как будто одухотворяется и приобретает самостоятельную жизнь.

Обращение товаров на рынке есть несомненный результат человеческой деятельности. Однако никакой отдельный товаропроизводитель не может управлять этим обращением. Наоборот, оно само управляет деятельностью

товаропроизводителя; не человек господствует над товарным рынком, а товарный рынок господствует над человеком. Не производитель устанавливает цену, а цена устанавливает размеры производства. Товар и его цена как бы совершенно вырываются из-под власти человека и становятся его повелителями. Это объективирование в сознании товаропроизводителей их собственных общественных отношений в отношения вещей, товаров, Маркс и называет фетишизмом товарного хозяйства.

Товарный фетишизм выступает с наибольшей ясностью в господствующем товаре товарного мира — в деньгах. Золотой телец кажется истинным владыкой капиталистического мира. Неудивительно, что первые теоретики товарного хозяйства — меркантилисты — признали золото единственной абсолютной формой богатства. На чем основана ценность денег? Это кажется решительной загадкой, но факт возможности приобрести на деньги все что угодно стоит у всех перед глазами. Отсюда вытекает ненасытная жажда денег, характеризующая психологию товаропроизводителя. «Загадка денежного фетиша есть та же загадка товарного фетиша, которая лишь стала вполне видимой и ослепляет взор своим металлическим блеском».

Товарный фетишизм коренится в самой природе товара и потому не исчезает из сознания товаропроизводителей даже тогда, когда загадка товара как фетиша разгадана. Сложные общественные отношения, выражением которых является товарная цена, скрыты от сознания товаровладельца. Отсюда возникает необходимость рассматривать цену не как общественное отношение, но как свойство вещи, товара. Таким образом, товар как бы получает в придачу к своим физико-химическим свойствам, которыми он обладает в качестве материального тела, еще новое общественное свойство — ценность. На самом же деле ценность отнюдь не есть свойство товара, как материальной вещи, а определенное общественное отношение, отношение затраты человеческого труда.

Товарный фетишизм коренится в основной товарохозяйственной категории — ценности, ибо ценность есть *вещное* выражение *общественных* отношений. Экономическая критика вскрывает тайну товара, как фетиша, объясняет происхождение товарного фетишизма, показывает иллюзию, которая лежит в его основании, но самой иллюзии убить не может. Луна на горизонте кажется нам большего

диаметра, чем посреди неба. Мы знаем, что это иллюзия, но поддаемся обману чувства; но все наше знание бессильно развеять иллюзию и изменить обманчивые представления. То же следует сказать и о товарном фетишизме. Открытие закона ценности, объяснение товарного фетишизма составляет, по словам Маркса, «эпоху в историческом развитии человечества, но отнюдь не рассеивает вещной видимости общественных свойств труда. Определение величины ценности рабочим временем есть тайна, скрытая под явными движениями относительных ценностей товаров. Раскрытие этой тайны устраняет видимую случайность в определении величины ценности продуктов труда, но нисколько не устраняет ее вещной формы».

Однако кто понял тайну товарного фетишизма, того эта иллюзия не может ввести в обман. Иное следует сказать о буржуазной политической экономии, всецело остающейся во власти указанной иллюзии, порождающей такие проникнутые фетишизмом учения, как учение о способности средств производства создавать процент, земли -- создавать ренту и т.п. Один из экономистов, находившихся во власти товарного фетишизма, даже прямо заявил, что «ценность, есть свойство вещи, богатство же (потребительная ценность) есть свойство человека... Жемчужина или алмаз имеют ценность как жемчужина или алмаз». Но, — замечает по этому поводу Маркс, — «до сих пор еще ни один химик не открыл меновой ценности в веществе жемчуга или алмаза».

Вещи самой по себе столь же чужда ценность, сколь чужды божеские свойства сделанному дикарем деревянному чурбану. И если для товаропроизводителя вещь является ценностью, а деревянный чурбан для дикаря богом, то это лишь потому, что в среде самих товаропроизводителей (а отнюдь не вещей), имеются общественные отношения, выражаемые категорией ценности, а среди дикарей (а не чурбанов), имеются условия, заставляющие дикарей обоготворять чурбаны.

Какое же общественное отношение выражается ценностью? Отношение общественного труда, взаимной работы членов общества друг на друга, и притом работы не непосредственной, но при посредстве обмена продуктами труда, становящимися в силу этого товарами. Присущая всякому хозяйству категория трудовой затраты тем отличается от исторической категории ценности, что последняя

товаропроизводителя; не человек господствует над товарным рынком, а товарный рынок господствует над человеком. Не производитель устанавливает цену, а цена устанавливает размеры производства. Товар и его цена как бы совершенно вырываются из-под власти человека и становятся его повелителями. Это объективирование в сознании товаропроизводителей их собственных общественных отношений в отношения вещей, товаров, Маркс и называет фетишизмом товарного хозяйства.

Товарный фетишизм выступает с наибольшей ясностью в господствующем товаре товарного мира — в деньгах. Золотой телец кажется истинным владыкой капиталистического мира. Неудивительно, что первые теоретики товарного хозяйства — меркантилисты — признали золото единственной абсолютной формой богатства. На чем основана ценность денег? Это кажется решительной загадкой, но факт возможности приобрести на деньги все что угодно стоит у всех перед глазами. Отсюда вытекает ненасытная жажда денег, характеризующая психологию товаропроизводителя. «Загадка денежного фетиша есть та же загадка товарного фетиша, которая лишь стала вполне видимой и ослепляет взор своим металлическим блеском».

Товарный фетишизм коренится в самой природе товара и потому не исчезает из сознания товаропроизводителей даже тогда, когда загадка товара как фетиша разгадана. Сложные общественные отношения, выражением которых является товарная цена, скрыты от сознания товаровладельца. Отсюда возникает необходимость рассматривать цену не как общественное отношение, но как свойство вещи, товара. Таким образом, товар как бы получает в придачу к своим физико-химическим свойствам, которыми он обладает в качестве материального тела, еще новое общественное свойство — ценность. На самом же деле ценность отнюдь не есть свойство товара, как материальной вещи, а определенное общественное отношение, отношение затраты человеческого труда.

Товарный фетишизм коренится в основной товарохозяйственной категории — ценности, ибо ценность есть *вещное* выражение *общественных* отношений. Экономическая критика вскрывает тайну товара, как фетиша, объясняет происхождение товарного фетишизма, показывает иллюзию, которая лежит в его основании, но самой иллюзии убить не может. Луна на горизонте кажется нам большего

диаметра, чем посреди неба. Мы знаем, что это иллюзия, но поддаемся обману чувства; но все наше знание бессильно развеять иллюзию и изменить обманчивые представления. То же следует сказать и о товарном фетишизме. Открытие закона ценности, объяснение товарного фетишизма составляет, по словам Маркса, «эпоху в историческом развитии человечества, но отнюдь не рассеивает вещной видимости общественных свойств труда. Определение величины ценности рабочим временем есть тайна, скрытая под явными движениями относительных ценностей товаров. Раскрытие этой тайны устраняет видимую случайность в определении величины ценности продуктов труда, но нисколько не устраняет ее вещной формы».

Однако кто понял тайну товарного фетишизма, того эта иллюзия не может ввести в обман. Иное следует сказать о буржуазной политической экономии, всецело остающейся во власти указанной иллюзии, порождающей такие проникнутые фетишизмом учения, как учение о способности средств производства создавать процент, земли — создавать ренту и т.п. Один из экономистов, находившихся во власти товарного фетишизма, даже прямо заявил, что «ценность, есть свойство вещи, богатство же (потребительная ценность) есть свойство человека... Жемчужина или алмаз имеют ценность как жемчужина или алмаз». Но, — замечает по этому поводу Маркс, — «до сих пор еще ни один химик не открыл меновой ценности в веществе жемчуга или алмаза».

Вещи самой по себе столь же чужда ценность, сколь чужды божеские свойства сделанному дикарем деревянному чурбану. И если для товаропроизводителя вещь является ценностью, а деревянный чурбан для дикаря богом, то это лишь потому, что в среде самих товаропроизводителей (а отнюдь не вещей), имеются общественные отношения, выражаемые категорией ценности, а среди дикарей (а не чурбанов), имеются условия, заставляющие дикарей обоготворять чурбаны.

Какое же общественное отношение выражается ценностью? Отношение общественного труда, взаимной работы членов общества друг на друга, и притом работы не непосредственной, но при посредстве обмена продуктами труда, становящимися в силу этого товарами. Присущая всякому хозяйству категория трудовой затраты тем отличается от исторической категории ценности, что последняя

предполагает *материальное* выражение трудовой затраты в продукте труда. Отсюда вытекает товарный фетишизм, своеобразный общественный мираж, который исчезнет лишь с падением товарного хозяйства.

«Общественный процесс жизни, т.е. материальный процесс производства лишь тогда сбросит с себя мистическое покрывало, когда он как продукт свободно соединившихся людей станет под их сознательный и планомерный контроль. Но для этого требуется такая материальная основа общества или такой ряд материальных условий его существования, которые в свою очередь являются лишь естественным продуктом долгого и мучительного исторического развития».

Мистическое покрывало окутывает собой все социальные отношения, возникающие на почве товарного производства. Отличительной категорией капиталистического строя является капитал. Капиталистическое хозяйство есть доведенное до своего завершения товарное хозяйство, такое товарное хозяйство, в котором не только продукты человеческого труда, но и сама рабочая сила человека становится свободно отчуждаемым товаром. Что же такое капитал?

Прежде всего капитал не есть вещь и не есть свойство вещи, подобно тому, как ценность не есть вещь и не есть свойство вещи.

«Накопленный труд, служащий для нового производства — вот что такое капитал.» Так говорят экономисты.

Что такое раб негр? Человек черной расы. Один ответ стоит другого.

Негр есть негр. Но только при известных условиях он становится рабом. Бумагопрядильная машина есть машина для прядения хлопка. Но только при известных условиях она становится капиталом. Вне этих условий она настолько же не капитал, насколько золото само по себе не составляет еще денег».

Если бы орудие труда само по себе было капиталом, в таком случае капиталистическое хозяйство было бы не исторической, переходящей, а постоянной и неизменной формой хозяйства. Нужно было бы говорить о капиталистах каменного периода, когда человек начал пользоваться орудиями труда.

Нет, капитал не есть та или иная вещь. Как ценность есть некоторое общественное отношение, скрытое под

маской товара, так и капитал есть некоторое общественное отношение, скрытое под вещной маской.

Коротко говоря, капитал есть ценность, приобретающая в силу известных общественных отношений способность к самовозрастанию. Капитал есть ценность, которая создает в пользу своего собственника некоторый избыток ценности. Это приращение, этот излишек ценности Маркс называет *прибавочной ценностью.*

Существование такой прибавочной ценности не подлежит сомнению. В наиболее упрощенной форме прибавочная ценность проявляется в виде ростовщического или ссудного процента. Ростовщический капитал есть вместе с тем одна из древнейших форм капитала. Античному миру была хорошо знакома (и надо прибавить, была ненавистна) фигура ростовщика, ссужающего свои деньги и получающего их обратно с прибавкой огромного процента. В ссудном капитале загадка прибавочной ценности выступает наиболее ярко. Капиталист бросает в обращение определенную сумму денег — и через некоторое время сумма эта возвращается к своему исходному пункту в увеличенном виде, создается прибавочная ценность, которая и поступает в распоряжение капиталиста. Откуда же берется эта прибавочная ценность? Не порождает ли ее сам капитал, подобно тому, как курица кладет яйца или как на яблоне растут яблоки?

В ссудном капитале капиталистический фетиш достигает своей наиболее законченной формы, подобно тому как товарный фетиш достигает полноты своего развития в деньгах. Как ценность кажется естественным свойством денежного металла, так и способность создавать процент кажется свойством ссудного капитала. Мистическая оболочка совершенно скрывает в ссудном капитале его общественное содержание. Ослепленные чудесной способностью ссудного капитала порождать процент, экономисты доходили иногда в своих расчетах самовозрастающей силы капитала до геркулесовых столбов нелепости. Вспомним, например, знаменитые соображения экономиста XVIII века Ричарда Прайса о погашении английского национального долга.

Достаточно положить на продолжительный срок ничтожный капитал для возрастания по сложным процентам, и самый огромный долг будет погашен, — так учил Прайс, ослепленный силой самовозрастания капитала. «Пенни, выданный в ссуду при рождении Спасителя и

возрастающий по сложным процентам из 5%, превратился бы к настоящему времени в сумму денег, превосходящую по своим размерам 150 миллионов земных шаров, состоящих из чистого золота». Какой безделицей сравнительно с этими фантастическими золотыми мирами является английский национальный долг! Нужно только предоставить полный простор самовозрастающей силе капитала — и труднейшие финансовые вопросы будут разрешены шутя.

Капитал-фетиш, капитал, несущий золотые яйца, рождающий сам из себя процент, находит свое наиболее яркое и наглядное выражение в ссудном капитале. Но чтобы понять тайну процента, чтобы разгадать капиталистический мираж, нужно обратиться к другим формам капитала. Подобно тому, как в товаре скрыта разгадка денежного фетиша, так и разгадку капитала-фетиша нужно искать не в ссудном, а в промышленном капитале. Промышленный капитал выступает на историческую арену гораздо позже ростовщического и торгового капитала. Торговый капитал появляется одновременно с ростовщическим, но эра капиталистического способа производства начинается лишь с XVI века. Несмотря на свое позднее появление, промышленный капитал есть капитал по преимуществу. Пока ростовщический и торговый капитал были единственно известными формами капитала, до тех пор общий строй народного хозяйства не был капиталистическим. Ростовщик и торговец представляют собой характерные фигуры хозяйственного мира древних и средних веков, но не они определили собой общий тип античного и средневекового хозяйства. Пока ростовщический процент был главнейшей формой капиталистического дохода, до тех пор капиталистический доход признавался общественным мнением противоестественной и безнравственной формой дохода. И только с тех пор, как капиталистический способ производства преобразовал все основы хозяйства, общественное правосознание перестало возмущаться капиталистическим доходом.

Откуда же возникает прибыль промышленного капиталиста? Ответ на этот вопрос даст нам решение всей загадки прибавочной ценности.

Не возникает ли прибавочная ценность из самого обращения товаров, из того, что товары продаются по ценам, превышающим действительные ценности? Если бы это было так, то выигрыш одного капиталистического предприни-

мателя был бы равносилен убытку другого. Капиталисты в своей совокупности, как класс, ничего не выигрывали и не проигрывали бы — только отдельные представители класса были бы в выгоде или в убытке. Но так как капиталисты, как общественный класс, извлекают прибавочную ценность, то, следовательно, источником прибавочной ценности не может быть обращение товаров, несовпадение цены и ценности товаров.

Остается искать источник прибавочной ценности в производстве товаров. Приступая к производству, капиталист должен приобрести товары двоякого рода: во-первых, средства производства, которые не могут создать никакой новой ценности, только переносят на продукт ценность, заключенную в них самих; и во-вторых, рабочую силу человека, которая является источником всякой ценности. Ценность человеческой рабочей силы определяется на товарном рынке так же, как и всякого иного товара — трудовая стоимость производства товара рабочей силы и есть его ценность. Приобретши этот товар на рынке, капиталист приобретает и право пользования им. Допустим, что ценность товара рабочей силы равна 6 часам в сутки, т.е. что ежедневно требуется шестичасовой труд для поддержания работоспособности и жизни рабочего и его семьи. Если рабочий будет работать в пользу капиталиста те же 6 часов, то капиталист получит от рабочего такую же ценность, какую он сам выдал рабочему в виде заработной платы; иными словами, никакой прибавочной ценности не возникает. Но ничто не обязывает капиталиста ограничить рабочий день таким коротким сроком. Он купил право пользования рабочей силой в течение всего дня и, естественно, постарается извлечь возможно большую выгоду из своего права. Если он заставит рабочего работать 12 часов в сутки, то это будет вполне согласно с условиями рабочей сделки. В 12 часов рабочий создает в пользу капиталиста двенадцать единиц ценности, расход же капиталиста на приобретение рабочей силы выразился 6 единицами ценности. Разница в 6 единиц ценности есть чистый выигрыш нашего капиталиста — прибавочная ценность, извлеченная им из капиталистического процесса производства.

Итак, тайна прибавочной ценности раскрыта. Рабочий работает в пользу капиталиста более продолжительное время, чем то, которое требуется для восстановления полученной им заработной платы. Этот неоплаченный капита-

листом прибавочный труд и есть источник прибыли капиталиста.

Мы видим, таким образом, что прибавочная ценность отнюдь не есть создание средств производства. Средства производства существовали всегда с тех пор, как человек возвысился над чисто животным состоянием, но средства производства превратились в капитал лишь с того времени, как на товарном рынке появился новый род товаров — человеческая рабочая сила. Для этого же, в свою очередь, требуется определенные социальные отношения, возникающие путем исторического развития. Чтобы продавать свою рабочую силу, рабочий должен быть, во-первых, лично свободен, так как можно продавать лишь то, на что имеешь право собственности (раб не мог себя продавать, так как был сам собственностью господина). Вторым условием появления на рынке товара-рабочей силы является невозможность для рабочего продавать что-либо, кроме своей рабочей силы, отсутствие у него средств производства. Рабочий должен быть, следовательно, свободен в двояком смысле: свободен лично и свободен от средств к существованию. Ему противостоит капиталист, располагающий средствами производства и готовый приобрести рабочую силу нашего пролетария, но, конечно, не из филантропии, а с вполне ясным коммерческим расчетом — извлечь из рабочего возможно большую сумму прибавочного труда.

Теперь нам ясно, какое общественное отношение скрыто под вещной маской капитала: отношение присвоения владельцами средств производства, без соответствующего эквивалента, более или менее значительной части общественного труда и общественного продукта — присвоения, вытекающего из капиталистической купли-продажи труда, работы по найму в пользу капиталиста.

Капиталист начисляет свою прибыль на весь затраченный в производстве капитал, как на ту долю капитала, которая превратилась в рабочую силу, так и на средства производства. Но средства производства играют в образовании прибавочной ценности пассивную роль — они только переносят на готовый продукт свою ценность, не создавая новой ценности, поэтому Маркс называет их *постоянным* капиталом. Напротив, рабочая сила, занятая в процессе производства, создает большую ценность, чем та, которая была потрачена на приобретение рабочей силы; поэтому эту часть капитала Маркс называет *переменным* капита-

лом. Лишь труд создает прибавочную ценность, а следовательно, и прибыль капиталиста. Отношение прибавочной ценности к переменному капиталу образует собой *уровень прибавочной ценности*. Очевидно, уровень прибавочной ценности должен быть выше уровня прибыли (т.е. отношения прибавочной ценности, образующей прибыль, ко всему затраченному капиталу).

Капиталистическая прибыль есть одна из форм прибавочной ценности, но совершенно неправильно отождествлять прибавочную ценность с прибылью. Капиталистический предприниматель не имеет никакой возможности присвоить себе всю прибавочную ценность, выкачанную им из рабочего. Только часть этой прибавочной ценности остается в руках промышленного капиталиста и образует его прибыль, остальная же часть распределяется между другими классами общества. Капиталист-торговец требует своей доли в прибавочной ценности и получает ее, покупая товар у промышленного капиталиста по пониженной цене сравнительно с истинной ценностью товара; продавая товар потребителю по его истинной ценности, торговец сохраняет в свою пользу разницу в цене и таким образом реализует свою прибыль. Если капиталистический предприниматель ведет свое предприятие при помощи заемного капитала, то его кредитор, денежный капиталист, получает свою долю прибавочной ценности в виде ссудного процента, который должен уплачивать кредитору наш предприниматель. Земельная рента есть доля прибавочной ценности, уплачиваемая землевладельцу арендатором и реализуемая им в цене продукта земли. Точно также налоги, взымаемые государством, представляют собой прибавочную ценность, присваиваемую государством; из прибавочной же ценности черпаются и доходы непроизводительных классов общества, то есть классов, не производящих своим трудом иной ценности. Сюда входят не только праздные лица, но и чрезвычайно полезные работники, труд которых, однако, не имеет хозяйственного характера, как, например, ученые, врачи, судьи, артисты, учителя и пр. Все они живут насчет прибавочной ценности, создаваемой трудом рабочих, занятых в производстве.

Чтобы правильно понять теорию прибавочной ценности, нужно помнить, что она имеет в виду объяснить распределение народного дохода не между отдельными лицами, а между общественными *классами*. Когда мы говорим

о рабочем, промышленном капиталисте, торговце и пр., то всегда нужно подразумевать не отдельного рабочего, промышленника, торговца, но *класс* рабочих, *класс* промышленников и пр. Именно в этом смысле теория прибавочной ценности утверждает, что прибыль капиталиста создается не всем его капиталом, а только переменной частью последнего — рабочей силой, занятой в производстве. Это может быть верно только в применении ко всему классу капиталистов, но отнюдь не к отдельному представителю капиталистического класса.

Распределение прибыли между отдельными капиталистами подчиняется совершенно иным законам, чем создание прибыли всего капиталистического класса. Если бы прибыль каждого капиталиста была пропорциональна создаваемой в данном предприятии прибавочной ценности, то в таком случае процент прибыли в различных предприятиях неминуемо был бы различен, благодаря различию того, что Маркс называет органическим строением капитала, т.е. распределения капитала на постоянную и переменную часть. Чем большую долю капитала составляет его переменная часть, тем выше должен бы быть процент прибыли, так как только переменный капитал создает прибавочную ценность. Но условия капиталистической конкуренции не допускают различия процента прибыли — капиталистические предприятия должны давать в среднем одинаковый процент прибыли как бы ни были велики различия органического строения капитала. Поэтому не подлежит сомнению, что прибыль отдельного капитала отнюдь не пропорциональна создаваемой в данном предприятии прибавочной ценности и не определяется только переменной частью капитала. Маркс представляет процесс образования прибыли в отдельном предприятии следующим образом. Для всего класса капиталистов единственным источником прибыли является прибавочная ценность, создаваемая производительными рабочими. Но отдельные капиталисты распределяют между собой эту прибыль пропорционально всему затрачиваемому капиталу, а не только переменной его части. Капиталисты, в предприятиях которых преобладает переменный капитал, побуждаются конкуренцией уступать часть создаваемой в их предприятиях прибавочной ценности тем капиталистам, в предприятиях которых преобладает постоянный капитал. Таким образом, путем перераспределения прибавочной ценности между

отдельными капиталистами осуществляется основной капиталистический закон равенства прибылей. Прибыль каждого отдельного капиталиста зависит в такой же мере от постоянного как и переменного капитала, но для всего капиталистического класса труд рабочих, занятых в производстве, иначе говоря — переменный капитал, есть единственный источник прибыли.

Теория прибавочной ценности вскрывает нам тайну капитала-фетиша, высшим выражением которой является чудесная способность ссудного капитала к самовозрастанию, созданию процента. Если мы обратимся к хозяйственным эпохам, предшествовавшим капитализму, то увидим тот же прибавочный труд, но без всякого мистического покрывала. «Весь мистицизм товарного мира, все то волшебство и колдовство, которое окружает продукты труда, производимые на основе товарного производства, исчезают тотчас как только мы обращаемся к другим формам производства». Возьмем, например, античную организацию хозяйства, покоившуюся на рабском труде. Может ли прийти в голову господина или раба сомнение, что господин не живет за счет труда раба? То же следует сказать и о средневековом строе, когда рабочий был крепостным своего сеньора. «Крепостной труд так же хорошо измеряется временем, как и труд, производящий товары; но каждый крепостной знает, что он тратит определенное количество своей личной рабочей силы на службе своего господина». Когда три дня в неделю крестьянин работает на своем поле, а три дня на помещичьем, то существование прибавочного труда очевидно для всех.

«Капитал не изобрел прибавочного труда. Везде, где одна часть общества имеет монополию на средства производства, рабочий, свободный или несвободный, должен к рабочему времени, необходимому для поддержания его собственной жизни, прибавить излишнее рабочее время идущее на производство средств существования для владельца, средств производства, будет ли это афинский нуадо, этрусский теократ, римский гражданин (civis romanus), норманский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лэндлорд или капиталист». Но капитал скрыл прибавочный труд под специфической капиталистической категорией прибавочной ценности. Благодаря этому возникла иллюзия, будто капиталистическая прибыль, процент на капитал, создается не неоплаченным, прибавоч-

ным трудом рабочего, но самими средствами производства. Эксплуатация крепостного помещиком бросается в глаза; напротив, капиталист и рабочий кажутся равноправными участниками гражданской сделки, купли — продажи рабочей силы. Сделка эта юридически вполне подобна всякой другой товарной сделке; и как при обмене пшеницы на сукно нет основания предполагать эксплуатацию одной стороны другой, так и при купле-продаже рабочей силы эксплуатация рабочего капиталистом совершенно скрывается под обманчивой видимостью гражданской равноправности обоих участников договора. Но это юридическое равенство есть только правовая оболочка экономического неравенства. Капиталистический способ производства точно также основывается на присвоении прибавочного труда, как и предшествующие ему способы производства — рабский и крепостной.

Таково существенное содержание теории ценности и прибавочной ценности Маркса. Переходим теперь к его теории развития капиталистического хозяйства.

Прежде всего устраним одно недоразумение. Многие думают, что социальные требования Маркса логически связаны с теорией прибавочной ценности. Против этого энергично протестовал Энгельс. Не на теории прибавочной ценности, а на теории развития капиталистического строя, представляющей собой обобщение реальных исторических фактов нашего времени, покоится, по мнению Энгельса, система практической политики марксизма, столь могущественно повлиявшая на современное рабочее движение.

В предисловии к I тому «Капитала» Маркс говорит, что его главной задачей является открытие «экономического закона движения современного общества». По своему социальному идеалу творец «Капитала» был последователем утопических социалистов. Утописты не только создали этот идеал, но и подвергли острой и смелой критике господствующий социальный строй — капиталистическое хозяйство. Тем не менее, путь, ведущий от общества нашего времени к обществу будущего, оставался туманным и неясным. Мир будущего является в изображении утопистов таким глубоким контрастом сравнительно с миром настоящего, что казалось непонятным, как переберется человечество через бездну, отделяющую оба эти мира. Кто выведет человечество из «дома сумасшедших», в который оно

заключено теперь, по словам Оуэна? Фурье дал поразительно яркую картину «пороков цивилизации», но где же найти в цивилизованном обществе силы, способные рассечь «порочный круг» цивилизации, как железными тисками сковывающий общественную жизнь и общественное развитие? Утописты черпали свое вдохновение в противопоставлении светлого, лучезарного, гармоничного будущего темному и мрачному настоящему. Однако в практической политике приходилось исходить из того самого классового общества, из того самого «сумасшедшего дома», все ужасы которого так гениально изобразили утописты. Нужно было указать в капиталистическом обществе элементы и силы, способные осуществить великое социальное преобразование, к которому с таким энтузиазмом утописты призывали человечество.

Для решения этой задачи требовалось открыть «закон движения современного общества», к чему и стремился Маркс. Путем обобщения реальных фактов исторического развития Маркс попытался выяснить, в каком направлении идет это развитие, какие новые общественные формы с железной необходимостью вырастают из недр старого общества. При этом Маркс естественно исходил из своей философии истории — из доктрины социального материализма, признающей основным и решающим моментом социального прогресса развитие материальных условий хозяйственного труда. Если хозяйственное развитие определяет собой все остальное, то нарождение нового общественного строя должно быть результатом закономерного развития формы хозяйства, господствующей в настоящее время. Таковой является капитализм. Отсюда получался вывод, что движущие силы грядущего социального преобразования должны быть созданы развитием капиталистического хозяйства.

Таким образом проблема осуществления капиталистического строя была сведена социальным материализмом к открытию закона развития капиталистического способа производства. В наличности такого развития нельзя было сомневаться. Уже самое поверхностное наблюдение новейшей хозяйственной истории обнаруживало глубокие последовательные изменения, которые претерпевает капиталистическое хозяйство. В сочинениях утопистов (особенно у Фурье) было разбросано множество отдельных указаний на общее направление капиталистического раз-

вития. Но заслуга построения законченной и систематической теории развития современного хозяйственного строя несомненно принадлежит Марксу.

Капиталистический способ производства отмечает собой новейший фазис в прогрессивном развитии человечества. Капиталистическому производству предшествовало мелкое самостоятельное производство, с одной стороны, и принудительное производство, основывающееся на крепостных отношениях, с другой. Обе эти формы производства с чисто технической стороны стоят несравненно ниже капитализма. Буржуазия сыграла в высшей степени прогрессивную роль в истории человечества. «Буржуазия, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Она безжалостно порвала разнообразные феодальные узы, которые связывали человека с человеком, и не оставила между людьми никакой иной связи, кроме голого интереса, кроме бесчувственной «уплаты наличностью». «Буржуазия в течение своего менее чем столетнего классового господства создала более всеобъемлющие и колоссальные производительные силы, чем все предшествующие поколения в совокупности. Подчинение сил природы, введение машин, применение химии к промышленности и земледелию, паровое судоходство, железные дороги, электрический телеграф, подчинение культуре целых частей света, улучшение рек, внезапно выросшие из земли целые народы — какой из предшествующих веков мог предчувствовать, что такие огромные производительные силы таятся в недрах общественного труда!»

Но эти изумительные успехи были куплены дорогой ценой — ценой разорения и пролетаризации огромных масс населения. Развитие капиталистического способа производства равносильно уничтожению мелкого производства. Мелкое производство было господствующей формой промышленности в докапиталистическое время. Капитализм экспроприировал мелкого производителя, лишил его орудий производства и сделал из прежнего самостоятельного ремесленника, крестьянина, кустаря наемного слугу капитала.

Однако чем шире развивается капиталистическое производство, чем полнее оно охватывает все роды общественного труда, тем ярче выступает коренное противоречие, заложенное в самом существе капиталистической

формы хозяйства. При господстве мелкого производства форма присвоения, форма собственности была в полной гармонии со способом производства. Собственность была индивидуальной, и таким же индивидуальным было и производство. Напротив, в капиталистическом хозяйстве производство принимает все более общественный характер, а собственность остается по-прежнему индивидуальной. Никто из отдельных рабочих, занятых на фабрике, не может сказать: «это мой продукт, я это сделал», ибо всякий продукт», создаваемый фабрикой, есть результат общей работы многих лиц. Но этот общий продукт многих поступает в частную собственность одного — капиталиста. Таково неустранимое противоречие капиталистического способа производства. И «чем больше новый способ производства подчиняет своей власти различные отрасли промышленности, чем больше он низводит до жалких остатков прошлого прежнее единоличное производство, тем ярче выступает наружу, несовместимость общественного производства с капиталистическим присвоением».

В то же время, в пределах самой капиталистической промышленности происходит чрезвычайно многозначительная перемена. Законы капиталистической конкуренции (благодаря большей производительности крупного производства), требуют постоянного расширения оборотов капиталистического предприятия. Средством для этого служит капитализация большей или меньшей доли прибыли. Таким образом, происходит то, что Маркс называет *аккумуляцией* средств производства — увеличение размера капиталистического предприятия путем накопления капитала. От аккумуляции средств производства следует отличать их *централизацию* — слияние нескольких или многих капиталов в один капитал. В первом случае каждый капитал растет собственными средствами — один капитал не поглощает другого. Во втором случае происходит уничтожение индивидуальной самостоятельности капиталов — «превращение многих мелких капиталов в небольшое число крупных. Этот процесс тем отличается от первого, что он предполагает лишь изменение в распределении имеющихся уже и функционирующих капиталов, и что его поле действия не ограничено, следовательно, абсолютным ростом общественного богатства или абсолютными границами накопления. Капитал нарастает в одних руках *здесь*, потому что *там* он исчез из многих рук».

Централизация капиталов вызывается конкуренцией капиталистических предприятий между собой. Капиталистический мир не знает мира — в нем кипит неустанная ожесточенная борьба, в которой сильный экспроприирует слабого, и капитал побежденного становится прекраснейшим трофеем победителя. «Независимо от этого с развитием капиталистического производства создается новая сила — кредит, который в начале робко прокрадывается в виде скромного пособника накопления, невидимыми нитями стягивает в руки индивидуальных капиталистов или ассоциаций капиталистов денежные средства, рассеянные на поверхности общества в больших или меньших массах; но вскоре становится новым и страшным орудием конкуренции и наконец превращается в громадный социальный механизм для централизации капиталов».

Конкуренция капиталов и кредит являются двумя могущественнейшими рычагами централизации. Централизация довершает дело накопления, давая возможность промышленным капиталистам расширять размеры своих операций. «Будет ли этот последний результат следствием накопления или централизации, произойдет ли централизация насильственным путем присоединения, при котором некоторые капиталы становятся такими сильными центрами притяжения для других, что побеждают их индивидуальное сцепление и притягивают к себе их разрозненные куски, или же слияние массы уже образовавшихся или еще образующихся капиталов произойдет более гладким путем, посредством образования акционерных обществ — экономическое действие от этого не изменится».

Без помощи централизации образование очень крупных капиталистических предприятий было бы почти невозможно. «Мир оставался бы еще и до сих пор без железных дорог, если бы ему пришлось ждать, пока накопление поставит отдельные капиталы в возможность построить железную дорогу. Централизация же, напротив, произвела это сразу посредством акционерных компаний».

Аккумуляция и централизация средств производства чрезвычайно повышают производительность общественного труда. Но чем могущественнее производительные силы капитала, тем большее значение в жизни капиталистического общества приобретает другое основное противоречие капиталистического способа производства — «противоречие между организованностью производства в отдельной

фабрике и анархией производства во всем обществе». На почве обоих указанных противоречий капитализма возникают периодические промышленные кризисы, от которых так жестоко страдает капиталистическое хозяйство. «В кризисах противоречие между общественным характером производства и капиталистическим присвоением насильственно прорывается наружу. Товарный обмен как бы уничтожается; орудие обращения — деньги — становится препятствием обращению, все законы производства и обращения товаров превращаются в свою противоположность. Экономическая коллизия достигает своего апогея: способ производства восстает против способа обмена, производительные силы восстают против способа обмена, который они переросли».

Капиталистическая промышленность принуждена с роковой неизбежностью повторять один и тот же цикл развития: за спокойным состоянием идет оживление промышленности, затем следует промышленная горячка, неизбежно заканчивающаяся крахом и кризисом, после которого та же история начинается сызнова.

«Как небесные тела, будучи раз приведены в известное движение, неизменно повторяют его, так и общественное производство, раз оно брошено в это движение попеременного расширения и сокращения, также постоянно повторяет его... До настоящего времени период этих циклов составляет 10 — 11 лет, но нет никакого основания считать эту величину постоянной. Наоборот, на основании законов капиталистического производства следует предположить, что она изменяется и что продолжительность циклов будет постепенно сокращаться».

Таким образом, Марксу рисуется в будущем хронический кризис, который совершенно остановит движение капиталистического производства и этим нанесет смертельный удар всему капиталистическому строю. «Тот факт, что общественная организация производства в пределах фабрики должна достигнуть пункта, на котором она становится несоединимой с сопутствующей ей анархией производства в целом обществе — этот факт обнаруживается самим капиталистам в насильственной концентрации капиталов, совершающейся во время кризисов путем разорения многих крупных, а еще более мелких капиталистов. Весь совокупный механизм капиталистического способа производства отказывается работать под давлением созданных им

самим производительных сил. Он не может превратить в капитал всю эту массу средств производства, они остаются без употребления. Таким образом, капиталистический способ производства приводится, с одной стороны, к сознанию собственной неспособности к дальнейшему руководительству производительными силами общества. С другой же стороны, эти самые производительные силы стремятся с нарастающей силой к разрешению этого противоречия, к своему освобождению от капиталистической оболочки, к фактическому признанию за ними их характера общественных производительных сил».

«Современное буржуазное общество, создавшее такие могущественные средства производства и сообщения, походит на волшебника, который не может совладать с подземными силами, вызванными им самим. Уже в течение многих десятков лет история промышленности и торговли есть история возмущения современных производительных сил против современных отношений производства, против современных отношений собственности, которые суть условия жизни и господства буржуазии... Производительные силы, которые находятся в распоряжении общества, не могут более содействовать развитию буржуазных отношений собственности, наоборот, они становятся слишком могущественными для этих отношений, они связываются последними: преодолевая эти узы, производительные силы приводят в расстройство все буржуазное общество, подвергают опасности самое существование буржуазной собственности. Буржуазные отношения становятся слишком узкими, чтобы охватить создаваемое ими богатство. Каким путем преодолевает буржуазия кризисы? С одной стороны, путем насильственного уничтожения массы производительных сил, с другой же стороны, путем захвата новых рынков и более глубокого использования старых. Другими словами, путем приготовления новых и более могущественных кризисов и путем сокращения средств борьбы с этими кризисами. Таким образом, оружие, которым буржуазия повергла в прах феодализм, обращается теперь против самой буржуазии».

Итак, чисто экономические силы, заложенные в капиталистической организации общественного хозяйства, влекут ее с роковой необходимостью к превращению в социалистическое хозяйство. Рядом с этими слепыми, стихийными силами хозяйственного развития действуют в том же

направлении и сознательные, социальные силы, порождаемые тем же процессом капиталистического развития. Капитализм не только приходит к экономическому конфликту, неразрешимому на почве существующей организации хозяйства и требующему обобществления средств производства, но тот же капитализм создает и общественный класс, непосредственно заинтересованный в таком обобществлении. Этим классом является пролетариат.

Огромную историческую заслугу капитализма составляет вызванный новым способом производства гигантский подъем производительности общественного труда. Но чем выше подымается общественное богатство, тем ниже падает тот, кто создает это богатство — рабочий.

Ухудшение положения рабочего есть необходимое следствие основного закона капиталистического накопления — того, что по мере успехов техники все меньшая доля капитала превращается в заработную плату, и все большая — в средства производства. Переменный капитал образует все меньшую долю всего общественного капитала, а так как спрос на рабочие руки создается лишь переменным капиталом, то, следовательно, и спрос на рабочие руки, по отношению ко всему общественному капиталу, должен падать (абсолютно он возрастает, но возрастает, согласно сказанному, гораздо медленнее роста общественного капитала и общественного богатства). «Капиталистическое накопление постоянно создает пропорциональное своей энергии и своим размерам относительно, т.е. для потребностей капитала в самовозрастании, излишнее рабочее население».

«Крепостной, несмотря на господство крепостного права, достиг того, что стал членом общины, подобно тому, как мелкий буржуа стал крупным буржуа, несмотря на иго феодального абсолютизма. Напротив, современный рабочий, вместо того, чтобы подниматься с успехами промышленности, падает все ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится нищим, и нищета растет быстрее населения и богатства. Все более становится очевидным, что буржуазия неспособна оставаться господствующим классом в обществе, так как она неспособна обеспечить существование своему рабу в пределах его собственного рабства, так как она не имеет возможности воспрепятствовать такому падению этого раба, при котором он сам поступает на содержание буржуа, вместо того,

чтобы содержать ее».

«Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, мук труда, рабства, невежества, одичания и нравственного падения на противоположном полюсе, т.е. на стороне класса, производящего свой собственный продукт в виде капитала». Законы капиталистического производства вызывают образование избыточного населения, которое, как свинцовая гиря, все глубже и глубже затягивает рабочего в безвыходную трясину нищеты. «Рабочее население, вместе с производимым им же самим накоплением капитала, создает в возрастающих размерах средства, делающие часть населения избыточной. Это есть закон народонаселения, характерный для капиталистического способа производства; вообще всякому историческому способу производства свойственны особые законы народонаселения, имеющие историческое значение. Абстрактный закон народонаселения существует только для растений и животных до тех пор, пока они не подвергаются историческому влиянию человека».

В чем же заключается закон народонаселения капиталистического способа производства? В том, что этот способ производства по неизменным экономическим, социальным (но не естественным, физиологическим) законам порождает избыточное население, для которого нет места ни в общественном труде, ни в общественном потреблении совершенно независимо от того, каким темпом идет размножение населения. Это избыточное население образует промышленную резервную армию капитализма, без которой капиталистический способ производства со свойственными ему периодическими сокращениями и расширениями производства не мог бы существовать. Всякое сокращение производства неизбежно выталкивает на мостовую тысячи рабочих, которые опять возвращаются к активной службе капиталу при оживлении промышленности, предшествующем кризису. Капитал, попеременно, то притягивает, то отталкивает рабочих. Без промышленной резервной армии капиталистическая промышленность не могла бы быстро расширять производство при оживлении рынка, что является, в свою очередь, условием существования капиталистической промышленности любой страны, конкурирующей на мировом рынке. Поэтому промышленный резерв столь же необходим капиталу, как необходим военный резерв государству, охраняющему силой ору-

жия свои интересы. «Характерный жизненный путь современной промышленности... покоится на постоянном образовании, большем или меньшем поглощении и новом образовании промышленной резервной армии. В свою очередь, превратности промышленного цикла создают человеческий материал для перенаселения и служат одним из самых энергичных факторов его воспроизведения».

Но кроме этого перенаселения, находящегося в связи с фазисами промышленного цикла, капитализм создает и иные формы избыточного населения. Маркс указывает три такие формы — текучее, скрытое и стационарное перенаселение. *Текучее* перенаселение вызывается неодинаковостью спроса, предъявляемого капиталистическим производством на различные возрастные группы рабочих. Наибольшим спросом со стороны капиталистической промышленности пользуется несовершеннолетний труд, благодаря чему массы рабочих теряют работу по достижении совершеннолетия и входят в состав текучего избыточного населения; из них вербуется главная армия эмигрантов. Далее, капитал чрезвычайно быстро потребляет рабочую силу человека. Рабочий, приближающийся к старости, более не нужен капиталу, и также становится элементом текучего перенаселения.

Существование *скрытого* перенаселения в капиталистическом обществе всего ярче обнаруживается постоянным притоком рабочих из деревни в город. Этот приток не мог бы иметь места, если бы в деревне не имелся постоянный контингент скрытого избыточного населения — рабочих, не находящих себе занятия в деревне и ожидающих только благоприятного момента, чтобы покинуть родную деревню, не обеспечивающую заработка, и перейти в город.

Третью, *стационарную* форму перенаселения образует собой многочисленная группа хронических безработных или же рабочих, работающих крайне нерегулярно, изредка и случайно. Из этой группы вербуются рабочие в домашней промышленности, в пределах которой капиталистическая эксплуатация достигает своих крайних пределов... Сюда же входит и низший слой современного общества — бродяги, преступники, проститутки, нищие. «Нищие представляют собой инвалидный дом активной рабочей армии и балласт промышленной резервной армии. Чем больше общественное богатство, чем значительнее функциониру-

ющий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно чем больше и абсолютная величина пролетариата и производительная сила труда, тем больше промышленная резервная армия. Рабочая сила, готовая к услугам капитала, развивается вследствие тех же причин, что и сила расширения капитала. Относительная величина промышленной резервной армии возрастает, следовательно, вместе с силами общественного богатства. Но чем больше эта резервная армия в сравнении с активной рабочей армией, тем больше стационарное перенаселение, а нужда его жертв обратно пропорциональна мукам их труда. Наконец, чем больше инвалидов и пр.- этих Лазарей рабочего населения — и вообще, чем значительнее вся промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. *Это — абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления.*

К чему же должно привести это накопление нищеты, сопутствующее росту богатства, рост пролетариата, все более погружающегося в бедность, по мере того, как сокращающаяся группа капиталистов сосредоточивает в своих руках все более колоссальные средства производства? Капиталистическому способу производства предшествовало мелкое производство, достигшее наибольшего процветания «только там, где рабочий является свободным частным собственником своих условий труда, которые он сам пускает в ход, крестьянин — собственником земли, которую он обрабатывает, ремесленник — собственником орудий, с которыми он справляется, как виртуоз с инструментом. Этот способ производства предполагает раздробление земли и других средств производства. Он исключает как концентрацию последних, так и кооперацию, т.е. он не допускает разделения труда внутри одного и того же процесса производства, общественного господства над природой и управления ее силами, свободного развития общественных производительных сил. Он совместим только с очень узкими, стихийными рамками производства и общества. Увековечить его, значило бы... декретировать всеобщую посредственность. На известной степени своего развития он сам порождает материальные средства своего уничтожения... Его уничтожение, превращение индивидуальных и разрозненных средств производства в концентрированные и общественные, т.е. мелкой собственности многих в крупную собственность немногих, отнятие средств существова-

ния и орудий труда у народных масс, эта ужасная экспроприация народной массы составляет доисторический период в жизни капитала».

Но экспроприировав мелких производителей, капитал еще не завершает своего развития. За экспроприацией рабочего следует экспроприация самого капиталиста капиталистом же. «Один капиталист побивает многих». Средства производства концентрируются в руках все меньшей и меньшей группы капиталистов. «Вместе с постоянным уменьшением числа капиталистов-магнатов... увеличивается масса нищеты, угнетения, рабства, но, с другой стороны, увеличивается также и сопротивление постоянно возрастающего рабочего класса, вышколенного, объединенного и организованного механизмом самого капиталистического способа производства. Монополия капитала превращается в путы для дальнейшего развития того способа производства, который развивался вместе с ней и под ее господством. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такой точки, на которой они становятся несовместимыми с капиталистической частной собственностью. Экспроприаторы экспроприируются».

«Капиталистический способ производства... есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство создаёт с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, но индивидуальную собственность на основе всех приобретений капиталистической эры, на основе кооперации и общественного владения землей и средствами производства».

«Превращение раздробленной частной собственности, основанной на собственном труде производителей, в капиталистическую есть, конечно, процесс несравненно более продолжительный, тяжелый и трудный, чем превращение капиталистической собственности, фактически уже покоящейся на общественном производстве, в собственность общественную. Там дело шло об экспроприации народных масс немногими узурпаторами, здесь же идет дело об экспроприации немногих узурпаторов народными массами».

Резюмируя все сказанное, мы можем свести теорию развития капиталистического строя, разработанную Марк-

сом и отчасти Энгельсом, к следующим положениям:

1) Рост капиталистического производства непосредственно вызывает уничтожение мелкого самостоятельного производства. Прежние мелкие самостоятельные производители становятся наемными рабочими капиталистов и пополняют собой ряды пролетариата.

2) Соответственно этому производство принимает все более общественный характер, и все ярче выступает наружу несовместимость общественного производства с капиталистическим присвоением.

3) В среде капиталистического производства происходит аккумуляция и централизация средств производства. Общественное богатство все более сосредоточивается в руках сокращающейся кучки капиталистов-магнатов.

4) Периодические промышленные кризисы с возрастающей силой приводят в расстройство капиталистическое хозяйство. В кризисах обнаруживается неспособность капитализма руководить общественным процессом производства и неизбежность крушения капитализма.

5) Параллельно росту общественного богатства растет при капиталистическом способе производства и нищета рабочего класса. Капиталистический способ производства порождает избыточное население, принимающее различные формы. Промышленная резервная армия является условием существования капиталистического производства.

6) Увеличение нищеты и страданий численно все возрастающего пролетариата сопровождается ростом организации рабочего класса, под влиянием условий самого капиталистического производства.

7) Таким образом, капитализм, с одной стороны, становится тормозом дальнейшего развития производительных общественных сил, с другой же стороны, капитализм организует и общественный класс, непосредственно заинтересованный в превращении капиталистического хозяйства в социалистическое.

В противоположность утопистам Маркс не придавал никакого значения выработке планов будущего социального устройства. Будущий социальный строй явится естественным результатом экономического развития современного строя. Общий характер общественного строя будущего уже и теперь ясен, ибо законы развития капиталистического хозяйства открыты. Что же касается до подробнос-

тей, то они пока еще непредвидимы и определяются конкретной экономической и социальной обстановкой того исторического момента, когда совершится ликвидация капиталистического способа производства.

Практическая программа марксизма (лежащая в основании практической деятельности германской социал-демократии), сводится почти исключительно к политической организации рабочего класса и к политической борьбе за его интересы. Правда, Маркс неоднократно выражал свое сочувствие и профессиональной организации рабочих. Но сочувствие это было совершенно особого рода. Маркс не придавал большого значения рабочим союзам как средству поднятия заработной платы и вообще улучшения положения рабочего класса, и если он признавал желательным распространение такого рода организаций среди рабочего класса, то это лишь потому, что он видел в них могущественное средство классового объединения рабочих. Рабочие союзы превращают борьбу отдельного рабочего с отдельным капиталистом в классовую борьбу рабочего класса с классом капиталистов. Они могут служить опорными пунктами для политической организации рабочего класса, — и только поэтому Маркс считал нужным их поддерживать.

С гораздо меньшим сочувствием Маркс относился к кооперативному движению в его господствующей форме — потребительных обществ.

Женевский конгресс «Интернационала» принял, согласно предложению Маркса, следующую резолюцию по вопросу о кооперативном движении среди рабочих:

«Мы советуем рабочим обратить гораздо больше внимания на кооперативное производство (производительные ассоциации. *М.Т.-Б.*), чем на кооперативные лавки (потребительные общества. *М.Т.-Б.*). Что касается последних, то они лишь поверхностно затрагивают современный хозяйственный строй, между тем, как первые захватывают самое его основание».

В III-м томе «Капитала» имеется следующее любопытное замечание о производительных ассоциациях. «Кооперативные фабрики,— пишет Маркс,— представляют собой в пределах старой формы первое изменение этой формы, хотя они, естественно, воспроизводят и должны воспроизводить в своей фактической организации все недостатки существующей системы. Но в них уничтожается антаго-

низм капитала и труда. Они показывают, как на известной ступени развития материальных производительных сил и соответствующих последним общественных форм производства естественно развивается и организуется из одного способа производства новый способ производства. Без фабричной системы, созданной капиталистическим способом производства, так же как и без системы кредита, вытекающей из того же способа производства, не могла бы развиться кооперативная фабрика. Кредит, являясь основой постепенного превращения частных капиталистических предприятий в капиталистические акционерные общества, дает в то же время средства для постепенного распространения кооперативных предприятий в более или менее национальном масштабе. Капиталистические акционерные предприятия, так же как и кооперативные фабрики, являются переходными формами из капиталистического способа производства в ассоциированное».

Таким образом, Маркс придавал производительным ассоциациям известное значение в качестве первых зачатков новых коллективных форм хозяйства и не придавал в этом смысле почти никакого значения потребительным обществам. Несмотря, однако, на это частичное признание со стороны Маркса важности кооперации, кооперативное движение не играет в практической программе марксизма почти никакой роли. Объясняется это тем, что та форма кооперации на практике не получила и не может получить при условиях капиталистического хозяйства сколько-нибудь значительного развития и распространения, между тем, как потребительные общества, к которым Маркс относился более чем холодно, сделали гигантские успехи.

Переходя к критике изложенной теории развития капиталистического строя, мы прежде всего остановимся на входящей в ее состав «теории обнищания» (Verelendungstheorie — этот термин не принадлежит самому Марксу, но он очень удачно характеризует суть дела). Приведенные цитаты из сочинений Маркса не оставляют никакого сомнения, что Маркс смотрел крайне мрачно на возможность улучшения положения рабочего класса в пределах капиталистического хозяйства[1]. Он не только не верил в

[1] Правда, Маркс был горячим сторонником фабричного законодательства и видел в законодательном ограничении рабочего дня одну из важных целей рабочего движения: он приветствовал английский закон о десятичасовом рабочем дне, как великую победу английского рабочего класса. Но это лишь одна из многих непоследовательностей автора «Капитала» — один из многих примеров несогласованности *теории* и *практики* марксизма.

эту возможность, но утверждал даже обратное — что благосостояние рабочего класса падает по мере развития капиталистического производства, рабочий погружается глубже и глубже в нищету.

Утверждение это находится в самом резком противоречии с фактами последних десятилетий. Сознавая это, многие правоверные марксисты нашего времени пытались и пытаются изменить смысл «теории обнищания» и придать ей более невинный вид. С особенным искусством это делает Каутский* в своей известной книге о Бернштейне. По толкованию этого остроумнейшего представителя современного марксизма, теорию «обнищания» нужно понимать лишь как выражение *тенденции*, а не положительного факта и притом тенденции не к абсолютному понижению уровня экономического благосостояния рабочего класса, а лишь к относительному ухудшению положения рабочих сравнительно с положением капиталистов. Нищета по объяснению Каутского может быть понимаема в двояком смысле: физиологическом — по отношению к удовлетворению человеком своих физиологических потребностей, и в социальном — по отношению к несоответствию между потребностями человека и возможностью их удовлетворения. Факт увеличения нищеты в этом последнем смысле кажется Каутскому бесспорным, ибо «сами буржуа признают рост нищеты в социальном смысле, давая ему лишь другое название — требовательности рабочих. Но дело не в названии. Дело в том, что несоответствие между потребностями рабочего и возможностью удовлетворения этих потребностей при помощи получаемой рабочим заработной платы постоянно возрастает... Социальное обнищание растет, выражаясь в более медленном повышении уровня жизни пролетариата, сравнительно с подъемом жизни буржуазии... Возрастает и постоянно не физическая, а социальная нищета, и именно противоречие между культурными потребностями рабочего и имеющимися у него средствами для удовлетворения этих потребностей; иными словами, масса продуктов, приходящаяся на одного рабочего, может становиться больше, но *доля* рабочего в создаваемом им продукте становится меньше» («Bernstein und das socialdemokratische Programm», 120, 127, 128).

Это может быть верно или неверно, но во всяком случае, это не теория Маркса. Нищета, о которой говорит Маркс, отнюдь не есть «требовательность» рабочих, как

толкует теорию обнищания Каутский, и рост нищеты в смысле Маркса далеко неравносилен росту потребностей рабочего класса. Ни о каком повышении потребностей рабочего класса с точки зрения авторов «Коммунистического Манифеста», не может быть и речи, так как рабочий «становится нищим, и нищета растет быстрее населения».

Рост капиталистического богатства признается в «Капитале» равносильным «накоплению нищеты, мук труда, рабства, невежества, одичания и нравственного падения» рабочего класса. Язык Маркса во всех этих случаях так ясен и выразителен, что никаких кривотолков не допускает. Автор «Капитала» говорит не о тенденциях, которые могут и не осуществляться в действительности, а о конкретных законах капиталистического развития, выражающихся в реальных исторических фактах. Маркс категорически утверждает, что чем могущественнее производительные силы капитализма, тем хуже удовлетворяются насущные, физиологические потребности рабочего; более того, рабочий не только низводится капиталистическим развитием до положения нищего, но он регрессирует в физическом, умственном и моральном отношениях — он «вырождается», все более погружается в невежество и нравственное одичание.

Такова истинная доктрина Маркса, и если эту доктрину не решается в настоящее время поддерживать даже Каутский, то это лишь доказывает ее полную несовместимость с новейшими фактами истории рабочего класса. Все основные социальные воззрения Маркса сложились в эпоху 40-х годов — в период понижения заработной платы, хронической безработицы и огромного роста бедности и нищеты. Выражая свое убеждение в невозможности существенного и прочного улучшения положения рабочего класса в пределах капиталистического хозяйства, Маркс стоял на почве современных ему исторических фактов и высказывал взгляд, общий всем серьезным экономистам того времени. Рикардо и Мальтус* смотрели на положение и будущность рабочих классов не менее мрачно. Но последующие исторические факты лишили теорию обнищания всякого значения и привели к тому, что даже самые горячие сторонники марксизма должны, как мы видели, отказаться от нее, замаскировывая свой отказ от теории Маркса искажением ее смысла.

В своем первоначальном виде теория эта, очевидно, не

может быть поддерживаема ни одним серьезным экономистом. Даже Каутский должен признать, что «нельзя констатировать общего увеличения физической нищеты в передовых капиталистических странах; все факты скорее говорят в пользу того, что физическая нищета в этих странах уменьшается, хотя крайне медленно и не повсеместно. Уровень жизни работающих классов в настоящее время выше, чем пятьдесят лет тому назад». Действительно, вряд ли даже самый правоверный марксист решился бы отстаивать теорию обнищания в том виде, как она изложена в «Коммунистическом Манифесте» и «Капитале»; вряд ли, например, может встретить сочувствие в настоящее время с чьей бы то ни было стороны (кроме разве крайних реакционеров), мнение Маркса о растущем невежестве, нравственном одичании и вырождении рабочего класса. Социал-демократия всего менее может защищать этот тезис, ибо эта защита была бы для нее самоубийственной и равносильной признанию безнадежности своего собственного дела: победа в общественной борьбе не может принадлежать классу, регрессирующему в умственном, моральном и экономическом отношениях. Сильнейшего венчает победа, но не численно сильнейшего, а сильнейшего мужеством, энергией, знанием, самопожертвованием, героизмом, преданностью общим интересам. Вырождающиеся, одичавшие, невежественные рабы, каковыми Маркс рисует рабочих, как бы многочисленны они ни были, никогда не нашли бы в себе мужества для самоосвобождения. Если бы теория вырождения рабочего класса была сколько-нибудь обоснована, то мрачные социальные фантазии иных социологов и романистов, предвидящих распадение человеческого общества на два вида, две породы — господ, владеющих волей и знанием, и рабов, превратившихся в тупых и покорных домашних животных, были бы самой вероятной картиной социального будущего. Но, к счастью, вся эта безнадежная теория вырождения большей части человечества есть фантазия и ложь, опровергнутые фактом несомненного экономического, морального и умственного подъема рабочего класса в новейшее время,

Мы можем согласиться с Каутским, что нижеприводимая характеристика изменения положения рабочего класса в Англии применима и к другим капиталистическим странам. «Значительная часть рабочего класса, — говорит Сидней Вебб* в своей брошюре «Labour in the longest reigne», —

сделала со времени 1837 г. большие успехи, другие же слои рабочих сделали меньшие успехи или даже совсем не приняли участия в общем прогрессе цивилизации и богатства. Если мы возьмем различные условия жизни и работы и установим уровень, ниже которого невозможно сносное существование, то мы увидим, что по отношению к заработной плате, рабочему времени, жилищам и общей культуре процент живущих ниже этого уровня теперь меньше, чем был в 1837 г. Но мы также найдем, что и общее число тех, кто живет ниже установленного нами уровня, в настоящее время вероятно выше по своей абсолютной величине, чем в 1837 г.»

Центральной идеей марксизма, как теории современного общественного развития, следует признать учение о концентрации средств производства. Согласно этому учению капиталистический способ производства экспроприирует мелких производителей, а в пределах самой капиталистической промышленности крупный капитал поглощает мелкий. Благодаря этому средства производства как бы под влиянием взаимного притяжения сливаются во все более и более обширные скопления и конгломераты, планомерно организованные и объединенные изнутри, но разъединенные и не организованные в своих внешних отношениях. Общество все резче раскалывается на растущую массу пролетариев внизу и на сокращающуюся группу капиталистов вверху, сокращающуюся по своей численности, но растущую по своему богатству и экономическому могуществу. Процесс концентрации средств производства одновременно создает почву для будущего социалистического производства, ибо благодаря ему производство становится все более крупным, все более общественным, каждое отдельное предприятие захватывает все большую долю общественного производства и, в то же время, этот процесс усиливает общественные элементы, заинтересованные в социалистическом перевороте, а также численно ослабляет элементы, враждебные такому перевороту. Растущая концентрация общественного производства легче всего объясняет, каким образом капиталистический хозяйственный строй превратился в свою противоположность, каким образом из беспощадной борьбы, угнетения, эксплуатации и ненависти, царящих ныне, вырастет с необходимостью естественного процесса семя мирной, свободной и равноправной социалистической ассоциации будущего. Ка-

питализм является при таком понимании условий развития социализма суровой, но необходимой школой человечества, в которой человечество дисциплинируется и накопляет силы для того, чтобы взять в свои руки руководительство общественным производством и заменить господствующую ныне анархию общественного хозяйства планомерной, сознательной организацией его.

Мы сказали, что это учение является центральной и — теперь мы можем прибавить — самой сильной идеей марксизма. История промышленности всех капиталистических стран несомненно свидетельствует о растущей концентрации средств производства. Правда, мелкое производство в большинстве случаев почти не уменьшается по своим абсолютным размерам. Но по своему относительному значению в народном хозяйстве оно быстро падает. Крупное производство растет повсеместно гораздо энергичнее мелкого. Этот рост совершается частью за счет мелкого производства, представители которого разоряются и опускаются в ряды пролетариата. Частью же рост крупной промышленности не препятствует одновременному существованию мелкой промышленности. И наконец, в некоторых своих отделах крупное производство, развиваясь и расширяя свои операции, непосредственно содействует и росту мелкой промышленности, поставляя последней новые материалы для обработки или удешевляя старые, создавая запрос на продукты мелкой промышленности, предъявляя требования на разные работы, исполняемые мелкими производителями, вызывая новые промыслы и т.д. и т.д. В результате получается, как свидетельствует промышленная статистика всех капиталистических государств, быстрый рост крупного производства и значительно более медленный рост, а иногда и упадок мелкого производства, которое в одних отраслях промышленности уничтожается крупным, в других, куда еще не проникла машина, растет и развивается. Фабрика и завод энергично и неудержимо подвигаются вперед, захватывают одну отрасль промышленности за другой, но так как единовременно с этим для мелкой промышленности открываются новые отрасли производства, то более быстрый рост фабрично-заводской промышленности иногда не препятствует, во всяком случае, гораздо более медленному росту мелкого производства.

Но если по отношению к промышленности теория

Маркса в общем подтверждается новейшими фактами, то этого отнюдь нельзя сказать про земледелие. Благодаря разнообразным техническим и экономическим условиям (большей зависимости сельскохозяйственного производства от природы, меньшей применимости к нему машины и разделения труда, большего значения в области сельской промышленности натурального хозяйства и пр. и пр.), крупное сельскохозяйственное производство отнюдь не представляет таких экономических преимуществ сравнительно с мелкими, как крупное промышленное производство. К этому присоединяются различного рода социальные препятствия, с которыми приходится бороться крупному сельскому хозяйству (достаточно упомянуть хотя бы о своеобразном «рабочем вопросе» крупного земледелия — недостатке сельских рабочих, бегущих из деревни в город), и которых не существует для мелкой сельскохозяйственной промышленности. В силу всех этих причин, останавливаться на которых мы не можем, в сельском хозяйстве не наблюдается ничего подобного концентрации производства, которое так характерно для эволюции промышленности. Крестьянское хозяйство не только не уничтожается крупным капиталистическим земледелием, но даже растет в большинстве случаев, насчет этого последнего.

Даже такие горячие последователи Маркса, как Каутский, не могут отрицать этот факт. «Ожидания, выраженные Марксом при открытии «Интернационала», — пишет Каутский, — не сбылись; упрощения аграрного вопроса путем концентрации всей земельной площади в немногих руках не произошло... Мы никогда не достигнем в сельском хозяйстве той простоты и той ясности отношений, которые характерны для промышленности. Бесчисленные влияния в том и другом направлении перекрещиваются в сельском хозяйстве и взаимно уничтожают действие друг друга, классовые отношения остаются колеблющимися, в особенности там, где мало развита арендная система, где масса предпринимателей, а часто также и сельских рабочих, еще владеет землей. Смена времени года нередко приводит и к перемене классовых отношений. Один месяц тот же деревенский житель может быть предпринимателем, другой месяц — наемным рабочим».

Статистика показывает, что, например, в Германии энергичнее всего развивается зажиточное крестьянское хозяйство. Точно также в Англии среднее и мелкое сельское

хозяйство растет за счет крупного (и, отчасти, очень мелкого). Ничего подобного систематическому поглощению мелкого сельского хозяйства крупным мы не наблюдаем в настоящее время ни в одной стране.

Таким образом, к сельскому хозяйству схема Маркса совершенно не приложима. Но это только ослабляет, а не уничтожает значение этой схемы по отношению ко всему общественному хозяйству в совокупности. В своей интересной и содержательной книге «Die Agrarfrage» Каутский рисует яркими чертами необходимый и наблюдаемый во всех капиталистических странах процесс подчинения сельского хозяйства промышленности; промышленность завоевывает все более господствующее положение в народном хозяйстве и вместе с тем промышленное население быстро растет за счет земледельческого. Сельское хозяйство повсеместно дает занятие все меньшей и меньшей доле населения. Опыт всех стран указывает на неизбежность этого процесса, приводящего к тому, что условия существования и развития промышленности в возрастающей степени определяют направление развития всего общественного хозяйства. Благодаря этому, особенности сельскохозяйственного развития могут совершенно поглощаться преобладающим характером промышленного развития. Несмотря на упадок капиталистического земледелия, капиталистический способ производства все более подчиняет себе общественное хозяйство.

До сих пор мы говорили о марксизме, как научной системе, как определенном понимании причинных законов социального строя, но марксизм есть не только объективная научная система. Марксизм есть вместе с тем и система практической политики, именно в этом тесном соединении объективной науки с политикой заключается самая характерная особенность и вместе причина исключительного общественного влияния марксизма сравнительно со всеми другими социологическими системами. Мы не будем останавливаться на рассмотрении и оценке практической программы марксизма, заметим только, что стремление марксизма свести все рабочее движение к капиталистической борьбе рабочего класса за свои классовые интересы представляется нам односторонней политикой. Профессиональные организации рабочих, равно как и кооперативные учреждения в своей господствующей форме — потребительных обществ — являются столь же существенны-

ми факторами социальной мощи рабочего класса, как и представительство рабочей партии в парламенте. Но, повторяем, критика практической программы марксизма не может быть предметом нашего рассмотрения. Мы остановимся лишь на общем принципиальном вопросе: возможно ли построение какой бы то ни было практической программы общественной деятельности всецело на научной почве, на почве познания объективных законов исторического развития?

Марксисты очень гордятся тем, что они освободились от утопизма. У Энгельса есть брошюра, заглавие которой — «Die Entwickelung des Socialismus von der Utopie zur Wissenschaft»* стало излюбленнейшим трафаретом марксистской популярной литературы. Маркс превратил утопию в науку, как утверждают его последователи. Поэтому многие из них считают себя вправе относиться с большим пренебрежением ко всякого рода социальному идеализму, ибо сами они, по их мнению, не нуждаются в социальном идеале — социальный идеал заменяется для них пониманием законов исторического развития. Стоя на почве материалистического понимания истории, марксисты полагают, что новый социальный строй должен с неизбежностью естественного процесса вырасти из недр старого, в силу законов экономического развития, перед которыми не только воля отдельных лиц, но даже и целых общественных классов бессильна. Обобществление средств производства совершится не потому, что частная собственность на средства производства будет признана большинством общества несправедливым и нецелесообразным учреждением, этого обобществления требует всемогущее экономическое развитие, и потому оно должно совершиться, чтобы мы ни делали, как бы ни относились к грядущему социальному перевороту.

В предисловии к немецкому изданию «Нищеты философии»** Энгельс говорит, что социальные требования Маркса вытекают отнюдь не из признания капиталистического и землевладельческого дохода несправедливой и нежелательной формой дохода, а из признания неизбежности крушения капиталистического строя. «Согласно законам буржуазного хозяйства, — пишет Энгельс, — большая часть продукта, произведенного рабочим, принадлежит не ему. Если мы говорим: «это несправедливо, этого не должно быть», то до всего этого хозяйству нет никакого дела. Мы

выражаем лишь то, что данный экономический факт противоречит нашему нравственному чувству. Маркс основывал свои социальные требования не на этом, а на необходимости крушения капиталистического строя, которое с возрастающей силой происходит на наших глазах».

Итак, Маркс, по словам Энгельса, основывает свои социальные требования на законах социальной необходимости. Конечно, все на свете необходимо и подчинено закону причинности, не знающему никаких исключений. Социальный материализм приписывает решающую роль в процессе исторического развития экономической необходимости. С этим можно соглашаться или нет, но во всяком случае нельзя отрицать, что закон причинности безусловно господствует в истории человечества, как и вообще в природе, и что социальное будущее так же детерминировано, необходимо, как и социальное прошлое.

Но Маркс объясняет экономическим развитием не только историю — он исходит из того же и в своих социальных требованиях. Он пробует построить систему практической политики на основе познания законов исторического развития. Он пытается поставить на место *социального идеала социальное предвидение.*

Но, как правильно указывает Штаммлер*, вся наша сознательная деятельность неразрывно связана с психологическим убеждением в возможности изменить будущее, повлиять на него, придать ему желательный для нас вид. Если бы мы рисовали себе социальное будущее в его конкретном виде как нечто неизменное и необходимое, если бы картина будущего была нам ясна во всех своих подробностях, то решимость следовать закону социального развития была бы совершенно равносильна «твердому решению вращаться вместе с землей вокруг солнца. При решениях подобного рода смешивается два различных и взаимно исключающих класса наших представлений. Или я *познаю* явления и движения в их законосообразной необходимости и предвижу определенный результат как причинно неизбежный, и тогда для воли и для решений относительно этого результата не остается места. Или же я имею твердое *решение и волю* что-либо осуществить, и тогда это последнее не познано мною как несомненно долженствующее быть в силу необходимых законов природы».

«Кто познал, что известный результат неизбежно произойдет по законам природы, тот не может содействовать

достижению этого результата. В представлении содействия, помощи чему-либо заключено признание, что то, чему помогают или содействуют, еще не познано, как необходимо имеющее быть. Эта альтернатива не допускает никакого уклонения: если научно познано, что известное событие необходимо наступит определенным способом, то нет никакого смысла содействовать именно этому определенному способу его наступления».

«Каждый, содействующий предвидимому им в общих чертах или хотя бы лишь вероятному ходу развития должен дать себе отчет, почему он желает оказывать такое содействие и очевидно он не может дать такого ответа — потому что событие, которому оказывается содействие, все равно неминуемо произойдет. Ибо поскольку событие зависит от нашего содействия, поскольку событие может не произойти, постольку оно не познано нами как причинно необходимое событие: было бы совершенной бессмыслицей содействовать тому, что мы сами признаем неизбежно долженствующим наступить по неизменным законам причинности».

На это можно возразить, что согласно материалистическому пониманию истории, необходимость известного хода общественного развития обусловливается именно тем, что наша деятельность неизбежно принимает то или иное направление. Данного события совсем могло бы не наступить, если бы мы его не желали или не оказывали ему содействия, но так как мы необходимо *должны* по неизменным законам причинности желать этого события и оказывать ему содействие, то мы и предвидим его заранее как причинно необходимое. Социальная необходимость действует не помимо нас, а через нас: мы и наша воля только орудия в руках этой необходимости, которая управляет нами через нас же самих.

Возражение это имеет очень убедительный вид, что не мешает ему быть совершенно несостоятельным. Вопрос заключается в данном случае не в том, существует ли социальная необходимость или нет, подчинен ли исторический процесс закону причинности или не подчинен. Этот вопрос уже давно решен философской и научной мыслью в утвердительном смысле. Перед нами проблема совершенно иного рода — совместима ли свобода нашей сознательной воли с сознанием необходимости того, на что наша воля направлена. И опять-таки, дело идет не о свободе

воли в философском смысле. Достаточно того, что *психологически* мы сознаем себя свободными (хотя бы это сознание было и ошибочным). Могу ли я *хотеть*, могу ли я напрягать свои силы для достижения того, что я сознаю как необходимо долженствующее произойти? Вот в чем вопрос.

И мы должны на него ответить категорическим — нет! Мне незачем помогать неизбежному, тому что неизмеримо сильнее меня самого. Психологическая неуверенность в будущем есть необходимое предварительное условие сознательного волевого акта. Я опасаюсь, что моя бездеятельность повредит дорогим мне интересам, и я надеюсь, что мои действия помогут последним. Эти опасения и эти надежды указывают на незнание того, что именно произойдет, ибо известное будущее могло бы вызывать лишь вполне определенное отношение с моей стороны — отношение радости или грусти — но не того и другого вместе.

Поэтому, хотя будущее так же подчинено закону причинности, как и прошедшее, хотя будущие события с такой же роковой необходимостью, вытекают из настоящих, как настоящие из прошедших, все же психологическая неуверенность в будущем навсегда останется основанием нашей деятельности. А следовательно, и социальное предвидение не только не может заменить в качестве мотива к общественной борьбе социального идеала, но, наоборот, социальное предвидение, если бы оно было полным, означало бы собой прекращение всякой произвольной деятельности. Познание, доведенное до своего крайнего предела, было бы равносильно уничтожению нашего произвола, сознательной воли.

Социальное предвидение, конечно, чрезвычайно важно для успешности общественной работы. Сознательная деятельность предполагает познание, и чем глубже познание, тем плодотворнее работа. Все это — труизмы, которые никому не придет в голову отрицать. И тем не менее Штаммлер глубоко прав, утверждая, что полное и абсолютное познание будущего лишило бы всякого смысла нашу деятельность и потому в корне убило бы нашу сознательную волю. Такое полное предвидение, однако, безусловно недостижимо для нашей познавательной способности, заключенной в рамках опыта. Наше познание будущего навсегда обречено быть частичным, оставляя таким образом широкий простор для нашей воли.

Но мало хотеть, нужно *уметь* достигать желаемого. Чем обширнее наше предвидение, тем целесообразнее направляются наши усилия, тем менее сталкиваются они с естественным и необходимым ходом вещей, тем более шансов на победу. Вот почему возможно полное предвидение будущего есть лучшее оружие в борьбе — за социальный идеал!

Только небольшая доля наших усилий достигает цели, вся же остальная наша деятельность погибает бесплодно, благодаря тому, что сталкивается с естественными законами природы. «Чем лучше нам известны эти законы, тем целесообразнее мы направляем нашу деятельность. Чем обширнее наше познание социального будущего, тем более сосредоточивается социальная работа на объективно достижимом и тем значительнее ее результаты. Так, поток вздымается всего выше и бежит всего быстрее там, где берега всего более стесняют его бег. Но если бы берега совсем сомкнулись, если бы наше предвидение будущего стало абсолютным, то и бег потока должен был бы прекратиться, наша деятельность должна была бы остановиться по отсутствию цели. Тот же самый результат получился бы и в противоположном случае, если бы берега потока так широко раздвинулись, что вода перестала бы течь, если бы наше познание будущего оказалось слишком ничтожным для какой бы то ни было сознательной деятельности. Абсолютное незнание, как и абсолютное познание, не оставляет места для целесообразной работы. Нельзя работать, нельзя ставить себе сознательные цели, если мы ничего не знаем о средствах и способах достижения этих целей, но нельзя работать, нельзя ставить себе сознательные цели, если мы заранее знаем, что будет завтра, через год, через десятки лет, если мы читаем в будущем как в раскрытой книге. Наша деятельность заключена в этих пределах — относительного и ограниченного знания, и она тем плодотворнее, чем это относительное значение полнее.

Итак, не социальное предвидение, а социальный идеал является верховным вождем в социальной борьбе. Познание есть только верный слуга, выполняющий приказание своего владыки. Но этот сверхопытный владыка — социальный идеал — не создается руками своего слуги.

Прекрасно, если предвидимое нами направление исторического развития совпадает с нашим идеалом. Тогда в нашем социальном мировоззрении нет никаких диссонан-

сов, и оно все проникнуто здоровым оптимизмом. Но если картина будущего, раскрывающаяся перед нашим умственным взором, идет грубо вразрез с тем, что мы считаем святым и высоким, если мы не видим впереди приближения к нашему идеалу, то решимся ли мы изменить наш идеал, чтобы привести его в согласие с действительностью? История сохранила нам примеры благородных людей, идеалы которых оказались в непримиримом противоречии с современной им действительностью благодаря тому, что эти люди были выше своего времени. Подчиняли ли эти люди свое нравственное сознание каким бы то ни было требованиям текущей жизни? Нет и нет! Чем глубже была окутывавшая их ночь, тем дороже становился им единственный могучий луч света, прорезывавший тьму и исходивший из них самих, из их собственного внутреннего мира, из их непобедимого идеала. Ни для чего в мире не согласится человек с нравственно развитым сознанием поступиться своим идеалом, который есть единственное верховное, чистейшее и прекраснейшее благо, единственная абсолютная ценность, нечто бесконечно и безусловно обязательное — то, ради чего всем можно пожертвовать, но что само никогда ни для кого и ни для чего не может быть предметом жертвы.

Ничего не может быть несправедливее презрительного отношения многих марксистов к социальному идеализму вообще и к идеализму великих утопистов в частности. От утопистов Маркс получил (не говоря уже об остальном), самое важное и ценное — социальный идеал. И лишь при свете этого идеала Маркс мог выработать свое замечательное учение об объективных законах капиталистического развития. Пренебрежение к социальному идеализму не только теоретически неправильно, но и практически вредно. Теоретически неправильно потому, что в своей практической работе марксизм столь же мало может обойтись без социального идеала как и другие исторические общественные движения. Практически же вредно потому, что великая борьба требует и великого напряжения сил личности. Откуда же человеческая личность может взять эти силы, как не из преданности идеалу? Без энтузиазма, без бескорыстного религиозного подчинения себя, своей личности, всех интересов, всей своей жизни чему-то более высокому, чем мы сами, нельзя достигнуть великих социальных целей, которые марксизм получил как драгоценное

наследие от утопистов. А только идеал — прекраснейшее достояние духа — может порождать энтузиазм.

Борьба с идеализмом ведет к равнодушию к широким общественным задачам, требующим самоотверженной работы и самопожертвования личности. Эгоистический интерес не может не занять в нашей душе пустого места, остающегося после исчезновения идеала. И если марксизм на практике не утратил энтузиазма, то лишь потому, что вопреки всякой теории марксистское движение осталось проникнутым могучей струей социального идеализма. Серая теория оказалась не в силах заглушить прекрасный рост золотого дерева жизни. Но этот результат был достигнут лишь пожертвованием логической стройностью марксизма.

Мы переживаем теперь знаменательную эпоху, когда старое рушится и отовсюду растут побеги новой жизни. Идет новый мир, все большие народные массы собираются вокруг красного знамени социализма. Пока — это знамя отчаянной борьбы, знамя революции. Но придет время, когда для социализма, победившего капиталистическое рабство, на первый план выступят положительные, творческие задачи. Как устроить жизнь на новых началах свободы, правды и справедливости? Марксизм не интересовался подробностями будущего социального строя, потому что этот строй казался ему далеким. Но чем ближе мы к нему будем, тем важнее для нас будут задачи, которые привлекли к себе все внимание создателей современного социализма — великих утопистов. И именно в этом направлении социалистической мысли нашего времени предстоит огромная творческая работа. Предстоит великое возрождение утопического социализма.

СОЦИАЛИЗМ КАК ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ УЧЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Думается, что появление в настоящее грозное время новой книги о социализме не нуждается в оправдании. Все теперь говорят о социализме: но многие ли соединяют с этим словом вполне определенное представление? Задача этой небольшой книги — охарактеризовать сущность социализма, как определенного учения о новой форме общественного строя. О социализме мне приходилось в разное время много писать; здесь я подвожу итоги моей многолетней работе в этом направлении.

20 ноября 1917 г. *М. Туган-Барановский*

ГЛАВА I. СУЩНОСТЬ И ВНУТРЕННЯЯ ПРИРОДА СОЦИАЛИЗМА.

I. Античный социализм Платона* и современный социализм. Социализм, как «государство разума» и социализм, как «царство свободы». — II. Подчинение личности обществу у Платона. Индивидуалистический характер современного социализма. — III. Моральный характер платоновского социализма и хозяйственный характер современного социализма. — IV. — Отрицание человеческого равенства у Платона. Идея равноценности человеческой личности, как основа современного социализма.

I

История общественной мысли начинается с социализма и, поскольку мы можем судить о ближайшем будущем, заканчивается социализмом. Действительно, первым по времени великим произведением общественной мысли является платоновская «Политейя». В «Политейе» гениальнейший мыслитель эллинского мира попытался дать картину идеального общественного строя, совершенного государства «достойного богов». И строй этот оказался, в изображении Платона, социалистическим.

Точно также и современное человечество, поскольку оно мечтает о наиболее совершенном общественном строе, приходит к социализму. Социализм оказывается, следовательно, надысторическим идеалом человечества — этот строй, увлекший своей гармоничной прелестью лучшего представителя древней эллинской культуры, сохранил свою обаятельную силу и для современного европейца, несмотря на глубочайшие различия современного социального строя сравнительно со строем эллинского общества.

Великие исторические перевороты за тысячелетия, протекшие со времени Платона, бесчисленные войны и внутренние революции, сотни сменившихся поколений, целые народы, сошедшие навсегда с исторической арены, полное преобразование политической и экономической карты цивилизованного мира, грандиозные открытия на-

уки и техники, гениальные достижения искусства, все это оказалось бессильным изменить общественный идеал человечества. Современный человек, как и вещий эллинский провидец, не могут представить себе ничего более прекрасного, чем тот общественный строй, при котором все будет общим и навсегда исчезнет право человека называть ту или иную вещь своей с исключением всех других людей от права пользования той же вещью.

Частная собственность — тот правовой институт, на котором выросла вся цивилизация и культура человечества, — вот корень всего социального зла, от которого страдает человечество. К этому сводится самая глубокая социальная философия тысячелетий человеческой мысли.

В чем же, однако, заключается сущность социализма, как определенного представления об идеальном строе будущего?

Уже Платон назвал свое идеальное государство государством разума. Энгельс*, противопоставляя социалистическое общество всем до сих пор бывшим формам общественного строя, охарактеризовал социализм, как «царство свободы», в противоположность существовавшим до сих пор обществам, являющимся «царством необходимости». И Платон, и Энгельс выразили в данном случае одну и ту же мысль.

Все до сих пор бывшие формы общежития возникли путем стихийного исторического развития без решающей роли воли и мысли человека. Конечно, в основе общественного взаимодействия лежит сознательное и целесообразное поведение людей. Однако то, что получается в результате столкновения тысяч отдельных человеческих воль не входило в сознание и волю отдельных человеческих личностей или общественных групп, поведение которых привело к этому результату, бессознательному последствию общественного взаимодействия, общественной равнодействующей параллелограмма общественных сил.

В этом смысле, до сих пор бывшая история человечества может быть названа царством необходимости: человеческая разумная воля не могла овладеть (или не вполне могла овладеть) общественным строем и воспринимала его как нечто для нее объективно данное и независящее от нее.

Общественный строй, в своем целом, до сих пор являлся в очень небольшой степени результатом определенного

замысла, походя, в этом отношении, на такие бессознательные социальные образования, как, напр., национальный язык, которым мы говорим и который никем не был изобретен или придуман.

Правда, отдельные лица влияли на образование национального языка. Державин*, Карамзин**, Пушкин*** и другие существенно повлияли на строй и формы современного русского литературного языка. Однако, в своей совокупности русский язык развился стихийно и бессознательно. Великие писатели, создавая и изобретая новые слова и формы языка, не изменили процесса бессознательного творчества языка, так как создаваемые ими новые слова и словосочетания бессознательно усваивались другими, и только в силу такого усвоения большинством эти новые обороты речи вошли в состав национального языка.

Чтобы отчетливее понять этот бессознательный процесс развития национального языка, достаточно сравнить с национальным языком такой искусственный язык, как, напр., язык эсперанто. Этот последний язык явился продуктом сознательного творчеств: он был придуман, а не создался «сам собою», как «сами собой» растут леса и образуются реки (в противоположность насаждаемым садам и выкапываемым каналам).

Современный общественный строй, в целом, по условиям своего образования, гораздо более походит на «естественный» национальный язык, чем на «искусственный» язык эсперанто — он не придуман и не создан кем-либо, а возник и развился стихийно и бессознательно.

Географические границы отдельных государств, расселение жителей внутри каждого государства по селам и городам, политический и экономический строй — все это явилось в результате борьбы общественных групп и отдельных личностей за самые различные цели, но без какого бы то ни было общего соглашения, общего плана или договора.

Современное общество ни малейшим образом не основано на общественном договоре. Отдельная человеческая личность должна принять строй того общества, в котором случайностью рождения она принуждена жить, как нечто исторически данное и лишь в очень ограниченной мере изменяемое усилиями и волей хотя бы большинства личностей, образующих данное общество. Человеческая личность, при современных условиях общественной жиз-

ни, оказывается бессильной перед своими собственными общественными отношениями, принудительно господствующими над действиями даже большинства личностей, из которых общество слагается.

Социалистическое общество тем принципиально отличается от всех до сих пор бывших форм человеческого общежития, что социализм мыслится нами как общество, в основу которого положен известный разумный план, положена определенная цель, определенная идея.

Социалистический строй есть искусственная, придуманная форма человеческого общежития в противоположность естественным, стихийно развившимся формам общества, существующим ныне. Этой отличительной особенности социализма нисколько не мешает то, что социализм, подобно всем другим формам общества, есть естественный и необходимый результат исторического развития человечества.

Отсюда ясно, в каком смысле Платон имел право говорить о государстве, созданном его творческой фантазией, как о «государстве разума», а Энгельс мог говорить о социализме, как о «царстве свободы».

Конечно, в социалистическом обществе человек будет нисколько не менее подчинен законам природы, чем и в капиталистическом обществе. Но дело в том, что теперь формы общественной жизни возникли помимо разумной воли человека; в социалистическом же обществе общественная форма жизни будет соответствовать разумным желаниям личностей, образующих общество. В этом смысле человеческая личность теперь не свободна — она не может, по своему желанию, творить свои общественные отношения; при осуществлении же социалистического строя личность получит свободу — она получит возможность строить свои общественные отношения соответственно своей воле.

И Платон, и Энгельс в этом существенном пункте одинаково понимают характернейшую особенность социализма сравнительно с реально существующими формами общественного строя.

Итак, первой характерной чертой социализма является то, что социалистическое общество есть общество, в основу которого положены определенный замысел, определенная правовая идея, в противоположность современному обществу, бессознательному комплексу общественного взаимодействия.

II

Какая же правовая идея лежит в основе социализма? Здесь между эллинским социализмом Платона и современным социализмом замечается не только существенное различие, но даже прямая противоположность. Правовой идеей платоновского социализма является идея гармоничности и совершенства общества, как некоторого высшего единства и высшей реальности, при полном подчинении человеческой личности общественному целому.

Общественный идеал Платона находится в непосредственной связи с платоновской метафизической концепцией мира. Платон не верит в объективную реальность личности, как и вообще всякого конкретного, единичного явления. Отдельные явления суть для Платона только обнаружение единой пребывающей и лежащей в основе этих преходящих изменчивых явлений сущности.

Пестрое разнообразие мира конкретных явлений есть только обманчивое покрывало потусторонней метафизической сущности.

Общество есть истинное бытие, но личность есть лишь обманчивый призрак, иллюзия, создаваемая ограниченностью нашего познания, не проникающего в глубь вещей, дальше лживой видимости мира.

Потому действительной ценностью обладает не человеческая личность, а человеческое общество. Общественный строй должен быть таков, чтобы общественное целое было всего прекраснее, гармоничнее и совершеннее. Для этого же требуется полное подчинение личности обществу, превращение личности в простой орган общества, уничтожение всего того, что при современных условиях общества приводит к столкновениям личности с обществом.

Правда, не все человеческие личности способны отказаться от своих собственных интересов, целей и стремлений и подчинить свою волю всецело и до конца интересам целого. На это способны лишь немногие избранные, люди высшего разума, между тем как человеческая толпа всегда будет ставить в центр своей деятельности, своей жизни свои собственные интересы.

Эта человеческая толпа мало интересует Платона. Все его внимание сосредоточено на вождях человечества — людях высшего разума, философах.

Именно от этих избранников человечества, философов,

Платон и требует полного отказа не только от частной собственности на вещи, но и от семьи. Философы не должны ничего называть своим — все у них должно быть общим, даже жены. Они должны избегать всякой роскоши, жить в строгой умеренности, без всяких излишеств.

Требование полного отказа от каких бы то ни было своекорыстных целей и наслаждений вызывается следующими соображениями. Платон глубоко убежден в естественном и неустранимом неравенстве людей: одни созданы, чтобы повелевать, другие, чтобы подчиняться. Повелевать должны мудрые, подчиняться менее одаренные разумом. Поэтому в интересах всего общества, чтобы его жизнью руководили немногие мудрые.

Но для того, чтобы власть мудрых была всегда направлена к общественному благу, необходимо, чтобы мудрые не преследовали своих личных целей, не злоупотребляли властью в своих интересах. Такое злоупотребление лишило бы всякого смысла предоставление мудрым господства над остальным человечеством. Правители должны походить на тощих и чутких собак, оберегающих стадо от врагов, но никоим образом не нападать на самое стадо. В противном случае они уподобятся волкам, и общество погибнет.

Итак, нужно сделать все возможное, чтобы предохранить философов от какого бы то ни было искушения использовать свою власть над людьми в своих своекорыстных интересах, а не в интересах всего общества.

Как же этого достигнуть? Устранением из жизни философов всего того, что может вести к своекорыстным побуждениям. Если бы философы имели собственность и имели свою семью, они могли бы поддаться искушению увеличивать свое богатство или ограждать интересы своей семьи более, чем интересы других людей. Но тем самым они оказались бы недостойными той беспредельной власти над своими согражданами, которой их облекает Платон.

И потому философы должны жить в полной бедности, ничего не называя своим, не имея семьи, не называя никакой женщины своей женой и никакого ребенка своим сыном или своей дочерью. Они должны отдавать всю свою жизнь, всю свою мудрость, всю свою волю целиком и без остатка обществу — и взамен этого им подобает почет и власть над другими людьми, не обладающими такой мудростью и такой способностью отдавать себя на служение обществу.

Равенства не существует в государстве Платона: немногие мудрецы пасут человеческое стадо, обязанное беспрекословным повиновением своим пастырям, отказавшимся от своекорыстных целей, но получившим полную власть над телом и духом людей. Высшая добродетель людей толпы — это покорность своим пастырям.

Как все это близко к гениальной мечте Достоевского, к созданному им образу Великого Инквизитора из «Братьев Карамазовых»!

Итак, платоновский социализм вытекает из подчинения личности обществу. Личность человека не имеет для Платона ценности и он хочет превратить ее в орган общества, послушное орудие, не преследующее своих особых целей, но служащее только интересам целого.

Требование общности имуществ отнюдь не вызывается у Платона стремлением обеспечить каждому возможно большее участие в пользовании общественным богатством. Наоборот, общность имущества мудрецов в платоновском «государстве разума» преследует цели их общей бедности.

Платоновский социализм имеет всецело моральный характер и чужд какой бы то ни было примеси экономического интереса. Экономический интерес, стремление к умножению богатства, встречает у Платона самое категорическое осуждение, как опасный соблазн, неразрывно связанный с частной собственностью.

Современный социализм проникнут не только иным, но совершенно противоположным воззрением на высшие ценности жизни.

В то время, как для Платона человеческая личность не имеет самостоятельной ценности, для современного социализма личность человека есть верховная ценность мира.

Современный социализм исходит из миросозерцания, поставившего в центре всего человеческую личность. Миросозерцание это нашло себе наиболее яркое философское выражение в философии Канта.

Сознательная деятельность человека направлена на достижение разнообразных целей. Все, что является для нас целью, имеет для нас и определенную ценность. Наши цели бывают относительными в том случае, когда мы сами произвольно, по своему усмотрению, ставим их себе — ибо ценность этих целей произвольно определяется каждым отдельным субъектом, не представляя собой ничего общеобязательного для других людей. Но не существует ли в

природе чего-либо, что должно иметь абсолютную, общеобязательную ценность для всех людей? Да, нечто такое в природе существует. «В природе все что угодно, над чем мы имеем власть, может служить нам средством,— говорит Кант,— и только человек, и с ним всякое разумное существо — есть цель в себе... Человек, и вообще всякое разумное существо существует, как цель в себе, не как средство для той или другой воли, но всегда должен рассматриваться во всех своих действиях, направленных как на него самого, так и на другие разумные существа, как цель» .

Таков общеобязательный моральный идеал, лежащий в основе гуманистического миросозерцания, выразившегося в революционном требовании свободы и равенства для всех человеческих личностей.

Это революционное миросозерцание, ниспровергшее столько святынь, нашло и утвердило одну верховную святыню — человеческую личность. Оно преклонилось перед человеком, как таковым. Достоинства людей различны: некоторые люди внушают нам уважение, к другим мы относимся с презрением и негодованием. Но в каждом человеке, даже самом низком, есть нечто, имеющее абсолютную ценность, ценность превыше всего — это его человеческая природа. Каков бы ни был человек, мы всегда должны относиться к нему не как к средству, а как к верховной цели. Всякий человек может требовать такого отношения к себе, как своего прирожденного неотъемлемого права.

Таким путем Кант приходит к идее «царства целей» — господства разумных целей, которые ставят себе разумные существа, каждое из которых видит в другом не средство, но цель. Идеальное человеческое общество и должно быть таким царством целей.

Современный социализм не только не подчиняет личность обществу, но, наоборот, стремится подчинить весь строй общества интересам личности.

Противопоставление современного социализма индивидуализму есть несомненное заблуждение, в котором, впрочем, повинны всего более сами социалисты. Этимологически слово социализм, действительно, естественно противопоставляется слову индивидуализм. Слово «социализм» возникло в 30-х годах прошлого века, причем творцы его этим новым термином хотели охарактеризовать новое общественное направление, выдвигавшее значение общественного сотрудничества, в противоположность господство-

вавшей экономической школе, признававшей идеалом хозяйственного строя неограниченную свободу единоличного предпринимательства. Французский социалист 40-х годов прошлого века Пьер Леру* утверждал — хотя и без достаточных оснований — что термин «социализм» был создан им в противоположность понятию «индивидуализм», причем под социализмом он понимал такую общественную организацию, «в которой индивидуализм приносится в жертву целому, именуемому обществом». Противопоставление социализма индивидуализму прочно утвердилось в литературе и в настоящее время является почти общепринятым, как среди сторонников, так и среди противников социализма.

С другой стороны, история происхождения современного социализма указывает на совершенно иное соотношение между индивидуализмом и социализмом. Так, английский социализм в лице Оуэна и Томпсона** в своей философской части непосредственно примыкает к философии Бентама — одного из наиболее последовательных и ярких выразителей философского индивидуализма. Книга Томпсона о принципах распределения богатства, являющаяся самым замечательным теоретическим продуктом английской социалистической мысли, представляет собой не что иное, как систематическое приложение к экономической науке бентамовского принципа «наибольшего счастья наибольшей суммы людей». Последователем Бентама был и учитель Томпсона — Оуэн.

Что касается французского социализма, то он был духовным детищем великой революции. Индивидуалистическое мировоззрение 18-го века, достигшее в революции своего громоносного практического выражения, окрашивает все работы Морелли, Мабли, Бабефа, Фурье, Кабе, Луи Блана*** и других представителей социалистической мысли Франции.

Шеффле сделал как-то парадоксальное, на первый взгляд, замечание, что социализм есть не что иное, как «доведенный до крайней степени индивидуализм». Во всем этом вопросе коренится, очевидно, некоторое недоразумение. Вл. Соловьев**** определяет практический индивидуализм, как «утверждение и отстаивание человеческой индивидуальности против различных естественных и исторических групп и учреждений, могущих ее подавлять». Что же такое представляет собой современный социализм

— стремление к утверждению или к угнетению человеческой индивидуальности?

Книга Лоренца Штейна о французском социализме и коммунизме, вышедшая в 1842 г., представляет собой первую по времени научную характеристику различных направлений французского социализма. Интересно, как обосновывает Штейн социализм. Идея человеческой личности,— говорит он,— имеет абсолютный характер. Эта идея требует, чтобы каждой человеческой личности были доступны высшие блага цивилизации. Однако, пользование этими благами возможно лишь при условии обладания известными материальными средствами. Индивидуальное же обладание материальными средствами имеет, по необходимости, исключительный характер: принадлежность вещи одному лицу делает невозможным пользование ею другим лицом. Следовательно, если материальные средства богатства будут находиться в индивидуальном обладании отдельных лиц, то возможно, что некоторые лица не будут обладать этими средствами, а, следовательно, и не будут иметь доступа к благам цивилизации, чего требует идея абсолютной личности. Иначе говоря, право частной собственности несовместимо с идеей абсолютной личности, и, таким образом, идея личности естественно приводит к отрицанию права частной собственности. «Для мыслящего человека возникает задача,— говорит Штейн,— найти такую форму общества, при которой сохранилось бы личное владение, и все же это владение не становилось бы абсолютным препятствием для полного развития личности. Это и есть общая идея, к которой стремится социализм, и в этом заключается глубокое значение социализма для внутренней истории цивилизации». Верховной целью социализма является, по словам Штейна, «законченное развитие личности».

Итак, Штейн приходит к заключению, что социализм есть завершение индивидуализма. Великий германский ученый совершенно правильно рассмотрел истинную сущность нового общественного учения, которое выступало столь резким противником экономического либерализма. По своим средствам социализм является антиподом экономического либерализма. Первые провозвестники свободы торговли искренно верили, что экономическая борьба, всеобщее свободное соперничество есть лучшее средство достигнуть всеобщего благосостояния и всестороннего раз-

вития человеческой личности. Оптимизм Кэнэ и Адама Смита, возлагавших такие радужные надежды на социальные последствия экономической свободы, был вполне естественным результатом социально-политических условий их эпохи. Подавленная человеческая личность протестовала против гнета, которому она подвергалась со стороны исторического государства, опиравшегося на насилие — и выражением этого протеста был либерализм 18-го века, выступивший в защиту личности под знаменем политической и экономической свободы.

Но события очень скоро доказали, что экономическая свобода, свобода частнохозяйственного предпринимательства, не только не равносильна фактической свободе личности, а имеет обратный смысл — порабощения труда капиталом, иначе говоря, порабощения огромного большинства народа. И вот — во имя тех же целей защиты и утверждения прав личности — социализм отверг мнимую капиталистическую свободу и вместо нее развернул новое знамя — общественной организации труда. Средства радикально изменились, но цели остались те же. И потому, как совершенно верно указывает Дитцель, либерализм и коммунизм, по своему идеальному содержанию, находятся в самом тесном родстве. «Либеральная программа школы Смита и физиократов,— говорит Дитцель,— есть первый продукт, в области социальной практики, индивидуалистической теории права; в различных коммунистических программах отражается та же основная идея, но лишь в более последовательной форме... Либерализм — старший, а коммунизм — младший брат индивидуалистической теории права... Коммунизм есть ничто иное, как продукт индивидуализма, как его крайнее последствие в материально-хозяйственной области».

Правда, Дитцель противополагает индивидуалистический коммунизм социализму, в котом он усматривает логическую противоположность индивидуалистическому принципу. Представителем такого социализма он считает Родбертуса. Однако, тот социализм, который теперь волнует человечество и который Дитцель называет коммунизмом — вполне индивидуалистичен. С этим согласен и Дитцель. «Современный коммунизм,— говорит он,— движущий массы и беспокоящий государственную власть, есть, за малыми исключениями, не что иное, как доведенный до крайности индивидуализм».

На то же указывают и другие авторы. «Основная идея, налагающая свой отпечаток на всю классическую эпоху от Клопштока* до Канта,— замечает Франц Штаудингер,— это идея разумно самоопределяющегося человека. С этой идеей вся указанная эпоха вступает с более или менее ясным сознанием, в принципиальное противоречие с предшествовавшими периодами феодализма и абсолютизма, связывавшими мысль, волю и деятельность человека извне обязывающими нормами. Эта основная идея после долгой внешней реакции и глубокого духовного сна вновь становится в последние десятилетия жизненным принципом современного духовного движения. И она, чтобы против этого ни говорили, составляет жизненный принцип и истинный внутренний исходный пункт социализма».

Внутренняя связь индивидуализма с социализмом сознается и руководящим теоретиком марксизма — Каутским. «Только капиталистическому способу производства, — говорит он,— удалось уничтожить в широких кругах населения стадное начало, превратить индивидуума, «сверхчеловека», из аристократического существа в более демократическое... Но индивидуализм, стремление к свободному развитию своей личности, должен стать в социалистическом обществе несравненно шире и сильнее».

Обычное противопоставление индивидуализма социализму основывается, таким образом, на чистом недоразумении. Отчасти оно находится в связи с неопределенностью самого понятия индивидуализма. Только в условном смысле личность может быть противопоставлена обществу; все то, что составляет реальное содержание человеческой личности, есть продукт общества, которое не есть простое скопление или сумма личностей, но некоторое высшее единство. Общественность есть необходимое условие индивидуальной жизни человека. Социализм, конечно, не может быть заподозрен в игнорировании значения общественного элемента в развитии человеческой личности. Для социалистического мировоззрения именно и характерно глубокое понимание ничтожности и беспомощности отдельного человека, предоставленного своим собственным силам, в связи с собой подобными. Принцип братства, солидарности людей в достижении их общих целей, есть естественное основание социалистической этики.

В отличие от существующих систем хозяйства, социализм стремится перенести возможно большую часть хозяй-

ственных забот от индивидуального человека на все общество. Но именно это и равносильно освобождению личности человека, всестороннее развитие которой составляет, с социалистической точки зрения, конечную и верховную цель общественного союза.

Миросозерцание прежнего времени знало много высших ценностей, которые могли быть противопоставлены личности человека. Государство, церковь, национальность и многое другое были такими ценностями, ради которых приносилось в жертву счастье людей. Но в эпоху Возрождения сложилось новое миросозерзание, которое, не отрицая других ценностей, признало, что среди всех их есть одна, стоящая превыше всего остального. Этой ценностью является человеческая личность. В философии Канта это миросозерцание получило свое наиболее глубокое философское обоснование. И современный социализм есть не что иное, как радостный, бодрый и проникнутый глубокой любовью и верой в людей гуманизм, воскрешение светлого призрака ранней итальянской весны.

Правда, нельзя отрицать, что в некоторых направлениях современного социализма чувствуется и антииндивидуалистический дух, которым проникнут в такой сильной степени социализм Платона. Дитцель указывает в этом отношении на Родбертуса, противопоставляя социализм Родбертуса коммунизму Маркса.

Еще в большей мере, чем у Родбертуса, элементы антииндивидуалистического социализма можно заметить у Сен-Симона и всей его школы. Однако, крайне характерно, что и Родбертус и школа Сен-Симона остались в стороне от широкого социалистического движения и не оказали влияния на массы.

Это и понятно — народные массы нашего времени вовлечены в социалистическое движение теми хозяйственными выгодами, которые социализм обещает трудящимся классам, — а этот индивидуалистический мотив не имеет ничего общего с подчинением личности общественному целому, что характерно для социализма Платона и в гораздо меньшей степени для Родбертуса и школы Сен-Симона.

Вообще же, об антииндивидуалистическом социализме можно с полным правом говорить лишь по отношению к Платону. Представители современного социализма никогда не порывали с мировоззрением индивидуализма и лишь

иногда в их социалистических построениях звучат более или менее сильные антииндивидуалистические ноты.

III

Социализм Платона имел моральный, а не экономический характер. Требуя общности имуществ, эллинский мудрец боролся не с бедностью, а с богатством. Современный социализм, исходит из совершенно иной оценки богатства и стремится общностью имущества обеспечить не общую бедность, а общее богатство.

В хозяйственном богатстве, современный социализм усматривает естественную основу развития человеческой культуры. Никакой опасности для морали в богатстве, в котором участвуют все члены общества и которое приобретается трудом каждого, а не эксплуатацией одних членов общества другими, социализм нашего времени не усматривает и потому, в полном согласили с требованиями личного интереса каждого, требует возможно большего богатства для каждой личности, поскольку это не противоречит интересам других личностей.

Именно благодаря этому современный социализм и связал себя с интересами огромного большинства современного общества, с интересами трудящихся классов, страдающих от бедности и желающих получить долю в национальном богатстве.

Страх перед богатством у Платона был тесно связан с его идеалистическим философским мировоззрением. Не тело, а дух представляет собой истинную ценность — так учил Платон; чувственные удовольствия казались ему опасными для мощи духа.

Современный социализм смотрит на мир иными глазами. Мировоззрение гуманизма, провозгласившее права плоти, как основы развития духовных способностей, всего ближе социализму нашего времени, хотя из этого не нужно делать вывода, что современный социализм равнодушен к высшим духовным ценностям жизни. Признание материального богатства основой умственной и эстетической культуры не имеет ничего общего с отрицанием ценности культуры этого последнего рода.

IV

Платон пришел к социализму, исходя из убеждения в естественном и неустранимом неравенстве людей. И в этом отношении современный социализм представляет собой прямую противоположность платоновскому.

Социализм нашего времени ведет свое начало с эпохи великой французской революции, в столь различных и многообразных отношениях являющейся гранью, с которой начинается новейшая история человечества.

В эту эпоху окончательно сложилось и окрепло мировоззрение, краеугольным камнем которого явилась идея равноценности человеческой личности.

Кант дал в своих работах о морали и праве теорию того миросозерцания, которое на практике выразилось в знаменитом революционном требовании «свободы, равенства и братства». Из этой триады для социализма особенно важен второй принцип равенства, который и является идейным корнем социализма нашего времени.

Между тем, именно этот принцип обосновать всего труднее. Желательность свободы и братства не нуждается в доказательствах. Отсутствие свободы ощущается человеком, как положительное страдание. Точно также братство — иначе говоря, любовь — есть положительное благо. Другое дело равенство. Почему и в каком смысле равенство есть благо, а неравенство — зло? Неравенство коренится в самой природе вещей: люди рождаются неравными — неравными по своим физическим силам, умственным способностям, нравственным наклонностям, вкусам, потребностям и т. д. и т. д. Никакой социальный строй не может устранить этого естественного неравенства. И для чего нужно стремиться к его устранению? Разве всеобщее равенство гарантирует всеобщее счастье?

Все эти соображения так естественны и убедительны, что и поныне неизменно выдвигаются противниками социализма. И только стройная, строгая, неумолимо-последовательная и логичная теория Канта дает прочное, как гранит, обоснование требования равенства.

Кант признал человеческую личность целью в себе, верховной целью, которая не должна никогда и ни в каком случае становиться средством для чего-либо другого.

Таким образом, в то время как античный социализм Платона клал в основу социалистического строя правовую идею подчинения личности обществу, интересов личности интересам всего общественного целого, современный со-

циализм исходит из идеи равноценности каждой человеческой личности и стремится к созданию такого общественного строя, при котором были бы обеспечены в возможно большем размере равные права всех личностей, составляющих общество. Современный социализм, как сказано, имеет индивидуалистический характер, и даже такой социалистический мыслитель, как Сен-Симон, в мировоззрении которого индивидуалистические элементы выражены гораздо слабее, чем у других новейших социалистов, провозгласил высшей задачей общественного строя «обеспечение всем людям наиболее свободного развития их способностей».

Социальным идеалом нашего времени является не возможно более полное поглощение личности обществом, а, наоборот, возможно большая свобода каждой человеческой личности без различия, ибо каждый человек, независимо от своих личных достоинств, сильный и слабый, умный и глупый, святой и величайший злодей, все обладают в равной мере верховной святыней человеческой личности.

В этом смысле и можно говорить о равенстве всех людей: каждая человеческая личность есть бесконечная ценность, а бесконечность всегда равна бесконечности. Как носители человеческой личности, все люди равны между собой, как бы они ни были различны по своим свойствам и достоинствам. Они равны по своим правам на жизнь и счастье, они равны по тому уважению, с каким мы должны относиться к интересам их всех, — они равны по бесконечной ценности, которой обладает личность каждого из них. Только с этой точки зрения можно признавать принцип равенства основанием правильного общежития людей. Отбросьте учение об абсолютной ценности человеческой личности — и все демократические требования нашего времени окажутся пустым разглагольствованием. Поэтому необходимо признать идею равноценности человеческой личности основной этической идеей современного социализма.

Правда, сам Кант, давший незыблемое теоретическое обоснование социализму, отнюдь не был социалистом. В своей «Метафизике нравов» он защищает право частной собственности на землю и другие средства производства и пытается вывести его из основного прирожденного права человека на свободу. Но если есть какое-либо положение, твердо установленное социалистической критикой, то это то, что право частной собственности на средства производ-

ства, по неумолимым законам хозяйства, неизбежно превращается в право эксплуатации одними людьми других, неизбежно ограничивает свободу личности трудящегося человека, обращает в пустую юридическую фикцию прирожденное равенство всех. Пока останется частная собственность на землю и капитал, до тех пор землевладелец и капиталист останутся фактическими господами работника, лишенного средств производства и существования. Иными словами, частная собственность на средства производства несовместима с правом человека на свободу и равенство. Социализм есть, следовательно, требование естественного права, логически связанное с первым и основным прирожденным правом человека на свободу.

Кант не был, как сказано, социалистом. Однако, только в идее равноценности человеческой личности, — а эта идея нашла свое самое систематическое выражение в философии Канта — заключается теоретическое обоснование современного социалистического мировоззрения, поскольку таковое опирается на этические принципы. Социализм есть стремление осуществить в действительной жизни все те права, которые ныне теоретически признаются всеми неотъемлемым достоянием человека. Из области юридической фикции права они должны перейти в реальную жизнь.

Недостаточно всех людей объявить равноправными — нужно их сделать реально равноправными, нужно обеспечить за ними возможность реально использовать их права; а так как в основе индивидуальной и общественной жизни лежит хозяйство, вне которого невозможно никакое реальное обеспечение права, то социализм, естественно, приходит к требованию преобразования современного устройства хозяйства. Пока одни классы общества будут присваивать труд других классов, пока сохранится эксплуатация трудящихся классов имущими, до тех пор фактическая равноправность всех, к которой стремится социализм, не будет достигнута. Поэтому социализм требует экономической равноправности всех членов общества.

ГЛАВА II. КЛАССИФИКАЦИЯ РАЗЛИЧНЫХ СИСТЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОЯ.

Социализм и коммунизм.— Государственный, синдикальный, коммунальный и анархический социализм.— Государственный, коммунальный и анархический коммунизм.

Цели социализма могут достигаться различными путями, и потому было бы большой ошибкой думать, что социалистические построения основ будущего общественного строя в общих чертах тождественны или, хотя бы, близки друг к другу. Наоборот, наблюдается чрезвычайное разнообразие систем социалистического строя, почему характеристика социалистического строя предполагает предварительную классификацию этих систем.

Наиболее естественной и логически обоснованной классификацией этих систем мне представляется нижеследующая:

Социализм в узком смысле слова	**Коммунизм**
Государственный	Государственный.
Синдикальный	—
Коммунальный	Коммунальный.
Анархический	Анархический.

Наиболее общим делением социализма является деление его на социализм в узком смысле слова и коммунизм.

Обыкновенно, различие социализма в узком смысле от коммунизма видят в том, что социализм в узком смысле требует перехода в общественную собственность только средств производства, допуская частную собственность на предметы потребления, между тем как коммунизм требует совершенного уничтожения частной собственности как на средства производства, так и на предметы потребления.

Но это не совсем верно.

Нельзя, прежде всего, строго разграничить средства производства от предметов потребления. Стул, на котором я сижу, есть предмет потребления, если я сижу для отдыха, и средство производства, если я на нем работаю. Экипаж, в котором я еду, есть предмет потребления, если я катаюсь для собственного удовольствия, и средство производства, если я еду по делу и т. д. и т. д.

Неверно затем, будто социализм требует обобществления всех орудий труда (средств производства). Свою книгу об «Аграрном вопросе» Каутский* заканчивает очень красноречивым и искренним описанием прелестей домашнего очага, жизни у себя дома. В социалистическом обществе Беллами** каждая семья живет в особом доме. С этим неизбежно связывается и сохранение в большей или меньшей степени домашнего хозяйства — а, следовательно, и индивидуальное владение средствами производства этого хозяйства. Принятие пищи дома требует своих орудий труда — посуды, столовых принадлежностей и пр. Бумага, перья, чернила, книги, читаемые не для развлечения, — все это орудия умственного труда, по отношению к которым должно быть допущено индивидуальное владение и при социалистическом устройстве общества.

Итак, и при господстве социализма в узком смысле известная часть средств производства останется в частном владении. С другой стороны, по отношению к очень многим предметам потребления частное владение в таком обществ ни в каком случае допущено быть не может. Уже и теперь очень многое, служащее для непосредственного наслаждения и пользы, находится в свободном и общем пользовании всех — напр., общественные музеи, картинные галереи, городские парки и пр. В социалистическом обществе такое свободное пользование различными источниками наслаждения должно чрезвычайно возрасти.

Другие предметы потребления, как, напр., жилые дома, должны перейти в собственность всего общества, и только пользование ими должно быть предоставлено за известную плату отдельным лицам.

Таким образом, в социалистическом обществе будут три группы предметов потребления: одни предметы будут принадлежать всему обществу и пользование ими будет свободно предоставлено всем; другие будут принадлежать всему обществу и пользование ими будет предоставлено

отдельным лицам за известную плату и, наконец, третьи будут находиться во владении отдельных лиц.

Но и коммунизм отнюдь не характеризуется тем, что при этом строе индивидуальное владение совершенно исчезнет. Главным апостолом коммунизма в новейшее время был Кабэ. В своей «Икарии» он стремился все сделать общим и уничтожить всякое индивидуальное владение. Но это ему удалось далеко не в полной мере. Икарийцы, живущие в деревне и ведущие сельское хозяйство, имеют, по описанию Кабэ, особые фермы, с которых они поставляют государству заранее определяемое количество сельскохозяйственных продуктов. За этим вычетом, они свободно располагают всеми продуктами своих ферм и не подлежат в потреблении их никакому общественному контролю. Очевидно, икарийцы являются полными владельцами продуктов своего труда (без права, разумеется, их отчуждения). В этом случае индивидуальное производство естественно влечет за собой и индивидуальное владение продуктом труда. Но и при общественном производстве, как широко бы оно ни было проведено, останется много предметов потребления, которые по самой своей природе должны быть в единоличном владении отдельных лиц. Сюда относится, напр., одежда. Как бы далеко ни были проведены принципы коммунизма, но одним сюртуком одновременно одеть двух не удастся, и каждый сюртук будет силою вещей во владении того, кто его носит.

Принципиальное отличие собственно социализма от коммунизма не может таким образом, приурочено к указанному признаку.

Ввиду этого многие склоны отождествлять социализм с коммунизмом или же усматривать различие между тем и другим, в степени, в которой проводится принцип общественной собственности на предметы хозяйства. Однако, возможно установить ясный и точный признак, по которому социализм резко отличается от коммунизма. Признаком этим, по моему мнению, является следующее.

Среди различных социалистических систем, в широком смысле слова, легко отличить два основных типа. В одних системах нормируются тем или другим способом доходы отдельных лиц, т. е. устанавливается общая сумма ценности, которой данное лицо может располагать для своего потребления; согласно другим системам доходы отдельных лиц совершенно не нормируются, и даже устраняется самое

понятие дохода как определенной суммы ценности, а нормируется непосредственно потребление или же потребление признается совершенно свободным.

При системах первого типа распределение продуктов обязательно совершается при помощи той или иной системы денег, хотя бы только идеальных: каждая отдельная личность расходует свой доход — потребляет в пределах ценности, которой располагает, для чего требуется, в свою очередь, точное сравнение ценности потребляемой вещи с общей ценностью дохода потребляющего лица, и расходование этой последней ценности данным лицом для приобретения предметов потребления. Поэтому, при системах этого типа, предметы потребления должны иметь свою цену, цена же должна быть выражена в каких-либо единицах. Иными словами, деньги, как мерило цен и как покупательное средство, являются в системах этого типа необходимым орудием распределения продуктов.

Напротив, в системах второго типа, предоставляющих полную свободу потреблению или же нормирующих не доходы, но непосредственно потребление, деньги совершенно не нужны в качестве орудия распределения. Общественное хозяйство в системах первого типа есть денежное хозяйство, в системах второго типа — натуральное хозяйство.

Различие это глубоко и принципиально и именно к нему следует приурочить деление социализма и коммунизма. Где имеется категория личного дохода, там мы имеем дело с социалистической системой; где этой категории нет, там перед нами коммунизм.

Обычное понимание социализма, как системы, допускающей личную собственность на предметы потребления, и коммунизма, как системы, отвергающей такую собственность, есть смутное выражение указанного основного и принципиального отличия обеих систем. Ибо категория личного дохода логически предполагает свободу распоряжения доходом, свободу расходования дохода по своему вкусу, а такое свободное расходование предполагает и личные права расходующего лица на приобретенные предметы потребления. Иными словами, категория личного дохода предполагает и личное владение предметами потребления.

Напротив, отсутствие категории личного дохода предполагает и отсутствие личных прав на предметы потребле-

ния. Поэтому системы этого типа отрицают частную собственность на все предметы хозяйства без различия.

Таким образом, исходя из указанного признака, можно с полной определенностью разграничить социализм (в узком смысле) от коммунизма. При социалистическом строе потребление регулируется доходом, при коммунистическом — потребление или совершенно свободно или же регулируется непосредственным распределением продуктов в натуральном виде между отдельными лицами.

При коммунистическом строе экономическая равноправность выражается или в равной свободе потребления каждого или же в равенстве потребления (в зависимости, конечно, от возраста, пола, здоровья и т.д.); Отказываясь от нормирования дохода отдельных личностей, коммунизм отрицает и необходимость пропорциональности между тем, что каждое лицо дает обществу и что оно от последнего получает.

Напротив, системы социализма (в узком смысле) могут быть двоякого рода. Одни (Пекер, Беллами) так же строго стоят на почве фактического равенства, как и системы коммунизма. Нормирование дохода принимает в этом случае вид полного равенства доходов всех членов общества: за каждым признается право на равную сумму дохода. Но, в отличие от уравнительного коммунизма, это равенство доходов не превращается в одинаковость потребления по роду и качеству потребляемых продуктов. Каждый расходует свой доход согласно своим личным вкусам и потребностям.

В других системах социализма экономическая равноправность понимается как равное право каждого рабочего на создаваемый им трудовой продукт, а так как трудовые продукты различных рабочих могут — и даже неизбежно должны — быть неравны, ибо люди обладают фактически различными силами и способностями, то коллективизм этого типа отнюдь не требует равенства доходов. Такое равенство многие социалисты считают даже нежелательным, ибо при нем у рабочего отпадают побудительные мотивы повышать производительность своего труда. Так, напр., формула сен-симонистов гласит: «от каждого по его способностям, каждой способности по ее делам». Иными словами, каждый должен исполнять ту работу, к которой он наиболее способен, и получать вознаграждение в соответствии с тем, что дает обществу его работа.

Таково основное и наиболее глубокое деление социалистических систем в широком смысле слова — на социализм в узком смысле слова и коммунизм. Деление это основывается, как указано, на способе распределения продуктов между отдельными членами общества — в одном случае это распределение совершается при посредстве особого покупательного средства, которым наделяются все члены общества; во втором случае распределение продуктов совершается непосредственно, без промежуточной ступени покупки, и продукты прямо переходят из общественных складов в потребление отдельных лиц. Социализм в узком смысле слова является, таким образом, более сложной экономической системой, коммунизм — более простой.

В свою очередь, социализм в узком смысле слова и коммунизм могут быть подразделены на различным системы, причем, в основу этого деления я положил большую или меньшую централизацию хозяйственного строя, подчинение частей целому.

В государственном социализме и коммунизме централизация достигает своего наивысшего выражения: все общественное хозяйство непосредственно сосредоточено в руках государства, владеющего всеми средствами производства и всеми продуктами общественного труда до перехода последних в индивидуальное потребление.

Синдикальным социализмом я называю такую форму социализма, при которой средства производства, находятся во владении не всего общества, а различных профессиональных рабочих групп, непосредственно работающих при помощи этих средств производства. Земля, при синдикальном социализме, принадлежит не всему обществу, а только земледельцам, фабрики принадлежат занятым на фабриках рабочим и т. д.

В качестве владельца данных средств производства соответствующая рабочая группа — иначе говоря, производительная ассоциация рабочих, производительная артель — владеет и своим трудовым продуктом. Этот трудовой продукт продается производительной ассоциацией рабочих и в обмен на вырученные деньги приобретаются предметы потребления, в которых нуждаются члены производительной ассоциации.

Таким образом, синдикальный социализм предполагает обмен продуктов (обмен продуктов труда производитель-

ной ассоциации на предметы потребления членов последней); этим самым логически исключается возможность синдикального коммунизма — коммунизм есть система, отрицающая обмен в какой бы то ни было форме.

Под коммунальным социализмом и коммунизмом я понимаю те формы социализма, при которых хозяйственной единицей является община, коммуна. Коммунальный социализм тем отличается от синдикального, что в состав общины входят рабочие не одного, а разных родов труда. Коммуна стремится, по возможности, удовлетворять свои потребности своим собственным трудом, возможно менее прибегая к обмену. Поэтому в состав коммуны неизбежно должны входить рабочие разных профессий.

Внутри коммуны распределение продуктов может происходить как на социалистической, так и на коммунистической основе: отдельные члены коммуны могут получать определенный денежный доход и затрачивать его на покупку произведений коммуны, или же продукты общинного труда могут непосредственно распределяться общиной между ее членами. Соответственно этому возможен как коммунальный социализм, так и коммунальный коммунизм.

В системах анархизма отвергается какая бы то ни была принудительная хозяйственная организация и личность провозглашается совершенно свободной от общественной власти. Анархизм является системой, наиболее далекой от государственной организации хозяйства. Анархизм мыслим как в форме социалистического, так и коммунистического анархизма: в первом случае отдельные производители свободно обмениваются своими продуктами, во втором случае они свободно пользуются продуктами друг друга без посредства какого бы то ни было обмена.

ГЛАВА III. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ (КОЛЛЕКТИВИЗМ).

I. Государство сен-симонистов. — II. Коллективистическое государство Пекера. Трудовая повинность. Принципы распределения. Свобода творческого труда. Роль денег. Международный обмен. — III. Социализм Родбертуса. Вознаграждение по трудовому продукту. — IV. Централистический социализм марксистов. — V. Коллективистическое государство Беллами.

I

Основоположниками государственного социализма нашего времени (или, как обычно называют эту форму социализма, коллективизма) следует признать скорее всего сенсимонистов. Именно школа Сен-Симона выдвинула ту мысль, что преобразование общественного строя в интересах рабочих масс может совершиться лишь путем государственной организации общественного хозяйства на социалистических началах.

Сам Сен-Симон не был, в строгом смысле слова, социалистом и никакого определенного плана социалистического устройства общества после себя не оставил. Но его ученики, главным образом, Базар и Анфантэн довершили дело учителя: они создали стройную социалистическую систему, проникнутую, как в своей критической части так и в положительной одним духом — духом признания солидарности и взаимного подчинения людей необходимой основой общественного союза.

Хозяйственная система, господствующая в настоящее время, говорили они, покоится на начале свободной конкуренции. Экономисты, провозгласившие эту систему, полагали, что можно доверить дело общественного хозяйства личному интересу каждого. Современное общественное хозяйство слагается из множества отдельных предприятий, конкурирующих друг с другом. Предприниматель, в существующем строе, является бесконтрольным и ни от кого

независимым руководителем хозяйственного предприятия, а, вместе с тем, в известной части, и всего народного хозяйства. Предприниматель исполняет, таким образом, важное народнохозяйственное дело. Его можно рассматривать как общественного служителя, на которого общество возлагает известные обязанности и вознаграждает его за них.

Но есть ли какая-нибудь гарантия, при господстве свободной конкуренции, что предприниматель удачно выполнит свои общественные обязанности? Не только такой гарантии нет, но вполне ясно, что предприниматель, как бы он ни был лично заинтересован, ни в каком случае не может удовлетворительно справиться с теми общественными обязанностями, которые на нем лежат. Ибо в чем заключается общественное назначение предпринимателя? В удовлетворении общественного спроса путем доставления обществу продуктов, в которых оно нуждается. Деятельность предпринимателя должна быть направлена на то, чтобы общественное производство возможно полнее соответствовало общественному спросу. Предприниматель должен производить именно те товары и в таком количестве, какие и в каком количестве требуются обществом.

Но при господстве свободной конкуренции никакой отдельный предприниматель не знает и не может знать истинных размеров и истинного характера общественного спроса. С другой же стороны, он не знает и размеров и характера общественного производства. Он не знает, какие товары и в каком количестве производят другие предприниматели, конкурирующие с ним.

Таким образом, предприниматель должен выполнять свое важное общественное дело с завязанными главами. Неудивительно, что в результате получается, вместо согласованности общественного производства со спросом, полный разлад между тем и другим, и, как результат этого — промышленные кризисы, банкротства, безработица и нищета рабочих.

Далее, при господстве свободной конкуренции и отсутствии общественного руководительства народным хозяйством, во главе предприятий становятся не те люди, которые наиболее способны именно к данному делу, но люди совершенно случайные, благодаря случайности рождения в среде данного класса располагающие требуемыми капиталами. От этого опять-таки страдает общественное хозяйство, руководительство которым достается людям, совер-

шенно для этого непригодным.

Наконец, вознаграждение, получаемое предпринимателями, их предпринимательский доход, находится в соответствии не с действительной пользой, приносимой каждым из них обществу, а с капиталами, которыми каждый из них располагает. Владельцы средств производства облагают общество данью в свою пользу, и эта дань тяжело ложится на трудящиеся классы общества.

«Не следует ли из этого заключить,— говорят Базар и Анфантэн в главном труде сен-симонистской школы «Exposition de la doctrine de Saint-Simon»,— что результаты современного хозяйства, вызывающие наше изумление, будут во много раз превзойдены — и притом без тех несчастий, которых мы ныне постоянно являемся свидетелями, если бы эксплуатация природы была урегулирована, и если бы эта эксплуатация была подчинена общему плану? Именно единства и плана нам и не хватает».

Высшая цель, к которой стремится человечество, это образование всемирной ассоциации трудящегося человечества. Современное государство, говорят сен-симонисты, должно в корне изменить свой характер; теперь оно преследует цели насилия, — в будущем же оно будет существовать для мирной организации общественного труда.

Организация эта будет покоиться, по представлению сен-симонистов, на следующих основаниях. Все средства производства будут сосредоточены в руках государства, носящего характер религиозной общины, так как государство сен-симонистов одновременно является и церковью. Распоряжение этими средствами производства, распределение их между отдельными местностями страны возлагается на центральное государственное учреждение. Его роль будет соответствовать, в хозяйственной области, современному правительству. С этим центральным государственным хозяйственным учреждением будут находиться в непосредственной связи учреждения областные, эти последние — с территориально еще более ограниченными учреждениями, разветвляющимися все более и более и все теснее соприкасающимися с отдельными производителями и потребителями.

Все вместе образует сложную иерархию взаимно подчиненных хозяйственных организаций различного порядка, с центральной государственной организацией во главе. От местных организаций будут стекаться в центральную орга-

низацию сведения о величине и характере национального спроса. Соответственно этому центральная организация будет распределять между местными организациями средства производства. Для этого центральная организация будет сравнивать запросы отдельных местных организаций между собою, а также и со средствами производства, которыми располагает нация. Ежегодно будет составляться национальный бюджет, подобно теперешнему государственному бюджету. Роль актива в этом бюджете будет играть совокупность продуктов национального производства; роль пассива — спрос на продукты со стороны местных организаций, каждая из которых будет составлять свой бюджет подобным же образом. В результате должна получиться, по мнению сен-симонистов, стройная организация всего национального хозяйства, полное единство плана и подчиненность частей, полное соответствие между национальным производством и национальным потреблением.

«Во главе социального организма — говорят Базар и Анфантэн — должны стоять руководящие лица, обязанность которых должна состоять в том, чтобы каждому указывать именно то место, которое ему больше всего соответствует и в его личных интересах и в интересах других. Если руководители отказывают одной отрасли промышленности в кредите, то это потому, что в общих интересах средства производства могут получить лучшее употребление; если один человек не получает орудий труда, которых он просит, то это потому, что компетентные власти признали его более способным выполнять другое дело. Конечно, ошибки свойственны людям, но нужно согласиться, что люди высшего таланта, стоящие на точке зрения общих интересов, взор которых не затемнен мелочами, имеют всего менее шансов впасть в ошибку в порученном им выборе; так как их чувства и даже личные интересы побуждают их стремиться настолько содействовать общему развитию хозяйства, и в каждой отдельной отрасли его в такой мере снабжать орудиями труда отдельные личности, насколько это допускается состоянием национального богатства и национального труда».

Совокупность работников будет образовывать собой иерархию, в которой будут высшее и низшие, начальники и подчиненные. Правилом распределения будет «от каждого по его способностям, каждой способности по ее делам». Таким образом, в сен-симонистском государстве не

будет ничего похожего на равенство распределения, но зато в нем должна быть строгая пропорциональность между тем, что каждый дает обществу и что он от последнего получает. Все привилегии рождения должны исчезнуть и только личные заслуги должны получать полную оплату. При равной оплате труда, независимой от его производительности, менее производительные рабочие присваивали бы в свою пользу плоды труда более производительных рабочих. Потому сен-симонисты полагают, что именно их принцип распределения всего более согласуется с верховным требованием равноправности всех людей, что именно оплата по труду и заслугам и есть истинное равенство.

Начало авторитета, добровольного подчинения людей низших умственных и нравственных способностей людям высшего таланта и высшего нравственного сознания было основанием всей этики сен-симонистов. Правда, сен-симонисты были индивидуалистами в том смысле, что свободное развитие человеческой личности во всей ее сложности и полноте было их высшим идеалом. «Вся моя жизнь, сказал умиравший Сен-Симон, резюмируется одной мыслью — обеспечить всем людям наиболее свободное развитие их способностей». В этом и усматривали сен-симонисты конечную цель общественного союза. Но средством к этой цели являлось у них руководительство слабых людей сильными, авторитет ума, морали и таланта. Тот же принцип авторитета лег и в основание проектированного ими социалистического государства, которое должно было покоиться на строгом подчинении низших высшим. Не надо при этом упускать из виду, что для всей школы Сен-Симона крайне характерна религиозная окраска их учения. Государство будущего должно стать не только хозяйственной ассоциацией производительных рабочих, но и новой церковью.

Именно эти особенности сен-симонистского плана общественного устройства и оттолкнули от него рабочие массы. Сен-симонизм никогда не был, в какой бы то ни было степени, народным движением. Для этого сен-симонизм был слишком аристократичен; круг его сторонников слагался почти исключительно из представителей интеллигенции — аристократии ума и таланта. Современная демократия не склонна к преклонению перед авторитетом, а крайняя централизация общественного устройства, проектированная сен-симонистами, потребовала бы такой же-

лезной дисциплины, которой ни в каком случае не согласился бы подчиниться свободолюбивый рабочий нашего времени. И потому сен-симонизм остался чужд народной массе и лишь косвенно, через посредство отдельных мыслителей, воспринявших некоторые важнейшие идеи сен-симонистов, но отказавшихся от авторитарного духа, которым проникнуто все учение, повлиял на современное социалистическое движение. Эту последнюю работу — преобразования и усовершенствования сен-симонизма — исполнил, главным образом, Пекер, отец современного коллективизма.

II.

Государство Пекера, как и сен-симонистов, является единственным собственником всех средств производства, земли и орудий труда. Оно подразделяется, подобно современному государству, на департаменты, округа, кантоны и коммуны, пользующиеся известным самоуправлением и являющиеся взаимно подчиненными центрами хозяйственных организаций.

Размер и характер национального спроса на каждый предстоящий хозяйственный период устанавливается в социалистическом государстве Пекера количеством и родом продуктов, потребленных населением в истекшем хозяйственном периоде, а также заказами со стороны населения. Таким образом, выясняется, какие продукты и в каком количестве спрашиваются населением; соответственно этому распределяется и национальное производство. Государство, владеющее средствами производства, организовывает по определенному плану, при помощи своих подчиненных общественных учреждений, все национальное производство. Производимые продукты отнюдь не являются собственностью отдельных производителей. Они поступают в государственные магазины для хранения и распределения их между всеми членами общества.

В основу этого распределения Пекер кладет следующие начала. Прежде всего, он решительный и безусловный враг неравенства оплаты труда различной производительности. Исходя из соображений справедливости, он отрицает, чтобы рабочий более талантливый или искусный, имел какое-либо право на большую оплату труда, ибо заслуга человека определяется не внешними результатами его действий, а

только его доброй волей.

Задача общественной власти — установить, как велика должна быть нормальная продолжительность рабочего времени в каждой отдельной отрасли труда, в каждой отдельной профессии для того, чтобы обременительность труда для среднего рабочего повсеместно была одинакова. Иными словами, рабочий день в каждой отрасли производства должен быть обратно пропорционален тяжести и неприятности труда. Вместе с тем, та же общественная власть должна установить везде, где это возможно, нормальный трудовой продукт, т. е., количество продуктов, производимых в нормальное рабочее время средним рабочим.

Оплата труда во всех отраслях его должна быть разная, если нормальный урок выполнен удовлетворительно. Если же рабочий произвел, по своей вине, менее нормального продукта, то он получает и соответственно меньшую плату. Если он выполнил урок за время меньшее нормального, то он не обязан работать более продолжительное время.

При расчете средней и одинаковой для всех платы принимаются в соображение все потребности, которые государство должно удовлетворить при помощи общего национального трудового продукта — напр., потребности в поддержании жизни лиц, неспособных к труду, больных, стариков и детей и т. д. Кроме того, известная часть трудового продукта отчисляется на восстановление и увеличение израсходованных в процессе производства элементов национального капитала. Весь остальной трудовой продукт за этими вычетами распределяется в равных долях между рабочими.

Самое распределение совершается при посредстве денег. Конечно, деньги в социалистическом обществе должны играть совершенно иную роль, чем они играют ныне. Теперь деньги — товар, имеющий свою самостоятельную ценность. В государстве же Пекера деньги — это простые бумажные знаки, символические выразители ценности. Нужны они потому, что Пекер желает предоставить всем гражданам полную свободу личного потребления в смысле выбора рода потребляемых продуктов. Каждый выбирает для своего потребления то, что ему нравится, — продукты любого рода в любом количестве. Но так как общая ценность потребления каждого ограничивается известными пределами, то и является необходимость точного опреде-

ления ценности каждого потребляемого предмета и, вместе с тем, подсчета общей ценности предметов, потребляемых каждым, ибо в противном случае установленная норма дохода каждого могла бы быть превзойдена. Поэтому при всякой системе социализма в узком смысле (в противоположность коммунизму, не устанавливающему никаких норм дохода отдельных лиц) та или иная форма денег, как покупательного средства и масштаба цен, является безусловной необходимостью.

Но не проникнет ли вместе с деньгами в социалистическое государство и отдача денег в рост, и, следовательно, эксплуатация человека человеком? Нисколько, ибо золотой телец имеет в наше время такую роковую власть над людьми не в силу свойств самих денег, как орудия обмена, а в силу всего строя современного общества. Деньги потому теперь так всесильны, что, с одной стороны, они могут быть обращены в капитал и стать источником присвоения чужого труда; с другой же стороны, они нужны массе населения потому, что она не имеет денег в достаточном количестве для удовлетворения своих насущных потребностей. Ни того, ни другого условия в социалистическом государстве не будет. С одной стороны, деньги нельзя будет превратить в средства производства, так как средства производства будут принадлежать государству и не будут подлежать отчуждению в частные руки. С другой же стороны, все, не только насущные, но и менее необходимые потребности массы населения будут с избытком удовлетворены и, следовательно, не будет никакой необходимости для кого-либо брать деньги в ссуду.

Только в исключительных случаях попытки к сделкам такого рода (к отдаче денег в рост) могли бы возникать в социалистическом обществе и, конечно, они были бы безусловно запрещены законом. Социалистическое государство не может признать за кем бы-то ни было права извлекать доход из своего имущества, так как всякая эксплуатация человека человеком не совместима с принципами социализма.

Но никаких других стеснений по отношению к пользованию деньгами Пекер не проектирует: каждый волен не только расходовать их, как ему угодно, на какие угодно продукты, но и дарить их другим людям в любом количестве, сохранять их любое время у себя и даже завещать их кому угодно после своей смерти. Единственное, чего не

может делать со своими деньгами гражданин государства Пекера — это пользоваться ими для эксплуатации себе подобных.

Конечно, право получения денег (равно как и всех предметов потребления, которыми располагают отдельные лица), посредством дара или завещания несколько нарушает принцип равенства, ибо одни будут иметь, без всякой заслуги со своей стороны, больше предметов потребления, чем другие. Но это нарушение так ничтожно и неопасно, в виду невозможности обратить деньги и предметы потребления в капитал, что Пекер его смело вводить в свою систему, чтобы возможно меньше ограничивать личную свободу.

Итак, всякий гражданин волен покупать по своему усмотрению на свои деньги любые продукты в государственных магазинах. Государство же совершает за свой счет и все операции по ввозу нужных для страны продуктов из-за границы, равно как и по вывозу за границу туземных продуктов. Когда социалистический строй охватит весь мир, единственным орудием мирового обмена явятся те же бумажные деньги каждого государства, которые обращаются и внутри страны. Золото будет так же излишне для международного обмена, как и для купли-продажи внутри страны; иностранные бумажные деньги не будут внушать никому недоверия, так как выпуск их будет строго регулирован в каждой стране хозяйственными потребностями населения, и выпустившее их государство будет оплачивать их своими продуктами. По этой причине деньги каждой страны будут всемирными деньгами, и каждый путешественник будет свободно расплачиваться ими в любой стране.

Цены продуктов, количество которых может быть свободно воспроизводимо в желаемых размерах, будут регулироваться трудом производства, но в случае превышения спроса на эти продукты над предложением их, цена их должна соответственно изменяться. Цены же редких продуктов будут всецело регулироваться спросом и предложением: ибо, если держать цены этих продуктов на уровне трудовых затрат, то только часть лиц, желающих воспользоваться этими предметами, могла бы их получить, между тем, как остальная часть населения осталась бы без них, что было бы очевидной несправедливостью. И только повышение цены продукта до того уровня, при котором общественный спрос на продукт равен предложению, соответствует требованию экономической справедливости, вы-

ражающейся началом экономической равноправности всех людей.

Исходя из своего принципа, что каждый может свободно распоряжаться своими доходами, Пекер дает своеобразное разрешение и вопросу о роли литературного, художественного и всякого иного высшего творческого труда в общем строе социалистического хозяйства. Для государства чрезвычайно важно непосредственно поддерживать все виды этого исключительно производительного и ценного общественного труда, — оно должно само за свой счет издавать книги, признаваемые хорошими и полезными, давать средства ученым на производство исследований, польза которых признана государством, и т. д. и. т. д. Но в этой государственной поддержке творческого труда заключается и огромная опасность. Творческий труд должен быть совершенно свободен и никакому контролю подлежать не может. Даже самое совершенное общество некомпетентно в оценке этого труда, ибо гениальный мыслитель или художник стоят выше толпы, опережают свое время. Общественный контроль творческого труда (а как оказывать поддержку этому труду без контроля? ведь нельзя же печатать на общественные средства всякую бездарную книгу — и должна же, следовательно, какая-либо общественная власть решать, заслуживает книга печатания или нет) должен совершенно убить свободу личного творчества.

Выход из этого. затруднения Пекер указывает следующий: каждый имеет право печатать на свои личные средства все, что пожелает. Государственные типографии открыты для всех. Точно также каждый может расходовать свои личные средства на научные, художественные и иные цели. Таким образом, наряду с наукой, литературой, искусством, поддерживаемыми государством, будет существовать и свободное творчество, ничем не ограничиваемое и ничем не стесняемое.

Воспитание и обучение молодого поколения, естественно, должно лежать на государстве и иметь бесплатный характер. Государство же берет на себя содержание подрастающего поколения вплоть до того возраста, когда молодые люди приступают к производительной работе. Но при этом государство предоставляет родителям право содержать детей до известного возраста при себе, или же отдавать их в государственные воспитательные учрежде-

ния. На государство всецело ложится и содержание неспособных к труду, стариков и больных.

Обычным камнем преткновения социалистических систем является вопрос о выборе занятий отдельными лицами. Если предоставить каждому полную свободу выбора, то более привлекательные занятия будут переполнены, а менее привлекательные пустовать. Вместе с тем, если каждый будет руководствоваться в выборе занятия только своим усмотрением, то общество не имеет гарантии, что данное общественное дело будет исполняться именно тем, кто к нему наиболее способен.

С другой же стороны, известная степень свободы выбора занятий есть необходимое условие свободы личности вообще. Как же примирить это противоречие?

Пекер предлагает следующий выход. Для занятия каждым определенным родом труда требуется доказать, что данное лицо наиболее пригодно к этому труду. Доказательством этого является специальный экзамен, производимый компетентными лицами, и избрание данного лица населением. Преимущественным правом занять определенную общественную должность пользуются лица, стоящие выше других по своей подготовленности к ней и по симпатии к ним населения. Этим же определяется и повышение данного лица в общественной иерархии — занятие им высших, руководящих общественных должностей.

Лица, менее одаренные и пользующиеся меньшими симпатиями населения, естественно будут занимать низшие должности, будут исполнять те обязанности, на которые находится меньше охотников. При этом не нужно, однако, забывать, что общественная власть должна принимать всевозможные меры к тому, чтобы обременительность труда во всех его отраслях была одинакова, и что вознаграждение труда предполагается Пекером равным на всех. ступенях общественной лестницы.

Это последнее обстоятельство крайне ослабляет то трение, которое не может не возникать при выборе отдельными лицами себе занятий. В настоящее время вопрос о выборе занятия имеет такой жгучий характер для огромного большинства потому, что с различными занятиями связаны и различные удобства жизни. В государстве Пекера это различие совершенно отпадает. Все роды труда будут мало обременительны и будут вознаграждаться одинаково щедро, поэтому, единственным побудительным мотивом для

человека выбирать именно данный род труда будет большая склонность человека к этому роду труда. А большая склонность к какой-либо деятельности обыкновенно сопровождается и большей способностью к ней. Таким образом, хотя система Пекера и не можете обеспечить полной свободы в выборе занятий, все же она обеспечивает эту свободу в гораздо большей степени, чем существующая хозяйственная система, при которой выбор занятий решается частью случаем, частью ожесточенной борьбой конкурентов, в каковой побеждает, большей частью, не самый способный, а экономически самый сильный, т.е., обладающий наибольшим капиталом.

Многим может показаться странным требование Пекера, чтобы все роды труда вознаграждались одинаково. Мы привыкли думать, что так называемые высшие роды труда должны и вознаграждаться выше. По распространенному мнению, такое всеобщее равенство убьет всякую охоту заниматься творческим трудом и, следовательно, в корне подрежет прогресс цивилизации.

На это можно ответить, что никакое истинное творчество не совершается из-за денег. Ученый, мыслитель, поэт творят ради самого наслаждения творчества или под влиянием мотивов более благородного порядка, чем мысль об экономических выгодах. Конечно, для умственного труда требуется известный минимум материального комфорта, а также досуг. Социалистическое государство должно обеспечить всем гораздо больше, чем этот минимум богатства, — оно должно обеспечить всем действительное богатство и не менее обеспечить всем действительный досуг. При этом условии совершенно непонятно, для чего требуется добавочное вознаграждение для умственного труда. И без того труд этого рода будет получать самое высшее, самое ценное добавочное вознаграждение, которое, действительно, весьма важно в качестве побудительного мотива к этого рода деятельности, требующей наибольшего напряжения всей личности человека, — вознаграждение в виде славы, почета, удивления и любви людей.

Хорошая сторона начала равенства оплаты всех родов труда (помимо справедливости этой формы оплаты, ибо человек ответственен только за свою добрую волю, но не за свои природные способности и таланты) заключается также и в том, что при этом выбор занятий будет определяться для каждого только обстоятельствами, лежащими в приро-

де этого самого занятия, но не обстоятельствами внешними и посторонними по отношению к этому занятию. Люди будут избирать дело, которое они всего более любят, а не то, которое всего лучше вознаграждается. И в этом лучшая гарантия, что всякое дело будет исполняться наиболее пригодными для него людьми.

План коллективистического государства, созданный Пекером, в высшей степени замечателен. В нем стройно сочетается общественная организация труда с принципом личной свободы. План Пекера совершенно свободен от основного греха сен-симонизма — чрезмерного увлечения принципом авторитета — увлечения, сделавшего сен-симонитскую ассоциацию такой неприемлемой для современного человека. Социалистическое государство Пекера представляет собой самый зрелый плод социалистической мысли Франции.

Основным правилом распределения у Пекера является равенство оплаты труда, независимо от его качественного различия. Пекер решительно отвергает право рабочего на свой полный трудовой продукт и считает совершенно недостижимым стремление осуществить это право при каком бы то ни было устройстве общества.

Напротив, социалистическое государство Родбертуса является попыткой осуществить это право.

III

Родбертус, как и Пекер, исходит из предположения, что все средства производства находятся в распоряжении государства, являющегося единственным руководителем национального хозяйства. Точно также, Родбертус принимает, что отдельные личности пользуются свободой в выборе предметов потребления, и что размер их участия в общем национальном потреблении определяется величиной их дохода. Но этот доход, по плану Родбертуса, не должен быть равным для всех родов труда без различия (как это проектировал Пекер), но строго пропорционален трудовому продукту. Каждый рабочий должен получать от общества в свое распоряжение (за вычетом известной части в пользу всего государства на его нужды), как раз столько ценности в виде предметов потребления, сколько он дал обществу в виде затраты своего труда. Отношения между личностью и обществом должны покоиться на основе равенства услуги

и вознаграждения.

С этой целью Родбертус рекомендует установить для всего общественного хозяйства нормальное рабочее время и с этим нормальным рабочим временем сравнивать действительную трудовую затрату в отдельных отраслях труда. В отраслях так назыв. квалифицированного, искусного труда час трудовой затраты соответствует большему количеству нормального рабочего времени, а в отраслях труда низшей производительности час труда заключает в себе меньшее количество нормального рабочего времени. Возможность такого приравнивания качественно различных родов труда доказывается для Родбертуса тем, что и теперь, при господстве капиталистического строя, путем конкуренции между рабочими устанавливается нечто подобное: в различных отраслях труда оплата труда различна в зависимости от различия его производительности.

Сведя качественно различные роды труда к соответствующим количествам нормального рабочего времени и зная средний трудовой продукт в каждом из этих родов труда, легко будет определить, сколько именно нормального рабочего времени заключено в каждом трудовом продукте. Таким образом, определится трудовая ценность каждого продукта.

Распределение продуктов будет совершаться следующим образом. Каждый рабочий будет получать рабочие деньги — чековую книжку, в которой будет обозначено, на какую сумму он создал трудовой ценности. На такую же сумму он будет иметь право приобретать предметов потребления, ценность которых будет выражаться также в трудовых единицах. Таким путем будет достигнуто полное соответствие между национальным производством и национальным потреблением и, в то же время, осуществлено в полной мере право рабочего на свой полный трудовой продукт.

Таков план Родбертуса. Нетрудно показать его несостоятельность. Недостижимо, прежде всего, сведение качественно различных родов труда к единому нормальному рабочему времени, вполне соответствующему созданному Марксом понятию общественно необходимого рабочего времени. Ссылка на существующие различия оплаты труда совершенно неубедительна, так как существующие огромные различия заработных плат в разных профессиях основываются, прежде всего, на различии условий экономической борьбы в этих отраслях труда, а вовсе не на разли-

чии производительности последнего. Где рабочие относительно сильнее в своей борьбе с предпринимателем, там выше и их заработная плата. Вообще же, производительность труда в различных профессиях по самому существу не допускает сравнения.

Каким общим мерилом сравнивать, напр., производительность труда судьи или врача и земледельца? Сколько часов труда ткача заключается в часе труда поэта, какому количеству «нормального времени» соответствует час труда этого последнего?

Очевидно, все такие попытки сведения к одной общей единице качественно различного труда следует бросить. Справедливая система распределения должна стремится не к тому, чтобы обеспечить каждому рабочему его полный трудовой продукт (стремление это неосуществимо по несравнимости трудовых продуктов качественно различных родов труда), а к тому, чтобы привести распределение продуктов в возможно большее согласие с основной этической идеей социализма — идеей равноценности человеческой личности. Великий ученый такой же человек, как и последний чернорабочий; оба они в равной мере люди и потому должны пользоваться совершенно равными правами на жизнь. Право человека на вознаграждение со стороны общества определяется не внешним результатом его деятельности, а его внутренней доброй волей, его готовностью служить обществу. Подобно тому, как общество нравственно обязано поддерживать жизнь больного и неспособного к труду человека, являющегося для общества чистой обузой, совершенно в той же мере, как и производительного работника, оно в той же мере обязано вознаграждать малопроизводительный, но добросовестный труд, как и труд высшей производительности.

Право каждого на равную оплату добросовестного труда может быть ограничено лишь с одной стороны. Дело в том, что некоторые роды труда так тягостны и неприятны сами по себе, что на них трудно найти охотников, какова бы ни была внешняя обстановка труда этого рода. В этих случаях не будет нарушением принципа равенства, если труд такого рода будет получать некоторое добавочное вознаграждение, как оплату добавочного бремени труда. Но так как наиболее тягостны именно разные роды грубого чернорабочего труда, в противность высшему, творческому труду, доставляющему человеку огромное наслаждение, то именно менее производительные роды труда в социалистическом, обществе могут вознаграждаться всего выше.

Очевидно, ни о каком соответствии с принципом обеспечения рабочему его полного трудового продукта не может быть в данном случае и речи.

Вообще, право рабочего на свой полный трудовой продукт имеет значение для социализма, как это указал Антон Менгер*, главным образом, в своем отрицательном смысле — как отрицание правомерности нетрудового дохода. Как положительное право оно имеет смысл лишь по отношению ко всему обществу, как целому, но отнюдь не пригодно в качестве правила распределения продуктов между отдельными членами общества. В основу распределения в социалистическом обществе должен быть положен другой, более высокий принцип — равного права всех людей на жизнь, счастье и свободное развитие своей личности.

Уже по одному этому, принадлежащий Родбертусу план социалистического государства, целиком покоящийся на уравнении права отдельного рабочего на ценность его трудового продукта, должен быть отвергнут. Но этот план заключает в себе и другую слабую сторону — установление цены продуктов на основе трудовых затрат. Как указывает Пекер, последовательное проведение трудового принципа в области цены продуктов равносильно нарушению принципа равенства людей — равносильно лишению части населения тех продуктов, в которых оно нуждается, в пользу другой части, случайно успевшей приобрести эти продукты раньше. Цена продуктов в социалистическом обществе, как и в капиталистическом, должна быть такова, чтобы спрос на них соответствовал предложению — таково требование экономической справедливости, покоящееся, опять-таки, на идее равноценности человеческой личности, на признании за всеми равного права участвовать в потреблении.

IV

Марксизм принципиально отрицает пользу и значение подробных планов будущего устройства, усматривая в этом утопизм. Поэтому неудивительно, что ничего выдающегося в этой области марксизм не создал. Несомненно лишь одно, что хотя марксисты и отрицают, чтобы общество будущего могло называться государством — так как современное классовое государство есть организация классового господства, а именно, господства имущих классов над неимущими, между тем как в социалистическом обществе не будет классов, классовых противоречий и классового

господства, почему оно и не будет в современном смысле государством — социалистическая организация общественного хозяйства будущего должна иметь, по представлению марксистов, централистический характер. Правда, не все общественное производство будет управляться из одного общественного центра. Производства, служащие чисто местным потребностям, могут перейти в ведение местных, общинных учреждений. «Но главная группа средств производства должна перейти в собственность государства, точно так же, как только современное государство может явиться рамкой для социалистического общества, а также создать те условии, в которых общинные или товарищеские предприятия могут стать звеньями социалистического производства» (Каутский).

Социалистическое общество будущего рисуется марксистам как громадная ассоциация, более или менее совпадающая с современным государством. Ассоциация эта будет находиться в известной экономической связи с другими подобными же ассоциациями, так как ни одно современное государство не может обойтись без ввоза иностранных продуктов. Отношения между подобными независимыми социалистическими государствами не могут быть регулируемы какой-либо высшей властью и каждое государство будет по отношению к другому как бы независимым предпринимателем. На основании свободного соглашения друг с другом отдельные социалистические государства будут балансировать, уравновешивать свой ввоз и вывоз, расплачиваться продуктами по своим взаимным обязательствам. Таким образом, если внутри государства народное хозяйство и будет подчинено стройному, сознательно выработанному плану, то мировое хозяйство в своем целом будет лишено какого бы то ни было плана. С социалистической точки зрения, стремящейся подчинить сознательной воле человека всю общественную организацию в совокупности, непланомерность мирового хозяйства является очевидным несовершенством, слабостью системы, и потому Каутскому рисуется в будущем слияние всех отдельных социалистических ассоциаций в одну колоссальную ассоциацию, охватывающую собой весь мир. Только тогда социалистическое преобразование современного хозяйства достигнет своего естественного завершения.

Господствующей формой производства в пределах социалистического общества естественно будет крупное производство в силу своих технических выгод сравнительно с мелким производством. Но это не значит, что мелкое, ин-

дивидуальное производство совершенно исчезнет; напротив, в некоторых родах труда оно навсегда сохранится, как, напр., в области художественной промышленности, а также, быть может, и в некоторых отраслях современного ремесла и сельского хозяйства. Но, конечно, мелкий производитель социалистического общества будет тем коренным образом отличаться от современного мелкого производителя, что он не будет предпринимателем и не будет собственником своих орудий труда, равно как и своего трудового продукта. И то и другое будет принадлежать обществу, а мелкий производитель будет лишь иметь такое же право на вознаграждение от общества, как и всякий другой производительный рабочий.

Что касается до распределения продуктов между членами общества, то в этом отношении марксисты склоняются к принципу равенства оплаты труда, независимо от его рода, допуская уклонения от равенства в пользу более неприятных родов труда. Вместе с тем марксисты решительно высказываются за признание принципа «обязательности труда».

Но не следует представлять себе социалистическое государство как какую-то гигантскую деспотию, в которой воля большинства будет железным обручем сковывать всю народную жизнь. Централистическая организация общественного производства совместима с самым широким развитием местного самоуправления, являющегося необходимым условием для правильной работы всего механизма социалистического хозяйства, ибо только при этом условии центральная организация не потеряет связи с конкретными условиями жизни. Вообще же власть в социалистическом обществе утратит все то, в силу чего она в настоящее время всегда представляется опасной для народной свободы. Раз представители власти не будут пользоваться никакими преимуществами сравнительно с другими гражданами и будут находиться под постоянным контролем свободного народа, то нет никакого основания опасаться, что власть явится приманкой честолюбия и послужит к угнетению личности. При отсутствии внутри социалистического общества классов и классовых противоречий всякие поводы к столкновению хозяйственных интересов различных групп населения сократятся до последней степени и исчезнет повод для всякого притеснения и насилия с чьей бы то ни было стороны, Люди власти станут не повелителями, а исполнителями воли, слугами народа.

V

Но, в общем, марксизм, как я уже сказал, не создал никакого определенного плана будущего общественного устройства. А так как такие планы, как я опять таки указывал, необходимы для социализма, то неудивительно, что они продолжают возникать помимо марксизма. Именно в новейшее время наблюдается расцвет так назыв., «утопий», обычная форма которых, унаследованная ими еще от их общего предка — «Утопии» Мора* — рассказ в беллетристической или полубеллетристической форме. Наибольший и вполне заслуженный успех имела за последние десятилетия утопия американца Беллами, которая больше содействовала пропаганде в широких народных массах идей социализма, чем какая-либо другая книга за последние 30 лет.

Книга Беллами «Взгляд назад» (1888 г.) интересна в том отношении, что она дает в наглядной и ясной, весьма разработанной форме практичный план социалистического государства. В основу этого плана положены обычные принципы коллективизма. Все хозяйственные работы исполняются у Беллами промышленной армией, в которой участвует все, способное к труду и не избавленное от этого участия по особым причинам, население страны в возрасте 21-45 лет. По окончании обязательного 24-летнего труда каждый гражданин получает полную свободу делать, что ему вздумается или даже ничего не делать. Национальное производство организовано строго централистически — центральная власть регулирует все национальное производство в соответствии с национальным спросом. До 21 года граждане, как сказано, не приступают к хозяйственному труду и получают образование. Выбор занятий Беллами стремится сделать, по возможности, более свободным. Общественные власти обставляют занятия каждого рода такими условиями, чтобы предложение труда в каждом отдельном занятии соответствовало спросу на этот труд. Это достигается, прежде всего, неодинаковой продолжительностью рабочего времени в различных профессиях. Чем менее привлекателен труд известного рода, чем более он утомителен, тягостен, опасен или неприятен, тем короче и его продолжительность. Если число желающих заниматься известным трудом превышает возможность найти для них занятие, поместить их в этой отрасли труда, то удлинение в ней рабочего времени делает соответствующий труд менее привлекательным, благодаря чему предложение труда

падает и оно приходить в соответствие со спросом. Недостаток предложения труда известного рода вызывает меры обратного рода: число рабочих часов сокращается или принимаются какие-либо иные меры для увеличения привлекательности труда и предложение труда возрастает.

Таким простым способом возможно пропорциональное размещение рабочих по всем отраслям национального труда без всякого насилия над свободой выбора занятий. В основу полагается принцип, что все люды, каковы бы ни были их способности или вкусы, равноправны и потому общественный труд во всех его отраслях и подразделениях должен быть одинаково привлекателен для занятых им людей.

Но, конечно, эта свобода выбора занятий не относится к иерархической организации общественного труда. В промышленной армии должны быть свои офицеры и генералы, более опытные и способные рабочие, руководящие хозяйственным процессом. Эти руководители должны обладать достаточной властью над своими подчиненными, так как лишь при этом условии хозяйственная организация может работать правильно и успешно.

На принципе равноправности всех членов общества покоится у Беллами и система оплаты труда. Вознаграждение труда во всех отраслях должно быть одинаково; мало того, даже лица, не способные к труду или закончившие свой обязательный 24-летний труд, получают совершенно такое же содержание, как и производительные рабочие. «Право каждого человека требовать свою долю в национальном продукте,— говорит Беллами,— основывается на его человеческой природе. Оно непосредственно вытекает из того факта, что перед нами человек».

Каждому взрослому мужчине или женщине открывается кредит на одинаковую «сумму и выдается соответствующая именная кредитная книжка. В этой книжке обозначено, на какую сумму в долларах открыть кредит. При приобретении из государственных магазинов предметов потребления, с открытого по данной книжке кредита списывается цена приобретенного предмета, обозначаемая также в долларах. Обозначение всех цен в прежних денежных единицах имеет в данном случай вполне символическое значение, так как реально доллара, как особого предмета определенной ценности, не существует и денежная единица является лишь идеальной единицей счета, масштаба цен.

Таким образом, несмотря на равенство доходов, свобода выбора предметов потребления нисколько не стеснена.

Каждый выбирает себе по вкусу любые предметы потребления, лишь бы их общая цена соответствовала общей сумме открытого ему кредита. Дома и строения принадлежат государству, и за пользование ими полагается определенная плата, притом весьма различная в зависимости от качества квартиры. Таким образом, ничего похожего на внешнее однообразие жизни в государстве Беллами не существует.

Международный обмен регулируется приблизительно так же, как и в государстве Пекера. Таковы же и принципы установления цен: цены устанавливаются в соответствии с трудовой стоимостью производства, но от трудовой стоимости делаются отступления в случае нарушения равновесия между спросом и предложением. Потому цены редких предметов устанавливаются на основе равенства спроса и предложения.

Как и Пекер, Беллами допускает свободу распоряжения каждого своим индивидуальным имуществом (кроме его перепродажи): каждый волен отдавать другому принадлежащие ему вещи и оставлять их по завещаниям кому угодно. Беллами весьма основательно не опасается, что таким образом возникнет сколько-нибудь значительное экономическое неравенство, так как скопление в руках одних несколько большего количества предметов украшения, домашней обстановки и т. п. при невозможности все это продать, а тем более, обратить в капитал для извлечения нетрудового дохода, никакой опасности ни для кого не представляет. А так как хранение таких вещей требует добавочного помещения и вообще добавочной заботы и расходов, то не будет и особого побудительного мотива как дарить и завещать эти вещи, так и принимать их.

Весьма интересно, каким образом Беллами разрешает важную задачу обеспечения свободы умственного труда. Печатание книг, как и вообще все производство, лежит на обязанности государства. Но государственные типографии открыты для каждого, согласного принять на себя расходы по изданию книги. Изданная таким образом книга, цена которой определяется стоимостью ее издания, к которой прибавляется авторский гонорар, по усмотрению автора, пускается в продажу в государственных магазинах. Гонорар, вырученный автором, освобождает его на соответствующее время от участвуя в обязательном труде. Таким образом, писатель может, как и теперь, жить исключительно доходом со своих книг — для этого нужно только, чтобы книги его находили сбыт. Но, в отличие от нашего време-

ни, доход писателя не может превысить общей нормы, равной для всех: получаемый им доход служит лишь для освобождения его от обязательного труда, но не для поднятия нормы его дохода.

Периодическое издание осуществляется, как и теперь, путем подписок лиц, желающих его получать. Подписчики уплачивают государству стоимость издания, а также гонорар редакторам и сотрудникам путем соответствующего освобождения их от обязательного труда. Такой же способ оплаты применяется и в некоторых других областях умственного труда.

Книга Беллами не прибавляет ничего принципиально нового к другим планам социалистического государства, хотя бы Пекера. Но в деталях она дает нечто новое и удачно разрешает некоторые второстепенные трудности социалистического устройства общества. Написанная очень легко и живо, она должна была произвести огромное впечатление на умы и, действительно, его произвела. В первые годы после своего появления социалистический роман Беллами взволновал собой буквально весь цивилизованный мир. Вот, напр., как описывает впечатление, произведенное романом Беллами, враждебный социализму автор «Schlaraffia politica».

«Два, три года тому назад,— пишет он в 1892 г.,— можно было позволить себе вопрос: «Читали ли вы Беллами?» Но скоро уже стало странно об этом спрашивать, так как повсюду ни о чем другом не говорили. В каждом вагоне можно было увидеть кого-нибудь, вынимавшего из кармана рекламовское издание Беллами, студенты читали ту же книгу в аудиториях, вместо того, чтобы слушать лекции, и даже бравый крестьянин изучал эту своеобразную государственную науку. Можно было видеть массы крестьян, собиравшихся на доклады одного господина, переезжавшего из города в город, и читавшего против Беллами, и нам самим пришлось слышать при этом случае замечание одного крестьянина: «что бы он ни говорил, а Беллами все-таки прав!»

Смею думать, что книжка Беллами сослужила хорошую службу делу социализма, и что его утопия, ничего утопического в обычном смысле этого слова в себе не заключающая, немало содействовала рассеянию предубеждений против социализма и росту социалистического движения во всем мире.

ГЛАВА IV. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОММУНИЗМ.

I. Античные планы государственного коммунизма. «Утопия» Мора.— II. «Икария» Кабэ. Порабощение творческой деятельности.

I

Все изложенные планы устройства будущего общества нужно отнести к социализму в узком смысле слова: все они отнюдь не предполагают однообразия потребления и допускают полную свободу выбора предметов потребления и распоряжения ими в пределах, определяемых доходом каждого. Напротив, для коммунизма характерно полное устранение категории дохода, как определенной ценности, которой человек располагает для своих потребительных нужд. Коммунизм требует, в идеале, полной свободы личного потребления, без всякого ограничения: каждый черпает из общего фонда национального потребления в меру своих потребностей. Но так как нечто подобное в ближайшем будущем совершенно неосуществимо, то на практике коммунизм довольствуется требованием полного равенства и единообразная потребления для всех членов общества (применительно, разумеется, к полу, возрасту, состоянию здоровья и другим естественным различиям людей).

Планы коммунистического государства исторически значительно предшествуют планам социализма в узком слова. Это и понятно, так как социализм является гораздо более сложной хозяйственной системой, чем коммунизм.

Поэтому социалистические построения появляются лишь в XIX веке, между тем как с коммунистических построений начинается история социалистической мысли. Уже Платон дал нам в своем «государстве разума» картину коммунистического государства, хотя лишь наполовину (по отношению к хозяйственной жизни философов).

В более позднее время различные эллинские писатели

изображали в более разработанном виде коммунистическое государство. В особенности это следует сказать о двух эллинских авторах — Эвгемере с его «Священной хроникой» и Ямбулле с его «Государством солнца», на которых обратил внимание Пельман в своей известной «Истории античного социализма и коммунизма». Коммунистические построения этих авторов интересны и в том отношении, что они являются образчиками индивидуалистического коммунизма, коммунизма, не подавляющего личность ради общества, а, наоборот, стремящегося подчинить общественный строй интересам личности.

В этом отношении Эвгемер и Ямбул резко расходятся с Платоном и сближаются с современным социализмом, имеющим резко индивидуалистический характер.

Знаменитая «Утопия» Томаса Мора дает нам разработанный до мельчайших деталей план коммунистического государства. В «Утопии» чувствуется иногда влияние Платона, но, в общем, Томас Мор проникнут индивидуалистическим мировоззрением нашего времени, и его коммунизм служит интересам большинства.

II

В XIX веке коммунистические планы государственного устройства отходят на задний план перед коллективными. Почти единственным представителем государственного коммунизма в XIX веке был Этьен Кабэ, давший в своем романе «Путешествие в Икарию» картину коммунистического государства.

Икария — это новое государство, названное так в честь своего основателя, Икара. По мысли своего творца она должна воплощать идеал рационального устройства общества. Потому в ней ничего нет случайного, бессознательного, исторически возникшего, но все проникнуто сознательной волей человека. Всякая наличная черта этого государства имеет за себя какое-нибудь логическое основание.

Такой характер имеет, прежде всего, внешнее территориальное деление страны. В современных государствах города, провинции, деревни складывались и вырастали в стихийном процессе исторического развития, случайно и неправильно. Икария не такова. Она разделена на 100 провинций — не больше и не меньше. Каждая провинция

занимает одинаковую территорию и имеет одинаковое население. Каждая провинция состоит из 10 опять таки равных коммун, в центре каждой провинции помещается провинциальный город, а в центре каждой коммуны — коммунальный город. На территории каждой коммуны равномерно рассыпаны деревни и фермы жителей.

В центре государства помещается его главный город, Икара. Тут чудеса правильности и симметрии достигают своего высшего предела. Даже река, которая протекает через этот город, вытянута искусственными сооружениями в почти правильную геометрическую прямую линию.

Законом общественного устройства Икарии является принцип самого строгого равенства всех. Общество принимает всевозможные меры к тому, чтобы в корне убить самые зачатки неравенства. Все жители получают нужные им предметы потребления от государства, которое отводит каждой семье одинаковые дома с одинаковой меблировкой, дает одежду одинакового покроя и в одинаковом количестве, одинаково кормит всех в общественных ресторанах и т. д. и т. д. Если какого-либо предмета потребления не хватает для всех, то, чтобы не нарушать принципа равенства, государство не дает его никому, совершенно его не производит.

Закон устанавливает все подробности личного потребления. Так, например, особый комитет вырабатывает форму одежды, покрой ее, цвет и пр., и эта форма обязательна для всех.

Но, во внимание к слабости человеческой, Кабэ допускает различие в цвете одежды: блондинки могут получать одежду голубого цвета, а брюнетки — красного.

Существует и другое разделение формы одежды: одежда в Икарии служит не только для защиты от холода и украшения человека, но и преследует другие, более существенные цели. «Особенности одежды,— восклицает восторженный поклонник икарийских порядков, добродушный Кабе,— должны указывать на все обстоятельства жизни человека. Детство и юность, годы возмужалости и зрелого возраста, состояние в браке или вне его, вдовство, профессия или занятие — все это указывается одеждою. Все лица одинакового положения имеют одинаковую форму одежды; но тысячи различных форм соответствуют тысячам различных положений человека».

Итак, в Икарии нельзя будет скрывать своего возраста,

нельзя будет никого вводить в обман и прикидываться неженатым: достаточно будет одного взгляда на икарийца, чтобы безошибочно определить, с кем имеешь дело.

Заботы Кабэ о доброй нравственности его граждан и гражданок простираются до того, что он строго регламентирует, в каком возрасте женщины получают право носить цветы, перья на шляпах, драгоценности, яркие платья и когда они должны переходить к более скромным одеждам. Все должно быть разумно в Икарии и содействовать общему благополучию.

Для Кабэ возникает одна трудность — как быть с, к сожалению, не вполне устранимым разнообразием физического сложения людей. Ведь Икария не знает работы на заказ, применительно к физическим особенностям и вкусам заказчиков. Вся одежда выделывается в ней на огромных фабриках и распределяется в готовом виде между жителями. Однако, люди не все одинаково сложены. Но и с этой трудностью справляется автор «Икарии». Одежда будет приготовляться из эластичных тканей, «так что будет годиться людям различного роста и сложения».

Таково будет это царство скуки, скуки и коммунизма, кажущееся его творцу идеалом совершенства. Свободы печати в нем, конечно, не будет, так как нельзя же позволить каждому печатать на общественный счет все, что ему вздумается. По этому деликатному вопросу Кабэ заставляет своих действующих лиц вести следующий диалог.

— «Республика,— сказал Евгений,— печатает заранее одобренные работы, чтобы затем раздавать их даром, как и все остальное, частью одним ученым, частью всем семьям, так что библиотека каждого гражданина состоит только из самых лучших книг».

— «Превосходно!» — заметил Вальмор.

— «И республика,— прибавил я,— исправила и переделала все старые книги, которые были плохи, напр., национальную историю, и сожгла все старые книги, которые были признаны вредными или бесполезными».

— «Сожгла!» — воскликнул Евгений,— вас можно было бы обвинить, что вы желаете подражать Омару, сжегшему александрийскую библиотеку!»

— «Но на это я отвечу,— сказал Вальмор,— что мы делаем в пользу человечества то же, что тираны делали против него; мы сожгли вредные книги, между тем, как фанатики сжигали безвредных еретиков. Однако, мы со-

хранили в наших больших национальных библиотеках по нескольку экземпляров старых книг, чтобы люди не забывали о невежестве и безумии прежнего времени и о прогрессе настоящего».

«Счастливая Икария,— воскликнул Евгений, воодушевление которого постепенно возрастало,— счастливая Икария, что она идет так быстро по пути прогресса! Как она счастлива, что в ней нет ничего дурного, даже почти ничего посредственного, а во всем достигнуто почти полное совершенство!»

Образчиком этого почти полного совершенства может служить икарийская пресса. Икарийцы презирают лживую и испорченную прессу нашего времени. Взамен этого, они установили следующий порядок. В каждой коммуне разрешается издание только одной коммунальной газеты, в каждой провинции — одной провинциальной газеты, и во всем государстве одной национальной газеты. Редактором каждой такой газеты назначается особо выбранное народом и пользующееся доверием лицо. Но и этого мало — и это лицо могло бы оказаться не на высоте положения и вносить свои индивидуальные вкусы и мнения в оценку текущих событий. Поэтому, «чтобы вырвать зло с корнем,— говорит икариец Вальмор,— мы решили, чтобы газеты имели характер простых протоколов и были бы простым изложением фактов, без всякого обсуждения последних со стороны журналиста».

В полной гармонии со всем строем Икарии находится и то, что выбор занятий в этом совершенном государстве всего меньше может считаться свободным: «Ребенок земледельца,— говорит Кабэ,— свободен выбрать другое занятие, если какая-либо семья в городе соглашается его взять, как дитя из городской семьи может стать земледельцем, если какой-либо фермер соглашается принять его к себе; но как общее правило, дети земледельцев предпочитают быть земледельцами, как и их отцы».

Итак, наследственность занятий — нечто вроде каст!

«Икария» Кабэ воплощает в себе именно то «грядущее рабство», о котором говорят враги социализма. Вообще государственный коммунизм икарийского типа является для того, кто считает свободу развития человеческой личности верховным благом, совершенно неприемлемой формой общежития.

ГЛАВА V. СИНДИКАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ.

Синдикальный социализм Луи Блана. Лассаль. Критическая оценка синдикального социализма.

Самым выдающимся представителем синдикального социализма был Луи Блан. Государственный социализм стремится к сосредоточению в руках организованной центральной общественной власти руководительства всем общественным процессом производства. Напротив, синдикальный социализм имеет в виду передачу общественного производства в руки отдельных организованных профессиональных рабочих групп, синдикатов рабочих. Луи Блан хорошо понимал важность государства в деле социалистического преобразования общественного хозяйства. Он отнюдь не был сторонником социалистических опытов в малом размере. Но в то же время, он не верил и в возможность для государственной власти непосредственно руководить всем громадным и чрезвычайно сложным общественным хозяйством. Его задачей было примирить оба противоположных начала — государственное вмешательство и свободу частного почина. План Луи Блана сводился к следующему. Движущим рычагом социалистического преобразования общества становится государственная власть. С этой целью государство сосредоточивает в своих руках все те отрасли хозяйства, которые, по своему существу, допускают или даже требуют централизации; сюда относится вся область кредита и страхового дела, затем железные дороги, горнозаводская промышленность. Кроме того, государство сосредоточивает в своих руках оптовую и розничную торговлю. Располагая всеми этими могущественными хозяйственными средствами, государство пользуется ими для того, чтобы постепенно заменять все капиталистические частно-хозяйственные предприятия трудовыми ассоциациями, артелями рабочих, оказывая поддержку свободно возникающим ассоциациям такого рода. Но, конечно, государство будет оказывать помощь не всяким ас-

социациям рабочих, а лишь таким, которые удовлетворяют известным требованиям. Ассоциации, пользующиеся помощью государства, должны иметь, прежде всего, чисто трудовой характер, они должны состоять только из рабочих, пользующихся совершенно равными правами, наемный труд в них никоим образом не может быть допущен, руководительство ими должно принадлежать всецело рабочим, которые для этого должны свободно избирать из своей среды соответствующих лиц. Только первый год после возникновения ассоциации, когда рабочие еще мало познакомились между собой, должностные лица ассоциации могли бы назначаться государственною властью. Вознаграждение труда в пределах каждой такой ассоциации в ближайшем будущем должно было бы быть равным, хотя такое равенство оплаты труда Луи Блан признает лишь временной необходимостью, несоответствующей справедливости. Полная справедливость требовала бы, чтобы каждый рабочий работал по мере сил и получал по мере своих потребностей.

Производительные ассоциации такого типа, пользующиеся поддержкой государства, в весьма скором времени вытеснят, по мнению Луи Блана, частно-хозяйственные предприятия, и таким образом, все национальное производство, не входящее в область государственного хозяйства, сосредоточится в их руках. Когда это будет достигнуто, можно будет сделать дальнейший шаг в деле организации национального производства. За объединением рабочих в ассоциации должно последовать объединение между собой отдельных ассоциаций, изготовляющих те же продукты. В конце концов, все ассоциации того же рода должны слиться в одно организованное целое и управляться из одного общего центра. Конкуренция внутри каждой отрасли труда тогда совершенно исчезнет и национальное производство распадется на отдельные отрасли труда, объединение внутри, но свободные в своих взаимных отношениях.

Однако, этим еще не заканчивается организация национального производства. Пользуясь отчислениями в свою пользу из доходов отдельных профессиональных организаций, государство должно организовать известную взаимопомощь всех отраслей национального труда. Для этого государство должно оказывать поддержку из общего национального фонда тем отраслям труда, которые, благодаря каким-либо непредвиденным обстоятельствам, пришли бы в расстройство и нуждались бы во внешней помощи.

План Луи Блана был заимствован знаменитым организатором немецкой рабочей партии Лассалем, который противопоставил этот план устройства производительных ассоциаций, при поддержке и на средства государства, организациям рабочих на основе самопомощи, без всякой поддержки государства, за что энергично ратовал в 60-х годах в Германии Шульце-Делич. Таким образом возник известный спор Лассаля с Шульце-Деличем. Свои практические предложения Лассаль резюмировал следующим образом: «свободная ассоциация рабочих, но свободная ассоциация, опирающаяся на поддерживающую руку государства — вот единственный открытый рабочему народу выход из пустыни».

Для постепенного осуществления этого плана Лассаль требовал ассигновки из государственной казны 100 мил. талеров (около 150 мил. р.).

Таким образом, синдикальному социализму рисуется в будущем следующая организация общественного хозяйства. Каждая отрасль производства находится в руках организованных рабочих, почти бесконтрольно распоряжающихся принадлежащими им средствами производства. Земледельцам принадлежит земля, рабочим ткацких фабрик — ткацкие фабрики, бумагопрядилен — бумагопрядильни и т. д. Изготовленные продукты поступают в обмен, продаются и покупаются. Каждая организованная отрасль труда является на рынке самостоятельным предприятием и распределяет между своими членами вою свою чистую выручку, за вычетом доли, следуемой государству.

Каковы бы ни были выгоды такой организации общественного хозяйства, легко видеть, что она не обеспечивает экономической равноправности всех членов общества. При господстве синдикального социализма средства производства принадлежали бы не всему обществу, не всему народу, а лишь отдельным группам его. Рабочие в тех отраслях труда, которые оказались бы в более благоприятных условиях, могли бы пользоваться выгодами своего экономического положения в ущерб интересам остальной части общества и, таким образом, эксплуатировать ее.

Борьба противоположных экономических интересов, при такой организации общественного хозяйства, не уничтожается, а лишь переносится из области частных хозяйств в область организованных общественных групп, и от этого она может стать даже более ожесточенной.

Синдикальный социализм оставляет национальное производство в целом неорганизованным и непланомерным. Каждая группа рабочих самостоятельно руководит производством, не считаясь с нуждами и желаниями других групп.

В этом отношении организованные группы профессиональных рабочих вполне соответствовали бы картелям капиталистов с тем, разумеется, различием, что они не имели бы капиталистического характера. Но, как картели не в силах предотвратить промышленных кризисов и помешать тому экономическому трению, которое задерживает рост народного богатства при господстве капитализма, точно так же бессильны будут организовать общественное хозяйство и производительные ассоциации рабочих.

По плану Луи Блана, производительные ассоциации самостоятельно руководят производством, но если известная отрасль труда приходит в расстройство, государство оказывает ей поддержку. Таким образом, производительным ассоциациям предоставлена полная свобода распоряжаться общественными средствами, но они избавлены от всякой ответственности за неудовлетворительное ведение дела. Это отнюдь не должно содействовать успешности общественного хозяйства.

Такого рода практических возражений против планов синдикального социализма можно было бы привести сколько угодно. Но в этом нет нужды, так как синдикальный социализм должен быть решительно отвергнут как конечный хозяйственный идеал уже по чисто принципиальным соображениям. Социалистический идеал не допускает, чтобы права общества, как целого, были ограничиваемы исключительными правами отдельных общественных групп. Средства производства, которые суть вместе с тем средства существования, должны быть нераздельной собственностью всего народа, а, следовательно, и распоряжение ими должно принадлежать народу, а не профессиональной группе.

Синдикальный социализм может иметь крайне важное значение, как временная мера перехода к более совершенным формам социализма. В этом отношении производительные ассоциации рабочих могут оказаться незаменимой формой хозяйственного предприятия в переходное время от капитализма к социализму. Вообще же синдикальный социализм представляет известные опасности, развивая профессиональный эгоизм среди рабочего класса и разбивая его единство. Немецкая социал-демократия усиленно борется с узко-профессиональным духом рабочих союзов и противопоставляет интересам отдельных профессиональных групп рабочих интересы всего пролетариата. И всякий мыслящий социалист должен признать, что в данном случае руководителями немецкой социал-демократии движет истинный социалистический идеал, правильное понимание конечных целей социализма.

ГЛАВА VI. КОММУНАЛЬНЫЙ КОММУНИЗМ И СОЦИАЛИЗМ

I. Коммунальный и синдикальный социализм; — II. Коммунальный коммунизм Оузна. Вильям Томпсон.— III. Коммунальный социализм Фурье. фаланги. Свобода страстей. Аморализм. Внутренняя невозможность фурьеристской гармонии. — IV. Сравнение коммунизма Оузна с социализмом Фурье.

I

Коммунальный социализм резко отличается как от государственного, так и от синдикального социализма. Государственный социализм требует объединенной организации всего народного хозяйства в пределах государства в связное, стройное целое, все части которого должны быть строго согласованы между собой. Государственный социализм совместим с широкой свободой местных хозяйственных организаций, но лишь в известных пределах, в пределах признания верховной власти и верховного авторитета центральной хозяйственной организации.

Напротив, коммунальный социализм принципиально отвергает необходимость объединения отдельных социалистических общин в одно связное целое. Этим он резко отличается от государственного социализма. В то же время он отличается и от синдикального социализма. Этот последний кладет в основу хозяйственного деления общества профессию, род производительного труда. Хозяйственной единицей в синдикальном социализме является группа рабочих, связанных единством профессии. Напротив, коммунальный социализм стремится объединить в одну хозяйственную организацию представителей различных профессий: хозяйственной ячейкой коммунального социализма является коммуна, община, включающая в себя, по возможности, все роды труда и ведущая хозяйство, в значительной мере, на натуральных началах — вырабатывающая собственными средствами большую часть разнообразных

продуктов, служащих для потребления ее членов.

Синдикальный социализм близок к государственному в том отношении, что он покоится на широком общественном разделении труда и предполагает тесную связь между всеми группами профессиональных рабочих, так как каждая отдельная группа их не имеет возможности удовлетворять свои потребности без помощи других групп. Напротив, коммунальный социализм, разбивая общество на множество отдельных общин, находящихся в весьма слабой связи друг с другом, образует собой уклон уже в сторону анархизма.

II

Коммунальный социализм в широком смысле слова подразделяется на коммунальный коммунизм и коммунальный социализм.

Самым замечательным представителем коммунального коммунизма был Роберт Оуэн — отец современного кооперативного движения и один из самых выдающихся практических социальных реформаторов.

Его конечный социальный идеал рисуется в следующем виде.

Существующее разделение города и деревни, промышленности и земледелия, должно исчезнуть. Община будущего должна соединять земледельческий труд с промышленным. Хозяйственные работы будут производиться сообща за счет общины, причем все выделываемые продукты будут принадлежать самой общине. Таким образом, в ней не будет частной собственности не только на средства производства, но и на предметы потребления, которые будут переходить в распоряжение отдельного лица только во время их потребления. Что же касается предметов, потребляемых не сразу, как, напр., жилые помещения или мебель, то они могут принадлежать отдельному лицу только на время пользования ими. Всякий выбирает работу в соответствии со своими наклонностями и вкусами и все работают сообща, причем община принимает всевозможные меры, чтобы сделать работы как можно более привлекательными и приятными. Работы неприятные, нездоровые или слишком тяжелые должны быть, по возможности, устранены широким применением машин.

С целью использовать все выгоды не только производ-

ства, но и потребления в крупных размерах, члены общины помещаются в центральном здании общины, представляющем собою роскошный дворец. В этом дворце каждая семья занимает свою особую квартиру, но дети с самого раннего возраста воспитываются сообща, причем воспитание должно иметь строго методический характер и преследовать цель выработки наиболее совершенного человеческого характера. Именно на разумное воспитание, которое должно совершенно преобразовать человека и сделать из него новое существо, лишенное пороков и слабостей нашей эпохи, Оуэн и возлагает свои главные надежды. Во всех его книгах и статьях, посвященных устройству будущего общества, вопросам воспитания отводится самое видное место.

Число членов такой кооперативной общины может изменяться в пределах от 500-3000. Управление общиной с более многочисленным составом членов было бы уже затруднительным, а община, имеющая менее 500 членов, была бы недостаточно крупной.

Каждая община должна располагать для своих целей известным участком земли, причем для начала ей требуется не более 1-2 акров на душу (т. е. около десятины). Впоследствии же, когда община повысит интенсивность земледелия до характера садовой культуры, ей будет достаточно 1/2 или даже 1/3 акра на душу.

Общественная организация производства и потребления даст каждой общине такие выгоды, что общины обеспечат своим членам не только достаток, но и богатство, которым все будут пользоваться совершенно в равной мере.

Отдельные общины будут независимы друг от друга. Современные государства исчезнут и их место займут общины, которые будут заключать союзы друг с другом для исполнения работ, превышающих силы отдельной общины.

Союзы эти будут совершенно свободны и лишены хотя бы в самой слабой степени принудительного характера.

Мало-помалу — надеется Оуэн — весь земной шар покроется кооперативными общинами, долженствующими стать единственной формой человеческого общежития. Мир примет совершенно иной вид. Не будет современных городов и громадных скоплений населения в немногих пунктах; везде будут равномерно рассеяны дворцы кооперативных общин, с их садами и цветущими полями.

Между отдельными общинами будет поддерживаться самое живое общение, каждый член такой общины будет иметь право перейти в другую, если в этой последней находится для него место. Таким образом, все общины будут чувствовать себя внутренне обязанными и каждая, в то же время, будет своим единственным и верховным господином.

Организация производства и управления внутри каждой общины будет иметь следующий характер. Все население будет делиться по возрастным группам. С двенадцати лет дети будут обучаемы хозяйственным работам; в двадцать лет теоретическое обучение будет заканчиваться.

Хозяйственный труд будет лежать, главным образом, на молодых людях обоего пола в возрасте 20-25 лет. В возрасте 25-30 лет люди будут только 2 часа в сутки отдавать хозяйственному труду, а затем совсем освобождаться от него.

Управление всеми внутренними делами общины будет лежать на всех членах ее в возрасте 30-40 лет, а управление внешними делами — на более старших членах, в возрасте 40-60 лет. Эту своеобразную систему управления, основанную на возрастных группах населения, Оуэн предлагает потому, что он решительно отвергает систему каких бы то ли было выборов, ибо «выборы развращают как избирателей, так и избираемых и причиняют неисчислимое зло обществу. Самые худшие страсти и всевозможные виды обмана порождаются столкновениями интересов при выборах». Взамен системы выборов Оуэн стремится организовать общественное управление путем привлечения к нему всего взрослого населения (с подразделением по возрастным группам).

Таким образом, исчезает надобность в каком бы то ни было особо избираемом правительстве, и люди становятся равны друг другу не только в экономическом, но и в политическом отношении. Всякая власть одного человека над другим делается излишней и ненужной. Каждый знает, что, достигши известного возраста, он примет такое же участие в управлении делами своей общины, как и все остальные ее члены.

Горячим защитником планов Оуэна был его замечательнейший ученик Вильям Томпсон, который, как теоретик, стоял значительно выше своего учителя. Весьма любопытно, какие изменения он ввел в план Оуэна. От Томпсона

не ускользнуло, что полное равенство, господствующее внутри общины, еще не обеспечивает равенства между членами отдельных общин. Напротив, совершенно неизбежно, что одни общины будут находиться в лучших экономических условиях, чем другие, хотя бы уже по естественным различиям их местонахождения. Томпсон был таким же сторонником строгого равенства, как и его учитель. И вот он оказался вынужденным, для восстановления равенства, восстановить и упраздненное Оуэном государство: он предложил, чтобы государство облагало общины особым налогом, пропорционально различиям плодородия и другим естественным преимуществам земель, находящихся в распоряжении каждой общины. Таким образом, естественные неравенства будут нейтрализованы специальным налогом, который пойдет, в свою очередь, на общие нужды всех общин государства, на поддержание и развитие всех тех хозяйственных предприятий, которые по своим размерам не могут быть уложены в рамки одной общины.

Итак, путем развития того самого принципа равенства, из которого исходит и Оуэн, Томпсон пришел к признанию необходимости центральной общественно- экономической организации, стоящей вне общины, — пришел, иными словами, к отрицанию федералистического социализма в его чистом виде: результат весьма знаменательный, показывающий внутреннее противоречие федералистического социализма с началом равенства, иначе говоря с основной идеей социализма.

III

Создателем коммунального социализма (в противоположность коммунальному коммунизму) был Фурье. Для Фурье, как и для Оуэна, социальный вопрос есть вопрос о наилучшей организации коммуны.

Коммуна и в современном обществе является самым важным социальным элементом, но она не организована, и потому общественное хозяйство идет так плохо. Коммуны — это камни, из которых строится общественное здание. Если камни не отесаны, не пригнаны друг к другу, то для их скрепления нужно много цемента; напротив, для хорошо отесанных камней не требуется большого количества скрепляющего материала — они держатся собственной

тяжестью. При дурном устройстве или полном неустройстве коммун требуется много чиновников, сильная правительственная власть, сложная администрация для того, чтобы общественная машина могла работать; при хорошем устройстве коммуны правительству останется мало дела. Не правительство, а коммуна создает богатство — вот почему и главное внимание социальных реформаторов должно быть обращено на коммуну. Отсюда ясна бессодержательность политических революций, направленных к преобразованию формы правления и оставлявшими незатронутым самый важный социальный элемент — коммуну.

Важнейшей задачей всякой общественной организации является создание богатства, материальной основы прогресса. Если мы обратим внимание на организацию хозяйства в современном обществе, то увидим, что в нем имеются два различных вида хозяйства: крупное — при помощи наемного труда и мелкое — при помощи труда собственника. И тот, и другой вид хозяйства имеют свои недостатки и достоинства. Крупное хозяйство выше в техническом отношении, но зато в нем рабочий не заинтересован в результатах труда и работает плохо. Мелкое хозяйство стоит на низком техническом уровне, но зато в нем человек трудится сам для себя.

Задача в том, чтобы воспользоваться преимуществами крупного производства и не утерять выгод мелкого. Образцовая коммуна должна удовлетворять следующим требованиям: 1) собственность не должна быть в ней раздроблена; 2) все земельные участки коммуны и все отрасли промышленности должны эксплуатироваться в ней по общему плану; 3) система наемного труда, при которой рабочий не заинтересован в продуктах своего труда, должна быть заменена системой общего участия всех в общем продукте пропорционально участию каждого в производстве.

Нужно создать ассоциацию нескольких сот семей (Фурье берет 300 семейств), которые могли бы совместно вести хозяйство. Для этого не требуется лишать собственности кого бы то ни было. Собственник не лишается своей собственности, отдавая ее такой ассоциации, так как взамен своей собственности он получает акции, доход которых, по расчетам Фурье, будет несравненно выше, чем доход с собственности при единоличном владении.

Такую коммуну, организованную согласно его плану, Фурье называет фалангой, а социальный дворец, который

предназначен для жизни членов фаланги — фаланстером.

Хозяйство фаланги не будет иметь коммунистического характера. Коммунизм стремится к полному равенству, отрицает права капитала и таланта и признает только права труда. Коммунизм рассчитывает достигнуть общего довольства не путем согласного, гармонического развития всех страстей человека, а путем подавления некоторых из них, при том наиболее содействующих материальному и умственному прогрессу, каковы — стремление к превосходству, честолюбие, жажда богатства и пр.

Основная идея коммунизма есть не более, как половина социальной идеи — именно принцип коллективности, ассоциации, и притом в своей грубой, неразвитой форме, точно так же, как основная идея современного строя — принцип частного почина, есть другая половина социальной идеи. Гармоническое соединение этих двух несовершенных элементов в высшем и сложном сочетании должно быть основной идеей ассоциации будущего, фаланги.

Частная собственность в фаланге отнюдь не уничтожается, но только принимает иную форму — форму права участия в общих доходах, а не права исключительного пользования тем или иным орудием производства. Последнее право естественно отпадает, так как производство в фаланге ведется сообща; предметы потребления могут однако принадлежать отдельным лицам. Вообще личная свобода в фаланстере не испытывает никакого ограничения. Каждый живет, как хочет, может обедать в собственном углу и не принимать участия в общих обедах, если этого пожелает, хотя собственная выгода и должна побуждать его к участию в общественной организации потребления, которая представляет такие же огромные преимущества, как и общественная организация производства. Именно ввиду выгодности производства и потребления в крупных размерах, и то, и другое будет организовано в фаланстере на общественных началах.

Фурье подробно описывает, какие огромные сбережения получатся, если сотни отдельных маленьких кухонь будут заменены одной огромной кухней в фаланстере, если сотни прачечных, кладовых, подвалов будут соединены в одно огромное целое в будущей коммуне. Политико-экономы обыкновенно с презрением относятся к организации домашнего хозяйства: это кажется им делом мелким, ничтожным. На самом же деле трудно и оценить, какая масса

капитала и труда бесполезно растрачивается, благодаря раздроблению потребления.

Что касается до преимуществ общественного производства, как оно будет организовано в фаланге, то выгоды его должны быть еще больше. Всем известно, что крупная промышленность вытесняет мелкую именно благодаря большей производительности труда в крупном производстве. Но фаланга будет иметь одно важное преимущество перед современным крупным предприятием: ей будет выгодно вводить такие машины, такие усовершенствованные приемы производства, которые не могут быть усвоены современной промышленностью, потому что этому препятствует низкая заработная плата (делающая ручную работу более дешевым способом производства, чему машинную) и сопротивление рабочих введению новых машин. Машина перестанет быть врагом человека, каким она является при современном несовершенном устройстве общества, и сделается его помощником и слугой.

Точно также будет преобразовано и земледелие. Соединение в фаланстере земледелия с промышленностью даст возможность избежать еще одного огромного недостатка хозяйственного устройства цивилизации — именно, вынужденной праздности земледельца в зимнее время.

Наконец, в области торговли преимущества фаланги не менее очевидны. Покупки в розницу, небольшими партиями, через частые промежутки, при огромной затрате времени, будут заменены правильно организованным приобретением продуктов, нужных для фаланги и сбытом ее собственных произведений.

Все эти огромные сбережения дадут возможность достигнуть, при гармоническом устройстве общества, таких степеней богатства, о которых мы теперь и не мечтаем. На месте теперешних хижин будут воздвигнуты роскошные дворцы. Фурье с особенною любовью останавливается над описанием социального дворца будущего, фаланстера.

Это прекрасное здание, план которого Фурье дает во всех мельчайших подробностях. Фаланстер окружен садами, рядом с ним помещаются промышленные мастерские, сельскохозяйственные постройки, распланированные таким образом, чтобы не портить общего вида. Сам фаланстер и все хозяйственные постройки соединены закрытой галереей — каналом, по которому циркулирует жизнь фаланги. Галерея эта широка и просторна, обставлена тропи-

ческими цветами, полна света и воздуха, в ней устраиваются общественные собрания, выставки, балы, концерты. В фаланстере помещается храм и театр.

Каждый выбирает себе в фаланстере квартиру по своему вкусу, причем предоставляется усмотрению каждого меблировать ее собственною мебелью, или получать полную обстановку за известную плату от фаланги.

Каким же образом должна быть организована работа фаланги? Вопрос этот является основным для всей системы Фурье и в разрешении его наш автор проявляет наибольшую оригинальность. Фурье не признает вредных страстей или влечений. Человек устроен таким образом, что все его страсти естественно образуют согласный, гармоничный ряд. Наши страсти суть элемент неизменяемый и постоянный, а общественные формы — преходящий и изменчивый. Поэтому, не страсти людей должны приспособляться к общественному устройству, а социальное устройство должно быть таково, чтобы страсти человека направлялись не во вред обществу, а на пользу ему. Соответственно этому принципу — предоставления полной свободы всем страстям и стремлениям человека, — должен быть организован и труд в фаланге. В ней должна быть полная свобода в выборе занятий для всех членов фаланги Прирожденные способности, симпатии, привычки, знания определяют, какое занятие изберет себе каждый член фаланги.

Так как все работы фаланги будут совершаться сообща, то естественно возникнут группы рабочих, занимающихся одним и тем же делом. Чтобы объяснить, каким образом возникнут группы, Фурье указывает на детей. Возьмите какую-нибудь гимназию или пансион. Какое зрелище представляют собою школьники в то время, когда они свободны от занятий? Они не разбредаются порознь, но среди них сами собой возникают группы. Одни заняты одною игрою, другие — другой, одни — одним делом, другие — другим. Каждый присоединяется к той группе, которая кажется ему наиболее привлекательной.

То же самое должно происходить и среди взрослых людей, если они будут предоставлены собственным влечениям, если над ними не будет висеть внешней силы, противодействующей этим влечениям. Современная организация труда, делающая невозможною такую естественную группировку рабочих, уже по одному этому должна быть признана никуда негодной. Она порождает отвращение к

труду, являющееся такой характерной чертой нашей эпохи. Гармоничная община будет в этом отношении прямой противоположностью современному строю. Каждый будет выбирать себе занятие по вкусу, присоединяться к той группе, которая ему всего более нравится.

Обыкновенно думают, что существуют известные роды труда, которые по самому своему характеру неприятны для человека. Но это неверно. труд данаид не может быть привлекательным, но не потому, что он требует исключительных усилий, а потому, что он безрезультатен. Высшая задача социальной организации — полное и гармоническое развитие сил человека — будет разрешена только тогда, когда будет открыто средство сделать всякий труд привлекательным. А это и будет осуществлено в фаланге. Каждая группа производителей фаланстера работает кряду не более 2-х часов. Как только труд становится утомителен и теряет свою привлекательность, группа прекращает работу, ее члены входят в состав новых групп, и с новой энергией принимаются за новую работу.

То, что теперь называют леностью, в сущности есть не что иное, как отвращение к однообразной, монотонной работе; это отвращение точно так же как и честолюбие и жажда первенства среди рабочих будет не ослаблять, а усиливать энергию труда в фаланстере. Те силы, которые в цивилизованном обществе действуют разрушительно, в фаланге будут служить общим интересам. Каким же образом будет совершаться распределение продуктов в фаланге? Весь продукт будет делиться на 3 неравные части: 5/12 будет идти труду, 4/12 — капиталу и 3/12 — на вознаграждение таланта. Хотя все работы будут производиться сообща, равенства вознаграждения в фаланстере не будет. Каждый будет получать соразмерно своему участию в производстве. И хотя, сравнительно с современным состоянием, доход от труда возрастет в гораздо большей степени, чем доход от капитала, тем не менее и капиталисты не потерпят никакого убытка. Доход рабочих увеличится в 6-8 раз, а капиталистов — в 3-4 раза. Сверх того, во много раз увеличится вознаграждение таланта.

Но допуская процент на капитал, Фурье не считает возможным возникновение в фаланстере класса праведных капиталистов. С одной стороны, все рабочие в фаланстере будут капиталистами, так как их доход будет настолько велик, что сбережение части этого дохода не представит

никаких трудностей. С другой же стороны, все капиталисты будут работать, так как работа будет наслаждением, а не бременем. Вообще, вопросу о системе распределения Фурье не придавал большого значения, потому что в его представлении фаланга должна обладать такой огромной производительной силой, что потребности каждого из ее членов, во всяком случае, будут удовлетворены достаточно полно.

Я не буду останавливаться над описаниями прелести жизни в фаланстере, которые так увлекали самого Фурье и его учеников. Наш утопист рисует эту жизнь как постоянный светлый и радостный праздник, который не будут омрачать никакие тени, никакое страдание, никакой диссонанс. И все это будет достигнуто благодаря тому, что организация производства и потребления в крупных размерах вместе с увеличением энергии труда вследствие его привлекательности, дадут человечеству столько богатства, что люди не будут испытывать ни в чем недостатка.

Выработав так детально экономическую организацию фаланги, ячейки будущего гармонического общества, Фурье не мог не коснуться и политического его устройства. Во главе каждой фаланги стоят свободно избираемые лица, и высший глава фаланги — унарх, является также свободно избираемым лицом. Но политической или какой бы то ни было другой власти в обществе, о котором мечтает Фурье, не будет. Звание унарха будет лишь почетным титулом. Что делать власти в фаланге? Все средства насилия будут бесполезны в новом социальном строе, который не будет иметь врагов, потому что будет удовлетворять всем потребностям своих граждан. Главная причина преступлений в современном обществе — бедность и нищета — совсем исчезнет. Кто станет прибегать к краже, если всякий имеет возможность легко получить все, в чем имеет нужду? Вообще, ни для чего похожего на правительство в фаланге места нет.

Как только возникнет первая фаланга, гармоничность и прелесть устройства ее подействует так завлекательно на остальное население, что, мало-помалу, без всякого насилия и принуждения, сами собой начнут возникать новые и новые фаланги. Постепенно они покроют весь мир, сделают плодородной Сахару и заселят пустыни Сибири. Настанет земной рай — и человек благословит свою судьбу; люди убедятся на опыте, что их удел на земле — счастье, полное, глубокое, безграничное, ибо несчастье, горе, зло коренятся

не в человеческой природе, а в несовершенствах социальной организации...

Что касается до отношений между отдельными фалангами, то они должны быть совершенно свободны и лишены какой бы то ни было внешней организации. Каждая фаланга является как бы независимым предпринимателем по отношению ко всем другим. Фаланги продают друг другу свои продукты, ведут ими торговлю и вообще ничем не стеснены в своей хозяйственной деятельности.

Социальный идеал Фурье так близок к анархическому идеалу, что возникает вопрос, не следует ли Фурье считать представителем анархизма. Действительно, для всей системы великого француза характерно полное отрицание какой бы то ни было власти, какого бы то ни было принуждения.

Фурье заходит в этом отношении так далеко, что отрицает даже нравственное принуждение. Он безусловный аморалист (отрицатель нравственного долга) и в этом отношении является предшественником Ницше и аморализма нашего времени. Задача созданной его воображением социальной системы — дать полный простор, полную свободу человеческим страстям и влечениям и привести их в такое согласие, в такую гармонию, чтобы их собственная свободная игра обеспечивала наибольшее счастье всех. «Все измышления философии, — писал Фурье, — называемые обязанностями, не имеют ничего общего с истинной природой человека; долг создан людьми, влечение же исходит от Бога. И потому, если желать узнать виды Божества, нужно изучать влечение людей, одну природу, совершенно оставляя в стороне долг, изменяющий свой характер в каждом столетии и в каждой стране, между тем природа страстей была и остается неизменной у всех народов».

Фурье полагал, что созданное его фантазией устройство общества, называемое им гармонией, вполне разрешает задачу обеспечения наибольшего счастья всех при совершенной свободе всех следовать всем своим страстям и влечениям. И, конечно, если бы нечто подобное когда- либо было достигнуто, то необходимость внешнего и внутреннего принуждения — общественной власти и нравственного долга — совсем бы исчезла.

Но может ли это когда-либо быть достигнуто? Возможно ли человеческое общество, совершенно свободное от власти и нравственного долга? Научной критике нетрудно

разрушить все воздушное здание Фурье, в которое он вложил столько гениальной силы мысли и столько артистического чувства.

Так, совершенно ясно, что фаланга Фурье не есть царство гармонии человеческих страстей. Для такой гармонии нужно, чтобы влечения каждого отдельного лица согласовались с влечениями других лиц, с общими интересами; но каким образом это будет достигнуто в фаланге — остается совершенно непонятным. Каждый работник выполняет в фаланстере ту работу и то дело, которое ему всего больше нравится. Но что если общество в этой работе не нуждается, а нуждается в какой- либо иной, для которой не находится охотников в достаточном числе? Как тогда быть? Фурье предполагает что существует какое-то внутреннее соответствие между влечениями людей к той или иной работе и общественной потребностью в продуктах именно этого рода труда. Только при существовании такого внутреннего соответствия люди, следуя своим внутренним влечениям, могли бы изготовлять как раз те продукты и как раз в том количестве, какие и в каком требуются обществом.

Но, очевидно, такого внутреннего соответствии между влечениями отдельных лиц к определенным родам деятельности и общественными потребностями в определенных продуктах не существует и существовать не может, так как то и другое представляют собой обстоятельства совершенно различного порядка, зависящие от совершенно различных условий и причин. Наличность усиленного спроса на известный продукт отнюдь не требует, чтобы самый труд производства этого продукта был особо привлекателен для работников. Жемчуг высоко ценится как украшение, но труд добычи жемчуга из морских глубин ничего в себе привлекательного не заключает.

Это простое соображение разрушает всю мнимую гармонию фаланстера. На садоводство и другие занятия, связанные с работой среди природы, в фаланстере нашлось бы много охотников, но не все же работы одинаково приятны сами по себе. Кто станет их исполнять, если основной закон фаланстера — следовать только своим внутренним влечениям? Без внешней, а, следовательно, и принудительной организации невозможна согласованность отдельных частей хозяйственного организма, составляющая неустранимое условие его жизнедеятельности.

Итак, Фурье не разрешил задачи согласования общественного и частного интереса, а прямо обошел эту задачу, признавши ее разрешенной. Кроме того, оставляя совершенно неорганизованными отношения между отдельными фаланстерами, Фурье сохранил в полной силе и все недостатки системы свободной конкуренции. Отдельные фаланги будут вести друг с другом такую же борьбу, какую теперь ведут отдельные капиталистические предприятия; отдельные фаланги будут неравны между собой по своей экономической силе, так как будут располагать землями различного качества, различными капиталами и различным личным составом членов. В результате получится такая же анархическая борьба всех со всеми, которая составляет такое крупное зло существующей хозяйственной системы, — борьба, в которой слабые должны быть побеждены сильными. Таким образом, и внутри фаланги и в отношениях их друг к другу далеко не будет той гармонии, о которой мечтал гениальный утопист.

IV

Между общинами Оуэна и фалангами Фурье замечается значительное сходство по целому ряду существенных пунктов. Тем не менее между организациями того и другого рода имеются и весьма важные различия. Прежде всего нужно помнить, что фаланги Фурье — организации социалистические, а общины Оуэна — коммунистические. Внутри фаланги распределение продукта совершается путем купли продажи, члены фаланги получают за свой труд заработную плату, да еще кроме того вознаграждение за талант и процент на вложенный в общее дело капитал. Величина доходов отдельных членов фаланги неодинакова, а характер общественного потребления столь же многообразен, насколько различны индивидуальные вкусы отдельных лиц. Напротив, община Оуэна имеет строго коммунистическое устройство. Всеми продуктами, производимыми общиной, владеют члены ее сообща, и никакой продажи продуктов отдельным лицам, равно как денежного вознаграждения последних, в общине не существует. Община Оуэна представляет собой как бы большую семью, где все имеют равное право участвовать в потреблении, и потому отсутствуют какие бы то ни было определенные правила для распределения продуктов.

Но и сами цели социальных организаций Фурье и Оуэна глубоко различны. По своему духовному складу Оуэн и Фурье были величайшими антиподами и пришли к своим планам социального преобразования путем совершенно противоположным. Оуэн долгое время был чрезвычайно успешным фабрикантом; затем его внимание привлекли вопросы воспитания рабочих, преимущественно морального. Как руководитель огромного фабричного предприятия, в котором от него зависели многие сотни людей, Оуэн пришел к убеждению в пластичности человеческой природы, в ее изменчивости под влиянием изменения условий среды. Будучи по своей духовной природе моралистом, Оуэн считал высшей целью общественного союза моральное возвышение человечества.

В течение ряда лет Оуэн пытался воспитывать в моральном отношении рабочих своей фабрики в Нью-Ланарке. Но он не мог, в конце концов, не придти к заключению, что нравственное перевоспитание человека невозможно, если социальная среда, в которой живет человек, остается неизменной. Современное общественное устройство таково, что оно препятствует развитию благородных свойств человеческой природы и поощряет все его дурные свойства. Неудивительно, что современные люди стоят в нравственном отношении так низко. И, очевидно, никакие воспитательные учреждения не в силах улучшить природу человека, если социальная среда не будет изменена.

Вот таким путем, в поисках средств нравственно возвысить человека, Оуэн и пришел к мысли о необходимости глубочайшего преобразования основ современной общественной жизни. Новый тип общественного строя, проповедником которого он стал, он называл «новым нравственным миром, указывая этим, что конечные цели этого нового общественного строя заключаются в нравственном преобразовании человека. Современный строй плох потому, что он воспитывает плохого человека; оправданием же проектированной Оуэном великой социальной реформы являлось, в глазах ее проповедника, связанное с ней нравственное возвышение человека.

Итак, для Оуэна человеческая природа есть нечто в высшей степени пластичное и изменчивое; цель общественного преобразования заключается в изменении человеческой природы, в создании нового человека, более соответствующего нашему нравственному идеалу.

Цели общественной реформы для Фурье прямо противоположны. Фурье не только не считал самым важным общественным делом нравственное преобразование человека, но был убежден, с одной стороны, в неизменности основных свойств человеческой природы, а с другой стороны, был решительным аморалистом. Не человеческий характер должен приспособляться к общественному строю, а общественный строй должен быть приспособлен к неизменным свойствам человеческого характера. Общественное воспитание не имеет никакого смысла, ибо человеческая природа неизменна. Наилучшим общественным строем является не тот, который воспитывает наилучшего человека (как думал Оуэн), а тот, который всего более приспособлен к неизменным свойствам человека. Таким наилучшим строем казалась Фурье придуманная им организация фаланги, преимуществом которой перед всеми другими формами общественного строя являлась, в глазах творца фаланги, предоставляемая последней полная свобода действию всех страстей и влечений человеческой природы, ибо не существует естественных влечений вредных или безнравственных, а существуют лишь плохие формы общественного строя, делающие некоторые влечения человека вредными для общества.

Итак, Оуэн был моралистом, и пришел к социальной реформе, как к средству морального воспитания человечества; Фурье же был аморалистом и пришел к социальной реформе, как к средству освобождения человечества от власти долга и морали. Их социальные цели, по своим конечным завершениям, были прямо противоположны, но конкретные планы общественного устройства, предложенные тем и другим, имели, при существенных различиях, много общего.

Оуэн обладал, несомненно, в гораздо большей степени тем, что называется здравым смыслом. Уже своей деятельностью в качестве руководителя огромным фабричным предприятием Нью-Ланарка он доказал свои практические таланты. Он сумел достигнуть двух вещей, почти всегда взаимно исключающих друг друга: блестящего коммерческого успеха, выражавшегося в высоких барышах, которые его фабричное предприятие доставляло ему и его компаньонам, и существенного улучшения экономического положения занятых в его предприятии рабочих. Оуэн обладал талантом влиять на людей и подчинять их своей воле,

но воля его была направлена не на личные, а на общие интересы.

Однако, в то же время Оуэн отнюдь не был сильным мыслителем, и ему менее всего были свойственны, в умственной области, гениальность, творческий полет воображения. Он был рассудочной натурой, и таким же духом рационализма были проникнуты его планы будущего общественного устройства, вытекавшие из всеми признаваемых бесспорными посылок. Никто не отрицает высокой ценности добродетели. Вместе с тем очевидно, что благородные свойства человеческой природы не могут развиться, если социальные условия поощряют пороки. Значит, нужно создать такие условия общественной жизни, при которых пороки не могли бы развиться, а добродетели встречали бы опору в социальной среде.

Корнем всех пороков является, по общему мнению, себялюбие, в свою очередь проявляющееся наиболее резко в области хозяйственных интересов. Поэтому, чтобы создать добродетельного человека, нужно сделать невозможным проявление хозяйственного эгоизма.

А для этого нужно, чтобы исчезла частная собственность, чтобы человек ничего не мог называть своим — только в этом случае для развития хозяйственного эгоизма не будет почвы, и хозяйственный эгоизм погаснет сам собой.

Но одного этого мало, — нужно, чтобы в общественной жизни исчезли какие бы то ни было поводы к развитию дурных свойств в человеческой природе. Всякое неравенство питает зависть и вражду. Поэтому, кроме уничтожения частной собственности, необходимо уничтожить и неравенство в других областях человеческой жизни — не должно быть правительства, хотя бы и выборного, а значит, не должно быть и государства. Таким логическим путем Оуэн приходит к своим кооперативным, как он их называет, общинам, представляющим крайнее развитие коммунального коммунизма.

Весь ход мыслей Оуэна был очень последователен, и нисколько не удивительно, что отец кооперации твердо верил в разумность своего плана общественного устройства, верил настолько непоколебимо, что одно из своих сочинений он озаглавил «Попытка превратить человеческое общество из дома сумасшедших, в разумный мир». Действительно, разве не «домом сумасшедших» должно было

представляться рационалисту типа Оуэна современное общество, в котором признаваемые всеми высшие цели общественного союза — выработка благородных свойств человеческого характера — не только не получают осуществления, но и попираются самым грубым образом? И разве общество, понимающее блага морали, не должно стремиться преобразовать строй своей жизни в соответствии с требованиями морали? Если же оно этого не делает, то не нарушает ли оно очевиднейшим образом своих интересов и не свидетельствует ли этим самым о своем безумии?

Слабая сторона всего этого хода мыслей заключалась, однако, в его рационалистическом основании. Добродетель, кроме порока, имеет еще одного опасного врага — скуку. Человечество может предпочитать добродетельному устройству общества менее совершенное, если последнее веселее и приятнее. Социальный строй, проектированный Оуэном, несомненно, добродетельнее современного, но будет ли в нем интереснее жить? Если бы удалось убить все побуждения тщеславия и себялюбия, к чему так стремится Оуэн, то для многих возник бы вопрос, стоит ли жить в таком социальном монастыре? В заглавном рисунке на одном из своих изданий Оуэн дал изображение, с одной стороны, современного города, с его смешением красивых и безобразных зданий, при крайнем разнообразии условий жизни населения, и, с другой стороны, стройных, величавых социальных дворцов будущего. Этот рисунок подал повод к ироническим комментариям противников Оуэна, которые справедливо нашли, что в изображениях самого Оуэна безумный мир современности оказался гораздо живописнее и привлекательнее скучного и однообразного разумного мира будущего.

Совсем иное Фурье и его фаланги. Если общины Оуэна слишком уж разумны и потому скучны, то фаланги. Фурье представляют собой продукт самой смелой, безумной, творческой фантазии. Чего только, каких только чудес нет в этих фалангах! Ведь в фалангах совершенно отсутствует в какой бы то ни было степени долг и все исполняется только во имя непосредственного наслаждения. Фаланги не только не страдают монотонностью и скукой нравственных общин Оуэна, но в них все блестит и сияет радостью и весельем, наполняющими жизнь и отгоняющими всякую мысль о морали. Свобода страстям и смерть долгу — таков девиз фаланги.

В противность рационалисту Оуэну, Фурье был величайшим фантазером. Своей мечте он доверял безгранично, до такой степени, что самым серьезным образом рассуждал о таких чудесах мира будущего, как превращение морской воды в приятный напиток, вроде лимонада, как население морей будущего новыми животными, антикитами, которые с неимоверной быстротой будут перевозить по океану счастливых обитателей фаланстеров, как появление в полярных областях великолепных пальм и т. д. и т. д. Фантазии Фурье заходили так далеко, что многие ставят вопрос, не был ли он попросту помешанным. Но кем бы он ни был, он был, во всяком случае, человеком гениальной мысли.

Социальный строй, основанный на полной свободе человеческих страстей, конечно, представляет собой совершенную утопию и никогда не осуществится. Нравственные общины Оуэна гораздо осуществимее, но зато фаланги Фурье привлекательнее и интереснее. Фурье поставил себе несравненно более трудную задачу, чем Оуэн: создать социальный строй, действующий без чувства долга — той социальной узды, которая ныне вводит в пределы разрушительную силу человеческих страстей. И хотя задачи этой Фурье не решил, все же сама ее постановка свидетельствует о поразительной силе его научного воображения.

Как фаланги Фурье являются организациями почти анархическими, так же близки к анархизму и коммунистические общины Оуэна. Единственным отличием коммунального социализма от анархизма является то, что коммунальный социализм не допускает иной хозяйственной единицы, кроме общины определенного устройства, между тем как последовательный анархизм должен допускать и единоличное хозяйство.

ГЛАВА VII. АНАРХИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ И СОЦИАЛИЗМ

I. Сущность анархизма. — II. Анархический коммунизм Годвина. — III. Анархический социализм Прудона. Меновой банк. — IV. Анархизм Кропоткина. — V. Внутренняя невозможность анархизма.

I

Крайней противоположностью централистическому социализму является анархизм.

С точки зрения анархизма, идеал общественного строя будет достигнут лишь тогда, когда из общественного строя исчезнет всякая власть человека над человеком, когда все люди будут равно свободны и над ними не будет никакого господина. Власть большинства над меньшинством признается анархистами таким же насилием над личностью человека, как и власть меньшинства над большинством. Единственным законом анархического общества должна быть свободная воля каждого человека; каждый должен быть свободен делать лишь то, что признает нужным, и лишь добровольное соглашение отдельных лиц, соединяющихся ради достижения какой-либо общей цели, может быть основанием их совместной жизни и деятельности.

II

Первым провозвестником современного анархизма можно считать Годвина*.

Этот замечательный писатель, подвергнувший самой резкой критике капиталистический строй, как несогласный с требованием справедливости и равенства, был вместе с тем противником и обязательной общности производства и потребления. «Для чего общие обеды?— спрашивает Годвин,— разве я должен чувствовать голод в тот же час, как и ты? Разве я должен из библиотеки, в которой я работаю, из места, в котором я предаюсь размышлению, из

обсерватории, где я наблюдаю чудеса природы, в известный час непременно быть в определенном помещении, где приготовлен обед?»

Никто не должен быть принуждаем работать вместе с другими, так как у каждого есть свои склонности и вкусы, и человек не машина, чтобы делать что-либо не по своей воле. Вообще, совместная работа нескольких людей имеет свои невыгодные стороны. «Нужно, по возможности, ограничивать работу этого рода... Будет ли всегда необходимость в совместной работе многих людей, представляется большим вопросом, который мы не в состоянии разрешить. Теперь требуется работа многих людей, чтобы вырубить лес, прорыть канал или построить корабль. Но так ли всегда будет? Посмотрите на остроумные машины, созданные изобретательностью человека, на бесчисленные фабрики, различные ткацкие станки и паровые машины — разве не изумительно, сколько работы они исполняют? Кто скажет, к чему приведет дальнейшее развитие в том же направлении?.. Ничего нет невозможного, что когда-нибудь одинокий человек будет выполнять величайшие работы или, чтобы взять самый близкий пример, что плуг будет исполнять на поле свою работу без всякого присмотра человека. В этом смысле знаменитый Франклин сказал: «Когда-нибудь человеческий дух приобретет всемогущество над материей».

В прежнее время грубые и тяжелые работы исполняли рабы. Настанет время, когда эти работы будут исполняться машинами. И тогда возможно будет достижение общего благополучия без всякого стеснения свободы личности. Никаких законов и запрещений в обществе будущего существовать не может. В нем не будет частной собственности, но не в силу закона, запрещающего таковую, а в силу того, что никто не пожелает удерживать в свое исключительное пользование то, в чем могут нуждаться другие. «Чем я владею, то я могу считать своей собственностью, если только данная вещь нужна для моего потребления; но если и владею вещью мне ненужной, то как я могу удерживать ее у себя, хотя бы она и была создана моим трудом?»

Жилище человека будет, в известном смысле, так же неприкосновенно, как и теперь: никому не придет в голову занимать мое жилище, когда всякий может иметь свое собственное. «Но не будет ни замков, ни запоров, каждый будет иметь право пользоваться моими орудиями труда,

если только этим не делается помехи моей работе. Нам, не привыкшим к такому строю, сейчас же представляются споры и пререкания, которые в этом случае возникнут. Но на самом деле никаких споров возникать не будет, так как все они порождаются чрезмерным и завистливым себялюбием. Тебе нужен мой стол? Приготовь его себе сам. Или, если я искуснее тебя, я готов его тебе сделать. Тебе стол нужен немедленно? Сравним, кто в нем больше нуждается, и тогда решим по справедливости».

Конечно, в царстве будущего не исчезнет разделение труда. Каждый будет занят той работой, к которой он будет чувствовать всего больше склонности. Но так как склонности различны, то люди будут выделывать разные вещи. Но они отнюдь не будут обмениваться ими так, как теперь. Каждый будет свободно брать у другого то, что ему нужно, если, конечно, тот, у кого берут, сам не нуждается в своем продукте. В основе обмена будет лежать не себялюбие, а любовь к ближним. Каждый будет охотно работать на другого и потому с такой же свободой пользоваться работой другого.

Таков был общественный идеал Годвина. Наш утопист исходит не только из предположения, что вся душевная природа человека испытает глубочайшее преобразование — что любовь к ближнему вытеснит окончательно в душе человека все своекорыстные чувства — но и из предположения не менее глубокого преобразования техники, которое даст человеку возможность своими единоличными силами исполнять самые трудные работы. Только, когда осуществятся оба эти условия, наступит, по мнению Годвина, царство справедливости — полной свободы и отсутствия какого бы то ни было насилия человека над человеком.

III

Анархический идеал Годвина не встретил отклика среди современников и никакого общественного движения не вызвал. Анархизм, как общественное движение, ведет свое начало от писателя значительно более поздней эпохи, Прудона.

Прудон, так же как и Годвин, признает добровольное соглашение людей единственно допустимой формой общественного сотрудничества. Поэтому, он отвергает все

формы исторического государства, все виды правительства без различия. Демократия — владычество народа в лице большинства — есть для Прудона такое же царство насилия, как и монархия. Правительство и вообще насилие необходимо в обществе лишь потому, что экономические силы общества не организованы, не согласованы друг с другом. Но если только люди, путем добровольных договоров, достигнут согласованности общественного труда, то и надобность в каком бы то ни было вмешательстве принудительной общественной власти, в каком бы то ни было правительстве, совершенно исчезнет. Есть только два коренных общественных начала: начало свободы и начало авторитета. Правительство основывается на авторитете; и это начало проникает всякую форму государства. Общество будущего должно отказаться от этого начала и всецело основаться на начале свободы.

Всякое правительство, какую бы форму мы ему ни придавали, неизбежно враждебно народной свободе. Всеобщее голосование отнюдь не ограждает народной свободы; наоборот, оно является вредным самообманом народа, так как народ думает, что, вручая власть своим избранникам, он остается владыкой своих судеб. Но это ошибка. На самом деле, избранники народа немедленно делаются его повелителями, как это доказывается всей новейшей историей.

Потому нужно стремиться не к улучшению формы правления, а к уничтожению какого бы то ни было правления. К этому ведет ход истории, и только непонимание этой истины заставляет человечество истощать свои силы в бесплодных революциях.

Итак, будущий анархический строй общества должен всецело покоиться на начале свободного договора. «Действительно, если бы я мог заключить договор со всеми людьми таким же образом, как и теперь заключаю договор по поводу отдельного предмета с некоторыми, если бы все могли возобновлять эти договоры, если бы любая группа граждан, общин, союзов, обществ могла возникать на основании подобного же договора, и рассматривалась как особая договаривающаяся личность, то все могли бы заключать соглашения со всеми; моя личная воля как бы умножалась во много раз. Господство свободных соглашений вместо господства законов было бы истинным господством человека и гражданина, истинным владычеством

народа, революции».

Все это станет, по мнению Прудона, возможным, если будет осуществлена предложенная им реформа существующего хозяйственного строя. Задача этой реформы должна заключаться в организации беспроцентного кредита и менового обращения товаров без посредства денег

Для этой цели Прудон предлагает следующее. В настоящее время производители страдают от недостатка средств производства, капитала и от трудности сбыта, продажи товаров. Но ведь сбыт труден не потому, что товар никому не нужен. Масса населения страдает от недостатка нужных ей продуктов; но ей не на что купить эти продукты, она лишена необходимых для этого денег. С другой стороны, и капиталов имеется достаточно, но собственники капитала не уступают его без дани в свою пользу, процента. Потому следует организовать безденежный обмен товаров и беспроцентное получение капитала.

Должен быть устроен особый меновой банк, который будет выдавать товаропроизводителям беспроцентные ссуды, но не деньгами, а своими билетами, которые будут приниматься всеми клиентами банка вместо денег. При установлении размера ссуд будет приниматься в соображение цена изготовленного товара; цена эта должна определяться не спросом и предложением, как теперь, а трудом производства. Каждый товаропроизводитель, получивший билеты банка, может обменять их на любой другой товар, производимый клиентами банка. Таким образом, товаропроизводители будут свободно обмениваться при помощи банковых билетов своими продуктами, а так как ссуды будут беспроцентными, то исчезнет и капиталистическая прибыль.

Когда операции банка охватят все народное хозяйство, всех товаропроизводителей страны, то при посредстве билетов банка можно будет купить всевозможные товары и, следовательно, всякие иные деньги совершенно исчезнут из обращения. Весь народнохозяйственный обмен будет совершаться через посредство банка, без всякого насилия над производителями и к общей выгоде всех. Все будут свободны производить то, что желают, и всем будет обеспечен, в соответствии с общественными потребностями, сбыт произведенных товаров.

IV

Итак, анархический общественный строй в представлении Прудона тесно связывается с определенной организацией товарообмена без посредства современных денег. Как бы мы не оценивали положительное значение настроений Годвина и Прудона, им нельзя отказать в ясности и определенности. Мы знаем, чего хотели эти представители более ранней анархической теории. К сожалению, того же отнюдь нельзя сказать о новейших представителях анархизма — слишком уже неясны, туманны и противоречивы в своих подробностях их планы будущего общественного устройства.

Крупнейшим из современных анархистов является, бесспорно, Лев Толстой*. Но Толстой, будучи несомненным анархистом по своим общественным идеалам, не может считаться теоретиком анархизма и потому мы оставим его в стороне. Из теоретиков современного анархизма выделяется силою ума, талантом и разносторонним знанием Кропоткин**.

Кропоткин принадлежит к тому направлению анархизма, которое он сам определяет как анархический коммунизм. Этим он существенно отличается от Прудона, который не стоял на почве коммунизма и считал необходимым сохранение частной собственности отдельного лица на произведения его труда. Напротив, Кропоткин отвергает какую бы то ни было частную собственность и какое бы то ни было право рабочего на его трудовой продукт. Этому последнему праву он противопоставляет право каждого на существование, достойное человека.

Кропоткин считает совершенно ненужным какую бы то ни было принудительную организацию общественного труда. Противоположное мнение кажется ему просто укоренившимся предрассудком. Обыкновенно думают, что без принудительной власти невозможна никакая сложная общественная организация. Но так ли это? Не видим ли мы множество примеров весьма сложных организаций, которые существуют лишь на основании совершенно свободного соглашения участников. Такой характер, по необходимости, имеют все организации, выходящие за пределы одного государства — напр., всемирный почтовый союз или организация международного железнодорожного сообщения. И та и другая организации охватывает сотни тысяч

и миллионы рабочих и требует величайшей согласованности их труда. Тем не менее, она всецело основана на свободном договоре — каждое государство, каждая железнодорожная компания, участвующая в этой организации, делает это добровольно без всякого внешнего принуждения. Отсюда видно, что принудительная власть, вопреки мнению коллективистов, отнюдь не есть необходимое условие сложного общественного сотрудничества.

Кропоткин — противник какой бы то ни было организации обмена, а также и какой бы то ни было системы денег. Обмен будет происходить в анархическом обществе очень просто: «Пусть город — говорит он — выделывает те вещи, которых не хватает крестьянам, вместо того, чтобы изготовлять разные безделушки для украшения буржуазных женщин. Пусть на швейных машинах в Париже шьют рабочие и праздничные одежды для деревенских людей, вместо того чтобы шить свадебное приданое, пусть на заводах делают земледельческие машины, лопаты и кирки, вместо того, чтобы ожидать их от англичан в обмен на наше вино. И пусть город посылает в деревню не комиссаров, опоясанных в красные или трехцветные пояса, которые приказывали бы крестьянам доставить свои продукты в такое-то место, но пусть по деревням отправляются из города друзья, братья, которые говорили бы крестьянам: «Несите нам свои изделия, и берите в наших магазинах все мануфактурные изделия, которые вам понравятся. И тогда деревенские изделия в изобилии появятся в городах. Крестьянин сохранит себе все, что ему нужно, а остальное отдаст городским рабочим, в которых, в первый раз за все время истории он увидит друзей, а не эксплуататоров».

Таким простым способом, без всякой внешней организации, установится обмен продуктами. Производство будет так же свободно, как и обмен. Всякий будет производить, что хочет, и пользоваться продуктами по мере своих потребностей, если продукты имеются в избытке, и в равной доле с другими, если продуктов не хватает в желаемом количестве на всех.

Но наряду с этой картиной хаотической всеобщей свободы, Кропоткин выдвигает и несколько иной план общественного хозяйства. А именно, он предлагает, чтобы каждый член общества в возрасте от 20 до 45 или 50 лет добровольно согласился работать в сутки по 5 часов в тех отраслях труда, которые общество признает необходимы-

ми. Взамен этого общество обеспечивает каждому своему члену полный достаток и свободное пользование продуктами общего труда.

Но что если некоторые члены этого общества не пожелают работать? В таком случае общество признает свой договор с неработающим членом нарушенным и предоставляет его своим собственным силам; пусть он делает, что хочет, а общество не считает себя связанным с ним какими бы то ни было обязательствами.

Таков анархический общественный строй по представлению Кропоткина. Легко заметить, что наш теоретик коммунистического анархизма колеблется между двумя противоположными точками зрения. Как анархист, он требует абсолютной свободы и, следовательно, свободы для каждого работать, что вздумается, как вздумается и сколько вздумается, или даже совсем не работать; но как коммунист, он понимает, что такой порядок вещей противоречит требованию равенства, так как недобросовестный и не желающий работать будет при этом жить за счет труда работающего и добросовестного. И вот, чтобы избегнуть этой формы эксплуатации труда, Кропоткин предлагает, чтобы все члены общества добровольно обязались работать 5 часов в сутки; кто же не пожелает исполнить этого обязательства, тот может убираться на все четыре стороны. Но так как убраться человеку из человеческого общества некуда, разве в могилу, то, очевидно, предлагаемый Кропоткиным добровольный договор личности с обществом есть та же принудительная власть общества над личностью, против которой Кропоткин восстает.

Нетрудно показать всю обманчивость примеров Кропоткина, которыми он пытается доказать, что самое сложное общественное сотрудничество возможно на основе совершенно добровольного соглашения. И международное железнодорожное движение, и всемирный почтовый союз покоятся не на свободном договоре, а на принудительной общественной силе. Правда, отдельные компании, отдельные государства добровольно вступают в соглашение. Но Кропоткин забывает, что каждая железнодорожная компания, каждое государство исполняет свое дело при помощи не добровольцев, а наемных рабочих, которые работают не из любви к труду, а под угрозой голода. Железная дисциплина сковывает армию рабочих каждой железнодорожной компании и только благодаря этой дис-

циплине отдельные компании так легко согласовывают движение своих поездов. Непонятно, каким образом в добровольных соглашениях капиталистов, обладающих принудительной властью над армиями наемных рабочих, Кропоткин усматривает довод в пользу возможности сложных хозяйственных организаций без всякой принудительной власти.

Вот если бы Кропоткин привел пример добровольного сотрудничества сотен тысяч рабочих, без всякого общественного контроля и принудительного руководительства, этот пример был бы сильным доводом в пользу возможности анархического общества. Но, конечно, такого примера Кропоткин не мог бы привести, так как вполне анархический строй — и это нужно твердо признать — есть безусловная невозможность.

V

Трудность осуществления анархического хозяйства заключается в том, что в общественном хозяйстве необходима строгая пропорциональность частей. Общество нуждается в определенном количестве хлеба, мяса, тканей, железа, стекла, дерева и т. д. и т. д. Если железа или мяса или дерева изготовлено больше, чем нужно, то излишнее количество относительно, по крайней мере, бесполезно. В настоящее время, при капиталистическом хозяйстве, эта пропорциональность производства достигается весьма сложным образом через посредство рынка, путем колебания рыночных цен товаров. Когда капиталистическое товарное хозяйство исчезнет, то пропорциональность общественного производства должна достигаться путем планомерного распределения общественного труда. Без этой планомерности немыслимо общественное хозяйство, а эта планомерность может быть создана только общественным руководительством всего общественного процесса производства.

Если бы каждый производил, что ему вздумается, как это предполагают все анархисты (в том числе и Прудон — его план менового банка несостоятелен именно потому, что организация обмена еще не обеспечивает пропорциональности общественного производства), то будут изготовляться не те продукты и не в таких про порциях, как это требуется обществом, и, следовательно, общество будет

терпеть экономическую нужду, голодать, благодаря неорганизованности общественного производства. Анархия производства в строе будущего, при отсутствии тех сил, которые в настоящее время обеспечивают хотя и весьма грубую пропорциональность общественного хозяйства, равносильна уничтожению всякого хозяйства

Анархическое производство мыслимо лишь при том условии, что каждый будет добровольно подчинять все свои интересы общественным и производить всегда именно те продукты, в которых нуждается общество. Потому анархический идеал полной свободы личности от общественного принуждения может получить осуществление лишь при совершенном преобразовании человеческой личности.

Есть только одна область человеческой деятельности, в которой возможна и необходима полная свобода, — это область высшего, умственного, творческого труда. В этой области никакая власть большинства над меньшинством не может быть терпима. Всякая попытка подчинить общественному контролю творческий труд равносильна огромному понижению его производительности, и, следовательно, огромной потере для общества.

Вместе с тем, в этой области отнюдь не требуется той строгой пропорциональности, которая составляет такое необходимое условие хозяйственного труда. Общество не испытывает никаких страданий от того, что в одну эпоху преобладает один род искусства, в другую — другой. Если картин написано больше или меньше, чем требуется общественным спросом, то страдают или выигрывают от этого преимущественно сами художники. Во всяком случае, всякие внешние меры воздействия были бы в данном случае совершенно неуместны. Союзы людей творческого труда — художественные, научные и литературные общества — уже и теперь имеют характер вполне свободных соглашений и воплощают собой анархический идеал. В обществе будущего такие свободные анархические союзы должны получить, конечно, гораздо большее распространение, но основой хозяйственного строя общества они не станут до тех пор, пока эгоистические мотивы не исчезнут без остатка в душе человека.

ГЛАВА VIII. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ СТРОЙ БУДУЩЕГО.

I. Различные системы социализма. — II. Природа социалистического государства. III. Внешняя экономическая политика социалистического государства. Борьба за рынки при социализме. — IV Недостаточность коммунального социализма. — V. Мировые организации социализма. — VI. Государственное управление производством и распределением продуктов. — VII. Выгоды и невыгоды централистического социализма. — VIII. Муниципальный социализм. — IX. Трудовая кооперация как элемент анархического хозяйства при социализме. Социалистические общины и социалистические артели. — X. Город и деревня при социализме. — XI. Сложность хозяйственного строя социалистического общества. — XII. Социализм и коммунизм.

I

Различные системы социалистического строя многочисленны и разнообразны, причем многие из них заключают в себе существенные и глубокие принципиальные различия. Тем не менее, все они имеют друг с другом нечто общее, дающее возможность объединять их все в одно общее понятие социализма. Этим общим является стремление заменить существующий стихийный строй общественного хозяйства определенным планом, вытекающим из известных правовых принципов и не допускающим эксплуатацию одних членов общества другими.

В то же время ни одна из этих систем не может быть признана исчерпывающей и устраняющей остальные. В настоящее время всего более сочувствия к себе вызывает государственный социализм. Сочувствие это вытекает из совершенно правильного соображения, что социалистическая организация хозяйства может в наибольших размерах поднять производительность общественного труда лишь в том случае, если она осуществляется в достаточно крупном масштабе, каковой достижим лишь в рамках целого государства. Чем обширнее хозяйственная единица, тем большая планомерность возможна в хозяйственных про-

цессах, ибо планомерность эта не может выходить за пределы данной организации.

Если мы предположим, что хозяйственной единицей является небольшая община (как в системах коммунального социализма), то планомерная организация хозяйства будет ограничиваться узкими пределами данной общины. Отношения же между отдельными общинами будут лишены какой бы то ни было планомерности, ибо для такой планомерности пришлось бы предположить какую-то хозяйственную организацию, стоящую выше общины, что исключается самим существом коммунального социализма.

Точно также и синдикальный социализм допускает возможность планомерной организации лишь внутри данной производительной ассоциации, отношения же между отдельными производительными ассоциациями остаются непланомерными и неурегулированными.

Вот почему современная социалистическая мысль признает возможным решение социалистической проблемы лишь в широких рамках государства.

Действительно, современное государство представляет собой обширную территорию с многомиллионным населением. В пределах этой обширной территории наблюдается значительное разнообразие естественных условий и, соответственно этому, значительное разделение общественного труда. При планомерной организации хозяйства всего огромного целого — государства — производительность общественного труда может быть поднята до такого уровня, который совершенно недостижим при организации хозяйства лишь внутри небольшой общины или производительной ассоциации.

II

Однако, я лично не думаю, чтобы государственный социализм был действительно последним словом социалистической мысли.

Современное государство уже потому непригодно в качестве основы социалистической организации, что оно создалось в результате стихийного хода исторического процесса, а не какого-либо разумного замысла или плана, между тем как сущность социализма заключается, как сказано, в стремлении подчинить общественное хозяйство какому-либо разумному плану, определенной правовой идее.

Поэтому государства нашего времени так различны по своей площади и по количеству своего населения. Поэтому так случайны границы между отдельными государствами.

Некоторые народы, обладающие всеми условиями для самостоятельной государственности, не образуют самостоятельных государств благодаря насилию над ними других народов (Польша); наоборот, другие государства существуют, хотя составляющие их народы стремятся к разъединению и образованию нескольких самостоятельных государств (Австро-Венгрия).

Мировая война нашего времени поставила на очередь вопрос преобразования политической карты Европы. И хотя, как можно думать, непосредственные результаты войны в этой области будут сравнительно скромны и политические границы государств изменятся не очень значительно, все же принцип самоопределения народов, провозглашенный как основа будущего политического строя мира, значит сам по себе чрезвычайно много.

Если бы этот принцип был проведен в жизнь, то он знаменовал бы собой полное уничтожение современного государства. Ибо почти все современные государства — во всяком случае, все так назыв. великие державы — построены на подавлении свободы самоопределения тех или иных народов и подлежат, следовательно, разложению.

Нечего и говорить, что колониальные владения великих держав представляют собой очевиднейшие проявления политического насилия и подавления воли народов, населяющих соответствующую территорию. Но и помимо колоний, политическое насилие определило, в большей или меньшей мере, взаимные границы всех современных государств, а отнюдь не свободное желание соответствующих народов.

Если бы в настоящее время населению была предоставлена полная свобода государственного самоопределения, то это самоопределение совершилось бы, главным образом, на основе национального принципа. Каждая национальность стремилась бы обособиться в самостоятельное политическое тело.

Однако, построение государства на национальной основе во многих случаях совершенно неосуществимо по той причине, что различные национальности территориально не обособлены друг от друга и живут на одной и той же территории.

В этом отношении особенно наглядным примером является народ с такими резко выраженными национальными чертами, как евреи. Чтобы образовать национальное государство, евреи должны предварительно совершить грандиозное переселение — собраться со всех концов мира в какую-либо одну страну.

Но какова бы ни была эта страна — хотя бы Палестина — она не является пустыней и, следовательно, образование в ней еврейского государства нарушило бы права того народа. который уже теперь живет в ней, нарушило бы принцип национального самоопределения.

Точно также в Австрии во многих областях различные национальности не могут произвести между собой размежевания территории, так как они живут смешанно друг с другом в пределах той же территории.

Но и помимо невозможности создания чисто национальных государств, национальный принцип, сверх того, и прямо нежелателен в качестве основы самостоятельного государственного строительства.

Национальный принцип приобрел в наше время такое первенствующее значение лишь потому, что теперь одна национальность обычно подавляет другую. Лишь насилие над правом каждой национальности к культурному самоопределению приводит к тому, что угнетенная и подавленная национальность начинает стремиться к самостоятельной государственности. Где этого нет, где все национальности пользуются полной свободой культурного самоопределения, там самые различные национальности превосходно уживаются друг с другом и никакого стремления к политическому обособлению не обнаруживают.

Примером могут служить в Европе Швейцария, а в Новом Свете — Соединенные Штаты Северной Америки.

Национальный принцип отнюдь не является, таким образом, естественной основой государственного строительства.

Историческое государство, как правильно учил Маркс, есть организация, прежде всего, классового господства и насилия; государство выросло из классового общества, и с прекращением классового насилия, с установлением социалистического строя, естественно исчезнет и современное государство.

Правда, это отнюдь не значит, что социалистическое общество упразднит, за ненадобностью, все элементы со-

временного государственного строя. Политическая власть, во всяком случае, останется, ибо без политической власти была бы невозможна та сложная организация общественного хозяйства в широких размерах, которая требуется социализмом.

Если бы предположить социалистический строй в форме коммунального социализма, то необходимость в особой организации политической власти могла бы совершенно отпасть, так как общественная организация в этом случае была бы слишком простой и не требовала бы особого политического аппарата.

Но так как социалистическая организация будущего неизбежно должна выйти далеко за пределы небольшой общины, то необходим и особый политический аппарат, необходима особая организация управления, необходимо народное представительство и необходимо правительство.

Таким образом, известные элементы государственности неизбежно сохранятся и в социалистическом обществе. Но эта социалистическая государственность будет очень глубоко отличаться от современной.

Отличия эти будут вытекать из совершенно разной задачи социалистической государственности и современной.

Современная государственность является, как сказано, на первом плане организацией классового господства и, лишь на втором плане, организацией общественной культуры. Соответственно этому современное государство на первый план выдвигает содержание армии и военного флота как средство подчинения себе других народов и укрепления власти правящих классов..

Благодаря социальной борьбе внутри современного государства, борьбе, вызываемой классовой эксплуатацией одних и противодействием этой эксплуатации со стороны других, правительство в современном государстве может достигать своих целей лишь путем организованного физического насилия, или, точнее, угрозой такового, без чего современная власть оказывается беспомощной и не способной ни к какому положительному делу.

В социалистическом обществе социальная борьба прекратится за полным отсутствием каких-либо поводов к ней. Вместе с тем прекратятся и войны по той же самой причине.

Борьба за рынки, являющаяся в наше время главнейшим поводом к войнам, непосредственно вызывается ка-

питалистической организацией народного хозяйства. При социалистической организации хозяйства эта борьба утратит свое значение.

Таким образом, главное (конечно, не единственное) содержание современной государственности — политическая борьба за пределами государства и социальная борьба в защиту господствующих классов внутри его — отпадает в социалистическом обществе. Социалистическая власть будет преследовать лишь культурные цели и, прежде всего, цели организации общественного хозяйства.

Это глубокое изменение целей государственной власти должно глубоко изменить и самый ее характер.

Конечно, элемент принуждения останется и при социалистической государственности до тех пор, пока не изменится природа самого человека и человек не научится добровольно подчинять свои интересы общим. Пока это не наступит, принуждение будет неизбежно во всех тех случаях, когда отдельная личность будет отказываться подчинять общему свой личный интерес. Но принуждение в общих интересах глубоко отличается от классового насилия нашего времени, насилия эксплуататоров над эксплуатируемыми.

Элемент принуждения, если и останется при социалистической государственности, то в гораздо меньших размерах, чем ныне, и, что особенно существенно, этот элемент принуждения будет опираться на правовую идею интересов большинства, а не основываться на голом факте силы, как в классовом государстве нашего времени.

Итак, государство останется и при социалистическом строе, хотя и существенно изменившись в своей внутренней природе — оно явится организацией культуры, а не классового господства.

Но социалистическое государство будущего в большинстве случаев не будет совпадать с современным по своей территории. Территории современных государств сложились в результате многовековой борьбы их друг с другом. С точки зрения хозяйственной целесообразности границы отдельных государств потребуют огромных изменений и только после таких изменений возможно станет рациональное построение социалистического хозяйства.

Политическая карта мира должна быть в корне изменена при образовании социалистической государственности. Одни государства будут раздроблены и уменьшены, другие

увеличены в своих размерах — причем все эти изменения будут определены всецело соображениями хозяйственной целесообразности.

Каждое государство будет охватывать территорию, которая, с точки зрения интересов наибольшего развития производительных сил, должна иметь общее хозяйственное управление из одного хозяйственного центра.

Нечто подобное — глубокое изменение границ отдельных государств, раздробление одних и расширение других, присоединение одних государств к другим и разделение государственных тел на части, — может показаться величайшей утопией, которая для своего осуществления потребовала бы несколько веков кровопролитнейших войн.

Однако, кажущаяся трудность этого процесса преобразования политической карты мира вполне мнима и создается тем, что мы не можем отрешиться от идеи современного государства и не можем стать на точку зрения социалистической государственности. Конечно, границы современных государств не могут быть изменены без войны. Но почему? Потому, что современное государство целиком основывается на силе, а не на праве, а силу можно сокрушить только другой силой.

Сила — не только основа современной государственности, но и цель ее. Увеличение политического могущества государства, расширение его границ, есть одна из важнейших задач государственной политики нашего времени. Поэтому кажется совершенно невозможным и даже нелепым, чтобы государство добровольно, без внешнего насилия, отказалось от части своей территории.

Но если мы станем на точку зрения социалистической государственности, то дело примет совершенно иной вид. В социалистическом государстве не может быть и речи о подавлении прав одной части населения другой, о внутренней борьбе и социальном угнетении какого бы то ни было рода. Гражданин социалистического государства отнюдь не будет усматривать в гражданах других государств своих врагов.

Конечно, национальные различия останутся и при социализме. Но национальные различия ни малейшим образом не являются сами по себе основанием для национальной вражды. Пример Швейцарии лучше всего убеждает, что народы очень различных национальностей — и, притом, национальностей, которые, будучи обособлены в

самостоятельные государства, полны друг к другу самой острой национальной ненависти, как у французов по отношению к немцам,— могут отлично уживаться друг с другом и чувствовать себя гражданами общего отечества.

Если это удалось капиталистическому государству нашего времени, как Швейцария, то почему то же самое окажется недостижимым для социалистического государства будущего, в котором не будет места для какой бы то ни было социальной борьбы и какого бы то ни было угнетения?

Если же мы предположим полное прекращение национальной вражды и исчезновение того обостренного государственного патриотизма, который питается взаимной борьбой государств нашего времени, то нас не удивит возможность в будущем глубочайшего изменения государственных границ по добровольному взаимному соглашению, без борьбы какого бы то ни было рода.

В настоящее время каждое государство, в пределах своей территории, явившейся результатом длинного ряда войн, ограждает свои сепаратные интересы, нисколько не думая о других. В международной политике господствует, как известно, совершенно зоологический государственный эгоизм, без всякой узды нравственного чувства и долга. Уродливый патриотизм нашего времени, получивший такое пышное развитие во время мировой войны, является лучшей иллюстрацией того, до какой степени солидарность лиц, принадлежащих к одному же государству, может приводить к подавлению сознания своих обязанностей по отношению к гражданам другого государства.

III

С исчезновением ядовитых миазмов, насыщающих политическую атмосферу современной жизни, распадение народов мира на отдельные государства может произойти без всяких трений и без всякой борьбы на основе хозяйственной целесообразности.

Отдельные социалистические государства не будут чувствовать себя обособленными политическими организациями, опасающимися своих соседей и постоянно готовыми силой отвечать на силу — но штатами единого мирового государства.

Этим самым будет достигнут такой огромный шаг впе-

ред в области развития производительных сил общества, размеры которого трудно и предугадать.

Действительно, вспомним, каким тормозом для хозяйственного прогресса нашего времени являются таможенные барьеры на границах каждого государства, равно как и всякого рода затруднения и препятствия к свободному размещению населения между различными государствами.

Почти все крупные государства современности стремятся к идеалу «автаркии» — к тому, чтобы каждое из них возможно менее зависело от остальных и удовлетворяло своим потребностям, по возможности, своим собственным производством.

Для этого одни государства прибегают к аграрному протекционизму, другие к промышленному, или к тому и другому вместе.

Но всякий протекционизм, если он имеет постоянный или длительный характер (а именно таков протекционизм нашего времени), является растратой национального богатства, ибо благодаря протекционизму население лишается возможности наиболее производительно использовать свои особые преимущества и естественные богатства. Покупая продукты туземного происхождения по более дорогой цене, чем можно было бы приобрести на открытом рынке иностранные продукты, страна соответственно сокращает свое национальное богатство.

Это основное возражение против протекционизма утратило бы свое значение лишь в том случае, если бы протекционистские пошлины имели временный характер, как это обычно и предполагается теорией протекционизма.

Теория эта указывает, что новые отрасли производства в молодой стране не могут получить развития, если им приходится конкурировать с окрепшей промышленностью старых стран, производящих те же продукты по такой низкой цене, которая недостижима для начинающих стран. Временное ограждение покровительственной пошлиной производства молодой страны от иностранной конкуренции является лучшим средством развить туземную промышленность, которая по истечении известного времени, упрочившись и окрепнув, получит возможность изготовлять продукты по такой же цене, как и более старая промышленность других стран.

Против этой защиты протекционизма возразить нечего, но вся она покоится на предположении, что покровитель-

ственная пошлина имеет временный характер и с течением времени уступает место свободной торговле.

Между тем, опыт показывает, что в огромном большинстве случаев современный протекционизм имеет характер не временной, но постоянной меры торговой политики. В особенности это очевидно по отношению к аграрному протекционизму, который ни малейшим образом не рассчитывает когда-либо сам себя упразднить ввиду достижения своей цели.

Защитники аграрного протекционизма, хотя бы в Германии, отнюдь не думают, что с течением времени германское земледелие, развившееся благодаря покровительственным пошлинам, получит возможность не нуждаться в последних. Наоборот, германские аграрии прекрасно сознают, что как бы ни были велики успехи германского сельского хозяйства, производить продукты по такой низкой цене, как страны экстенсивной сельскохозяйственной культуры — Россия, Америка, Австралия — Германия не может.

Германское сельское хозяйство всегда будет нуждаться в покровительственной пошлине, чтобы выдерживать конкуренцию на внутреннем германском рынке с иностранными сельскохозяйственными продуктами. Тем не менее, Германия и не думает отказываться от этих пошлин, чрезвычайно удорожающих предметы питания населения.

Мотивом является (помимо сепаратных интересов аграрных классов), стремление возможно менее зависеть в деле национального питания от иностранцев.

Ради этой цели Германия ежегодно переплачивает на сельскохозяйственных продуктах сотни миллионов и миллиарды марок. Другие страны делают то же по отношению к промышленным продуктам.

Возьмем, напр., Россию. Сколько времени в России существует не только покровительственный, но даже запретительный тариф по отношению к важнейшим произведениям промышленности и как слаба, несмотря на это, наша промышленность. Очевидно, наш промышленный протекционизм, подобно германскому аграрному протекционизму, не ведет к собственному упразднению. Страна продолжает переплачивать, приобретая продукты туземной промышленности и сокращая, благодаря этим переплатам, свое национальное богатство.

Если бы мы предположили упразднение всех этих тамо-

женных барьеров, то, благодаря общественному разделению труда, в каждой данной стране получили бы преимущественное развитие те именно отрасли общественного труда, в которых данная страна, по своим естественным и иным условиям, всего сильнее.

Социалистические государства, не стремящиеся к увеличению своего могущества за счет других и не опасающиеся друг друга, предоставляющие полную свободу своим гражданам переселяться из одного государства в другое, не имели бы никаких оснований придавать хозяйственному развитию страны искусственное направление, не соответствующее ее естественным условиям.

Конечно, нельзя говорить о свободе торговли в социалистическом государстве, так как в нем вообще современной торговли не будет. Однако, международный обмен сохранится и при социализме, с тем, однако, существенным различием сравнительно с современным положением дела, что теперь этот обмен находится в руках частных предпринимателей-капиталистов, преследующих цели личного барыша, а в социалистическом государстве международный обмен будет сосредоточен в руках государства.

Государство получает в этом случае возможность совершенно подчинить международный обмен целям своей хозяйственной политики и, если бы пожелало, оно могло бы без всяких пошлин воспрепятствовать ввозу в страну любых продуктов, ибо все они приобретаются государством.

Однако, социалистическое государство не будет иметь мотивов искусственно развивать в своей стране одни отрасли промышленности за счет других, подобно современному государству, ибо социалистическое государство не будет иметь оснований опасаться в каких бы то ни было отношениях других государств.

И потому, международная хозяйственная политика социалистического государства должна получить совершенно иное направление, чем ныне, должна поставить себе целью наибольшее использование естественных производительных сил и всех хозяйственных преимуществ своей страны.

Различные государства эпохи социализма будут относиться друг к другу, как к членам одной политической семьи, подобно тому, как относятся друг к другу в наше время отдельные штаты федеративного государства. В одних государствах будет преобладать промышленность, в

других сельское хозяйство, и это никого не будет смущать и ни у кого вызывать опасений, подобно тому, как в наше время население восточных промышленных штатов Северной Америки не видит для себя ничего опасного в том, что оно не может существовать продуктами своего собственного сельского хозяйства и нуждается в подвозе сельскохозяйственных продуктов с Запада.

Социалистические государства, в хозяйстве которых будет преобладать земледелие, не будут иметь никаких мотивов тяготиться необходимостью ввоза промышленных продуктов из-за границы, подобно тому, как население западных сельскохозяйственных штатов Северной Америки отнюдь не страдает от ввоза промышленных продуктов из восточных штатов.

Правда, и в социалистическом государстве может почувствоваться потребность создать у себя производство тех продуктов, которые до сих пор ввозились из-за границы. Осуществить нечто подобное социалистическому государству будет не трудно, ибо весь международный обмен будет в его руках.

Социалистическое государство просто перестанет ввозить соответствующие продукты из-за границы и начнет их изготовлять у себя дома, трудом своих граждан.

Такая замена будет равносильна сокращению общественного богатства, ибо при этом произойдет замена иностранного, более дешевого продукта, более дорогим — туземным. Но это временное лишение может быть перевешено последующими выгодами: если для развития новой отрасли производства в стране имеются соответствующие внутренние условия, и страна через некоторое время станет производить те же продукты по более низкой трудовой стоимости, чем если бы она ввозила их из-за границы, получая их в обмен на свои продукты, то страна может пойти на временный ущерб ради будущего постоянного выигрыша.

Однако, социалистическое государство может принимать подобные меры для развития в стране новых отраслей производства лишь в том случае, если это обещает в будущем удешевление соответствующих продуктов. Но, конечно, социалистическое государство не будет развивать те или иные отрасли производства, если такого удешевления продуктов не происходит.

В этом и будет заключаться существенное различие внеш-

ней хозяйственной политики социалистического и современного капиталистического государства. Социалистическое государство будет преследовать интересы общего благосостояния, а не выгоды отдельных общественных групп.

Для глубокой розни интересов между различными государствами при социалистическом строе почвы не будет.

Правда, и при социализме возможно вытеснение продуктов одного государства на том или ином внешнем рынке продуктами другого государства, ибо международный обмен будет продолжаться, и каждая страна, изготовляющая продукты для вывоза, будет искать внешних рынков для своих продуктов. Тем не менее, внешний рынок будет иметь в социалистической системе хозяйства совершенно иной смысл и иное значение, чем в системе капитализма.

Капиталистическое хозяйство производит избыточный продукт, который и ищет себе помещения на внешнем рынке[1]. Капиталистическое хозяйство стремится к неограниченному расширению общественного производства, но, наталкиваясь на неорганизованность общественного хозяйства и вытекающую отсюда непропорциональность отдельных его составных частей, приводит к тому, что общественное предложение идет впереди общественного спроса — товар ищет покупателя, а не покупатель ищет товар. Отсюда возникает ожесточенная борьба за рынки, составляющая характернейшую черту капиталистической хозяйственной системы,

Социалистическое хозяйство будет построено совершенно иначе. Оно будет преследовать потребительные цели и ни о каком избыточном продукте, как постоянном явлении, в пределах его не может быть и речи. Избыточный продукт, конечно, возможен и в социалистическом хозяйстве, но лишь, как случайное явление, как результат неправильного учета общественного спроса.

Внешний рынок будет нужен социалистическому государству не как средство помещения избыточного продукта, но как средство увеличения количества продуктов для нужд населения.

Возьмем, напр., такое государство, как Англия, в хозяйстве которой внешний рынок играет большую роль, чем в

---

[1] В каком смысле можно говорить об избыточном продукте капитализма, это я постарался разъяснить своей теорией рынка. См. мои книги: «Промышленные кризисы» или «Основы политической экономии».

хозяйстве какой-либо другой страны.

Конечно, и при господстве социализма Англия будет нуждаться во внешнем рынке для сбыта произведений своего труда, ибо, обменивая свои фабричные продукты на сельскохозяйственные других стран, она может получить эти продукты по более низкой трудовой стоимости, чем если бы те же продукты получались в самой Англии.

Разница с современным положением дела заключается, однако, в том, что теперь производство фабричных продуктов в Англии для целей экспорта не находится в непосредственной связи со спросом английского населения на сельскохозяйственные продукты других стран. Английские фабриканты стремятся в возможно большем количестве сбыть свои продукты на всех рынках мира, где только имеется на эти продукты спрос, менее всего думая о потребительном спросе английского населения на иностранные продукты.

При социалистическом же строе потребительный спрос английского населения на иностранные продукты будет непосредственно определять собой размеры английского вывоза.

Если бы спрос за границей на фабричные изделия Англии сократился, то это вызвало бы соответствующее расширение производства сельскохозяйственных продуктов внутри страны.

Конечно, такое изменение характера английского производства было бы невыгодно для страны, так как оно повысило бы трудовую стоимость получения сельскохозяйственных продуктов. Но это очень далеко от промышленных кризисов, крахов, банкротств, массовой безработицы и длительных промышленных депрессий, которые наблюдаются в связи с борьбой за рынки в наше время,

Борьба за внешний рынок останется и при социализме. Но эта борьба примет совершенно иной характер и не будет заключать в себе ничего, угрожающего международному миру. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что борьба за рынки в наше время происходит не только между различными государствами, но и между отдельными районами в пределах того же государства.

У нас в России уже многие годы идет борьба за рынок между донецкой и уральской железоделательной промышленностью. Победителем в этой борьбе оказывается Донецкий район. Однако, борьба эта, хотя она и совершается в

условиях капиталистического хозяйства, со всеми грозными последствиями ее для побежденного, вытекающими из существа капиталистической системы, отнюдь не приводит к социальной вражде, а тем менее к гражданской войне.

Уральские горнопромышленники и рабочие примиряются с неизбежным и приспосабливаются к новым хозяйственным условиям, созданным ростом донецкой железоделательной промышленности.

Социалистические государства будут вести борьбу за внешний рынок в таких же мирных условиях, как ведут теперь борьбу за рынок отдельные районы того же государства. Необходимо, к тому же, иметь в виду, что борьба за рынок, при господстве социализма будет происходить в совершенно иной обстановке, чем ныне.

Побежденному в этой борьбе не будет грозить разорение и нищета. Потеря рынка при социализме будет приводить лишь к тому, что в стране будет производиться, с добавочной затратой общественного труда, часть тех продуктов, которые раньше ввозились из за границы.

IV

Итак, социалистическое государство будет социальным образованием совершенно иного рода, чем современное. С утратой классовой природы государство утратит все то, что в наше время делает его таким неприемлемым для многих людей с более чутким сердцем.

Коротко говоря, из организации на первом плане политического и социального насилия и лишь на втором плане — организации культуры, государство превращается в чистую от каких бы то ни было элементов насилия организацию культуры.

В таком виде государство явится неизбежной основой социалистического строя будущего. Ибо без этой широкой основы невозможна организация общественного хозяйства в размерах, требующихся для наибольшего развития производительных сил общества.

Община в несколько сот семейств, как основная ячейка социалистического строя, могла казаться возможной только до эпохи современного капитализма. Фурье и Оуэн — отцы коммунального социализма — создавая свои планы социального устройства, не знали ни о железных дорогах,

ни о крупном производстве современного масштаба. Они жили в то время, когда мелкое производство еще было господствующей формой промышленного производства, пути сообщения были примитивны, территориальное разделение труда сравнительно ничтожно.

Община, удовлетворяющая трудом своих членов всем своим важнейшим потребностям — от этого идеала дышит седой древностью. На заре истории, в эпоху господства натурального хозяйства, когда обмен существовал лишь в слабых зачатках и отнюдь не проникал в толщу хозяйственной жизни, община действительно была основной ячейкой хозяйственного строя. Но наше время уже давно переросло общину и сделало невозможным коммунальный социализм.

Наиболее наглядно архаичность этой формы социализма выступает, если мы подумаем о роли в современном хозяйстве железнодорожного транспорта. Можно ли серьезно думать в наше время об уничтожении железных дорог и всего того, что с ними связано в современной жизни?

Но ведь если железные дороги сохранятся, то коммунальный социализм уже тем самым оказывается недостаточным в качестве основы социального строя будущего. Ибо коммуна не может быть хозяином железной дороги, только на ничтожном протяжении перерезывающей территорию коммуны.

Само собою разумеется, что железная дорога, по самой своей природе требует крупной организации общественного труда и, притом, труда профессионально определенного рода. Десятки и сотни тысяч железнодорожных рабочих и служащих должны управляться из единого центра. И, конечно, все эти люди не могут существовать продуктами своего труда, ибо их труд заключается в работе на железной дороге. Для поддержания существования этих людей необходима какая-то иная организация общественного труда, а не самоудовлетворяющаяся социалистическая коммуна.

Итак, несостоятельность или, по меньшей мере, недостаточность коммунального социализма бьет в наше время в глаза. Коммунальный социализм соответствует гораздо более низкому уровню развития производительных сил, чем достигнутый человечеством ныне. Нашему времени коммунальный социализм кажется архаизмом. Отсюда следует, что основой социалистического строя будущего должно быть неизбежно признано преобразованное государство.

V

Однако, не следует думать, что государство явится самой широкой организацией, в пределах которой будет складываться социалистическое хозяйство.

Наоборот, совершенно ясно, что многие очень важные отрасли общественного хозяйства по самой своей природе требуют рамок еще более широких.

Это следует сказать, прежде всего, о средствах сообщения. Уже в современном капиталистическом обществе эти отрасли хозяйства стремятся приобрести международный, даже всемирный характер, примером чего является такое своеобразное учреждение, как всемирный почтовый союз.

Настоятельная потребность повела к тому, что даже государства нашего времени, раздираемые жестокими войнами, объединились в области почтово-телеграфного дела в мирную культурную организацию. Французская почта в мирное время так же исправно перевозилась по германским дорогам, как и германская по французским.

Правда, всемирный почтовый союз не препятствует тому, что каждое отдельное государство самостоятельно организует свою почту и самостоятельно управляет ею.

Однако, с точки зрения технической целесообразности, было бы наилучшим, если бы почтово-телеграфная организация, обслуживающая, в пределах каждого отдельного государства, население не только этого государства, но и всего мира, приобрела международный характер. Только в этом случае данная организация будет стоять на уровне своих технических задач.

Всемирный почтовый союз должен превратиться при социалистическом строе во всемирную международную организацию всего почтово-телеграфного дела.

Легко понять насколько улучшится в этом случае передача почтовых посылок и телеграмм. Все члены почтового союза страдают, если то или иное государство медленно или неисправно передает почтово-телеграфную корреспонденцию.

Сопротивление цепи определяется, как известно, ее наиболее слабым звеном. Так и в данном случае, исправность международного почтового сообщения определяется исправностью наиболее слабых участников международного союза, благодаря чему происходит непроизводительная затрата общественного труда. Для чего перевозить пись-

мо за тысячи верст через несколько государств, если в своем пробеге через одно государство оно теряется?

Всемирная международная организация почтово-телеграфного дела даст возможность достигнуть наибольшей планомерности и наибольшей технической целесообразности в передаче известий. Вместе с тем это сведет к минимуму затраты на это чрезвычайно важное дело общественного труда.

Конечно, не нужно думать, что все всемирное почтовое дело будет управляться во всех деталях из одного общего центра.

Наряду со всемирным центром управления почтово-телеграфными сообщениями всех стран, должны быть и местные центры. Но эти местные центры отнюдь не должны неизбежно совпадать с границами отдельных государств. Они могут включить в одно целое несколько различных государств, равно как и раздроблять одно государство на несколько почтово-телеграфных местных центров в зависимости от потребностей почтово-телеграфного дела, совершенно не считаясь с политическими границами государств, до которых почте и телеграфу никакого дела нет.

Такие международные организации, действующие в пределах отдельных государств, хорошо знакомы уже современному капиталистическому государству. Взять, хотя бы, «Международное общество спальных вагонов», которое так много сделало для увеличения удобства путешествия на дальние расстояния.

Но международные организации будущего должны охватить но только почту и телеграф. В большей или меньшей степени он должны охватить также и все дело парового транспорта, как на воде, так и на суше.

Только что был приведен пример одной из таких международных организаций транспорта уже в пределах существующего общества, пример, показывающий, к какому техническому прогрессу транспортного дела может приводить международная организация.

Уже теперь в железнодорожном управлении замечается стремление к интернационализму. Национальные железнодорожные сети должны слиться в одну мировую железнодорожную сеть к общей выгоде всего человечества.

От неудовлетворительного развития железнодорожной сети в той или иной стране страдает не только она одна, но и все другие страны, которые пользуются или могли бы

пользоваться территорией данной страны для целей транспорта.

Взять хотя бы великую Сибирскую железную дорогу. Ее международное значение очевидно. Слабое развитие железнодорожной сети в России чрезвычайно задерживает сношения между Западной Европой и Азией. Благодаря исключительной международной важности Багдадской дороги, проходящей по территории только одного государства — Турции, проведение этой дороги стало возможным только в результате определенного соглашения великих держав Западной Европы, хозяйственные интересы которых самым непосредственным образом связываются этой дорогой.

Вообще, для наибольшего использования производительных сил всех стран необходимо планомерное расширение железнодорожной сети всего мира — и к этому стихийно стремится хозяйственное развитие уже в пределах современной капиталистической системы.

То же самое нужно сказать и об океанском сообщении. Фактически торговый флот обслуживает всегда торговые нужды многих стран, а не нужды лишь той страны, которой данный флот принадлежит на правах собственности. В настоящее время Англия и, в меньшей степени, Германия — две руководящих капиталистических страны Европы — монополизируют торговый океанский транспорт всего мира и эксплуатируют в своих интересах свое морское могущество.

В социалистическом обществе международная эксплуатация столь же недопустима, как и эксплуатация одних классов общества другими в пределах той же страны. А так как океанский флот, в силу необходимости, обслуживает не одну, а несколько стран, то по самому существу дела океанское сообщение должно стать делом международной организации.

Итак, в большей или меньшей своей части, столь важные отрасли общественного хозяйства, как средства сообщения и транспорта, должны уйти из рук социалистического государства и перейти в управление и распоряжение международных организаций, в которых отдельные государства будут лишь равноправными членами.

Социалистическое хозяйство будущего не ограничится, таким образом, рамками отдельного государства, но в некоторых своих частях получит характер мировой организа-

ции той или иной отрасли общественного труда.

Средства сообщения и транспорта являются лишь наиболее очевидными примерами таких отраслей хозяйства, в которых международная организация требуется самим существом соответствующих хозяйственных задач. Но, несомненно, область международных хозяйственных организаций при социалистическом строе будет охватывать и многие другие отрасли труда.

Возможно, что в тех случаях, когда та или иная страна обладает естественной монополией производства известных продуктов, имеющих важное международное хозяйственное значение, международная организация получения этого продукта будет признана необходимой.

Месторождения многих минералов рассеяны в очень ограниченных районах земного шара, и международная добыча их была бы вполне целесообразна.

Современные международные капиталистические организации, международные картели и синдикаты, указывают в пределах существующего хозяйственного строя естественные пути будущего хозяйственного развития уже в условиях социализма.

Итак, самой крупной организацией социалистического хозяйства будущего явится не государство, а международные союзы, охватывающие многие или даже все государства земного шара. Следующей по своим размерам социалистической организацией явится социалистическое государство, долженствующее стать главным средоточием организующих хозяйственных сил социалистического общества.

VI

Социалистическое государство станет наиболее важной хозяйственной организацией будущего. Именно оно должно в большинстве случаев заменить собой современного капиталистического предпринимателя.

Государство должно занять место торговца нашего времени. Правда, при социалистическом строе современного капиталистического обмена не будет, однако, полного прекращения обмена ожидать нельзя. Не только в области международных сношений обмен сохранится, но, по всей вероятности, также и внутри государства обмен останется, хотя и в значительно меньшем объеме, чем ныне. Кроме

того, нужно иметь в виду, что торговля в современном строе выполняет функцию не только перемещения права собственности на продукты, но и распределения между населением продуктов, в которых последнее нуждается.

Это распределение между населением предметов потребления, ложащееся теперь на капиталистическую торговлю, социалистическое государство возьмет на себя.

Изготовляемые продукты будут поступать в государственные склады и затем распределяться между потребителями тем или иным способом в соответствии со спросом на эти продукты.

Непосредственное распределение продуктов между населением было бы целесообразно поручить органам местного самоуправления — муниципалитетам. Но в первой своей стадии — распределении продуктов между различными областями и районами государства, оно должно непосредственно ложиться на центральную государственную власть.

Что касается совокупности общественного производства, то общий план его на каждый год должен, очевидно, также составляться центральной властью, на которую ложится обязанность принимать все меры к тому, чтобы общественный спрос получал наиболее полное удовлетворение.

Государственная власть должна непосредственно руководить процессом общественного производства во всех тех случаях, когда это производство не находится в руках каких-либо самоуправляющихся организаций.

Можно думать, что главная масса промышленных продуктов будет изготовляться в социалистическом государстве под непосредственным руководством органов государственной власти. В особенности это следует сказать о горнозаводской промышленности, и вообще о тех отраслях промышленности, где уже теперь господствует крупное производство.

В тех случаях, когда благодаря синдикатам, трестам и иным капиталистическим союзам, национальное производство того или иного продукта уже теперь объединилось целиком или в значительной своей части в руках одной капиталистической организации, переход производства в руки государства может совершиться без малейшего затруднения и диктуется сам собой.

Государство продолжит в этом случае тот естественный

процесс промышленного развития, который уже обнаружился с такой яркостью в пределах капиталистического общества — процесс промышленной концентрации. Концентрация промышленности дает возможность поднять до наиболее высокого уровня технику производства по причинам двоякого рода: во-первых, потому что при сосредоточении промышленности в руках одной организации возможно придать каждой производительной единице наиболее крупные размеры (конечно, в пределах технической и социальной целесообразности) и, во-вторых, благодаря возможности в этом случае наиболее целесообразного территориального размещения производительных единиц. Известно, что в Америке при слиянии многих отдельных промышленных предприятий в одно промышленное целое, трест сплошь и рядом закрывает некоторые из объединившихся фабрик, сосредоточивая производство на тех фабриках, которые по техническим или иным условиям стоят выше остальных.

Так же будет, очевидно, действовать и социалистическое государство. Объединив в своих руках производство того или иного продукта, оно не будет иметь никакого основания сохранять в действии все многочисленные фабрики и иные промышленные заведения, где этот продукт производится в настоящее время.

Наоборот, государство должно будет выработать план организации национального производства соответствующего продукта, исходя из точки зрения экономической целесообразности. Каждая производительная единица должна иметь те размеры, при которых достигается максимум производительности общественного труда (с соблюдением, конечно, интересов и самого работающего человека) и эти единицы должны быть распределены по национальной территории в соответствии с тем же самым принципом.

Для достижения всего этого необходимо объединение национального производства в руках государства, и вот почему социалистическое государство должно взять на себя эту задачу.

Вообще, государство должно стать важнейшей хозяйственной организацией социалистического общества. Только при условии централизации возможны стройность, согласованность, пропорциональность во всех частях общественного целого. Без централизации не может быть и пла-

номерности целого, так как эта планомерность может быть внесена в общество только подчинением отдельных его составных частей единому центральному плану. Только при этом условии общественный строй может стать целиком продуктом разумной воли человека и наиболее полно приспособиться к общественным нуждам и потребностям.

VII

Однако, государственная централизация заключает в себе и огромные опасности, которых нужно так или иначе избегнуть. Чем более централистически организовано общественное хозяйство и чем большие размеры приобретает эта организация, тем больше опасности для свободы отдельных лиц. Централизм всегда несет с собой и бюрократизм — оторванность общественного механизма от тесного соприкосновения с действительной жизнью, игнорирование всех индивидуальных отличий ее. Соответственно этому возрастает и роль принудительного начала власти в строе общественной жизни. Таков неустранимый грех всякого централизма.

Централизация обещает очень много, но нередко эти обещания остаются на бумаге. Кроме того, не нужно забывать, что в социалистическом обществе не человек будет служить общественному богатству (как ныне), а общественное богатство будет служить нуждам человека.

Высшей задачей социалистического общества отнюдь не будет создание наибольшей суммы общественного богатства. Правда, современный социализм не только не враждебен умножению материального богатства (в противность социализму Платона или социализму христианства), но усматривает в богатстве огромную положительную ценность. Богатство признается социализмом наших дней материальной основой культуры, а культурное развитие человечества является само по себе высочайшей целью.

Тем не менее, социалистическое общество будет относиться к умножению богатства иначе, чем относится капиталистическое общество. В этом последнем богатство достается собственнику хозяйственного предприятия — капиталисту, который сам своим трудом в создании богатства не участвует.

Рабочий при господстве капитализма является простым орудием создания богатства, и с точки зрения капиталиста

рабочий не отличается принципиально от других орудий производства. Рабочий не самоцель, а средство — такова основная точка зрения капитализма.

Напротив, при господстве социализма работающий человек становится самоцелью. Интересы работающего человека приобретают решающий характер при построении системы общественного хозяйства.

Так как умножение общественного богатства совершается при помощи затраты труда человека, то не всякое умножение богатства социализм будет признавать благом. Умножение богатства, покупаемое ценой принижения личности работающего человека, социализм не только не может считать общественным благом, но признает несомненным злом.

Вот с этой-то точки зрения государственная централизация общественного хозяйства и встречает наиболее существенные возражения.

Можно согласиться с тем, что централизация благоприятствует умножению общественного богатства. Если мы представим себе социалистическое государство, как гигантскую машину, в которой отдельный человек играет роль винтика или колеса, управляемого движением всего механизма, то это, быть может, и поведет к созданию наибольшей суммы общественного богатства, но не будет соответствовать интересам трудящегося человека, не желающего принижать себя до простого подчиненного орудия общественного целого.

В нашу историческую эпоху борьба идет во имя принципа равенства, ибо в наше время интересы большинства грубо подавляются меньшинством.

Социализм приведет к торжеству равенства. Но высшая цель общественного союза — социальный идеал — отнюдь не заключается в наибольшем равенстве всех членов общественного союза.

Равенство, само по себе, отнюдь не является положительным благом. Неравенство есть несомненное социальное зло, но устранение зла есть лишь первый шаг в направлении к социальному идеалу. Социальным же идеалом является не социальное равенство, а социальная свобода. Общество совершенно свободных людей — вот конечная цель общественного прогресса.

С точки зрения этого высшего социального идеала — свободы человеческой личности — и должны быть оцени-

ваемы различные типы социалистического общества.

Централизация социалистического государства, предполагающая строгое подчинение личности велениям центральной власти, передачу этой последней всей хозяйственной инициативы и всей ответственности за правильный ход процесса общественного хозяйства, не соответствует идеалу наибольшей свободы личности.

Правда, отсюда не следует делать вывода, что государственная централизация управления общественным хозяйством должна быть отвергнута и, что предпочтение следует отдать перед государственным социализмом иным системам социализма, допускающим большую свободу личной инициативе.

Отнюдь нет. Планомерность общественного целого представляет собой такую существенную выгоду, ради которой приходится мириться и с ограничением свободы личности. Централизованное социалистическое хозяйство даст возможность достигнуть гораздо больших хозяйственных результатов, чем все иные системы социалистического строя, и потому отказаться от государственной организации общественного хозяйства социализм не может и не должен.

Однако, невыгодные стороны централистического социализма — подавление личности общественной организацией — остаются во всей своей силе.

Вывод отсюда может быть сделан только один. Необходим известный компромисс между различными социалистическими системами. Централистическая система не может быть отвергнута, но она должна быть дополнена и ограничена системами федералистическими, предоставлявшими больше свободы человеческой личности.

В систему централистического социализма должны быть вдвинуты элементы федералистического социализма, сохраняющие подчиненное положение и не нарушающие общего плана общественного хозяйства (в чем заключается сила централистического социализма), но, в то же время, ослаблявшие элемент принуждения, свойственный централистическому социализму, и освобождающие общественную инициативу и самодеятельность.

VIII

Прежде всего не нужно забывать, что государственная организация находит себе выражение не только в центральных государственных учреждениях, но и в органах местного самоуправления. Эти последние, не менее центральных учреждений, основаны на принудительном начале. Но так как размеры муниципалитетов — публичных самоуправляющихся корпораций — гораздо меньше государства, то отдельная личность гораздо менее подавляется в них общественным целым, чем в государстве.

Муниципальный социализм должен идти рядом с государственным социализмом, причем муниципалитеты, сами по себе, должны образовывать известную иерархию, начиная от крупных организаций, охватывающих обширные районы и значительные группы населения вплоть до самых мелких с населением в несколько тысяч или даже — сот семейств.

Каждая муниципальная организация должна иметь свое собственное хозяйство, причем в распределении хозяйственных задач между государством и различными муниципалитетами должно быть положено правило, чтобы все, могущее быть выполненным муниципалитетами, возлагалось на последние. Центральная государственная власть должна брать на себя лишь то, что явно не по силам муниципалитету.

Но, конечно, за государством должна остаться общая наблюдающая, направляющая и регулирующая власть, так как иначе может исчезнуть общий план народного хозяйства и, соответственно, понизится производительность общественного труда.

Итак, первым коррективом к централизующему началу государственности должно явиться при господстве социализма самое широкое развитие местного самоуправления. Государственный социализм должен получить свое восполнение в муниципальном социализме.

Этого восполнения, однако, далеко недостаточно. Сильной стороной синдикального социализма является то, что при этой форме социализма производственный процесс подпадает непосредственному контролю рабочих, занятых производством. Благодаря этому рабочий из слуги производственного процесса превращается в его господина.

Предположим государственную фабрику в социалисти-

ческом строе. Рабочие, работающие на этой фабрике, являются полноправными гражданами социалистического государства и в качестве таковых принимают известное участие в определении условий и порядка своей работы.

Однако, участие это весьма отдаленно и во многих случаях почти призрачно, номинально. Рядовой рабочий может влиять на направление государственной политики лишь как один из миллионов избирателей, т.е. в самой ничтожной степени. Поэтому, поскольку рабочий выполняет предписания государственной власти и ее органов, назначаемых сверху для управления фабрикой, рабочий подчиняется власти, от него фактически почти независящей.

Синдикальный социализм стремится сделать распорядителем производственного процесса ту самую рабочую группу, которая в этом процессе занята. И, конечно, свобода рабочего гораздо более обеспечена при синдикальной организации производства, чем при государственной.

Поэтому весьма желательно, чтобы при государственной организации производства были введены известные элементы синдикализма.

И это вполне возможно. Современная промышленная жизнь выработала тип фабрик, основанных на системе так называемого трудового копартнершипа (labour copartnership). На фабриках, основанных на этой системе, рабочие принимают непосредственное участие в управлении фабрикой, выбирая из своей среды известное число своих представителей в правление.

Нечто подобное — постоянное представительство рабочих в управляющих органах — должно лечь в основу организации государственных и муниципальных фабрик при господстве социализма. Рабочей группе, занятой в данном деле, должно быть предоставлено влияние на его направление, но, конечно, в известных пределах, ибо государство и муниципалитеты не должны выпускать из своих рук контроля над национальным производством.

IX

Государство, муниципалитеты — все это органы принудительной власти. И как бы демократически не было организовано государство, все же элемент принуждения из него не может быть устранен. На этом основании вполне законен протест анархизма против государственного начала.

Анархизм является стремлением к построению общественной и, в частности, хозяйственной жизни на основе полной свободы личности, без всякого элемента принуждения.

Как господствующий строй хозяйства, анархизм невозможен до тех пор, пока сам человек не станет совершенно иным. Однако, уже современная хозяйственная жизнь показывает, что наряду с принудительным началом организации хозяйственного труда возможна и свободная организация последнего.

Такой свободной хозяйственной организацией нашего времени является в большей или меньшей степени вся область кооперации.

Кооперативная организация хозяйства тем принципиально отличается от других форм общественного хозяйства — государственного или муниципального, что кооперативные объединения возникают совершенно свободно, без малейшего принуждения со стороны.

Никто не принуждает членов потребительного общества или кредитного товарищества вступать в состав членов, и никто не препятствует каждому члену выходить из этих организаций, если они перестают удовлетворять его запросам.

И, несмотря на эту свободу своей внутренней организации, кооперативные товарищества не только оказываются вполне жизнеспособными хозяйственными организациями, но и могут похвалиться таким огромным успехом и таким быстрым ростом, какие являются почти беспримерными в хозяйственной истории человечества.

В состав этих организаций входят ныне многие десятки миллионов членов во всех государствах земного шара.

В России мы были свидетелями за последнее десятилетие такого стремительного развития кооперации, которое могло показаться, принимая в соображение хозяйственную отсталость нашей страны и крайне неблагоприятные для всякой общественной самодеятельности политические условия в эпоху самодержавия, прямо невероятным.

Чего же можно ожидать от кооперации в будущем, в эпоху социализма?

Вопрос этот очень важен и, насколько мне известно, совершенно не освещен в литературе. Исторически, кооперация выросла из социализма, но затем пошла своей особой дорогой, отнюдь не сливаясь с социалистическим

движением и преследуя свои особые цели.

Противоположность между кооперацией и государственным социализмом бросается в глаза. Однако, нужно ясно понять границы той хозяйственной свободы, которая существует внутри кооперации.

Кооперативное предприятие возникает по добровольному согласию его членов и никакого элемента принуждения нельзя усматривать в той связи, которая объединяет в одно общественное целое членов кооператива.

Тем не менее, было бы совершенно ошибочно думать, что кооперативная организация нашего времени вообще лишена элементов принуждения. Эти элементы в ней имеются, но в совершенно определенной области.

Хозяйственные отношения членов кооператива имеют вполне свободный характер, но труд в кооперативе, как общее правило, организован столь же принудительно, как и в капиталистическом предприятии.

Кроме так называемых трудовых кооперативов (производительные, трудовые и производительно-подсобные артели), все остальные кооперативы, покоящиеся на началах наемного труда, причем нанимаемый рабочий совершенно в той же мере принуждается экономической нуждой работать, взамен получаемой им платы, в пользу кооператива, как и при капиталистической системе хозяйства. Кооператив эксплуатирует своего наемного рабочего, как и капиталистическое предприятие.

Значит, нетрудовые кооперативы не могут рассматриваться, как вполне свободные хозяйственные организации. Их свобода ограничена с самой существенной стороны — это свобода работодателей, располагающих трудом рабочих, принужденных экономической необходимостью работать в пользу своих нанимателей.

Нетрудовые кооперативы этого рода построены на начале свободы в том же смысле, в каком это можно сказать и о любом коллективном капиталистическом предприятии; напр., о синдикате капиталистов или акционерной компании, члены которых также совершенно свободно вошли в хозяйственное соглашение друг с другом. Но эта свобода нанимателей труда имеет своим естественным основанием отсутствие свободы у того рабочего, который за плату работает на своих хозяев.

Однако, среди кооперативов имеются и такие, которые не основаны на наемном труде — трудовые кооперативы.

Эти последние являются, действительно, во всех отношениях свободными хозяйственными организациями, ни с какой стороны не опирающимися на принуждение.

Правда, именно благодаря этому трудовые кооперативы при современных условиях хозяйства оказываются наименее жизнеспособными и распространенными, представляя в этом отношении разительный контраст с кооперативами, основанными на наемном труде.

Но по той же самой причине, по которой в капиталистическом обществе только кооперативы, основанные на наемном труде, могут иметь успех, в социалистическом обществе для всех этих кооперативов места не найдется.

Все кооперативы, основанные на наемном труде, объединяют другие группы собственников. Уничтожение труда упразднит в социалистическом обществе всю эту кооперацию.

Однако, одна группа кооперативов возможна и при социалистическом строе — именно, трудовая кооперация. Для кооперации этого рода найдется место и при социализме по той причине, что государственный социализм объединяет и организовывает национальный труд на принудительном начале, между тем как трудовая кооперация исполняет то же на началах полной свободы трудящихся.

Чтобы предотвратить подавление личности обществом, в социалистическом государстве крайне важно оставить открытым путь к совершенно свободным хозяйственным организациям. Такими свободными организациями явятся в социалистическом обществе трудовые кооперативы различных типов.

Прежде всего, в социалистическом государстве должны получить большое развитие производительные артели. На государственных и муниципальных фабриках работа должна исполняться на основе всеобщей трудовой повинности, причем не может быть предоставлено полной свободы в выборе рода труда. Конечно, чрезвычайно важно во всех отношениях, чтобы ограничения в выборе занятий были сведены к минимуму. И это вполне достижимо при помощи регулирования продолжительности труда, в зависимости от его большей или меньшей привлекательности и других соответствующих мер.

Однако, полной свободы в выборе труда при государственной или муниципальной организации производства

все же не будет, ибо государственная власть не может не настаивать на том, чтобы все продукты, в которых нуждается население, и в соответствующей пропорции для каждого продукта, были изготовлены.

Принудительно организуемый труд в социалистическом государстве еще долгое время должен иметь первенствующее значение в области производства всех тех продуктов, которые жизненно необходимы для общества и производство которых, в то же время, мало привлекательно для человека само по себе.

Сюда относится, напр., горное дело. Работа в глубоких рудниках и шахтах мало кому может быть приятна, но общество без нее обойтись не может.

Однако, принудительный хозяйственный труд сам по себе настолько нежелателен, что он должен быть сведен к возможному минимуму. Принудительная система труда должна быть восполнена в социалистическом государстве трудом совершенно свободным, организуемым на началах кооперации.

Государство и его местные органы могли бы брать на себя организацию тех родов труда, которые мало привлекают добровольных рабочих. Вместе с тем, государство могло бы открывать возможность образования разного рода свободных трудовых кооперативов.

Эти трудовые кооперативы могли бы возникать следующим образом. Государство при социалистическом строе является владельцем и верховным распорядителем всех общественных средств производства. Но нет никакой необходимости, чтобы государство во всех случаях и неизменно само руководило общественным трудом.

Возможен и такой порядок. Государственная власть отдает во временное пользование те или иные средства производства трудовым кооперативам. Трудовые кооперативы берут на себя обязательства выполнять все требования, которые им предъявит государство, и, прежде всего, поставлять в государственные склады и магазины определенное количество продуктов

Весьма возможно, что при такой передаче общественных средств производства в пользование рабочей ассоциации, государство обеспечит себе большее количество продуктов, чем при непосредственном использовании данных средств производства при помощи трудовой повинности. Эта возможность объясняется благоприятным влиянием

свободы частной предприимчивости и организации труда на добровольных началах.

Всякая государственная организация страдает бюрократизмом и шаблонностью выполнения. Государственная власть может рассчитывать только на среднего рабочего, среднюю производительность труда, среднюю изобретательность, предприимчивость и т. д. Рабочий на государственной фабрике не имеет никаких мотивов развивать более, чем среднюю энергию труда и давать более среднего количества трудового продукта. То же нужно сказать и о руководителях хозяйственных процессов — техниках, инженерах и пр.

Трудовая кооперация должна дать выход свободным творческим силам общества. Группа рабочих берет на свой страх и риск определенный комплекс средств производства, принадлежащих государству. Государство обеспечивает свои интересы обязательством, возлагаемым на образующийся трудовой кооператив, поставлять в пользу государства необходимое количество продуктов.

Но рабочая группа может произвести большее количество продуктов или продуктов лучшего рода, чем те, которые производились раньше при помощи данных средств производства. Избыточное количество продуктов, равно как и выгода улучшения их качества, достается самому кооперативу.

Таким образом, члены кооператива получают мотив развивать более, чем среднюю энергию труда, более, чем среднюю предприимчивость, изобретательность и пр.

В трудовые кооперативы будут объединяться люди выше среднего уровня, между тем, как для рядовых рабочих будут открыты государственные и муниципальные мастерские.

Возможность большего заработка в трудовых кооперативах будет вполне оправдываться большей производительностью труда членов этих кооперативов сравнительно с рядовыми рабочими. С другой стороны, эта возможность большего заработка будет компенсироваться риском заработать менее: если кооператив не выполняет перед государством своего обязательства поставить определенное количество продуктов (соответствующее среднему поступлению продуктов при государственной организации труда), то члены кооператива обязываются возместить государству недостающую ценность из своего собственного

трудового дохода.

Трудовые кооперативы, возникающего таким образом будут двоякого рода. Одни из них будут объединять производителей того же продукта, другие будут объединять производителей различных продуктов, удовлетворяющих потребностям членов трудовой группы.

Кооперативы первого рода образуют собой производительные ассоциации, кооперативы второго рода — общины.

Областью производительных ассоциаций явится промышленность, областью общин — сельское хозяйство.

Маловероятно, чтобы производительные ассоциации могли стать в социалистическом государстве господствующим типом промышленного производства. Промышленный труд достигает наибольшей производительности при огромных размерах производительной единицы и при самом широком употреблении сложных и громоздких машин.

Передача гигантской фабрики с очень ценными и сложными машинами производительной ассоциации из нескольких тысяч рабочих вряд ли существенно повысит производительность труда, а, вероятнее всего, только усложнит технику управления фабрикой, в ущерб производительности труда.

Действительно, в чем заключается существенное преимущество свободной организации труда в трудовом кооперативе сравнительно с обязательным трудом в государственной мастерской?

Главным образом, в свободе и индивидуализации труда, в возможности каждому отдельному рабочему в кооперативе свободно развить свои индивидуальные способности и преимущества, подавляемые в массе — человеческой толпе.

Но если мы предположим очень крупную производительную ассоциацию в той области труда, где производительность определяется не столько свойствами рабочего, сколько качеством машин, то эта выгода свободной организации труда. почти исчезнет.

В крупной производительной ассоциации отдельный рабочий подавляется массой своих товарищей по работе и его индивидуальность также затирается толпой, как и при управлении той же фабрикой сверху.

С другой стороны, преобладающая роль машины ото-

двигает на задний план личные свойства рабочего и придает шаблонный характер всему производству, ибо шаблон есть основное свойство машины.

Таким образом, в области промышленности трудовая кооперация должна явиться при господстве социализма лишь дополнением к государственной и муниципальной организации промышленного труда.

Только в немногих отраслях промышленности, где ручной труд всегда останется господствующим, и где требуется особая индивидуализация производства, производительные ассоциации могут стать господствующей формой производительной организации.

Это следует сказать о всей области художественной промышленности и, отчасти, о производстве одежды, домашней мебели, утвари и т. п.

Но все-таки трудовая кооперация в области промышленности должна стать не правилом, а исключением.

Иное следует сказать о сельском хозяйстве. Трудовой кооперации в социалистическом государстве предстоит в этой области самое широкое развитие.

Как уже было сказано, идеал коммунального социализма, представителями которого были Фурье и Оуэн, в наше время, должен считаться устраненным ходом хозяйственного развития.

Мы не можем в настоящее время представлять себе будущее общество распавшимся на независимые или почти независимые друг от друга небольшие общины, которые соединят внутри себя сельское хозяйство с промышленностью и будут удовлетворять большей части своих потребностей своим собственным трудом. Коммунальный социализм игнорирует огромное значение территориального разделения труда внутри общества, а также необходимые размеры концентрации промышленного производства.

Внутри социалистической общины не найдется места ни для современного металлургического завода, ни для угольной копи, ни для современной фабрики.

Распадение социалистического общества на отдельные общины знаменовывало бы собой отказ от всей современной техники с ее железными дорогами, машинами и пр. И, конечно, на такой отказ человечество не пойдет.

Тем не менее, коммунальный социализм все же заключает в себе зерно истины. Зерно это заключается в идее сельскохозяйственной общины.

Как всем известно, и как это множество раз доказывалось в специальной литературе, выгоды крупного производства в сельском хозяйстве гораздо менее значительны, чем в промышленности. В некоторых отраслях сельского хозяйства, напр., в интенсивном животноводстве — выгоды эти почти исчезают, так как уход за молодым животным и птицей требует такой тщательности и такой индивидуализации труда, которые недостижимы при крупных размерах производства.

Тем не менее, в большинстве случаев и в сельском хозяйстве крупное производство представляет известные, хотя и не столь большие выгоды, сравнительно с мелким, но выгоды эти компенсируются преимуществом трудового хозяйства перед капиталистическим.

При социалистическом строе крупное сельское хозяйство, с точки зрения интересов всего общества, явится более желательным, чем мелкое, ибо при крупном хозяйстве общество будет обеспечено в наибольшем количестве предметами питания.

Между тем, в настоящее время в большинстве стран в сельском хозяйстве решительно преобладает мелкое производство, причем, в силу социальных условий, наблюдается постепенное вытеснение мелким сельским хозяйством крупного; в России этот процесс разрушения крупного сельского хозяйства принял, в связи с революцией 1917 г., особенно стремительный характер.

Таким образом, ко времени возникновения социалистического строя сельское хозяйство будет в большинстве случаев в руках мелких хозяев, крестьян.

Крестьяне во всех странах обнаруживают большую привязанность к своим привычным формам хозяйства. Везде, кроме Англии, крестьяне составляют очень многочисленный класс населения, а во многих странах и большинство населения. Нечего и думать о каком бы то ни было насилии социалистического общества над крестьянским классом: там сельское хозяйство находилось до эпохи социализма в руках крестьян, там оно останется в тех же руках, и после осуществления социалистического строя.

Каким же образом крестьяне могут прийти к крупному сельскому хозяйству? Только через трудовую кооперацию.

О фаланстерах в настоящее время мечтать не приходится и, вероятнее всего, члены сельской общины будущего предпочтут жизнь не в общем социальном дворце, а в от-

дельных домах, как и в настоящее время. Еще менее приходится рассчитывать на то, что сельская община объединит в своей среде сельское хозяйство и промышленность. Только мелкое производство промышленных изделий, могло бы получить некоторое развитие в социалистической общине и очень вероятно, что это производство в социалистической общине будет иметь место, так как сельские производители располагают зимой свободным временем, которое они могут с пользой употреблять на изготовление промышленных продуктов.

Можно себе представить, что социалистическая община будет перерабатывать свои продукты и при помощи машин, благодаря электрической энергии.

Электричество не произвело в капиталистическом обществе промышленной революции и не вернуло былого значения мелкому производству, как на это рассчитывали очень многие. Но, возможно, что при социализме передача электрической энергии на расстояние поведет к тому, что мелкое промышленное производство оживет и в сельской общине заработают сотни станков, приводимых в движение из центральной электрической станции.

Все это возможно и весьма желательно. Однако, все же выгоды крупного производства в промышленности столь значительны, что центром тяжести промышленного производства и при социализме останется фабрика, а не сельская община. В лучшем случае мелкое промышленное производство в общине составит, при господстве социализма, существенное дополнение к фабричной промышленности.

Социалистическая община будет построена по другому принципу, чем производительная ассоциация. А именно, в производительной ассоциации объединяются рабочие, изготовляющие тот же продукт.

Напротив, в общине объединятся производители разнообразных продуктов, работающие не только на нужды всего общественного целого, но и для удовлетворения своих собственных потребителей.

Социалистическая община должна иметь характер автономной хозяйственной организации, живущей в значительной мере своими собственными продуктами. В этом смысле идеалы Оуэна и Фурье сохранили и теперь свое значение.

Но, конечно, социалистическая община не будет верховным хозяином своих средств производства. Над общи-

ной будет социалистическое государство.

Подобно тому, как государство предоставляет, на известных условиях, средства производства производительным ассоциациям, точно также государство будет поступать и по отношению к общинам. Верховным хозяином земли, которой пользуется данная община, останется все общество в лице государства. Но государственная (или хотя бы муниципальная) организация сельскохозяйственного производства трудно осуществима во всех тех случаях, когда социализм застанет сельское хозяйство в руках крестьян.

Во всех этих случаях задачей социалистической сельской политики будет развитие сельских общин с общим производством сельскохозяйственных продуктов. Каждая община будет обязана поставлять в пользу государства известное количество продуктов, которые будут затем тем или иным порядком распределяться между остальным населением.

За вычетом этого количества продуктов община будет совершенно свободно распоряжаться создаваемым ею богатством. Но для успеха всей этой организации весьма важно, чтобы она имела не принудительный, вполне добровольный характер — чтобы общины возникали, как трудовые кооперативы, а не как учреждения, навязываемые сельскому населению.

В таких кооперативных социалистических общинах возможна будет весьма различная степень кооперирования различных сельскохозяйственных процессов.

Некоторые из этих процессов будут кооперированы до конца — весь соответствующий труд будет исполняться общими силами всех членов общины и продукт будет безраздельно принадлежать всей общине, которая, по уплате следуемого государству, будет распоряжаться остатком совершенно свободно по своему усмотрению: распределять его на тех или иных основаниях между членами общины, сохранял в общем нераздельном пользовании или же сбывать в свою пользу через посредство государственных и муниципальных магазинов остальному населению.

В других случаях процесс производства того или иного продукта будет находиться частью в руках всей общины или известной доли ее членов, частью исполняться трудом отдельных лиц.

Наконец, в третьих случаях возможно, что процесс про-

изводства с начала до конца будет исполняться трудом отдельных лиц.

Так, напр., более простые сельскохозяйственные процессы, как производство хлеба, могут быть легко кооперированы до конца: вся община будет сообща пахать поле, собирать урожай и молотить его.

Напротив, в молочном хозяйстве возможно будет разделение процесса производства на две ступени: уход за коровой и получение молока может быть делом отдельного лица, но переработка молока в масло должно исполняться особым трудовым кооперативом, причем, в состав этого кооператива будут входить не все члены общины, но лишь те из них, которые заняты молочным хозяйством.

Однако, социалистическая маслодельная артель будет тем отличаться от современной, что современная построена на наемном труде лиц, занятых переработкой молока в масло, между тем как в социалистической артели наемных рабочих не будет: маслоделы и все рабочие маслодельного завода будут такими же полноправными членами маслодельного кооператива, как и владельцы коров, поставщики молока.

Доход в социалистической маслодельной артели будет распределяться, поэтому, не по количеству поставленного молока, а по каким либо иным основаниям.

Наконец, в огородничестве для собственного потребления возможно сохранение с начала до конца индивидуального производства. Небольшие огороды составляют естественное дополнение домашнего хозяйства и, поскольку домашнее хозяйство сохранит свой обособленный характер (а наиболее вероятно, что социализм не уничтожит обособленности домашнего хозяйства, связанного с характером современной семьи — пока сохранится современная семья, до тех пор обособленный домашний очаг будет привлекать человека), постольку и огородничество будет делом каждой отдельной семьи в общине.

Само собою разумеется, что весь сбыт продуктов социалистической общины, равно как и все совершаемые ею закупки, должны быть делом коллективного целого.

Таким образом, почти все виды современных кооперативов, кроме кредитных, найдут себе место и в социалистической общине будущего, с тем, однако, существенным различием сравнительно с кооперативами нашего времени, что они по необходимости примут характер трудовых кооперативов и, соответственно этому, должны будут существенно измениться в своей внутренней структуре.

Итак, свободная кооперация найдет себе в социалистической деревне широкое поле применения.

Но не нужно думать, что социалистическое государство совершенно устранит единоличное производство. Напротив, социализм должен предоставить каждому полную свободу работать единолично или в общей группе, при одном, однако, существенном условии, чтобы не происходило непроизводительной растраты общественных средств производства.

Если индивидуальный производитель обеспечивает обществу требуемое количество продукта, то общество не имеет никаких оснований отказывать данному лицу в возможности работать единолично. И потому, нужно предположить, что в социалистическом обществе наряду с общинами, в которых значительная часть общественного труда будет кооперирована, будут и единоличные сельские хозяева, только в некоторых отношениях хозяйственно связанные с общинами.

Такая связь неизбежна в области покупки и сбыта продуктов, так как она требуется насущными интересами каждого. Нельзя этого сказать о труде производства — в этой области отдельная личность может иногда достигнуть большего, работал на свой страх и риск единолично, чем в общей группе (новые культуры и способы производства, техническая изобретения и т. п.).

Итак, социалистическое общество, наряду с принудительной организацией общественного хозяйства государством и муниципалитетами, должно будет предоставить широкое развитие и свободной хозяйственной организации на началах трудовой кооперации. Эта трудовая кооперация в области промышленности поведет к производительным ассоциациям, а в области сельского хозяйства — к трудовым общинам, с весьма сложным внутренним кооперативным строем.

X

Можно ли ожидать от социализма уничтожения современного города?

В глазах Оуэна и Фурье социалистическая община должна была коренным образом изменить условия расселения человечества. Города и села нашего времени должны были исчезнуть и место их должны были занять общины, одинаково далекие, как от современных городов, так и от современных деревень.

С городом общины Оуэна и Фурье не имеют ничего общего, ибо все население общины живет в одном крупном здании, окруженном со всех сторон полями и садами, возделываемыми общиной.

С другой стороны, огромные социальные дворцы этих общин, в которых живет около тысячи человек, представляет собой совершенно иной тип расселения, чем современные деревни со многими небольшими семейными жилищами.

Однако, как сказано, мечту о социальных дворцах следует оставить, равно как и мечту о слиянии промышленного труда с сельским хозяйством.

Нельзя не согласиться с великими учителями социализма, что современный город является очень нежелательной и, можно сказать, противоестественной формой человеческого расселения.

Скопление в одном месте многих сотен тысяч или даже миллионов жителей диктуется условиями капиталистического хозяйства, превращающего рабочего в простое орудие производства богатства. Большой город уродует человека физически и духовно, не только увеличивает заболеваемость и смертность населения, делает наш организм более слабым и хилым, но, несомненно, крайне неблагоприятно влияет и на весь моральный облик человека.

Стремление в деревню, которое характерно для морально более здоровой части городского населения, есть выражение естественного инстинкта человеческой природы.

Рациональное соединение умственного и физического труда лучше всего осуществимо в деревне, при условии сельского хозяйства.

Поэтому, если бы было возможно совершенно уничтожить современный город, то это было бы огромным приобретением для человечества.

К сожалению, нечто подобное в полном объеме недостижимо. Крупное промышленное производство требует и крупного скопления населения вокруг своих центров.

Представим себе крупный металлургический завод, на котором работают тысячи рабочих. Вместе со своими семьями эти рабочие составят население небольшого города. Все эти рабочие по необходимости должны жить вблизи от завода, чтобы менее терять времени на передвижение, и, таким образом, с роковой необходимостью крупное промышленное производство создает город.

Города останутся, таким образом, и в социалистическом обществе. Но это будут, все же, города не похожие на

города эпохи капитализма.

Прежде всего, города социалистического государства не будут иметь таких гигантских размеров, как промышленные и торговые центры нашего времени.

Социалистическое общество при расселении своих жителей будет иметь в виду, прежде всего, их собственные интересы. Современный город настолько негигиеничен и жизнь в нем так неприятна, что социалистический город должен иметь совершенно иной вид.

Города будут, прежде всего, иметь гораздо меньшие размеры, ибо нет никакой хозяйственной необходимости, чтобы в одном ограниченном районе селились друг возле друга сотни тысяч жителей.

В настоящее время гигантские города создаются стихийным развитием капитализма. На месте стихийного расселения человечества социализм поставит определенный план. Города будут помещаться именно в тех пунктах, где условия промышленности и международного обмена будут требовать значительного скопления населения.

Это будут, сравнительно с нашим временем, очень небольшие города в несколько тысяч или несколько десятков тысяч жителей. Но так как свободное население социалистических городов не согласится жить в тесных каменных громадах, тесно скученных на небольших пространствах, как в наше время, — социалистический город будет представлять собой нечто среднее между современным городом и современной деревней.

Уже теперь возникло в городах сильное движение к полному преобразованию условий городской жизни — движение к созданию так называемых «городов-садов».

Городом-садом и должен стать социалистический город. Надо думать, что социалистическое человечество будет предпочитать жизнь в небольших домах, окруженных садами, скучиванию в больших зданиях.

Улучшение условий передвижения будет благоприятствовать рассеиванию населения на обширном пространстве и город будущего утратит отрицательные черты современного города.

XI

Итак, будущее социалистическое общество должно стать очень сложной хозяйственной системой, построенной на различных принципах.

Необходимость в этой сложности объясняется слож-

ностью целей и задач человеческого общества и, прежде всего, основной двойственностью этих целей.

Двойственность эта вытекает из двойственности личности и общества.

Пока человеческая природа не испытает полного изменения, интерес отдельной личности не будет совпадать вполне и без остатка с интересом общественного целого. Отсюда и вытекает двойственность задач социалистического общества: с одной стороны, оно должно стремиться к возможно более полному удовлетворению всех общественных потребностей; с другой стороны, оно должно возможно полнее обеспечивать свободу каждого.

В социалистическом строе этот дуализм находит себе выражение в двух противоположных системах — в системе централистического (государственного) социализма и в системе анархизма.

Сильной стороной централизма является планомерность и стройность общественного хозяйства, чем достигается вместе с тем и наибольшее развитие общественных производительных сил. Слабой стороной централизма является подавление человеческой личности, стеснение свободы последней. Сильной стороной анархизма является освобождение личности. Но анархизм предполагает такое высокое развитие личности, такое полное исчезновение в душе человека эгоистических интересов, которое может быть достигнуто еще очень и очень не скоро. До тех пор, пока человек остается таким, каким он является ныне, анархизм означал бы собой полный распад общества, и потому ни централизм, ни анархизм не может быть единственным основанием общественного строя ближайшего будущего

Задачей социалистического строя является возможно полное примирение двух противоположных начал — свободы личности и господства общественности; не подчинение личности обществу и подчинение общества личности, а наибольшее примирение этих начал. Иначе говоря, создание возможно более благоприятных условий для самого широкого развития каждой человеческой личности во всей ее сложности и полноте, но без ущерба развитию других человеческих личностей, принадлежащих к тому же общественному союзу, охватывающему собой, в идеале, все человечество, все разумные существа.

Социалистическое общество следует мыслить, как систему общественных союзов, различной широты и различным образом построенных.

Некоторые из этих союзов должны выходить за пред-

елы государства и имеет международный характер, охватывая собой в пределе все человечество, и связывая его в единое общественное целое.

Более узким хозяйственным союзом явится государство и его самоуправляющиеся органы — муниципалитеты.

Затем идут союзы еще более узкого значения — производительные ассоциации и кооперативные общины.

Но социалистическое общество должно допустить и единоличный труд самостоятельного производителя, получающего от общества средства производства под условием рационального пользования им с соблюдением общественных интересов.

Итак, хозяйственной единицей при социализме явится, на одном полюсе — все человечество, на другом — отдельная человеческая личность.

Самый характер хозяйственных организаций в социалистическом обществе будет очень разнообразен, так как оно будет давать место хозяйственным организациям, построенным на двух противоположных началах — на начале общественного принуждения и на начале полной индивидуальной свободы.

На начале общественного принуждения будет построена система государственного хозяйства; на начале индивидуальной свободы будет построена трудовая кооперация, а также единоличное производство при помощи общественных средств производства.

Принципы централизма и анархизма получат, таким образом, свое частичное осуществление.

Следует особенно подчеркнуть, что и анархическое хозяйство, которое до преобразования самого человека не может стать господствующим принципом хозяйственного строя, вполне уместно, как подчиненный принцип, рядом с системой государственного хозяйства.

И чем выше будет подниматься человеческая личность, чем больше ее интересы будут совпадать с общественными, чем менее каждый отдельный человек будет преследовать свои обособленные цели, тем более будет получать развитие система добровольной, кооперативной, иначе говоря, анархической хозяйственной организации.

XII

Нам остается исследовать, в какой мере социалистическое хозяйство будущего должно быть построено на принципе социализма в узком смысле слова (покупке предме-

тов потребления) или же коммунизма (даровом распределении предметов потребления).

На этот вопрос нужно ответить, что государственный коммунизм, принудительно нормирующий потребление, должен быть решительно отвергнут ибо этот коммунизм несовместим со свободой человеческой личности.

При системе такого коммунизма каждый получает от государства предметы потребления в том количестве и того рода, как это признает нужным государственная власть.

Таким образом, свобода индивидуального выбора предметов потребления совершенно исчезает и заменяется единообразием потребления всех.

Затем, система коммунизма, нормирующего потребление, убивает свободу творческого труда, так как коммунистическое государство определяет каждому род труда и является верховным судьей в вопросах эстетической, научной и иной ценности всех продуктов творческого труда; иными словами, художник, мыслитель и ученый подчиняются толпе и тем самым творчество, опережающее суждения и вкусы толпы, становится невозможным.

По всем этим причинам коммунизм, нормирующий потребление, должен быть решительно отвергнут как господствующая система хозяйства.

Однако, отсюда еще не следует, что вообще коммунизм несостоятелен.

Дело в том, что коммунизм выставляет два различных принципа распределения. В идеале, коммунизм требует полной свободы потребления — каждому по его потребностям; для ближайшего же времени коммунизм выставляет требование качественного и количественного равенства потребления. Такое равенство потребления равносильно полному порабощению личности обществом.

Но коммунизм выставляет и более высокий принцип распределения — свободы потребления. Правда, этот принцип может казаться совершенно неосуществимым на практике. Ведь человеческие потребности почти безграничны; если предоставить каждому полную свободу расширять свое потребление, то не приведет ли это к тому, что одни будут захватывать большую часть общественного богатства в ущерб другим, которым поневоле придется довольствоваться немногим, оставшимся на их долю? Так как общественное богатство имеет свои границы, то должны быть, казалось бы, какие-либо внешние границы и для потребления, которое, предоставленное самому себе, стремилось бы к неограниченному расширению.

Однако, соображения эти далеко не так сильны, как кажется с первого взгляда. Прежде всего, далеко не во всех своих областях человеческое потребление способно к такому безграничному расширению. Наиболее настоятельные физиологические потребности, например, в питании — легко удовлетворяются и не могут поэтому неограниченно расти; только в области того, что называют потребностями роскоши, наблюдается нечто похожее на практически неограниченный рост потребности по мере ее удовлетворения, почему полное удовлетворение потребностей этого рода оказывается практически недостижимым. Но главное дело в том, что силы, вводящие личное потребление в разумные границы, отнюдь не должны непременно иметь внешний, принудительный характер. Человек может добровольно, из уважения к интересам других людей, ограничивать свое потребление. В том же направлении действует, помимо всяких принудительных законов или правил, и страх перед общественным мнением. Человек, потребление которого настолько выходит из границ, что от этого страдают другие, должен неизбежно навлекать на себя неудовольствие своих товарищей. Подобные соображения, при предположении известной высоты нравственного уровня лиц, принадлежащих к данному общественному союзу, могут оказаться совершенно достаточными для того, чтобы полная свобода личного потребления не превращалась в злоупотребление этой свободой в ущерб интересам всего общества.

Наконец, не следует упускать из виду, что существуют области, в которых наблюдается полное согласие между личным и общественным интересом, и в которых общество поэтому нисколько не заинтересовано в ограничении личного потребления. Сюда относятся высшие духовные потребности. Общество не теряет, а выигрывает от того, что библиотеки, музеи, образовательные учреждения привлекают к себе большее число посетителей.

Итак, полная свобода личного потребления отнюдь не заключает в себе какой-либо внутренней невозможности, но для осуществления вполне коммунистического общества, в котором каждый свободно пользовался бы тем, что ему нужно, требуется, прежде всего, полное нравственное перевоспитание человечества. Пока вся масса населения не проникнется уважением к чужим интересам и не воспитает в себе постоянной готовности поступаться своими личными интересами, если этого требуют интересы общества, до тех пор будет оставаться в силе необходимость

внешних, принудительных, общественных норм, регулирующих личное потребление. Но эти нормы должны быть таковы, чтобы свобода выбора потребляемых предметов не исчезла. Социалистические системы, нормирующие доходы отдельных лиц, но отнюдь не стесняющие этой свободы, представляют собой поэтому несравненно высший тип общественного союза, чем государственный коммунизм, нормирующий не доходы, а самое потребление членов общества.

Конечным общественным идеалом является анархический коммунизм, для ближайшего же будущего — социализм, или, говоря точнее, известное сочетание социализма с коммунизмом. Даже в современном обществе существуют обширные области коммунистического, вполне свободного потребления. Так, все свободно пользуются общественными парками, музеями, библиотеками, картинными галлереями. Народное образование также, в большей или меньшей степени, имеет даровой характер. Даровая медицина и ветеринария уже теперь является господствующим типом лечебной помощи в русской деревне. Без всякого сомнения, область свободного коммунистического потребления должна чрезвычайно расшириться в социалистическом обществе. Не только воспитание и образование подрастающего поколения должны получить всецело коммунистический характер, но и те области общенародного потребления, в которых нет основания опасаться чрезмерного роста потребностей, должны основаться на коммунистических началах. Весьма возможно, что получение пищи может быть объявлено в социалистическом обществе совершенно свободным — каждый будет получать от общества без всякой платы предметы питания такого рода и в таком количестве, в каком сам пожелает. Плата за передвижение может быть также отменена без всякой опасности для общественных интересов. Вся область необходимых потребностей может быть объявлена не подлежащей никакому общественному контролю и регулированию.

Итак, в обществе будущего можно предвидеть широкое сочетание социалистического и коммунистического начал, причем дальнейшее развитие будет выражаться в постепенном вытеснении социализма (в узком смысле) коммунизмом, пока общественное хозяйство не примет всецело коммунистического характера.

ГЛАВА IX. ЦЕННОСТЬ, СТОИМОСТЬ, ЦЕНА И ДЕНЬГИ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

I. Ценность и стоимость. Роль трудового фактора. — II. Цена. Отклонение цены от трудовой стоимости в социалистическом хозяйстве. — III. Деньги. Существенно иная природа социалистических денег, чем теперь. Функции денег при социализме.

Социалистическое хозяйство будет самым глубоким образом отличаться от современного, но все же это будет хозяйство, имеющее в основе своей категории, которые свойственны хозяйству вообще как таковому. Такими основными категориями всякого хозяйства является ценность и стоимость.

Всякая хозяйственная деятельность предполагает эти две категории, будучи заключена между затратой (стоимостью) и получкой (ценностью), как между своим отрицательным и положительным полюсами. Стоимость — средство, а ценность — цель. Цель хозяйственной деятельности — удовлетворение потребностей — не может быть достигнута без затраты хозяйственного труда, а потому ценность, так же как и трудовая стоимость, должны быть признаны основными и неустранимыми категориями всякой хозяйственной деятельности, какова бы она ни была.

Это верно как по отношению к современному капиталистическому, так и к будущему социалистическому хозяйству. И в социалистическом обществе хозяйственная деятельность будет руководствоваться принципом достижения наибольшей ценности при наименьшей затрате, иначе говоря, при наименьшей стоимости.

Правда, Маркс признавал ценность исторической категорией хозяйства, свойственной только определенной форме хозяйства — меновому хозяйству.

Но дело в том, что Маркс, говоря о ценности вообще, всегда подразумевал лишь определенный вид ценности, именно — меновую ценность. Для Маркса ценность всег-

да есть меновая ценность.

Вкладывая такое содержание в понятие «ценность», Маркс был, конечно, прав, утверждая, что категория ценности свойственна лишь меновому хозяйству. Ясно само собой, что где нет обмена, там нет и меновой ценности,

Но ценность не всегда объективируется в виде меновой ценности. Всякому хозяйству свойственна субъективная ценность, выражающаяся в значении, которое хозяйствующее лицо придает в своей хозяйственной деятельности тому или иному хозяйственному предмету. И совершенно ясно, что хозяйственная деятельность невозможна без категории ценности в этом смысле.

Хозяйственная деятельность есть, во всяком случае, разумная деятельность, а разумная деятельность является всегда целесообразной деятельностью. Хозяйственная деятельность руководствуется известным расчетом и не может не стремиться к наибольшему удовлетворению потребностей хозяйствующего лица.

И при социалистическом строе хозяйственный труд будет исходить из хозяйственного расчета, будет целесообразен. Попробуем же выяснить элементы хозяйственной ценности в условиях социалистического хозяйства.

Социалистическое хозяйство — будет ли это хозяйство международной организации, государства или отдельной общины, все равно — мы должны мыслить как хозяйство, ставящее себе целью наибольшее удовлетворение потребностей той общественной группы, которая ведет хозяйство. В этом отношении социалистическое хозяйство сближается с хозяйством отдельного лица при современных условиях с той, однако, разницей, что теперь продукт поступает в обмен, и удовлетворение потребностей хозяйствующего лица достигается лишь косвенным путем при посредстве обмена продукта, производимого в предприятии данного лица, на продукт, производимый в чужом предприятии; между тем как в социалистическом хозяйстве хозяйствующим субъектом явится общественная группа, изготавливающая продукты для собственного потребления.

Таким образом, социалистическое хозяйство уподобляется натуральному хозяйству отдельного лица. Социалистическое общество, составляя план своей хозяйственной деятельности и устанавливая, какие именно продукты должны быть произведены и в каком именно количестве, будет руководствоваться совершенно теми же соображе-

ниями, какими ныне руководствуется в своем индивидуальном хозяйстве частный хозяин, ведущий натуральное, а не денежное хозяйство.

Как же будет устанавливаться хозяйственный план социалистического общества?

При составлении этого плана социалистическое общество будет исходить из двух соображений: с одной стороны, оно должно будет учитывать предельную полезность каждого продукта, с другой стороны — его трудовую стоимость. Предельная полезность и трудовая стоимость — вот два основных элемента для построения плана социалистического хозяйства.

Представим себе, что социалистическая община должна решить, будет ли она изготовлять только предметы первой необходимости или также и предметы, потребность в которых менее настоятельна. Пусть, например, вопрос ставится так — нужно ли производить огурцы или же ограничиться производством только картофеля.

Огурцы удовлетворяют определенной потребности, как и картофель. Схематизируем потребности в картофеле и огурцах, согласно известной схеме Менгера*, двумя нижеследующими рядами цифр:

Картофель	Огурцы
9	4
8	3
7	2
6	1
5	0
4	
3	
1	
0	

Картофель является предметом более настоятельной потребности, чем огурцы. Наибольшая полезность одной весовой единицы картофеля пусть выражается цифрой 9, наибольшая полезность огурцов цифрой 4; но при умножении количества картофеля, равно, как и огурцов, полезность единицы того и другого продукта падает, пока не спустится до ноля: существует предел для потребления как картофеля, так и огурцов.

Предположим теперь, что трудовая стоимость огурцов вдвое выше, чем картофеля, и допустим, что общество располагает на производство того и другого продукта 4 едини-

цами труда.

В таком случае общество не может производить огурцы, ибо затративши все 4 единицы труда на производство картофеля, оно получит продукт, совокупная полезность которого выразится цифрой 30 (9+8+7+6); между тем, затративши половину труда на производство картофеля и половину труда на производство огурцов, оно получит продукт, совокупная полезность которого будет только 21 (картофель 9+8, огурцы 4), затративши же весь труд на производство огурцов, общество получит продукт, полезность которого будет еще меньше — всего 7 (4+3).

Итак, располагая 4 единицами труда, социалистическое общество должно совершенно отказаться от производства огурцов и производить только картофель.

Но пусть в распоряжении общества имеется 10 единиц труда. В таком случае наиболее выгодным распределением труда будет такое, при котором будет произведено 8 единиц картофеля и 1 единица огурцов, ибо в этом случае совокупная полезность продукта выразится цифрой 48 (картофель 9+8+7+6+5+4+3+2 и огурцы 4), между тем как при производстве только картофеля, общая полезность продукта выразилась бы цифрой 45 (9+8+7+6+5+4+3+2+1+0); если же бы производилось 6 единиц картофеля и 2 единицы огурцов, то совокупная полезность выразилась бы цифрой 46 (картофель 9+8+7+6+5+4 и огурцы 4+3).

Таким образом, при наличности в распоряжении общества 10 единиц труда единственно целесообразным распределением общественного труда будет производство 8 единиц картофеля и 1 единицы огурцов.

Отсюда ясно, как будет строиться хозяйственный план социалистического общества. Зная только полезность того или иного продукта, общество не может определить, имеется ли расчет производить данный продукт или нет. Точно также, общество не может решить этого последнего вопроса, зная только трудовую стоимость производства данного продукта.

Для построения хозяйственного плана необходимо сопоставить по отношению к каждому продукту две основные хозяйственные категории — полезность каждой единицы данного продукта и ее трудовую стоимость производства.

Так и будет поступать при определении хозяйственного плана социалистическое общество. Оно будет вычерчивать

кривые полезности каждого продукта и кривые трудовой стоимости его же.

Чем же будет определяться высота ценности в социалистическом обществе?

В общем, теми же факторами, как и в современной хозяйственной системе, с тем различием, что влияние трудового фактора будет более непосредственным и решающим. И теперь ценность того или другого продукта непосредственно определяется количеством его в распоряжении общества. Количество же это зависит, в свою очередь, главным образом от трудовой стоимости производства того же продукта,

Однако, при современных условиях хозяйства влияние трудового фактора ослабляется многими обстоятельствами, существенными для капиталистического строя, и прежде всего тем, что трудовой фактор при капиталистическом хозяйстве влияет на ценность через заработную плату.

Трудовой фактор превращается в капиталистическом хозяйстве в издержки производства. Труд сам себе, поскольку труд не находит себе выражения в затратах капитала, издержках производства, никакого влияния на ценность продуктов капиталистического производства не оказывает.

Но хотя между трудовой затратой и затратой капитала, издержками производства и существует известное соотношение, все же ни о какой строгой пропорциональности между тем и другим не может быть и речи. При одинаковой трудовой затрате капиталистические издержки производства могут быть очень различны — хотя бы, благодаря различиям оплаты труда.

Чем ниже оплачивается труд, чем ниже заработная плата, тем ниже и издержки производства соответствующего продукта, хотя низкая оплата труда ни малейшим образом не понижает трудовой стоимости того же продукта.

При социалистическом строе трудовой фактор будет влиять на ценность в непосредственном виде. Социалистическое общество будет вести учет непосредственно труда, и элементом расхода в социалистическом обществе будет не что иное как именно общественный труд.

Социалистическое общество, как указано, будет самым строгим образом учитывать трудовую стоимость, каждого производимого продукта и, исходя из этого учета вместе с учетом кривой полезности того же продукта, определять план общественного производства.

При учете трудовой стоимости продукта придется приводить к общей единице общественного труда трудовые процессы различного рода. Квалифицированный труд придется сводить к простому труду, придется определять, сколько часов среднего общественно необходимого рабочего времени заключается в часе труда квалифицированного рабочего. Для этого требуется, в свою очередь, учесть труд квалифицированного рабочего, потраченный им для приготовления к своему роду труда, а также и весь общественный труд, потраченный на доставление квалифицированному рабочему необходимых знаний и навыков.

Однако, как ни сложна эта задача, она все же разрешима. Для социалистического общества трудовой учет будет столь же необходим, как необходим для современного капиталиста учет затраченного капитала, ибо социалистическое общество есть не что иное, как коллективный трудящийся человек, для которого затрата труда есть расходование его собственной рабочей силы.

Труд человека является одним из его жизненных процессов и человек самым существенным образом заинтересован в том, чтобы его труд расходовался наиболее экономно, чтобы ни один атом труда не пропадал даром.

По отношению к труду социалистическое общество будет представлять резкий контраст современным капиталистическим. В настоящее время руководитель процесса производства — капиталист — ведет хозяйство не своим, а чужим трудом; трудовая затрата облекается для него в форму затраты капитала и сама по себе, вне затраты капитала, исчезает из области его расчетов и интересов.

Это накладывает характерный отпечаток на всю современную хозяйственную систему, равно как и на хозяйственную мысль. Хозяйство нашего времени ставит себе целью возможное умножение хозяйственных продуктов, но отнюдь не стремится к возможному сокращению рабочего дня и к возможному уменьшению тягостности и неприятности труда рабочего.

В этом смысле крайне характерно, что хозяйственная мысль современности в лице буржуазной политической экономии почти игнорирует категорию трудовой стоимости в чистом ее виде и все свое внимание сосредоточивает на противоположном полюсе хозяйственного процесса — ценности. И только социалистическая хозяйственная мысль выдвинула значение трудовой категории как основной ка-

тегории хозяйства.

Трудовая категория будет в центре социалистического хозяйства. Соответственно этому одной из основных задач социализма будет сокращение продолжительности рабочего дня и увеличение привлекательности труда.

Ни в одну историческую эпоху рабочий день не был столь продолжителен и, вместе с тем, самый процесс труда не был столь тягостен и неприятен, как в эпоху капитализма.

Социализм должен в корне изменить субъективную окраску хозяйственного труда — внести в него элементы удовольствия и даже наслаждения. В этом отношении сохраняют до настоящего времени все свое значение гениальные пророческие предчувствия Фурье о радостном труде в фаланге.

На заре истории хозяйственный труд, как показал Бюхер*, был неразрывно соединен с эстетической деятельностью человека. «Рабочая песня» остается поныне памятником того времени, когда человек во время работы пел. Как показал Бюхер, музыка возникла на основе хозяйственного труда.

Капитализм лишил хозяйственный труд эстетических элементов.

Возьмем современную фабрику. Рабочие работают среди шума и грохота бесчисленных машин, тесно скученные друг около друга, само собою разумеется, что хозяину фабрики не придет в голову заботиться о красоте и привлекательности обстановки фабрики, равно как и всего процесса труда. Фабрикант думает о возможном увеличении своего дохода, а отнюдь не об удовольствиях своих рабочих.

С другой стороны, сами рабочие, которые жизненно заинтересованы в возможном уменьшении обременительности и неприятности их труда, не в силах изменить обстановку труда, ибо последняя задается фабрикантом.

Таким образом, при современных условиях труда, никто не принимает мер к улучшению обстановки труда. Ничего нет удивительного, что хозяйственный труд в настоящее время обставлен так плохо.

Между тем, придание хозяйственному труду привлекательного характера желательно не только само по себе, как одно из существенных условий счастливой жизни работающего человека, но и имеет первенствующее значение по отношению к производительности труда.

И в этом отношении достаточно напомнить о Фурье и о его блестящем анализе чувства лености. Леность есть естественный протест человеческой природы против уродливых условий хозяйственного труда в современном хозяйственном строе.

Леность должна исчезнуть, если хозяйственный труд станет привлекателен сам по себе, что будет достигнуто, если род труда будет соответствовать наклонностям и влечениям рабочего, не будет чрезмерно продолжителен и его обстановка будет эстетична и приятна.

Человек, в конце концов, самое мощное орудие производства, а именно о человеке-то и забыла капиталистическая система. Сколько машин изобретается в наше время, и как мало делается для физического и духовного поднятия рабочего!

Если мы представим себе, что при социалистическом строе будет обращено усиленное общественное внимание на всестороннее улучшение условий труда и поднятия работоспособности рабочего, то нам не покажутся преувеличенными расчеты Фурье о колоссальном увеличении в обществе будущего общественного богатства, о роскоши жизни и прелести обстановки социалистического общества.

II

Если ценность и трудовая стоимость присущи всякому хозяйственному строю, в том числе и социалистическому, во всех его формах, то нельзя того же сказать о цене. Ценой мы называем одно из многих возможных выражений ценности, именно: ценность, выраженную в деньгах. Очевидно, где нет денег, там не может быть и цены.

Социалистический же строй возможен как при употреблении денег, так и без всяких денег в какой бы то ни было форме. В первом случае, согласно классификации социалистических систем в главе II этой книги, мы имеем дело с социализмом в узком смысле слова, во втором случае — с коммунизмом.

В коммунистическом строе ни о деньгах, ни о цене говорить не придется.

Иное дело социализм в узком смысле слова. В этом последнем строе, как и в современном, предметы потребления будут переходить в распоряжение потребителя путем продажи их по определенной цене. Чем же будет руко-

водствоваться социалистическое общество при установлении цены?

При составлении хозяйственного плана социалистическое общество будет стремиться так распределить общественный труд между отдельными родами производства, чтобы предельные полезности производимых продуктов были пропорциональны их трудовым стоимостям. Так, в вышеприведенном схематическом примере, предельные полезности картофеля и огурцов (2 и 4) так относятся друг к другу, как их трудовые стоимости (1 и 2).

При таком распределении общественного труда достигается максимум общественной пользы, наилучшим образом утилизируются производительные силы общества. Однако, легко понять, что такое распределение общественного труда составляет цель, к которой следует стремиться, но которая далеко не всегда может быть достигнута.

Трудовые стоимости каждого продукта не легко определимы, но все же допускают известное точное вычисление. Иное следует сказать о другом элементе хозяйственного плана — полезности продуктов, иначе говоря, общественном спросе на них.

Правда, в грубых чертах общественный спрос мало колеблется из года в год и может быть предвиден заранее. Однако все же не в полной мере.

Всегда может случиться, что один род заготовленной материи будет спрашиваться (например, хотя бы под влиянием перемены моды) в большем количестве, чем ожидалось, или наоборот. Как будет поступать в этом случае социалистическое общество?

Если бы оно продолжало держать цену той и другой материи на уровне, соответствующем их относительным трудовым стоимостям, то в этом случае неизбежно должно было бы произойти следующее: материя первого рода, спрос на которую превышает предложение, не могла бы удовлетворить всему общественному спросу, а материя второго рода осталась бы в большем или меньшем количестве не проданной и не использованной обществом.

Иначе говоря, общество не использовало бы в полной мере имеющиеся в его распоряжении хозяйственные продукты — и только по той причине, что цены продуктов будут пропорциональны трудовым стоимостям.

Само собою разумеется, что такое положение недопустимо, и социалистическое общество постарается его избег-

нуть.

Каким же образом? Очень простым. Социалистическое общество, заметив, что одна материя спрашивается более, чем имеется в предложении, повысит цену на материю, а на тот сорт материи, которая спрашивается менее, чем предлагается, соответственно, понизит цену. Цена той и другой материи будет установлена на том уровне, при котором спрос будет соответствовать предложению.

Только такое установление цены будет соответствовать социалистическому принципу равномерного удовлетворения потребностей всех граждан. Напротив, если цены в этих условиях будут пропорциональны трудовым стоимостям, то это будет равнозначно нарушению принципа равенства, равносильно эксплуатации одних другими.

Действительно, если цены устанавливаются на том уровне, при котором общественный спрос уравновешивается предложением, то в этом случае каждый оплачивает продукт в соответствии со своей потребностью в этом продукте: материя, более удовлетворяющая вкусу потребителей, оплачивается выше, чем материя, менее нравящаяся. Потребности всех удовлетворены в равной мере и никто не может жаловаться на несправедливость.

Напротив, если бы цены были пропорциональны трудовым стоимостям, то одни получат в предметах потребления больше, чем другие: те, кто успел закупить сорт материи, более удовлетворяющей общественному спросу, будут в лучшем положении, чем не успевшие купить этот сорт материи и принужденные довольствоваться другим сортом материи, который нравится им менее.

Иными словами, в этом случае вынужденные покупатели материи второго сорта будут иметь право считать себя объектом социальной эксплуатации в пользу покупателей материи первого сорта, общественный спрос на которую выше предложения.

Но социалистическое общество не может допустить какой-либо эксплуатации одной части граждан другими. Иными словами, чтобы быть верным основной задаче социализма — уничтожение социальной эксплуатации — социалистическое общество будет вынуждено отклонять цены продуктов от пропорциональности с трудовыми затратами.

Точно также должны отклоняться от соответствия трудовым затратам и цены редких продуктов, количество которых не может быть увеличено трудом в желаемых разме-

рах.

Возьмем, например, произведения искусства. Было бы в высшей степени нелепо, если бы социалистическое общество расценивало эти продукты в соответствии с затраченным трудом, если бы, например, картина великого мастера расценивалась так же, как и картина любого заурядного живописца.

И в этом случае единственно разумной расценкой в социалистическом обществе будет расценка не по затраченному труду, а по общественному спросу на данный продукт.

Таким образом, цена в социалистическом обществе будет строиться на началах весьма близких к тем, на которых цена строится и в современном обществе: подобно тому, как в настоящее время цена продукта устанавливается на том уровне, при котором общественный спрос наиболее уравновешивается общественным предложением, таково же будет правило строения цены и в социалистическом обществе. В этом отношении ровно никакой разницы между строением цены в капиталистическом и социалистическом обществе не будет.

Однако, нужно иметь в виду, что цены в социалистическом обществе будут монопольными ценами, а не ценами на основе конкуренции, как это обычно в современном хозяйстве. Но монопольные цены социалистического общества будут подчиняться иному закону, чем монопольные цены капитализма: монопольные цены социализма будут управляться не стремлением к наибольшему барышу, а стремлением к наибольшей сумме общественной пользы, иначе говоря, интересами самих потребителей.

Существенная разница между строением цен при социализме и при капитализме будет лежать в другой области — в области распределения общественного труда между различными отраслями производства. При социализме это распределение будет управляться, как сказано, непосредственно трудовым фактором — относительной трудовой стоимостью каждого продукта; при капитализме же трудовой фактор действует лишь косвенно, как капиталистические издержки производства, осложняясь иными нетрудовыми элементами.

Итак, непосредственным регулятором цены при социализме, как и при капитализме, будет соотношение общественного спроса и общественного предложения; за пре-

делами же рынка при социализме регулятором общественного предложения будет трудовая стоимость каждого продукта, между тем как при капитализме таким регулятором являются капиталистические издержки производства.

Во всяком случае, социалистическая цена далеко не всегда будет трудовой ценой. Это важно подчеркнуть, так как обычно думают, что социализм приведет к трудовой цене.

III

Социалистическое хозяйство в узком смысле предполагает употребление денег в качестве орудия распределения продуктов между потребителями. Но социалистические деньги будут самым существенным образом отличаться от современных*.

В настоящее время деньгами является тот или иной товар, в силу своих естественных свойств ставший всеобщим покупательным средством, и благодаря этому, всеобщим измерителем ценности. Так, всемирными деньгами стало золото, благодаря тому, что среди всех товаров, исполнявших в разное время и в разных странах функции денег, оно в наибольшей степени обладает теми естественными свойствами, которыми должен обладать товар, функционирующий в роли денег.

Правда, в бумажных деньгах мы видим эмбрион денег другого рода, денег нетоварной природы. Но до настоящего времени бумажные деньги принуждены опираться, в конце концов, на металл и являются деньгами, так сказать, второго сорта, к которым государство прибегает по необходимости в трудную минуту, возвращаясь при первой возможности к металлическим деньгам.

Поэтому, нужно признать, что для ступени развития, достигнутой до настоящего времени капитализмом, характерны деньги товарного происхождения.

Будучи как товар предметом всеобщего спроса, золото становится всеобщим покупательным средством; обладая собственной устойчивой ценностью и измеряя в качестве всеобщего покупательного средства ценность других товаров, золото становится всеобщим измерителем ценности.

Итак, деньги в современном обществе неотделимы от товара. Как показал Маркс в своем гениальном анализе форм ценности, в I главе «Капитала», денежные функции

постепенно выделяются из меновых функций товаров и являются результатом естественной эволюции товара.

Деньги в социалистическом обществе будут существенно иной природы: ничего общего с товаром они иметь не будут[1].

Социалистические деньги явятся вполне и без остатка продуктом сознательного общественного творчества, как, например, метрическая система мер была результатом сознательного творчества революционной Франции.

Даже более, социалистические деньги в гораздо большей степени, чем метр или аршин, будут актом общественного творчества, ибо метр или аршин все же определенные объективные величины, доли объективного протяжения. Чтобы измерить длину того или иного предмета, нужно физическое измерение этого предмета при помощи объективно данного физического орудия измерения — метра или аршина.

Напротив, единица измерения цен, чем будет социалистическая денежная единица, никакой физической реальностью обладать не будет и даже сама по себе отнюдь не будет ценностью.

При современных условиях денежная единица — золотая монета определенного веса — имеет самостоятельную ценность, высота которой определяется объективными условиями народного хозяйства. Хотя измерение ценности предмета при помощи денег и есть акт не физический, а идеальный, но все же в основе этого измерения лежит известная объективная общественная реальность — ценность данной золотой монеты.

В социалистическом хозяйстве весь процесс выражения цен в денежной единице приобретает идеальный характер, ибо сама денежная единица становится всецело идеальной.

Эта денежная единица есть не более как условный знак, необходимый для счета. Для чего же нужен этот знак? Для того, чтобы обозначать во сколько раз цена одного продукта более цены другого, и сколько продуктов того и другого рода можно приобрести за данные покупательные средства.

Одни продукты имеют большую цену, чем другие. Что-

[1] Теорию ценности бумажных денег я постарался дать в своей книге «Бумажные деньги и металл» (1917).

бы обозначить это, нужно выражать цену каждого продукта в каких-либо общих единицах.

Но что будет в этом случае единицей измерения цен? Ценность определенного объективного продукта, как в наше время ценность золота определенного веса?

Отнюдь нет. Единицей измерения цен при социалистическом строе будет не ценность того или иного конкретного предмета и не трудовой час или какая-нибудь другая конкретная величина. Единицей измерения цен будет условный знак, не заключающий в себе никакой ценности.

Этот условный знак не имеет сам по себе определенного содержания. Но он получает это содержание, если оказывается, что в одном продукте этих условных величин более, чем в другом.

Пусть единица социалистической цены есть X. Сказав, что цена данного продукта есть X, я, конечно, ничего не сказал о величине цены этого продукта. В этом отношении выражение цены в современных деньгах существенно иного рода, ибо сказав, что цена данного предмета равна определенной золотой монете, я даю вполне определенное выражение для величины этой цены, так как ценность данного куска золота можно считать известной.

Напротив, при социализме единица измерения цены не будет иметь никакого определенного конкретного выражения и, сказавши, что данный продукт содержит в себе единицу такой цены, мы ровно ничего но сказали.

Однако, дело принимает совершенно иной вид, если продолжить этот процесс определения цены продуктов в фиктивных ценностных единицах.

Пусть цена одного продукта равняется X, цена же другого продукта равняется 2X; это второе измерение мы получаем, зная, что ценность второго продукта вдвое выше, чем первого.

Можно, пожалуй, сказать, что и в этом случае наше знание нисколько не увеличено этими условными обозначениями; ведь абсолютная величина ценности второго продукта также неизвестна, как первого, а то обстоятельство, что ценность второго продукта вдвое выше, чем первого не есть вывод из выражения ценности в фиктивных ценностных единицах, а, наоборот, это последнее выражение есть вывод из нашего знания, что ценность второго продукта вдвое выше, чем первого.

Итак, по-видимому, мы не подвигаемся ни на шаг в

постепенно выделяются из меновых функций товаров и являются результатом естественной эволюции товара.

Деньги в социалистическом обществе будут существенно иной природы: ничего общего с товаром они иметь не будут[1].

Социалистические деньги явятся вполне и без остатка продуктом сознательного общественного творчества, как, например, метрическая система мер была результатом сознательного творчества революционной Франции.

Даже более, социалистические деньги в гораздо большей степени, чем метр или аршин, будут актом общественного творчества, ибо метр или аршин все же определенные объективные величины, доли объективного протяжения. Чтобы измерить длину того или иного предмета, нужно физическое измерение этого предмета при помощи объективно данного физического орудия измерения — метра или аршина.

Напротив, единица измерения цен, чем будет социалистическая денежная единица, никакой физической реальностью обладать не будет и даже сама по себе отнюдь не будет ценностью.

При современных условиях денежная единица — золотая монета определенного веса — имеет самостоятельную ценность, высота которой определяется объективными условиями народного хозяйства. Хотя измерение ценности предмета при помощи денег и есть акт не физический, а идеальный, но все же в основе этого измерения лежит известная объективная общественная реальность — ценность данной золотой монеты.

В социалистическом хозяйстве весь процесс выражения цен в денежной единице приобретает идеальный характер, ибо сама денежная единица становится всецело идеальной.

Эта денежная единица есть не более как условный знак, необходимый для счета. Для чего же нужен этот знак? Для того, чтобы обозначать во сколько раз цена одного продукта более цены другого, и сколько продуктов того и другого рода можно приобрести за данные покупательные средства.

Одни продукты имеют большую цену, чем другие. Что-

[1] Теорию ценности бумажных денег я постарался дать в своей книге «Бумажные деньги и металл» (1917).

бы обозначить это, нужно выражать цену каждого продукта в каких-либо общих единицах.

Но что будет в этом случае единицей измерения цен? Ценность определенного объективного продукта, как в наше время ценность золота определенного веса?

Отнюдь нет. Единицей измерения цен при социалистическом строе будет не ценность того или иного конкретного предмета и не трудовой час или какая-нибудь другая конкретная величина. Единицей измерения цен будет условный знак, не заключающий в себе никакой ценности.

Этот условный знак не имеет сам по себе определенного содержания. Но он получает это содержание, если оказывается, что в одном продукте этих условных величин более, чем в другом.

Пусть единица социалистической цены есть X. Сказав, что цена данного продукта есть X, я, конечно, ничего не сказал о величине цены этого продукта. В этом отношении выражение цены в современных деньгах существенно иного рода, ибо сказав, что цена данного предмета равна определенной золотой монете, я даю вполне определенное выражение для величины этой цены, так как ценность данного куска золота можно считать известной.

Напротив, при социализме единица измерения цены не будет иметь никакого определенного конкретного выражения и, сказавши, что данный продукт содержит в себе единицу такой цены, мы ровно ничего но сказали.

Однако, дело принимает совершенно иной вид, если продолжить этот процесс определения цены продуктов в фиктивных ценностных единицах.

Пусть цена одного продукта равняется X, цена же другого продукта равняется 2X; это второе измерение мы получаем, зная, что ценность второго продукта вдвое выше, чем первого.

Можно, пожалуй, сказать, что и в этом случае наше знание нисколько не увеличено этими условными обозначениями; ведь абсолютная величина ценности второго продукта также неизвестна, как первого, а то обстоятельство, что ценность второго продукта вдвое выше, чем первого не есть вывод из выражения ценности в фиктивных ценностных единицах, а, наоборот, это последнее выражение есть вывод из нашего знания, что ценность второго продукта вдвое выше, чем первого.

Итак, по-видимому, мы не подвигаемся ни на шаг в

познании ценности продуктов.

Но это неверно. В действительности наши условные обозначения дают очень многое.

Для хозяйства чрезвычайно важно знать соотношения цен различных продуктов. Необходимо знать, сколько именно продуктов какого рода, в каком количестве может быть приобретено на покупательные средства, имеющиеся в распоряжении данного лица.

Если данное лицо имеет в своем распоряжении *a* покупательных единиц (ценность каждой единицы пусть будет X), а цена каждого продукта имеет определенное выражение (в тех же единицах X) — напр, *a/b, a/c, a/d* и т. д., то имеются все данные для самого точного учета, какие именно продукты и в каком количестве будут приобретены данным лицом.

Суть дела заключается в следующем. Денежное выражение ценности имеет своей целью не определение абсолютных размеров ценности того или иного продукта, а установление соотношения между покупательными средствами того или иного лица и ценами всех продуктов, на которые могут быть затрачены данные покупательные средства. Без знания этого соотношения нельзя знать, какие продукты и в каком количестве могут быть приобретены данным лицом.

Для того, чтобы это соотношение было выражено, нет необходимости определять абсолютную величину ценности продукта и абсолютную величину ценности покупательных средств, а достаточно знать лишь соотношение цен.

И в области физических явлений мы сплошь и рядом производим такое условное, фиктивное измерение, которое вполне удовлетворяет нашим практическим целям.

Так, измеряя теплоту термометром, мы определяем температуру не количеством тепловых единиц, а условным признаком — расширением столбика ртути.

Сами по себе показатели столбика ртути не дают никакого знания о количестве теплоты; но они обнаруживают соотношения температуры в той или иной среде — а это все, что нам нужно для данных практических целей.

Совершенно также и условная, счетная денежная единица в социалистическом хозяйстве, не давая никакого знания об абсолютной величине ценности, является основанием для измерения соотношений между покупательными средствами и ценами приобретаемых продуктов, а так-

же соотношения цен друг к другу. На практике больше ничего и не требуется.

Итак, социалистические деньги могут прекрасно функционировать, не обладая сами ценностью. Денежная единица при социализме не будет единицей ценности, как ныне, а единицей измерения цен, подобно тому, как один градус по Цельсию не есть единица теплоты, но единица измерения температуры.

Возможность таких денег, не имеющих ценности, доказывается в современном хозяйстве бумажными деньгами. Бумажные деньги являются эмбрионом социалистических денег.

Правда, современные бумажные деньги прямо или косвенно опираются на металл.

Однако, не подлежит сомнению, что неразменные бумажные деньги являются самостоятельным мерилом цен, доказывая этим возможность измерять цены единицей, лишенной ценности.

Все же между бумажными деньгами современности и деньгами социалистического государства будет глубокое различие.

Современные бумажные деньги обычно теряют устойчивость ценности, если за ними не стоит в распоряжении государства достаточно крупный запас золота.

Напротив, социалистическое государство не будет нуждаться для обеспечения своих бумажных денег в металлическом запасе.

И это по следующей причине: современное государство не является собственником национального богатства, только часть которого принадлежит государству, между тем как другая часть принадлежит гражданам государства на правах частной собственности.

Напротив, социалистическое государство владеет всеми продуктами страны. Эти продукты и будут обеспечением бумажных денег в социалистическом государстве.

В пределах данного государства бумажные деньги социалистической эпохи будут выполнять только часть функций современных денег: они не будут мерилом ценности, а только масштабом цен; рядом с этой функцией они будут выполнять функции всеобщего платежного (покупательного) средства. Вместе с тем в большей или меньшей мере они будут и орудием обмена.

Правда, покупка продуктов из общественных магази-

нов гражданами социалистического общества не может считаться сама по себе обменом, ибо в этом случае продукт не приобретается путем отчуждения какого-либо другого продукта. Хозяйственная операция имеет в этом случае иной характер. Общество отпускает отдельным лицам те или иные продукты, принимая от них в уплату денежные знаки, именно для этого и выпущенные. Обмена тут нет, а есть только своеобразный способ распределения продуктов между населением, при помощи денег.

В данном случае деньги функционируют как покупательное (платежное) средство. Но социалистические деньги могут быть и орудием обмена.

Дело в том, что в социалистическом обществе,согласно сказанному в предшествовавшей главе, обмен не прекратится. Большая или меньшая часть средств производства будет эксплуатироваться за свой собственный счет отдельными общественными группами различного состава, и даже отдельными лицами. Продукты труда этих обособленных хозяйственных организаций будут в большей или меньшей части поступать в обмен через посредство государства.

Поскольку указанные обособленные хозяйственные группы будут приобретать нужные им продукты за деньги, вырученные от продажи продуктов труда данных групп, постольку в данном случае мы будем иметь несомненный обмен продуктов, и деньги, следовательно, будут исполнять функцию орудия обмена.

Затем деньги будут функционировать как орудие обмена в области международных хозяйственных сношений. Правда, не нужно думать, что государство будущего, в руках которого будут сосредоточены все сношения с другими странами, будет покупать за деньги все необходимые ему продукты других стран, подобно тому, как это делает ныне частный торговец. Продукты будут приобретаться у других стран в обмен на продукты данной страны без всякого посредства денег, путем соответствующих записей. По сальдо этих операций должно уплачиваться деньгами, которые будут затем поступать в своего рода международное расчетное бюро, определяющее, сколько данное государство должно другим государствам и сколько эти последние должны ему.

И в этом случае деньги будут функционировать как орудие обмена.

Какой именно вид будут иметь социалистические день-

ги — это вопрос техники и практического удобства. Можно себе представлять, что это будут деньги, подобные современным бумажным — т.е. отдельные бумажные листы, переходящие из рук в руки; или же социалистические деньги будут иметь характер именных чековых книжек, вручаемых каждому гражданину на определенную сумму, причем оплата приобретаемых продуктов будет производиться чеками. Наконец, можно себе представить, что и чековых книжек не будет, а каждому будет открываться именной кредит, с которого и будут списываться при покупках соответствующие суммы.

В этом последнем случае не было бы денежных знаков, как особых предметов. Но деньги все-таки останутся, хотя и в идеальной форме открываемых кредитов на известные суммы.

Денежные единицы могут носить те же названия, что и ныне — рубля, франка, марки, фунта стерлингов и т.д. Но, конечно, это будут лишь те же названия для вещей совершенно различного рода.

Социалистический франк не будет монетой золотой или серебряной, а простым условным знаком для выражения покупательной силы данного покупательного средства.

Сохранение тех же денежных названий удобно в том отношении, что это облегчит переход к новым условиям общественного хозяйства: социалистическому обществу не придется производить новой расценки в новых денежных единицах всех продуктов, и оно получит возможность унаследовать (конечно, с нужными изменениями) цены капиталистической эпохи.

Во всяком случае, было бы очень нецелесообразно присваивать денежным единицам будущего трудовые названия — назвать, например, денежную единицу 1 часом труда и т.п. Нецелесообразно это было бы потому, что как бы ни называть денежную единицу, цены в социалистическом обществе не могут всегда соответствовать трудовым стоимостям продуктов и трудовые названия денег были бы, таким образом, словами без определенного содержания или, точнее, словами, вводящими в заблуждение, что, во всяком случае, не может считаться желательным.

ГЛАВА X. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ СТРОЙ, КАК ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СИСТЕМА ВЫСШЕЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ.

I. Задержка развития производительных сил частной собственностью на средства производства. Устойчивость отсталых форм хозяйства. Задерживающие силы капитализма в области реализации продуктов. — II. Задержка развития производительных сил антагонистическим характером капиталистического способа производства. Наемный труд и поднятие производительности труда. Разделение умственного и физического труда. Гибель талантов. Высокая производительность труда при социализме. — III. Общественные, моральные и интеллектуальные условия осуществления социализма.

Социализм возможен лишь на известной ступени общественного развития.

Одной из самых плодотворных научных идей марксизма является признание развития производительных сил движущей силой социального прогресса. Выраженный в другой форме, тезис этот гласит, что лишь в том случае новая социальная система может явиться результатом прогрессивного развития прежней социальной системы, если эта новая система обладает большей производительной силой, чем прежняя.

В применении к социализму это значит, что капитализм постольку приводит к социализму, поскольку социализм является хозяйственной системой высшей производительности, чем капитализм.

Не подлежит сомнению, что капиталистическое хозяйство является хозяйственной системой более высокой производительности, чем предшествовавшая хозяйственная система. Это настолько ясно, что не требует доказательств и статистических иллюстраций. Огромный рост населения земного шара в 19 веке не только не привел к сокращению общественного богатства на одного человека, но сопровождался весьма значительным увеличением относительного богатства. Это стало возможным лишь бла-

годаря развитию в 19 веке капитализма.

Однако, как не велики производительные силы капитализма сравнительно с предшествовавшими хозяйственными системами, и капитализм заключает в себе условия, задерживающие дальнейшее развитие производительных сил, препятствующие подъему производительности труда на еще более высокий уровень.

Эти условия могут быть, принципиально, сведены к двум основным: 1) капиталистическая хозяйственная система предполагает частную собственность отдельных лиц на средства производства и 2) капиталистическая хозяйственная система есть система хозяйства, в которой труд эксплуатируется капиталом.

Значение первого условия — частной собственности на средства производства — заключается в том, что при автономности отдельных предприятий — хозяйственных единиц, из которых слагается капиталистическая система хозяйства, — производительность общественного труда, как во многих отдельных пунктах производства, так и в целом, должна неизбежно оставаться позади возможной соответственно достигнутому уровню производительной техники.

При капиталистической системе хозяйства общественные производительные силы находятся в распоряжении отдельных предприятий, экономическая мощность которых весьма различна, и которые, кроме того, предоставлены самим себе и не могут черпать из хозяйственного фонда всего общества. При таком положении дела неизбежно существование рядом с экономически сильными предприятиями также слабых предприятий, которые по своему техническому уровню далеко отстают от первых.

Во всех капиталистических обществах мы видим наряду с предприятиями, пользующимися всеми завоеваниями современной техники, также предприятия, техника производства которых стоит на очень низком уровне. Так как высокий уровень техники предполагает употребление машин, а машины, в свою очередь, имеют применение преимущественно при крупном производстве, то степень распространения в той или иной стране крупного производства является лучшим показателем достигнутого ею уровня производительности общественного труда.

Статистика показывает, что, в общем, в области промышленности крупное производство вытесняет мелкое, в сельском же хозяйстве скорее наблюдается процесс обрат-

ного рода — вытеснение крупного производства мелким.

Но и в области промышленности крупное производство ни в одной стране не является единственной формой промышленного предприятия. Действительность повсеместно показывает в этом отношении крайне пеструю картину. Рядом с крупной капиталистической фабрикой, на которой применяются наиболее усовершенствованные машины и приемы производства, мы повсеместно видим среднюю и мелкую фабрику, стоящую уже на гораздо более низком техническом уровне, а затем и мелкое ремесленное и кустарное заведение, на которых техника производства нередко совершенно примитивна, соответствуя техническим условиям давно прошедших времен.

Крупная фабрика включает в себя только небольшую часть всего промышленного населения. И хотя крупная фабрика быстрее увеличивает число своих рабочих, чем другие промышленные предприятия, так что относительно все большие и большие доли промышленного населения вовлекаются в процесс крупного фабричного производства, тем не менее, абсолютно масса населения, занятого мелким промышленным производством, не только не сокращается, но также растет, хотя и менее быстро.

А так как производительность труда на крупных фабриках очень значительно превышает производительность труда в мелком производстве, то существование последнего, рядом с крупным, свидетельствуют о задержке роста производительных общественных сил.

Правда, крупное промышленное производство создано капитализмом. Но та же система частной собственности на средства производства, которая лежит в основе капитализма, поддерживает существование и мелкого предприятия.

Если бы не существовало частной собственности на средства производства, если бы средства производства принадлежали всему обществу, как этого хочет социализм, то общественное производство могло бы быть организовано в соответствии с требованиями технической целесообразности. Социалистическое общество не нашло бы никакого основания производить нужные ему продукты при помощи несовершенных технических приемов и устарелых орудий труда, когда в его распоряжении имеются лучшие машины и способы производства.

Напротив, при современной системе общественного хозяйства, мелкие размеры капитала, принадлежащего тому

или иному лицу, обуславливают собой мелкие размеры предприятия, а, следовательно, и производства.

Правда, капиталистический строй создает силы, направленные к вытеснению мелкого предприятия крупным и к концентрации общественного производства. Взаимная конкуренция крупного и мелкого предприятия приводит, в области промышленности, к победе крупного предприятия, как более сильного. Картели, тресты и иные капиталистические союзы ускоряют процесс поглощения мелкого предприятия крупным. Но все эти процессы действуют все же медленно и мелкое предприятие отнюдь не исчезает, а лишь постепенно отступает на задний план, сравнительно с крупным.

При господстве частно-хозяйственной системы технический прогресс идет мимо огромной части общественного производства, совершенно ее не задевая. Что пользы в технических изобретениях, если огромная часть человечества — во многих странах большинство населения — продолжает работу при помощи таких же примитивных орудий производства, какие употребляли наши отдаленные предки? Соха, ручная прялка, ручной ткацкий станок, все еще занимают во многих странах прочное место в народном хозяйстве.

Итак, в пределах отдельных, частных хозяйств мы замечаем в настоящее время крайне несовершенное использование технических сил, которыми располагает общество. Но все же здесь замечается значительный прогресс: более совершенные в техническом отношении предприятия, в общем, все же растут и, если не абсолютно, то относительно замещают менее совершенные предприятия. Крупное производство занимает все более господствующее положение в капиталистическом хозяйстве.

Но все капиталистическое хозяйство, в целом, продолжает оставаться неорганизованным, стихийным. Тут почти никакого прогресса не замечается, так как соединение капиталистов в картели не уничтожает конкуренции между картелями и, несмотря на картели, национальное производство, в целом, остается неорганизованным. Не существует никакой руководящей и направляющей власти для согласования между собой действий отдельных автономных хозяйственных единиц, из которых слагается общественное хозяйство капитализма. Между тем, при существовании обмена, положение каждого отдельного хозяйст-

ва связано самым действительным образом с положением других. Следствием этого является непрерывное давление, которое хаотичное состояние капиталистического обмена оказывает на рост общественного производства в капиталистическом хозяйстве. Это невидимое, но вполне реальное давление есть одно из главных задерживающих условий развития общественных производительных сил при системе капитализма.

Центральной силой, управляющей движением капиталистической промышленности, является рынок. Именно через посредство рынка и чувствуется капиталистическим миром давление, оказываемое неорганизованностью общественного обмена на рост общественного производства. Технические силы современной промышленности так громадны, что производство всякой капиталистической страны могло бы в короткое время чрезвычайно возрасти. Это доказывается лучше всего теми поразительными скачками, которые капиталистическое производство делает в эпохи торгово-промышленного оживления.

Растут, как грибы, фабрики, заводы, всевозможные новые промышленные и торговые предприятия, застраиваются домами целые городские кварталы, в Новом Свете вырастают целые города; словно какой-то волшебный золотой дождь падает на страну и пробуждает спящие в ней производительные силы, грандиозность которых поражает всех!

Но такое возбуждение длится всегда недолго. Проходит 3-4 года и следует кризис, крахи, банкротства, застой промышленности и общий упадок. Таков неизменный ход капиталистической промышленности, ее правильная пульсация, слагающаяся из смены периодов оживления и застоя. Почему же промышленное оживление всегда бывает так непродолжительно и неизменно приводит к застою?

Непосредственной причиной промышленного кризиса всегда является падение товарных цен — невозможность найти сбыт, рынок для производимых товаров по выгодным ценам. Промышленный подъем останавливается не потому, чтобы капиталистическое общество было не в силах произвести большее количество продуктов, а потому, что оно не в силах эти продукты потребить, переварить, несмотря на то, что огромное большинство населения страдает от недостатка предметов потребления.

Таким образом, именно неорганизованность капиталис-

тического обмена связывает капиталистическую промышленность и не дает ей возможности развиваться так быстро, как это допускается чисто техническими условиями производства. Именно в этом — в социальном строе капитализма — и лежит основная причина сравнительной ничтожности общей суммы национального богатства даже в наиболее богатых странах капиталистического мира. Может ли быть национальное богатство велико, когда за каждым кратковременным подъемом промышленности обязательно следует нередко гораздо более продолжительный упадок?

Характерной особенностью капиталистической системы хозяйства является постоянная наличность более или менее многочисленного класса безработных — людей, желающих и способных работать, но не находящих работы.

В периоды кризисов число этих безработных очень увеличивается, во время промышленного подъема значительно сокращается, но никогда не исчезает совершенно. Что же создает эту постоянную, хотя и колеблющуюся по своим размерам безработицу? Опять таки, не естественные, технические условия производства. Нет недостатка в орудиях труда для всех безработных, нет недостатка в материале для обработки и нет недостатка в потребностях, которые могли бы быть удовлетворены при помощи изготовленных продуктов. Почему же люди не находят работы, в то самое время, как средства производства лежат праздно, а масса народа лишена предметов, необходимых для жизни? Только потому, что существующая система хозяйства, лишающая рабочего средств производства и раздробляющая народнохозяйственный организм на миллионы независимых, автономных частных хозяйств, связывает, как в тиски, общественное производство и не дает ему возможности использовать колоссальные производительные силы, которые открыты наукой и знанием, таятся в недрах современного общества.

Правда, в пределах самого капиталистического хозяйства совершается могущественный процесс объединения капиталистических предприятий в разного рода союзы и ассоциации. Но эти капиталистические организации не только не способны снять узы, лежащие теперь на общественном производстве, но сами принимают деятельнейшие меры к ограничению общественного производства и задержке его роста. Именно в этом и заключается главней-

щая задача картелей, трестов и других союзов капитала.

Итак, неорганизованность капиталистического хозяйства, которую не могут устранить никакие союзы капитала, вызывает огромное социальное трение при поступательном движении капитализма. Это трение иногда достигает таких размеров, что совсем приостанавливает капиталистическое движение, как это бывает во время кризисов. В другое время оно слабее, но все же всегда остается и всегда тормозит движение вперед. Планомерная организация общественного хозяйства должна чрезвычайно уменьшить это трение и развернуть во всю ширь огромные производительные силы современного общества.

II

Таким образом, первым тормозом развития производительных сил в пределах капиталистической системы является частная собственность на средства производства, благодаря чему, с одной стороны, поддерживается существование рядом с крупным производством также и мелкого производства, несмотря на техническую отсталость последнего, а с другой стороны, и крупное производство не может развернуть всех своих сил благодаря трудности реализации его продуктов.

Другим, не менее важным, препятствием к поднятию производительности труда в пределах капитализма является капиталистическая эксплуатация рабочего, то обстоятельство, что рабочий не владеет всем трудовым продуктом, но большую или меньшую часть последнего вынужден отдавать капиталисту.

Это приводит, прежде всего, к тому, что наемный рабочий утрачивает стимул к поднятию своей производительности до возможно высшего предела. В этом отношении система капиталистического производства стоит позади исторически предшествовавшей ей системы мелкого самостоятельного производства.

Мелкий производитель-ремесленник был виртуозом своего дела и Зомбарт имел основание, характеризуя средневековое ремесло, говорить о ремесле, как о деятельности, приближающейся к искусству. Ремесленник работал не по найму, но владел продуктом своего труда — был, таким образом, непосредственно заинтересован в возможном поднятии качества своего продукта, кроме того, ремеслен-

ник работал непосредственно на потребителя, между ним и потребителем не стоял капиталистический посредник, как в наше время, и этот личный контакт производителя и потребителя накладывал свой отпечаток на весь хозяйственный строй эпохи ремесла.

При господстве капитализма рабочий не только не имеет стимула подымать производительность своего труда до наивысшего предела, но имеет основания опасаться повышения своей производительности. Дело в том, что, чем выше производительность рабочего, тем меньше требуется рабочих рук для получения того же количества продукта, и, следовательно, тем больше количества избыточных рабочих на рабочем рынке.

Поэтому рабочие союзы боятся повышения производительности труда рабочих, как фактора, оказывающего неблагоприятное влияние на рабочий рынок. Те формы заработной платы, которые имеют тенденцию стимулировать производительность труда, как, напр., прогрессивная заработная плата, премия за особо значительную выработку продукта и тому подобные системы оплаты труда, вызывающие усиленное напряжение трудовой энергии рабочего, встречают со стороны рабочих союзов самое упорное и настойчивое противодействие.

В последние годы в Америке нашумела так называемая «система Тейлора»*, сущность которой сводилась к разного рода приемам, ведущим к возможному упрощению и рационализированию процессов труда в видах доведения их до наивысшей производительности. Дело в том, что обычный физический труд представляет собой, благодаря множеству излишних движений, которые делает работающий человек, весьма непроизводительную и неэкономную трату сил человека. Американский инженер и предприниматель Тейлор сделал попытку выработать рациональные приемы физической работы, т. е. такие приемы, при которых достигался бы наибольший полезный результат работы при наименьшей затрате трудовой энергии.

При этом обнаружилось, что при рациональных приемах труда возможно огромное повышение количества вырабатываемого продукта при одновременном значительном сокращении времени труда.

Казалось бы, чего лучше? Однако система Тейлора не только не была приветствована рабочим классом, а, наоборот, встретила со стороны рабочих резко-враждебное от-

ношение. Рабочие союзы и в Америке и в других странах объявили себя противниками этой системы и последняя не получила, благодаря этому противодействию, сколько нибудь значительного распространения, несмотря на огромное повышение производительности труда, которое она обещала.

И рабочие союзы были правы. Дело в том, что при капиталистических условиях хозяйства рабочий имеет основание опасаться резкого подъема производительности своего труда. Но, кроме того, система Тейлора, в обстановке капитализма, грозила совершенно поработить рабочего, превратив его в механического автомата, из которого капиталист выжимал бы в свою пользу всю его жизненную силу. Автоматический характер труда, к чему стремился Тейлор, мог бы и не сопровождаться понижением рабочего времени и, в таком случае, рабочий работал бы столь же продолжительное время, как и ныне, но работал с гораздо большим напряжением сил, в ущерб своему здоровью и в интересах повышения прибыли капиталиста.

Если бы система Тейлора получила общее распространение. то в условиях капитализма она могла бы повести к деградированию всего рабочего класса и к общему вырождению нации.

Но это только благодаря капиталистической форме современного хозяйства. При социалистическом же строе система Тейлора и вообще какое бы то ни было рационализирование условий труда не могло бы встретить ни малейших возражений с чьей бы то ни было стороны, а, наоборот, могло бы быть только приветствовано обществом, как фактор дальнейшего подъема производительности общественного труда, ибо в социалистическом обществе работающему человеку не приходится бояться увеличения производительности своего труда. Увеличение интенсивности труда в социалистическом обществе должно приводить к сокращению его продолжительности и, таким образом, рабочий может только выигрывать от введения более рациональных приемов работы.

Напротив, при капиталистических условиях хозяйства рабочие организации принуждены систематически задерживать рост производительности труда, на что обычно жалуется капиталистическая пресса. Особенно много жалоб такого рода раздавалось несколько лет тому назад в Англии, причем английские капиталисты приписывали этой

причине замедление роста английской промышленности и вытеснение на мировой рынок продуктов английского труда германскими. Эти жалобы были сильно преувеличены, но самый факт противодействия со стороны рабочих союзов доведению производительности труда до максимума, не может быть оспариваемым.

Существенным тормозом развития производительных сил при господстве капитализма является и то обстоятельство, что капитализм, подобно всем системам антагонистического хозяйства, делает образование монополией небольшой кучки имущих классов. Интеллект является самой мощной производительной силой человека. Но при существующих условиях только ничтожная часть человечества развивает в полной мере свои умственные способности, огромное же большинство человечества обречено на постоянный тяжелый физический труд.

Благодаря этой причине неисчислимое количество умственных сил, способностей и талантов пропадает без всякой пользы для человечества. Талантливые, а тем более гениальные люди представляют собой величайшую ценность для человечества, которую трудно сравнить с чем либо другим. Великая идея или великое изобретение одного человека может дать обществу такое богатство, которое не может быть создано трудом тысяч обыкновенных людей.

Отсюда ясно, до какой степени общество заинтересовано в том, чтобы все способности и таланты, которые таятся среди миллионов людей, составляющих общество, получили полную возможность своего развития и приложения на пользу общества.

При современных же условиях неизбежно, чтобы значительно большая часть этих талантов погибала для общества совершенно бесследно. Действительно, ведь шансы появления талантов среди людей неимущих классов почти те же, как и среди имущих классов. Современная биологическая наука отрицает, чтобы знание и умение, приобретение человеком, могли передаваться потомству путем наследственности. Наследственность закрепляет за потомством лишь прирожденные особенности организма, а не те его особенности, которые явились результатом привычки и упражнения.

Поэтому то обстоятельство, что имущие классы в течение длинного ряда поколений *были заняты умственным*

трудом, отнюдь не делает их потомство более способным к умственному труду, чем потомство неимущих классов, занятых только физическим трудом. Повседневный опыт это подтверждает, ибо мы не замечаем, чтобы дети крестьян или рабочего класса в общем обнаруживали меньшую способность к умственному труду, чем дети из дворян или буржуазии.

Благодаря классовому строю общества, погибает для общества большая часть талантов, которые рождаются в его среде. Талант, родившийся в среде неимущих классов, живущих изо дня в день физическим трудом, имеет весьма мало шансов себя обнаружить и принести обществу всю ту пользу, которую общество могло бы, при других условиях, из него извлечь. Чистый предрассудок думать, что истинный талант всегда проложит себе дорогу. Правда, иногда, хотя и очень редко, мы наблюдаем, что из среды неимущих классов, не взирая на все трудности и препятствия, пробивает себе дорогу талантливые люди и приобретают громкую славу. Эти случаи всем известны и заставляют многих верить в счастливую судьбу талантов.

Но ведь мы не знаем всех тех талантов, которым не удается пробить себе дороги и которые погибают в неизвестности. А таких талантов, без сомнения, во много раз больше, чем немногих счастливцев.

Если бы Ломоносову* не удалось добраться до Москвы, то стал ли бы он знаменитым ученым? А ведь это чистая случайность, что Ломоносов не остался в Холмогорах. И сколько таких Ломоносовых погибает в неизвестности только потому, что условия жизни отторгивают их непроходимой стеной от культуры умственного труда!

Таким образом, благодаря классовому строю общества, благодаря тому, что знание и просвещение являются монополией ничтожной кучки имущих, для человечества бесследно погибает величайшая производительная сила умственных дарований.

Социализм сделает образование в равной мере доступным всем, и этим самым во много раз умножит число людей, применяющих в пользу общества свои таланты.

Развитие талантов в современном обществе можно сравнить с естественным осеменением какого-либо растения в природе: семена рассеиваются по обширной площади вокруг растения, причем огромное большинство этих семян погибает благодаря тому, что попадает в неблагоприятные

условия для произрастания и только незначительная часть семян прорастает. Напротив, при социализме осеменение талантами будет происходить, как на культурном поле: семена талантов будут помещаться в среду, благоприятную для их развития, и только небольшая часть этих семян не даст всходов.

В том же направлении — лучшего использования производительных сил отдельных человеческих личностей — будет действовать и то, что при социалистическом строе деятельность каждой личности будет соответствовать ее собственным влечениям и способностям. При современных условиях в огромном большинстве случаев человек занят не тем делом, к которому он чувствует призвание, и к которому он наиболее способен, и выбор занятия для огромного большинства определяется случайностью или внешними обстоятельствами, от человека не зависящими.

Напротив, при социализме каждый будет заниматься тем делом, к которому его всего более влечет. Каждая способность найдет в этом случае себе наилучше применение, к общей выгоде всех.

Затем, следует иметь в виду, что социализм поставит себе задачу создать возможно более привлекательную обстановку труда — труд есть одна из важнейших жизненных функций человека, и трудящийся человек, воля которого будет управлять социалистическим обществом, конечно, сделает все возможное, чтобы обставить свой труд наилучшим образом.

Хозяйственный труд перестанет быть тяжелым бременем для человека, как ныне. Легко понять, до какой степени это должно повысить производительность труда. Еще Фурье принадлежит афоризм, что леность есть не что иное, как протест человеческой природы против нерациональной постановки труда в современном обществе. Тот же Фурье с неподражаемой убедительностью нарисовал нам картину радостного труда в фаланстере, где хозяйственный труд достигает величайшего напряжения и производительности не благодаря принуждению какого либо рода, а благодаря утрате трудом каких бы то ни было неприятных элементов. И разве не прав Фурье, когда он для доказательства возможности такого вполне добровольного напряжения всех наших умственных и физических сил ссылается на современный спорт, при котором человек делает величайшие усилия только ради наслаждения деятель-

ностью.

Наконец, в том же направлении — повышение производительности труда — должно действовать и разумное соединение умственного труда с физическим, которое естественно должно произойти при социализме. В настоящее время физический и умственный труд являются достоянием различных общественных классов, причем физический труд является уделом неимущих или малообеспеченных классов, а умственный труд — лучше обеспеченных классов.

От этого разделения труда проигрывают и те и другие, и понижается производительность, как физического, так и умственного труда. Что касается физического труда, то совершенно очевидно, что известная степень умственного развития и знания существенно необходимы для производительности физического труда. Но также бесспорно, что лишение физического труда должно неблагоприятно отражаться на здоровье человека и, таким образом, понижать производительность умственного труда.

Гармоническая человеческая личность возможна лишь при тесном соединении умственного и физического труда. Это гармоническое развитие личности, которое должно довести до максимума производительность труда, возможно лишь в социалистическом обществе, ибо лишь в социалистическом обществе исчезнет всякое насилие и эксплуатация человека человеком.

И потому — только при социализме человеческая природа раскроет себя во всем богатстве своих дарований и способностей. Социализм будет рождением нового человека в красоте и силе. И мы не можем в настоящее время даже гадать, каких пределов достигнет власть над природой нового человечества в царстве социальной свободы.

III

Итак, социализм будет хозяйственной системой гораздо большей производительности, чем современная капиталистическая система хозяйства. В этом отношении социализм должен явиться еще гораздо большим шагом вперед в деле развития общественных производительных сил, чем явился капитализм по отношению к предшествовавшим ему системам мелкого производства.

Однако, социализм, как и более ранние системы хозяй-

ства, последовательно сменявшие на исторической арене друг друга, является не только стимулом дальнейшего развития производительных сил , но и, в свою очередь, результатом такого развития. Говоря другими словами, социализм возможен лишь на известной ступени развития общественного хозяйства.

Марксизм рассматривает социализм, как неизбежное завершение развития капиталистической системы хозяйства. Мы постарались показать, что социализм является системой высшей производительности, сравнительно с капитализмом. Но вполне уместно поставить вопрос, всегда ли, на всякой ли ступени хозяйственного развития страны социализм был бы системой высшей производительности.

Такая постановка вопроса диктуется условиями переживаемого исторического момента. Русская революция создала совершенно новое, небывалое в истории общественное положение. Доверием народных масс в России пользуются в настоящее время только социалистические партии[1]. Вожди социалистических партий при желании легко могли бы захватить власть в свои руки и образовать правительство из одних социалистов.

При таком положении дела для социалистической мысли России приобретает жгучую актуальность вопрос о возможности осуществления в России социалистического строя. До русской революции препятствием к осуществлению социалистического строя было то, что у власти стояли общественные группы, не желавшие социалистического переворота.

Теперь положение складывается в России совершенно иное. Власть принадлежит или может принадлежать при желании социалистам. Социалисты могут воспользоваться властью для попытки осуществления социалистического строя. Почему же им не сделать этой попытки?

Соблазн для социалиста очень велик. Отказаться от этой попытки социалисты могут лишь в том случае, если они убедятся в полной ее бесплодности — иными словами, если им будет ясно вне всякого спора, что для осуществления социалистического строя недостаточно декретов революционной власти, как бы сильна она ни была.

И это, конечно, так. Легко понять, что социализм лишь

[1] Писано в августе 1917 г. (Примечание редактора первого издания).

постольку может быть осуществлен, поскольку социализм представляет собой хозяйственную систему высшей производительности, сравнительно с существующей. Если бы оказалось, что переход к социалистическому хозяйству приводит не к росту, а к падению общественного богатства, то, конечно, социалистический строй не мог бы упрочиться как бы ни были велики к нему симпатии народных масс. Ибо прогрессивное хозяйственное развитие идет всегда в направлении роста, а не падения производительности общественного труда.

Но социалистическая система хозяйства, осуществленная в недозревшей до нее общественной среде, несомненно должна привести к хозяйственному регрессу, вместо прогресса. Нужно иметь в виду, что социализм является системой хозяйства гораздо более сложной и труднее осуществимой, чем какие либо до сих пор бывшие системы хозяйства. Социализм предъявляет к его участникам гораздо большие требования, чем иные хозяйственные системы, и если эти требования не удовлетворяются, то вместо того, чтобы быть системой хозяйства высшей производит льности, социализм неизбежно должен оказаться системой низшей производительности. чем иные хозяйственные системы.

В этом отношении социализм не является исключением в ряду других хозяйственных систем, последовательно сменявших друг друга в историческом ходе развития человечества. Каждая из них, подымая производительность общественного труда, в то же время предполагала большую подготовленность человека к выполнению ложащихся на него более сложных общественных функций.

Так, система первобытного коммунизма существует при самом низком уровне производительности труда у примитивных народов. Исторически следующая за ней система рабского труда уже предполагает более высокий уровень производительности труда, ибо раб воспроизводит не только все необходимое ему для жизни, но и некоторый прибавочный продукт в пользу своего хозяина. По этой причине рабское хозяйство не может существовать у самых диких народов и получает характер господствующего строя хозяйства только у земледельческих народов, у которых, благодаря новым способам производства, является значительный избыток пищи.

Крепостное хозяйство, опять таки, предполагает боль-

шую степень культурности рабочего, чем рабское хозяйство, ибо крепостной пользуется относительной свободой и власть над ним хозяина имеет менее грубый и непосредственный характер, чем при рабстве. Поэтому крепостное право возникает лишь у народов со сравнительно сложной государственной и общественной организацией, обладающих развитым правом и соответствующими общественными учреждениями.

Система свободного городского хозяйства, которую мы видим в средневековом городе, в свою очередь, требует гораздо более высокого культурного уровня производителя, чем все исторически предшествовавшая хозяйственные системы. Что касается до капиталистического хозяйства, то оно предполагает уже такой высокий уровень цивилизации и культуры, который был достигнут лишь в новейшее время.

Современный предприниматель-капиталист должен обладать весьма разнообразными знаниями и умением быстро ориентироваться в чрезвычайно сложной обстановке современного хозяйства. Чтобы создавать людей этого типа, страна должна пройти длинный исторический путь развития. Вот почему мы обычно видим, что в странах, лишь начинающих свое капиталистическое развитие, предпринимательский класс пополняется выходцами из других, более старых в культурном отношении стран.

Точно также и к рабочему современное капиталистическое предприятие предъявляет весьма высокие требования. Работа на сложных машинах, двигающихся с огромной быстротой, предполагает такую степень интеллигентности и внимания, которые доступны лишь людям, стоящим на высоком уровне интеллектуальной культуры. По этой причине производительность труда американского или английского рабочего в несколько раз выше производительности труда русского рабочего.

Социализм явится системой хозяйства, предъявляющей своим участникам требования чрезвычайно высокие, далеко превосходящие те, которые предъявляет к своим деятелям капитализм. Действительно, при капитализме отсутствует общий план народного хозяйства, и пропорциональность общественного хозяйства достигается слепой игрой стихийных хозяйственных сил, без вмешательства направляющей разумной человеческой воли.

Общественная власть не берет на себя обязанности, при

капиталистическом строе хозяйства, заботиться о том, чтобы общество имело достаточное количество пищевых средств, предметов одежды и пр. Оно представляет заботу об этом стихийной игре спроса и предложения, приводящей к тому, что при нормальных условиях хозяйства, продукты производятся в соответствии с общественным спросом на них. Напротив, в социалистическом обществе забота о соответствии общественного производства с общественным спросом, о пропорциональном распределении общественного труда, непосредственно ложится на общественную власть.

Задачи правительства при социализме чрезвычайно усложняются и затрудняются. В то время, как в настоящее время власть только отчасти контролирует и регулирует самодействующий механизм капиталистического хозяйства, при социализме власть должна на себя взять исполнение всех функций удовлетворения общественных потребностей.

Теперь власть должна ежегодно составлять государственный бюджет и вести государственное хозяйство без дефицитов и без непосильного обременения плательщиков податей — что является далеко не легкой задачей. Но насколько труднее будет в социалистическом государстве составление бюджета всего общественного хозяйства!

Не нужно при этом забывать, что современный государственный бюджет является, в своей большей части, бюджетом только денежным: государство не берет на себя обязанности производить необходимые ему продукты, а лишь снабжает своих агентов денежными средствами, требующимися для приобретения этих продуктов.

Напротив, социалистическое государство берет на себя снабжение своих граждан самими продуктами, в которых они нуждаются. Для этого требуется самая детальная статистика общественного потребления и производства, статистика, охватывающая все народное хозяйство во всех его мельчайших деталях и статистика непрерывная, ибо общественное производство и потребление является непрерывно продолжающимся процессом, колеблющимся и изменчивым.

Как трудна хозяйственная статистика, видно из того, что до настоящего времени из всех современных государств одной германии удалось организовать правильные промышленные переписи. Но и то в Германии было до настоящего

времени всего три промышленных переписи и по программе несравненно более простой, чем та, которая потребуется для социалистического государства.

Всякая неточность статистического учета в социалистическом государстве будет давать себя знать весьма существенным расстройством общественного хозяйства, ибо все это хозяйство будет покоиться на основе статистического учета.

Но мало будет одной статистики, одного знания элементов, из которых будет слагаться общественное хозяйство социализма. Нужно будет это знание использовать для практического действия, для снабжения каждого отдельного гражданина социалистического общества всем необходимым. Каким талантом должен обладать министр социалистического государства, чтобы управлять всем огромным механизмом социалистического хозяйства и управлять так, чтобы не нарушая свободы каждой отдельной личности и, в то же время, подчиняя действия отдельных лиц интересам целого, удовлетворять всем общественным потребностям!

Если это управление будет происходить плохо, то, конечно, в результате получится расстройство общественного хозяйства, могущее привести к полной его остановке. Не нужно упускать из виду, что стихийные хозяйственные силы современной хозяйственной системы при социализме прекратят своей действие: теперь, при нормальных условиях хозяйства, не приходится опасаться, что та или иная общественная потребность останется неудовлетворенной, ибо свободная игра частных интересов обеспечивает удовлетворение общественных потребностей — при недостатке продуктов цена товара растет, и добавочная прибыль является стимулом для добавочного производства. При социализме же недостаток продуктов не будет приводить в действие этого механизма, ибо никто никакой прибыли получать не будет, и общественная власть должна будет сама принимать меры к распределению общественного труда в соответствии с общественными потребностями.

При недостаточно умелом управлении социалистическим общественным хозяйством оно не только не окажется более производительным, чем капиталистическое хозяйство современности, но может оказаться совершенно неспособным удовлетворять общественные потребности. Иными словами, лишь при достаточной подготовленности об-

щества к социалистической организации хозяйства переход к социализму был бы развитием производительных сил; при неподготовленности же общества переход к социалистической организации производства знаменовал бы собой разрушение общественного хозяйства и решительный хозяйственный регресс сравнительно с капитализмом.

Итак, управление механизмом социалистического хозяйства представляет огромные трудности, которые могут быть преодолены лишь на известной ступени общественного развития. Но по отношению к выполнению и самой трудовой функции социализм предполагает гораздо более высокий уровень культурного, не только интеллектуального, но и морального развития человеческой личности, чем современная хозяйственная система.

Капитализм апеллирует к самым простым и грубым чувствам и влечениям человека. Энергию предпринимателя капитализм стимулирует надеждой на высокую прибыль и богатство, энергию рабочего — угрозой потери заработка и голода. И в том и в другом случае приводятся в движение самые сильные мотивы человеческого поведения — эгоизм, хозяйственный интерес.

Напротив, при социализме связь между энергией хозяйственной деятельности человека и размером вознаграждения за труд будет, несомненно, в значительной мере разрушена. Все будут получать доход, если не совершенно равный, то различающийся в небольшой степени. Удовлетворительно исполнив свой урок, каждый гражданин социалистического государства будет получать определенный доход; и размер этого дохода не может быть увеличен, во всяком случае, не может быть значительно увеличен добавочным развитием трудовой энергии. С другой же стороны, при трудности контроля качества труда и при отсутствии какой бы то ни было внешней власти над работавшим человеком (ибо в социалистическом обществе все будут работать), недостаточно удовлетворительное выполнение трудового урока не может угрожать рабочему особо тяжелыми последствиями. Во всяком случае, гражданин социалистического общества может быть уверен, что ему не грозит голод и нищета при недостаточно прилежной работе.

Чем же будет заменен, при социализме, эгоизм в качестве стимула хозяйственного труда? Стимулами совершенно иного рода. Во-первых, чувством солидарности каждо-

го с остальными людьми, преданностью общим интересам; во-вторых, развитым чувством долга; в-третьих, непосредственной привлекательностью труда. Все эти стимулы могут с успехом заменить грубые стимулы капиталистического общества.

Однако, следует признать, что для возможности сильного действиях двух первых стимулов, человеческая природа должна значительно измениться сравнительно с тем, что мы видим теперь. Правда, это изменение человеческой природы должно явиться естественным следствием новых условий жизни, которые будут созданы социализмом. Но и самая возможность социализма предполагает, в свою очередь, значительное развитие этих свойств в населении. Люди без чувства общественной солидарности и без чувства долга не могут создать социалистического общества, ибо социалистическое хозяйство при слабом развитии этих свойств у большинства населения оказалось бы не в силах удовлетворять свои потребности благодаря низкой производительности общественного труда.

Что же касается до привлекательности самого хозяйственного труда, то такая привлекательность, в свою очередь, предполагает соответствующий душевный склад человека. Люди апатичного, вялого и бездеятельного душевного склада не полюбят труд, как бы хорошо и эстетично труд ни был обставлен. Следовательно и с этой стороны социализм предполагает известную подготовленность самого человека к новой форме хозяйства.

В конце концов, необходимо признать, что социалистическое хозяйство может дать то, что оно обещает — поднятие производительности труда — лишь в том случае, если общество созрело до этой новой формы хозяйства. Социалистическое хозяйство является чрезвычайно производительной, но вместе с тем чрезвычайно сложной — и поэтому хрупкой — социальной машиной, которая при хорошем управлении ею обещает чудеса, при плохом же управлении ведет к быстрому и неизбежному общественному крушению.

Русские крепостные фабрики начала прошлого века не могли пользоваться некоторыми более сложными машинами по той причине, что машины эти не могли быть доверены крепостным рабочим и быстро ломались ими. Чем производительнее были эти машины, тем скорее они портились в неумелых руках.

Тоже можно сказать и о социализме. Социализм обещает величайший подъем человеческого гения, блестящий расцвет материальной и духовной культуры — но при неподготовленности общества, попытки создания социалистического строя должны вести к общему расстройству хозяйства по той причине, что социалистическое хозяйство в неподготовленной социальной среде должно оказаться системой более низкой производительности, чем капиталистическое хозяйство, действующее гораздо более грубыми и простыми приемами.

В неподготовленной социальной среде социализм, вместо того, чтобы стать царством свободы и всеобщего богатства, должен стать царством рабства и всеобщей нищеты.

Человечество идет к социализму и, несомненно, его достигнет. Быть может, мы уже приближаемся к социализму. Но, во всяком случае, к социализму всего ближе наиболее культурные народы, с высоко развитым чувством долга и общественной солидарности, с сильными моральными интересами и с высоким уровнем народного просвещения. Для отсталых народов требуется некоторая подготовительная школа.

ГЛАВА XI. СОЦИАЛИЗМ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА.

I. Социализм и хозяйственный интерес. Духовные интересы социалистического общества. — II. Социализм и свобода личности.

I

Социализм усматривает корень социального зла в современном устройстве хозяйства. Все внимание социалистов сосредоточено на вопросах общественного хозяйства и их требования сводятся к требованию ряда экономических преобразований. Отсюда легко вывести заключение, что социализм видит в хозяйственном благополучии венец человеческого счастья и, следовательно, по самой своей природе враждебен идеализму. «То существенное обстоятельство,— говорит Вл. Соловьев,— что социализм ставит нравственное совершенство общества в прямую зависимость от его экономического строя и хочет достигнуть нравственного преобразования путем экономической революции ясно показывает, что он, в сущности, стоит на одной и той же почве со враждебным ему мещанским царством, именно на почве господства материального интереса. Если для представителя плутократии значение человека зависит от обладания вещественным богатством в качестве приобретателя, то для социалиста точно также человек имеет значение лишь как обладатель вещественного благосостояния, но только в качестве производителя; и здесь и там человек рассматривается, прежде всего, как экономический деятель, и здесь и там последнею целью и верховным благом признаются вещественное благосостояние — принципиальной разницы между ними нет. Социализм лишь проводит принцип плутократии с большей последовательностью и полнотой... И если преобладание вещественных интересов, хозяйственного и промышленного элементов, составляет характеристическую черту буржуазии или мещанского царства, то в том социализме, который хочет

ограничить человечество исключительно этими низшими интересами, мы находим крайнее выражение, последнее заключение мещанства».

Вот, поистине, тяжкое обвинение, выдвинутое против социализма мыслителем, искренность и благородство которого выше всяких подозрений! Что может быть отвратительнее мещанства? И если освобождение человека от экономического гнета равносильно превращению его в пошлое, успокоившееся существо, в сытую свинью, греющуюся на солнце, то не лучше ли экономическое рабство с его ужасными спутниками, голодом и нищетой? Рабство не убило человеческого духа — античная культура и теперь сохраняет свою мраморную красоту. Ну, а мещанство — это смерть духа, смерть всего, что есть прекрасного в человеке. Такой ценой нельзя заплатить даже за всеобщее довольство.

Соловьев формулировал в сжатой и сильной форме одно из самых распространенных обвинений против социализма. Но, к счастью, человечество не стоит перед роковой дилеммой нищеты и пошлости. Насилие и гнет не представляют собой необходимого условия духовной культуры. Социализм не царство мещанства, а единственное средство спасения человечества от этого царства. В этом и заключается высота и общеобязательность социалистического идеала.

Совершенно верно, что социалисты сосредоточивают свое внимание на экономических вопросах. Но не потому, чтобы им было недоступно понимание высших интересов человеческой жизни, а именно в виду такого понимания. Социалисты борются, прежде всего, с бедностью. А бедность — это не только физические страдания, но и принижение духа. Духовная культура неизбежно должна опираться на материальную. Наука и искусство требуют своих материальных средств, которые создаются хозяйством. Известный досуг, свобода от хозяйственного труда есть необходимое условие успехов цивилизации. Обобществление труда должно во много раз повысить его производительность. Но так как необходимые потребности жизни не испытают перемены, то на удовлетворение их в социалистическом обществе будет затрачиваться несравненно меньше труда, чем ныне. Иными словами, свобода человечества от хозяйственного труда значительно возрастет — и нет никакого сомнения, что этот увеличившийся досуг будет запол-

нен деятельностью высшего порядка. Ибо все обычные мотивы, которые в настоящее время побуждают людей к этой деятельности, приобретут особенную силу в социалистическом обществе.

Миллионер, успешный государственный деятель, полководец пользуются в наше время большим почетом и встречают больше людей, готовых перед ними преклоняться, чем великий мыслитель или художник. Не то будет в социалистическом обществе. В нем не будет ни миллионеров, ни полководцев, ни государственных деятелей современного типа. Да, даже и последних не будет, ибо с падением современного хозяйственного строя падет и современное государство. В настоящее время политическая жизнь сводится преимущественно к борьбе за власть представителей различных враждующих общественных классов. В социалистическом обществе классов не будет и не будет поводов к социальной борьбе. Для общества настанет внутренний мир, равно как и внешний мир, благодаря прекращению войны.

Благодаря этому потребность в сильной общественной власти исчезнет и политическая жизнь, несомненно, очень потускнеет и обесцветится, государственные люди будут не народными вождями и кумирами толпы, а слугами народа, скромными общественными работниками. Занятие выдающейся государственной должности не будет доставлять особого почета и, следовательно, не будет представлять собой ничего особо заманчивого для честолюбия. Вообще, исчезнет грубая, физическая власть человека над человеком, а, следовательно, и исчезнет все то обаяние, которое теперь связано с этой властью. Исчезнет физическая борьба людей друг с другом — мирная ассоциация будущего сделает эту борьбу невозможной, по отсутствию всяких поводов к ней.

Но не значит ли это, что социалистическое общество будет царством скуки и посредственности? Да, это было бы так, если бы в жизни человека не было ничего более высокого, чем борьба за власть и за угнетение себе подобных. Конечно, для людей такого душевного склада царство будущего покажется пресным и пошлым. Но человеческая душа знает более высокие мотивы и интересы. Освободившись от притупляющего, чрезмерного хозяйственного труда, человечество преобразится и одухотворится. По-прежнему над нашей головой будет простираться звездное небо,

по-прежнему будет шуметь лес, природа сохранит свою прежнюю прелесть и все свои тайны: для познания навсегда обеспечен неисчерпаемый материал, также как и для восприятия красоты.

Следовательно, нечего бояться, что с исчезновением грубых и низменных интересов, наполняющих теперь жизнь, она лишится всякого интереса. Интересы останутся, но их характер и направление изменятся, они станут одухотвореннее и тоньше, но вместе с тем глубже, сложнее, длительное и сильнее. Произойдет полная переоценка всех ценностей. Слава и почет будут доставаться преимущественно в удел тем, кто принес людям всего более пользы, открыл им новые источники познания и эстетического наслаждения или проявил всего более душевного благородства. Мыслители и художники, великие человеколюбцы станут героями и вождями будущего человечества. Интерес к познанию и эстетической деятельности, моральному и религиозному возвышению человечества возрастет в чрезвычайных размерах и заполнит собой всю жизнь людей, возвышающихся над уровнем посредственности.

В капиталистическом обществе внимание сосредоточено. преимущественно, на вопросах хозяйства. Падение или поднятие биржевого курса ходкой бумаги или рыночной цены распространенного товара составляют великое событие, о котором телеграфируют во все концы мира и которое повсюду распространяет тревогу или радость. Мир будущего не будет знать этих волнений и этих радостей; его история будет слагаться из других событий. Можно составить себе представление о строе интересов людей социалистического общества по описаниям жизни итальянских городов эпохи Возрождения. Светлое, радостное и гармоничное миросозерцание этой эпохи, со своим глубоким и захватывающим интересом к искусству, философии, познанию должно вновь возродиться в будущем. Опять появятся люди той поразительной душевной красоты и той умственной мощи, которые характеризуют эту чудную раннюю весну современной истории — люди вроде Леонардо да Винчи*, перед которыми наше время кажется таким грубым, варварским и жалким. Кстати же, типичным человеком эпохи возрождения был и великий провозвестник современного социализма Томас Мор.

Английский антрополог и социолог Гальтон** совершенно серьезно утверждал, что передовые европейские

нации современной капиталистической эпохи по своим умственным способностям стоят настолько же ниже, напр., древних эллинов, насколько негры стоят ниже нас. И в этой неблагоприятной оценке ученым исследователем капиталистической цивилизации, которой мы так гордимся, нельзя усмотреть никакого преувеличения. Правда, наше время создало удивительные машины, а также орудия разрушения людей. Но умственная сила измеряется не этим. Машину может построить и варвар; но изваять Милосскую Венеру может только человек с совершенно исключительной способностью к восприятию красоты.

Между тем, не нужно забывать, что произведения античного искусства, которые составляют для нас недостижимый образец совершенства пластической красоты, были созданы, в огромном большинстве случаев, совершенно неизвестными художниками. И ведь только ничтожная, случайная доля этих произведений уцелела и дошла до нашей эпохи! Если бы не была раскопана Помпея, то мы бы почти ничего не знали о стенной живописи древних. Что такое была Помпея — маленький, ничтожный провинциальный римский городок, в котором почти не было богатых людей! И, однако, стенная живопись Помпеи является одним из источников вдохновения современных художников. Кто бывал в Помпее, тот знает, сколько красоты было в домашнем быту античного мира, сколько артистического изящества было вложено во всякую принадлежность хозяйства древних: кухонную утварь, меблировку, устройство комнат и пр. Обычный помпеянский дом со своими бронзовыми и мраморными статуями и бюстами, стенами, покрытыми богатым и разнообразным рисунком с красками удивительной яркости, мраморными колоннами и бассейнами, кажется нам теперь чудом искусства, не обыкновенным жилищем людей, а художественным музеем. И, однако, в нем жили обыкновенные люди и, очевидно, не могли представить себе жизни в другой, менее прекрасной обстановке, как мы не можем представить себе жизни в грязной обстановке жалкой негритянской хижины.

Не менее красив был в своем роде и средневековый город или город времен Возрождения. Флоренция и Венеция всегда будут привлекать посетителей со всех концов мира — недаром падение знаменитой колокольни св. Марка почувствовалось по всей Европе, как общее несчастье

цивилизованного человечества.

Холодный дух капитализма сделал все, чтобы уничтожить эту красоту. В прежнее время человеческое жилище, связанное с человеческой личностью такими интимными узами и так могущественно влияющее своей повседневной обстановкой на его психику, строилось для жизни, а не для наживы: и потому люди вкладывали в эту постройку свою душу, свой вкус и понимание изящного. Дом был одухотворенным произведением человеческого искусства. Над иными средневековыми зданиями трудились целые поколения художников-архитекторов: постройка иногда продолжалась целые столетия, но зато и получались такие создания, как миланский или флорентийский соборы. Но даже какая-нибудь деревянная великорусская изба, со своими затейливыми коньками и причудливой резьбой обнаруживает бездну вкуса, имеет свой оригинальный стиль. Капитализм все это убил. Дома стали строиться для барыша, как строятся заводы или железнодорожные мосты. Архитектурный стиль исчез и все попытки воссоздать его оказались безуспешны. Исчезло что-то неуловимое, что было присуще людям прежних эпох и что давало им удивительное понимание архитектурной красоты. Получилось общее падение архитектурного вкуса.

Нечто подобное, хотя и не в таких размерах, произошло под влиянием господства капиталистического духа и в других областях искусства. Последовало одичание и огрубение человеческой толпы, истинное царство мещанства. Интересы капиталистической промышленности подавили все остальные и внешняя обстановка нашей жизни стала поражать своей неэстетичностью.

Действительно, что может быть безобразнее современного города. Нужно побывать в Лондоне, подышать лондонским воздухом, насквозь пропитанным угольной копотью, покрывающей толстым черным налетом стены домов, и опускающейся во время тумана непроницаемой завесой на лондонские улицы, посмотреть на бурую жидкость, которая вместо воды струится к Темзе (в своем социалистическом романе Моррис* рисует, как одно из чудес нового общественного строя, возвращение воде в Темзе былой прозрачности), чтобы понять, во что превращает город капитализм. Не менее уродует капитализм и деревню, уничтожая леса, загрязняя реки, стирая местный колорит, национальные черты быта и подгоняя все под однооб-

разный и пошлый капиталистический шаблон.

Неудивительно, что среди более мыслящих художников нашего времени, понимающих тесную связь искусства с общим строем социальной жизни, возникло течение особого рода, которое можно назвать эстетическим социализмом — протестом против капиталистического строя по соображениям преимущественно эстетического характера. Этот эстетический социализм всего сильнее в Англии, где его самым известным представителем является Рескин*. Социализм Морриса, отчасти, такого же происхождения — всех этих людей с тонко-развитым вкусом возмущает столь характерное для нашей эпохи эстетическое огрубение человечества, которое принес с собою капитализм.

Но социализм не только эстетически облагородит человечество — он преобразует людей и морально. В социалистическом романе Морриса «News from nowhere» («Вести ниоткуда») рассказывается, что человек нашего времени, попавший в социалистическое общество, замечает какое-то общее выражение лица у всех людей нового мира, красивых и некрасивых, старых и молодых, словом у всех. Они все кажутся чем-то похожи друг на друга. Чем же? Потом он отдает себе в этом отчет. У всех на лице то же выражение благожелательности и дружелюбия, у всех та же радостная готовность помочь друг другу. И это поражает, составляя такой контраст с общим выражением сухой, деловой озабоченности у людей нашего времени.

II

Еще обычнее другой упрек социализму — в стремлении уничтожить свободу личности. Назвав социализм «грядущим рабством», Спенсер лишь повторил то, что говорят все противники социализма. Спенсеру и другим государство будущего рисуется чем-то вроде исполинской тюрьмы, в которой люди будут, быть может, и сыты, но зато лишены лучшего и драгоценнейшего блага — свободы.

Но и этот упрек лишен основания. Действительно, господствующее направление социализма требует принудительной организации общественного труда. Однако, не следует упускать из виду, что и теперь хозяйственный труд для огромного большинства рабочих имеет принудительный характер, с тем весьма существенным различием, что при капиталистической системе рабочие подчинены чуж-

дому им лицу — капиталисту, а при социализме их собственная коллективная воля будет их единственным господином.

Да и вообще капиталистическая свобода всеобщей конкуренции есть только фикция свободы, скрывающая за собой в действительности более или менее полное порабощение личности. Возьмем привилегированное лицо капиталистического мира — предпринимателя. Юридически он мало ограничен в своей деятельности. Закон ему не запрещает выбирать любое дело, производить любой товар, назначать любую цену за продаваемые продукты и оплачивать любой ценой нужный ему труд. Однако, его свобода во всех этих отношениях является в значительной мере мнимой. Он не стеснен юридическим законом, но зато, тем неумолимее его сдавливают железные экономические законы капиталистического строя.

Он может назначить любую цену за свой товар, но продан товар будет лишь по той цене, которая принудительно диктуется условиями капиталистического рынка и т.д. и т.д. В условиях капиталистической конъюнктуры предприниматель находит себе своего сурового и деспотического владыку, власть которого особенно болезненно чувствуется в эпохи промышленных кризисов.

Еще более мнимой является свобода выбора занятий, при господстве капиталистического режима, в других сферах умственного труда. Условия спроса и предложения, а также власти и зависимости самым действительным образом ограничивают эту свободу, ибо, если в капиталистическом обществе и отсутствует руководящая сознательная власть, зато на ее место заступают не менее принудительные, но стихийные силы всеобщей экономической борьбы. И потому не только пролетарий, эксплуатируемый капиталистом и находящийся в полной зависимости от него, лишен свободы — даже и представители умственного труда, выходящие, преимущественно, из рядов имущих классов, — ученые, артисты, писатели, вообще, люди либеральных профессий, далеко не обладают той свободой деятельности, которая является именно для этих родов труда столь необходимым условием успешности и плодотворности работы.

Свободы безделья при социализме, конечно, не будет, ибо свобода безделья есть свобода эксплуатации чужого труда, к уничтожению которой именно и стремится соци-

ализм. Но свобода всякого полезного, и, в особенности, умственного труда в обществе будущего должна не сократиться, а чрезвычайно расшириться.

Социализм отнюдь не задается безумной мыслью подчинить общественной организации все виды человеческого труда. Только по отношению к большей части хозяйственного труда существующая принудительная капиталистическая организация должна быть заменена, при наступлении нового строя, такой же общественной организацией. Но все виды высшего, творческого труда должны получить в будущем обществе самую широкую свободу, не стесненную, как теперь, условиями рынка. Было бы нелепо — и социалисты в этой нелепости неповинны — регулировать какими-либо внешними правилами свободное творчество художника или мыслителя. Как и теперь, люди будут под влиянием непреодолимого внутреннего влечения искать истину и красоту. Но, в отличие от нашего времени, люди не будут придавлены к земле хозяйственной нуждой и заботой; они будут избавлены социализмом от неуверенности в завтрашнем дне, от постоянного страха за будущее, который теперь таким свинцовым гнетом тяготеет над человечеством и так губительно действует на творческую работу.

Сокращение хозяйственного труда само по себе равносильно расширению области свободы. Но социалисты стремятся к большему — придать привлекательный характер и самому хозяйственному труду. Великой заслугой Фурье является опровержение обычного мнения, будто всякий хозяйственный труд, по самому существу, должен быть неприятен для человека. Таков характер хозяйственного труда в современном обществе — это верно. Труд чрезмерно продолжительный, в ужасной гигиенической обстановке, в результатах которого рабочий нисколько не заинтересован, конечно, не может быть приятен. Но при другой обстановке, когда вся изобретательность людей будет направлена на то, чтобы увеличить привлекательность труда, хозяйство перестанет быть тяжелым бременем для человека, каким оно является теперь. И тогда, действительно, исчезнет всякое внешнее принуждение и настанет светлое царство полной свободы.

Итак, не грядущее рабство — грядущее освобождение человечества знаменует собой социализм, освобождение человеческой личности от гнета исторического общества,

основанного на насилии.

В этом залог непобедимой силы социалистического идеала; в этом и причина энтузиазма, отличающего социалистическое движение среди всех остальных, как с грустью должны констатировать и его враги. Действительно, какой другой общественный идеал может вдохновлять в наше время людей? Либерализм отжил свое время. Все знают, что либерализм — это маска, под которой скрывается самое разнообразное социальное содержание, и, по большей части, защита интересов капиталистических классов. Все, что есть истинного и ценного в либерализме, воспринято социализмом, который все больше и больше становится верованием не только пролетариата, переносящего на себе всю тяжесть нашего мрачного и кровавого времени, но и лучших людей других классов, всех тех, в ком жива вера в лучшее будущее человечества, в царство мира и свободы. Но конечно, было бы наивно думать — а в этом повинны многие социалисты — что социализм создаст «рай на земле», всеобщее счастье и довольство, общую гармонию. Ничего этого не будет — и хорошо, что не будет, ибо в довольстве есть нечто пошлое и принижающее дух. Страдание никогда не исчезнет из человеческой жизни.

Не исчезнет потому, что никогда не получит гармоничного примирения основное противоречие человеческой жизни — противоречие между беспредельностью стремлений нашего духа и ограниченностью наших сил и нашего личного существования.

В каких бы образах и где бы средь миров
Ни вспыхнул мысли свет, как луч средь облаков,
Какие б существа не жили
Но будут рваться вдаль они, подобно нам,
Из праха своего к несбыточным мечтам,
Грустя душой, как мы грустили...

В этом вечная основа религии. Вот почему социализм не может и не должен стать новой религией. Как религия, социализм жалок и беспомощен — разве он может преодолеть беспредельность пространства и времени? Разве социализм может преодолеть смерть?

Бессмертная смерть будет по прежнему царить над миром — этот основной диссонанс нашей жизни всегда будет окутывать ее траурным покрывалом.

Цели социализма сравнительно близки и ограничены. Но в своей области социализм может достигнуть чрезвычайно многого. Он должен создать новое общество и новое человечество, более высокое, чем то, которое мы видим ныне.

Но это преобразованное человечество будет страдать, как и мы. Правда, его страдания не будут иметь тех низменных поводов, которые вызывают неисчислимые страдания ныне. Оно не будет страдать от голода и нищеты, от физического насилия людей друг над другом.

Но вечные основы человеческой скорби будут те же — земля останется, по выражению Мережковского*, «больной красавицей» и пребудет таковой навеки.

БИБЛИОГРАФИЯ*

Структура

1. Труды М.И.Туган-Барановского
   1.1. Книги и статьи
   1.2. Труды, изданные за рубежом
   1.3. Издания, выходившие под редакцией М.И.Туган-Барановского
      1.3.1. Журналы и непериодические продолжающиеся издания
      1.3.2. Переводы и сборники статей
   1.4. Популярные изложения трудов М.И.Туган-Барановского
2. Биобиблиография - литература о жизни и трудах М.И.Туган-Барановского
   2.1. Общебиографические работы о М.И.Туган-Барановском
      2.1.1. Книги и статьи
      2.1.2. Некрологи
      2.1.3. Статьи о М.И.Туган-Барановском в отечественных энциклопедических изданиях
      2.1.4. Статьи о М.И.Туган-Барановском в зарубежных энциклопедических изданиях
   2.2. Рецензии на работы М.И.Туган-Барановского, анализ его научных концепций, дискуссии
   2.3. Информация о научных семинарах и кружках, работавших под руководством М.И.Туган-Барановского
   2.4. Библиографии трудов М.И.Туган-Барановского

---

* Детальная библиография трудов М.И.Туган-Барановского и работ, оценивающих его творчество, публикуется в нашей стране впервые.

1. Труды М.И.Туган-Барановского

1.1. Книги и статьи

1890 г.

1. Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причины их ценности // Юридический вестник. СПб., 1890. N10. Т.II. С.192-230.

1891 г.

2. П.Ж.Прудон, его жизнь и общественная деятельность: Биогр.очерк. СПб., 1891. 80 с., 1 л. фронт.[портр.].

1892 г.

3. Дж.С.Милль. Его жизнь и учено-литературная деятельность: Биогр.очерк. СПб., 1892.- 88 с., 1 л. фронт.[портр.].

1894 г.

4. Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшие влияния на народную жизнь: Дисс. СПб., 1894. [2], IV, 512 с., 12 л. табл. и диагр.

Изд. на нем. яз. Лейпциг, 1898 (см.раздел 1.2)*

Промышленные кризисы. Очерк из социальной истории Англии. 2-е, совершенно переработанное издание. СПб., 1900. [8], 355 с. с табл., диагр., сх.

Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 3-е, совершенно переработанное издание. СПб., 1914. XII /2/, 466 с., табл, диагр.

4-е изд. Пг.-М., 1923. 384 с. с табл. и диагр.

Смоленск, 1923. VII /3/, 430 с. с диагр.

Изд. на нем. яз.: Йена, 1901; Аален, 1969 (см. разд. 1.2.).

* Здесь и далее термин «изд. на ... яз.» означает, что публикация на иностранном языке осуществлена в оригинальной авторской обработке, о характере которой можно судить по следующим словам, сказанным в предисловии к французскому изданию «Кризисов» (1913 г.): «Это французское издание моего труда не является простым переводом различных русских и немецких изданий, опубликованных до сих пор. Не только история кризисов была доведена до последнего времени... , но и теория кризисов была тщательно углублена и более широко разработана».

Изд. на фр. яз. Париж, 1913 (см. разд. 1.2).
Пер. на японский яз. с фр. Нихосё рання, 1931. (см. разд. 1.2).
Пер. на англ. яз. Нью-Йорк, 1954 (см. разд. 1.2.).
Пер. на япон. яз. с нем. Пеликан, 1972 (см. разд. 1.2).

5. Положения к диссертации М.И.Туган-Барановского «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшие влияния на народную жизнь», представленной для получения степени магистра политической экономии и статистики. СПб., 1894. 2 с.

1895 г.

6. Кризисы хозяйственные // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т.XVIa (32). СПб., 1895. С.743-748.
7. Промышленные кризисы (Речь, читанная на диспуте в Московском университете 27 сентября 1894 г.) // Сборник правоведения и общественных знаний: Труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском ун-те, и его статистического отделения. Т.5. СПб., 1895. С.69-87.
8. Значение экономического фактора в истории // Мир Божий (СПб). 1895. N12. С.101-118.

1896 г.

9. Экономический фактор и идеи: Ответ моим оппонентам // Мир Божий. 1896. N4. С.269-291.
10. Послесловие // Генри Джордж. Прогресс и бедность. Исследования причины промышленных застоев и бедности, растущей вместе с ростом богатства. Средство избавления. / С послесловием М.И.Туган-Барановского. СПб., 1896.
11. Законодательство в защиту труда в России (статья на нем.яз.Лейпциг, 1896. - см. разд. 1.2).
12. Письмо в редакцию. [По поводу возражений г-на Михайловского в апрельской книжке «Русского Богатства» за 1896 г.] // Мир Божий (СПб.), 1896. N5. С.279-280.
13. Мерсье де ла Ривьер // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т.XIX (37). СПб., 1896. С.137.
14. Письмо в редакцию (Ответ проф.Карышеву) // Мир Божий (СПб), 1896. N5. С.77-82.

1897 г.

15. К вопросу о влиянии низких хлебных цен. По поводу книги «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» // Новое Слово (СПб.). 1897. N6. С.73-83.
16. Историческая роль капитала в развитии нашей кустарной промышленности // Новое Слово (СПб.). 1897.N7. С.1-33.
17. Генри Джордж и национализация земли // Новое Слово (СПб.). 1897. N9. С.108-129.
18. «Народники» крепостной эпохи (из истории русского общественного сознания) // Новое Слово (СПб.). 1897. N11. С.49-85.
19. Борьба фабрики с кустарем // Новое Слово (СПб.). 1897. N1. С.71-88.
20. Жизнь и сочинения Д.Е.Кернса. Предисловие к книге Д.К.Кернса «Основные принципы политической экономии. Ценность. Международная торговля». / Перевод и введение М.И.Туган-Барановского. М., 1897. С.I-XXXI.
21. Выступление в прениях на докладе А.И.Чупрова 2 марта 1897 г. // Труды Императорского вольного экономического общества (далее: Труды ИВЭО). Кн.II, N4. 1897. С.48, 83-84.

1898 г.

22. Статистические итоги промышленного развития России. СПб. 1898. 41 с. с табл. и диагр.
23. Статистические итоги промышленного развития России (Доклад М.И.Туган-Барановского в заседании III отд. Имп. Вольн. Экон. об-ва 17 янв. 1898 г.) // Труды ИВЭО. Кн.I. Вып.I. СПб., 1898. С.1-41.
24. Статистические итоги промышленного развития России (доклад М.И.Туган-Барановского и прения по этому докладу в заседании Имп. Вольн. Экон. об-ва 17 янв. и 7 и 21 февр. 1898 г.), СПб.: Имп. Вольное Экон. об-во, 1898. [2], 42, 107 с. с диагр.
25. Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историко-экономическое исследование. Т.I: Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. СПб., 1898. XII, 496 с. с табл. и диагр.

2-е, значительно дополненное издание. Т.I. СПб., 1900. XII, 562 с. с табл. и диагр.

3-е изд, СПб, 1907. XII, 562 с. с табл.

Перепечатано с 3-го изд. М., 1922. [4] IV, [9]. 428 с. с табл. и диагр.

Перепечатано с 3-го изд. Харьков, 1926. 448 с.: табл. и диагр.

6-е изд. Перепечатано с 3-го. изд. с примечаниями редакции. М.;Л., 1934. [4], 436 с.; 1 вкл. л., граф.

7-е изд. Предисловие С.Заводник. М., 1938. 460 с.; 1 вкл.

Два изд. на нем. яз. Берлин, 1900. IV, 626 с. (см.раздел 1.2).

Пер. на англ. яз. Хомвуд, Ил. (США), 1970 (см.разд.1.2.).

26. Капитализм и рынок (По поводу книги С.Булгакова «О рынках при капиталистическом производстве. Теоретический этюд». М., 1897) // Мир Божий (СПб.), 1898. N6. С.118-127.

1899 г.

27. Русские переводы I т. «Капитала» Маркса: Заметка / / Мир Божий (СПб.). 1899. N 2, С.10-16.
28. Споры о фабрике и капитализме (Моим критикам) / / Начало (СПб.). 1899. N1-2. С.22-52.
29. Основные причины кризисов в капиталистическом хозяйстве // Мир Божий (СПб.). 1899. N11. С.194-222.
30. Неосторожный критик (Н.Каблуков «Новая книга по истории русской фабрики». Рус. Ведомости. N42-47) // Начало (СПб.), 1899. N3. С.64-82.
31. Письмо в редакцию журнала «Жизнь». [По поводу возражений Каблукова на ст. «Неосторожный критик» в ж.»Начало». N3. 1899 г.] // Жизнь (СПб.). 1899. N5. С.70-73.
32. Основная ошибка абстрактной теории капитализма Маркса // Научное Обозрение (СПб.). 1899. N5. С.973-985.
33. Хлопковый голод // Научное Обозрение (СПб.). 1899, N11. С.2106-2120; N12. С.2186-2200.
34. Некоторые черты из новейшей эволюции капитализма: Доклад, читанный в заседании III отделения ИВЭО. 4 декабря 1899 г. // Труды ИВЭО. Т.2 Вып.5-

6. 1899, С.90-114.
35. Лекции по политической экономии приват-доцента Туган-Барановского 1898-1899 гг. СПб.: Литогр. Богданова, 1899. 240, 64 с.
36. Лекции по политической экономии 1898-1899 гг. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 1899, 244 с. с вкл. и табл.

Лекции по политической экономии М.И.Туган-Барановского за 1906-1907 гг. СПб.: Высшие женские курсы, 1907. 640 с.

Лекции по политической экономии. Сокращенное изложение: Пособие для слушателей. СПб.: Тип. М.А.Александрова, 1907. IV, 354 с.
37. Рецензия на кн.: Н.Карелин (псевдоним В.И.Засулич) «Жан-Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей». СПб., 1899, 156 с. // Начало (СПб.). 1899. N5. С.118-121.

1900 г.

38. Промышленные кризисы. Очерк из социальной истории Англии. 2-е совершенно переработанное издание. СПб., 1900. [8], 355 с., с табл., диагр., сх.
39. Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историко-экономическое исследование. Т.I. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. 2-е, значительно дополненное издание. СПб., 1900. XII, 562 с., 6 л. табл., диагр.
40. Трудовая ценность и теория прибыли (Моим критикам) // Научное Обозрение (СПб.). 1900. N3. С.607-633.
41. Современный промышленный кризис // Мир Божий (СПб.). 1900. N11. С.1-18.

1901 г.

42. Предисловие: Леонтий Александрович Кириллов // Зомбарт В. Организация труда и трудящихся. (Пер.с нем.) / Под ред. Л.А.Кириллова. С портретом В.Зомбарта и предисловием М.И. Туган-Барановского. СПб., 1901, VIII, 457 с. С.III-VI.
43. Очерки из истории политической экономии. Вступление. Что изучает политическая экономия? // Мир Божий (СПб.), 1901. N1. С.1-26.

44. Очерки... Продолжение. Адам Смит // Мир Божий. 1901. N2. С.148-165.
45. Очерки... Продолжение. Промышленная революция // Мир Божий. 1901. N3. С.187-2О1.
46. Очерки... Продолжение. Школа Смита. Мальтус и Рикардо // Мир Божий. 1901. N4. С.66-95.
47. Очерки... Продолжение. Утописты. Роберт Оуэн // Мир Божий. 1901. N6. С.139-153.
48. Очерки... Продолжение. Сен-Симон и сен-симонисты // Мир Божий. 1901. N7. С.62-82.
49. Очерки... Продолжение. Фурье. // Мир Божий. 1901. N9. С.216-232.
50. Очерки... Продолжение. Сисмонди // Мир Божий. 1901. N10. С.134-161.
51. Очерки... Продолжение. Современное социально-политическое направление в Германии // Мир Божий. 1901. N11. С.179-197.
52. Очерки... Продолжение. Австрийская школа // Мир Божий. 1901. N12 С.201-218
53. Стихотворение // Мир Божий. 1901. N5.С.134.

1902 г.

54. Очерки из истории политической экономии. Продолжение. Критики капиталистического строя. // Мир Божий. 1902. N2. С.77-100.
55. Очерки... Продолжение. Родбертус // Мир Божий. 1902. N3. С.160-180.
56. Очерки... Продолжение. Мальтус. // Мир Божий. 1902. N4. С.145-164.
57. Очерки из истории политической экономии. Продолжение. Очерк VIII. Критики капиталистического строя. Маркс. // Мир Божий. 1902. N7. С.160-190; N8. С.239-276; N9. С.98-134; N10. С.272-303.

1903 г.

58. Очерки из новейшей истории политической экономии. СПб., 1903. X, 434 с.

Очерки по новейшей истории политической экономии и социализма. 2-е изд. СПб., 1905. IV, 259 с.

Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. 3-е изд. СПб., 1906. 270 с.

Очерки из новейшей истории политической эконо-

мии и социализма.
4-е изд. СПб., 1907. [4], 284 с.
5-е изд. Пг., 1916. [4], 256 с.
6-е изд. М., 1919. [4], 260 с.
7-е изд. Харьков, 1919. [4], 260 с.
59. Земский учитель в Лохвицком уезде (Письмо из Лохвицы) // Мир Божий (СПб.). 1903. N12. С.33-37.
60. Докладная записка // Труды местных комитетов о нуждах сельского хозяйства и промышленности. Т.32. СПб., 1903. Полтавская губерния. С.469-472.

1904 г.

61. Что такое общественный класс // Мир Божий (СПб.). 1904. N1. С.64-72.
62. Борьба классов как главнейшее содержание истории // Мир Божий (СПб.).1904. N9. С.242-259.
63. Крушение капиталистического строя как научная проблема // Новый Путь (СПб.). 1904. N10. С.166-206.
Примеч.авт.: «Статья эта первоначально появилась в несколько ином виде на немецком языке в журнале «Archiv für Sozialwissenschaft» (1904. N2).
Изд. на нем. яз. Тюбинген-Лейпциг, 1904 (см.разд.1.2.).
64. Психические факторы общественного развития // Мир Божий (СПб.). 1904. N8. С.2-28.
65. Мясные фабрики в Аргентине // Вестник Финансов, Промышленности и Торговли (СПб.). 1904. N 32.

1905 г.

66. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. 2-е изд. СПб., 19О5. 259 с.
67. Теоретические основы марксизма. СПб., 1905. VIII, 160 с.
2-е изд. СПб. 1905. VI, 218 с.
3-е изд. СПб., 1906. 2, IV, 2, 229 с.
4-е изд. М., 1918. VI, 195 с.
Изд. на нем. яз. Лейпциг, 1905 (см. разд. 1.2.).
68. Земельная реформа: Очерк движения в пользу земельной реформы и практические выводы. СПб., 1905, 205 с.

1906 г.

69. Национализация земли: Очерк движения в пользу национализации земли и практические выводы. 2-е, значительно дополненное и переработанное издание. СПб., 1906, IV, 180 с.
70. Социалистическое учение об эксплуатации труда // Мир Божий (СПб.). 1906. N3. С.133-154.
71. Как осуществится социалистический идеал // Мир Божий (СПб.). 1906. N5. С.166-189.
72. Что такое социализм? // Фридман М.И. О финансовом бойкоте. СПб., 1906. 222 с. С.12-17.
73. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1906. 270 с.
74. Теоретические основы марксизма. 3-е изд. СПб., 1906. VI, 229 с.
75. Современный социализм в своем историческом развитии. СПб., 1906. 260 с.
Изд. на нем. яз. Дрезден, 1908. 197 с. (см.разд. 1.2.).
Изд. на англ. яз. Лондон, 1910.VIII, 232 с. (см. разд. 1.2.).
Изд. на франц. яз. Париж, 1913. 246 с. (см.разд 1.2.).
Изд. на укр. яз. Киев, 1920. 148 с. (см.: Сучастний соціялізм в історичнім своїм развітку. Київ, 1920).
Пер. на чешск. яз. Прага, 1927 (см. разд. 1.2.).
Изд. на англ. яз. Нью-Йорк, 1966. VIII, 232 с. (см. разд. 1.2.).
Изд. на нем. яз. Вадуз (Лихтенштейн), 1977. 197 с. (см. разд. 1.2.).
76. Национализация земли и выкуп // Украинский вестник (СПб.). 1906. N4. С.212-221.
77. Проповедник национализации земли. М., 1906. 30 с.*
Проповедник национализации земли: Генри Джордж. Пг., 1917. 30 с.
78. Предисловие // Войтинский В.С. Рынок и цены. Теория потребления, рынка и рыночных цен. СПб., 1906. XVIII, 346, 8 с., табл. С.III-VI.

* Тираж конфискован цензурой.

1907 г.

79. Русская фабрика в прошлом и настоящем: Ист.-экон. исследование. Т.I. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке, 3-е изд. СПб., 1907. IX, 562 с.
80. Очерки из истории политической экономии и социализма. 4-е изд. СПб., 1907. 284 с.
81. Лекции по политической экономии: Сокр. излож. СПб., 1907. VI, 354.
82. Лекции по политической экономии: М.И.Туган-Барановского за 1906-1907 г. СПб.: Высшие женские курсы, 1907. 640 с.
83. Условия производства и торговли сахаром в 1906 г. / / Вестник финансов, промышленности и торговли. 1907. NN33, 35.

1908 г.

84. Рецензия [на кн.:] Кулишер И.М. Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Т.I. СПб., 1906. XXXIV, 676 с. // Журнал министерства народного просвещения. (СПб.). 1908. N1. С.174-193.
85. Нравственное мировоззрение Достоевского // Вопросы Обществоведения (СПб.). 1908. N1. С.243-259.
86. То же под назв.: Три великих этических проблемы (нравственное мировоззрение Достоевского) // К лучшему будущему; Сб. СПб., 1912. 230 с. С.9-29.
    То же под назв.: Нравственное миросозерцание Достоевского // Приложение к брош.: Овсянико-Куликовский Д.Н. Незабвенной памяти М.И.Туган-Барановского. Одесса, 1919. С.1-18.
87. Методология политической экономии // Образование (СПб.). 1908. N12. С.1-19.

1909 г.

88. Основы политической экономии. СПб., 1909. XII, 760 с.
    2-е, перераб. изд. СПб., 1911. 512 с.
    3-е, перераб. изд. Пг., 1915. IX [I], 593 с.; Рига, 1924. XI [I], 512 с.
    Основы политической экономии. Повторительный курс по лекциям (конспект) М.И.Туган-Барановского (Применительно к экзаменационной программе

Императорского Санкт-Петербургского университета). СПб., 1913. 128 с.
Основы политической экономии.
4-е, перераб. изд. Пг., 1917. VII[I], 540 с.
5-е изд. Пг., 1918. VII[I], 540 с.
Пер. на чешск. яз. Прага, 1927 (см.разд 1.2.).
Основы политической экономии (фрагменты книги) // Вестник Московского университета. Сер.7. Философия. 1990. N1. С.76-78.
89. Производительные артели с точки зрения социальной политики (доклад к предстоящему в СПб. в 1910 г. съезду деятелей по кустарной промышленности) / / Вестник кооперации (СПб.). 1909. N3. С.3-15.
90. Предисловие: От редактора русского перевода // Бэм-Баверк Е. Капитал и прибыль: История и критика теорий процента на капитал / Авторизованный перевод со 2-го нем. изд. / Под ред. и с предисл. М.И.Туган-Барановского. СПб., 1909. С.1.
91. Предисловие // Форлендер К. Кант и Маркс: Очерки этического социализма. СПб., 1909. VIII, 226 с. С.III-VIII.
92. Программа по политической экономии. СПб., 1909. 8 с.
93. Программа по политической экономии, составленная М.И.Туган-Барановским. СПб.: Тип. «Север», [1909]. 8 с.
94. Наши социальные контрасты // Речь (СПб.). 1909. N305.
95. Кооперация свободная, опекаемая и принудительная // Речь (СПб.). 1909. N342.

1910 г.

96. Экономическая жизнь. Итоги 1909 года // Речь (СПб.). 1910. N1.
97. Прежде и теперь [О поддержке марксистами кооперативного движения] // Речь (СПб.). 1910. N14.
98. Земельный вопрос на Западе и в России // Энциклопедический словарь братьев А. и И. Гранат. 7-е изд. Т.21. С.51-149. (библ. С.147-149).
99. Земельный вопрос на Западе и в России. М., [191?]. 87 с.

100. Общественно-экономические взгляды Н.Г. Чернышевского. // Памяти Н.Г.Чернышевского: Сб. ст. СПб. 1910., С.1-14.
То же // Труды ИВЭО. СПб., 1910. Т.1. Вып.1. Отд.5. С.1-14.
101. Социальная теория распределения // Русская Мысль (СПб.), 1910. N1. С.100-114.
102. Русская интеллигенция и социализм (По поводу сборника «Вехи») // Интеллигенция в России: Сб. ст. СПб., 1910. С.235-258.
Русская интеллигенция и социализм (По поводу сборника «Вехи») // К лучшему будущему: Сб. ст. СПб., 1912. 230 с. С.30-49.
103. Оживление промышленности // Речь (СПб.). 1910. N283 (15/28 октября)
104. Первый шаг // Речь (СПб.). 1910. N339. (10/23 декабря)
105. Состояние нашей промышленности за последнее десятилетие и виды на будущее // Современный Мир (СПб.). 1910. N12. С.27-53.
106. Вздорожание жизни // Речь (СПб.). 1910. N353. (24 декабря 1910/6 января 1911).

1911 г.

107. Хозяйственная жизнь [России в 1910 г.] // Речь (СПб.). 1911. N1.
108. Основы политической экономии. 2-е переработанное издание. СПб. 1911. XII, 512 с.
109. Борьба ведомств // Речь (СПб.). 1911. N20.
110. Еще о сельскохозяйственном банке: Ответ г.Хуторянину // Речь (СПб.). 1911. N27. (28 января/10 февраля)
111. Определение и классификация кооперативов // Вестник Кооперации (СПб.). 1911. N2. С.3-15.
112. Новая опасность для русской кооперации // Речь (СПб.). 1911. N54. (25 февраля/10 марта)
113. О кооперации // Речь (СПб.). 1911. N58. (1/14 марта)
114. Торговый договор с Германией // Речь (СПб.). 1911. N323 (24 ноября/7 декабря)
115. Крепостная фабрика // Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: В 6 т. Т.3. М., 1911. С.139-154.

116. Неурожай и промышленный подъем // Речь (СПб.). 1911. N275. (7/20 октября)
То же: часть II // Речь (СПб.). 1911. N282. (14/27 октября)
117. Современная промышленная конъюнктура // Речь (СПб.). 1911. N345. (20 декабря 1911)
118. Аграрный протекционизм и вздорожание сельскохозяйственных продуктов // Русский экспорт (СПб.). 1911. N2-3.

1912 г.

119. Война 1812 года и промышленное развитие России // Отечественная война и русское общество: В 5 т. Т.IV. М., 1912. С.105-112.
120. Экономическая природа кооперативов // Вестник Кооперации (СПб.). 1912. N1. С.3-18.
121. Ответ М.Л.Хейсину (О природе дохода кооперативных предприятий) // Вестник Кооперации (СПб.). 1912. N3. С.59-62.
122. К лучшему будущему. СПб. 1912. 230 с. Сб. статей:
I. Этика и общественная жизнь:
Три великих этических проблемы
Русская интеллигенция и социализм
Марксизм и народничество
Кант и Маркс
Книга Зомбарта о социализме
Герцен и Чернышевский
Генри Джордж как личность и общественный деятель
II. Кооперация:
Экономическая природа кооперативов и их классификация
Производительные артели с точки зрения социальной политики
Кооперативная организация хлебной торговли
Кооперация свободная, опекаемая и принудительная
III. Экономическая жизнь:
Вздорожание жизни
Состояние нашей промышленности за последнее десятилетие и виды на будущее
Неурожай и промышленный подъем

Чугунный голод и наша таможенная система
Иностранные капиталы
Казенный картель
Съезды представителей промышленности и торговли
Торговопромышленное представительство
Торговый договор с Германией
Почему пало крепостное право
123. Народное хозяйство [России в 1911 г.] // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 г. СПб., 1912. С.217-234.
124. Рабочее движение // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 г. СПб., 1912. С.235-239.
125. Очерк развития мануфактурной промышленности в России. М., 1912. 23 С.
126. Ввоз и вывоз мануфактуры (К лекции М.И.Туган-Барановского 28 апреля 1912 г.). М., 1912. 25 с., вкл. табл.
127. Предисловие редактора // Труды экономического семинария под руководством М.И.Туган-Барановского при Юридич. ф-те Санкт-Петербургского ун-та. Вып.I: Книпович Б.Н.. К вопросу о дифференциации русского крестьянства. СПб., 1912. 112 с. С.3-4.

1913 г.

128. Предисловие редактора // Труды экономического семинария под руководством М.И.Туган-Барановского при юридическом ф-те Санкт-Петербургского ун-та. Выпуск II: Гвирцман А.М. Социология Уорда и ее отношения к социологическим построениям Маркса (Некоторые существенные моменты современного развития социологии и их связь с тенденциями развития экономической науки). СПб., 1913. 200 с. С.3.
129. Народное хозяйство [России в 1912 г.] // Ежегодник газеты «Речь» на 1913 г. СПб., 1913. С.71-89.
130. Социалистические общины последователей Оуэна и Фурье // Вестник Европы (СПб.). 1913. N2. С.179-197.
131. Социалистические общины нашего времени // Вестник Европы (СПб.). 1913. N3. С.170-193.
132. Социальная теория распределения / Пер. на рус. яз.

(Первоначально статья напечатана на нем. яз. в журнале «Annalen für Soziale Politik und Gesetzgebung». 3 Bd. 1913) // Известия С.-Петербургского политехн. ин-та императора Петра Великого. I. Отдел наук экономических и юридических. Т.XX. СПб., 1913. С.1-96.

133. Социальная теория распределения. СПб., 1913 [4], 96 с.
Два изд. на нем. яз. Берлин. 1913. (см. разд.1.2.).

134. Общественно экономические идеалы нашего времени. СПб., 1913. 143 с.

135. В поисках нового мира. Социалистические общины нашего времени. СПб., 1913. 100 с., 9 л. илл., портр.
2-е, переработанное и значит. дополненное изд. М., 1919. 128 с.
То же на укр. яз.: Шукання нового світу. Про соціялістичні общини за наших часів. Київ: Днепросоюз, 1919. 56 с. с портр.
Пер. на нем. яз. Гота, 1921 (см. раздел 1.2.).

136. Современные школы политической экономии в критическом освещении. I. Социально-политическое направление в Германии // Вестник Знания (СПб.). 1913. N1. С.58-64; N2. С.147-154.

137. Предисловие к серии и первому выпуску // Новые идеи в экономике. Непериодическое издание, выходящее под ред. проф. М.И.Туган-Барановского. Сб.1: Учение о распределении общественного дохода. СПб.: Изд-во «Образование», 1913. 144 с. С.1.

138. Кооперация и ее социальный смысл // Современная иллюстрация (беспл. приложение к газ. «Современное слово»). 1913. N10. 29 окт. Тематический выпуск «Кооперация в России и на Западе». С.145-147.

139. Новый труд по экономической теории: О книге П.Струве «Хозяйство и цена». СПб., 1913 // Русское Богатство (СПб). 1913. N10. С.371-382.

140. О русском социализме // Речь (СПб.). 1913. N213.

141. Классовый характер сельскохозяйственной кооперации // Вестник Кооперации (СПб.). 1913. N7. С.11-29.

142. Экономическая и социальная природа кооперативов // Курсы по кооперации / Под ред. А.А.Мануилова. М.: Мос. гор. нар. ун-т им.

А.Л.Шанявского, 1913. XII, 239 с. С.1-111.
143. Экономическая и социальная природа кооперативов. М.: Мос. гор. нар. ун-т им. А.Л.Шанявского, 1913. 127 с.
144. Экономическая природа кооперативов и их классификация. 2-е, перераб. изд. М., 1914, [2]. 127 с.
То же (перераб.) // Курсы по кооперации / Под ред. А.А.Мануилова. 2-е изд. М.: Мос. гор. нар. ун-т им. А.Л.Шанявского, 1914. XII, 239 с. С.1-111.
Пер. на польск. яз. Варшава, 1918. V, 107 с. (см.разд. 1.2.).
То же // Курсы по кооперации / Под ред. А.А.Мануилова. 3-е изд. М.: Мос. гор. нар. ун-т им. А.Л.Шанявского. 1918. XII, 239 с. С.1-111.
145. Предисловие. [О трудовой колонии-общине] // Криничане. Четверть века «Криницы». Киев: Наше дело, 1913. [4], VI, 495 с. С.I-VI.

1914 г.

146. К нашей анкете: Ответ проф. М.И.Туган-Барановского // Украинская жизнь (М.). 1914. N1. С.15-16.
147. Экономическая борьба России с Германией // Речь (Пг.). 1914. N24.
148. Памяти И.И.Янжула // Речь (Пг.). 1914. N302.
149. Еще о природе кооперации: Ответ Е.Левину // Вестник Кооперации (Пг.). 1914. N8. С.39-45.
150. Народное хозяйство [России в 1913 г.] // Ежегодник газеты «Речь» на 1914 г. СПб., 1914. С.342-361.
151. Теория народонаселения при свете новых фактов // Новые идеи в экономике / Под ред. проф. М.И.Туган-Барановского Сб.2: Теория народонаселения и мальтузианство. СПб., 1914. С.1-33.
152. Взгляды Каутского на вопросы народонаселения // Там же. С.34-71.
153. Предисловие к выпуску // Новые идеи в экономике... Сб.2: Теория народонаселения и мальтузианство. СПб., 1914. 154 с. С.1.
154. Предисловие к выпуску // Новые идеи в экономике... Сб.3: Рационализация хозяйства. 1. Пг., 1914. 148 с. С.1.
155. Предисловие к выпуску // Новые идеи в экономике... Сб.4: Вздорожание жизни. Пг., 1914, 164 с. С.1.

156. Подчиняется ли история общества законам развития // Новые идеи в экономике: Непериодическое издание, выходящее под ред. проф. М.И.Туган-Барановского. Сб.5: Закономерность общественного развития. Пг., 1914. С.108-125.
157. Книга гр. С.Ю.Витте // Речь (СПб.). 1914. N1. [О книге Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. СПб., 1912.]
158. Украинский народ в его прошлом и настоящем. / Под редакцией профессоров О.К. Волкова, М.С. Грушевского, М.М. Ковалевского, академика О.Е. Корша, профессоров А.Е. Крымского, М.И. Туган-Барановского и академика А.А. Шахматова. Ч.II. Пг., 1916.
159. О причинах падения крепостного права в России / / Речь (СПб.). 1914. N48.
160. Война и промышленность // Речь (Пг.). 1914. N321.

1915 г.

161. Основы политической экономии. 3-е переработанное издание. Пг. 1915. IX. 593 с.
162. Производительные артели // Вестник Кооперации (Пг.). 1915 N3. С.2-39.
163. Ремесленная кооперация // Вестник Кооперации (Пг.). 1915. N4. С.22-48.
164. Мелкобуржуазная кредитная кооперация // Вестник Кооперации (Пг.). 1915. N6. С.23-44.
165. Классовая природа кооперации и принцип политического нейтралитета // Вестник Кооперации (Пг.). 1915. N9-10. С.3-27.
166. Витте и Бунге как министры финансов // Северные Записки. Пг. 1915. N3. С.146-153.
167. Война и народное хозяйство [России] // Чего ждет Россия от войны: Сб.ст. Пг., 1915. С.5-23.
То же. 2-е изд. (без измен.) Пг., 1915. С.5-23.
168. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Вопросы мировой войны: Сб.ст. / Под ред. проф. М.И.Туган-Барановского. Пг., 1915. С.269-324.
169. Год войны в народнохозяйственном отношении // Ежегодник газеты «Речь» на 1915 г. Пг., 1915. С.434-471.

170. Бумажные деньги и война // Речь (Пг.). 1915 (17,18/30,31 января). N16, 17.
171. Вздорожание жизни в Петрограде // Новый Экономист (Пг.). 1915. N6.

1916 г.

172. Очерки из истории политической экономии и социализма. 5-е изд. Пг., 1916. 256 с.
173. Развитие производительных сил [России] // Речь (Пг.). 1916 (14/27 февраля). N44.
174. Об экономическом развитии России // Речь (Пг.). 1916. (2/15 апреля). N91.
175. Неужели правда? // Речь (Пг.). 1916 (7/20 октября). N276.
176. Социальные основы кооперации. М., 1916. X, 521 с.
2-е изд. М., 1918. X, 498 с.
3-е, доп. изд.. М., 1919. X, 512 с.
Пер. с рос. с 3-го доп. изд. Е.Шетир: Що таке кооперація. Київ, 1920. 512 с.
4-е, доп. изд. М., 1922. 512 с.
Изд. 2-е (5-е). Берлин, 1921. X, 521 с.
[Перепечатано с 3-го доп. изд.] М.: Экономика, 1989. 496 с. (Экон.наследие).
Пер. на польск. яз. Варшава, 1918 и 1923 (см.разд. 1.2).
Пер. на чешск. яз. Прага, 1930 (см.разд. 1.2).
Пер. на яз. иврит с сокр. Тель-Авив, 1937 (см.разд. 1.2).
То же (1-я глава) // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX - начала XX века: Избранные произведения / Подгот. под рук. акад. Л.И.Абалкина. Сост. и вступит. статья Я.И.Кузьминова. М.: Республика, 1994. 416 с. С.189-202.
То же (Характер дохода кооперативных предприятий) [фрагменты из книги] // Творцы кооперации. Сб. / Сост. Л.А.Самсонов. М.: Московский рабочий, 1991. (Экономические чтения). С.172-189.
177. Значение биржи в современном хозяйственном строе // Банковая Энциклопедия / Под общ. ред. проф. Л.Н.Яснопольского. Т.II: Биржа. История и современная организация фондовых бирж на Западе

и в России. Биржевые сделки. Биржа и война. Киев: Изд-во Банковой Энциклопедии, 1916. 412 с. С.24-39.
То же. 2-е изд. (без измен.) Киев, 1917. С.24-39.

1917 г.

178. Основы политической экономии. 4-е переработанное изд. Пг., 1917. VII /I/, 540 с.
179. Проповедник национализации земли (Генри Джордж). Пг., 1917. 30 с.
180. Значение биржи в современном хозяйственном строе // Банковая Энциклопедия / Под общ. ред. проф. Л.Н.Яснопольского. Т.II: Биржа. История и современная организация фондовых бирж на Западе и в России. Биржевые сделки. Биржа и война. 2-е изд. Киев: Изд-во Банковой Энциклопедии, 1917. 412 с. С.24-39.
181. Куда мы идем // Речь (Пг.). 1917. (11/24 февраля). N40.
182. Бумажные деньги и металл. Пг., 1917. 168 с., с табл., диагр.
То же, 2-е посмертное изд. с изм. и доп. автора. Одесса, 1919. 132 с.
183. Русская революция и социализм. Пг., 1917. 32 с,
184. Русская кооперация и заем свободы. Пг., 1917 . 16 с.
185. Федералізм і державний суверенітет // Нова Рада (Київ). 1917. N168.
186. Военные займы в теоретическом освещении // Военные займы. Сб.ст. проф. М.В.Бернацкого, М.И.Боголелова, В.Р.Идельсона, проф. И.М.Кулишера, В.А.Мукосеева, проф. М.И.Фридмана / Под общ. ред. и с предисл. проф. М.И.Туган-Барановского. Пг.: Тип. «Правда», 1917. 194, 2 с. С.5-25.
187. Русская революция, кооперация и социализм // Вестник Кооперации (Пг.). 1917. N2-3. С.3-14.
Русская революция, кооперация и социализм // Фермер. 1990. N1. С.21-25 (Выдержки из статьи).
188. Всероссийский кооперативный съезд // Вестник Кооперации (Пг.). 1917. N2-3. с.99-102.
189. М.М.Ковалевский как человек // М.М.Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель

и гражданин: Сб. ст. Пг., 1917. С.51-53.
190. Откуда берутся деньги для войны. Пг.: Тип. «Правда», 1917. 40 с.
191. Предисловие // Ишханян Б. Развитие милитаризма и империализма в Германии (историко-экономическое исследование). Пг., 1917. XI, 352 с. С.I-XI.

1918 г.

192. Теоретические основы марксизма. 4-е изд. М., 1918. VI, 195 с.
193. Основы политической экономии. 5-е изд. Пг., 1918. VII /I/, 540.
194. Социальные основы кооперации. 2-е изд. М., 1918. X, 498 с.
195. Социализм как положительное учение. Пг., 1918. 133 с.
Социализм как положительное учение [фрагменты] // Диалог. 1990. N4. С.52-62.
То же (фрагменты) // Вопросы экономики. 1990. N2. С.73-83.
То же (глава «Социалистический строй будущего») // Молодой коммунист. 1990. N3. С.59-65.
То же (отд. главы книги) // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX - начала XX века: Избранные произведения. / Подготт. под рук. акад. Л.И.Абалкина. Сост. и вступит. статья Я.И.Кузьминова. М.: Республика, 1994. 416 с. С.202-250.
196. Величайшая в мире коммунистическая организация (община духоборов). М., 1918. 40 с.
197. Земельная реформа и кооперация // Вестник Кооперации (Пг.). 1918. N1-2. С.3-24.
198. Земельная реформа и кооперация. Тверь, 1918. 23 с.
199. Русская земельная реформа и кооперация // Вестник кооперативных союзов (М.). 1918. N1.
200. Крестьянская кооперация на Западе. Тверь, 1918. 24 с.
201. О кооперативном идеале // Вестник кооперативных союзов (М.). 1918. N1. С.1-22.
О кооперативном идеале. М., 1918. 16 с.
Кооператівний ідеал. Київ: Всеукраинськ. коопер. видавн. союз, 1918. 16 с.

О кооперативном идеале // Экономические науки. 1989. N 4. с.50-55.
202. Остання мета кооперації // Українська Кооперація (Київ). 1918. N1.
203. Невікладна справа // Нова Рада (Київ). 1918. N133.
204. Продукційни підпріємства кооперативів з точки погляду кооперативної теорії // Українська Кооперація (Київ). 1918. N2.
То же (Отд.изд.). Київ, 1918. 13 с.
205. О новых книгах: В.П.Гайдебурова «Социальная природа прибыли» и К.А.Пажитнова «История кооперативной мысли» // Вестник Кооперации (Пг.). 1918. N3-4. С.144-149 и С.149-151.
206. Грошова криза українськой кооперації // Українська Кооперація. 1918. N4. С.1-11.
207. Выступление на III Всеукраинском кооперативном съезде в Киеве. // Центральнії Українськії Кооператівнії зїзд у Київі. Протоколи засіданії, доклади, постанови та інши матеріали. Київ, 1918. (М.И.Туган-Барановськії: С.18, 79-80.
208. Чи потрібни Україні свої национальни кооператівні центри? // Кооператівна зоря. Київ. 25 сентября 1918. N13-14. С.3-7.

1919 г.

209. Очерки из истории политической экономии и социализма. 6-е изд. М., 1919. 260 с.
210. Очерки из истории политической экономии и социализма. 7-е изд. Харьков. 1919. 260 с.
211. Нравственное миросозерцание Достоевского // Прилож. к брош.: Овсянико-Куликовский Д.Н. Незабвенной памяти М.И.Туган-Барановского. Одесса, 1919.
212. В поисках нового мира. Социалистические общины нашего времени. 2-е переработанное и значительно дополненное издание. М., 1919. 128 с.
213. То же на укр. яз.: Шукання нового світу. Про соціялистични общины за наших часів. Київ. 80 с.
214. Бумажные деньги и металл. «2-е, посмертное изд. с изменениями и дополнениями автора». Одесса, 1919. 132 с.
215. Социальные основы кооперации. 3-е дополненное

изд. М., 1919. 512 с.
216. Политическая экономия: курс популярный. Киев, 1919. 207 с.
217. Політична економія (наука про народні господарство): Курс популярний. З оригіналу переклав О.Варава. Видання Дніпровського Союзу споживчих союзів України. Київ, 1919. 194 /2/ с. с вкл. табл., 1 портр.
То же. Прага, 1927.
То же. Київ, 1994.
218. Кооперація, соціяльно-економічна природа її та мета. Київ, 1919.
То же, 2-е изд. - Львів, 1936.
219. Кооперація в сучасну світову епоху // Українська Кооперація (Київ). 1919. N2.

1920 г.

220. Роберт Оуэн. Одесса. 1920. 16 с. (Глава из «Очерков из новейшей истории политической экономии и социализма». 6-е изд. М., 1919).
221. Сучастний соціялізм в історичнім своїм розвітку. Київ: Днепросоюз, 1920. 148 с.
221. Шо таке кооперація. Пер с рос. Е.Шетир. К.; Київськ. кооп. обл. спилка, 1920. 512 с.

1921 г.

222. Социальные основы кооперации. Изд. 2-е. Берлин, 1921.

1922 г.

223. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Ист.-экон. исслед. - Т.1. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. (4-е изд.).»Перепеч. с 3-го изд., вышедшего при жизни автора». М., 1922. IV, 424 с.
224. Социальные основы кооперации. 3-е доп. изд. (перепеч. с изд. 1919 г.) М., 1922.

1923.г.

225. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 4-е изд. Пг. - М., 1923. VII /3/. 430 с., 18 диагр.
226. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 5-е изд. Смоленск, 1923. VII /3/. 430 с., 18 диагр,

227. Вплив ідей політічної економії на природознавство та фильіозофію // Записки Українськоі академії наук. Т.І. Київ, 1923. С.1-36.

1924 г.

228. Основы политической экономии. 3-е (перепечатано со 2-го) изд. Рига, 1924. XI /1/, 512 с.

1925 г.

229. Русская фабрика в прошлом и настоящем: Ист.-экон. исслед. Т.1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке (фрагменты) // Хрестоматия по истории рабочего класса и профессионального движения в России. Ч.1. (Статьи М.Балабанова, М.Гордона, В.И.Ленина, К.А.Пажитнова, Г.В. Плеханова, М.И.Туган-Барановского и др.). - Ленинград, 1925. С.31-35, 76-82, 91-93, 93-96 и др.
230. Влияние идей политической экономии на естествознание и философию / Предисл. секретаря соц.-экон. отд. Укр. акад. наук акад. М.Птуха. Київ: Друк. Укр. акад. наук, 1925. 40 с., 1 л. фронт., (портр.) Укр. акад. наук: Сб. Соц.-экон. отд. N2. С.5-40.
Влияние идей политэкономии на естествознание и философию (фрагменты) // Экономика и математические методы. 1989. N5.
То же (фрагменты) // Философская и социологическая мысль. Киев, 1993. N9-10. С.112-131.

1926 г.

231. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Ист.-экон. исслед. - Т.1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. (5-е изд.) Перепеч. с 3-го изд., вышедшего при жизни автора. Харьков, 1926. IV, 448 с.
232. Кооперация // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7-е изд. Т.25. М., 1926. С.111-139.

1929 г.

233. Фабричная промышленность // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7-е изд. Т.42., М., 1929-1930. С.598-627.

1934 г.

234. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Ист.-экон. исслед. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. Изд. 6-е. Перепеч. с 3-го изд. с прим. редакции. М.-Л., 1934. IV, 436 с.

1936 г.

235. Кооперація, соціяльно-економічна природа її та мета. Друге видання. Текст зредагував і новішими данними доповнив др. Карло Коберський. Львів, 1936. 143 с.

1938 г.

236. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономич. исслед. Т.1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. Изд. 7-е. Предисл. С.Заводник. М., 1938. 460 с., 1 вкл.

1989 г.

237. 0 кооперативном идеале // Экономические науки. 1989. N4. С. 50-55. (текст второй главы V-го отдела книги «Социальные основы кооперации» 3-го изд.).
238. Влияние идей политэкономии на естествознание и философию // Экономика и математические методы. 1989. N5.
239. Социальные основы кооперации (перепеч. с 3-го изд.). Предисл., коммент.: Булочникова Л.А., Сорвина Г.Н., Субботина Т.П. М., Экономика, 1989. 486 с. (серия «Экономическое наследие»)

1990 г.

240. Социализм как положительное учение // Вопросы экономики. 1990. N2. С.73-83. (фрагм. из кн.).
241. Русская революция, социализм и кооперация // Фермер. 1990. N1. С.21 (Выдержки из статьи).
242. Социалистический строй будущего (глава из книги «Социализм как положительное учение») // Молодой коммунист. 1990. N3. С.59-65.
243. Социализм как положительное учение (фрагм. книги) // Диалог. 1990. N4. С.58-63.
244. Выступление на собрании Петербургского (Петроградского) религиозно-философского общества 26

ноября 1914 г. (Публикация Татарниковой С.Н.) / Вестник Московского университета. Сер.7. Философия. 1990. N1. С.73-76.

245. Основы политической экономии (фрагменты книги) / Вестник Московского университета. Сер.7. Философия. 1990. N1. С.76-78.

1991 г.

246. Характер дохода кооперативных предприятий (из книги «Социальные основы кооперации») // Творцы кооперации. Сб. / Сост. Л.А.Самсонов. М.: Московский рабочий, 1991. (Экономические чтения). С.172-189.

1993 г.

247. Труд и предельная полезность как факторы ценности // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер.5. Экономика. СПб., 1993, Вып.2. С.115-118. Рез. англ.

1994 г.

248. Русская революция и социализм // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX - начала XX века. Избранные произведения. Сост. и вступит. статья Я.И.Кузьминова. М., 1994. 416 с. С.172-189.
249. Социальные основы кооперации (фрагменты книги) // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX - начала XX века. Избранные произведения. Сост. и вступит. статья Я.И.Кузьминова. М., 1994. 416 с. С.189-202.
250. Социализм как положительное учение (фрагменты книги) // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX - начала XX века. Избранные произведения. Сост. и вступит. статья Я.И.Кузьминова. М., 1994. 416 с. С.202-251.
251. «Я бы очень хотел, чтобы мы были с вами друзьями» (Письма М.И.Туган-Барановского к П.Б. Струве. Публикация и предисловие Д.М.Туган-Барановского) // Вопросы экономики. М., 1994. N3. С.128-136. (Письма относ. к 1899-1905 гг.)
252. Політична економія: Курс популярний. Київ. Наукова думка. 1994.

1.2. Труды, изданные за рубежом

253. Arbeiterschutzgesetzgebung in Russland // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Bd.2. Leipzig: Conrad, 1896.
254. Die sozialen Wirkungen des Handelskrisen in England // Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. 1898. XII.
255. Geschichte der russischen Fabrik. Von M.Tugan-Baranovsky. Vom Verfasser rev. deutsche Ausgabe von Dr.B.Minzès // Sozialgeschichtliche Forschungen. Ergänzungshefte zur Zeitschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Hrsg. von Dr.Stepan Bauer und Dr.Ludo Moritz Hermann. Hft.5/6. 1900.
256. Geschichte der russischen Fabrik. Von M.Tugan-Baranovsky. Vom Verfasser rev. deutsche Ausgabe von Dr.Minzès (Gesamt. Tuteblatt: Sozialgeschichtliche Forschungen... Hft.5/6). Berlin: Felber. 1900. VI, 626 S; Il. Tab.
257. Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England, von Dr. Michael von Tugan-Baranovsky. Jena: G. Fischer, 1901. VIII, 425 S. mit ill.; 6 Bl. diagr.
258. Der Zusammenbruch der kapitalistischen Wirtschaftsordnung im Lichte der nationaökonomischen Theorie // Archiv für Sozialwisenschaft und Sozialpolitik. Bd.19. Leipzig, 1904. N2.
259. Theoretische Grundlagen des Marxismus. Leipzig, 1905. VIII, 239 S.
260. Subjektivismus und Objektivismus in der Vertlehre // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd 22. Tübingen, 1906. S.557-564.
261. Der moderne Sozialismus in seiner geschichtlichen Entwicklung. Dresden: D.V.Böhmert, 1908. IV, 197 S.
262. Gesunder Menschenverstand und wissenschaftliche Wahrheit (Erwiderung auf: Mathemathische Formeln gegen Karl Marx. Von L.B.Voudin. Die Neue Zeit. 1907. XXV. S.524, 557, 603) // Die Neue Zeit (Stuttgart, J.Dietz). 1908. N19. S.640-658.
263. Modern Socialism in its Historical Development. Translated from rus. by M.I.Redmount. London, 1910. VIII, 232 p.
264. Kant und Marx // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd 33. Leipzig; Tübingen, 1911.

265. L'évolution historique du socialisme moderne / Traduit par Joseph Schapiro. Paris: M.Riviere, 1913. 246 p.
266. Soziale Theorie der Verteilung // Annalen für soziale Politik und Gesetzgebung. 3 Band. Heft 5-6. Berlin, 1913.
267. Soziale Theorie der Verteilung. [Sonderdruck aus Annalen für soziale Polit. und Gesetzgebung. 3 Bd, Hft.5-6.] Berlin: J. Springer, 1913. 82 S.
268. Les crises industrielles en Angleterre. Par Michel Tugan-Baranovsky. Traduit sur la 2-e éd. russe, révisée et augm. par l'auteur, par. Joseph Schapiro. Paris: M.Giard et Brière, 1913. VII, 476 p. [Bibliothèque intern. d'Economie politique].
269. Społeszne zasady kooperacji (Przełozil J.Hempel). Warszawa: Zwiazku Połskich Stowarziszen Spoziwcow, 1918. XIV, 1, 438 S.
270. Społeczno-economiczna zasada kooperacji. Przełozili s II wydania J.Hempel i M.Orsetti. Warszawa: Zwiazku Połskich Stowarzyszen Spoziwcow, 1918. V, 107 S.
271. Stowarziszenia wytworcow i stowarzieszenia pracy (Przekład s rosyjskiego). Z przedmowa M.Orsetti i projektem statu Stowarziszenia pracy. Warszawa; Lublin; Ksiazka, 1919. IV, 68, 2, 1 S.
272. Sozialistische Kolonien / Пер. на яз. иврит. New York, 1919. 80 p.
273. Cooperation / Пер. на яз. иврит. Киев, 1920. 32 p.
274. Die Kommunistische Gemeinwessen der Neuzeit. Gotha, 1921. V, 70 S.
275. Społeszne zasady kooperacji (Przełozil J.Hempel). Warszawa: Zwiazku Połskich Stowarziszen Spoziwcow, 1923.
276. Zaklady politicke economie / Z predmovu J.Masaricka. Praha, 1927.
277. Modemí socialism ve svém historicken vyvoji. Praha, 1927.
278. Политична економія (наука про народні господарство). Курс популярний. С предмовоу Я.Масарика. Прага: Укр. господарський відавничіе союз, 1927.
279. Socialni Zaklady Druzstevnictvi. Praha, 1930.
280. Промышленные кризисы в Англии / Пер. на япон. яз. с франц. Нихосё рансия. 1931.
281. Социальные основы кооперации / Пер. на яз. иврит с сокр. Тель-Авив, 1937.
282. Periodic Industrial Crises [Reprint from Periodicheskie

promyshlennye krisisy. 3rd ed. St.-Petersburg. 1914; Part II. The Theory of Crises. Chapters I-VI] // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the US. New York. Spring 1954. Vol.III, N. 3(9). P.745-802.
283. Modern Socialism in its Historical Development. Translated from rus. by M.I.Redmount. London, 1910. Reprinted: New York: Russel and Russel, 1966 VIII. 232 p.
284. Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England. Von Dr. Michael von Tugan-Baranovsky. Neudruck der Ausg.- Jena, 1901. Aalen: Scientia-Verlag, 1969.
285. Russian factory in 19-th century. Translated by Arthur Levin and Gloria S.Levin under the supervision of Gregory Grossman etc. Homewood, Il., 1970. Published for the American Economic Association by Richard D. Irwin Inc.; Georgetown, Ont.; Irwin-Dorsey Ltd., 1970. XVII, 474 p. [The Am.Economic Association translation series].
286. Исследование теории и истории промышленных кризисов в Англии / Пер. на япон. яз. с нем. Пеликан. 1972.
287. Der moderne Sozialismus in seiner geschichtlichen Entwicklung. Unteränderter Neudruck der Ausgabe. Dresden: D.V.Bömert, 1908. Vadus / Lichtenstein: Topos, 1977. 197 S.
288. Graziani A., Graziozi A. edit. M.I.Tugan-Baranovsky. Cartamoneta et Metallo. Kondratiev N.D. M.I.Tugan-Baranovsky. Naples, 1987.

1.3. Издания, выходившие под редакцией М.И.Туган-Барановского

1.3.1. Журналы и непериодические продолжающиеся издания

289. Вопросы обществоведения. Орган академической и научной жизни. Под ред. М.И.Туган-Барановского и П.И.Люблинского. - Вып. 1-3. СПб. 1908-1911. Вып.I - 1908; Вып.II - 1910; Вып.III - 1911.
290. Вестник Кооперации. Журнал. СПб.- Пг. 1909-

1918 гг.
291. Российская экспортная палата // Труды комиссии по пересмотру торгового договора с Германией. Под ред. проф. М.И.Туган-Барановского. - Вып. I-V. СПб., 1912.
292. Новые идеи в экономике. Непериодическое издание, выходящее под ред. проф. М.И.Туган-Барановского. - Сб.1-6. СПб.-Пг., изд.»Образование». 1913-1914.
293. Сб.1. Учение о распределении общественного дохода. Предисл. к серии и выпуску. 1913. - 144 с.
294. Сб. 2. Теория народонаселения и мальтузианство. Предисл. к вып. 1914. - 154 с.
295. Сб.3. Рационализация хозяйства. 1. Предисл. к вып.1914. - 148 с.
296. Сб.4. Вздорожание жизни. Предисл. к вып. 1914. - 164 с.
297. Сб. 5. Закономерность общественного развития. Предисл. к вып. 1914. - 140 с.
298. Сб.6. Теория денег Кнаппа. - 1914. - 142 с.
299. Українська кооперація. Київ. 1918-1919 г.

1.3.2. Переводы и сборники статей

300. Джордж Генри. Прогресс и бедность. Исследование причины промышленных застоев и бедности, растущей вместе с ростом богатства. Средство избавления. Пер. с анг. С.Д.Николаева, проверенный М.И.Туган-Барановским. СПб., 1896. (2). II, 425, 111 с.
301. Кернс Д.Е. Основные принципы политической экономии. Ценность. Международная торговля. Перевод и введение М.И.Туган-Барановского. М., 1897.
302. Блондель Жорж. Торгово-промышленный подъем Германии. Пер. с фран. с приложением статьи Г.А.Чернявского «Результаты промышленной переписи Германской империи». СПб., 1900. (2), 294 с.
303. Рабочая кабала в Англии. Причины этого экономического зла и меры к его устранению. Пер. с англ. А.Яновского. СПб., 1900. 40 с.
304. Зомбарт В. Организация труда и трудящиеся. Пер. с немецкого с предисловием М.И.Туган-Баранов-

ского. СПб., 1901.
305. Законодательная охрана труда. Статьи из Handwörtebuch der Staatswissenschaften. Пер. с нем. СПб., 1901. - 320 с.
306. Бэм-Баверк, Евгений. Капитал и прибыль. История и критика теорий процента на капитал. Авториз. перев. со 2-го нем.изд. Л.И.Форберта. Под ред. и с предисл. М.И.Туган-Барановского. 1909 г. (2) VIII (2) 644 с.
307. Предисловие к изданию книги К.Форлендера «Этический социализм». СПб., 1909 г.
308. Украинский народ в его прошлом и настоящем / Ред. совм. с М.С.Грушевским и М.М. Ковалевским. - Тт. 1-2. - Киев, 1914.
309. Вопросы мировой войны. Сб.статей. В сб. принимали участ. акад. В.М.Бехтерев, проф. М.И.Богомолов, проф. Н.Н. Зелинский, проф. М.М.Ковалевский, проф. А.П.Лихачев, проф. Е.В.Тарле, проф.Чупров и др. (27 авт.) Пг., 1916. - 675 с.
310. Военны займы. Сб. статей. Пг., тип. «Правда», 1917. - 196 с.

1.3.3. Популярные изложения трудов М.И.Туган-Барановского

311. Юровский Л. Теория политической экономии: Краткий курс по лекциям проф. М.И.Туган-Барановского. Под псевд. перед загл. инициалы Л.Ю. СПб,. 1908. 79 с.
312. Нижерадзе Е.Д Проверочные вопросы по политической экономии по курсу М.И.Туган-Барановского. СПб., 1910. 31 с.
313. Горжевский М., Вашкович И. Краткий курс политэкономии по М.И.Туган-Барановскому. Бендеры: Труд, 1912. - 245 с.
314. Ц.З. Краткий курс политической экономии, составленный применительно к программе К[иевского] К[оммерческого] и[нститута] по курсам политической экономии профессоров М.И.Туган-Барновского, В.Я.Железнова, А.И.Чупрова, А.А.Исаева и др. Киев, 1913. IV, 158 с.
315. Дорфман А. Краткий курс политической экономии/ Попул. изл. - «Основ политической экономии» проф. М.И.Туган-Барановского. Одесса. 1919. [4],

114, 1 с.
316. Левин М.А. Русская фабрика в прошлом (По М.Туган-Барановскому, в попул. изл. М.Левина: Пособие для парт. школ и самообразования.) Пг.; Полит. отд. 7-й армии, 1920. 50 с.
317. Залкинд. История русской фабрики (По Туган-Барановскому).) М.: Главполитпросвет, изд-во «Красная новь», 1923. 56 с.

2. Биобиблиография — литература о жизни и трудах М.И.Туган-Барановского

2.1. Общебиографические работы о М.И.Туган-Барановском

2.1.1. Книги и статьи

Анциферов А.Н. М.И.Туган-Барановский. Харьков, 1919. 6 с.

Авалиани С. Туган-Барановский как теоретик кооперации. Одесса, 1919. 8 с.

Кондратьев Н.Д. Михаил Иванович Туган-Барановский. Пг., 1923. 127 с.

Воблий К. Академик М.И.Туган-Барановский // Зап.соц.-екон. відділу Укр. АН. Т.1. Київ, 1923. с.III-VII.

Gringauz S. Dr. M.I.Tugan-Baranovsky und seine stellung in der theoretische Nationalökonomie. Kovno, 1918; Riga, 1928.

Мицюк О.К. Наукова діяльність політіко-економіста М.И.Туган-Барановського. Львів, 1931. 38 с.

Качор А. Михайло И.Туган-Барановський на службі наукі й своего народу (До 50-річчя смерти світової слави економиста і кооперативного дияча). Виннипег, 1969. 26 с.

Коваль Л. М.И.Туган-Барановський, життя і наукова діяльніст. До 50-річчя з дня смерти // Сучастниет. 1969. N4. С.82-97; N5. С.93-102; N6. С.104-116.

Nove A. M.I.Tugan-Baranovsky // History of Political economy. 1970. N2. P.246-262.

Булочникова Л.А., Сорвина Г.Н., Субботина Т.П. М.И.Туган-Барановский и его книга «Социальные основы кооперации» // Туган-Барановский М.И. Социальные

основы кооперации. М., 1989. 496 С. с.5-40.
Королькова Е. (Из нашей родословной) Туган-Барановский: «Социализм начинается с человека» // Социалистическая индустрия. 1989. N286.
Булочникова Л., Сорвина Г., Субботина Т. Кооперация и социализм // Книжное обозрение. 1989. N47. С.5.
Королькова Е. Ему было что сказать // Диалог. 1990. N4. С.55-58.
Субботина Т.П. Модель социализма М.И.Туган-Барановского // Вопросы экономики. 1990. N2. С.81-83.
Горкина Л.И. Михайло Іванович Туган-Барановський - мыслитель, вчений, громадянин // М.І.Туган-Барановський. Політична економія: Курс популярний. Київ, 1994. С.3-55.

2.1.2. Некрологи

Билимович А., проф. // Россия (Одесса). 1919, 24 (11) янв.
Швиттау П. // Одесский листок (Одесса). 1919. 24 (11) янв.
Ефремов П. // Українська кооперація. (Київ) 1919. N2.
Косинский В. проф. // Одесский листок (Одесса). 1920 21 (8) янв.
Овсянико-Куликовский Д.Н. Незабвенной памяти М.И.Туган-Барановского. Одесса, 1919. 16 с. (С прил. ст. М.И.Туган-Барановского «Нравственное миросозерцание Достоевского»).
Овсянико-Куликовский Н.Д. Памяти М.И.Туган-Барановского. // Воля России. Одесса, 1923. N14. С. 49-52.
Любимов Л. Михаил Иванович Туган-Барановский. // Мысль. 1919. N10. С. 343-349.

2.1.3. Статьи о М.И.Туган-Барановском в отечественных энциклопедических изданиях

Без указ.автора // Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. СПб., 1902. Т.XXXIV. С.30-31.
Без указ. авт // Малый энциклопедический словарь. 2-е изд, вновь перераб., значит доп. Издание Брокгауз-Ефрон. СПб., 1909. Т.II. Вып.IV. С.1792.
Солнцев С. Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7-е изд. Москва.,

1929-1930. Т.41 Ч.IX. С.490-495.
Блюмин И. // Малая Советская Энциклопедия. М., 1932. Т.8 С.990.
Без указ. авт. // МСЭ. 2-е изд. М., 1939. Т.9.
Удальцов И.Д. // Большая Советская Энциклопедия. М., 1947. Т.55. С.118-119.
Без указ. авт. // БСЭ. 2-е изд. М., 1956. Т.43. С.360.
Без указ. авт. // Энциклопедический словарь: В 3 т. Т.3. М., 1955. С.441.
Без указ. авт. // МСЭ. 3-е изд. М., 1960. Т.9. С.553.
Без указ. авт. // Українська Радянська Енциклопедія. Киев, 1963. Т.14. С.582-583.
Рыбаков Ю.Я. // Советская Историческая Энциклопедия. М., 1973. Т.14. С.494-495.
Без указ.авт. // БСЭ 3-е изд. М. 1977. Т.26. С.287-288.
Писаренко Э.Е. // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М., 1980. Т.4. С.205.
Без указ. авт. // Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С.1371.
Без указ. авт. // Украинская Советская Энциклопедия. Киев, 1984. Т.II. С.286.
Без указ. авт. // Енциклопедія українознавства: Словникова частина. Львів: Молоде життя 1955-1984. К.: Глобус, 1993. Т.2. С.620-621.

2.1.3. Статьи о М.И.Туган-Барановском в зарубежных энциклопедических изданиях

Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Vierte Auflage. Bd.VIII. Jena, 1928. S.331-332.
Nordisk Familjebok. T.19. Stokholm, 1933. S.748-749.
Der Grosse Brockhaus. Bd.19. Leipzig, 1934. S.166-167.
Enciclopedia Italiana. V. XXXIV. Roma, 1937. P.469.
Svensk Uppslagsbok. Bd.29. Malmö, 1951, S.1132-1133.
Der Grosse Brockhaus. Bd.19. Wiesbaden, 1957. S.677.
Dr. Gablers Wirtschafts-Lexikon. 2 Auflage. Bd.2. Wiesbaden, 1958. S.2922-2923.
Uj Magyar Lexikon. V.6. Budapest, 1959. P.516.
Handwörterbuch der Sozialwissenschaften. Bd.X. Stuttgart, 1959. S.421-422.
Grande Dizionario Enciclopedico. V.XII. Torino, 1962. P.776.
Grande Enciclopedia Vallardi. V.XV. Milano, 1962. P.345.

Encyclopedia of the Social Sciences. Editor-in-chief Edwin R.A. Seligman. Associate editor Alvin Johnson. V.15. New York, 1962. P.128-129.
Meyers Neues Lexikon. Bd.8. VEB Bibliographisches Institut. Leipzig, 1964. S.201.
Lexicon politicke economie. Dr. Adolf Dragecevic. Drugi svezak. T.2. Zagreb, 1965. S.428-429.
Der Neue Herder. Bd.6. Herder Freiburg; Basel; Wien, 1966. S.402.
International Encyclopedia of the Social Sciences, Vol.16. New York: MacMillan and Free Prees, 1968. P.164-167.
Der Grosse Duden-Lexikon. Bd.8. Bibliographisches Institut, Mannheim, 1968. S.232.
Encyclopedie van de Bedrijfseconomie. Deel I. Algemene economie. Bussum, 1969. S.352.
Diccionario enciclopedico Salvat Universal. Vol.20. Barcelona (Espana), 1969. P.31.
Alfabetische Catalogus van de Boeken en Bruchures van het. Deel 11. Internetionale Institut voor Sociale Geschiedenis. Amsterdam, 1970.
Ökonomisches Lexikon. Berlin, 1970. Bd.2. S.852
Икономическа енциклопедия: В два тома. Т.2. София, 1972. С.545.

Der Neue Reader's Digest Brockhaus in 2 Bänden. Bd.2. Stuttgart; Zurich; Wien, 1973. S.1288.
Grote Winkler Prins. Encyclopedie in twintig delen. Nu Nieuwe druk. Deel 18. Amsterdam; Bruseel, 1974. Blz.492.
Речник по политическа икономия. София: Партиздат, 1975. С.690-691.
Lexikothek. Das Bertelsmann Lexikon. Bd. Berlin, 1977. S.42.
Meyers Enzyklopädisches Lexikon. Bd.23. Bibliogrphisches Institut. Mannheim; Wienn; Zürich, 1978. S.811.
Ökonomisches Lexikon. 3, neu bearb. Auflage. Bd.3. Berlin, 1980. S.354-355.
Meyers Grossses Taschen-Lexikon. Bd.22. Mannheim; Wien; Zürich, 1981. S.267.
Мала унциклопедия «Просвета». Т.3. Београд, 1978. С.427.
TTV-Brockhaus-Lexikon. Bd.18. München, 1982. S.326.
Der Brockhaus in zwei Bänden. Bd. 2. Wiesbaden, 1984. S.524.

Economicka encyclopedia. T.2. Praha: Svoboda, 1984. S.534.
Речник по политическа икономия. Второ перераб. и допълнено изд. София, Партиздат, 1984. С.47-49.
Enciclopedia Alfabetica. En 10 volumenes. V.10. Barcelona, 1985. P.3956.
Grande Enciclopedia. V.XIX. Novara, 1987. P.539.
Who's who in economics. A biographical Dictionary of Major Economists 1700-1981. / Ed. by Mark Blaug and Paul Sturges. Brighton: Unwin Brs. Ltd., 1983. (435 p.). P.377.
Ibid... 1700-1986. 2-nd ed. Ed. by Mark Blaug. Brighton: Wheatsheaf Books Ltd. 1987. (936 p.). P.843.
The New Palgrave. A dictionary of economics. / Ed. by John Eatwell Murzas Milgate, Peter Newman. Vol.4. London. 1987. P.705-706.
Без указ. авт. // Українська загальна енціклопедія. Книга знания в 3-ох томах. Під головн. ред. І.Раковського. Львів - Станиславлів - Коломия: «Ридна школа», 1930. Т.3. С.366.

2.2. Рецензии на работы М.И.Туган-Барановского, анализ его научных концепций, дискуссии

1896 г.

Михайловский Н. О статье М.И.Туган-Барановского «Значение экономического фактора в истории» // Русское Богатство (СПб.), 1896. N2, 3.
Михайловский Н. Литература и жизнь // Русское Богатство (СПб.). 1896. N4. С.115-138.
Кареев П. Старые и новые этюды об экономическом материализме. СПб. 1896.

1897 г.

Булгаков С. О рынках при капиталистическом производстве: Теоретический этюд. М., 1897.

1898 г.

Карышев Н.А. Письмо в редакцию (По поводу доклада Туган-Барановского в ИВЭ об-ве) // Русское Богатство (СПб.), 1898. N2, Отд.2. С.224-231.

Прения по докладу члена Императорского Вольного экономического общества М.И.Туган-Барановского «Статистические итоги промышленного развития России» в заседании III отделения Общества 17 января, 7 и 21 февраля 1898 г. // Труды Императорского Вольного экономического общ-ва. Кн.I. Вып.I. СПб., 1898. С.1-107.

Глинский Б.Б. История русской фабрики // Исторический Вестн. (СПб.). 1898. N10, С.253-292.

Слонимский Л. Промышленная идеология // Вестн. Европы (СПб.). 1898, N6, С.768-783.

Струве П. Научная история русской крупной промышленности // Научное Обозрение (СПб,). 1898. N6. С.1104-1116.

1899 г.

Мякотин В.А. Попытка общей истории русской фабрики // Русское Богатство (СПб.). 1899. N1, Отд.2, С.1-30; N2. С.1-22.

Мякотин В.А. Перлы ученой полемики (Запоздалый ответ г.Туган-Барановскому) // Русское Богатство (СПб.). 1899. N5. Отд.2. С.58-69.

Прения по докладу М.И.Туган-Барановского «Некоторые черты из новейшей эволюции капитализма» в заседании III отделения Императорского Вольного Экономического Общества 4 декабря 1899 г. // Труды ИВЭО. 1899. N5-6. С.64-68.

Филиппов М. По поводу статьи М.И.Туган-Барановского // Научное Обозрение (СПб.). 1899. N5. С.985.

Филиппов М. Опыт критики «Капитала». О средней норме прибыли в связи с теорией ценности. Постановка вопроса. // Научное Обозрение (СПб.). 1899. N6. С.1090-1109.

Богданов А. Основная ошибка Туган-Барановского // Научное Обозрение (СПб.). 1899. N9. С.1758-1766.

Струве П. Против ортодоксии // Жизнь (СПб.). 1899. N11.

А.Б-ич. Новые попытки согласовать трудовую теорию ценности с законом равной нормы прибыли // Научное Обозрение (СПб.). 1899. N11, С.2129-2138.

Прокопович С. По поводу новой критики Маркса. // Научное Обозрение (СПб.). 1899. С.2139-2147.

Филиппов М. Ответ А.Б-вичу и С.Прокоповичу // Научное Обозрение (СПб.). 1899. С.2148-2158.

Нежданов П. Полемика по вопросу о ценности // Жизнь (СПб.). 1899. N10.

Нежданов П. К вопросу о рынках при капиталистическом производстве // Жизнь (СПб.). 1899. N4. С.297-317.

Нежданов П. Полемика по вопросу о рынках // Жизнь (СПб.). 1899. N12. С.240-257.

Karski J. Tugan-Baranovskys Forschungen zur Geschichte des Kapitalismus in Russland // Die Neue Zeit. Stuttgart, 1899. N43. S.526-534. (Рецензия на кн.: «Русская фабрика»).

1900 г.

Minzès B. Rec. // Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. Berlin, 1900. N2. S.515-527. (Рецензия на кн.: «Русская фабрика»).

Ден В. Новая книга по истории теорий экономических кризисов в связи с несколькими замечаниями по поводу учения о рынках // Жизнь (СПб.), 1900. N6. С.368-383.

Minzès B. [Besprechung zu:] Tugan-Baranovsky M.I. Geschichte der Russischer Fabrik // Archiv für Gezetzgebung und Statistik. Bd.15. Berlin, 1900.

Богданов А. Новые точки зрения в экономической науке (Ответ Туган-Барановскому) // Научное Обозрение (СПб.). 1900. N8. С 1435-1448.

Карелин Н. (Засулич В.) Заметка читателя по поводу упразднения Туган-Барановским и Струве учения Маркса о прибыли // Научное Обозрение (СПб.). 1900. N11. С.1923-1936.

Струве П. Новое издание «Промышленных кризисов» Туган-Барановского // Мир Божий (СПб.). 1900. N10. С.259.

Струве П. Основная антиномия теории трудовой стоимости // Жизнь (СПб.). 1900. N2. С.297-307.

Берлин П. Новости экономической литературы // Жизнь (СПб.). 1900. N3. С.243-266.

Франк С.Л. Теория ценности К.Маркса и ее значение: Критический этюд. СПб., 1900.

Сурков А. Экономические статьи наших журналов // Жизнь (СПб.). 1900. N10. С.321-330.

Нежданов П. Ценность и производительная сила труда с точки зрения условий воспроизводства // Жизнь (СПб.). 1900, N5, С.155-187.

Нежданов П. Метод вульгарной экономии: По поводу статьи Туган-Барановского // Жизнь (СПб.). 1900. N7. С.332-345.

Minzès B. Rec. // Die Wage. Wiener Wochenschrift. Wien, 1900. N6 (Рецензия на кн.: «Русская фабрика»).

Echlers O. Rec. // Die Umschau. Übersicht über die Fortschritte und Bewegungen auf die Gesamtgebier der Wissenschaft. 1900. IV. S.578. (Рецензия на кн.: «Русская фабрика»).

Rec. // Hamburger Correspondent. 1900. N176. S.27.(Рецензия на кн.: «Русская фабрика»).

Rec. // Algemeines Literaturblatt. Wien, 1900. N47. (Рецензия на кн.: «Русская фабрика»).

Dragoni C. Rec. // Giornale degli Economisti. Roma, 1900 agosto. P.202-204. (Рецензия на кн.: «Русская фабрика»).

Kähler W. Rec. // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Jena, 1900. N4. S.554-555. (Рецензия на кн.: «Русская фабрика»).

Schloss D. Rec. // The Economic Journal. London - New York, 1900. X. P.532-534.

1901 г.

Schmidt C. Zur Theorie der Handelskrisen und der Überproduction // Sozialistische Monatshefte. Internationale Revue des Sozialismus. Berlin, 1901. N9. Bd.II. S.669-682. (Рецензия на кн.: «Промышленные кризисы»).

Rec. // Die Grenzboten. Zeitschrift für Politic, Literatur und Kunst. Leipzig, 1901. N51. S.620-622. (Рецензия на кн.: «Промышленные кризисы»)

Струве П. На разные темы: Сб.статей. СПб., 1901.

Константин -ов. Теоретические итоги русского марксизма к 1 января 1901 г. Журнальное обозрение // Народное хозяйство. 1901. N2. С.75-116.

Чернов В.М. К вопросу о «положительных» и «отрицательных» сторонах капитализма // Русское Богатство. 1901. N4. С.222-254.

Бельтов Н. (псевдоним Г.В.Плеханова). Критика наших критиков // Заря. 1901. N1. С.75-117; N2-3. С.101-

155; N4. С.1-31.

Прокопович С.Г. К критике Маркса. СПб., 1901. С.133 и послед.

1902 г.

Николай -он. Теория трудовой стоимости и некоторые из ее критиков // Русское Богатство. 1902. N3. С.31-65.

Столяров Н. Аналитическое доказательство предложенной г.Туган-Барановским политико-экономической формулы: предельные полезности произведенных продуктов пропорциональны их трудовым стоимостям. Киев, 1902. 16 с.

Post.rec. // Algemeines Literaturblatt. Wien, 1902. XI. S.55. (Рецензия на кн.: «Русская фабрика»).

Weber A. Rec. // Jahrbuh für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirschaft in Deutschen Reich. Leipzig, 1902. N1. S.410-415. (Рецензия на кн.: «Русская фабрика»).

Kautsky K. Krisetheorien // Die Neue Zeit. Stuttgart. Bd.II. 1902. N28. S.37-47; 1902. N29. S.76-81; 1902. N30. S.110-118; 1902. N31. S.133-143. (О теории кризисов М.И.Туган-Барановского. Был также перевод этой работы К.Каутского на итальянский яз.).

Bunzel G. Rec. // Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. Wien-Leipzig, 1902. N2. S.332-335. (Рецензия на кн.: «Промышленные кризисы»).

Schmidt H. Rec. // The Economic Journal. London - N.Y., 1902. XII. P.524-525. (Рецензия на кн.: «Промышленные кризисы»).

Bernstein E. Rec. // Documente des Sozialismus. Berlin, 1902. N12. S.523-526. (Рецензия на кн.: «Промышленные кризисы»).

1903 г.

А.Ф-н. Трудовая теория ценности и ее «новейшие» русские критики // Научное обозрение. 1903. N4. С.66-85; N5. С.213-234.

Михайловский Н.К. Литература и жизнь... Г.Туган-Барановский о самом себе... // Русское богатство. 1903. N1. С.84-108.

Pohle L. Rec. // Zeitschrift für Sozialwissenschaft. Berlin. 19.01.1903. S.74-77. (Рецензия на кн.: «Промышлен-

ные кризисы»).

Розенберг И. «Система» г.Туган-Барановского // Русская мысль (СПб.). 1903. N11. Отд.II. С.74-89.

Слонимский Л.З. Научные иллюзии: Туган-Барановский. Очерки из новейшей истории политической экономии // Вестн. Европы (СПб.). 1903. N2. С.750-770.

Михайловский Н. Отклики. В 2-х т. СПб. 1903. Т.1.

Spiethoff A. «Die Krisentheorien» von Tugan-Baranovaky und L.Pohle // Jahrbücher für die Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaftslehre. Stuttgart, 1903. Bd.27. S.703.

1904 г.

Burchard J. Rec. // Zeitschrift für gesamte Handelsrecht und Konkursrecht. Stuttgart. 1904. N.XLI. S.373-377. (Рецензия на кн.: «Промышленные кризисы»).

Sombart W. Versuch einer Systematik der Wirtschaftskrisen. // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd.24. Tübingen, 1904.

Sombart W. Verhandlungen des Vereins für soziale Politik über die Störungen im deutschen Wirtschaftsleben während der Jahre 1900 und f. // Schriften des Vereins für soziale Politik. Bd 113. Leipzig, 1904. S.209 u.f.

Schmoller G. Gründriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. T.II. 1904. S.487.

1905 г.

Михайловский Н. Литературные воспоминания и современная смута. 2-е изд. СПб., 1905. Т.I-II.

Bernstein E. Tugan-Baranovskys Marx-Kritik // Documente des Sozialismus. Berlin. 1905. N9. S.418-421. (Рецензия на кн.: «Теоретические основы марксизма»).

Wenckestern A. von. Rec. //Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deuschen Reich. Leipzig. 1905. N4. S.416-423. (Рецензия на кн.: «Теоретические основы марксизма»).

1906 г.

Вольский А. Умственный рабочий. Ч.I. Эволюция социал-демократии; Ч.II. Научный социализм. СПб., 1906.

Чернов В. Конечный идеал социализма и повседневная борьба. СПб., 1906 (конфиск.).

Кулишер И. Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Т.I-II. СПб., 1906, 1908.

Святловский В.В. К истории политической экономии и статистики в России. СПб., 1906.

Оленев М.И. Так называемый «кризис марксизма». Ч.I. Кризис теории; Ч.II. «Кризис» русского марксизма. СПб., 1906.

Eulenbury F. Die gegenwärtige Wirtschaftskrise // Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik. III Folge. Bd. 24 S.307.

Lescure Jean. Des crises générales et périodiques de surproduction. Paris: Sirey, 1906. 489 p.

Ibidem. Trad.russe. Spb., 1908; Лексюр Ж. Общие и периодические промышленные кризисы. / Пер. с франц. Н.И.Сувирова. СПб., 1908. IX, 557 с.

Ibidem. 2-e ed. Paris, 1910.

Ibidem. 3-e ed. Paris, 1923.

Diel K. Rec. // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Jena, 1906. N4. P.537-543. (Рецензия на кн.: «Теоретические основы марксизма»).

Lifschitz F. Rec. // Deutsche Literatur-Zeitung. Leipzig, 1906. XXVII. S.1519-1524. (Рецензия на кн.: «Очерки из новейшей истории политической экономии»).

1907

Сапожников Н. Рец. // Критическое обозрение. 1907. N1. С.72-74. (Рецензия на кн.: «Современный социализм в своем историческом развитии»).

Koch A. Rec. // Algemeines Literaturblatt. Wien. 1907. XVI. S.117. (Рецензия на кн.: «Теоретические основы марксизма»).

Bortkevicz L. v. Wertrechnung und Preisrechnung im Marxistischen System // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd.25. Tübingen, 1907.

Liefmann R. Eintrag und Einkommen. Jena, 1907.

Bauer O. Mathematische Formeln gegen Tugan-Baranovsky // Die Neue Zeit. XXV. 1907. S.822-830.

Засулич В. Сборник статей: В 2 т. СПб. 1907. Т.I.

Каутский К. Тории кризисов. СПб., 1907.

1908 г.

Böhmert V. Rec. // Der Arbeiterfreund. Zeitschrift für die Arbeiterfrage. Organ des Central-Vereins für das Wohl der Arbeitenden Klassen. Berlin. 1908. XLVI. S.421. (Рецензия на кн.: «Современный социализм в своем историческом развитии»).

Decurtins C. Rec. // Monatsschrift für christliche Sozialreform. Basel. 1908. S.758-759. (Рецензия на кн.: «Современный социализм в своем историческом развитии»).

Kautsky K. Verelendung und Zusamenbruch. Die Neueste Phase des Revisionismus // Die Neue Zeit. XXVI (1907-1908). Bd.II. N42. S.540-551; N43. S.607-612. (По поводу кн.: «Современный социализм в своем историческом развитии»).

Каутский К. Обнищание и крушение. Новейшая фаза ревизионизма (По поводу книги М.И.Туган-Барановского «Современный социализм») / Пер. с нем. Дм.Лещенко. СПб., 1908. 65 с.

Чернов В. Социалистические этюды. М., 1908 (конфиск.).

1909 г.

Сапожников Н. Рецензия // Критическое обозрение. 1909. N5. С.48-53. (Рецензия на книгу: «Основы политической экономии»).

Bernstein E. Tugan-Baranovsky als Sozialist // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpilitik. Tubingen, 1909. N3. S.786-796.

Бернацкий М. Рецензия // Современный мир. 1909. N10. С.143-148. (Рецензия на кн.: «Основы политической экономии»).

1910 г.

Рецензия на «Вопросы обществоведения» // Русские ведомости. 5 января 1910.

Рецензия на «Вопросы обществоведения» // Речь. 25 января 1910. N24.

1911 г.

Parry C. Rec. // The Journal of Political Economy. Chicago. 1911. XIX. P.426-427. (Рецензия на кн.: «Современный социализм в своем историческом развитии»).

1913 г.

Рубакин Н.А. Среди книг. Опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей. Справочное пособие для самообразования и для систематизации и комплектования библиотек, а также книжных магазинов. Т.I,II. М., 1913.

Чудновский Г. Две теории кризисов // Просвещение. 1913. N11. С.13-22.

Albrecht G. Rec. // Volkswirtschaftliche Blätter. 1913. S.295. (Рецензия на кн.: «Социальная теория распределения»)

Albrecht Gerchard. Zur sozialen Theorie der Verteilung // Jahrbücher für Nationalökonomie. Leipzig; Tübingen, 1914. Bd.47.

Bucharin N. Eine Ökonomie ohne Wert // Neue Zeit (Stuttgart). 1914. Bd.32,1. N22. S.806-816; N23. S.850-858.

Shumpeter J. Das Grundprinzip der Verteilungstheorie // Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik. Tübingen, 1914. Bd.42.

Leskure J. Rec. // Revue d'économie politique. Paris. XXVIII. 1914. N1. P.116-117. (Рецензия на кн.: «Промышленные кризисы в Англии», изд. на фр. яз., Париж, 1913)

Streltzow R. Rec. // Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik. Tübingen, 1914. N1. S.227-228. (Рецензия на кн.: В поисках нового мира»)

Robertson D.H. Rec. // The Economis Journal. London -N.Y. XXIV. 1914. P.81-89. (Рецензия на кн.: «Промышленные кризисы в Англии», изд. на фр. яз.)

Schmoller G. Rec. // Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft in Deutschen Reiche. Munchen und Leipzig. XXXVIII. Bd.I. 1914. N2. S.441-442. (Рецензия на кн.: «Социальная теория распределения»).

Kellenberger E. Rec. // Zeitschrift für Sozialwissenschaft. Leipzig. 1914. N6. S.439-440. (Рецензия на кн.: «Со-

циальные основы распределения»)
Borgata J. Rec. // La Riforma Sociale. Torino. 1914. V.XXV. N6-7-8. P.727-728. (Рецензия на кн.: «Современный социализм в своем историческом развитии»)
Schmidt C. Rec. // Sozialistische Monatshefte. Berlin. 1914. XX. (Рецензия на кн.: «Социальная теория распределения»).

1915 г.

Иванков Д. К теории промышленных кризисов. (По поводу 3-го издания книги М.И.Туган-Барановского) // Современник. 1915. N2. С.109-132.
Hecker J.F. Russian Sociology. A contribution to the history of sociogogical thought and theory. New-York, 1915. p.224, 238.

Бунятян М.А. Экономические кризисы. Опыты морфологи и теории периодических кризисов и теории конъюнктуры. М., 1915. XXXIV. 303 с.
Böhm-Bawerk. Macht oder ökonomisches Gesetz // Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung Leipzig, 1915. Bd.23.

1916 г.

Маслов Сем. Что такое кооперация [Профессор М.И.Туган-Барановский. Социальные основы кооперации. М., 1916] // Кооперативная Жизнь (М.). 1916. N13-14. С.599-610.
Пажитнов К.А. [Рецензия на кн.:] М.И.Туган-Барановский. Социальные основы кооперации. М., 1916 // Современный Мир (Пг). 1916. N4. С.146-148.
Курской Л. Теория рынка и промышленных кризисов М.И.Туган-Барановского. М., 1916. 73 с.
Кондратьев Н.Д. [Рецензия] О книге: М.И.Туган-Барановский. Социальные основы кооперации. М., 1916. IV. 521 с. // Вестн.Кооперативных Союзов. 1916. N6. С.352-354.
Пажитнов К.А. О книге: М.И.Туган-Барановский. Социальные основы кооперации. М., 1916. IV, 521 с. / / Вестн. Кооперации (Пг.). 1916. N9. С.95-96.
Кондратьев Н.Д. Рецензия на кн. «Социальные основы

кооперации» // Вестник Европы. 1916. N6. С.352-354.

Грушевский М.С. Несколько слов об украинстве. // Речь. 9 июня 1916. (По поводу статьи М.И.Туган-Барановского в кн.: «Украинский народ в его прошлом и настоящем». Ч.II. Петроград. 1916.)

1918 г.

Николаев А.А. К вопросу о социальной природе кооперации: По поводу 2-го изд. «Социальные основы кооперации» Туган-Барановского // Вестн. Кооперативных Союзов (М.). 1918. Вып.II. С.345-357.

Пажитнов К.А. История кооперативной мысли. 2-е, доп. изд. Пг. 1918. С.267-272.

1919 г.

Мясников А.С. Промысловая кооперация и текущий момент // Промысловая кооперация (М.). 1919. N1. С.1-11.

Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооператизма-артельности. Пг., 1919.

В.С. [О книге] Туган-Барановский М.И. О кооперативном идеале (М., 1918) // Народное хозяйство (М.). 1919. N6. С.119.

Бухарин Н.И. Теоретическое примиренчество (Теория ценности г. Туган-Барановсвого) // Прил. к кн. Политическая экономия рантье. М., 1919. С.187-197. 204 с.

Ефремов С. До ідеалів молодости // Українська кооперація. Кн.2. Київ, 1919.

1920 г.

Liefmann R. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. 2-e Aufl. Bd.I - Bd.II.

1921 г.

Кулишер И. Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (в дореформенное время), постановка их в нашей литературе // Архив истории труда в России. Кн.1. Пг., 1921. С.11-33.

Cassel G. Theoretische Sozialökonomie. 2-e Aufl. Wiesbaden. 1921.

Hurwicz E. Rec. // Geisteskultur und Volksbildung. Monatschefte der Comeniusgesellschaft. Berlin. 1921. S.252. (По поводу кн.: «Коммунистические общины нашего времени»)

Rappoport J. Rec. // Archiv für Geschichte des Sozialismus und der Arbeitbewengung. Leipzig. 1921-1922. N2-3. S.441. (По поводу кн.: «Коммунистические общины нашего времени»)

Тотомианц В. Кооперация в России. Прага, 1922. С.10.

Bouniatian M. Les crises économiques: Essai de morphologie et théorie des crises économiques périodiques et de théorie de la conjoncture économique par Mentor Bouniatian / Traduit du russe par J.Bernard. Paris: Giard, 1922. XVII. 1. 988 p.

Diehl K. Rec. // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Jena. 1922. XIX. S. 164. (Рецензия на кн.: «Коммунистические общины нашего времени»)

Kautsky K. Rec. // Der Kampf. Sozialdemocratische Monatsschrift. Wien 1922. S.255. (Рецензия на кн.: «Коммунистические общины нашего времени»)

Salin E. Rec. // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Tübingen. 1922. N3. S.831. (Рецензия на кн.: «Коммунистические общины нашего времени»)

1923 г.

Мендельсон А.С. Проблема стоимости в экономической литературе на русском языке. Библиографический обзор. М.-Пг., 1923.

Schulzbah W. Rec. // Zeitschrift für Politik. Berlin. 1923. S.471. (Рецензия на кн.: «Коммунистические общины нашего времени»)

Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М., 1923. С.332-333.

1924 г.

Люксембург Р. Накопление капитала. Т.1-2. 3-е изд. М., 1924. 667 с.

1925 г.

Seraphim H.J. Neuere russische Wert- und Kapitalzinstheorien. Berlin; Leipzig, 1925. 194 S.

Тимошенко В.П. М.І.Туган-Барановський і західно-европейська економична думка: Промова з приводу пятых роковин смерти // Науковий юбилейний збірник Українського університету в Празі присвячений панові президентові Чеськословенскої Республікі проф. др. Т.Г.Масарикові. Прага, 1925. С.3-15.

Spiethoff Artur. Krisen // Handwörterbuch des Staatswissenschaften. Vierte Auflage. Bd. VI. Jena, 1925. S.8-91.

Skerst Z. von. Die Ausgestaltung der Gewerkvereinstheorie von Tornton-Brentano bis Tugan-Baranovsky und ihre Kritik in der deutschen Natzionalökonomie. Leipzig, 1925. X. 162 S. [Masch-shrift]

1926 г.

Гольман М.Б. Туган-Барановщина. Л., 1926. 101 с.

1927 г.

Masarick T. Predmova // M.I.Tugan-Baranovsky. Zaklady politicke ekonomie / Z predmovu J. Masarika. Praha, 1927.

Ammon A. Object und Grundbegriffe der theoretischen Nazionalökonomie. 2-t Aufl. 1927.

Zeleznoff V. Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart / Red. Mayera. Bd.1. Wien, 1927. S.151-181.

Hansen A. Business-cycle theory. Boston; N.Y., 1927. 218 p.

Mitchell W.C., prof. Business Cycles: The Problem and its Setting. V.I.Clivland, Mich., 1927.

1928 г.

Лозовіі А.Н. Профессор М.Туган-Барановський і его теорія кооперації // Прапор марксізму. Київ. 1928. N4 /5/. С.48-55.

Волгин В.П. История социалистических идей. Ч.I. М.-Л., 1928.

Oppenheimer F., prof. Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart. Bd. IV. Wien.,1928. S.305.

1929 г.

Pervushin S.A. Versus einer Theorie der wirtschaftlichen Konjunkturen, auf die Konjunkturentwicklung des Vorkriegszeit in Rusland angewandt // Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung. Sonderheft 12. Berlin, 1929.

1930 г.

Прагер П. Легальный марксизм // Пролетарская революция. 1930. N7-8, N9.

Keines J.M. A Treatise on Money. Vol.II. London, 1930.

Hansen A.H. Buisness Cycle and National Economy. N.Y., 1930.

Gotz W. Zum ökonomischen System Tugan-Baranovskys. Riga, 1930. 962 S.

Bouniatian Mentor. Les crises économiques: Essai de morphologie et théorie des crises économiques périodiques. 2-e éd. fr.rev. et augm. Paris: Giard, 1930. XVIII, 430 p. (Bibl. intern. d'éc.pol.).

Ангарский Н.С. Легальный марксизм: Краткий очерк. М., Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и сс.-поселенцев, 1930. 132 с.

Moisséev Moise. L'évolution d'une doctrine: La théorie des crises de Tugan-Baranovsky et la conception moderne des crises économiques // Revue d'histoire économique et sociale. Paris. Vol.XX. N1. 1932. P.1-43.

1933 г.

Лядов М.Н. Зарождение легального и революционного марксизма в России // Фронт науки и техники. М., Февраль 1933.

Schumpeter J.A. The Analysis of Economic Change // The Review of Economic Statistics. 1935.

Ibidem. Herdr. in: Readings in Business Cycle Theory. Philadelphia, 1944.

Кашин В.Н. Предисловие // Материалы по истории крестьянской промышленности. М.-Л., 1935.

Злотников М.Ф. К вопросу об изучении истории рабочего класса и промышленности: Критика «Русской фабрики» М.И.Туган-Барановского // Каторга и ссылка (М.-Л.). 1935. N1 (116). С.37-65.

1936 г.

Олейников Ю. От легального марксизма к «Вехам» // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А.Герцена. П. 1936.

Tschebotareff V. (Чеботарева Валентина Порфирьевна). Untersuchung über die Krisentheorie von Michael von Tugan-Baranovsky. Wurzburg, 1936. 57 S.

1938 г.

Струмилин С. [О книге:] Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. 7-е изд. М., 1938 // Историк-марксист (М.). 1938. N4. С.156-159.

1954 г.

Timoshenko V.B. M.I.Tugan-Baranovsky and Western European economic thought // Annals of the Ukrainian Acad. of Arts and Sciences in the US. N.Y. Vol.III. N3 (9). Spring, 1954. P.803-823.

1956 г.

Sweezy P.M. The Theory of Capitalist Development, Principles of Marxian Political Economy. N.Y.: Monthly Review Press, 1956.

1959 г.

Полевой Ю.З. Зарождение марксизма в России. 1889-1894. М., 1959.

История русской экономической мысли / Под ред. Н.А.Цаголова. Т.II, Ч.I. М., 1959.

1960 г.

История русской экономической мысли. т.1-3. / Отв. ред. Пашков А.И. М., 1955-1966.

Suranyi-Unger Theo. Die philosophischen Grundlagen wirtschaftspolitischer Zielsetzungen // Zur Grundlegung wirtschaftspolitischer Konzeptionen / Hrsg. von Prof. Dr. H.-J.Seraphim. Schriften des Vereins für Sozialpolitik // Neue Folge. Bd.18. Berlin, 1960. S.106-107.

1961 г.

Mendel Arthur P. Dilemmas of Progress in Tsarist Russia: Legal marxism and Legal Populism // Russian Research Center Studies. N43. Cambrige (Mass.): Harvard Univ.Press, 1961.

Schumpeter J.A. History of Economic Analysis. London, 1961. (1260 p.) P.879, 1126, 1130.

1962 г.

Kindersley R. The first Russian revisionists. A study of legal marxism in Russia. Oxford, 1962. [8], 260 p.

1963 г.

Власенко В.Е. Теории денег в России: конец XIX - дооктябрьский период XX века. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1963. 252 с.

1964 г.

Hansen A.H. Buisness Cycles and National Income. N.Y., 1964.

1965 г.

Kowal L.M. Economic doctrines of M.I.Tugan-Baranovsky. Urbana, 1965.

1966 г.

История русской экономической мысли. Т.3. Ч.2. М., 1966.

Domar E.D. Soviet collective farm as a producer cooperative // American Economic Review. 1966. Vol.56. N4. P.734-757.

1967 г.

Habova V. Zamyšlení nad úcením M.I.Tugan-Baranovskeho o cennosti a hodnoté za socialismu // Politická economie. 1967. Vol.16. N6. S.604-612.

Giffin F.C. Question of an effective progress of factory legislation in Russia: Years of preparation, 1859-1890 // Historian. 1967. Vol.29. N2. P.175-185.

1968 г.

Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли / Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. ак. А.М.Румянцева и др. М., 1968.

1969 г.

Stefanovič Milan. Teoria druzstevnictva. Bratislava, 1969. 429 s. S.17-18, 51, 80.

1970 г.

Oldak P.G. Analysis of concepts on value: labour theory and opposed theory of marginal utility // Problems of economics. 1970. Vol. 13. N6. P.47-67.

1971 г.

Булдаков В.П. Историографическая проблематика «легального марксизма» // Исторические записки. 1971. N87. С.287-333.

1972 г.

Blackwell W. Rec. // Slavic Review. 1972. N3. P.665-667. (Рецензия на американское издание кн. «Русская фабрика в XIX в.»)

Kowal L.M. Rec. // The Journal of Europian Economic History. Roma. 1972. N3. P.820-824. (Рецензия на американское издание кн. «Русская фабрика в XIX в.»)

1973 г.

Kowal L.M. Market and buisness theory of Tugan-Baranovsky // Rivista internazionale di science economiche e commerciale. 1973. V.20. N4. P.305-334.

1974 г.

Левин С.М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX - начало XX века. Л., 1974.

1978 г.

Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX - начала XX века. Л., 1978.

1982 г.

Gattrell P. Industrial expansion in tsarist Russia, 1908-14 // Economic History Review. 1982. Vol.35. N1. P.99-110.

1984 г.

Benner A. On the stability of the cooperative type of organisation // Journal of Comparative Economics. 1984. Vol.8. N3. P.247-260.

1985 г.

Balek J. K teorii hospodárske politiky jako vedni discipline. Discussion // Politická economie. 1985 Vol.33. N9. S.963-974.

Blaug M. Economic Theory in Retrospect. Fourth ed. Cambrige University Press. Cambrige - New York - Port Chester - Melbourn - Sydney, 1985.

1987 г.

Hildermeier M. The privilege of bachwardness. Remarks on the change of a figure of interpretation of modern russian history // Historische Zeitschrift. 1987. N3. S.558-603.

1988 г.

Benner A. Comparative empirical observation on worker-owned and capitalist firms // International journal of Industry. 1988. Vol.6. N1. P.7-31.

1989 г.

Соровина Г.Н. Предисловие к публикации «О кооперативном идеале» // Экономические науки. М., 1989. N4. С.48-49.

Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. / Редкол. Л.И.Абалкин (отв.ред.) и др. М., Экономика, 1989. 526 с. (Экономическое наследие). С. 51, 64, 75, 79, 173, 279, 299-300, 308, 339, 342, 455.

Выдрин Д.И. «Царство свободы растет медленно, но

неуклонно...» // Философская и социологическая мысль. 1989. N6.

Кочетыгова Ю.В. Эволюция этатического фактора в развитии русской промышленности: взгляд М.И. Туган-Барановского // Развитие системы производственных отношений социализма в условиях экономической реформы. М., 1989. С.208-222.

Королькова Е. М.И.Туган-Барановский: «Социализм начинается с человека» // Социалистическая индустрия. М., 15 декабря 1989 г.

Фещенко В.М. Михаил Иванович Туган-Барановский (1865-1919) // Очерки истории естествознания и техники. Укр. АН. Киев, 1989. Вып.36. С.122-124.

Развитие системы производственных отношений социализма в условиях экономической реформы / Отв.ред. Лыкова Л.Н., Мау В.А. М., 1989. 231 с. (Анализ экономических теорий А.В.Чаянова и М.И.Туган-Барановского). С.168, 208-222.

Howard M.C., King S.E. Russian revisionism and the development of marxian political economie in the early twentieth century // Studies in Soviet Thought. Dortrecht - Boston, 1989. v.37. N.2. P.95-117.

Bartoli H. La chronique de la pensée économique en Italie // Revue économique. P., 1989. Vol.40. N3. P.555.

Ульянова-Елизарова А.И. Воспоминания об Ильиче (Глава «Владимир Ильич в ссылке. 1897 г.») // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 томах. Т.1. Воспоминания родных. М. Политиздат, 1989. С.93.

Ульянова М.И. Воспоминания о Владимире Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 томах. Т.1. Воспоминания родных. М.Политиздат, 1989. С.257.

Крупская Н.К. // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 томах. Т.2. Н.К.Крупская. М., Политиздат, 1989. С.21.

Всемирная история экономической мысли. В шести томах. Том 3. Начало ленинского этапа марксистской экономической мысли. Эволюция буржуазной политической экономии (конец XIX - начало XX в.). М.: Мысль, 1989. С. 185-187, 189-191, 195-197, 199, 200, 203-207, 292, 367,394, 411, 428, 431-433, 448.

1990 г.

Н.Д.Кондратьев. М.И.Туган-Барановский // Истоки. М.: Экономика. 1990. Вып. 2. С.270-294.

Н.Д.Кондратьев. М.И.Туган-Барановский // ЭКО: экономика и организация промышленного производства. Новосибирск, 1990. N8. С.113-126.

Банков Е.Б. Политико-экономический анализ рыночного хозяйства в трудах М.И.Туган-Барановского и его современное значение. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата экономических наук. М. 1990. 20 с.

Банков Е.Б. Теория социализма М.И.Туган-Барановского // Проблемы преобразований хозяйственного механизма. М., 1990. С.50-64.

Субботина Т.П. Модель социализма М.И.Туган-Барановского // Вопросы экономики. 1990. N2. С.81-83.

Гребнев Л.С. О чем писал М.И.Туган-Барановский // Экономические науки. 1990. N5. С.72-79.

Фещенко В.М. Видатний вчений, публицист, громадський діяч: до 125 - річчя з дня нарождения академика М.И.Туган-Барановського. // Вісн. АН УРСР. Киев, 1990. N1. С.78-81.

Муханова Е.Б., Маневич В.Е., Чиркунова М.В. Из истории экономической мысли: (сб.) М.: Знание, 1990. 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер.: Экономика. 1990. N7) (М.И.Туган-Барановский, Н.Д.Кондратьев, Г.Я.Сокольников).

Субботина Т.П. Михаил Иванович Туган-Барановский. // Истоки. М.: Экономика, 1990. Вып. 2. С.268-269.

С.Н.Татарникова. М.И.Туган-Барановский о роли кооперации в строительстве социализма // Вестник МГУ. Сер.12. Социально-политические исследования. М., 1990. N6. С.82-88.

Королькова Е. Ему было что сказать // Диалог. М., 1990. N4. С.55.

Выдрин Д.И. Отец русской кооперации // Молодой коммунист. 1990. N3. С.53-58.

Гаврилкевич Т.В. Проблема места кооперации при социализме в воззрениях М.И. Туган-Барановского // Экономические законы социализма. М., 1990. С.25-31.

Бухарин Н. Теория распределения Туган-Барановского (публикация Леонова С., Филимоновой Т.) // Экономические науки. 1990. N2. С.76-89.

Пияшева Л.И. М.И.Туган-Барановский и современность // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып.II. М., 1990.

Татарникова С.Н. Туган-Барановский: в поисках новой соборности (К 125-летию со дня рождения): Вступительная статья к публикации: Выступление М.И. Туган-Барановского на собрании Петербургского (Петроградского) религиозно-философского общества 26 ноября 1914 г. // Вестник Московского университета. Сер.7. Философия. 1990. N1. С.65-73.

Всемирная история экономической мысли. В шести томах. Т. 4. Теории социализма и капитализма в межвоенный период. М.,: Мысль, 1990. С. 249.

Шухов Н.С. Туган-Барановский - выдающийся экономист России. // Из истории экономической мысли России (Очерки о творчестве А.И.Чупрова, М.И. Туган-Барановского, Н.Д. Кондратьева, Е.А. Преображенского, В.С. Немчинова) / Под ред. И.А. Климова, Ю.Я. Ольсевича. М., 1990. 85 с. С.20-35.

1991 г.

Банков Е.Б. Разработка проблем теории социализма в работах М.И. Туган-Барановского // Взгляды М.И. Туган-Барановского, А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, Л.Ю. Юровского и современность. М.: ИНИОН (Сер. Наследие отечественного обществоведения), 1991. С.13-34.

Сорвина Г.Н., Банков Е.Б., Плакин В.П. Экономические взгляды М.И .Туган-Барановского // Лекции по истории экономических учений в 4-х вып. / Под ред. д.эк.н., проф. Сорвиной Г.Н. / Вып.II, раздел I. Из истории отечественной экономической мысли. М.: Луч, 1991. С.82-120.

Королькова Е. Душа, преисполненная веры // Знание - сила. 1991. N2. С.68.

Татарникова С.Н. М.И.Туган-Барановский - мыслитель, демократ, экономист // Вопросы истории. 1991. N9-10. С.218-223.

Самсонова Т.Н., Татарникова С.Н. Идолы и идеалы на весах гуманизма: творчество М.И.Туган-Барановского (1865-1819) // Социально-политические науки. 1991. N10. С.75-83.

Шухов Н.С. Экономическая модель социализма М.И. Туган-Барановского // Его же. Политическая экономия социализма в 20-е годы. / АН СССР. М.: Наука, 1991. 311 с. С.261-287.

Валентинов Н. (Вольский). Из книги «Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина» // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 томах. Т.8. М.: Политиздат, 1991. С.226.

Кувакин И.В. Социальная философия М.И.Туган-Барановского. Автореферат дисс. на соискание уч. степ. к.ф.наук. М., 1991.

1992 г.

Сорвина Г.Н. Социальный идеал и логика развития рынка: Анализ творческого наследия М.И.Туган-Барановского // Вестник РАН. М. 1992. N11. С.109-125.

Sorvina. G.N. The Social Ideal and the Logic of the Market Development: an Analysis of M.I.Tugan-Baranovskii's Creative Heritage // Herald of the Russian Academie of Sciences: Official English Translation of Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk. M. Vol.62. N12. December 1992. P.855-862.

1993 г.

Васильева Р.Х., Горкина Л.П., Петровська та ін. Історія економічної думки України / Затверджено Міністерством освіти України як навчальний посібник для студентів економічних вузів і факультетів. Київ: Лібідь, 1993. 272 с.

Иванова М.Ю. «Гармоническое хозяйство». Социальный идеал М.И.Туган-Барановского // Былое. 1993. N2.

Злупко С.М. Михайло Туган-Барановський. Львів: Каменяр, 1993.

Воблый К.Г. Академик Михаил Иванович Туган-Барановский / Перевод с укр. С.Конончук, 1993 // Философская и социологическая мысль. Киев,

1993. N9-10. С.107-112.

1994 г.

Королькова Е.И. Предисловие к разделу «П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский» // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX - начала XX века. М., 1994. С.124-132.

Королькова Е.И. М.И.Туган-Барановский: Биографическая справка // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX - начала XX века. Избранные произведения. М., 1994. С.262-264.

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе / Пер. с англ. 4-го изд. М.: «Дело Лтд.», 1994. 720 с. С.623, 645.

Коваль Л. Михайло Іванович Туган-Барановський, український період у його житті і в науковій, політичній та публіцистичній праці // Історія народного господарства та економічної думки України. Респ. міжвід. збірник, вип. 26-27. 1994.

Туган-Барановский Д.М. Предисловие к неопубликованным письмам М.И.Туган-Барановского к П.Б.Струве «Я бы очень хотел, чтобы мы были с вами друзьями» // Вопросы экономики. 1994. N3. С.128-131. (Письма - С.132-136.)

1995 г.

Смирнов И.П. «От марксизма к идеализму : М.И.Туган-Барановский, С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев. М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1995. 285 с.

Mainwaring Lynn. Tugan's Bubble: underconsumption and crises in marxian model // Cambrige Journal of Economics. 1995. Vol.19. N2. P.305-321.

2.3. Информация о научных семинарах и кружках, работавших под руководством М.И.Туган-Барановского

Обзор деятельности научных кружков и семинариев при юридическом факультете Петербургского университета... Кружок и семинарий политической экономии М.И.Туган-Барановского // Вопросы Обществоведения. Вып.I. СПб., 1908. С.311-313.

Отчеты научных семинариев и кружков юридического

факультета С.-Петербургского университета. Научные организации по политической экономии под руководством М.И.Туган-Барановского. // Вопросы Обществоведения. Вып.II. СПб., 1910. С.352-354.

Отчеты научных семинариев и кружков юридического факультета С-Петербургского университета. Научные организации по политической экономии под руководством М.И.Туган-Барановского. 1. Кружок политической экономии (С.318-325). 2. Просеминарий политической экономии (С.325-329). 3. Семинарий политической экономии (С.329-336.) // Вопросы Обществоведения. Вып.III. СПб., 1911. С.318-336.

2.4. Известные библиографии трудов М.И.Туган-Барановского

Мицюк О.К. Наукова діяльність політико-економіста М.Туган-Барановского. Львів, 1931. С.35-38.

Amato S. Ricerca Bibliografica su M.I.Tugan-Baranovskij. 1865-1919 / S.Amato: prefazione di L.de Rosa. Firenze: Universita di Firenze. Facolta di magistero, 1980. XI. 222 p.

Библиография // Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 1989. С.489-493.

Список основных праць М.І.Туган-Барановського // М.І.Туган-Барановський. Політична економія: Курс популярний. Київ, 1994. С.255-262.

Смирнов И.П. От марксизма к идеализму: М.И.Туган-Барановский, С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев. М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1995. 285 с. С.238-241, 278-280.

ПРИМЕЧАНИЯ

Три великих этических проблемы

(Нравственное миросозерцание Достоевского)

Впервые под названием «Нравственное миросозерцание Достоевского» статья была опубликована в 1908 г. в издававшемся под редакцией М.И. Туган-Барановского и П.И. Люблинского журнале «Вопросы обществоведения. Орган академической и научной жизни» (СПб., N1, с.243-259). В 1912 г. под названием «Три великих этических проблемы» статья была включена в сборник социально-философских и этических работ М.И. Туган-Барановского «К лучшему будущему» (СПб., 230 с.). Печатается по тексту данного сборника.

с.19*. Достоевский Федор Михайлович (1821-1881) — русский писатель, член-корр. Петербургской Академии наук (1877). Участник кружка Петрашевского, 1849 г. арестован, приговорен к смертной казни, замененной каторгой (1850-54). Все романы Достоевского отличались глубочайшим философским содержанием, оказали большое влияние на развитие русской гуманистической философской мысли.

с.19**. Белинский Виссарион Григорьевич (1811-1848) — русский литературный критик, публицист, революционный демократ.Эволюционировал от идеализма Шеллинга и Гегеля к материализму. Разработал положения реалистической эстетики и литературной критики, основанные на конкретно-историческом анализе явлений искусства. Утвердил принципы натуральной школы.

с.20*. Ницше Фридрих (1844-1900) — немецкий философ, представитель волюнтаризма и иррационализма, один из родоначальников неклассической философии, поэт. Пытался преодолеть рациональность философского метода — понятия не выстраиваются у него в систему, а предстают как многозначные символы. В своем учении о «Сверх-

человеке» довел до крайнего предела традиции европейского индивидуализма.

с.20*. Кант Иммануил (1724-1804) — великий немецкий философ и ученый, родоначальник немецкой классической философии. Особую популярность приобрел благодаря оригинальной этической теории, обосновывающей верховную ценность человеческой личности.В то же время Кант признавал необходимость института частной собственности, чем, по мнению многих социалистов, вступал в противоречие с собственным этическим учением.

с.26*. Кеплер Иоганн (1571-1630) — немецкий астроном, открывший три закона движения планет относительно Солнца.

с.26**. Ньютон Исаак (1643-1727) — английский математик, астроном, механик и физик. Открытые им три закона легли в основу т.н. классической физики.

с.34*. парагвайское государство иезуитов — государство, основанное членами монашеского ордена иезуитов в Парагвае в 1610 г. и просуществовавшее вплоть до 1768 г. В основу построения этого государства были положены принципы организации ордена: строгая централизация, беспрекословное повиновение младших по положению старшим, абсолютный авторитет главы ордена.

Почему пало крепостное право

Впервые статья была опубликована в сборнике М.И. Туган-Барановского «К лучшему будущему» (СПб., 1912 г.) и представляет собой краткое резюмирование взглядов автора на особенности российского крепостничества и причины его падения. Детальное исследование этих проблем было представлено в таких его работах как «Крепостная фабрика» (в шеститомнике «Великая реформа, русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем», т.3, М., 1911), «Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование», т.1, СПб., 1898.

с.40*. Имеется в виду Российская императрица Екатерина II, которая усилила закрепощение крестьян, что во многом способствовало восстанию под предводительством Е. Пугачева.

с.41*. Николай I (1796-1855) — российский император с

1825 г., третий сын Павла I. Подавил восстание декабристов, разгромил Польское восстание 1830-31 гг. и революцию в Венгрии 1848-49 гг. Преследовал свободомыслие.

с.41**. Сперанский Михаил Михайлович (1772-1839) — граф, русский государственный деятель. С 1808 г. ближайший советник Александра I, автор либеральных преобразований, инициатор создания Государственного совета. При Николае I руководил кодификацией Основных государственных законов Российской империи.

с.44*. Имеются в виду крестьянские восстания под предводительством С.Разина в 1670-71 гг. и Е.Пугачева в 1773-75 гг.

с.45*. *посессионные фабрики* — предприятия в России 18 — I пол. 19 вв., где работали прикрепленные к ним крепостные крестьяне, называвшиеся посессионными. Юридически санкционированы указами 1721 г. о покупке людей для заводов и 1736 г. о прикреплении мастеровых. Упразднены благодаря крестьянской реформе 1861 г.

Герцен и Чернышевский

Впервые статья была опубликована в сборнике работ М.И. Туган-Барановского «К лучшему будущему» (СПб., 1912), по тексту которого она печатается в настоящем издании.

с.48*. Герцен Александр Иванович (1812-1870) — русский писатель и публицист, философ, социалист. Выступил с критикой славянофильства и идеологии «официальной народности», был одним из лидеров левого крыла западников. После поражения революции 1848-49 гг. разочаровался в возможностях Запада и разработал теорию «русского социализма», став одним из основоположников народничества. Неоднократно выступал с резкой критикой любых вариантов уравнительного социализма (Бабеф, Кабе).

с.48**. Чернышевский Николай Гаврилович (1828-1889) — русский ученый, писатель, литературный критик, социалист. Стоял на позициях антропологического материализма, близкого к философии Фейербаха. Считал социализм обусловленным всем развитием человечества, однако для России усматривал возможность перехода к социализму через крестьянскую общину. Чернышевский явился одним из вдохновителей революционного движения в Рос-

сии 60-х гг. 19 в.

с.49*. «Современник» — революционно-демократический журнал, основанный Белинским в 1847 г. В период 1856-62 гг. идейным вдохновителем и одним из руководителей журнала являлся Чернышевский.

с.49**. «Колокол» — первая российская революционная газета, издававшаяся в период 1857-1867 гг. Герценом и Огаревым первоначально в Лондоне, а затем в Женеве.

с.49***. Булгарин Фаддей Венедиктович (1789-1859) — русский журналист, писатель, противник прогрессивных преобразований в России. Издавал реакционную газету «Северная пчела» (1825-59, с 1831 г. совместно с Гречем) и журнал «Сын Отечества» (1825-39 г. совместно с Гречем). Автор ряда исторических романов.

с.49****. Греч Николай Иванович (1787-1867) — русский журналист, писатель, филолог, член-корр. Петербургской Академии наук. В 1812-39 гг. издавал (с 1825 г. совместно с Булгариным) журнал «Сын Отечества», в 1831-59 гг. совместно с ним же газету «Северная пчела». Сторонник официальной народности.

Русская интеллигенция и социализм

(по поводу сборника «Вехи»)

Впервые опубликована в антивеховском сборнике статей «Интеллигенция в России» (СПб., 1910), затем вошла в сборник «К лучшему будущему» (СПб., 1912), по тексту которого печатается в настоящем издании.

с.52*. Бюхер Карл (1847-1930) — немецкий экономист, статистик, представитель «новой исторической школы». Его работы содержат обширный фактический материал по численности населения средневековых городов, организации ремесел и др.

с.55*. Пестель Павел Иванович (1793-1826) — декабрист, основатель и директор Южного общества декабристов. Автор программного документа «Русская правда», в аграрной части которого содержалось требование уничтожения крепостничества, конфискации крупных латифундий, наделение крестьян землей.

с.56*. Огарев Николай Павлович (1813-1877) — русский революционер, поэт, публицист, друг и соратник Герцена. В 1831 г. ими был организован революционный кружок в Москве.

с.59*. Франк Семен Людвигович (1877-1950) — русский философ и психолог. В юности увлекался социализмом и был последователем Маркса, позже — перешел на позиции религиозной философии, в области политики стал сторонником либерального консерватизма. В 1922 г. выслан из советской России. В сборнике «Вехи» выступил со статьей «Этика нигилизма».

с.59**. Струве Петр Бернгардович (1870-1944) — русский политический деятель, экономист и философ. Первоначально стоял на позициях марксизма, участвовал в работе II Интернационала и РСДРП. Позже перешел на либеральные позиции, был членом ЦК кадетской партии. После октябрьской революции эмигрировал за границу. В сборнике «Вехи» выступил со статьей «Интеллигенция и революция».

с.59***. Булгаков Сергей Николаевич (1871-1944) — русский философ и экономист. В молодости занимался аграрными проблемами политической экономии, был сторонником марксизма. Позже перешел на позиции религиозной философии, в 1918 г. принял сан священника, в 1923 г. эмигрировал за границу. В сборнике «Вехи» выступил со статьей «Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции)».

с.60*. Предисловие к «Вехам» написал Гершензон Михаил Осипович (1869-1925) — русский историк литературы и общественной мысли, инициатор сборника «Вехи», где выступил со статьей «Творческое самосознание». После октябрьской революции остался в России, сотрудничал с советской властью, был первым председателем Всероссийского съезда писателей.

с.62*. — имеется в виду Струве П.Г., бывший в 1902-1905 гг. редактором нелегального журнала «Освобождение».

с.64*. Боборыкин Петр Дмитриевич (1836-1921) — русский писатель, почетный академик Петербургской Академии наук.

с.64**. Писарев Дмитрий Иванович (1840-1868) — русский публицист, литературный критик, философ, социалист. Выдвинул идею достижения социализма через индустриальное развитие страны («теория реализма»).

с.64***. Лавров Петр Лаврович (1823-1900) — русский философ и публицист, один из идеологов революционного народничества.

с.65*. Каутский Карл (1854-1938) — один из лидеров и

теоретиков немецкой социал-демократии и II Интернационала. Известен работами по истории социалистических учений, теории пролетарской революции, аграрным вопросам.

с.431. «Die Intelligenz und die Socialdemokrtia» (нем.) — «Интеллигенция и социал-демократия».

с.66*. Жорес Жан (1859-1914) — руководитель французской социалистической партии. Основатель газеты «Юманите» (1904). Страстный борец против колониализма, милитаризма и войны. Убит в канун I мировой войны.

с.67*. Лафарг Поль (1842-1911) — один из основателей французской Рабочей Партии, член I-го Интернационала. Имел труды по философии, политической экономии, языкознанию, литературоведению. Был женат на дочери Маркса Лауре.

с.67**. «Фабианское общество» — организация английской интеллигенции, основана в 1884 г. Одним из организаторов общества был Сидней Вебб (см. примечание к с.243). Пропагандировало идеи постепенного преобразования капиталистического общества в социалистическое. После создания в 1900 г. лейбористской партии вошло в ее состав.

Марксизм и народничество

Впервые статья была опубликована в сборнике работ М.И. Туган-Барановского «К лучшему будущему» (СПб., 1912).

с.74*. Воронцов Василий Павлович (1847-1918) — русский экономист, публицист, один из идеологов либерального народничества 80-90-х гг. 19 в. Известен своей полемикой с русскими марксистами. Часто выступал под псевдонимом В.В.

Кант и Маркс

Работа была написана и впервые опубликована в качестве предисловия к книге К.Форленда «Кант и Маркс. Очерки этического социализма» (СПб., 1909). В 1911 г. опубликована в Германии в виде рецензии на данную книгу Форлендера (Archiv fur Sozialwisenschaft und Sozialpolitik. Tubingen, Bd.33. 1911. N1). В 1912 г. включена в сборник «К лучшему будущему» (СПб., 1912), по тексту которого публикуется в настоящем издании.

с.76*. Маркс Карл (1818-1883) — немецкий философ, экономист, родоначальник научного социализма. Основной экономико-философский труд — «Капитал» (I том — 1867 г.). См. очерк Туган-Барановского «Маркс» (наст. изд., с.203-256).

с.76**. Форлендер Карл (1860-1928) — немецкий философ, социал-демократ, представитель марбургской школы неокантианства, один из ведущих теоретиков этического социализма.

с.76***. Каутский Карл (1854-1938) — один из лидеров и теоретиков немецкой социал-демократии и II Интернационала. В данной статье Туган-Барановский говорит об одной из наиболее известных работ Каутского «Аграрный вопрос» (1899, русск. пер. 1900).

Книга Зомбарта о социализме

Работа была написана и впервые опубликована в качестве предисловия к книге Зомбарта «Организация труда и трудящихся». (СПб., 1901). В 1912 г. включена в сборник «К лучшему будущему» (СПб., 1912), по тексту которого публикуется в настоящем издании.

с.80*. Зомбарт Вернер (1863-1941) — немецкий экономист, историк. В молодости испытал значительное влияние идей К. Маркса. Один из авторов «Теории организованного капитализма».

Утопический социализм

с.87*. Дюринг Евгений (1833-1921) — немецкий философ, занимался проблемами политический экономии, права, теории литературы. Считал причиной социального неравенства и эксплуатации насилие, усматривал путь социалистических преобразований через кооперацию мелких производителей. Полемика Ф.Энгельса с Дюрингом («Анти-Дюринг») является одним из главных философских произведений классического марксизма.

Оуэн

Очерк «Оуэн» впервые был опубликован М.И.Туган-Барановским в журнале «Мир Божий» (СПб., 1901, № 6,

с.139-153). Впоследствии был включен им в неоднократно переиздававшийся сборник «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма», по тексту седьмого издания которого печатается здесь.

с.88*. «...мы уже видели малообразованного биржевого игрока в роли замечательного теоретика политической экономии» — имеется в виду Д.Рикардо (1772-1823), один из классиков английской политической экономии. Разбору его концепции посвящен один из очерков М.И. Туган-Барановского в книге «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма». (Харьков, 1919, с55-67).

с.91*. Бентам Иеремия (1748-1932) — английский философ и юрист, родоначальник утилитаризма. Утверждал руководящим принципом поведения принцип полезности, отождествляя нравственный идеал с наибольшим счастьем наибольшего числа людей.

с.96*. Чартизм (от англ. charter — хартия) — первое массовое движение пролетариата в Великобритании в 1830-50 гг. Требовали введения всеобщего избирательного права (для мужчин), законодательного ограничения рабочего дня, повышения зарплаты. Конвент в 1851 г. выдвинул социалистические требования.

с.97*. Голайок (Голейок, Холейок) Джордж Джакоб (1817-1906) — ученик Оуэна, видный деятель кооперативного движения, один из основателей знаменитого общества «Рогдельских пионеров». В 1846 г. основал журнал «Resoner», где выделил раздел для освещения вопросов кооперативного движения. Основные произведения: «История рогдельских пионеров» (1857), «История кооперации» (2 тт., 1897), «Кооперация в наши дни» (рус.пер.: «Современное кооперативное движение», Пг., 1918).

с.104*. Точное название этой работы: «An Explanation of the cause of the distress with pervades the eivilized parts of the world» (1823) (рус.пер. нет).

с.108*. «A book of the new moral world» (англ.) — «Книга о новом нравственном мире» (1842-1844) — одно из главных произведений Оуэна. До 1950 г. было единственным переведенным на русский язык (1893) полным произведением Оуэна. Впоследствии неоднократно переиздавалось.

Сен-Симон и сен-симонисты.

Очерк «Сен-Симон» впервые был опубликован М.И. Туган-Барановским в журнале «Мир Божий» (СПб., 1901, № 7, с.62-82). Впоследствии был включен им в неоднократно переиздававшийся сборник «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма», по тексту седьмого издания которого (Харьков, 1919, с.86-108) печатается здесь.

с.108*. Физиократы — одна из ранних школ классической политэкономии, особенно распространенная во Франции во 2-ой пол. 18 в. (Ф.Кенэ, А.Р.Тюрго и др.). Первыми перенесли предмет исследования политэкономии из сферы обращения в сферу производства, заложили основы теории общественного воспроизводства. Прибавочный продукт, по их учению, создается только сельскохозяйственным трудом.

с.108**. Кенэ Франсуа (1694-1774) — французский экономист, один из виднейших представителей школы физиократов. Особую известность приобрел как составитель первой таблицы общественного воспроизводства, чем положил начало целому направлению в экономической науке. По профессии врач.

с.108***. Тюрго Анн Робер Жак (1727-1781) — французский экономист-физиократ, философ, государственный деятель. Выдвинул один из первых вариантов теории общественного прогресса, впервые рассматривал собственность на средства производства в качестве основы деления общества на классы. На посту генерального контролера финансов (1774-1776) провел ряд реформ в духе физиократов.

с.108****. Смит Адам (1723-1790) — шотландский экономист, один из крупнейших представителей классической политической экономии, автор знаменитой книги «Исследование о природе и причинах богатства народов». Превратил политическую экономию в стройную систему знаний, отвечающую идеалам рациональности классической науки. Выдвинул идею о человеческом труде как о единственном источнике стоимости товаров, однако последовательно провести этот принцип применительно к буржуазному производству не смог. Обосновывал необходимость господства личного интереса над общественным в поступках человека.

с.108*****. Сэй Жан Батист (1767-1832) — французский

экономист, автор одного из первых учебников по политической экономии, Известен так же своими работами в области общественного воспроизводства и теории кризисов.

с.109*. Карл Великий (742-814) — король франков с 768 г., с 800 г. — император, основатель династии Каролингов. Его завоевания привели к образованию обширной империи, которая распалась вскоре после его смерти. Его политика способствовала формированию в Западной Европе феодальных отношений.

с.110*. Даламбер Жан Лерон (1717-1783) — знаменитый французский математик, механик, философ-просветитель. С 1764 г. — иностранный почетный член Петербургской Академии наук. Совместно с Дидро работал над созданием «Энциклопедии». Разработал принцип, позволяющий применять к решению задач динамики более простые методы статики. В решении основных философских вопросов склонялся к скептицизму. Выступал с критикой церкви.

с.112*. Сталь Анна Луиза Жермена де (1766-1817) — французская писательница, автор известных романов «Дельфина» (1802), «Корина или Италия» (1807), а также книги «О литературе, рассматриваемой в связи с общественными установлениями» (1800). Сыграла видную роль в формировании французского романтизма.

с.113*. «Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains» (франц.) — «Письма женевского обывателя к современникам»- первое произведение Сен-Симона, изданное в Женеве в 1803 г.

с.117*. Конт Огюст (1798-1857) — французский философ, один из основоположников позитивизма и научной социологии. В 1817-22 гг. был секретарем Сен-Симона. Отстаивал тезис, что ни наука, ни философия не способны ответить на вопрос о причинах явлений, а могут говорить лишь о том, как они происходят. Развивал идею Сен-Симона о трех стадиях интеллектуальной эволюции человечества — теологической, метафизической и позитивной. Социология Конта разделяется на социальную статику, имеющую дело с устойчивыми условиями существования общества, и социальную динамику, изучающую законы естественного развития. Известен также как автор оригинальной системы классификации наук.

с.117**. Тьери (Тьерри) Огюстен (1797-1877) — французский историк, один из основателей романтического направления. Одним из первых исследовал роль классовой

борьбы и классового интереса в развитии общества. Основу классового деления общества он видел в отношениях собственности, происхождение которых, в свою очередь, объяснял завоеванием.

с.117***. «Le nouveau christianisme» (франц.) — «Новое христианство». Основное произведение Сен-Симона (русск.пер. в кн. Сен-Симон, Избр.соч., т.2, М.-Л., 1948). Впервые опубликовано в 1825 г. в Женеве.

с.120*. «Système industriel» — «О промышленной системе» — работа Сен-Симона впервые издана в 1821 г. Русский перевод в кн.: Сен-Симон, Избр.соч., т.2, М.-Л., 1948. В этой работе Сен-Симон формулирует свое представление о трех стадиях развития истории человечества.

с.120**. «Catéchisme des Industriels» (франц.) — «Катехизис промышленников» — впервые издано в 1824 г. Русский перевод в кн.: Сен-Симон, Избр.соч., т.2, М.-Л., 1948. В этой работе Сен-Симон предпринял попытку объяснить основные события политической истории Франции борьбой земледельческой аристократии с промышленным классом.

с.120***. «Le nouveau christianisme» (франц.) — см. примечание к с.119.

с.127*. Базар Сен-Аман (1791-1832) — французский социалист-утопист, ученик Сен-Симона. После смерти учителя один из «отцов» сенсимонистской общины. В тексте седьмого издания «Очерков» пропущена часть данного предложения. Текст восстановлен по первому изданию очерка «Сен-Симон» («Мир Божий», СПб., 1901, № 7, С.98).

с.127**. Анфантен Бертелеми-Проспер (1796-1864) — французский социалист-утопист, ученик Сен-Симона. После смерти последнего один из «отцов» сенсимонистской общины. В наибольшей степени способствовал превращению сенсимонизма в религиозную секту.

с.128*. Июльская монархия — период правления французского короля Луи-Филиппа (из последней — Орлеанской — ветви династии Бурбонов) между Июльской (1930) и Февральской (1848) революциями.

с.128**. Блан Луи (1811-1882) — французский социалист-утопист. В период революции 1848 г. — член Временного правительства. Считал, что ликвидировать капиталистическую эксплуатацию возможно без революционной борьбы путем создания общественных мастерских и введения всеобщего избирательного права. Туган-Барановский

ссылается на наиболее известную работу Блана «L'histoire de dix ans» (франц.) — «История десяти лет».

с.131*. «Exposition de la doctrine de Sain- Simon» (франц.) — «Изложение учения Сен-Симона» (ч.1-2, 1829-1830) — работа учеников Сен-Симона, прежде всего Базара и Анфантена.

с.132*. Laissez faire, laissez passer (франц.) — букв. «не мешайте, дайте пройти». Согласно одной из версий эта фраза была сказана французским промышленником в ответ на вопрос министра финансов Людовика XIV Кольбера, чем может помочь государство развитию национальной экономики.Впоследствии превратилась в лозунг, означающий свободу частного предпринимательства, его независимость от государственного вмешательства.

Фурье

Очерк «Фурье» впервые опубликован Туган-Барановским в журнале «Мир Божий» (СПб., 1901, № 9, с.216-232). Впоследствии был им включен в неоднократно переиздававшийся сборник «Очерки из новейшей истории политической экономии социализма», по седьмому изданию которого (Харьков, 1919, с.108-128) печатается здесь.

с.138*. «Théorie des quatre mouvements» (франц.) — сокращенное название первого крупного произведения Фурье «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808), содержащего острую критику современного ему общества.

с.140*. Консидеран Виктор (1808-1893) — французский социалист-утопист, ученик Ш.Фурье. Выступал с идеей примирения классов путем создания ассоциации производителей.

с.140**. «Destinée Sociale» (франц.) — «Судьба общества» — одно из главных произведений Консидерана, в котором представлено наиболее полное изложение учения Фурье. (Considerant V. Destiné Sociale. Paris. 1848-1849, т. 1, 2). (русс. пер. нет).

Критический социализм

Прудон

с.162*. Бастиа Фредерик (1801-1850) — французский экономист, один из авторов теории гармонии интересов труда и капитала, отрицал наличие эксплуатации при капитализме.

Очерк «Прудон» впервые был опубликован М.И. Туган-

Барановским в журнале «Мир Божий» (СПб., 1902, № 2, с.77-100). Впоследствии был включен в сборник «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма», по тексту седьмого издания которого (Харьков, 1919, с.190-217) печатается здесь.

с.165*. «La propriété c'est le vol» (франц.) — «собственность есть кража» — знаменитый афоризм Прудона, ставший впоследствии одним из главных лозунгов анархизма.

с.166*. Луи-Филипп (1773-1850) — французский король из последней Орлеанской ветки Бурбонов. Возведен на престол в результате Июльской революции (1830), низложен Февральской революцией (1848).

с.168*. «Qu'est ce que la propriété? Le mémoire» (франц.) — «Что такое собственность? Мемуар». — одно из главных произведений Прудона, написанное в 1840 г. Русский пер. 1907.

с.168**. Руссо Жан-Жак (1712-1778) — знаменитый французский писатель и философ, один из представителей французского Просвещения. Совместно с Дидро и его единомышленниками принимал участие в создании «Энциклопедии». Один из создателей теории «общественного договора». В данном случае Туган-Барановский имеет в виду работу Руссо «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?».

с.168***. Локк Джон (1632-1704) — выдающийся английский философ, представитель эмпиризма. Основная работа «Опыт о человеческом разумении» (1690, рус.пер. 1988), в которой доказывается отсутствие в человеческом мышлении врожденных идей и принципов — как научно-теоретических, так и нравственных, обосновывается тезис о чувственно-эмпирическом происхождении всего человеческого знания. В области политической экономии особо известен разработкой проблематики денежного обращения, представленной в работе «Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышения стоимости денег» (русск.пер. нет).

с.168****. Бастиа Фредерик — см. примечание к стр.164.

с.168****. Тьер Адольф (1798-1877) — французский историк и политический деятель. В 1871-1873 — президент Франции, жестоко подавивший Парижскую коммуну. Один из создателей теории классовой борьбы.

с.170*. «La propriété c'est le vol» (франц.) — см. примечание к стр.166.

с.171*. Жирондисты — политическая группировка периода Великой французской революции, выступавшая с республиканскими лозунгами и представлявшая торгово-промышленную и земледельческую буржуазию. После свержения монархии 1792 г. стали у власти, низложены в 1793г. в результате народного восстания. Многие лидеры были казнены.

с.171**. Бриссо Жак Пьер (1754-1793) — деятель Великой французской революции, лидер жирондистов. Казнен по приговору революционного требунала.

с.171***. Оуэн Роберт (1771-1858) — один из крупнейших представителей утопического социализма, идеи которого оказали огромное влияние на развитие кооперативного движения 19 в. См. очерк Туган-Барановского «Оуэн» (наст.изд. с.89-108).

с.171****. Родбертус (Родбертус-Ягецов) Карл Иоганн (1805-1875) — экономист, ведущий представитель немецкого социализма. См. очерк Туган-Барановского «Родбертус» (наст.изд. с.166-202).

с.173*. «Théorie de là propriété» (франц.) — «Теория собственности» — одно из последних сочинений Прудона.

с.174*. «Système des contradictions économiques ou Philosophie de misère» (франц.) — «Система экономических противоречий или Философия нищеты» (1846) — одно из основных произведений Прудона. Критическому разбору этой книги посвящена известная работа Маркса «Нищета философии».

с.174**. Гильдебранд (Хильдебранд) Бруно (1812-1878) — немецкий экономист и статистик, основатель исторической школы в политической экономии. Видел задачу экономической науки в описании хозяйственных явлений, отрицал наличие общих для всех капиталистических стран объективных законов, подчеркивал неповторимость экономического развития каждой страны.

с.174***. Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770-1831) — немецкий философ, один из крупнейших представителей немецкой классической философии. Создатель спекулятивной (диалектической) логики, не признающей запрета противоречия и рассматривающей последнее в качестве истинного состояния мышления и бытия. На основании своего диалектического метода впервые представил историю человечества как результат непрерывного развития и разрешения противоречий духовной культуры. Стоял на позициях объективного идеализма.

с.176*. Гутенберг Иоганн (между 1394-99 — 1468) — немецкий изобретатель книгопечатания, в середине 15 в. напечатал т.н. 42-строчную Библию — первое полнообъемное печатное издание в Европе.

с.176**. Аркрайт Ричард (1732-1792) — английский предприниматель, прославился широким внедрением в производство прядильных машин с приводом от водяного колеса, благодаря чему сумел создать первые прядильные фабрики.

с.176***. Жаккард Жозеф Мари (1752-1834) — французский изобретатель, создавший приспособление для выработки крупноузорчатых тканей («машина Жаккарда»).

с.176****. Уатт Джемс (1736-1819) — английский изобретатель, создатель универсального теплового двигателя — знаменитой «машины Уатта», сыгравшей большую роль в переходе от мануфактуры к машинному производству.

с.180*. Лоу (Ло) Джон (1671-1729) — шотландский экономист и финансист, министр финансов Франции (1719-1720); известен своей спекулятивной деятельностью по выпуску бумажных денег, закончившейся полным крахом.

Родбертус

Очерк «Родбертус» впервые был опубликован М.И.Туган-Барановским в журнале «Мир Божий» (СПб., 1902, № 3, с.168-180), впоследствии был включен в сборник «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма», по тексту седьмого издания которого (Харьков, 1919, с.202-217) печатается здесь.

с.182*. Ландтаг — первоначально такое название носили органы сословного представительства в немецких княжествах. В период жизни Родбертуса (до 1871 г.) так назывался представительный орган Северогерманского Союза.

с.182**. Кирхман Юлиус (1802-1884) — немецкий юрист и философ. «Социальные письма к Кирхману» (1851) является одной из основных работ Родбертуса, содержащей, в частности, его критику теории ренты Д.Рикардо.

с.182***. Лассаль Фердинанд (1825-1864) — немецкий социалист, организатор и руководитель Всеобщего германского рабочего союза, поддерживал политику объединения Германии под гегемонией Пруссии. Автор теории «Железного закона заработной платы».

с.183*. Шульце Делич Франц Герман (1808-1883) — не-

мецкий политический деятель и экономист. В 1848 г. был председателем комиссии национального собрания для изучения рабочего вопроса. Явился инициатором широкомасштабного создания в Германии кредитных, снабженческо-сбытовых и потребительских кооперативов, видел в них единственный путь избавления от нужды пролетариата. В 1959 г. созвал первый кооперативный конгресс немецких обществ. В области экономической теории стоял на точке зрения гармонии интересов труда и капитала.

с.191*. «Капитал» — под таким названием была издана в России работа Родбертуса «Четвертое социальное письмо к Кирхману» (СПб., 1906), в которой наиболее полно представлены взгляды на природу капитала известного экономиста.

с.196*. «Zur Belenchtung der socialen Frage» (нем.) — одна из последних работ Родбертуса, русск.пер. нет.

с.197*. Историческая школа — направление в политической экономии, возникшее в середине 19 в. в Германии. Ее представители (В.Рошер, Б.Гильдебранд, К.Кинс и др.) видели задачу экономической науки в описании хозяйственных явлений, уникальных и неповторимых для каждой страны, отрицали наличие общих для всех капиталистических стран объективных законов.

Маркс

Очерк «Маркс» впервые был опубликован М.И.Туган-Барановским в журнале «Мир Божий» (СПб., 1902, № 7, с.160-190; № 8, с.239-276; № 9, с.272-303), впоследствии был включен в сборник «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма», по тексту седьмого издания которого (Харьков, 1919, с.217-259) печатается здесь.

с.202*. Данте Алигьери (1265-1321) — итальянский поэт эпохи конца средневековья — раннего Возрождения, создатель итальянского литературного языка. Автор знаменитой поэмы «Божественная комедия» (1307-1321), изданной лишь в 1472 г.

с.203*. Либкнехт Вильгельм (1826-1900) — деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей (1869) социал-демократической партии Германии. Автор книги «Воспоминания о Карле Марксе».

с.204*. Бауэр Бруно (1809-1882) — немецкий философ-

младогегельянец. Известен своей критикой достоверности евангельских сюжетов с позиции гегелевского учения об историческом развитии человеческого самосознания. Отвергал рельность Иисуса Христа.

с.204**. Эпикур (341-270 до н.э.) — древнегреческий философ. Признавал бытие богов, но утверждал их невмешательство в жизнь человека. Основатель особого учения о путях достижения счастья. Долгое время считалось, что учение Эпикура об атомах полностью заимствовано им у Демокрита. Доказательству принципиальных различий натурфилософий Демокрита и Эпикура и была посвящена докторская диссертация Маркса (1841).

с.206*. Фейербах Людвиг (1804-1972) — немецкий философ-материалист. Религию истолковывал как отчуждение человеческого духа, источник которого — чувство зависимости человека от стихийных сил природы и общества. Основу нравственности усматривал в стремлении человека к счастью, достигаемому посредством «религии любви».

с.207*. «Reinisch Zeitung» — полное название «Reinisch Zeitung fur Politik, handel und Gewerbe» («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кельне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. Одним из редакторов этой газеты был молодой Маркс.

с.208*. Руге Арнольд (1802-1880) — немецкий публицист, левый гегельянец, после 1866 г. — национал-либерал.

с.208**. «Deutsch-franzosische Jahrbucher» — «Немецко-французский ежегодник» — издавался в Париже под редакцией Маркса и Руге. Единственный номер вышел в свет феврале 1844 г.

с.208***. Штейн Лоренц (1808-1874) — немецкий юрист, государствовед, автор книги «Der Socialismus und Kommunismus des heuten Frankreichs» — «Социализм и коммунизм современной Франции» (Лейпциг, 1842).

с.208****. Энгельс Фридрих (1820-1895) — один из основоположников научного социализма, сподвижник Маркса. Известен своими работами, направленными на обоснование принципиального отличия марксизма от других видов социалистических учений («Анти-Дюринг», «Развитие социализма от утопии к науке»). После смерти Маркса подготовил к печати и издал II и III тома «Капитала».

с.208*****. «Die Lage der arbeittenden Klasse in England» (нем.) — «Положение рабочего класса в Англии» — одна из

наиболее крупных работ молодого Энгельса, написана им в сентябре 1844 — марте 1845 гг. Русск. пер. см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.2, с.231-517. М., 1955.

с.209*. Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787-1874) — французский историк и государственный деятель, с 1840 по 1848 гг. фактически руководил внутренней и внешней политикой Франции, в 1847-48 гг. официальный глава правительства. Один из создателей теории классовой борьбы.

с.209**. «Vorwarts» (нем.) — «Вперед» — немецкая газета, выходившая в Париже с января по декабрь 1844 г.

с.209***. «Одного тайного политического общества» — имеется в виду «Союз справедливых» — тайная международная организация немецких политических эмигрантов, существовавшая в 1836-47 гг. В 1847 г. Маркс и Энгельс добились его преобразования в «Союз коммунистов».

с.211*. «New Jork Tribune» (англ.) — «Нью-йоркская ежедневная трибуна» — американская газета, выходившая с 1841 по 1924 гг. С 1851 по 1862 гг. с этой газетой активно сотрудничал Маркс.

с.211**. «Le 18 Brumaire de Lois Bonaparte» (франц.) — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» — работа Маркса, написанная им в 1951-52 гг., и впервые опубликованная в 1852 г. Русс. пер. см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.8, с.115-217. М., 1957.

с.211***. «Zur Kritik der Politichen Ekonomie» (нем.) — «Критика политической экономии» — работа Маркса, подготовленная им на основании его экономических рукописей 1857-1858 гг. и впервые изданная в 1859 г. Русс. пер. см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.13, с.1-167. М., 1959.

с.211****. «Международное товарищество рабочих» — официальное название I Интернационала. Основано в 1864 г., официально самораспущено в 1876 г.

с.212*. Бакунин Михаил Александрович (1814-1876) — русский революционер, основатель одного из направлений анархизма. Один из организаторов «Международного товарищества рабочих». Считал недопустимым даже временно существование государства после победы социалистической революции.

с.212**. См. Туган-Барановский М.И. Теоретические основы марксизма. М., 1918.

с.241*. Каутский Карл (1854-1938) — один из лидеров и теоретиков немецкой социал-демократии и II Интернационала. Туган-Барановский имеет в виду его книгу «Бер-

нштейн и социал-демократическая программа» (1899, рус.пер. 1096).

с.242*. Мальтус Томас Роберт «1766-1834) — английский экономист, основоположник одного из направлений в социологии. Утверждал, что безработица и в целом бедственное положение рабочего класса при капитализме есть результат «абсолютного избытка людей», действия «естественного закона народонаселения».

с.243*. Вебб Сидней (1859-1947) — английский экономист, совместно со своей супругой Беатрисой (1858-1943) занимался исследованиями истории рабочего движения, являлся видным теоретиком юнионизма. Один из организаторов «Фабианского общества». Входил в лейбористское правительство 1924 и 1929-31 гг.

с.248*. «Die Entwickelung des Socialismus von der Utopie zur Wissenschaft» — «Развитие социализма от утопии к науке» — работа Энгельса, написанная и опубликованная им в 1880 г. Работа представляет собой три переработанные главы из «Анти-Дюринга». Русс. пер. см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.22, с.294-320.

с.248**. «Нищета философии» — работа Маркса, написанная и опубликованная в 1847 г. Посвящена критике экономико-философских взглядов Прудона. Предисловие к этой работе написал Энгельс для ее немецкого издания 1885 г. Русс. пер. см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.4, с.65-185.

с.249*. Штаммлер Рудольф (1956-1938) — немецкий теоретик права, сторонник марбургской школы неокантианства. Утверждал первичность права по отношению к экономике и государству.

Социализм как положительное учение

Работа «Социализм как положительное учение» написана М.И.Туган-Барановским в период между февральской и октябрьской революциями 1917 г. и явилась своеобразным итогом, подводящим черту многолетним исканиям автора в области создания позитивной программы социализма. Единственное издание этой работы, по тексту которого она печатается в настоящем сборнике, вышло в 1918 г (Пг.).

с.258*. Платон (427-347 до н.э.) — великий древнегреческий философ, родоначальник объективного идеализма.

«Политея» — русская транскрипция греческого названия основного социально-политического произведения Платона «Государство» (русс.пер.см. Платон, собр.соч., т.3, с.79-420, М., 1994), в котором представлена его концепция идеального общественного устройства, основанного на полном подчинении человека общественному целому, упразднении частной собственности, института брака и проч. Многие исследователи рассматривали «Государство» Платона в качестве первого в мире учения о социализме.

с.260*. Державин Гаврила Романович (1743-1816) — русский поэт, представитель классицизма, автор торжественных од «Фелица» (1982), «Бог» (1784), лирических стихов.

с.260**. Карамзин Николай Михайлович (1766-1826) — русский писатель, историк, почетный член Петербургской Академии наук. Основоположник русского сентиментализма. Основное сочинение — «История государства Российского» (тт.1-12, 1816-1829), знаменовавшее начало нового этапа в русской исторической науке.

с.260***. Пушкин Александр Сергеевич (1799-1837) — великий русский писатель и поэт, родоначальник новой русской литературы, один из создателей русского литературного языка. Пушкин впервые поставил многие основные проблемы русской литературы 19 в.

с.266*. Леру Пьер (1797-1871) — французский философ, один из основателей христианского социализма, последователь Сен-Симона. Основным условием социального преобразования считал моральное изменение человека.

с.266**. Томпсон Уильям (1785-1833) — ирландский социолог и экономист, социалист-утопист, последователь Р.Оуэна. Придерживаясь теории трудовой стоимости Д.Рикардо, выступал с резкой критикой капитализма. Считал, что процесс перехода «общественного капитала» в руки рабочих может быть осуществлен без ликвидации частной собственности.

с.266***. Морелли — представитель французского утопического социализма и коммунизма 18 в. Достоверных биографических данных о нем не сохранилось. Основное сочинение «Кодекс природы или Истинный дух ее законов» (1755, русск.пер. 1921).

Мабли Габриэль Бонно (1709-1985) — представитель французского утопического социализма и коммунизма. Придерживался теории общественного договора и естественного права. Был сторонником аскетизма.

Бабеф Гракх (настоящее имя Франсуа Ноэль) (1760-1797) — французский коммунист-утопист. В период Великой французской революции отстаивал интересы неимущих классов. Организатор заговора против Директории. Казнен.

Фурье Шарль (1772-1837) — один из виднейших представителей французского утопического социализма. Считал, что в будущем обществе труд превратится в высшее наслаждение для человека. См. очерк Туган-Барановского «Фурье» (наст. изд. с.136).

Кабе Этьен (1788-1856) — французский публицист, идеолог утопического коммунизма. Социально-философский роман «Путешествие в Икарию» (1840) изображает устройство коммунистического общества. Предпринял попытку создания колонии икарийцев в Америке.

с.266****. Соловьев Владимир Сергеевич (1853-1900) — русский религиозный философ, публицист. В учении Соловьева об универсуме как «всеединстве» христианский платонизм переплетается с идеями новоевропейского идеализма. Проповедовал идеал всемирной православной теократии. Оказал большое влияние на русский идеализм и символизм.

с.269*. Клопшток Фридрих Готлиб (1724-1803) — немецкий поэт Просвещения. Автор религиозно-эпических поэм и драм на библейские сюжеты.

с.276*. Имеется в виду работа Каутского «Аграрный вопрос», изданная на русском языке в Санкт-Петербурге в 1900 г.

с.276**. Беллами Эдуард (1850-1898) — американский писатель. Мировую известность ему принес утопический роман «Взгляд в прошлое» (1888, русск.пер. «В 2000 году», 1889), где описывается социалистическое общество будущего как строй всеобщего равенства. В США роман способствовал возникновению «клубов Беллами», стремившихся воплотить планы писателя в жизнь.

с.297*. Менгер Антон (1841-1906) — австрийский юрист, социолог, в 1871-1899 гг. профессор Венского университета. Автор ряда работ по истории социалистических учений.

с.300*. Мор Томас (1478-1535) — английский гуманист, государственный деятель и писатель, автор романа «Утопия», впоследствии давшего название утопическому социализму. Будучи католиком, отказался дать присягу королю как главе англиканской церкви и был казнен. Канонизиро-

ван католической церковью в 1935 г.

с.332*. Годвин Уильям (1756-1836) — английский писатель и публицист, один из родоначальников анархизма. Оказал влияние на Р. Оуэна.

с.337*. Толстой Лев Николаевич (1828-1910) — граф, русский писатель, почетный академик Петербургской Академии наук, автор фундаментальных произведений, таких как «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресенье» и т.д. Автор ряда философско-религиозных, эстетических работ — «Исповедь», «В чем моя вера», «Крейцерова соната». Проповедовал идеи создания на месте помещичьего землевладения общежития свободных и равноправных крестьян. Считая всякую власть злом, Толстой пришел к безусловному отрицанию государства.

с.337**. Кропоткин Петр Александрович (1842-1921) — князь, русский революционер, теоретик анархизма, географ и геолог, автор трудов по этике, социологии, истории Великой французской революции.

с.390*. Менгер Карл (1840-1921) — австрийский экономист, основатель австрийской школы в экономической науке, один из основоположников теории предельной полезности. Туган-Барановский в данном случае использует известную схему К.Менгера, позволяющую установить зависимость между потребностями человека и запасом хозяйственных благ для их удовлетворения. Подробнее эту схему Туган-Барановский рассматривает в книге «Основы политической экономии» (СПб., 1915, с.48-49).

с.394*. Бюхер Карл (1647-1930) — немецкий экономист, статистик, представитель новой исторической школы. Его работы содержат обширный фактический материал по численности населения средневековых городов, организации ремесел и т.д.

с.399*. Более подробно нетоварную природу бумажных денег Туган-Барановский рассматривает в работах «Основы политической экономии» (СПб., 1905) и «Бумажные деньги и металл» (Одесса, 1919).

с.413*. «Система Тейлора» — названа по имени ее основателя — американского инженера и предпринимателя Ф.У.Тейлора (1856-1915). Базируется на глубоком разделении труда и рационализации трудовых движений рабочего.

с.416*. Ломоносов Михаил Васильевич (1711-1765) — первый русский ученый-естествоиспытатель мирового значения, поэт, заложивший основы современного русского

литературного языка, художник, историк. Родился в селе Денисовка, недалеко от села Холмогоры архангельской губернии.

с.430*. Леонардо да Винчи (1452-1519) — итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер, создал образ человека, отвечающего гуманистическим идеалам Возрождения.

с.430**. Гальтон (Голтон) Френсис (1822-1911) — английский антрополог, психолог и социолог. Один из создателей евгеники, биометрии, дифференциальной психологии и метода тестов.

с.432*. Моррис Уильям (1834-1896) — английский художник, писатель, теоретик искусства, социолог-утопист, автор утопического романа «Вести ниоткуда, или Эпоха счастья» (1891).

с.433*. Рескин (Раскин) Джон (1819-1900) — английский писатель, теоретик искусства, выдвинул призыв возрождения творческого средневекового ремесла.

с.437*. Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866-1941) — русский писатель, один из зачинателей русского декаденства. Романы проникнуты религиозно-мистическими идеями. В 1920 г. эмигрировал из России. Оказал большое влияние на русскую философскую мысль.

Указатель имен

А

Анфантен 127, 128, 129, 130, 131, 282, 284, 285
Аркрайт 176

Б

Бабеф 266
Базар 127, 128, 129, 131, 132, 134, 282, 284, 285
Бакунин 212
Бастиа 162
Бауэр 204, 209
Белинский 58
Беллами 276, 279, 282, 300, 301, 302, 303
Бентам 91, 266
Бернштейн 82, 241
Блан 128, 129, 140, 142, 266, 309, 330, 331, 332, 333
Боборыкин 64
Бриссо 171
Булгаков 59, 60
Булгарин 49
Бюхер 52, 394

В

Воронцов 74

Г

Гальтон 430
Гегель 204, 206
Герцен 48, 49, 50, 51, 54, 56, 58, 63, 68
Гершензон 62
Гизо 209
Годвин 332, 334, 337
Голайок 97
Греч 49
Гутенберг 176

Д

Д'Аламбер 110
Данте 202
Державин 260
Достоевский 19, 20, 21, 23, 24, 25, 30, 31, 34, 35, 37, 39, 264
Дюринг 85, 137

Ж

Жаккард 176
Жорес 66
Жоффруа 176

З

Зомбарт 80, 81, 82

К

Кабэ 266, 277, 304, 305, 306, 307, 308
Кант 20, 21, 25, 30, 76, 77, 78, 79, 264, 265, 269, 270, 272, 273, 274
Карамзин 260
Карл Великий 109, 111, 115, 116, 117
Каутский 65, 67, 76, 81, 241, 242, 243, 246, 247
Кенэ 108
Кеплер 26
Кирхман 182
Клопшток 269
Консидеран 140
Кропоткин 332, 337, 338, 339, 340

Л

Лавров 64
Лассаль 182, 183, 309, 311
Лафарг 66, 67
Леонардо да Винчи 430
Леру 266
Либкнехт 203
Локк 168

Ломоносов 416
Лоу 180
Луи-Филипп 140, 166

М

Мабли 266
Мальтус 178, 242
Маркс 62, 69, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 81, 85, 118, 123, 155, 163, 164, 171, 178, 179, 181, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 215, 216, 217, 219, 222, 224, 226, 227, 228, 229, 231, 235, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 245, 246, 247, 248, 249, 253, 254, 270, 295, 297, 345, 388, 389, 399, 419
Менгер Антон 297
Менгер Карл 390
Мережковский 437
Мор 300, 304, 305, 430
Морелли 266
Моррис 432, 433

Н

Наполеон 116, 117
Николай I 41, 42, 43, 44, 46
Ницше 20, 50, 324
Ньютон 26

О

Огарев 56
Оуэн 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 109, 126, 140, 152, 161, 162, 167, 171, 179, 201, 213, 236, 266, 313, 314, 315, 316, 317, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 356, 385, 395, 398

П

Пекер 279, 282, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 297, 302, 303
Пестель 55

Писарев 64
Платон 258, 259, 261, 262, 263, 264, 270, 271, 272, 304, 305, 364
Прудон 163, 165, 166, 167, 168, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 177, 178, 179, 180, 201, 208, 209, 210, 332, 334, 335, 336, 337, 340
Пушкин 260

Р

Рескин 433
Рикардо 88, 181, 188, 189, 190, 213, 242
Родбертус 163, 171, 181, 182, 183, 184, 186, 187, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 211, 268, 270, 282, 294, 295, 297
Руге 208
Руссо 168

С

Сен-Симон 86, 87, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 131, 135, 137, 138, 161, 162, 163, 167, 201, 202, 203, 270, 273, 282, 286
Смит 108, 109, 174, 268
Соловьев 266, 427, 428
Сперанский 41
Сталь 112
Струве 59, 60, 61, 62, 63, 68, 69, 70
Сэй 108, 109

Т

Толстой 337
Томпсон 266, 313, 316, 317
Тьер 168
Тьери 117
Тюрго 108

У

Уатт 176

Ф

Фейербах 206, 207
Форлендер 76, 77, 78, 79
Франк 59
Фурье 86, 87, 109, 126, 136, 137, 138, 139, 140, 142, 143, 144, 146, 147, 148, 151, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 167, 201, 203, 227, 266, 313, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 330, 331, 356, 375, 377, 380, 381, 394, 395, 417, 428, 437

Ч

Чернышевский 48, 49, 51

Ш

Штаммлер 249, 251
Штейн 208
Шульце-Делич 183, 311

Э

Энгельс 85, 206, 208, 209, 211, 226, 238, 248, 249, 259, 261
Эпикур 204

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

ЭТИКА И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Три великих этических проблемы 19
Почему пало крепостное право 40
Герцен и Чернышевский 48
Русская интеллигенция и социализм 52
Марксизм и народничество 73
Кант и Маркс 76
Книга Зомбарта о социализме 80

УТОПИЧЕСКИЙ И КРИТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Утопический социализм 85
  Оуэн 88
  Сен-Симон и сен-симонисты 108
  Фурье 136
Критический социализм 162
  I. Прудон 165
  II. Родбертус 181
  III. Маркс 201

СОЦИАЛИЗМ КАК ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ УЧЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 257
Глава I. Сущность и внутренняя природа социализма. 258
ГЛАВА II. Классификация различных систем социалистического строя. 275
ГЛАВА III. Государственный социализм (коллективизм). 282
ГЛАВА IV. Государственный коммунизм. 304
ГЛАВА V. Синдикальный социализм. 309
ГЛАВА VI. Коммунальный коммунизм и социализм 313
ГЛАВА VII Анархический коммунизм и социализм 332
ГЛАВА VIII. Социалистический строй будущего. 342
ГЛАВА IX. Ценность, стоимость, цена и деньги при социализме ... 388
ГЛАВА X. Социалистический строй, как хозяйственная система высшей производительности. 406
ГЛАВА XI. Социализм и духовная культура. 427

БИБЛИОГРАФИЯ 438
ПРИМЕЧАНИЯ 496
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 519

Серия "Научная философия"

М.И.Туган-Барановский
К лучшему будущему
Сборник социально-философских произведений

Художественное оформление - А.Сорокин

ЛР № 030457 от 14.12.1992. Подписано в печать
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ. л. 33. Тираж 2500.
Издательство "Российская политическая энциклопедия"
(РОССПЭН)
129256, Москва, ул. В.Пика, д.4, корп.1. Тел. 181-00-13.
Факс. 181-0113

Отпечатано с готового оригинал-макета в Московской типографии № 2 РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ № 3840

В 1995 г. в серии "Научная философия" вышла в свет книга:

Петров М.К. **Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность.**

Проблему взаимоотношения искусства и науки М.К.Петров (1924-1987) рассматривает через анализ творчества и репродукции понятий канона и закона. В книге помещены комментарии к ней Э.В.Ильенкова, которые позволяют осмыслить диалогичность философского процесса 60-70-х гг., понять, как воспринимались оригинальные идеи М.К.Петрова далеко не официальными философами того времени. Книга рассчитана на философов, социологов, культурологов.

В 1996 г. в серии "Научная философия" выйдут в свет следующие книги:

Лопатин Л.М. **Аксиомы философии** (Избранные статьи).

В сборник включены основополагающие статьи известного русского философа-спиритуалиста и психолога Л.М.Лопатина (1855-1920). Книга дает полное представление о разных периодах творчества философа и его теоретических интересах. Издание сопровождается примечаниями историко-биографического характера, предисловием, перечнем основных сочинений Лопатина и указателем имен. Рассчитана на историков философии и всех интересующихся отечественной культурой.

Твардовский К. **Логико-философские и психологические исследования.**

Сборник работ основоположника Львовско-Варшавской философской школы К.Твардовского включает в себя прежде не известные российской научной общественности статьи логико-философского и психологического характера, изданные ранее на других европейских языках. Публикуются, в частности, следующие работы: К учению о содержании и предмете представлений; О действиях и результатах; Несколько замечаний о пограничных проблемах психологии, грамматики и логики; Ф.Брентано и история философии. Издание адресовано специалистам по философии, психологии и логике.

Смирнова Е.Д. **Логика и философия.**

В книге на основании достижений современной логики исследуются философские проблемы онтологии и теории познания. Рассматривается роль логики в обосновании теоретического знания. Исследуются концепции Д.Гильберта и И.Канта.

В издательстве "РОССПЭН" имеются в наличии книги:

ВЛАСТЬ И ОППОЗИЦИЯ. Российский политический процесс XX столетия. - М.,1995, - 400 с.

Пайпс Р. Русская революция. - М., 1994. В 2-х тт. Т.1. - 398 с., Т.2. - 584 с.

Программы политических партий России. Конец XIX-начало XX вв. - М., 1995. - 464 с.

Зевелев А., Павлов Ю. Расколотая власть. - М., 1995. -120 с.

Семиряга М.И. Как мы управляли Германией - М., 1995. - 400 с.

Хибберт К. Бенито Муссолини. Биография. - М., 1996. - 416 с.

Планируются к выходу в 1996 году:

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ (конец XIX - первая треть XX вв.). Энциклопедия. Объем - 140 п.л.

Энциклопедия подготовлена в рамках исследовательского проекта Ассоциации РОССПЭН, в ходе которого впервые в таком объеме предпринят опыт комплексного изучения многопартийной политической системы досоветской России, включая национальные регионы. Издание подготовлено на основе архивных изысканий. Хронологические рамки издания охватывают период с момента возникновения партий до момента прекращения их активной деятельности в советской России. В энциклопедию входят статьи трех типов: а) очерки истории партий; б) персоналии; в) статьи о печатных изданиях партий. Статьи сопровождаются справочным аппаратом и иллюстрациями. В приложении - перечень политических партий, действовавших в России в указанный период, а также списки членов их руководящих органов.

РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ. Золотая книга эмиграции. Энциклопедический биографический словарь.

Объем - 100 п.л.

Данное издание не имеет аналогов ни в российской, ни в зарубежной историографии. Оно включает в себя биографические статьи более, чем о 400 выдающихся деятелях отечественной науки, культуры, общественного движения, вынужденных эмигрировать из России, начиная с 1917 года. Книга проиллюстрирована неизвестными широкой публике фотопортретами персонажей.

КСЕНОФОНТОВ И.Н. Вымысел и правда о священнике Георгии Гапоне. Объем - 15 п.л.

РОЗЕНТАЛЬ И.С. Провокатор Роман Малиновский: судьба и время. Объем - 15 п.л.

СОРОКИН К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. Объем - 10 п.л.

КНИГИ ПО ИСТОРИИ,
а также:

научную, научно-популярную, энциклопедическую и учебную литературу по гуманитарным наукам издательства "РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ" (РОССПЭН) Вы можете приобрести по ценам издательства в книжных магазинах РОССПЭН.

г. Москва
Розничная торговля:
- *м.Академическая*, ул. Дмитрия Ульянова,19
тел.: 126-94-18.
- *м.Ботанический сад*, ул.В.Пика,4, корп 1, комн. 216.
тел.: 181-00-13.

Мелкооптовая и оптовая торговля:
м.Ботанический сад, ул.В.Пика,4, корп 1, комн. 216.
тел.: 181-00-13, 181-01-13, 181-04-13.
Мелкооптовая и оптовая торговля осуществляется по гибкой системе скидок.

Наши книги Вы можете приобрести и в других магазинах с торговой наценкой, в том числе:
г.Москва:
"Библио Глобус". *м.Лубянка*. ул.Мясницкая,6.
Тел. 925-24-57.
"19 октября". *м.Полянка*. 1-й Казачий пер.,8.
Тел. 238-64-89.
"Эйдос". *м.Кропоткинская*. Чистый пер.,6.
Тел. 201-26-08.

г.Санкт-Петербург:
"Петербургский дом книги". Невский пр.,28.
Тел. (812) 312-01-84.
"Пятая коллегия". Университетская наб.,7/9.
Тел. (812) 218-96-91.

г.Владимир:
"Былина". ул. III Интернационала,44.
Тел. (09222) 2-31-59.

г.Жуковский:
"Дом книги". ул.Фрунзе,22.
Тел. (095) 556-99-26.